БИБЛІОТЕКИ
Историко-Литературныхъ и
Юридическихъ В.Ж. Курсовъ
Н. П. РАЕВА.

2312

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ CCCXXXV.

1901.

МАЙ.

Пед. Ин-тъ им. Герцена
Журнальный
фонд
51471

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Наб. Фонтанки, 95.
1901.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя члена государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Ванновскаго.

Петръ Семеновичъ. Правильное устройство народнаго образованія составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ Русскихъ Государей, твердо, но постепенно стремившихся къ его усовершенію въ соотвѣтствіи съ основными началами русской жизни и потребностями времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ указалъ однако на столь существенные недостатки нашего учебнаго строя, что Я признаю благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію.

Высоко цѣня вашу государственную опытность и просвѣщенный умъ, Я избралъ васъ въ сотрудники Себѣ въ дѣлѣ обновленія и устроительства русской школы и, призывая васъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія, твердо увѣренъ, что вы строго и неуклонно будете идти къ намѣченной Мною цѣли и въ дѣло воспитанія русскаго юношества внесете умудренный опытомъ разумъ и сердечное о немъ попеченіе.

Да благословитъ Господь Наши труды; да помогутъ Намъ въ нихъ родители и семьи, ближайшимъ образомъ обязанные пещись о своихъ дѣтяхъ, и тогда скоро наступитъ время, когда Я и со Мною весь народъ будемъ съ гордостью и утѣшеніемъ видѣть въ молодомъ по-

колѣніи твердую и вѣрную надежду Отечества и стойкую опору его въ будущемъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Искренно уважающій Васъ

НИКОЛАЙ“.

Царское Село.
25-го марта 1901 года.

II. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Правительствующему Сенату.

24-го марта 1901 года. „Нашему генералъ-адъютанту, члену государственнаго совѣта, генералу-отъ-инфантеріи *Ванновскому*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и членомъ государственнаго совѣта“.

1-го апрѣля 1901 года. „Начальнику главнаго тюремнаго управленія, сенатору, тайному совѣтнику *Мѣщанинову*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ сенаторомъ“.

Государственному Совѣту.

1-го апрѣля 1901 года. „Попечителю Кавказскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику *Яновскому*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ государственнаго совѣта“.

III. ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, почетному опекуну, члену совѣта министра народнаго просвѣщенія Ивану Корнилову.

Въ справедливомъ вниманіи къ долголѣтнему, отлично-усердному служенію вашему Престолу и Отечеству и въ изъявленіе признательности Нашей за ваши ревностные труды по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего *святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени*, знаки коего, при семъ препровождая,

повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*".

Въ С.-Петербургѣ.
1-го апрѣля 1901 года.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (27-го декабря 1900 года). *О предоставленіи Ярославскому губернскому земству права избирать почетнаго попечителя при Ярославской гимназіи и имѣть въ ней 20 безплатныхъ вакансій для земскихъ стипендіатовъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 17-й день декабря 1900 г., Высочайше соизволилъ на предоставленіе Ярославскому губернскому земству права избирать почетнаго попечителя при Ярославской гимназіи и имѣть въ ней 20 безплатныхъ вакансій для земскихъ стипендіатовъ.

(*Собр. узакон. и расп. Правит.*, 10-го апрѣля 1901 г., № 34, ст. 657).

2. (27-го декабря 1900 года). *О принятіи Жиздринскаго городского училища подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день декабря 1900 г., Высочайше соизволилъ на принятіе Жиздринскаго городского училища съ дополнительными классами по садоводству и огородничеству подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича, съ наименованіемъ сего училища „Михайловскимъ".

(Тамъ же, ст. 658).

3. (7-го января 1901 года). *Объ установленіи форменной одежды для студентовъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II.*

Представивъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе рисунки знака на околышѣ фуражки и наплечниковъ на

форменной одеждѣ для студентовъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Всемилостивѣйшее Его Величества соизволеніе на введеніе установленной для студентовъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія форменной одежды и для студентовъ названнаго института.

Государь Императоръ, въ 7-й день января 1901 г., на сіе Высочайше соизволилъ.

(*Собран. узакон. и расп. Правит.*, 13-го марта 1901 г., № 26, ст. 539).

4. (30-го января 1901 года). *О преобразованіи Семипалатинской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассный составъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли государственнаго совѣта, о преобразованіи Семипалатинской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, о преобразованіи Семипалатинской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассный составъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1901 г., Семипалатинскую мужскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе вновь открываемыхъ классовъ означенной въ отд. I прогимназіи: въ 1901 г. *одну тысячу семьсотъ сорокъ пять* руб., въ 1902 г.—*четыре тысячи шестьсотъ двѣнадцать* руб. *пятьдесятъ* коп. и съ 1903 г.—по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти* рублей, показывая по доходной смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ отъ Семипалатинскаго городского общества въ 1901 г. *двѣсти шестьдесятъ пять* руб. и съ 1902 г. по *пятисотъ тридцати* рублей ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

(Тамъ же, ст. 524).

5. (12-го февраля 1901 года). *О дополненіи штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о дополненіи штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополненіи штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Высочайше утвержденный, 1-го іюня 1895 г., штатъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института (собр. узак., ст. 904) дополнить: 1) учрежденіемъ тринадцати должностей ассистентовъ при клиникахъ, съ присвоеніемъ имъ VIII класса по должности, VII разряда по шитью на мундирѣ и оклада содержанія по 1.200 рублей въ годъ, и шести должностей помощниковъ прозекторовъ, съ присвоеніемъ имъ VIII класса по должности, VIII разряда по шитью на мундирѣ и оклада содержанія по 500 рублей въ годъ, и 2) увеличеніемъ числа прозекторовъ до шести и числа лаборантовъ до четырнадцати.

II. Вызываемый указанными мѣрами (отд. I) расходъ отнести на спеціальныя средства института.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(*Собран. узакон. и расп. Правит.*, 30-го марта 1901 г., № 31, ст. 626).

6. (12-го февраля 1901 года). *О кредитѣ на увеличеніе окладовъ содержанія личнаго состава женскихъ гимназій, ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о кредитѣ на увеличеніе окладовъ содержанія личнаго состава женскихъ гимназій, ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на увеличеніе окладовъ содержанія личнаго состава женскихъ гимназій, ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Дѣйствіе Высочайше утвержденнаго, 1-го марта 1899 года, мнѣнія государственнаго совѣта, о присвоеніи служащимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Приамурскаго края полуторныхъ окладовъ содержанія (собр. узак. 1899 г., ст. 687) распространить съ 1-го января 1901 года на ремесленныя и городскія, по положенію 1872 г., училища и на женскія гимназіи Приамурскаго края.

II. На осуществленіе мѣры, изложенной въ отд. I, отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1901 г.: 1) *четырнадцать тысячъ семьсотъ сорокъ семь* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ дополненіе къ кредитамъ, ассигнуемымъ нынѣ на содержаніе ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края, и 2) *восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ* рублей, въ дополненіе къ пособіямъ, производимымъ изъ средствъ казны на содержаніе Владивостокской, Хабаровской, Благовѣщенской, Читинской и Троицкосавской женскихъ гимназій, по 1.650 руб. на каждую гимназію.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Тамъ же, 3-го апрѣля 1901, № 32, ст. 634).

V. ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА.

Награждается орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени, членъ археографической коммисіи, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ русской исторіи, надворный совѣтникъ Николай *Лихачевъ*.

VI. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(12-го марта 1901 года № 15). *Производятся*, за выслугу лѣтъ: со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* по

Московскому учебному округу: старшій помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Корнѣевъ* — съ 16-го ноября 1898 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губ. *Чистяковъ* — съ 1-го октября 1900 г.; прозекторы Императорскаго Московскаго университета: при каѳедрѣ нормальной анатоміи, *Алтуховъ*—съ 31-го октября 1899 г. и при каѳедрѣ патологической анатоміи *Кишенскій*—съ 8-го октября 1898 г.; воспитатель при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II *Дементьевъ*—съ 1-го августа 1900 г.; учителя: Коломенской гимназіи *Стельмаховичъ* и *Любимовъ*, Рославльской мужской прогимназіи, *Рапчинскій*, всѣ трое—съ 1-го августа 1900 г., Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища, *Надежинъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; преподаватель Комисаровскаго техническаго училища, *Кульчицкій*—съ 1-го августа 1900 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Бахмутской, *Степановъ*—съ 15-го іюня 1900 г., Императора Александра III въ Болградѣ, *Виренъ*—съ 13-го сентября 1900 г., Одесской 3-й, *Флеровъ*—съ 11-го іюня 1900 г., Херсонской, *Щегловъ* — съ 13-го сентября 1900 г. и Вознесенской прогимназіи, *Павловъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* по Московскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Тверской губерніи *Назаръевскій*—съ 9-го января 1899 г; Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты: при клиникахъ: дѣтскихъ болѣзней, *Остроградскій* — съ 24-го января 1900 г., и акушерской, *Побѣдинскій* — съ 22-го марта 1900 г., помощники прозектора: при каѳедрѣ анатоміи, *Карузинъ*—съ 31-го мая 1900 г. и при институтѣ судебной медицины (штатный) *Покровскій*—съ 11-го декабря 1899 г., лаборанты: при технической лабораторіи, штатный, *Орловъ*—съ 1-го декабря 1899 г., при фармацевтическомъ кабинетѣ съ лабораторіею, сверхштатный, *Мильковскій* — съ 26-го ноября 1899 г. и въ органической лабораторіи, *Поляковъ*—съ 23-го сентября 1900 г.; учителя: гимназій: Московской 3-й, *Языковъ* и Московской 4-й, *Поперэкъ*, оба — съ 1-го сентября 1900 г., Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, *Богодаровъ* — съ 1-го октября 1900 г., средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, *Хмельницкій*—съ 1-го февраля 1900 г.; преподаватель ручнаго труда въ Московскомъ учительскомъ институтѣ *Касаткинъ*—съ 1-го августа 1900 г.; наставникъ Новинской учительской семинаріи *Бѣлюстинъ*—съ 30-го сентября 1900 г.; учителя: частныхъ женскихъ гимназій въ Москвѣ: С. А. Арсеньевой, *Соловьевъ* — съ

14-го декабря 1900 г., З. Д. Перепелкиной, *Каллашъ* — съ 15-го ноября 1900 г., Макарьевскаго ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, *Тарбѣевъ*—съ 8-го января 1900 г.; по Одесскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи *Павленко* — съ 1-го января 1897 г.; учителя: Симферопольской гимназіи, *Опницкій*—съ 1-го апрѣля 1900 г., Николаевской Маріинской женской гимназіи, *Воскобойниковъ* — съ 20-го декабря 1899 г., Николаевской 2-й женской гимназіи, *Евстратовъ*—съ 15-го октября 1900 г., реальныхъ училищъ: Николаевскаго, *Терещенко*—съ 1-го августа 1900 г. и Одесскаго св. Павла (сверхштатный) *Бишелли*—съ 10-го октября 1900 г.; врачъ Севастопольскаго еврейскаго одноклассного начальнаго училища *Гинсбургъ* — съ 9-го ноября 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* по Московскому учебному округу: ассистенты Императорскаго Московскаго университета: при глазной клиникѣ, *Головинъ* — съ 20-го августа 1899 г. и при госпитальной хирургической клиникѣ, *Зыковъ* — съ 30-го декабря 1899 г., сверхштатные: при факультетской терапевтической клиникѣ, *Лавровскій*—съ 10-го мая 1900 г., нейрологическомъ музеѣ имени А. Кожевникова, *Прибытковъ*—съ 3-го августа 1899 г., при амбулаторіи имени В. А. Алексѣевой, *Комаровъ*—съ 16-го марта 1900 г., при психіатрической клиникѣ, *Сухановъ*—съ 10-го декабря 1899 г., при гинекологической клиникѣ, *Благоволинъ*—съ 20-го января 1900 г., при хирургическомъ клиническомъ отдѣленіи, находящемся въ Императорской Екатерининской больницѣ, *Мартыновъ*—съ 28-го апрѣля 1900 г., при андрологической клиникѣ, *Вагаповъ*—съ 21-го мая 1900 г., при пропедевтической клиникѣ, *Предтеченскій* — съ 4-го мая 1900 г.; сверхштатный лаборантъ при паталого-анатомическомъ институтѣ *Шамшинъ* — съ 28-го ноября 1899 г. и сверхштатный ассистентъ при терапевтическомъ отдѣленіи клиникъ, находящемся въ Императорской Екатерининской больницѣ, *Поляковъ*—съ 23-го ноября 1899 г.; воспитатели: Калужскаго дворянскаго Имени Императора Александра II пансіонъ-пріюта, *Савельевъ*—съ 27-го мая 1899 г. и пансіона при Московской 4-й гимназіи, *Мощанскій* — съ 10-го ноября 1899 г.; учителя: Рязанской прогимназіи, *Булатовъ*—съ 4-го января 1900 г., реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ, *Триллингъ* — съ 23-го сентября 1898 г., Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Шейманъ* — съ 1-го августа 1899 г., учитель-инспекторъ Жиздринскаго городского училища *Крюковъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; учитель-инспекторъ Ба-

лахнинскаго трехкласснаго городского училища *Ильинъ*—съ 5-го сентября 1900 г.; инспекторъ школы ремесленныхъ учениковъ княгини Тенишевой, при Брянскомъ заводѣ, *Смирновъ* — съ 22-го сентября 1898 г.; врачи: Мценскаго городского училища, *Александровъ* — съ 22-го февраля 1895 г. и частной женской гимназіи, Л. Ѳ. Ржевской, въ Москвѣ, *Миловидовъ*—съ 4-го октября 1899 г.; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Московскаго университета *Щировскій*—съ 15-го января 1900 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій, Костромской, *Веригинъ*—съ 24-го февраля 1900 г.; Рязанской, *Ивановъ*—съ 1-го августа 1900 г. и Рязанской прогимназіи, *Морозовъ*—со 2-го марта 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Нижегородскаго трехкласснаго, имени св. князя Владиміра, *Шихиревъ*—съ 4-го сентября 1899 г., Мценскаго, *Шелапутинъ* — съ 1-го іюля 1900 г., 1-го Смоленскаго, *Городецкій* — съ 1-го августа 1900 г., Рославльскаго, *Козьминъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и Романово-Борисоглѣбскаго, *Благовѣщенскій* — съ 1-го іюля 1900 г.; по Одесскому учебному округу: учитель Херсонской гимназіи *Мироничъ*—съ 15-го октября 1899 г.; учитель-инспекторъ Старо-Крымскаго городского трехкласснаго училища *Мырза* — съ 19-го октября 1900 г.; врачъ Павлоградской гимназіи *Бархашъ*—съ 27-го января 1898 г.; учитель Ананьевской школы ремесленныхъ учениковъ *Калачевъ*—съ 18-го декабря 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* по Московскому учебному округу, Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты при клиникахъ: госпитальной терапевтической, *Кабановъ*—съ 10-го августа 1897 г., факультетской терапевтической, *Серебренниковъ*—съ 3-го октября 1897 г., факультетской хирургической, *Добротворскій*—съ 9-го іюня 1895 г., сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ оперативной хирургіи, *Дешинъ* — съ 15-го мая 1898 г., лаборанты: (штатный) при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Дорошевскій*—съ 19-го января 1900 г., сверхштатные: при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Зерновъ* — съ 19-го ноября 1899 г., при каѳедрѣ сравнительной анатоміи, *Сушкинъ* — съ 14-го октября 1899 г., при гигіеническомъ институтѣ, *Илькевичъ* — съ 27-го февраля 1898 г., ассистенты (сверхштатный) при астрономической обсерваторіи, *Блажко*—съ 11-го января 1900 г., (штатный) при зоологическомъ музеѣ, *Богоявленскій* — съ 23-го сентября 1899 г., секретарь по студенческимъ дѣламъ университета, *Преображенскій* — съ 10-го февраля 1900 г.; учитель Костромскаго реальнаго училища, *Краузъ*—съ 5-го

апрѣля 1900 г.; руководитель работъ Тульскаго ремесленнаго училища *Аристовъ*—съ 7-го апрѣля 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ: гимназій: Калужской, *Глухаревъ*—съ 1-го августа 1900 г. Коломенской, *Шумовъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; Касимовскаго средняго семиклассного техническаго училища, *Стенькинскій*—съ 1-го іюля 1900 г.; учитель завѣдующій общими классами Жиздринскаго городского училища, съ двумя дополнительными классами по садоводству и огородничеству, *Скворцовъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; учителя: городскихъ училищъ: Солодовниковскаго, въ Москвѣ, *Дорманъ* (Иванъ)—съ 24-го августа 1900 г., Сычевскаго, *Васильевъ* — съ 20-го марта 1899 г., Епифанскаго, *Сахаровъ* — съ 1-го іюля 1900 г., Даниловскаго, *Дорманъ* (Николай)—съ 1-го сентября 1900 г., Мышкинскаго, (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Шигинъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Солигаличскаго уѣзднаго училища, *Николаевскій* — съ 12-го октября 1900 г.; по Одесскому учебному округу: врачъ Новобугской учительской семинаріи *Рабиновичъ* — съ 18-го мая 1898 г.; помощникъ библіотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Шестериковъ* — съ 22-го декабря 1898 г.; учитель-инспекторъ Екатеринославскаго 2-го городского трехкласснаго училища *Остерманъ* — съ 15-го ноября 1897 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Злочевскій* — съ 26-го октября 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: шестиклассныхъ: Николаевскаго, *Ключковъ*—съ 1-го августа 1900 г. и Одесскаго имени В. Н. Лигина, *Пановъ*—съ 1-го сентября 1900 г., Славяносербскаго трехкласснаго, *Зиньковскій* — съ 15-го октября 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные лаборанты: при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Крапивинъ*—съ 17-го января 1900 г., при физическомъ кабинетѣ, *Щукаревъ* — съ 21-го февраля 1900 г., сверхштатные ассистенты: при кабинетѣ анатоміи и физіологіи растеній, *Крашенинниковъ*—съ 2-го ноября 1899 г., при зоологическомъ музеѣ, *Щелкановцевъ* — съ 24-го марта 1900 г., помощникъ библіотекаря университета *Страховъ*—съ 17-го августа 1874 г.; письмоводитель и бухгалтеръ общаго управленія промышленныхъ училищъ Костромской губерніи имени Ѳ. В. Чижова *Суворовъ*—съ 21-го марта 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Московской 5-й *Гогель* — съ 15-го марта 1900 г. и Сергіевской, въ Сергіевомъ посадѣ, *Благонравовъ* — съ 1-го октября 1898 г.; реальныхъ училищъ: Калужскаго, *Яшуковъ*—съ 1-го февраля 1900 г., Костромскаго *Полян-*

скій-Жирковичъ — съ 1-го ноября 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Макарьевскаго двухкласснаго, *Гладковъ* — съ 17-го февраля 1898 г., 1-го Московскаго, *Коптевъ* — съ 1-го августа 1898 г., Звенигородскаго, *Афанасьевъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Можайскаго, *Королевъ* — съ 1-го іюля 1897 г., Арзамасскаго четырехкласснаго, *Козыревъ*—съ 15-го октября 1895 г., Рославльскаго, *Николаевъ* — съ 1-го августа 1898 г., Одоевскаго, *Бѣлоруссовъ* — съ 9-го декабря 1898 г. и Рыбинскаго (сверхштатный) *Докукинъ* — съ 1-го сентября 1897 г.; по Одесскому учебному округу, лаборантъ ботаническаго кабинета Императорскаго Новороссійскаго университета *Зеленецкій* — съ 11-го декабря 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Московскому учебному округу, учителя: уѣздныхъ училищъ: Боровскаго, *Кокушкинъ* — съ 1-го августа 1897 г., Ветлужскаго, *Шаровъ* — съ 14-го апрѣля 1898 г., Тезинскаго двухкласснаго, *Мараевъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; помощникъ учителя Дорогобужскаго городского училища *Алмазовъ*—съ 10-го февраля 1899 г.; по Одесскому учебному округу, бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Знаковскій*—съ 1-го февраля 1901 г.; учителя городскихъ училищъ: Александрійскаго четырехкласснаго, *Рашкевичъ*—съ 3-го октября 1898 г. и Екатеринославскаго 1-го трехкласснаго, *Ковтунъ*—съ 26-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Московскому учебному округу: почетный смотритель Мещовскаго городского двухкласснаго училища *Кашкинъ* — съ 19-го декабря 1899 г.; учитель Тробчевскаго приходскаго училища *Понтрягинъ* — съ 1-го января 1900 г.; помощникъ учителя Солодовниковскаго городского училища *Рыкуновъ* — съ 19-го декабря 1898 г. и учитель Благовѣщенскаго, въ Нижнемъ-Новгородѣ, приходскаго училища, *Гаревскихъ* (онъ же Грецковъ) — съ 9-го сентября 1892 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Московскому учебному округу: учителя: городскихъ приходскихъ училищъ: Мосальскаго, *Знаменскій*—съ 25-го октября 1898 г., Панинскаго, *Миньковъ* — съ 5-го января 1896 г., Карачевскаго, *Шестаковъ* — съ 12-го марта 1898 г., Кузнецовскаго сельскаго двухкласснаго приходскаго, *Арбузовъ*—съ 1-го марта 1900 г. и 3-го Елецкаго, *Гринеръ*—съ 1-го іюля 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, по Московскому учебному округу, инспекторъ Костромскаго промышленнаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Зографъ* — съ 29-го сентября 1893 г.; *надворнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу, преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго

училища *Кузнецовъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Иваново-Вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища, *Шаблинскій*—съ 9-го августа 1896 г.; *коллежскаго ассессора*: по Московскому учебному округу: лаборантъ по каѳедрѣ физики Императорскаго Московскаго техническаго училища *Кругъ* — съ 21-го сентября 1900 г.; воспитатель пансіона при Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II *Архангельскій*—съ 5-го августа 1896 г.; учитель Владимирской гимназіи *Шестаковъ*—съ 17-го сентября 1896 г.; воспитатель при пансіонѣ Московской 1-й гимназіи *Стоговъ* — съ 27-го октября 1896 г.; учителя: гимназій: Московской 2-й, *Мейеръ*—съ 13-го апрѣля 1896 г., Московской 5-й, *Трескинъ* — съ 23-го сентября 1896 г., Рязанской: *Биттъ* — съ 2-го августа 1896 г. и *Смирновъ* — съ 20-го октября 1896 г., Петропавловскаго мужскаго училища, въ Москвѣ, *Михайловъ* — съ 1-го августа 1896 г.; воспитатель пансіона при Тульской гимназіи *Лапшинъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учителя: Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, *Самыгинъ* — съ 4-го сентября 1896 г., Смоленскаго Александровскаго реальнаго училища, *Унтиловъ*—съ 1-го іюля 1896 г., Тверскаго реальнаго училища *Мухинъ*—съ 5-го августа 1896 г., частнаго реальнаго училища К. К. Мазинга въ Москвѣ, *Нечаевъ* — съ 1-го августа 1895 г., Кологривскаго низшаго сельскохозяйственно-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, *Гусаровъ* — съ 31-го декабря 1892 г., Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова: *Либерманъ* — съ 19-го августа 1894 г. и *Соболевъ*—съ 27-го августа 1894 г.; бывшій руководитель практическихъ работъ въ мастерскихъ Костромскаго низшаго химико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Орловъ* — съ 1-го іюля 1895 г.; руководитель практическихъ работъ по льнообдѣлочному и маслобойному производству Кологривскаго низшаго сельско-хозяйственнаго техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова *Култашевъ* — съ 1-го февраля 1896 г.; надзиратель Костромскаго средняго механико-техническаго училища имени Ѳ. В. Чижова, *Колесовъ*—съ 7-го ноября 1895 г.; руководитель практическихъ работъ средняго механико-техническаго училища при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, *Яхонтовъ*—съ 9-го іюля 1896 г.; наставники учительскихъ семинарій: Алферовской, *Никольскій* — съ 18-го сентября 1896 г. и Карачевской, *Горовой* — съ 15-го августа 1896 г.; сверхштатный преподаватель Московскаго учительскаго института *Богдановъ* — съ 18-го сентября 1895 г.; учителя частныхъ

женскихъ гимназій, въ Москвѣ: М. Ѳ. Калайдовичъ, *Каринскій* — съ 15-го ноября 1896 г. и Л. Ѳ. Ржевской, *Серегинъ*—съ 7-го октября 1895 г.; по Одесскому учебному округу: учителя гимназій: Кишиневской 1-й, *Смирновъ*—съ 5-го декабря 1896 г., Кишиневской 2-й, *Литинскій* — съ 13-го ноября 1896 г.; врачъ Симферопольской татарской учительской школы *Казасъ* — съ 26-го апрѣля 1896 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу, Императорскаго Московскаго университета: сверхштатные ассистенты: при госпитальной хирургической клиникѣ, *Биттъ*—съ 8-го марта 1896 г., при глазной клиникѣ, *Маклаковъ*— съ 19-го марта 1896 г., при факультетской хирургической клиникѣ, *Алексинскій* — съ 6-го ноября 1895 г., при госпитальномъ хирургическомъ отдѣленіи, находящемся въ Императорской Екатерининской больницѣ, *Ивенсенъ* — съ 12-го іюня 1895 г., при хирургическомъ отдѣленіи той же больницы *Фейденгольдъ*—съ 11-го января 1895 г., всѣ пятеро — по степени лѣкаря; учителя: Макарьевскаго ремесленнаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, *Реформатскій*—съ 13-го сентября 1893 г. и *Агаповъ* — съ 20-го сентября 1895 г., Нижегородскаго Кулибинскаго ремесленнаго училища, *Ивановъ* — съ 1-го мая 1896 г.; по Одесскому учебному округу: врачи при приходскихъ училищахъ: Шабскомъ двухклассномъ, *Шнейдеровъ* — съ 20-го іюля 1896 г., Аккерманскихъ 1-мъ и 2-мъ мужскихъ и 1-мъ женскомъ, *Шапиро* — съ 15-го октября 1896 г., оба—по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Шуховъ* — съ 15-го марта 1895 г. по степени инженеръ-механика; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Каптеревъ* — съ 6-го марта 1900 г. по степени кандидата богословія; Императорскаго Московскаго университета: исправляющій должность штатнаго лаборанта при фармакологическомъ институтѣ, *Кальнингъ* — съ 14-го февраля 1896 г., по степени провизора; сверхштатные: лаборантъ при лабораторіи органической и аналитической химіи, *Шиловъ* — съ 22-го сентября 1899 г., ассистентъ при каѳедрѣ геологіи, *Боголюбовъ* — съ 21-го мая 1899 г., оба — по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета; учитель городского при Московскомъ учительскомъ институтѣ училища *Коротинъ*—съ 15-го августа 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Калужскаго реальнаго училища *Каштелевъ* — съ 1-го сентября 1896 г.; учителя: приготовительнаго класса Костромскаго низ-

шаго химико-техническаго училища, имени Ѳ. В. Чижова, *Дроздовъ*—съ 15-го сентября 1895 г., городскихъ училищъ: Клинскаго, *Знаменскій*—съ 1-го іюля 1896 г., Семеновскаго трехкласснаго, *Мельниковъ*—съ 1-го декабря 1895 г., Нижегородскаго четырехкласснаго, *Захаровъ*—съ 15-го августа 1896 г., Лукояновскаго, двухкласснаго, *Лебедевъ*—съ 29-го іюля 1896 г., Елецкаго, *Кабаковъ*—съ 16-го сентября 1894 г., Осташковскаго, *Субботинъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Новоторжскаго, *Богомоловъ*—съ 15-го августа 1896 г., Весьегонскаго, *Бредковъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Одесскому учебному округу: лаборантъ при геологическомъ кабинетѣ Императорскаго Новороссійскаго университета *Григоровичъ-Березовскій*—съ 24-го февраля 1899 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Ольвіопольскаго трехкласснаго, *Дубовикъ*—съ 1-го августа 1896 г., Аккерманскаго пятикласснаго, *Райчевъ* — съ 1-го августа 1896 г., Павлоградскаго четырехкласснаго, *Узунъ* — съ 8-го октября 1896 г.; *губернскаго секретаря:* по Московскому учебному округу: помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Славскій* и *Смирновъ*, оба — съ 6-го марта 1900 г., изъ нихъ: Славскій, по званію дѣйствительнаго студента и Смирновъ, по диплому 2-й степени Императорскаго университета; учитель приготовительнаго класса Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища *Митюшинъ* — съ 17-го августа 1895 г.; по Одесскому учебному округу: исправляющій должность архитектора при управленіи Одесскаго учебнаго округа *Шмидтъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; лаборантъ при физическомъ кабинетѣ Императорскаго Новороссійскаго университета *Точидловскій*—съ 18-го декабря 1899 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета; учителя Хотинскаго уѣзднаго училища: *Николаевъ*—съ 9-го сентября 1896 г. и *Бѣлозеровъ* — съ 11-го октября 1896 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашній учитель *Александровъ*—съ 10-го декабря 1900 г.; по Московскому учебному округу: помощники учителя городскихъ училищъ: 3-го Московскаго *Коверенковъ*—съ 1-го октября 1896 г. и *Бадьевъ*—съ 8-го октября 1896 г.; учителя чистописанія и рисованія городскихъ училищъ: 3-го Московскаго, *Гельфенбейнъ* — съ 1-го августа 1896 г. и 1-го Московскаго, *Райковъ* — съ 23-го сентября 1896 г.; помощникъ учителя Епифанскаго трехкласснаго городскаго училища *Нестеровъ*—съ 1-го іюля 1896 г.

(19-го марта 1901 года, № 18). *Опредѣляются* на службу, изъ

отставныхъ: коллежскій ассессоръ *Амировъ*—съ назначеніемъ его почетнымъ попечителемъ Эриванской учительской семинаріи, на три года; отставной поручикъ гвардіи *Юматовъ*—съ утвержденіемъ его почетнымъ попечителемъ Вольской учительской семинаріи, согласно избранію, на три года.

Назначаются: приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бодуэнъ-де-Куртенэ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія; сверхштатный астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Орбинскій*—старшимъ астрономомъ отдѣленія той же обсерваторіи въ гор. Одессѣ; директоръ Московской шестиклассной прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Михайловскій*, директоръ Астраханской гимназіи, статскій совѣтникъ *Смольяниновъ* и инспекторъ Сумской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ *Грековъ*—директорами: Михайловскій—Московской второй гимназіи, Смольяниновъ — Московской шестиклассной прогимназіи, согласно прошенію, и Грековъ—острогожской гимназіи; прозекторъ и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Минаковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ судебной медицины.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Покровскій*, съ 18-го февраля; директоръ Саратовской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Боголюбовъ*, съ 17-го февраля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Кояловичъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; инспекторъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Суровцовъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; преподаватели: С.-Петербургской Введенской гимназіи, *Суровцевъ*—съ 16-го октября 1900 г.; училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, *Барминскій*—съ 20-го сентября 1900 г.; С.-Петербургскаго реальнаго училища Гуревича, *Фельи*—съ 1-го сентября 1900 г., Нарвской гимназіи, *Антроповъ*—съ 6-го октября 1900 г., Вологодской гимназіи, *Проскуряковъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; инспекторъ С.-Петербургскаго 1-го реальнаго училища *Пашковскій*—съ 1-го сентября 1900 г.; наставникъ Чере-

повецкой учительской семинаріи *Шухаревъ*—съ 12-го октября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу, учителя гимназій: Кіевской 4-й, *Александровичъ* и Острожской, *Рекало*, оба—съ 24-го сентября 1900 г., Новгородсѣверской, *Ходиковъ* и Бѣлоцерковской, *Владиміровъ*, оба—съ 20-го октября 1900 г., Кіевской 3-й, *Абри*—съ 7-го мая 1900 г.; по Виленскому учебному округу: учитель Виленской 1-й гимназіи *Ивановъ*—съ 18-го сентября 1900 г.; преподаватель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища *Изенфламъ*—съ 11-го сентября 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Баумгартенъ*—съ 23-го января 1900 г.; врачи: С.-Петербургской Ларинской гимназіи, докторъ медицины *Соколовъ*—съ 19-го апрѣля 1896 г. и С.-Петербургской 7-й гимназіи, докторъ медицины *Хетагуровъ*—съ 1-го августа 1899 г.; преподаватели: гимназій: С.-Петербургской 7-й, *Реха*, С.-Петербургской Введенской, *Якобсонъ*, оба—съ 1-го августа 1900 г., Архангельской: *Зотиковъ*—съ 1-го іюля 1899 г., *Корчагинъ*—съ 1-го августа 1899 г. и *Глѣбовскій*—съ 1-го августа 1900 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ: *Зейботъ*—съ 1-го іюля 1900 г. и *Піотровскій*—съ 1-го августа 1900 г., реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 2-го, *Ильинскій*—съ 1-го сентября 1900 г., С.-Петербургскаго частнаго К. Мая, *Ядрышевъ*—съ 1-го августа 1900 г., Вологодскаго Александровскаго, *Беккеръ*—съ 11-го ноября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Кіевской 3-й, *Родіоновъ*—съ 11-го декабря 1899 г., Глуховской, Степанъ *Живаго*—съ 15-го сентября 1900 г., Новгородсѣверской, Михаилъ *Живаго*—съ 15-го сентября 1900 г., Бѣлоцерковской, *Семеновъ*—съ 25-го іюня 1900 г., реальныхъ училищъ: Кременчугскаго, *Корфъ*—съ 20-го октября 1900 г. и Кіевскаго, *Тумасовъ*—съ 15-го сентября 1900 г.; по Виленскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Полоцкой учительской семинаріи *Савицкій*—съ 1-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи *Шевяковъ*—съ 15-го сентября 1896 г.; хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Страховскій*—съ 1-го ноября 1900 г.; лаборантъ технической лабораторіи С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Тизенгольтъ*—съ 1-го декабря 1900 г.; воспитатель при

пансіонѣ С.-Петербургской 3-й гимназіи *Соколовъ*—съ 14-го марта 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Царскосельскаго четырехкласснаго, *Тимоѳеевъ*—съ 1-го августа 1900 г., Устюжнскаго трехкласснаго, *Копыловъ*—съ 13-го октября 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Черкасской, *Рюмшинъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Немировской, *Рѣпинъ*—съ 1-го апрѣля 1900 г., прогимназій: Луцкой: *Тальвинскій*—съ 20-го сентября 1899 г., *Гаевскій*—съ 16-го октября 1899 г. и *Мироновъ*—съ 7-го декабря 1899 г., Стародубской, *Альбертъ*—съ 21-го апрѣля 1899 г., Полтавскаго реальнаго училища, *Штроманъ*—съ 22-го февраля 1899 г.; наставникъ студентовъ и преподаватель историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Рѣзановъ*—съ 10-го сентября 1895 г.; штатные смотрители городскихъ училищъ: Сквирскаго двухкласснаго, *Курындинъ*—съ 15-го декабря 1899 г., Черкасскаго двухкласснаго, *Ягнъ*—съ 13-го марта 1894 г.; учитель Стародубскаго городского двухкласснаго училища *Турченко*—съ 5-го ноября 1900 г.; учителя-завѣдующіе двухклассными городскими училищами: Лохвицкимъ, *Дмитревскій*—съ 1-го іюля 1899 г., Пирятинскимъ, *Карпенко*—съ 12-го марта 1897 г.; учитель Роменскаго трехкласснаго городского училища *Болобанъ*—съ 3-го сентября 1899 г.; почетный смотритель Кременчугскаго четырехкласснаго городского училища *Устимовичъ*—съ 22-го августа 1898 г.; по Виленскому учебному округу: преподаватель Ковенской гимназіи *Бугославскій*—съ 16-го августа 1899 г.; штатный врачъ Гродненскаго начальнаго еврейскаго училища *Роутенштейнъ*—съ 25-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Виленскаго реальнаго училища *Григорикъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Аменде*—съ 1-го ноября 1900 г.; учитель Петрозаводскаго ремесленнаго училища *Елецкій*—съ 1-го августа 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кронштадтскаго реальнаго училища *Брюховъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго четырехкласснаго, *Никоновъ*—съ 22-го августа 1900 г., Царскосельскаго четырехкласснаго, *Ровинскій*—съ 1-го апрѣля 1900 г., Новгородскаго трехкласснаго, *Ершовъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Старорусскаго пятикласснаго, *Фещукъ*—съ 1-го іюля 1894 г., Кирилловскаго трехкласснаго, *Свѣтловъ*—съ 1-го февраля 1897 г.; врачъ Маловишерскаго трехкласснаго городскаго училища *Кохъ*—съ 15-го сентября 1895 г.; по Кіевскому учебному

округу: врачи начальныхъ еврейскихъ училищъ: Радомысльскаго одноклассного, *Цвейфель*—съ 14-го октября 1896 г., Житомирскаго двухклассного, *Полонскій*—съ 15-го октября 1896 г. и Переяславскаго одноклассного, *Юдинъ*—съ 31-го января 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Кременчугскаго четырехклассного, *Головко*—съ 23-го марта 1898 г., Кобелякскаго трехклассного, *Величко*—съ 1-го іюля 1892 г.; учитель Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища *Бойко*—съ 21-го сентября 1899 г.; по Виленскому учебному округу: штатный врачъ Брестскаго начальнаго еврейскаго училища *Шерешевскій*—съ 6-го ноября 1895 г.; преподаватель Бѣлостокской Николаевско-Александринской женской гимназіи *Якубовскій*—съ 13-го декабря 1900 г.; учитель-завѣдующій Рѣчицкимъ городскимъ училищемъ *Астаповичъ*—съ 12-го сентября 1900 г.; учителя: Минскаго городского училища, *Косцкевичъ*—съ 7-го сентября 1900 г., Бѣльскаго уѣзднаго училища, *Рублевскій*—съ 11-го сентября 1899 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: бухгалтеръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Александровъ*—съ 19-го октября 1900 г.; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Биронъ*—съ 1-го октября 1900 г.; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Вердеревскій*—съ 15-го октября 1899 г.; преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназіи *Шеповальниковъ*—съ 1-го августа 1898 г.; наставникъ Тотемской учительской семинаріи *Дилакторскій*—съ 31-го августа 1897 г.; казначей Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Кириловъ*—съ 20-го мая 1900 г.; помощникъ дѣлопроизводителя (онъ же архиваріусъ) С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Прокофьевъ*—съ 18-го ноября 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго четырехклассного, *Чернышевъ* (онъ же Яковлевъ)—съ 16-го февраля 1900 г., Бѣлозерскаго трехклассного, *Семеновъ*—съ 1-го іюля 1891 г., Устюжнскаго трехклассного, *Кедринскій*—съ 1-го августа 1896 г., Маловишерскаго трехклассного, *Ширгиновъ*—съ 15-го сентября 1897 г., Вытегорскаго двухклассного, *Смоленцевъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Луцкой прогимназіи *Клепчиновъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; учителя: городскихъ двухклассныхъ училищъ: Зѣньковскаго, *Зѣнченко*—съ 18-го октября 1897 г., Радомысльскаго, *Рознатовскій*—съ 29-го

октября 1896 г., Сквирскаго, *Самусъ* — съ 10-го октября 1900 г., Таращанскаго, *Чернышъ* — съ 26-го октября 1900 г., Черкасскаго, *Слесаренко* (онъ же Слюсарь)—съ 8-го марта 1895 г., приготовительнаго класса Кіевской 3-й гимназіи *Войтовичъ* — съ 13-го декабря 1899 г.; по Виленскому учебному округу: учитель рисованія и чистописанія Мозырской прогимназіи *Ивановъ*—съ 26-го октября 1899 г.; преподаватель Двинской женской гимназіи *Матвѣевъ*—съ 1-го августа 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Витебской гимназіи *Вѣгынъ*—съ 16-го февраля 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Кіевскому учебному округу: учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Пирятинскаго, *Храбровъ* — съ 3-го сентября 1896 г., Житомирскаго: *Олейниченко* — съ 26-го октября 1897 г. и *Яловый-Горбатенко*—съ 25-го ноября 1898 г., Летичевскаго, *Михайловъ*—съ 3-го ноября 1898 г., Житомирскаго, *Садиленко* — съ 20-го сентября 1898 г.; помощникъ учителя Полтавскаго трехкласснаго городского училища *Пашковскій*—съ 24-го февраля 1898 г.; по Виленскому учебному округу: письмоводитель Бобруйской прогимназіи *Ильинъ* (онъ же Ильинчикъ) — съ 1-го января 1901 г.; комнатный надзиратель общей ученической квартиры (конвиктъ) при Виленской 1-й гимназіи *Савинскій*—съ 1-го октября 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ учителя Вытегорскаго двухкласснаго городского училища *Успенскій* — съ 25-го января 1897 г.; домашній учитель *Гиппъ*—съ 15-го ноября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: письмоводитель Острожскаго женскаго графа Д. Н. Блудова училища *Пушкаревъ*—съ 29-го апрѣля 1900 г.; учителя: Нѣжинскаго четырехкласснаго городского училища, *Нечаевъ* — съ 25-го ноября 1898 г., Лохвицкаго городского двухкласснаго училища, *Хомутовъ*—съ 20-го сентября 1895 г., приготовительнаго класса Житомирскаго двухкласснаго городского училища, *Абрамовичъ* (онъ же Гарбарчукъ)—съ 1-го сентября 1900 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* по Кіевскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго университета св. Владиміра *Тимченко* — съ 30-го марта 1899 г.; исправляющій должность бухгалтера и казначея историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Максимковъ*—съ 12-го сентября 1900 г.; учителя приходскихъ училищъ: Гадячскаго городского, *Бойко* — съ 20-го ноября 1896 г., Лубенскаго городского, *Злотниковъ-Ходкевичъ*— съ 1-го ноября 1900 г., Мизочскаго одноклассного фундушеваго, *Честилинъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Златопольскаго одноклассного,

Лорченковъ — съ 1-го сентября 1888 г., Орловецкаго одноклассного, *Кедреновскій* — съ 17-го февраля 1894 г.; по Виленскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Минскаго 2-го, *Ярмоловичъ*— съ 1-го сентября 1900 г., Индурскаго, *Потѣйкинъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Костюковичскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Сущинскій*— съ 1-го октября 1896 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*, по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I, коллежскій секретарь *Петровскій*—съ 1-го ноября 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: сверхштатный преподаватель С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Станевичъ*—съ 20-го октября 1896 г.; преподаватели: училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, *Лященко* — съ 1-го октября 1896 г.; Архангельской гимназіи, *Климъ* — съ 16-го іюня 1895 г., Новгородскаго реальнаго училища, *Бакулинъ*—съ 1-го августа 1896 г., Новгородской гимназіи, *Лагутко*—съ 28-го августа 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: Винницкаго реальнаго училища, *Кореневъ*—съ 10-го октября 1896 г., Бѣлоцерковской гимназіи, *Аллеманъ*—съ 18-го января 1900 г., Черкасской гимназіи, *Будянскій*— съ 17-го сентября 1896 г., Черниговской гимназіи, *Тутолминъ*—съ 1-го ноября 1896 г.; штатный смотритель Гейсинскаго двухкласснаго городского училища *Мещевцевъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Виленскому учебному округу: преподаватели: Ковенской гимназіи, *Фридрихъ*—съ 6-го октября 1896 г. и Бѣлостокскаго реальнаго училища, *Чеботаревъ* — съ 1-го декабря 1896 г.; по Казанскому учебному округу, бывшій учитель Казанскаго учительскаго института *Ѳедоровъ*—съ 1-го іюня 1894 года; *титулярнаго совѣтника*: по С.-Петербургскому учебному округу, сверхштатный лаборантъ ботаническаго кабинета С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Императора Николая I *Набокихъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; по Кіевскому учебному округу: штатный смотритель Гадячскаго уѣзднаго училища *Дмитренко*—съ 4-го октября 1895 г.; врачъ Острожскаго начальнаго еврейскаго училища *Сегалъ*—съ 1-го іюля 1896 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища *Евсѣевъ*—съ 1-го ноября 1896 г. и С.-Петербургской частной гимназіи Гуревича, *Троицкій*—съ 1-го октября 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Луцкой

прогимназіи, *Грищинскій*—съ 1-го февраля 1889 г., Кіевскаго реальнаго училища, *Лакерда*—со 2-го сентября 1896 г., Острожской гимназіи, *Бѣлинскій*—съ 7-го января 1896 г., Ровенскаго реальнаго училища, *Лозинъ*—съ 1-го декабря 1896 г. и Черкасской гимназіи, *Орловскій*—съ 15-го сентября 1896 г.; по Виленскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Мозырской прогимназіи *Кильчевскій*—съ 23-го октября 1896 г.; *губернскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Новгородскаго реальнаго училища *Махаевъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя двухклассныхъ городскихъ училищъ: Винницкаго, *Левченко*—съ 1-го ноября 1896 г., Гайсинскаго: *Соколовскій*—съ 1-го августа 1896 г. и *Каминскій*—съ 7-го октября 1895 г., Овручскаго *Семеновъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Чигиринскаго, *Крывченко*—съ 1-го февраля 1896 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашніе учителя: *Мироновъ*—съ 28-го сентября 1900 г., *Васильевъ*—съ 10-го января 1901 г., *Хохловкинъ*—съ 10-го января 1901 г., *Ляшенко*—съ 14-го января 1901 г.; по Кіевскому учебному округу: помощникъ учителя Черниговскаго трехкласснаго городского училища *Ивановъ*—съ 27-го октября 1895 г.; учитель чистописанія, черченія и рисованія Луцкаго двухкласснаго городского училища *Романовъ*—съ 11-го сентября 1896 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель приготовительнаго класса Прилукской гимназіи *Плевако*—съ 28-го сентября 1895 г.; бывшій помощникъ учителя Кременчугскаго четырехкласснаго городского училища, нынѣ учитель того же училища *Каплюченко*—съ 7-го октября 1895 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель Черниговскаго городского трехкласснаго училища *Мглинцевъ*—съ 1-го августа 1896 г.; бывшій помощникъ учителя Козелецкаго городского двухкласснаго училища *Шкробъ*—съ 20-го августа 1890 г.

(27-го марта 1901 года, № 19). *Назначаются*: директоръ Брянскаго средняго техническаго училища, инженеръ-механикъ, статскій совѣтникъ *Докторовъ*—окружнымъ инспекторомъ Московскаго учебнаго округа; инспекторъ Симбирской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кулагинъ*—директоромъ Саратовской первой гимназіи; кандидатъ правъ *Булочкинъ* и коллежскій регистраторъ *Кекинъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Московской шестиклассной прогимназіи, а второй—Казанской второй гимназіи, оба на три года; причисленный къ министерству, коллежскій совѣтникъ *Петровскій*—чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ.

Утверждаются: въ должности егермейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Голицынъ*—почетнымъ попечителемъ Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его въ должности егермейстера; исправляющіе должности: директора народныхъ училищъ Гродненской губерніи, статскій совѣтникъ *Ѳивейскій* и экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ римскаго права, статскій совѣтникъ *Гриммъ* — въ исправляемыхъ ими должностяхъ, изъ нихъ послѣдній—съ 18-го декабря 1900 г.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, ассистентъ с.-петербургскаго клиническаго военнаго госпиталя, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, надворный совѣтникъ *Андогскій* — исправляющимъ должность профессора С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, по офтальмологіи.

Умершій исключается изъ списковъ, членъ совѣта министра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ремезовъ*, съ 12-го марта.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Ростовской-на-Дону гимназіи *Балагуровъ*—съ 10-го августа 1900 г.; учителя: Елатомской гимназіи, *Сазонтьевъ* — со 2-го мая 1900 г., Воронежской прогимназіи, *Григорьевъ*—съ 17-го сентября 1900 г. и Курскаго реальнаго училища, *Алферовъ*—съ 12-го сентября 1899 г.; наставникъ Воронежской учительской семинаріи *Владиміровъ* — съ 17-го ноября 1900 г.; по Казанскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ, губерній: Казанской, *Краснодубровскій* — съ 3-го марта 1897 г., Самарской, *Орловъ* — съ 9-го сентября 1899 г.; прозекторы Императорскаго Казанскаго университета: *Подбѣльскій* — съ 25-го сентября 1900 г. и *Ѳедоровъ* (исправляющій должность) — съ 29-го декабря 1898 г.; учителя: гимназій: Астраханской: *Лобовиковъ* — съ 24-го августа 1900 г., *Куулъ* — съ 1-го сентября 1900 г. и *Адріановъ*—съ 1-го октября 1900 г., Саратовской 1-й, *Волочковъ*—съ 19-го января 1901 г., Казанской Ксеніинской женской, *Почуевъ* — съ 6-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Елабужскаго, *Емельяновъ*—съ 25-го іюня 1900 г., Камышинскаго, *Вагинъ*—съ 1-го декабря 1900 г. и Самарскаго, *Юргенсонъ* — съ 27-го октября 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Тургайской

области *Алекторовъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; преподаватель Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища *Квятковскій* — съ 1-го іюля 1900 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Уральскаго реальнаго училища *Сивицкій*—съ 12-го сентября 1900 г.; завѣдующій учебною частью техническихъ классовъ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Агровъ*—съ 9-го ноября 1900 г. и преподаватель того же училища *Любченко* — съ 25-го января 1901 г.; по Кавказскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Эриванской, *Воробьевъ* — съ 1-го ноября 1899 г., Бакинской и Дагестанской области, *Плохотниковъ*—съ 1-го января 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя гимназій: Омской, *Шамаевъ*—съ 1-го ноября 1900 г. и Томской, *Раковскій* — съ 22-го декабря 1900 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Харьковской 2-й: *Маляренко*—съ 19-го декабря 1899 г., *Вальтеръ*—съ 25-го іюля 1900 г. и *Краевскій*—съ 14-го августа 1900 г., Бѣлогородской, герцога Эдинбургскаго, *Прядкинъ* — съ 20-го октября 1900 г., Новочеркасской. *Маляровъ*—съ 21-го октября 1900 г., Ростовской-на-Дону, *Ивановъ*—съ 21-го мая 1900 г., женскихъ: Харьковской Маріинской, *Шатохинъ*—съ 10-го августа 1899 г., Донской Маріинской, *Воиновъ*—съ 7-го октября 1900 г.; наставникъ Воронежской учительской семинаріи *Вагановъ*—съ 19-го октября 1899 г.; врачъ Новочеркасской учительской семинаріи *Норкинъ*—съ 21-го октября 1899 г.; по Казанскому учебному округу: исправляющій должность инспектора Казанской татарской учительской школы *Пинегинъ* — съ 29-го ноября 1900 г.; ассистенты Императорскаго Казанскаго университета: при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней, *Бургсдорфъ* — съ 12-го декабря 1900 г., при факультетской терапевтической клиникѣ (сверхштатный), *Троицкій* — съ 4-го марта 1900 г. и помощникъ библіотекаря того же университета *Смоленскій* — съ 9-го іюня 1900 г.; учителя: Императорской Казанской 1-й гимназіи, *Пермяковъ*—съ 10-го ноября 1898 г. и Елабужскаго реальнаго училища, *Славинъ*—съ 21-го сентября 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Уральской женской гимназіи, *Галлеръ* — съ 20-го сентября 1900 г., Троицкой гимназіи, *Киселевъ*—съ 19-го октября 1900 г., Уральскаго реальнаго училища, *Шапошниковъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Бакинской губерніи и Дагестанской области *Коптѣловъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; учителя: гимназій: Тифлисской 3-й, *Джваришей-*

швили—съ 1-го іюля 1900 г., Бакинской Императора Александра III, *Ершовъ*—съ 5-го сентября 1900 г., Ставропольской, *Добровольскій*—съ 27-го сентября 1900 г., Екатеринодарской: *Сысоевъ* — съ 28-го сентября 1900 г., *Дѣячковъ-Тарасовъ*, *Некрасовъ* и *Брокъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1900 г., реальныхъ училищъ: Тифлисскаго, *Гуладзе*—съ 22-го ноября 1900 г., Майкопскаго, *Харламовъ*—съ 8-го сентября 1900 г., Бакинскаго, *Стась*—съ 27-го сентября 1900 г., Тифлисской 1-й, Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, женской гимназіи, *Филимоновъ* — съ 1-го ноября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Томской гимназіи *Бобовъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; по Рижскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ учебнаго округа *Болотовъ*—съ 1-го октября 1900 г.; преподаватели Рижскаго политехническаго института: *Луцъ* и *фонъ-Вестерманъ*, оба — съ 1-го іюля 1900 г.; ассистентъ того же института *Дауге*—съ 1-го сентября 1900 г.; доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Придикъ*—съ 1-го января 1901 г.; учителя: Ревельскаго реальнаго училища: *Шпрекельсенъ* и *Банге*, оба—съ 1-го іюля 1899 г., Аренсбургской гимназіи, *Нагель* — съ 1-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губерніи *Сербиновъ*—съ 1-го октября 1899 г.; архитекторъ учебнаго округа *Величко*—съ 12-го октября 1900 г.; учителя: гимназій: Елатомской, *Крыловъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Ростовской-на-Дону, *Панчишка*—съ 30-го сентября 1896 г., Ростовской-на-Дону Екатерининской женской, *Хлыстовъ*—съ 26-го іюля 1897 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Вахнинъ* — съ 8-го ноября 1899 г., Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, *Линицкій*—съ 18-го февраля 1900 г., почетный смотритель Воронежскаго уѣзднаго училища *Шуриновъ* — съ 1-го октября 1900 г. и врачъ Ростовской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи *Козловъ* — съ 11-го марта 1899 г.; по Казанскому учебному округу: учителя: гимназій: Астраханской, *Щукинъ*—съ 11-го октября 1899 г., Вятской, *Зубовъ* — съ 14-го октября 1899 г., Вятской женской, *Васильевъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Вятскаго реальнаго училища, *Эрдманъ*—съ 7-го февраля 1900 г.; учителя-инспекторы городскихъ трехклассныхъ училищъ: Царицынскаго, *Лазаревъ* — съ 28-го августа 1900 г. и Глазовскаго, *Петровъ* — съ 24-го іюля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Астраханскаго 1-го четырехкласснаго, *Мордвинкинъ*—съ 7-го августа 1900 г. и Яранскаго трехкласснаго, *Бѣляевъ* — съ 12-го февраля 1900 г.; помощникъ классныхъ настав-

никовъ Вятской гимназіи *Кашменскій* — съ 16-го сентября 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу: учитель-инспекторъ Верхотурскаго городского училища *Мартыновъ* — съ 1-го іюля 1891 г.; преподаватели Бирской инородческой учительской школы: *Гарницкій* — съ 1-го октября 1899 г. и *Степановъ* — съ 15-го октября 1899 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: Кутаисской, *Богославскій*—съ 8-го августа 1900 г., Ставропольской, *Франгопуло*— съ 1-го сентября 1899 г., Екатеринодарской городской, *Галакъ* — съ 24-го августа 1899 г.; врачъ Елисаветпольской гимназіи *Паталовъ*— съ 5-го сентября 1899 г.; учитель Ставропольскаго городского шестиклассного училища *Лозовой* — съ 15-го августа 1900 г.; учитель-завѣдывающій Сацхенисскимъ двухклассным училищемъ *Черкасовъ*— съ 21-го октября 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: приватъ-доцентъ Императорскаго Томскаго университета и врачъ Томской гимназіи, докторъ медицины *Тимашевъ*, лаборанты того же университета: при каѳедрѣ гигіены *Бутягинъ* и при каѳедрѣ діагностики, докторъ медицины *Левашовъ*, всѣ трое—съ 1-го января 1901 г.; по Рижскому учебному округу: бывшій штатный смотритель упраздненнаго нынѣ Дерптскаго уѣзднаго училища *Шварцъ*—съ 1-го іюля 1884 г.; учителя: Аренсбургской гимназіи, *Лазуринъ* — съ 15-го августа 1900 г., городскихъ трехклассныхъ училищъ: Александровскаго эстонскаго, *Николаевъ* — съ 1-го августа 1898 г.; Аренсбургскаго, *Казикъ* — съ 1-го августа 1900 г.; Митавскаго Александровскаго, *Бохонко* — съ 1-го октября 1900 г.; врачъ Рижскаго казеннаго приходскаго училища *Баронъ* и библіотекарь Рижскаго политехническаго института *Лейландъ*, оба—съ 1-го ноября 1900 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Харьковскому учебному округу: сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ накожныхъ и сифилитическихъ болѣзней Императорскаго Харьковскаго университета *Щекинъ*—съ 26-го апрѣля 1896 г.; учителя гимназій: Харьковской 1-й (сверхштатный), *Клюшниковъ*—съ 12-го апрѣля 1894 г., Нахичеванской-на-Дону, Екатерининской женской, *Тикиджи-Хамбуровъ*— съ 1-го августа 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Воронежской, *Абрамовъ* и Ростовской-на-Дону, *Занкевичъ*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Воронежскаго уѣзднаго училища *Гравировскій*—съ 19-го октября 1900 г.; по Казанскому учебному округу: сверхштатный лаборантъ при каѳедрѣ фармакологіи Императорскаго Казанскаго университета *Николаевъ*—съ 27-го ноября 1898 г. и секретарь правленія того же университета *Муравцевъ*—съ 29-го мая 1900 г.;

архитекторъ учебнаго округа *Бечко-Друзинъ*—съ 5-го октября 1899 г.; учителя четырехклассныхъ городскихъ училищъ: Астраханскаго 1-го, *Петровъ-Кобяковъ*—съ 24-го сентября 1898 г., Царицынскаго, *Егоршинъ*—съ 30-го октября 1897 г., Астраханскаго 2-го, *Пименовъ*—съ 3-го октября 1900 г., Балашовскаго, *Матвѣевъ*—съ 12-го сентября 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Саратовскаго реальнаго училища *Врацкій*—съ 16-го августа 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу, надзиратель Оренбургской киргизской учительской школы *Лапшинъ*—съ 8-го октября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: приготовительнаго класса Новороссійской гимназіи, *Колосовъ*—съ 30-го августа 1900 г., приготовительнаго класса Бакинскаго реальнаго училища, *Герасименко*—съ 1-го октября 1900 г., городскихъ училищъ: Ставропольскаго шестиклассного, *Леденевъ*—съ 15-го ноября 1896 г., трехклассного при Александровскомъ учительскомъ институтѣ, *Колесниковъ*—съ 11-го мая 1898 г.; учитель-смотритель Кизилъ-Закирскаго нормальнаго двухклассного сельскаго училища *Маркарьянцъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Томской гимназіи *Быстржицкій*—съ 20-го сентября 1900 г.; по Рижскому учебному округу: учителя: Аренсбургской гимназіи, *Боде*—съ 4-го мая 1898 г., городскихъ училищъ: Юрьевскаго четырехклассного, *Сироткинъ*—съ 15-го августа 1900 г., трехклассныхъ: Александровскаго эстонскаго, *Рійкманъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и Баускаго, *Дѣвкоцинъ*—съ 25-го августа 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* по Харьковскому учебному округу: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Харьковскаго института *Долженко*—съ 17-го августа 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Борисоглѣбской Александровской гимназіи, *Веселовскій*—съ 3-го декабря 1898 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Харакозъ*—съ 11-го мая 1898 г., Ростовскаго-на-Дону Петровскаго, *Карповъ*—съ 25-го августа 1898 г.; дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Тамбовской губерніи *Акаевскій*—съ 9-го сентября 1900 г.; учитель приготовительнаго класса Елатомской гимназіи *Дмитріевскій*—съ 5-го декабря 1898 г.; по Казанскому учебному округу: лаборанты Императорскаго Казанскаго университета: *Картиковскій*—съ 24-го октября 1900 г., сверхштатные: при каѳедрѣ неорганической химіи, *Кузнецовъ*—съ 6-го марта 1899 г., при агрономическомъ кабинетѣ, *Зайцевъ*—съ 10-го ноября 1900 г., при магнитно-метеорологической обсерваторіи, *Котеловъ*—съ 10-го ноября 1900 г. и хранитель геологическаго кабинета того же университета

Янишевскій—съ 8-го мая 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Царицынскаго, *Коровяковъ*—съ 1-го августа 1896 г., Астраханскаго 3-го: *Златницынъ*—съ 13-го марта 1898 г. и *Острецовъ*—съ 15-го іюня 1898 г., трехклассныхъ: Аткарскаго, *Комаровъ*—съ 16-го октября 1895 г., Вольскаго, *Каменскій*—съ 28-го сентября 1895 г., Царицынскаго, *Тудаковъ*—со 2-го сентября 1897 г. и Глазовскаго, *Пашинъ*—съ 22-го августа 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Сызранскаго, *Умниковъ*—съ 11-го декабря 1898 г., Камышинскаго: *Яблонскій*—съ 7-го ноября 1898 г. и *Апушкинъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 16-го августа 1898 г.; учитель приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища *Павловъ*—съ 1-го февраля 1898 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Шадринскаго, *Златинъ*—съ 10-го іюля 1897 г., Пермскаго, *Поповъ*—съ 24-го октября 1898 г., Екатеринбургскаго 2-го (сверхштатный) *Шагинъ*—съ 15-го февраля 1899 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Пятигорской прогимназіи *Столбунъ*—съ 18-го января 1899 г.; преподаватель Александровскаго учительскаго института *Блатовъ*—съ 15-го августа 1898 г.; почетный смотритель Шемахинскаго трехкласснаго городского училища *Лалаевъ*—со 2-го іюня 1889 г.; учителя: Ставропольскаго городского шестикласснаго училища: *Алборашвили*—съ 1-го іюля 1896 г. и *Ивановъ*—съ 6-го сентября 1896 г., приготовительнаго класса Назрановской городской школы, *Поликарповъ*—со 2-го апрѣля 1891 г.; по Рижскому учебному округу: ассистентъ при минералогическомъ кабинетѣ Императорскаго Юрьевскаго университета *Култашевъ*—съ 1-го ноября 1900 г.; учитель Верроскаго трехкласснаго городскаго училища *Флору*—съ 1-го октября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ревельской Александровской гимназіи *Протасовъ*—съ 1-го августа 1898 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу, сверхштатный учитель Харьковскаго уѣзднаго училища *Трофимовъ*—съ 25-го января 1894 г.; по Казанскому учебному округу: учителя: Ардатовской женской прогимназіи, *Киселевъ*—съ 1-го іюня 1896 г. и приготовительнаго класса Казанскаго реальнаго училища, *Твердышевъ*—съ 1-го февраля 1899 г.; по Оренбургскому учебному округу, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Горбуновъ*—съ 6-го сентября 1900 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Ставропольскаго шестикласснаго, *Хечуевъ*—съ 24-го іюля 1895 г. и Георгіевскаго четырехкласснаго (сверхштатный) *Карамби-*

ровъ—съ 28-го сентября 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Ишимскаго уѣзднаго училища *Тимофеевъ*—съ 15-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу, помощникъ бухгалтера Императорскаго Харьковскаго университета *Брайловскій* — съ 27-го сентября 1900 г. и учитель Новохоперскаго городского приходскаго училища, Воронежской губерніи, *Малеинъ*—съ 19-го сентября 1900 г.; по Казанскому учебному округу, журналистъ и архиваріусъ канцеляріи попечителя *Ливатовъ*—съ 19-го іюля 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя Уфимскихъ городскихъ приходскихъ училищъ: 1-го, *Поповъ*—съ 15-го августа 1894 г., 2-го, *Мухачевъ*—съ 15-го августа 1892 г.; по Кавказскому учебному округу, письмоводитель тифлисской 3-й гимназіи *Гарковенко*—съ 1-го января 1901 г.; по Рижскому учебному округу: канцелярскій чиновникъ канцеляріи медицинскаго факультета Императорскаго Юрьевскаго университета *Верманъ*—съ 3-го мая 1897 г.; бывшій учитель Феллинскаго городского мужскаго начальнаго училища *Блумбергъ*—съ 4-го марта 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* по Харьковскому учебному округу: письмоводитель Новочеркасскаго реальнаго училища *Плаховъ*—съ 18-го января 1894 г.; учителя городскихъ приходскихъ училищъ: 3-го Воронежскаго, *Михайловскій*—съ 1-го октября 1894 г., 5-го Тамбовскаго, *Николаевскій* и 4-го Козловскаго, Тамбовской губерніи, *Романовъ*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.; по Казанскому учебному округу: учитель Новоузенскаго 4-го городского приходскаго училища *Кандарацкій*—съ 1-го сентября 1884 г. и фельдшеръ при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета, *Кондаковъ*—съ 17-го августа 1900 г.; по Оренбургскому учебному округу: письмоводитель Пермскаго реальнаго училища и горнозаводскаго при немъ отдѣленія *Мякинъ* (онъ же Мяка)—съ 10-го декабря 1899 г.; учителя приходскихъ училищъ: Уфимскаго 5-го, *Лебедевъ* — съ 20-го августа 1899 г. и Архангелопашійскаго, Пермской губерніи, *Козельскій*—съ 20-го апрѣля 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя-завѣдывающіе училищами: Владикавказскимъ начальнымъ городскимъ общества ремесленниковъ, *Денбновецкій*—съ 25-го сентября 1887 г. и Сунженскимъ станичнымъ, *Милославскій*—съ 1-го октября 1900 г.; учитель-смотритель Мартвильскаго двухкласснаго сельскаго училища *Санодзе*—съ 1-го августа 1900 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго Томскаго университета *Милютинъ*—съ 15-го

марта 1900 г. и исправляющій должность помощника столоначальника канцеляріи попечителя *Фиксенъ*—съ 3-го октября 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*: по Харьковскому учебному округу, преподаватели Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: инженеръ-механикъ *Васильевъ*—съ 1-го октября 1900 г., титулярный совѣтникъ *Красускій*—съ 1-го іюля 1900 г., *Пестриковъ* и инженеръ-механикъ *Миловичъ*, оба—съ 1-го сентября 1900 г.; по Рижскому учебному округу: преподаватели Рижскаго политехническаго института: *фонъ-Бюнгнеръ* (бывшій)—съ 1-го іюля 1896 г. и *фонъ-Геденштремъ* — съ 1-го сентября 1900 г., ассистентъ того же института *Прѣдитъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища К. Мая: *Поліевктовъ*—съ 1-го ноября 1896 г. и *Ястребовъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Харьковскому учебному округу, учитель Харьковской 1-й гимназіи *Порошинъ*—съ 27-го сентября 1896 г.; по Казанскому учебному округу: учителя: Императорской Казанской 1-й гимназіи: *Аѳанасьевъ*—съ 1-го августа 1896 г. и *Пономаревъ*—съ 9-го ноября 1896 г., реальныхъ училищъ: Вольскаго, *Ковалевскій*—съ 24-го августа 1896 г. и *Зибертъ*—съ 5-го октября 1896 г., Казанскаго (сверхштатный) *Колесниковъ* — съ 22-го августа 1896 г. и Камышинскаго, *Соколовъ* — съ 16 августа 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: преподаватели: Пермской гимназіи, *Малѣевъ* — съ 15-го августа 1896 г. и Пермскаго реальнаго училища, *Спасскій* — съ 1-го сентября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназіи: Кутаисской, *Шузаевъ*—съ 5-го сентября 1896 г. и Елисаветпольской, *Тактаковъ*—съ 7-го сентября 1896 г., реальныхъ училищъ: Бакинскаго, *Еремѣевъ*—съ 1-го октября 1896 г., Кутаисскаго, *Колянковскій* — съ 23-го іюня 1896 г., Темиръ-Ханъ-Шуринскаго, (сверхштатный) *Зефировъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Владикавказскаго, (сверхштатный) *Соколовскій*—съ 30-го сентября 1896 г., Тифлисской 2-й, Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, женской гимназіи, *Отрошкевичъ* — съ 1-го октября 1896 г.; преподаватели Бакинскаго низшаго механико- и химико-техническаго училища и ремесленной при немъ школы: *Скибинскій* и *Бойчевскій*, оба — съ 1-го сентября 1896 г.; по Рижскому учебному округу: учителя реальныхъ училищъ: Юрьевскаго, (сверхштатный) *Грассъ*—съ 10-го января 1896 г., Рижскаго Императора Петра I: *Осмоловскій* и *Попелишевъ*, оба — съ 13-го іюня 1896 г.; врачъ Рижскаго политехническаго института

Вольферцъ — съ 1-го іюля 1896 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*: по Харьковскому учебному округу, лаборантъ при химической лабораторіи Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Поповъ* — съ 1-го сентября 1900 г.; по Казанскому учебному округу, исправляющій должность ассистента при дѣтской клиникѣ Императорскаго Казанскаго университета *Борманъ*—съ 3-го февраля 1895 г., сверхштатный ассистентъ при клиникѣ дѣтскихъ болѣзней сего университета *Дьяконовъ* — съ 29-го января 1896 г. и сверхштатный ординаторъ при клиникѣ кожныхъ и венерическихъ болѣзней того же университета *Рукавишниковъ*—съ 25-го января 1896 г., всѣ трое — по степени лѣкаря; по Оренбургскому учебному округу, учитель ручнаго труда Благовѣщенской учительской семинаріи *Меглицкій* — съ 8-го ноября 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, сверхштатный ординаторъ при каѳедрѣ госпитальной хирургической клиники Императорскаго Томскаго университета *Добромысловъ* — съ 16-го ноября 1896 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по Харьковскому учебному округу, помощникъ библіотекаря Императорскаго Харьковскаго университета *Миллеръ*—съ 21-го апрѣля 1895 г., по степени кандидата Императорскаго университета; по Казанскому учебному округу: учителя: городскихъ училищъ: трехклассныхъ: Уржумскаго, *Морозовъ*— съ 1-го іюля 1895 г., Вольскаго, *Бѣлоусовъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и Буинскаго, *Орѣшниковъ* — съ 7-го сентября 1896 г., Орловскаго двухкласснаго, *Каляевъ*—съ 28-го августа 1895 г., Казанской татарской учительской школы, *Тагировъ* — съ 27-го апрѣля 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Казанской 3-й гимназіи *Петровъ*— съ 1-го сентября 1896 г.; по Оренбургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Троицкаго, *Гречкинъ* — съ 18-го іюля 1895 г., Шадринскаго, *Мокѣйкинъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; надзиратель Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища *Коробовъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: гимназіи: Тифлисской 3-й, *Кохреидзе*—съ 1-го сентября 1896 г., Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, *Кусковъ*— съ 23-го сентября 1896 г.; помощникъ воспитателя пансіона Бакинскаго реальнаго училища *Семеновъ* — съ 1-го октября 1896 г.; учитель-инспекторъ Петровскаго Николаевскаго городского четырехкласснаго училища *Кончухидзе* — съ 1-го октября 1896 г.; учителя: городскихъ училищъ: Ставропольскаго шестикласснаго, *Чконія* — со 2-го сентября 1895 г., Дербентскаго четырехкласснаго, *Менабде* —

съ 1-го сентября 1896 г., Бакинскаго Михайловскаго трехкласснаго, *Бежановъ*—съ 16-го ноября 1896 г., Ставропольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища, *Николаевъ* — съ 20-го августа 1894 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго Томскаго университета *Емельяновъ* — съ 1-го августа 1900 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; по Рижскому учебному округу, сверхштатный учитель Рижскаго четырехкласснаго городского училища Императрицы Екатерины II *Дружинскій*—съ 10-го февраля 1896 г.; *губернскаго секретаря*; по Харьковскому учебному округу, учитель Воронежской женской гимназіи, содержимой Нечаевой, *Магалифъ* — со 2-го сентября 1894 г.; по Казанскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Камышинскаго реальнаго училища *Зиминъ*—съ 7-го сентября 1896 г. и бывшій учитель Вольской женской гимназіи *Царегородцевъ*—съ 10-го декабря 1893 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель-надзиратель Нальчикской окружной горской школы *Крешковъ* — съ 1-го января 1896 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Тарскаго, *Мельниковъ* и Ишимскаго, *Кузнецовъ*, оба—съ 1-го августа 1896 г.; по Рижскому учебному округу: сверхштатный ассистентъ при астрономической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета *Блокъ*—съ 1-го октября 1900 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета; *коллежскаго регистратора*: по Оренбургскому учебному округу, учитель рисованія и чистописанія Шадринскаго городского училища *Лукашевичъ* — съ 3-го октября 1896 г.; помощникъ учителя Верхне-Уральскаго городского училища *Бѣлобородовъ*—съ 1-го января 1897 г.

(5-го апрѣля 1901 года, № 23). *Назначается* начальникъ главнаго тюремнаго управленія, сенаторъ, тайный совѣтникъ *Мѣщаниновъ*—товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ 1-го апрѣля, съ оставленіемъ его сенаторомъ.

VII. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(27-го марта 1901 года, № 1). Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 24-й день текущаго марта правительствующему сенату, Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ быть министромъ народнаго просвѣщенія.

Вступивъ въ управленіе ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ, объявляю о семъ по вѣдомству.

(2-го апрѣля 1901 года, № 2). Державною волею Государя Императора я призванъ на особо важную нынѣ должность министра народнаго просвѣщенія. Я приложу всѣ силы моего разумѣнія, чтобы оправдать высокое довѣріе Монарха и исполнить Высочайше возложенное на меня порученіе.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, коимъ Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить меня въ 25-й день марта сего года, указана въ краткихъ словахъ вся программа предстоящей мнѣ дѣятельности. Это: коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія.

Точное и неуклонное исполненіе этой, Высочайше преднамѣченной, программы должно быть почитаемо священнымъ долгомъ подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій, причемъ первая, важнѣйшая часть программы—реформа учебнаго строя, къ чему, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ приступлено безотлагательно, во всякомъ случаѣ потребуетъ для полнаго ея осуществленія извѣстнаго времени; вторая, не менѣе важная ея часть — внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія—всегда была ближайшею задачею учебнаго персонала, который и примѣнялъ ее съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ; отнынѣ это поставляется ему въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность.

Надѣясь, что ближайшіе мои сотрудники и всѣ служащіе по ввѣренному мнѣ нынѣ министерству окажутъ мнѣ полное содѣйствіе въ исполненіи Высочайше возложеннаго на меня порученія, я приглашаю ихъ къ совмѣстной, дружной и неустанной работѣ по пути осуществленія Высочайше указанной программы; я приглашаю преподавательскій персоналъ войти въ ближайшее общеніе съ учащеюся молодежью и, независимо отъ преподаванія, споспѣшествовать воспитанію юношества на почвѣ любви и сердечнаго къ нему отношенія; я приглашаю родителей и семьи учащихся путемъ домашняго воздѣйствія на дѣтей помочь ввѣренному мнѣ министерству въ осуществленіи великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія, памятуя, что основа воспитанія лежитъ въ семьѣ и преуспѣяніе его возможно лишь при взаимномъ содѣйствіи семьи и школы и ихъ постоянномъ общеніи; я приглашаю учащуюся молодежь съ довѣріемъ относиться къ

мѣропріятіямъ Правительства, вѣрить въ неустанныя о ней попеченія, помнить свой долгъ, исполнять свои обязанности и, спокойно занимаясь изученіемъ наукъ, дать намъ возможность посвятить свое время и силы на устроительство русской школы и учебнаго дѣла.

Я глубоко убѣжденъ и свято вѣрю, что при дружномъ единеніи и взаимномъ содѣйствіи мы, съ Божьею помощью, въ ближайшемъ будущемъ будемъ поставлены въ возможность исполнить желаніе возлюбленнаго Монарха видѣть въ русской молодежи твердую и вѣрную надежду отечества и стойкую опору его въ будущемъ.

(2-го апрѣля 1901 года, № 3). Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему ходатайству моему, Высочайше соизволилъ на учрежденіе еще одной должности товарища министра народнаго просвѣщенія и на назначеніе на сію должность начальника главнаго тюремнаго управленія. сенатора, тайнаго совѣтника *Мѣщанинова*, съ оставленіемъ его сенаторомъ.

Указъ правительствующему сенату о таковомъ назначеніи состоялся 1-го апрѣля текущаго года.

(3-го апрѣля 1901 года, № 4). Назначенному на учрежденную еще одну должность товарища министра народнаго просвѣщенія, тайному совѣтнику *Мѣщанинову* предложено мною вступить сего же числа въ исполненіе обязанностей по должности.

Объ этомъ объявляю по вѣдомству.

VIII. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го декабря 1900 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго ученика VI класса Самарской гимназіи Сергѣя Шишкина при Самарской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу триста* руб., пожертвованнаго самарскимъ купцомъ Николаемъ Павловичемъ Шишкинымъ и его женою Евдокіею Петровною, учреждается въ память покойнаго сына ихъ, бывшаго ученика VI класса Самарской гимназіи Сергѣя Шишкина, одна стипендія при Самарской мужской гимназіи.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ листахъ государственной 4% ренты, остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена,

хранится въ Самарскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Самарской гимназіи и составляетъ неотъемлемую собственность оной.

§ 3. Проценты съ сего капитала назначаются въ плату за ученіе одного бѣднаго ученика гимназіи, исключительно православнаго исповѣданія, безъ различія сословій, съ хорошими успѣхами и поведеніемъ, преимущественно изъ сиротъ.

§ 4. Право избранія стипендіата, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи, при жизни Н. П. и Е. П. Шишкиныхъ принадлежитъ имъ, послѣ же ихъ смерти переходитъ къ педагогическому совѣту.

§ 5. Избранный на сію стипендію ученикъ именуется стипендіатомъ бывшаго ученика Самарской гимназіи Сергѣя Шишкина.

§ 6. При неодобрительномъ поведеніи и неудовлетворительныхъ успѣхахъ стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта, но оставленіе стипендіата въ томъ же классѣ на 2-й годъ по причинамъ, признаннымъ со стороны педагогическаго совѣта уважительными, не должно лишать его права пользованія стипендіею.

§ 7. Пользованіе стипендіей не соединяется ни съ какимъ обязательствомъ для стипендіата.

2. (12-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени генералиссимуса графа Ал. В. Суворова-Рымникскаго при Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Означенная стипендія учреждается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ въ память столѣтней годовщины кончины генералиссимуса графа А. В. Суворова-Рымникскаго.

§ 2. Стипендія обезпечивается ассигновками въ *пятьдесятъ* руб. изъ средствъ Симферопольскаго купеческаго общества, вносимыхъ ежегодно въ смѣту.

§ 3. Стипендія предназначается для взноса платы за право ученія нуждающагося въ заведеніи воспитанника изъ дѣтей обѣднѣвшихъ купеческихъ семей г. Симферополя.

Примѣчаніе. Стипендіатъ назначается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ по соглашенію съ педагогическимъ совѣ-

томъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища.

§ 4. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи—по опредѣленію педагогическаго совѣта училища и по соглашенію съ Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища, ассигнуемыя на стипендію деньги, съ тѣмъ же назначеніемъ, могутъ быть переданы и другому среднему учебному заведенію, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (12-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта Ал. С. Пушкина при Симферопольскомъ Императора Николая II реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Означенная стипендія учреждается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ въ память 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія великаго поэта россійскаго Ал. С. Пушкина.

§ 2. Стипендія обезпечивается ассигновками въ *пятьдесятъ* руб. изъ средствъ Симферопольскаго купеческаго общества, вносимыхъ ежегодно въ смѣту.

§ 3. Стипендія употребляется на взносъ платы за право ученія нуждающагося воспитанника въ заведеніи изъ дѣтей обѣднѣвшихъ купеческихъ семей г. Симферополя.

Примѣчаніе. Стипендіатъ назначается Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища.

§ 4. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или неудовлетворительныхъ успѣховъ, стипендіатъ можетъ быть лишенъ стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища и по соглашенію съ Симферопольскимъ купеческимъ обществомъ.

§ 5. Въ случаѣ преобразованія Симферопольскаго Императора Николая II реальнаго училища, ассигнуемыя на стипендію деньги, съ

тѣмъ же назначеніемъ, могутъ быть переданы другому учебному заведенію по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (13-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Яцентія-Петра Яновича при Шавельской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго дворяниномъ Яцентіемъ-Петромъ Яновичемъ капитала въ *одну тысячу* рублей (1000 р.) учреждается при Шавельской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Шавельскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Шавельской мужской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, наросшіе за каждое изъ полугодій учебнаго года, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго налога, выдаются на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата пополугодно въ качествѣ стипендіи до истеченія сроковъ, установленныхъ для взноса платы за ученіе.

§ 4. При жизни душеприказчика завѣщателя стипендіи, коллежскаго секретаря Адама Домбровскаго, выборъ стипендіата предоставляется душеприказчику, по соглашенію съ которымъ педагогическій совѣтъ назначаетъ стипендію бѣднѣйшему ученику гимназіи православнаго или римско-католическаго исповѣданій, заслуживающему ея по своему поведенію и успѣхамъ, преимущественно изъ числа родственниковъ завѣщателя.

§ 5. Послѣ смерти душеприказчика выборъ и назначеніе стипендіата предоставляется, съ соблюденіемъ прочихъ условій предыдущаго пункта, педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіатъ лишается стипендіи, если онъ будетъ оставленъ въ томъ же классѣ по причинамъ неуважительнымъ, или если его поведеніе будетъ признано неодобрительнымъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ стипендіаль-

ной суммы присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 9. Въ случаѣ закрытія Шавельской гимназіи, стипендіальный капиталъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобное учебное заведеніе Ковенской губерніи, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 10. Всѣ недоразумѣнія, какія могутъ возникнуть при примѣненіи настоящаго положенія о стипендіи, разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

5. (23-го января 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Василія Васильевича Борисова въ Кіевской 2-ой гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* руб., пожертвованнаго вдовою тайнаго совѣтника Софіею Аггеевною Борисовою, учреждается при Кіевской 2-ой мужской гимназіи одна стипендія съ наименованіемъ ея: стипендія имени тайнаго совѣтника Василія Васильевича Борисова.

§ 2. Стипендія предназначается для приходящихъ учениковъ Кіевской 2-ой гимназіи исключительно сыновей русскихъ, православнаго исповѣданія, бѣднѣйшихъ штатныхъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ Кіевской контрольной палатѣ.

§ 3. Съ переходомъ отца стипендіата на службу въ другое вѣдомство или въ другую контрольную палату, а также съ выходомъ его въ отставку не по разстроенному здоровью и неспособности къ труду, буде о томъ послѣдуетъ сообщеніе управляющаго Кіевскою контрольною палатою, дальнѣйшая выдача сыну его стипендіи, по окончаніи учебнаго года, прекращается.

§ 4. Право представленія кандидатовъ къ полученію стипендіи принадлежитъ управляющему Кіевской контрольной палатой. Въ случаѣ малоуспѣшности или не вполнѣ одобрительнаго поведенія избраннаго стипендіата, педагогическій совѣтъ къ концу учебнаго полугодія доводитъ о томъ до свѣдѣнія управляющаго Кіевской контрольной палатой, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ, оставить ли временно стипендію за прежнимъ стипедіатомъ или немедленно передать ее другому, достойнѣйшему.

§ 5. Накопившаяся отъ % сумма за время отсутствія кандидатовъ на полученіе стипендіи выдается въ размѣрѣ, непревышающемъ 100 рублей, окончившему успѣшно, при отличномъ поведеніи, курсъ наукъ въ гимназіи и получившему аттестатъ зрѣлости стипендіату; излишекъ же отъ 100 руб., буде таковой окажется, выдается бѣднѣйшимъ русскимъ, православнаго исповѣданія, ученикамъ гимназіи на уплату за право ученія по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (3-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Л. Ѳ. Липянскаго при Ровенскомъ реальномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На % съ капитала въ *одну тысячу* руб., изъ коихъ 800 р. завѣщаны Ровенскому реальному училищу дворяниномъ Леонардомъ Липянскимъ, а 200 р. пожертвованы наслѣдницею его мѣщанкою Анной Цѣхонскою, учреждается при названномъ училищѣ стипендія имени дворянина Леонарда Ѳомича Липянскаго.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, состоящій въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты 500-рублеваго достоинства, составляетъ неприкосновенную собственность Ровенскаго реальнаго училища и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ 5% государственнаго налога, выдаются въ сентябрѣ и мартѣ одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Ровенскаго реальнаго училища, римско-католическаго вѣроисповѣданія, отличающемуся благонравіемъ и успѣхами въ преподаваемыхъ предметахъ и происходящему изъ дворянъ Ровенскаго или Дубенскаго уѣздовъ.

§ 4. Выборъ стипендіата, согласно волѣ завѣщателя, принадлежитъ законоучителю Ровенскаго реальнаго училища римско-католическаго вѣроисповѣданія, при чемъ выборъ этотъ производится въ засѣданіи педагогическаго совѣта изъ числа учениковъ, удовлетворяющихъ, по мнѣнію совѣта, требованіямъ, означеннымъ въ п. 3 настоящаго положенія.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если должность законоучителя римско-католическаго вѣроисповѣданія будетъ въ Ровенскомъ реаль-

номъ училищѣ вакантною, выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 5. Педагогическій совѣтъ, въ случаѣ пониженія успѣшности ученика и въ особенности его поведенія, можетъ лишить его стипендіи.

§ 6. Размѣръ выдаваемой стипендіи зависитъ отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта.

§ 7. Могущіе быть остатки % съ стипендіальнаго капитала пріобщаются къ процентнымъ деньгамъ будущаго времени и расходуются согласно параграфамъ 3 и 6 настоящаго положенія.

§ 8. Пользованіе стипендіею Липянскаго не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (3-го февраля 1901 года). *Положеніе о капиталѣ имени умершей жены генералъ-маіора Александры Павловны Череповой при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, при С.-Петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ учреждается капиталъ въ *шесть тысячъ сто семьдесятъ пять* рублей *двадцать двѣ* коп., имени умершей жены генералъ-маіора Александры Павловны Череповой, завѣщанный ею съ этою цѣлью.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ института и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ же выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія онѣ обмѣниваются правленіемъ института на другія правительственныя процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ капитала за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются, по опредѣленію правленія института, на взносъ платы за слушаніе лекцій наиболѣе бѣдныхъ слушательницъ института, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ съ капитала остатки обращаются правленіемъ института въ государственныя процентныя бумаги и присоединяются къ основному капиталу.

§ 5. Пользованіе процентами съ упомянутаго капитала не налагаетъ на слушательницу никакихъ обязательствъ.

8. (6-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени поэта А. С. Пушкина при Маріупольской Александровской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ ежегодно ассигнуемыхъ Маріупольскою городскою думою средствъ учреждается при Маріупольской Александровской гимназіи стипендія имени А. С. Пушкина въ размѣрѣ *семидесяти пяти* руб.

§ 2. Стипендія эта предназначается для взноса ежегодно въ гимназію платы за право ученія одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ и для выдачи ему же остатка на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 3. Стипендіатомъ можетъ быть ученикъ старшихъ классовъ (V—VIII), уроженецъ г. Маріуполя, обнаруживающій при отличномъ поведеніи хорошіе успѣхи по русскому языку и удовлетворительные по остальнымъ предметамъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается Маріупольской городской думой изъ кандидатовъ, представляемыхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

Примѣчаніе. Стипендіатъ въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или дурныхъ успѣховъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, можетъ быть лишенъ стипендіи.

§ 5. Стипендія обезпечивается ассигнованіемъ семидесяти пяти руб. изъ общихъ городскихъ средствъ, вносимыхъ ежегодно въ городскую смѣту.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата.

9. (8-го февраля 1901 года). *Положеніе о четырехъ стипендіяхъ имени учредителя пароходства „Зевеке“ Альфонса Александровича Зевеке при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* р., собраннаго бывшими служащими пароходства „А. А. Зевеке“, учреждаются при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ

четыре стипендіи имени учредителя пароходства „Зевеке“ Альфонса Александровича Зевеке.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ бумагахъ, составляетъ собственность училища и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ другихъ капиталовъ училища.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, употребляются на взносъ платы за обученіе стипендіатовъ.

§ 4. На стипендіи назначаются бѣднѣйшіе приходящіе ученики, православнаго вѣроисповѣданія, отличающіеся безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывающіе удовлетворительные успѣхи въ наукахъ и ремеслѣ, при чемъ преимущественное право на занятіе стипендій предоставляется дѣтямъ лицъ, служившихъ на пароходахъ общества „А. А. Зевеке“, или служащихъ въ пароходномъ обществѣ компаніи „Надежда“.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется учредителямъ стипендій по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіальнаго капитала употребляются на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для тѣхъ же стипендіатовъ.

§ 7. При повышеніи платы за ученіе число стипендіатовъ должно быть такое, чтобы проценты со стипендіальнаго капитала покрывали плату за обученіе ихъ въ училищѣ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (17-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Евгеніи Пышкиной при Новочеркасской мужской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шесть тысячъ* руб., пожертвованнаго отставнымъ есауломъ Александромъ Васильевымъ Пышкинымъ и заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, учреждается при Новочеркасской мужской гимназіи одна стипендія имени дочери жертвователя Евгеніи Пышкиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Новочеркасской мужской гимназіи и, оставаясь навсегда непри-

косновеннымъ, хранится въ Новочеркасскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ неприкосновеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., составляютъ стипендію, которая выдается одному изъ учениковъ Новочеркасской мужской гимназіи по выбору педагогическаго совѣта оной.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (23-го февраля 1901 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени помѣщика Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи, Іосифа Матвѣева Круковскаго-Ждановича при Минской женской гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Минской женской гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія учреждаются двѣ стипендіи имени помѣщика Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи, Іосифа Матвѣева Круковскаго-Ждановича, на счетъ процентовъ съ капитала въ *7115* рублей, образовавшагося съ 5000 рублей, пожертвованныхъ имъ съ этою цѣлью по духовному завѣщанію отъ 4-го декабря 1842 года.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ билетѣ коммиссіи погашенія долговъ 5% займа на 5000 рублей, въ билетахъ государственной 4% ренты на 2100 рублей и 15 рублей 51 коп. наличными деньгами, хранится въ Минскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Минской женской гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, назначаются двумъ избраннымъ стипендіаткамъ, по 155 рублей въ годъ каждой и выдаются на руки родителямъ стипендіатокъ, или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто, пополугодно въ мартѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ.

§ 4. Право назначать стипендіатокъ предоставляется педагогическому совѣту Минской женской гимназіи.

§ 5. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, христіанскихъ исповѣданій, дворянскаго происхожденія, от-

личающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ преимущество имѣютъ родственники завѣщателя Іосифа Матвѣева Круковскаго-Ждановича.

§ 6. Объ открывшейся вакансіи на стипендію начальствомъ гимназіи публикуется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, для приглашенія родственниковъ завѣщателя заявить о своемъ желаніи воспользоваться правомъ на стипендію. Расходы по публикаціи объ открывшейся вакансіи производятся изъ % со стипендіальнаго капитала.

§ 7. Лица, желающія воспользоваться стипендіей по праву своего родства съ завѣщателемъ, должны представить при прошеніи о назначеніи стипендіи удостовѣреніе о родствѣ отъ Бобруйскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

§ 8. Если по прошествіи шести мѣсяцевъ со времени публикаціи никто изъ родственниковъ завѣщателя не предъявитъ своихъ правъ, то педагогическій совѣтъ избираетъ стипендіатокъ изъ наличнаго числа ученицъ гимназіи согласно § 5 настоящаго положенія, и такія стипендіатки пользуются стипендіей до окончанія курса, или пока не будутъ лишены этого права педагогическимъ совѣтомъ за малоуспѣшность или неодобрительное поведеніе, или не уволятся изъ гимназіи ранѣе окончанія оной, хотя бы и оказались кандидатки для занятія стипендій изъ родственницъ завѣщателя.

§ 9. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 10. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 11. Въ случаѣ закрытія Минской женской гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія стипендіи имени І. М. Круковскаго-Ждановича переводятся на тѣхъ же основаніяхъ въ однородное среднее учебное заведеніе Виленскаго учебнаго округа, по распоряженію попечителя округа.

12. (24-го февраля 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы Московскаго купца Юліи Андреевны Борисовой при Московской 6-й гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи* руб., пожертвованнаго вдовою московскаго купца Юліей Андреевной Бори-

совой и заключающагося въ двухъ свидѣтельствахъ 4%-ой государственной ренты по 1000 руб. каждое, учреждается при Московской 6-й гимназіи одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской 6-й гимназіи и, оставаясь неприкосновеннымъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ установленнаго закономъ 20-го мая 1885 г. налога, употребляются для внесенія платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Московской 6-й гимназіи.

§ 4. Правомъ на полученіе стипендіи пользуются ученики всѣхъ классовъ гимназіи православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающіе того по своему поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіата, при жизни жертвовательницы Юліи Андреевны Борисовой, предоставляется ей самой, а по ея смерти—педагогическому совѣту Московской 6-й гимназіи.

§ 6. Образующійся остатокъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, на случай увеличенія размѣра платы за ученіе, причисляется къ капиталу и, по достаточномъ увеличеніи, обращается въ правительственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 7. При увеличеніи, въ будущемъ, капитала до такого размѣра, когда проценты съ него будутъ превышать хотя бы и увеличенный, противъ существующаго въ настоящее время, размѣръ платы за ученіе, остатокъ отъ процентовъ выдается стипендіату, въ видѣ пособія въ извѣстной формѣ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта Московской 6-й гимназіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (12-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго учителя Баускаго городского училища Фридриха Адамовича при названномъ городскомъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Баускомъ городскомъ училищѣ учре-

ждается стипендія имени бывшаго учителя Баускаго городского училища Фридриха Адамовича, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти семьдесятъ три* рубля *пятьдесятъ* коп., собраннаго по добровольной подпискѣ между знакомыми Адамовича, въ память четырнадцатилѣтней службы его въ названномъ училищѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ Митавскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Баускаго городского училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ же выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, педагогическій совѣтъ училища пріобрѣтаетъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 4. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата и выдаются педагогическимъ совѣтомъ училища стипендіату или родителямъ его пополугодно впередъ,—въ январѣ и августѣ.

§ 5. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

§ 6. Выборъ стипендіата предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Баускаго городского училища.

§ 7. Стипендіатъ лишается получаемой имъ стипендіи: 1) при оставленіи имъ училища, 2) вслѣдствіе малоуспѣшности, неодобрительнаго поведенія или другихъ какихъ-либо уважительныхъ причинъ, согласно постановленію педагогическаго совѣта училища.

§ 8. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются, для увеличенія размѣра стипендіи, къ основному капиталу, который можетъ увеличиваться путемъ новыхъ пожертвованій на сей предметъ со стороны знакомыхъ Адамовича.

§ 9. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (13-го марта 1901 года). *Положеніе о стипендіи имени Александра Сергѣевича Пушкина при Маріупольской Маріинской женской гимназіи.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Маріупольской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени Александра Сергѣевича Пушкина, на счетъ *семидесяти пяти* рублей, ежегодно ассигнуемыхъ изъ средствъ Маріупольской городской думы.

§ 2. Стипендіальная сумма употребляется на взносъ платы за ученіе въ гимназіи избранной стипендіатки и на пріобрѣтеніе для нея учебныхъ пособій.

§ 3. Стипендія назначается бѣднѣйшей ученицѣ старшихъ (V—VIII) классовъ гимназіи, изъ уроженокъ гор. Маріуполя, отличающейся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, а въ особенности по русскому языку.

§ 4. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта Маріупольской Маріинской женской гимназіи.

§ 5. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности въ наукахъ стипендіатка, по опредѣленію педагогическаго совѣта, лишается стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

15. (17-го марта 1901 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II при Краснослободскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го марта 1901 года, при Краснослободскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II, въ ознаменованіе исцѣленія Его Величества въ 1900 году отъ тяжкаго недуга, на счетъ процентовъ съ капитала въ *триста* рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Алексѣемъ Андреевичемъ Соловьевымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, изъ которыхъ одно въ двѣсти и одно въ сто рублей, хранится въ Краснослободскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя его неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ, а остатки выдаются на руки стипендіатамъ для покупки книгъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту по соглашенію съ жертвователемъ А. А. Соловьевымъ или съ его прямыми наслѣдниками, проживающими въ гор. Краснослободскѣ; въ случаѣ же, когда всѣ наслѣдники будутъ проживать въ другихъ мѣстностяхъ,—по соглашенію съ тѣми изъ нихъ, о мѣстопребываніи которыхъ будетъ извѣстно педагогическому совѣту и которые пожелаютъ принять участіе въ выборѣ стипендіатовъ.

§ 5. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ городского училища, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій изъ дѣтей жителей гор. Краснослободска.

§ 6. Въ случаѣ малоуспѣшности и неодобрительнаго поведенія, стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Могущіе образоваться, въ случаѣ незамѣщенія одной или обѣихъ стипендій, отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки выдаются бѣднымъ ученикамъ изъ числа окончившихъ курсъ на проѣздъ для поступленія въ другое учебное заведеніе; за неимѣніемъ же таковыхъ—бѣднымъ ученикамъ, обучающимся въ училищѣ.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію, въ случаѣ же совершеннаго закрытія городского училища, капиталъ этотъ передается въ одно изъ начальныхъ городскихъ и приходскихъ училищъ гор. Краснослободска—мужское или женское, по усмотрѣнію начальства Харьковскаго учебнаго округа.

16. (19-го марта 1901 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина при Шуйскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го августа 1873 года, утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Шуйскомъ городскомъ четырехклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени поэта Александра Сергѣевича Пушкина, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣсти семьдесятъ* рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью Шуйскою городскою думою.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, составляя неотъемлемую его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениковъ училища, православнаго вѣроисповѣданія, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта Шуйскаго городского училища.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Шуйскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается на тѣхъ же основаніяхъ въ вѣдѣніе послѣдняго, по назначенію городской думы.

Начиная со второй половины минувшаго января мѣсяца, въ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ происходили въ разное время студенческіе безпорядки, повлекшіе за собою во многихъ изъ сихъ заведеній пріостановку учебныхъ занятій передъ наступленіемъ пасхальныхъ вакацій. Эта пріостановка занятій, воспрепятствовавшая нормальному ихъ завершенію, создала такое положеніе, при которомъ учащіеся могутъ быть поставлены въ необходимость или потерять учебный годъ, или даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ силу дѣйствующихъ правилъ,—оставить учебное заведеніе. Такія послѣдствія должны тягостно отозваться на судьбѣ учащихся, а для многихъ изъ нихъ, по личному и семейному ихъ положенію, были бы истиннымъ бѣдствіемъ.

Созванное, съ Высочайшаго соизволенія, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, особое совѣщаніе главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, въ коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, признало необходимымъ для возстановленія правильнаго теченія учебной жизни въ означенныхъ заведеніяхъ, принять слѣдующія мѣры:

1. Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возобновить учебныя занятія или же, по распоряженію подлежащаго учебнаго начальства, непосредственно приступить къ переводнымъ и окончательнымъ испытаніямъ въ сроки, опредѣляемые обычными расписаніями экзаменовъ.

2. Если для окончанія учебныхъ занятій и производства экзаменовъ времени до начала лѣтнихъ вакацій оказалось бы недостаточно, то продолжить эти занятія и экзамены на вакаціонное время, предоставивъ подлежащему учебному начальству опредѣлить необходимые для сего сроки.

3. Неявившихся на экзамены безъ особо уважительной причины или не выдержавшихъ таковые подвергать всѣмъ послѣдствіямъ, указаннымъ дѣйствующими на сей предметъ въ отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ правилами.

4. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ видѣ исключенія, дозволять въ текущемъ году осенніе экзамены и переэкзаменовки въ особо уважительныхъ случаяхъ для отдѣльныхъ лицъ, по ходатайствамъ сихъ послѣднихъ, разрѣшаемымъ подлежащимъ учебнымъ начальствомъ.

IX. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „По великой русской рѣкѣ. Очерки и картины Поволжья. *А. П. Валуевой* (*Мунтъ*). Рисунки скомпанованы Т. И. Никитинымъ. С.-Пб. Изданіе М. М. Ледерле и К°. 1895. Стр. 230+II. Цѣна не обозначена"—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Д-ръ *В. Барингеръ*. Что нужно знать по электротехникѣ? (Was muss man von der Elektrotechnik wissen?) Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *Ѳ. Ф. Александрова*. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1901. Стр. 108. Цѣна 35 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Изданіе Акціонернаго Южно-Русск. О—ва Печатнаго Дѣла. Латинская этимологія въ таблицахъ. Пособіе при изученіи первоначальныхъ правилъ латинской грамматики. Составилъ *А. Григорьевъ*, преподаватель Одесской Четвертой гимназіи. Одесса. 1901. Стр. 17. Цѣна 20 коп."—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „*Камиллъ Фламмаріонъ*. Небесныя свѣтила. (Les merveilles célestes). Вечернія бесѣды. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія *Ѳ. Ф. Александрова*. Со 107 рисунками. С.-Пб. Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова. 1901. Стр. VIII+317. Цѣна 1 руб., въ перепл. 1 руб. 60 коп." — допустить въ ученическія, средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Брошюру: „Всѣмъ заботящимся о новорожденныхъ и малолѣтнихъ дѣтяхъ. Какъ предохранять и лечить глаза дѣтей преимущественно отъ гнойнаго воспаленія. (Въ общедоступномъ изложеніи). Д-ра *М. Рейха*, Непремѣннаго Члена В. Медиц. Ученаго Комитета. (Изданіе Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣ-

ныхъ). (3-е изданіе). (Съ таблицею рисунковъ). С.-Пб. 1900. Стр. VI+40. Цѣна не обозначена" — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Жизнь животныхъ *Брэма*. Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія, вновь обработаннаго *Рихардомъ Шмидтлейномъ* для школы и домашняго чтенія, подъ редакціей профессора *П. Ф. Лесгафта*. Первый томъ. — Млекопитающія. Съ 10 хромолитографіями, 15 черными таблицами и 221 рисункомъ въ текстѣ, исполненными Л. Бекманомъ, В. Кампгаузеномъ, Р. Кречмеромъ, В. Кюнертомъ, Г. Мютцелемъ, Фр. Шпехтомъ и др. С.-Пб. Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе". 1900. Стр. XXI+853. Цѣна не обозначена" — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „*Фуртье и Мольтени*. Научныя демонстраціи при помощи волшебнаго фонаря (Les projections scientifiques). Руководство къ употребленію волшебнаго фонаря для демонстраціи опытовъ по физикѣ и химіи. Перевелъ *М. П. Воскресенскій*. М. 1900. Стр. 136+1. Цѣна 1 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Изданіе редакціи журнала „Образованіе". Исторія новѣйшей философіи. Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней. *Г. Геффдинга*, Профессора Копенгагенскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1900. Стр. VIII+496. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Современная метеорологія. Очеркъ ея прошлаго и настоящаго. *Франка Вальдо*, бывшаго профессора „Сигнальнаго бюро" въ Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатахъ. Переводъ съ англійскаго *М. П. Косача* подъ редакціею профессора *Б. И. Срезневскаго*. Съ 112 рисунками. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1897. Стр. XII+380. Цѣна 2 руб. 75 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ и уче-

ническихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Томъ III. Юрьевъ. 1900. Стр. XL+238. Цѣна 2 руб.“ — рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, какъ всѣхъ вообще, такъ и, въ особенности, Рижскаго учебнаго округа.

— Книгу: „*А. П. Постниковъ*. Элементарный курсъ электротехники. М. 1901. Стр. III+158+II. Цѣна 1 р. 50 коп.“—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, и для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Исторія нѣмецкой литературы отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени проф. *Фридриха Фогта* и проф. *Макса Коха*. Переводъ, съ разрѣшенія издателей оригинала, *А. Л. Погодина*, прив.-доцента С.-Пб. университета, преподавателя Археологическаго Института. Съ 72 художественно исполненными рисунками въ текстѣ, 2 гравюрами, 18 хромолитографіями и 6 черными картинами. С.-Пб. 1901. Стр. XII+802. Цѣна: 15 выпусковъ по 50 коп.; въ роскош. перепл. 8 р. 60 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книги: 1) „Иліада *Гомера*. Пѣснь XXII. Объяснилъ *С. Радецкій*, инспектирующій преподаватель Московской 7-й гимназіи. Изданіе второе. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». 1900. Стр. III+48. Цѣна 35 коп.“ — 2) „То же. Пѣснь XXIV. Изданіе второе. М. 1900. Стр. III+70. Цѣна 45 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій и прогимназій, но съ тѣмъ, чтобы слѣдующія изданія этихъ книгъ печатались болѣе крупными и четкими шрифтами и на лучшей, по возможности, бумагѣ.

— Книги: 1) „*Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ*. Земля и ея народы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, въ 4-хъ томахъ, подъ редакціей *Ф. Груздева*, Редактора журнала «Природа и Люди». Томъ III. Живописная Европа. (Съ картою и рисунками). С.-Пб. Изданіе П. П. Сойкина. 1898. Стр. 728+II. Цѣна не обозначена“. — 2) „То же.

Томъ IV. Живописная Африка, Австралія съ Океаніей и Полярныя страны. (Съ картами и рисунками). Спб. 1899. Стр. 160+100+I. Цѣна не обозначена" — одобрить первую для фундаментальныхъ, а вторую для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Виталій Эйнгорнъ*. Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. М. 1899. Стр. XIV+1104. Цѣна 5 р."—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ вообще среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Крыша міра. Описаніе Центральной Азіи. По Пржевальскому, Геддину и Саваджу составила *Д. Котляръ*. Съ 18 рисунками и картою. С.-Пб. 1900. Стр. IX+171. Цѣна 80 коп." — допустить въ ученическія, младшаго и средняго возрастовъ, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно въ библіотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни.

— Книги: 1) „*Н. Л. Шапошниковъ*. Учебникъ алгебры, примѣненный къ программамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Четвертое изданіе, напечатанное съ третьяго безъ измѣненія. (Въ двухъ частяхъ). Часть первая. Курсы третьяго и четвертаго классовъ гимназій съ дополнительными статьями. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова подъ фирмою «Наслѣдники Братьевъ Салаевыхъ». М. 1900. Стр. III+174. Цѣна 70 коп." — 2) „То же. Часть вторая. Курсы старшихъ классовъ гимназій и среднихъ классовъ реальныхъ училищъ. Четвертое обработанное изданіе. М. 1900. Стр. 149+1. Цѣна 70 коп." — одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Dr. *Georg Curtius*' Griechische Schulgrammatik. Einundzwanzigste Auflage, bearbeitet von Dr. *Wilhelm von Hartel*, ord. Professor der klassischen Philologie an der Universität Wien. Leipzig. Verlag von G. Freytag. 1891. VIII+304 S. Preis: geheftet 2 M., gebunden 2 M. 40 Pf." — одобрить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) „Griechisches Elementarbuch zunächst nach den Gram-

matiken von Curtius-Hartel, Kägi, Koch und Franke-Bamberg bearbeitet von Dr. *P. Wesener*. Neue Ausgabe nach den Bestimmungen der preussischen Lehrpläne vom Jahre 1891. Erster Teil. Das Nomen und das regelmässige Verbum auf ω. Sechste unveränderte Doppel-Auflage. Leipzig. Druck und Verlag von B. G. Teubner. 1900. VIII+143 S."—2) „То же. Zweiter Teil. Verba auf μι und unregelmässige Verba. Vierte Doppel-Auflage. Leipzig. 1900. IV+158 S."—3) „Dr. *Moritz Seyffert's* Übungsbuch zum Übersetzen aus dem Deutschen in das Griechische. Durchgesehen und erweitert von Dr. *Albert von Bamberg*, Herzogl. Sächs. Oberschulrat, Direktor des Gymnasium Ernestinum zu Gotha. Zweiter Teil: Beispiele zur Syntax und zusammenhängende Übungsstücke. Zwölfte verbesserte Auflage. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1897. XII+250 S. Preis 2 M."—одобрить для употребленія, въ качествѣ учебныхъ пособій, въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книги: 1) „Греческая христоматія, т. I. Избранныя мѣста изъ греческихъ классиковъ, съ біографіями писателей и объяснительными примѣчаніями. Составили *С. Ф. Орловскій* и *В. Н. Фаминскій*. Выпускъ пятый: Пять рѣчей *Демосѳена*. 3 изданіе. С.-Пб. 1899. Стр. 76. Цѣна 45 коп."—2) „То же, т. II. Выпускъ первый: Апологія, Критонъ и Федонъ *Платона*. Изданіе третье. М. 1899. Стр. IV+128. Цѣна 45 коп."—3) „То же, т. II. Выпускъ третій: Избранныя мѣста изъ Меморабилій *Ксенофонта*. М. 1899. Стр. 76. Цѣна 30 коп."—одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій для мужскихъ гимназій, но съ тѣмъ, чтобы слѣдующія изданія этихъ книгъ были напечатаны болѣе крупными и четкими шрифтами.

— Стѣнную таблицу: „Мѣры метрической или десятичной системы. Изданіе К. Тихомирова. Цѣна 75 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства и для вывѣшиванія въ классахъ означенныхъ заведеній на стѣнѣ.

— Книгу: „Сберегательныя кассы. (Соціально-экономическое значеніе сберегательныхъ кассъ, иностранное законодательство, историческій очеркъ и современная постановка сберегательнаго строя въ Россіи). *Н. Н. Бѣлявскаго*. С.-Пб. 1896. Стр. III+215+1. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ министерства, а также допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ

писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Xavier de Maistre*. Prascovie ou La jeune Sibérienne. (*Ксавье де-Местръ*. Параша-Сибирячка). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснила *А. М. Пильцъ*. Изданіе третье. С. Пб. Изданіе С. А. Манштейна. 1901. Стр. 110+1 (въ текстѣ) +36 (въ отдѣльномъ словарѣ). Цѣна со словаремъ 30 коп., въ папкѣ 40 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и для ученическихъ библіотекъ означенныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткій курсъ педагогики. Руководство для женскихъ заведеній съ двугодовымъ курсомъ педагогики. Проф. *М. Олесницкаго*. Выпускъ первый: Теорія воспитанія. 2-е изданіе. Кіевъ. 1896. Стр. IV+147. Цѣна 60 коп. — Выпускъ второй: Теорія обученія. 2-е изданіе. Кіевъ. 1895. Стр. VI+151. Цѣна 60 коп." — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, въ коихъ преподается педагогика, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи сочиненіе это было тщательно пересмотрѣно и переработано по замѣчаніямъ ученаго комитета.

— Книгу: „Русскій Чудо-Вождь. Графъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій, его жизнь и подвиги. Соч. *А. И. Красницкаго*. Съ 40 рисунками академика Н. С. Самокиша. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900. Стр. 373+II. Цѣна 3 руб."—одобрить для ученическихъ, всѣхъ возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ министерства, а также для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданія: 1) „Картины Родины. Европейская Россія. Составилъ Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Дм. Дубенскій*. С.-Пб. 1900."—2) „Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Дм. Дубенскій*. Поясненія къ „Картинамъ Родины". Европейская Россія. Приложеніе къ художественной картинѣ того же названія, исполненной худ. Н. Фокинымъ. С.-Пб. 1900. Стр. 25. Цѣна „Картинамъ Родины" съ приложеніемъ 3 руб. 50 коп., безъ пересылки"—допустить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ всѣхъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Письма *Иннокентія*, Митрополита Московскаго и Коломенскаго 1865—1878. С.-Пб. Собраны *Иваномъ Барсуковымъ*, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Общества Исторіи и Древ-

ностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Общества ревнителей русскаго Историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III и членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Книга третья. С.-Пб. 1901. Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Стр. VI+398. Цѣна 2 руб. 50 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Отголоски старины. Сборникъ историческихъ разсказовъ *П. Н. Полевого*. Съ 12 иллюстраціями К. В. Лебедева и Н. С. Самокиша. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900. Стр. XI+174+1. Цѣна 2 руб. 25 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго и средняго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Русская исторія (въ связи съ исторіей Великаго Княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Ар. Турцевичъ*. Преподаватель Виленской 1-й гимназіи. Пятое изданіе безъ перемѣнъ съ приложеніемъ 5 картъ, 22 рисунковъ и вопросовъ для повторенія, а также родословной и хронологической таблицъ. Вильна. 1900. Стр. VII+156. Цѣна 50 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для III класса гимназій и реальныхъ училищъ, признавъ при этомъ желательнымъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги примѣчанія были напечатаны, по возможности, еще болѣе крупнымъ шрифтомъ.

— Книгу: „Одинъ изъ богатырей XIX вѣка. Популярный очеркъ (съ картами). *А. Струсевича*. Посвящается юнымъ воинамъ XX-го вѣка. Островъ. 1899. Стр. 287. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Подвиги русскихъ адмираловъ Петра Михайлова, Спиридова, Ушакова, Сенявина, гр. Гейдена, Лазарева, Нахимова, Корнилова и ихъ сподвижниковъ. *М. А. Лялиной*. Съ 33 рисунками. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1900. Стр. VII+305+II. Цѣна 2 руб. 25 коп."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, а равно и для безплатныхъ читаленъ.

— Книгу: „Историческій очеркъ русской школы. Составилъ *В. В. Григорьевъ*. М. 1900. Стр. XII+587+1. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ

среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: „Lehrbuch der Algebra nebst einer Sammlung von Übungsaufgaben. Für Gymnasien und Realschulen bearbeitet von *A. Belikow* und *A. Nathing*, Lehrern der Mathematik an der Hauptschule zu St. Petri. Zweite Auflage. I. Teil. St. Petersburg. 1901. VII+166 S. Preis 1 Rbl.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книги: 1) „Methodisch geordnete arithm. Aufgaben für das Kopf- und Tafelrechnen von *Richard Kalnin*, Lehrer an der St. Annen-Schule zu St. Petersburg. Erstes Heft. A. (Ergänzungsheft). (Kursus der [A] unteren Vorbereitungs-Klasse). Die vier Species im Zahlenraume von 1—100. Vierte unveränderte Auflage. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова. С.-Пб.—М.—Варшава. 1900. 47 S. Preis: Gebunden 40 Kop.“ — 2) То же. Erstes Heft B. (Kursus der B Klasse). Die vier Species im unbegrenzten Zahlenraume mit unbenannten und einfach benannten ganzen Zahlen. Vierte unveränderte Auflage. 1899. 48 S. Preis: Gebunden 40 Kop.“—3) „То же. Zweites Heft. (Kursus der ersten Klasse). Die vier Species mit unbenannten und benannten ganzen Zahlen. Einführung in die Bruchrechnung. Vierte unveränderte Auflage. 1899. 61+I S. Preis gebunden 50 Kop.“—4) То же. Drittes Heft. (Kursus der zweiten Klasse). Die vier Species in gewöhnlichen und Decimalbrüchen. Verhältnisse und Proportionen. Einfache und zusammengesetzte Regeldetri. Dritte vermehrte Auflage. 1896. 64 S. Preis: Gebunden 55 Kop.“—5) „То же. Viertes Heft. (Kursus der dritten Klasse). Die bürgerlichen Rechnungsarten und Wiederholungsaufgaben über den ganzen arithmetischen Kursus Dritte verbesserte umgearbeitete Auflage. 1898. 73 S. Preis: Gebunden 65 Kop.“—6) „Die wichtigsten arithmetischen Regeln nebst Musterbeispielen von *Richard Kalnin*, Lehrer an der St. Annen-Schule zu St. Petersburg. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова. С.-Пб.—М.—Варшава. 1896. 62+I S. Preis: Gebunden 75 Kop.“—одобрить, какъ весьма полезныя учебныя пособія при прохожденіи ариѳметики въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: „*А. В. Половцовъ.* Прогулка по русскому музею Императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39-ю рисунками. М.

1900. Стр. IX+172+1. Цѣна 60 коп."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возрастовъ, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства и городскихъ училищъ, для учительскихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: „Изданіе О. Н. Поповой. Образовательная библіотека. Серія III, № 5. *Дж. Т. Лэддъ* (*Ladd*). Очеркъ элементарной психологіи. (Primer of psychology). Перев. съ англ. *Н. Спиридонова* подъ ред. *Б. А. Кистяковскаго*. С.-Пб. 1900. Стр. III + 162 + 2. Цѣна 80 коп."—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ книга печаталась болѣе четкимъ шрифтомъ.

— Книгу: „Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. министромъ народнаго просвѣщенія. Составилъ *К. А. Ивановъ*, преподаватель С.-Пб. Высшихъ женскихъ курсовъ, Пятой гимназіи и Патріотическаго института. Изданіе четвертое. С.-Пб. Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина". 1901. Стр. VII+186+IV. Цѣна 80 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Русская исторія для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ систематическій. Составилъ *П. Полевой*. 4-е исправленное изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1900. Стр. 320. Цѣна 1 руб. 25 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Война и приключенія оловянныхъ солдатиковъ. Изъ воспоминаній реалиста. Разсказъ. С.-Пб. Изданіе К. Ф. Попова. 1900. Стр. 48. Цѣна 20 коп." — допустить въ библіотеки приготовительнаго и перваго классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". Мирный завоеватель. Историческая повѣсть изъ жизни Іоганна Гуттенберга, изобрѣтателя книгопечатанія. 1420—1468 гг. *К. А. Соловьева-Несмѣлова*. Съ рисунками. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе". М. 1900. Стр. III+158. Цѣна 40 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Дешевая библіотека № 318. Басни *Крылова*. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями. (Два портрета, виды памятника, могилы Крылова и 15 рисунковъ). Изданіе пятое. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1899. Стр. LX + II + 300 + I. Цѣна 15 коп.,

въ папкѣ 23 коп., въ переплетѣ 30 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства, а также и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Дешевая библіотека. № 114. Фаустъ. Драматическая поэма *Вольфганга Гёте*. Часть I. Переводъ *Николая Холодковскаго*. Изданіе четвертое. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1900. Стр. 250. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 33 коп., въ перепл. 45 коп.“ — рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Дешевая библіотека. №№ 311—313. *Викторъ Гюго*. Соборъ Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris). Изданіе второе. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. Томъ первый. Стр. 238+II.— Томъ второй. Стр. 224+II.—Томъ третій. Стр. 213+I. Цѣна за 3 т. 60 коп., въ папкѣ 68 коп., въ перепл. 75 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Страданія молодого Вертера. Романъ *В. Гёте*. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Р. Эйгеса* со статьей о „Вертерѣ“. С.-Пб. Изданіе А. С. Суворина. 1893. (Новая библіотека Суворина). Стр. 202. Цѣна 60 коп.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Е. Фуксъ*. Анекдоты князя Италійскаго, графа Суворова Рымникскаго. Изданіе А. Радонежскаго. Прибыль отъ продажи поступитъ на памятникъ Суворову. С.-Пб. 1900. Стр. 3+XI+152. Цѣна 50 коп.“—допустить какъ въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства, такъ и въ безплатныя читальни.

— Книгу: „Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. *Rudolf Baumbach*. Ausgewählte Erzählungen. *Рудольфъ Баумбахъ*. Избранные разсказы изъ „Sommermärchen“, „Es war einmal“ и „Erzählungen und Märchen“. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, сборникомъ словъ и оборотовъ и алфавитнымъ словаремъ. Съ разрѣшенія автора для русскихъ учебныхъ заведеній обработалъ *К. Р. Берентъ*. Изданіе С. А. Манштейна. С.-Пб. 1901. Стр. 102+I (въ текстѣ) и 83+6 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 50 коп.“—рекомендовать какъ пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ муж-

скихъ, такъ и женскихъ, а также для ученическихъ библіотекъ средняго и старшаго возраста тѣхъ же учебныхъ заведеній.

X. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Для народа. Разсказы *И. Н. Захарьина (Якунина)*. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб., 1897. Стр. 77+1. Цѣна 20 коп.“— допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Сборникъ, заключающій въ себѣ годичный кругъ поученій, примѣнительныхъ къ быту и пониманію простого народа. Составилъ священникъ *А. А. Тресвятскій*. Самара. 1900. Стр. XII+512. Цѣна 1 р. 50 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Фабрикуемые *Д. А. Митропольскимъ* въ селѣ Бологомъ (по Николаевской жел. дор.): 1) Митрофонъ № 3, Альтъ (цѣна 15 р.) и 2) Подвижныя ноты (цѣна листу, ненаклеенному на щитъ, со всѣми металлическими принадлежностями, 2 рубля, съ перес. 2 р. 50 к.)— допустить къ употребленію, наравнѣ со скрипкой, во всѣ тѣ низшія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ дѣти, между прочимъ, обучаются и пѣнію.

— Брошюры: 1) „Гигіена глаза. Публичная лекція врача *А. Тельнихина*. Изданіе журнала „Помощь самообразованію“. Саратовъ 1891. Стр. 19. Цѣна 30 коп.“—2) „О томъ, какъ надо жить, чтобы быть здоровымъ. Бесѣды о воздухѣ, жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, питьѣ, работѣ, отдыхѣ и прочемъ. Врача *В. В. Рахманова*. Съ рисунками. № 390. М. 1900. Стр. 131. Цѣна 35 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Бесѣды о скарлатинѣ и дифтеритѣ. 2-е изданіе, исправленное и дополненное. Составленное врачемъ *П. Н. Соколовымъ*, Изданіе Саратовскаго Губернскаго Земства. Саратовъ. 1900. Стр. 18. Цѣна 5 коп.“—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книги: 1) „Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ

согласно съ утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія учебною программой для городскихъ училищъ *М. Варавва.* Курсъ 1-го и 2-го года. Со многими политипажами въ текстѣ. Изд. 10-е, исправленное и дополненное. М. 1899. Стр. V+328. Цѣна 1 р. 50 к."— 2) „Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ согласно съ утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія учебною программою для городскихъ училищъ *М. Варавва.* Описаніе человѣческаго тѣла съ гигіеническими указаніями, общій обзоръ животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ и краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи растеній. Курсъ 3-го года. Съ 154 политипажами въ текстѣ. Изд. 6-е, исправленное. М. 1898. Стр. VII+184. Цѣна 1 р." — 3) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва.* Ботаника. Годъ 1-й. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М. 1894. Стр. IV+56. Цѣна 50 к." — 4) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва.* Ботаника. Годъ 2-й и 3-й. Со многими политипажами въ текстѣ, съ приложеніемъ задачъ по ботаникѣ и двухъ таблицъ для опредѣленія растеній. Изд. 6-е. М. 1898. Стр. VIII+184. Цѣна 90 коп." — 5) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва.* Зоологія. Годъ 1-й. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 5-е, исправленное и дополненное. М. 1894. Стр. II+134+1. Цѣна 80 к."—6) „Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ, съ вопросами и задачами. Составилъ *М. Варавва.* Зоологія. Годъ 2-й и 3-й. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, измѣненное. М. 1893. Стр. IV+236. Цѣна 1 р."— первыя двѣ одобрить, а прочія четыре допустить, въ качествѣ учебныхъ руководствъ, къ употребленію въ городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г. училищахъ, а равно въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги: 1) „*Д. Г. Булгаковскій.* На помощь. Сборникъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Для народа. С.-Пб. 1901. Стр. 207. Цѣна 40 к." — 2) „*Д. Г. Булгаковскій.* Новая русская хрестоматія, съ подборомъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Для школъ въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. С.-Пб. 1901. Стр. 165. Цѣна 30 к."—допустить первую въ безплатныя народныя читальни и би-

бліотеки, вторую—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Брошюру: „*Д. Г. Булгаковскій.* Съ хмелемъ спознаться — съ честью разстаться. Народное чтеніе съ свѣтовыми картинами. С.-Пб. 1901. Стр. 24. Цѣна 15 к.“—включить въ каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюру: „Генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій. Къ столѣтней годовщинѣ со дня его кончины. (1800 — 6 мая — 1900 гг.). Составилъ *Иванъ Студитскій.* Кострома. 1900. Стр. 22. Цѣна не обозначена“—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Брошюры, составленныя агрономомъ *К. Дмитріевымъ* и изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Бесѣды по сельскому хозяйству“: 1) „Крестьянскій домашній огородъ. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 5 к.“—2) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Общія правила воздѣлыванія огородныхъ овощей. М. 1900. Стр. 48. Цѣна 8 к.“—3) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Дыни, спаржа, артишокъ, горохъ. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“—4) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Картофель, огурцы, тыква и арбузы. М. 1900. Стр. 31. Цѣна 5 к.“—5) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Свекла, рѣпа, брюква, морковь, сельдерей, петрушка, рѣдька, радисъ, хрѣнъ, цикорій, лукъ, лукъ-порей, чеснокъ. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 5 к.“—6) „Огородничество какъ доходная статья въ хозяйствѣ. Фасоль, бобы, томаты (амурное яблоко) и садовая земляника. М. 1900. Стр. 30. Ц. 5 к.“—7) „Сѣнокосныя угодья и выгоны. Какъ улучшить ихъ качества и увеличить количество кормовыхъ средствъ въ хозяйствѣ. М. 1899. Стр. 46. Цѣна 5 коп.“—8) „Мое четырехполье. Озимые посѣвы. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 к.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*В. Правдинъ.* Учебникъ географіи для начальныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа. Составленъ примѣнительно къ Примѣрнымъ программамъ этихъ училищъ, изданнымъ въ 1899 году. Изданіе Ф. И. Трескиной. Рига. 1901. Стр. 74. Цѣна 25 к.“ — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа.

— Изданіе: „Русское Чтеніе. Общедоступная газета съ рисун-

ками и картинками. Выходитъ 2 раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Цѣна за годъ 2 р. 50 коп. Издатели: С. Н. Колачевскій и Д. Н. Дубенскій. Редакторъ *Дм. Дубенскій.*" — разрѣшить къ выпискѣ, при настоящей его редакціи, учительскими библіотеками всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній и сельскихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданіе: „Сельско-хозяйственный альбомъ. Вредныя насѣкомыя. Составилъ *К. Ѳ. Линдеманъ.* (Текстъ). С.-Пб. 1895. Стр. 15. Альбомъ: 8 раскраш. таблицъ. Цѣна обоимъ вмѣстѣ 3 р. (Приложеніе къ журналу „Хозяинъ" за 1895 г.)"—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „*Ѳедоръ Самаринъ.* Пособіе къ чтенію шестопсалмія. М. 1899. Стр. 62. Цѣна 30 к." — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Часть I. Съ 40 рисунками и 3 геогр. картами. Изданіе 20-е, безъ перемѣнъ. Составилъ *В. Водовозовъ.* С.-Пб. 1896. Стр. VIII+288. Цѣна 45 коп." — допустить къ классному употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданія: 1) „Картины Родины. Европейская Россія. Составилъ Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества *Дм. Дубенскій.* С.-Пб. 1900. 1 листъ 126 × 90 сантим."—2) „Поясненія къ „Картинамъ Родины". Европейская Россія. Приложеніе къ художественной картинѣ того же названія, исполненной худ. Н. Фокинымъ. С.-Пб. 1900. Стр. 25. Цѣна „Картинамъ Родины" съ приложеніемъ 3 р. 50 к., безъ пересылки." — одобрить для вывѣшиванія въ классахъ низшихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ полезнаго нагляднаго пособія при прохожденіи учениками начальной школы курса родиновѣдѣнія.

— Брошюры изданія редакціи журнала „Досугъ и Дѣло": 1) „Царь и казакъ. *В. Желиховской.* С.-Пб. 1886. Стр. 36. Цѣна 10 к." — 2) „Въ плѣну. *С. К. Аникинъ.* С.-Пб. 1890. Стр. 44. Цѣна 10 коп."— 3) „Лапотникъ и бархатникъ. (Изъ воспоминаній стараго солдата). Разсказъ *Н. И. Соловьева,* С.-Пб. 1885. Стр. 20. Цѣна 10 к." — допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Книжки изданія М. В. Клюкина: 1) „*Ив. Ив. Козловъ*. Три поэмы. Чернецъ. Н. Б. Долгорукая. Безумная. М. 1900. Стр. 80. Цѣна 15 к.“—2) „Пѣсни и думы кобзаря. *Т. Г. Шевченко*. Въ пер. *И. А. Бѣлоусова*. М. 1900. Стр. 43. Цѣна 20 к.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги изданія Т—ва И. Д. Сытина: 1) „Дочь волны. Повѣсть изъ быта исландскихъ рыбаковъ. М. 1897. Стр. 159. Цѣна 30 к.“ — 2) „Слѣпой братъ. Повѣсть *Грэнъ*. Переводъ съ англійскаго. *М. Кр.*... М. 1896. Стр. 117. Цѣна 50 к.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Заупокойное Богослуженіе. Объясненіе обрядовъ, предшествующихъ погребенію, чина погребенія и обрядовъ, послѣдующихъ за погребеніемъ. Составилъ *Георгій Орловъ*. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 116. Цѣна 40 к.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Журналъ: „Воскресеніе. Иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно. Цѣль журнала дать учащимся дѣтямъ, нижнимъ чинамъ войскъ и народу полезное и интересное чтеніе. XV годъ. С.-Пб. 1900. За редактора-издателя *В. Саговскій*.“ — разрѣшить къ выпискѣ, при настоящей его редакціи, въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ: „Народное Здравіе, подъ редакціей: профессоровъ *Н. И. Быстрова*, *В. П. Доброклонскаго*, *С. І. Залѣсскаго*, *А. К. Лимберга*, *Е. В. Павлова*, *А. В. Пеля*, *А. Г. Полотебнова*, *В. В. Строганова*, *Н. И. Тихомірова* и *В. Ф. Чижа*. Выходитъ по четвергамъ, въ объемѣ двухъ листовъ (32 столбца) журнальнаго формата. Въ годъ 52 № журнала и 24 книжки „Библіотеки Народнаго Здравія“. Цѣна съ перес. и дост. въ годъ 4 руб.“ — разрѣшить къ выпискѣ, при настоящей его редакціи, въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „Еженедѣльный литературно-художественный журналъ «Сѣверъ». За редактора издатель *Н. Ѳ. Мертцъ*. Безъ доставки въ С.-Пб. Цѣна 6 руб. Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи 7 р.“— изъять изъ числа періодическихъ изданій, допущенныхъ въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Въ минувшемъ 1900 году преобразованы въ двухклассныя слѣдующія одноклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія: Бисертское, при 135 учащихся, Верхне-Сергинское, при 204 учащихся, Иргинское, при 104, Уткинское, при 175 и Шайтанское, при 114 учащихся [означенныя училища преобразованы 1-го сентября 1900 года] и въ Камышловскомъ уѣздѣ: 10-го сентября—Катайское, при 130 учащихся и 16-го того же мѣсяца—Талицкое, при 106 учащихся.

— 12-го февраля 1901 года состоялось открытіе Кабановскаго одноклассного народнаго училища Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, при 20 учащихся.

— 20-го февраля 1901 года открыто въ с. Сидоровичахъ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, одноклассное начальное училище, при 49 учащихся.

ПОВѢСТЬ О КОРОЛЕВИЧѢ ВАЛТАСАРѢ И БЫЛИНЫ О САМСОНѢ-СВЯТОГОРѢ.

По наблюденію Вс. Ѳ. Миллера содержаніе велико-русскихъ былинъ даетъ основаніе для раздѣленія нашихъ эпическихъ пѣсенъ на два отдѣла. Къ одному изъ этихъ отдѣловъ относятся „былины *богатырскаго* характера, въ которыхъ изображаются подвиги богатырей, ихъ битвы съ татарами и разными чудищами — змѣемъ Горыничемъ, Тугариномъ, Идолищемъ“ и т. п. Другой отдѣлъ составляютъ „былины не воинскаго характера, напоминающія иногда новеллы, иногда фабліо,—такія, которыхъ сюжетомъ служатъ событія городской жизни, напримѣръ, случаи непомѣрной роскоши и богатства, распри городскихъ фамилій, любовныя приключенія, похищенія невѣстъ и т. п.“ [1]). Большая часть былинъ второго отдѣла, по мнѣнію проф. Миллера,—новгородскаго происхожденія. Такова, напримѣръ, былина о Чурилѣ. „Типъ Чурилы-богача-красавца, опаснаго для мужей, не исключая и князя Владиміра, продуктъ культуры богатаго города, въ которомъ развитіе промышленности и торговли отразилось на нравахъ его обитателей въ пышности бытовой обстановки, разнузданности и насильничаніи молодыхъ людей и распущенности женщинъ“ [2]). Большой городъ, на который намекаетъ былина о Чурилѣ,—Великій Новгородъ. На Новгородъ же указываетъ и содержаніе былины о Хотѣнѣ Блудовичѣ. „Сюжетъ ея представляетъ мало чудеснаго и сказочнаго... Пѣсня разсказываетъ о ссорѣ двухъ городскихъ фамилій, начавшейся на пиру и кончившейся дракой, убійствомъ и свадьбой. Все это несложное событіе разсказано съ такими реальными жизненными чер-

[1]) Очерки русской народной словесности, стр. 30.

[2]) Ibid. 198.

тами, хотя кое-гдѣ и пріукрашенными фантазіей, что намъ представляется вѣроятной „историческая“ основа былины. Думаемъ, что нѣчто близкое къ содержанію былины дѣйствительно произошло въ Новгородѣ: одинъ изъ такихъ городскихъ скандаловъ, въ которомъ фигурировали представители выдающихся фамилій, почему-либо надѣлалъ много шума и въ свое время былъ разсказанъ пѣснью. Матеріалъ для пѣсни былъ данъ самымъ событіемъ, характеръ же ея опредѣлялся вкусами слагателя и городской публики, падкой до скандаловъ“ [1]).

Съ замѣчаніемъ проф. Миллера о разнородномъ составѣ былинъ нельзя не согласиться, но соображенія уважаемаго изслѣдователя о новгородскомъ происхожденіи всѣхъ былинъ, „напоминающихъ новеллы или фабліо“, вызываютъ нѣкоторыя сомнѣнія. „Весьма сомнительными во многихъ случаяхъ,—замѣчаетъ проф. Архангельскій,—кажутся намъ выводы изслѣдователя о принадлежности того или другого былиннаго типа именно Новгороду, о происхожденіи тѣхъ или другихъ дошедшихъ до насъ былинъ изъ новгородской культурной области, а не какой-либо другой, напримѣръ, кіевской или позднѣйшей московской“ [2]). Основаніе для такихъ сомнѣній даетъ самъ же авторъ „Очерковъ русской народной словесности“. Останавливаясь на вопросѣ о слагателяхъ и исполнителяхъ русскаго эпоса, В. Ѳ. Миллеръ указываетъ на слѣды вліянія старо-русскихъ скомороховъ на извѣстную теперь редакцію нашихъ былевыхъ пѣсенъ: „думается мнѣ,—замѣчаетъ почтенный изслѣдователь,—что анализъ (былевыхъ сюжетовъ) долженъ привести къ заключенію, что среди былинъ нашихъ найдется не мало такихъ, которыя носятъ яркіе признаки скоморошьей обработки. Таковы, напримѣръ, былины о гостѣ Терентьищѣ и Ставрѣ Годиновичѣ“ [3]). Такова же и былина о Чурилѣ: „въ былинахъ о Чурилѣ отражаются легкія понятія о нравственности какихъ-нибудь скомороховъ, которые любили обработывать пикантные сюжеты, не стѣсняясь нравственными требованіями, лишь бы позабавить публику“ [4]).

Вліяніе скоморошьей среды на нашъ былевой эпосъ можетъ быть подтверждено вѣскими доводами. Но если это вѣрно, если дѣйстви-

---

[1]) Ibid. 232.

[2]) Извѣстія отдѣл. русск. языка и словесности Академіи Наукъ, 1898, т. III, кн. 3, стр. 909 (въ ст. объ „Очеркахъ“ Вс. Ѳ. Миллера).

[3]) Очерки... стр. 63.

[4]) Ibid. стр. 200.

тельно сюжеты и обработка былинъ, напоминающихъ новеллы или фабліо, указываютъ на литературную работу „веселыхъ людей", то нѣтъ достаточныхъ основаній объяснять особенности этихъ былинъ отраженіемъ въ нихъ именно новгородскаго быта. Скоморошество—явленіе общерусское. Царь Иванъ Васильевичъ въ вопросахъ, предложенныхъ Стоглавому собору, указывалъ на то, что „по дальнимъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупяся ватагами многими, по шестьдесятъ и по семьдесятъ и до ста человѣкъ". Но если скоморохи появлялись даже въ „дальнихъ странахъ", если они встрѣчались по глухимъ окраинамъ, то въ центрѣ Московской Руси они бывали постоянно. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, укажемъ на свидѣтельства московскаго писателя начала XVI вѣка—митрополита Даніила. „Ты вся въ бѣсовскую славу твориши,—обличаетъ Даніилъ современнаго ему москвича,—позорища, играніа, плясаніа събираеши и къ симъ паче течеши, неже къ божественнымъ церквамъ, и не точію се, но и в домъ свой, къ женѣ и къ дѣтемъ, приводиши скомрахи, плясцы, сквернословцы, погубляя себе и дѣти, и жену и вся сущая въ дому паче потопа онаго" [1]).

По вѣрному замѣчанію проф. Архангельскаго, поученія митрополита Даніила даютъ намъ яркія картины развитія городской роскоши въ Москвѣ [2]). Въ этихъ картинахъ можно найти цѣлый рядъ аналогій съ тѣми былинными описаніями и разсказами, въ которыхъ предполагается отраженіе новгородскаго быта. Найдемъ у Даніила портретъ щеголя и волокиты, напоминающій Чурилу Пленковича, найдемъ описанія роскоши и веселаго житья, найдемъ и указанія на распущенность нравовъ [3]). Было бы, конечно, ошибкой думать, что обличенія митрополита Даніила могли быть примѣнены только къ москвичамъ XVI вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что матеріалъ для такихъ обличеній могла дать какъ Москва, такъ и другіе болѣе древніе русскіе города, не исключая, конечно, и Великаго Новгорода. То же нужно сказать и о былинныхъ описаніяхъ и разсказахъ, сходныхъ съ обличеніями проповѣдниковъ. Поэтому представляется не безопаснымъ, *при неимѣніи какихъ-либо иныхъ указаній*, объяснять эти подробности былинъ отраженіемъ быта того или другого города, той или другой русской области.

---

[1]) *Жмакинъ*, Митр. Даніилъ и его сочиненія, прилож. стр. 21.

[2]) Op. cit. стр. 913.

[3]) *Жмакинъ*, стр. 19—20, 27, 36.

Обличая современниковъ, которые заводили у себя „игранія и плясанія", которые приглашали къ себѣ скомороховъ, митрополитъ Даніилъ говоритъ: „всему же злу ты бываеши ходатай. Ей, не азъ, рече, но они плясци и глумотворци. Како глаголеши: они? Все твое есть: аще бы ты не хотѣлъ, ни они бы глумотворили и плясали" [1]). Проповѣдникъ былъ правъ. Конечно, если скоморошьи пѣсни, игры и пляски имѣли успѣхъ, то это объясняется только тѣмъ, что репертуаръ скоморошьихъ увеселеній отвѣчалъ художественно-литературнымъ вкусамъ современнаго имъ общества. Потѣхи и шутки „веселыхъ людей" повторялись и внѣ скоморошьей среды. „Ты непрестанно всѣ человѣки съблажняеши, говорилъ митрополитъ Даніилъ, обращаясь къ представителю московскаго общества, якоже самый той сатана, *баснословиши, притчи смѣхотворныя приводиши*, грохощеши, смѣешися, всякую кознь, всякаа ухитреніа твориши смѣхотворнаа, да человѣкомъ бѣсовскаа оученіа приносиши" [2]). Въ этой тирадѣ обращаетъ особенное вниманіе упоминаніе о „смѣхотворныхъ притчахъ" и баснословіи, указывающее на запасъ какихъ-то веселыхъ и занимательныхъ разсказовъ, обращавшихся въ старо-русскомъ обществѣ. Даніилъ говоритъ только объ устной передачѣ смѣхотворныхъ притчъ, о баснословіи среди бесѣды. Но и письменность наша не отказывалась въ этомъ случаѣ идти объ руку съ устной словесностью. Работы книжныхъ людей увеличивали постепенно объемъ той повѣствовательной литературы, которая нравилась любителямъ баснословія и смѣхотворныхъ притчъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся съ однимъ изъ образцовъ той новеллистики, которая извѣстна была старо-русскимъ читателямъ, а именно съ „повѣстью о королевичѣ Валтасарѣ". Повѣсть эта интересна особенно по нѣкоторой близости ея къ произведеніямъ нашего народнаго творчества. Одинъ изъ эпизодовъ повѣсти сходенъ съ былиннымъ разсказомъ о женѣ Святогора. Все содержаніе повторяется въ одной изъ русскихъ народныхъ сказокъ. Такая связь „Валтасара" съ памятниками русской народной литературы придаетъ переводной повѣсти нѣкоторое историческое значеніе. Считаю поэтому не излишнимъ сообщить свѣдѣнія объ этой повѣсти, остановиться на вопросѣ объ ея составѣ и литературныхъ отношеніяхъ.

---

[1]) Ibid. 21.
[2]) Ibid. 19.

I.

Donne, e voi che le donne avete in pregio,
Per Dio, non date a questa istoria orecchia....
Ariosto (Or. f. XXVIII).

Въ исторіи старо-русской письменности имя Валтасара, какъ героя какой-то новеллы, извѣстно давно. Оно указано впервые въ извѣстномъ трудѣ А. Н. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ (1858). Авторъ „Очерка“ нашелъ это имя въ заглавіи какой-то повѣсти, написанномъ въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка, принадлежащемъ г. Забѣлину. „Кажется, замѣчаетъ почтенный академикъ, существовалъ какой-то романъ или исторія „*о Валтасарѣ, королѣ Табурецкомъ*“, имя которой написано два раза въ сборникѣ Забѣлина № 67; списки ея намъ не попадались“ [1]).

Списка повѣсти, вполнѣ отвѣчающаго заглавію рукописи Забѣлина, не было отмѣчено и позднѣйшими изслѣдователями, но повѣсть съ похожимъ заглавіемъ извѣстна. Я имѣю при этомъ въ виду „Повѣсть о Валтасарѣ кралевичѣ, како служи нѣкоему царю“, отмѣченную покойнымъ А. Е. Викторовымъ [2]) въ описаніи рукописей Пискарева.

Повѣсть о Валтасарѣ, сохраненная рукописью Пискарева,—переводная, занесенная съ запада: въ повѣсти упоминаются крали, кралевичи, рыцари, жена Валтасара носитъ имя: Флорента прекрасная и пр. Но при несомнѣнности перевода въ языкѣ нашей повѣсти нѣтъ, однако, тѣхъ грубыхъ варваризмовъ, которые пестрятъ обыкновенно изложеніе переводныхъ повѣстей стараго времени. Въ „Валтасарѣ“ замѣтны напротивъ ясные слѣды русской обработки. При разсказѣ о женскихъ измѣнахъ приводится отрывокъ изъ поученія о злыхъ женахъ въ томъ видѣ, какъ оно было извѣстно по славянскимъ спискамъ: „О злое, острое дияволе оружие, о зло всего злее—злая жена! По истиннѣ (рече) Иоаннъ своими златыми усты: лутче железо варити, нежели злую жену учити; паки рече: лутче жити в земли пустѣ, нежели жити з женою злоязычною и пронырливою“ [3]). Царь

---

[1]) Ученыя записки втораго отдѣленія Академіи Наукъ, кн. IV (1858), стр. 289.

[2]) Каталогъ слав.-русскихъ рукописей Пискарева, стр. 44, № 172.

[3]) Ср. Историч. чтенія о языкѣ и словесности 1855 года, стр. 172, 177, 182, 186 (въ ст. М. Ив. Сухомлинова: „О псевдонимахъ въ древней Русской Словес-

недовольный своимъ сосѣдомъ, угрожаетъ нападеніемъ и высказываетъ эту угрозу въ такихъ выраженіяхъ: „аще, царю, того... кралевича в наше государство не отпустишь, и мы изволяемъ твою *землю всю подъ мечъ подклонити* и твое величество жива полонити". Казнь измѣнницы изображается съ подробностями, напоминающими наши сказки: измѣнницу и ея любовника приказано *повѣсить на воротахъ* и разстрѣлять, а тѣла ихъ бросить „псомъ на ѣдѣние". Странствованія Валтасара и его спутника описаны въ такихъ выраженіяхъ: „и поидоша по далнымъ странамъ и по пустымъ мѣстамъ". На пути они встрѣчаютъ „нѣкоего рыцаря, сирѣчь *богатыря*". Описывается шатеръ этого богатыря: „наидоши на лугу... шатеръ велми прекрасенъ: маковица у того шатра красна и золота и велми той шатеръ ухищренъ всякими ухищрении". Подобныя описанія шатровъ часто встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ пѣсняхъ, и въ сказкахъ [1]). Всѣ эти примѣры указываютъ на нѣкоторое сближеніе переводной повѣсти съ памятниками старо-русской письменности и народной словесности. Сближеніе это обнаруживается, правда, въ мелкихъ подробностяхъ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, но оно не лишено значенія. Текстъ повѣсти, сохранившій слѣды русской обработки, заставляетъ предполагать другой, болѣе древній текстъ, — текстъ, представлявшій не передѣлку, а болѣе или менѣе близкій переводъ оригинала. Нужно конечно допустить, что нѣкоторый, вѣроятно не малый, промежутокъ времени отдѣлялъ одинъ текстъ отъ другого, а это соображеніе даетъ основаніе утверждать, что первоначальный переводъ повѣсти о Валтасарѣ появился, конечно, значительно раньше того времени, къ которому относится списокъ повѣсти, сохранившійся въ рукописи Пискарева.

ности"); Слово Даніила Заточника съ предисл. и примѣч. И. А. Шляпкина. (Памятники древней письменности, № LXXXI), стр. 26, 50, 77—78.

[1]) Напримѣръ, въ былинѣ о Ставрѣ: „И какъ будетъ грозенъ посолъ младъ Василій Ивановичъ блиско столнова града Киева, въ тѣхъ лугахъ государевыхъ, и тутъ велѣлъ бѣлы шатры бѣло белчетыя разставити, а посолской шатеръ не мешается съ тѣми: маковка у шатра золотая, золота аравитскаго" (Русскія былины старой и новой записи подъ ред. Тихонравова и Миллера, стр. 56). Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ:

А увидѣлъ: въ поли стоятъ бѣлы шатры,
А вѣдь бѣлыя шатры полотняныя,
А вѣдь маковки были золочеными,

(*Гильфердингъ*, Онежскія былины, 1296).

Тема повѣсти о Валтасарѣ—„женская лукавая любовь“, женскія хитрости и обманы, жертвами которыхъ бываютъ довѣрчивые любовники и мужья. Старинные новеллисты, касавшіеся этой темы, не останавливались, какъ извѣстно, передъ передачей интимныхъ подробностей любовныхъ отношеній. Не задумывался надъ сообщеніемъ нескромныхъ подробностей и авторъ „Валтасара“. Пряныя приправы приходились, какъ видно, по вкусу читателей стараго времени. „Валтасаръ“ могъ нравиться этимъ читателямъ, какъ нравились имъ и многія другія новеллы эротическаго содержанія.

Начало повѣсти застаетъ королевича Валтасара на службѣ нѣкоего царя. „Бысть в некоеі странѣ градъ великъ и славенъ зѣло, и в томъ градѣ былъ царь велми богатъ и славенъ зѣло, и много земель богатыхъ имелъ у себя в покорениі. И бѣ служа ему некоего краля сынъ, именемъ Валтасаръ, и собою вельми пърекрасенъ и разуменъ, что в державѣ его таковаго лѣпотою не обретеся. И любяше его царь велъми за красоту лица его и за умную речь, и учинилъ его предъ собою стоять и бѣ отъ всехъ чтимъ“. Царь женилъ своего любимца на дочери одного изъ вельможъ, прекрасной Флорентѣ. Бракъ былъ счастливый: „кралевичь нача жити съ сожителницею своею велми любезно, что и людемъ житию ихъ позавидети“. Прибылъ разъ ко двору того царя, у котораго жилъ Валтасаръ, посолъ „изъ некоего славнаго далнаго царства“. Увидѣвъ королевича, посолъ былъ пораженъ его красотой „и рекъ в себѣ: подобенъ сей кралевичъ царю нашему красотою лица своего, и нача во умѣ своемъ держати, чтобъ по возвращениі в царство свое про красоту того кралевича царю своему возвѣстити“. Посолъ исполнилъ то, что задумалъ: сказалъ своему царю о Валтасарѣ, объ его красотѣ. „Слышавъ же се царь, и повелѣ к царю тому готову быти нѣкоему велможе своему посланому. По указу же цареву написаша к тому царю о кралевиче листы по царскому уставу“. Царь требовалъ прислать къ нему Валтасара. Требованіе сопровождалось приведенной выше угрозой: „аще... кралевича в наше государство не отпустишъ, и мы изволяемъ твою землю всю подъ мечь подкланити и самого тя в тотъ чинъ предъ нашимъ величествомъ учинити. Аще ли же наше повелѣние сотвориши, то вѣчный миръ с нами восприімеши“. Принявъ посла и взявъ отъ него письмо, царь, у котораго жилъ Валтасаръ, „повелѣ вычесть предъ собою, и услыша писанное о кралевиче, рече послу тому со гнѣвомъ: иди ты к царю своему тощъ и скажи ему, чтобъ онъ не труждался всуе и не мыслилъ, что кралевичю быть у

него в царствѣ, и не даде ему кралевича. Посолъ же тотъ отъиде отъ царства вотще". Когда посолъ удалился, думцы царскіе стали ему говорить, что „ради единаго человѣка" онъ хочетъ „все царство свое погубити": тотъ царь, отъ котораго приходилъ посолъ, — говорили думцы, — „сильнѣе и богатѣе твоего царства и можетъ сотворити противъ послания своего". Царь не могъ не согласиться съ доводами думцевъ. Скрѣпя сердце, онъ рѣшился разстаться съ своимъ любимцемъ. Сильно горевалъ Валтасаръ, узнавъ о царскомъ рѣшеніи: онъ долженъ былъ отправиться одинъ, долженъ былъ разстаться съ „прекрасною сожительницею своею". Передъ отъѣздомъ мужа Флорента указала ему „хартию, и чернилы, и разные вапы и даде ему трость в руцѣ его". Она хотѣла, чтобы мужъ оставилъ ей свой портретъ. „Язъ, говорила она, поставлю его в ложницѣ своей в честнѣмъ мѣстѣ и стану на него зрѣти и тебе, сожителника своего драгаго, поминати; вспаметовавши твою премногую ко мнѣ любовь, начну горко плакати и отъ горести сердца своего сей твой начертанный образъ начну любезно лобзати". Королевичъ исполнилъ желаніе жены. Когда портретъ былъ оконченъ, онъ простился съ Флорентой и пустился въ путь вмѣстѣ съ купцомъ, который отправлялся „в то царство для торговли с товары".

Дорогой Валтасаръ сильно скучалъ. Купецъ „яко благоразсмотрителенъ" предложилъ королевичу вернуться вмѣстѣ домой и посмотрѣть, что дѣлаютъ безъ нихъ ихъ жены. При этомъ купецъ взялъ съ королевича слово, что тотъ удалится, не давая о себѣ знать, что бы ни увидѣлъ. Вернулись. Подошли сначала къ „палатѣ купцевой, гдѣ мать его пребываетъ", посмотрѣли въ скважню и увидѣли, что она молится Богу. Затѣмъ поглядѣли въ палату, гдѣ купцева жена пребываетъ; оказалось, что и она занята тѣмъ же, чѣмъ и ея свекровь. Направились далѣе къ палатѣ, гдѣ пребываетъ „кралевичева сожительница". Увидѣли нѣчто неожиданное: „у сожителницы в полатѣ сидитъ на кровати любовникъ ея, котораго имѣла еще при немъ, кралевиче. Образомъ же той любовникъ зѣло не искусенъ и нимало не дошелъ до кралевича, и сидя на ложницѣ бияше по ланитома". Валтасаръ готовъ былъ вскрикнуть, но удержался, вспомнивъ объ уговорѣ. „И естъли бы у кралевича мечъ в руцѣ былъ, тобъ моглъ самъ себя заклати". Любовнику попался на глаза портретъ царевича. Онъ потребовалъ, чтобы жена Валтасара била его портретъ. „Плакавъ же она нача персону мужа своего по ланитома

бити. Посемъ нача с нею на ложницѣ опочивати и что имъ годѣ творити".

Послѣ тяжолаго испытанія, пережитаго Валтасаромъ, красота его измѣнилась. Царь, къ которому королевичъ поступилъ на службу, посовѣтовалъ ему гулять въ чудесномъ саду; прогулки въ этомъ саду могли возстановить силы и красоту. Однажды во время прогулки королевичъ „подъ нѣкоимъ прекраснымъ древомъ узрилъ ложе царское: и постеля, и возглавие, и одеяло, и помысли в себѣ, что царь опочиваетъ". Оказалось иное. „Видитъ кралевичъ: ползетъ на коленехъ межъ древесъ к ложу нѣкакой поползень на древяныхъ колодкахъ. Прииде же той поползень к ложу і колодки повергъ на землю, самъ же вынявъ испод возглавия одежду царскую и облечеся, и сѣде на ложе. Времени же малу минувши, приіиде к нему царица царя того с тремя своими дѣвками. Той же поползень нача царицу ругати и бити по ланитома. Бивши же приглашаетъ, чего ради замешкала к нему приітти. Она же рече ему: царь долго убирался, не ехалъ за охотою в поле. А тотъ царь полевую охоту зѣло любилъ и непрестанно ездилъ. Поползень же той нача с царицею творити беззаконие, и паки разыдошеся". Увидѣвъ это, королевичъ подумалъ: „виждь, каковъ сей царь славенъ и образомъ прекрасенъ, а жена его такъ озорничаетъ, не токмо моя сожителница оставшаяся. И отверже всю свою печаль отъ сердца, бысть в три дни прекрасенъ и здравъ паче прежняго".

Царь замѣтилъ перемѣну въ Валтасарѣ и пожелалъ узнать, что съ нимъ было, отчего онъ захворалъ и какъ поправился. Королевичъ разсказалъ о своихъ страданіяхъ, о невѣрности жены, но о томъ, что видѣлъ въ саду, только намекнулъ: онъ посовѣтовалъ царю отправиться вмѣстѣ съ нимъ на охоту и затѣмъ неожиданно вернуться домой. Такъ и сдѣлали. Пришли въ садъ, нашли приготовленное ложе, забрались на дерево и увидѣли то же, что видѣлъ раньше Валтасаръ. Царица и поползень казнены.

Спустя нѣкоторое время царь сказалъ королевичу: „брате мой, Валтасаре кралевичю, послушай моего добраго совету, что язъ тебѣ ізреку; виждь, что наши сожительницѣ с нами в любви живучи чинили, і ныне, брате, возмемъ мы моего царства нѣкую прекрасную із женъ і станемъ с нею жить вмѣсте, аки с сожителницею. А посадимъ ея в высокую ст(р)елню і приставимъ стражу крепкую, а двери для вѣрности межъ себя станемъ печатми своими печатать, а

ради любви, чтобъ межь нами не было какие вражды, — потому что сие дѣло зѣло мнительно, — положимъ межъ себя заповѣдь, а ей тое заповѣди не объявимъ". Заповѣдь была такая: „пришедъ в стрѣлню оба і положимъ ея на ложе, а сами ляжемъ по обѣма сторонама ея, единъ одесную, а вторый ошуюю страну, и кий из насъ похощетъ с нею пребыти, той втораго ногою своею потрогай, и котораго тронетъ, той в тоя поры лежи ничь на ложи не трогася, а той с нею пребуди". Такъ уговорились и стали жить въ тройномъ союзѣ. „И живше с тою любовницею многое время по той заповѣди безложно, любовница же ихъ по нѣкоему случаю изведавъ ихъ советъ, паки и заповѣдь, і в нѣкое время поглядѣвъ из стрѣлни в оконце и увиде на земли нѣкоего отрока и, разгорѣвся к нему любовию похоти, спусти в оконце холстъ и подыме его тѣмъ холстомъ отъ земли в оконце, пребывъ с нимъ на ложи. По времени же приідоша к ней царь и кралевичъ по обычаю своему, любовница же ихъ, яко лукава зѣло, услыша приходъ ихъ к себѣ, сохрани отрока того отъ нихъ в сундукъ свой. Царь же і кралевичъ пришедъ і по обычаю своему легше с нею на ложи, і она бѣ лукава зѣло и злохитра: тронула ихъ своима ногама обѣихъ вдругъ. Они же легше оба ничь на ложи і держаша во умѣ своемъ другъ на друга,..... а в тоя поры тотъ ея любовникъ, вышедъ изъ сундука і ляже межъ ними". Такая продѣлка стала повторяться. Царь и королевичъ сердились другъ на друга, подозрѣвая одинъ другого въ нарушеніи уговора. Наконецъ дѣло разъяснилось. Любовникъ былъ открытъ и разсказалъ все. Наложница и любовникъ казнены: ихъ повѣсили на воротахъ и разстрѣляли.

Царь и Валтасаръ „велми съто(ско)ваху ни о чесомъ же, но токмо о безчастиі своемъ и о беззаконіі и о лукавствѣ женъ своихъ. І в нѣкое время рече царь кралевичю в великой печали своей: брате мой и господине, виждь своего, паки и моего лицъ зракъ доброты і велие наше несчастие и виждь, како прежніі наши законные сожителницы с нами лестно и лукаво жили, паки и ся наша общая наложница, сотанина угодница... (Слѣдуетъ приведенныя выше изреченія о злыхъ женахъ), и ныне, брате, отвержемъ отъ сердца всю печаль свою и пойдемъ по далнымъ странамъ стыда ради здѣшнихъ жителей. Кралевичъ же рече: буди, господине, на волю твою, якоже хощещи, азъ радъ твоего добронравнаго глагола во всемъ слушати. И поидоша по далнымъ странамъ и по пустымъ местамъ и ходивше много дней, яко близъ и годиннаго времени, і в нѣкоей странѣ наидоша на лугу... шатеръ велми прекрасенъ: маковица у того шатра

красна и золота, и велми той шатеръ ухищренъ всякими ухищренми. И недошедъ они до того шатра, подумавше промежь себя много, что мочноль итти в той шатеръ, и стояху на многъ часъ, и паки положиша упование на Господа Бога, поидоша вкупѣ к шатру. Пришедше же в шатеръ той зѣло дерзостно и опасно, чаяху нѣкоего рыцаря, і сирѣчь богатыря, и паки в шатрѣ никого же обрѣтоша. И начаша прилѣжно искати на лугу около шатра и искавше много, яко вдолѣе і поприща отъ шатра того, и ничтоже обрѣтоша, и бысть в себѣ яко ужасны зѣло. Нашедше же на томъ лугу нѣкую стезицу малу, яко вполу поприща отъ шатра того, и поидоша по ней къ шатру и увидѣша близь тое стези рѣчку; пришедше к ней по стези той и приідоша в близость того шатра увидѣша близъ стези тое и реки и шатра древо нѣкое велми прекрасно при іныхъ древесехъ и высоко необычно, влѣзше на него и начаша ждати, да ли кто по стеви той к шатру приідетъ. По малу времени зрятъ они, ажно бѣжитъ тою стезею левъ звѣрь велми пристрашенъ, изо устъ у него пламя, а изъ ушей дымъ чернъ і во устѣхъ несетъ, яко видимо имъ отъ древа, колцо златое, аки отъ солнечнаго блистания лучи испущаетъ отъ колца того. Приіде же тотъ левъ в шатеръ и удари тое колцо переднею своею ногою і выіде ис того колца пречюдная и прекрасная жена, а левъ превратися во образъ пре(кра)снаго воина, во образѣ нѣкоего царя пречюдна, и легъ с нею в томъ шатре любезно опочивати". Царь и королевичъ продолжали сидѣть на деревѣ, боясь спуститься: „да ни коимъ обыкновениемъ (левъ) ихъ увидитъ и поястъ". — „Опочивавше же той царь, мнимый левъ, с тою ішедшею іс колца златого женою на многъ часъ, і посла ю той царь со златымъ кубцомъ для почерпствия воды. Она же пришедши к рекѣ близъ того древа, на немъже вседяше царь и кралевичъ, нача тѣмъ кубцомъ воду черпати и увиде вкупѣ два зрака человѣческаго образа, и бысть во ужасѣ мня, яко привидение нѣкое отъ сатаны, и ту воду ис купка вылила, и паки почерпе с молитвою, и видѣ то, что и в прежнемъ купцѣ и наіпаче краснѣе образы тѣ и прежнихъ образовъ. И дививсе велми, и нача озиратися сѣмо и овамо и напрасно взглянувъ на то древо, увидѣ царя и кралевича в лице и рада бысть к растлѣнию грѣха с ними, потому что они зѣло прекрасни ей показалися. А той царь, мнимый левъ, в тоя пору в шатрѣ опочива(лъ), ожидая ю с водою к себѣ. Она же ихъ увидѣвъ, нача со древа звати, обѣщаяся имъ вмѣсто смерти животъ, едва со древа к ней сойдутъ"... На этихъ словахъ

обрывается текстъ повѣсти въ рукописи Пискарева. Окончаніе повѣсти можетъ быть однако возстановлено въ общихъ чертахъ, если сравнимъ „Валтасара“ съ другими разсказами сходнаго содержанія.

II.

Повѣсть о Валтасарѣ представляетъ соединеніе нѣсколькихъ разсказовъ, сходныхъ по основной темѣ. Женская невѣрность и хитрость иллюстрируются въ повѣсти рядомъ примѣровъ: жена Валтасара измѣняетъ своему красавцу мужу; царица любитъ какого-то уродливаго „поползня“; сожительница Валтасара и царя прячетъ своего любовника въ сундукѣ; женщина, которую носитъ въ кольцѣ левъ, готова отдаться первому встрѣчному.

Всѣ эти разсказы и въ отдѣльности, и въ томъ литературномъ комплексѣ, который находимъ въ „Валтасарѣ“, повторяются въ нѣсколькихъ варіантахъ, различающихся одинъ отъ другого лишь нѣкоторыми подробностями. Остановимся сначала на варіантахъ сходныхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемой нами повѣсти. Варіанты эти слѣдующіе:

А) Вступительная повѣсть въ извѣстномъ сказочномъ сборникѣ: „Тысяча одна ночь“. Въ повѣсти разсказывается о двухъ братьяхъ Шахріарѣ и Шахзенанѣ. Первый изъ нихъ былъ султаномъ въ Индіи, второй получилъ въ управленіе Татарію. Братья не видались десять лѣтъ: „Шахріаръ, соскучившись такой долгой разлукой, страстно желая увидать своего брата, рѣшилъ пригласить его на свиданіе въ Индію. Немедленно, по монаршему повелѣнію, снарядилось посольство съ великимъ визиремъ во главѣ, съ почетной свитой, подобающей его высокому сану, и поспѣшно отправилось въ путь“. Шахзенанъ съ честью принялъ посольство и выразилъ согласіе на сдѣланное приглашеніе. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, онъ выѣхалъ изъ своей столицы и остановился на нѣкоторое время въ лагерѣ, гдѣ жило посольство. Передъ отъѣздомъ изъ лагеря Шахзенанъ захотѣлъ еще разъ проститься съ любимой женой. „Уступая этому невольному порыву, онъ одинъ, безъ провожатыхъ, вернулся во дворецъ и прямо прошелъ въ опочивальню царицы. Она не ждала его, думая, что онъ уже далеко, и пользуясь его отсутствіемъ, приняла на свое ложе одного изъ послѣднихъ дворцовыхъ слугъ. Была глубокая ночь, они легли уже давно и теперь оба спали безмятежнымъ сномъ. Султанъ вошелъ тихо, ему заранѣе улыбалась мысль,

какъ онъ обрадуетъ жену своимъ нежданнымъ появленіемъ; но каково же было его чувство, когда при свѣтѣ факеловъ, неугасимо горящихъ ночью въ опочивальняхъ царицъ и царевенъ, онъ увидалъ человѣка, лежавшаго въ объятіяхъ его жены... Объятый гнѣвомъ, онъ, какъ разъяренный звѣрь, бросился къ постели и однимъ ударомъ сабли совершилъ быстрый переходъ отъ временнаго сна къ вѣчному". Трупы измѣнницы и ея любовника брошены въ ровъ.

Съ тоской на сердцѣ отправился Шахзенанъ въ путь. Тоска не покидала его и во время пребыванія у брата. „Великолѣпныя празднества, полныя разнообразія и шумнаго веселья, не только не исцѣляли его сердечной раны, но казалось, еще болѣе растравляли ее". Разъ Шахріаръ отправился на охоту. Шахзенанъ, отговорившись нездоровьемъ, остался дома. Изъ окна своей комнаты онъ увидѣлъ, какъ отворилась потайная дверь дворца и изъ нея вышла султанша съ толпой служанокъ. „Шахзенанъ, побуждаемый любопытствомъ, поспѣшно скрылся за оконницей и сталъ наблюдать. Вдругъ сама султанша, а за нею и всѣ разомъ сбросили съ себя длинныя чадры, сняли верхнія одежды, стѣснявшія ихъ движенія, и остались въ однихъ легкихъ шароварахъ да короткихъ юбочкахъ, затканныхъ золотомъ. Велико было изумленіе Шахзенана, когда онъ увидалъ среди этой группы молодыхъ прекрасныхъ женщинъ десять черныхъ негровъ невольниковъ, изъ которыхъ каждый тотчасъ же выбралъ себѣ пару и удалился съ ней подъ тѣнистые куполы алоэ и пальмъ. Затѣмъ сама повелительница звонко ударила въ ладони и крикнула два раза: Мазудъ! Мазудъ! Немедленно на этотъ зовъ съ вершины одного изъ высокихъ деревьевъ быстро, какъ бѣлка, соскользнулъ могучій, статный негръ и бросился въ ея объятія"...

Измѣна султанши успокоительно подѣйствовала на Шахзенана. „Неразуменъ я былъ, считая свое горе какимъ-то исключительнымъ, говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе. Видно, это общая доля всѣхъ мужей... Даже братъ мой, величайшій монархъ, властитель столькихъ государствъ, и тотъ не могъ избѣгнуть ея. А если это такъ, то стоитъ ли смущать себя воспоминаніями о такомъ ничтожествѣ и носить изъ-за него печаль въ своемъ сердцѣ. Кончено! отброшу свое малодушіе, не стану больше поддаваться тоскѣ... Сказалъ, и въ ту же минуту съ него словно спало тяжелое бремя".

Шахріаръ, замѣтивъ перемѣну въ настроеніи брата, проситъ его открыть ему причину этой перемѣны. Тотъ разсказываетъ и объ измѣнѣ своей жены, и о продѣлкахъ жены Шахріара. Султанъ жела-

етъ удостовѣриться въ словахъ брата: уѣзжаетъ на охоту, возвращается и видитъ картину своего позора. „О, Боже всемогущій! воскликнулъ онъ въ порывѣ неудержимаго гнѣва, куда же дѣвались стыдъ и совѣсть, если ихъ нѣтъ даже среди нашихъ царицъ!.. Вотъ что, братъ мой,—бросимъ этотъ постылый свѣтъ,... уйдемъ куда-нибудь въ далекую, чужую сторону, гдѣ бы никто не зналъ насъ, и тамъ похоронимъ свое горе и скроемъ свой позоръ". Шахзенанъ согласился. „Ты знаешь, братъ мой, сказалъ онъ, что я всегда готовъ слѣпо повиноваться твоей волѣ и охотно пойду за тобой хоть на край свѣта, но только обѣщай мнѣ, что ты вернешься немедленно, если встрѣтишь человѣка несчастнѣе насъ". Шахріаръ согласился.

Братья отправились странствовать. Однажды они остановились отдохнуть на берегу моря. Вдругъ изъ воды появилось чудовищное существо: „то былъ одинъ изъ тѣхъ злобныхъ геніевъ, которые искони вѣковъ питаютъ непримиримую ненависть къ человѣчеству. Весь черный, страшный, чудовищно громадный, онъ медленно подвигался къ берегу, несъ на головѣ стеклянный сосудъ, замкнутый четырьмя блестящими замками". Братья влѣзли на дерево и наблюдали за дѣйствіями великана. Онъ снялъ съ головы ящикъ и открылъ его: изъ ящика вышла прекрасная молодая женщина. Затѣмъ „онъ грузно повалился на землю, вытянулся во всю длину, такъ что ноги его простерлись до самаго края берега и, положивъ свою чудовищную голову на колѣни красавицы, мгновенно заснулъ, захрапѣвъ при этомъ съ такой страшной силой, что дрогнула земля. Въ ту же минуту красавица, переводя скучающіе взоры съ предмета на предметъ, случайно глянула вверхъ и увидала тамъ на самой вершинѣ дерева двухъ статныхъ, красивыхъ мужчинъ. Нисколько не смутившись, она улыбнулась имъ и выразительнымъ знакомъ пригласила сойти къ ней на землю. Но тѣ, увидавъ свое убѣжище открытымъ, перепугались еще болѣе и такими же знаками умоляли ее не требовать отъ нихъ повиновенія и не выдавать ихъ. Тогда въ отвѣтъ, осторожно приподнявъ съ своихъ колѣнъ громадную голову генія и сложивъ ее на землю, она подошла къ самому дереву и тихо, но твердо проговорила: Я хочу и требую, чтобы вы сошли ко мнѣ оба. Напрасно братья новыми жестами старались объяснить ей, что они не могутъ преодолѣть своего страха и просятъ ее не настаивать. — Довольно, сказала она уже гнѣвно, слѣзайте, или я сама разбужу гиганта и потребую вашей смерти. Послѣ такого рѣшительнаго приказанія, имъ ничего болѣе не оставалось какъ повиноваться безпрекословно, и

они тихо, принимая всѣ предосторожности, чтобы не разбудить спящее чудовище, спустились на землю. Тогда красавица, взявъ ихъ за руки, отошла съ ними къ другому дереву и тамъ свободно выразила свое влеченіе къ нимъ обоимъ. Въ виду страшной опасности, ежеминутно грозившей имъ со стороны гиганта, они пытались отговориться всевозможными доводами, но красавица осталась непреклонной и угрозами принудила исполнить ея волю. Замѣтивъ на пальцахъ обоихъ братьевъ дорогіе перстни, красавица пожелала взять ихъ на память. Перстни переданы. „Она возвратилась на прежнее мѣсто, открыла стеклянный сундукъ и достала оттуда длинную нить различныхъ перстней съ драгоцѣнными каменьями... По этимъ кольцамъ, сказала она, я веду счетъ тѣмъ, кого я, какъ и васъ, дарила своими ласками. Здѣсь девяносто восемь, съ вашими будетъ ровно сто... Затѣмъ усѣвшись на прежнее мѣсто, приподняла голову все также крѣпко спавшаго гиганта, снова положила ее на свои колѣни и жестомъ показала братьямъ, чтобы они поспѣшили удалиться". Встрѣча съ красавицей и гигантомъ убѣдила Шахріара въ томъ, что „вѣрность женщины не пріобрѣтается даже чарами и что никакая сила не преодолѣетъ ея хитрости". Шахзенанъ согласился съ этимъ. „Ты долженъ также убѣдиться и въ томъ, замѣтилъ онъ брату, что этотъ могучій геній во сто разъ несчастнѣе обоихъ насъ. А если это такъ, то мы нашли, чего искали, вернемся же теперь въ свои владѣнія и снова вступимъ въ бракъ". Такъ и сдѣлали. „На третій день по уходѣ они снова вернулись въ свой охотничій станъ" [1]).

Б) Новелла Джіованни Серкамби, итальянскаго писателя XV вѣка († 1424): „De ingenio mulieris adultera". Въ Неаполѣ, во времена короля Манфреда, жилъ рыцарь (cavalieri) Астульфъ, женатый на красавицѣ Лагринтѣ. Приглянулся этой красавицѣ одинъ изъ оруженосцевъ мужа, по имени Ніери. Разъ, когда Астульфа не было дома, Лагринта и оруженосецъ отдались взаимнымъ ласкамъ. Астульфъ неожиданно вернулся. Измѣна была уличена. Астульфъ поселился у короля Манфреда. Королева оказалась такой же измѣнницей, какъ и Лагринта. Астульфъ видѣлъ, какъ къ дверямъ дворца подползъ какой-то калѣка (uno cattivello, che andava col culo in nel catino).

---

[1]) Текстъ сказки приводится по новому русскому переводу Доппельмайера (М. 1899 г.). Обзоръ изданій, переводовъ и изслѣдованій арабскаго сказочнаго сборника, см. въ ст. Горстера и Крымскаго: „Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи". Съ дополненіями и указателемъ литературы". (Юбилейный сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, стр. 225—240).

Черезъ нѣкоторое время дверь дворца открылась и изъ нея вышла королева. Калѣка сталъ упрекать ее за то, что ему пришлось долго ждать. Оказалось, что несчастный поползень былъ любовникомъ королевы.—Настроеніе духа Астульфа, до тѣхъ поръ мрачное, прояснилось. Манфредъ спрашиваетъ рыцаря о томъ, что его печалило и что облегчило эту печаль? Астульфъ разсказываетъ о своей бѣдѣ и объ отношеніяхъ королевы къ калѣкѣ. Увѣрившись, что жена его дѣйствительно любила какого-то поползня, Манфредъ предлагаетъ своему другу удалиться изъ Неаполя. Во время странствованія имъ пришлось увидѣть нѣчто необыкновенное. Однажды, когда Астульфъ и Манфредъ прилегли отдохнуть, замѣтили они, что къ нимъ приближается какой-то человѣкъ съ большимъ ящикомъ на спинѣ. Король и рыцарь спрятались въ лѣсу и подсматривали. Силачъ остановился, снялъ со спины ящикъ и открылъ его. Изъ ящика вышла прекрасная женщина. Силачъ поѣлъ и легъ отдохнуть, положивъ голову на грудь женщины. Когда онъ уснулъ, красавица, осторожно сдвинувъ его голову, встала и подошла къ королю и его спутнику. Изъ разговора съ нею путешественники узнали, что силачъ запираетъ свою красавицу изъ ревнивой осторожности. Эта осторожность не достигаетъ однако цѣли. Послѣ этого приключенія Манфредъ и Астульфъ рѣшили вернуться домой, убѣдившись, что отъ женскихъ обмановъ и уловокъ одинаково страдаютъ всѣ мужчины [1]).

В) Разсказъ объ Астольфѣ и Жокондѣ въ XXVIII пѣснѣ поэмы Аріосто († 1533): „Orlando furioso". Ломбардскій король Астольфъ славился и гордился своей красотой: „онъ придавалъ менѣе цѣны могуществу, богатству, славѣ, чѣмъ счастью не имѣть соперниковъ въ изяществѣ и красотѣ". Одинъ изъ любимцевъ короля, римскій рыцарь Фаусто, заявилъ, что братъ его Жокондъ равенъ Астольфу красотой, быть можетъ, даже превосходитъ его. Астольфъ приглашаетъ къ себѣ Жоконда, предлагая ему богатые дары. Фаусто ѣдетъ въ Римъ и уговариваетъ брата отправиться въ Павію. Жена Жоконда съ плачемъ провожаетъ мужа; прощаясь она даетъ ему на память крестикъ съ святыми мощами. Жокондъ оставляетъ Римъ. Отъѣхавъ двѣ мили отъ города, онъ вспомнилъ, что не взялъ съ собой подарка жены. Нужно было вернуться. Жокондъ „направляется къ своему дому, сходитъ съ коня, поднимается по лѣстницѣ и приближается къ по-

---

[1]) Novelle inedite di Giovanni Sercambi tratte per cura di *Rodolfo Renier* (= Biblioteca di testi inediti o rari IV), Tor. 1880, № 84, стр, 294—299.

стели, гдѣ покоится его жена. Онъ тихо раскрываетъ пологъ и съ удивленіемъ видитъ, что его цѣломудренная и вѣрная супруга спитъ въ объятіяхъ молодого человѣка темнаго происхожденія, выросшаго среди слугъ его дома". Жокондъ готовъ поразить виновныхъ, но „остатокъ любви удерживаетъ его руку". Горе измѣнило наружность римскаго рыцаря: „лицо его, сіявшее здоровьемъ, уже не то; глаза ввалились, носъ вытянулся, губы изсохли и слабые слѣды его прежней красоты не могли бы выдержать сравненія съ красотой короля". Жокондъ ласково принятъ Астольфомъ, но ни вниманіе короля, ни веселые пиры и игры не могутъ развлечь и успокоить Жоконда. Разъ, прогуливаясь по дворцовой галлереѣ, онъ заглянулъ въ щель ставня, которымъ было прикрыто окно одной изъ комнатъ королевы: „Жокондъ смотритъ и видитъ вещь невѣроятную... видитъ, какъ супруга Астольфа борется съ карликомъ, который сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ. Негодяй былъ настолько ловокъ, что одержалъ побѣду... На слѣдующій день онъ снова видитъ въ тотъ же часъ на томъ же мѣстѣ, какъ королева и карликъ наносятъ королю самое жестокое оскорбленіе... При видѣ этого къ Жоконду возвращается его прежнее спокойствіе; онъ снова становится веселъ и достоинъ своего имени. Съ хорошимъ расположеніемъ духа появляются его краски и полнота". Астольфъ проситъ рыцаря открыть причину этой счастливой перемѣны. Жокондъ разсказываетъ объ измѣнѣ своей жены и о любви королевы къ карлику. Король подсматриваетъ въ указанное ему окно и убѣждается въ справедливости словъ Жоконда. Обманутые своими женами король и рыцарь рѣшаются искать утѣшенія въ ухаживаніи за чужими женами. „Надо, говоритъ Жокондъ, не заботясь объ этихъ вѣроломныхъ, испытать добродѣтели другихъ женъ: сдѣлаемъ мужьямъ ихъ то, что сдѣлали намъ самимъ". Астольфъ и Жокондъ оставляютъ Италію и отправляются въ чужіе края. Они проѣзжаютъ Францію, Италію, Фландрію и Англію, и всѣ женщины подчиняются ихъ власти. Продолжительное странствованіе и постоянныя ухаживанія наскучили Астольфу и Жоконду. У нихъ явился новый планъ: жить вмѣстѣ съ общей пріятельницей. Выборъ ихъ остановился на Фіаметтѣ, дочери трактирщика въ Валенсіи. „Отецъ, обремененный дѣтьми и страшась нищеты, соглашается безъ большихъ затрудненій на предложеніе щедрыхъ иностранцевъ, которые обѣщаютъ ему никогда не покидать его дочь". Мирное сожительство Астольфа, Жоконда и Фіаметты продолжалось не долго. Вскорѣ оказалось, что Фіаметта, не довольствуясь двумя поклонниками, нашла

средство сблизиться съ своимъ прежнимъ другомъ, слугой въ гостинницѣ, гдѣ остановились Астольфъ и Жокондъ. „Грекъ является къ дверямъ, толкаетъ ихъ и подвигается впередъ, какъ человѣкъ, который боится разбить оконныя стекла или идетъ по яицамъ. Руки его не менѣе осторожны; вытянутыя, онѣ встрѣчаютъ подножіе кровати и онъ влѣзаетъ туда головою впередъ. Онъ нащупываетъ ноги Фіаметты, лежавшей на спинѣ, скользитъ до высоты ея лица и держитъ ее въ своихъ объятіяхъ все время, пока длится ночь". Король и рыцарь ссорятся, подозрѣвая одинъ другого въ злоупотребленіи общимъ правомъ. Дѣло однако разъясняется признаніемъ самой Фіаметты. Обманутые любовники рѣшаются возвратиться домой: „Вернемся, сказали они, къ нашимъ супругамъ, онѣ не лучше и не хуже другихъ. — При этихъ словахъ они посылаютъ за возлюбленнымъ Фіаметты и даютъ ее въ жены ему вмѣстѣ съ хорошимъ приданымъ. Потомъ, сѣвъ на своихъ коней, они возвращаются назадъ и живутъ близъ своихъ женъ, не безпокоясь болѣе объ ихъ заблужденіяхъ" [1]).

---

[1]) Первое изданіе поэмы Аріосто появилось въ 1516 году. Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ позднѣйшихъ изданій, выходившихъ въ XVI, XVII, XVIII, XIX вѣкахъ. (Перечень старѣйшихъ изданій см. въ Bibliografia dei romanzi di cavalleria publ. da *G. Melzi*, riv. da *P. A. Tosi*, Mil. 1865; p. 23 sq.) Рядомъ съ изданіями поэмы появлялись подражанія тому или другому отдѣлу произведенія Аріосто. Не позже XVI вѣка появилась Hystoria del Re di Pavia, il quale havendo ritrovata la Regina in adulterio se dispose insieme con uno compagno di cercare piu paesi et far con le femine d'altrui, quel che le loro haucano fatto ab ambedui, — подражаніе интересующей насъ XXVIII пѣснѣ „Орланда". Къ XVII вѣку относятся два французскія подражанія этой же пѣснѣ: Histoire de Joconde traduite et imitée de l'Arioste par Bouillon и Joconde, nouvelle tirée de l'Arioste знаменитаго Лафонтена.—Въ XVIII вѣкѣ разсказъ Лафонтена „Joconde" послужилъ основаніемъ для оперы съ такимъ же заглавіемъ. Русскіе переводы поэмы Аріосто перечислены въ трудѣ г. Венгерова: „Русскія книги" вып. VIII, стр. 373—374. Была у насъ переведена и упомянутая опера: Жокондъ, или искатели приключеній, соч. Этьена. (Спб. 1816). У меня подъ руками были итальянское изданіе поэмы 1836 г. и русскій переводъ Зотова. (Спб. 1892 г.). Соображенія и догадки относительно новеллъ Аріосто и Серкамби см. въ трудахъ *Pio Rajna*. Le Fonti dell' Orlando furioso (Firenze 1876, cap. XV, p. 382—400), Di una novella ariostea e del suo riscontro orientale attraverso ad un nuovo spiraglio (Rendiconti dell' Accademia dei Lincei, Serie 4a, vol. V, 1-o sem. del 1889, p. 268—277); *F. L. Pullè*. Originali indiani della novella ariostea nel XXVIII canto del Furioso. (Giornale della società asiatica italiana, vol. IV, 1890. 129 — 165); *P. E. Pavolini*. Di alcuni altri paralleli orientali alla Novella del Canto XXVIII del Furioso. (Giorn. della soc. asiat. ital. vol, XI, 1897—1898, p. 165—173).

Сходство приведенныхъ разсказовъ очевидно. Въ повѣсти о Валтасарѣ, въ сказкѣ Тысячи одной ночи, въ новеллѣ Серкамби, въ эпизодѣ Неистоваго Орланда мы знакомимся съ варіантами одного и того же повѣствованія. Преимущество старшинства принадлежитъ арабскому варіанту. Слѣдуетъ поэтому согласиться съ тѣмъ давно высказаннымъ мнѣніемъ, что разсказъ Аріосто, а также и другіе западные варіанты, ведутъ свое начало, если не прямо отъ сказки Тысячи одной ночи, то во всякомъ случаѣ отъ той восточной сказки, старѣйшій варіантъ которой извѣстенъ теперь по упомянутому арабскому сборнику. Такой условный выводъ необходимо сдѣлать въ виду того, что арабская сказка не вполнѣ совпадаетъ съ западными варіантами. Сказка Тысячи одной ночи не знаетъ одного изъ эпизодовъ, передаваемаго Аріосто, а именно отвратительной картины тройного сожительства. Изображеніе чудовища съ ящикомъ, въ которомъ прячется женщина, встрѣчается въ арабской сказкѣ и у Серкамби; у Аріосто этого эпизода нѣтъ. Повѣсть о Валтасарѣ отличается отъ другихъ варіантовъ замѣчательной полнотой содержанія: въ повѣсти находимъ всѣ эпизоды, встрѣчаемые въ другихъ варіантахъ. Разсказъ о красотѣ Валтасара и царя и о приглашеніи Валтасара на царскую службу близокъ къ варіанту, передаваемому Аріосто; изображеніе любви царицы къ поползню совпадаетъ съ новеллой Серкамби; тройное сожительство находимъ въ „Валтасарѣ“ и у Аріосто; разсказъ о женщинѣ, запираемой въ ящикѣ, повторяется въ сказкѣ Тысячи одной ночи и у Серкамби. Особенностью „Валтасара“ представляется изображеніе льва, — оборотня, подъ видомъ котораго скрывается „прекрасный воинъ“, но и это изображеніе встрѣтится намъ въ одномъ изъ варіантовъ, отдѣльно передающемъ этотъ эпизодъ изучаемаго нами сказанія. Такимъ образомъ „Валтасаръ“ представляется какъ бы итогомъ, сводомъ другихъ болѣе раннихъ разсказовъ сходнаго содержанія.

Для изучающихъ факты русской литературной старины и русской народной словесности переводъ Валтасара представляетъ особый интересъ. По содержанію повѣсть о Валтасарѣ—восточная сказка. Слѣды русской обработки, замѣчаемые въ Валтасарѣ, указываютъ на то, что захожая сказка интересовала нашихъ писателей и читателей стараго времени. Но какимъ путемъ зашла къ намъ эта интересная восточная сказка? Она зашла къ намъ съ запада, появилась у насъ въ видѣ

переводной европейской повеллы. Повѣсть о Валтасарѣ представляетъ такимъ образомъ любопытный примѣръ проникновенія къ намъ разсказовъ восточнаго происхожденія черезъ посредство западно-европейскихъ литературъ. Это наблюденіе можетъ служить нѣкоторымъ предостереженіемъ для тѣхъ изслѣдователей нашей словесности, которые съ особенной охотой отыскиваютъ въ русскомъ эпическомъ матеріалѣ слѣды восточныхъ вліяній. Наличность этихъ вліяній доказывается, обыкновенно, большимъ или меньшимъ сходствомъ произведеній русскаго эпоса съ сказаніями восточными. Но на этомъ сходствѣ, какъ бы ясно оно ни было, не всегда можно основывать заключенія относительно путей перехода восточныхъ сказаній. „Валтасаръ" вышелъ съ востока, но къ намъ перебрался черезъ западную границу.

Предостереженіе, даваемое „Валтасаромъ", получитъ еще большее значеніе, если обратимъ вниманіе на литературный фактъ, отмѣченный выше: варіантъ того же комплекса разсказовъ, который находимъ въ Валтасарѣ, Жокондѣ и пр., встрѣчается въ формѣ русской народной сказки. Я имѣю при этомъ въ виду сказку, записанную г. Добровольскимъ въ Смоленской губерніи: „якъ купецъ Гулитыу и Ваксонскій каралевичъ ѣздили умѣсти и къ женскимъ уверткамъ присматривались". Жилъ въ Петербургѣ купецъ Гулитовъ, у котораго былъ сынъ, большой красавецъ. По торговымъ дѣламъ Гулитовъ отправился въ Ваксонію. Король Ваксонскій вывелъ на показъ своего сына и сталъ хвастать его красотой. По поводу этого хвастовства петербургскій купецъ замѣтилъ: „харошъ твой сынъ, пригожъ твой сынъ, а у мяне іость сынъ, ня будить хужій твайго"! По приглашенію короля красивый купчикъ вызванъ въ Ваксонію. Когда онъ уже сѣлъ на корабль, вспомнилъ, что не взялъ съ собой карманныхъ часовъ. „Пубижаў іонъ самъ за часами... Прибѣгъ у домъ, а часы яво были у спальни. Іонъ какъ бѣгъ, такъ прямо у спальню. Ускачіў у спальню и заспѣў прикащикă са сваею женою. Іонъ вочинь улякнуўся и узгарѣў, но ни сказаў ничога и паѣхаў у Ваксонію. Пробыўши у Ваксонію, яво пряма требують къ царю. Атецъ, на яво какъ пасматрѣў, такъ и спужаўся: увесь іонъ стаў чоринъ и нипригожъ". За ложную похвальбу Ваксонскій король хотѣлъ было купца посадить въ острогъ, а сыну его отрубить голову, но другіе короли отговорили: „Нѣтъ, ета ни пу правилу, штоба бязвинному чиловѣку голыву рубить: іонъ первый разъ ѣздіў пу вадѣ, дыкъ іонъ спужаўся, а дайтя ему на 6 мѣсицуў сроку, хорошія питаннё, тады увидимъ". Королевскій сынъ взялъ къ себѣ въ домъ молодого купца: вмѣстѣ они ѣли, вмѣстѣ гуляли

въ саду. Въ саду была бесѣдка, а въ ней „канапея съ падушками". Разъ, когда королевича не было дома, пришелъ въ бесѣдку хромой шорникъ и легъ на кровати. „Чиризъ минуту приходитъ каралевичина жина, а шорникъ гаворить: «што ты ета ня скоро? Увидютъ, дыкъ будить нахлабучка».—Извинитя; я толька што улажила свайво атца зъ матирью спать.—Палягли аны па кравать и давай грѣхъ дѣлать". Молодой купецъ видѣлъ все это и подумалъ: „Ну, чаго я улякнуўся, када заспѣў свою жану съ прикащикымъ? Хуть жа прикащикъ, а то каралеўская дочка съ храмымъ чортымъ!" Стаў іонъ посли етыва весилъ". Не скрылъ онъ и отъ королевича того, что видѣлъ. Убѣдившись въ измѣнѣ жены, королевичъ сказалъ купцу: „Пайдемъ у свѣтъ: коли найдемъ ящо такъ, то вернимся двору, а ни найдемъ, то и ни пойдемъ назадъ". Пошли. „Зайшли яны верстъ за триста. Вышли яны на палянку; мужикъ пашить у адну саху, а за спиною у яво привязанъ мѣхъ... Аны глидять. Мужикъ пиристаў пахать, скинуў съ плечъ мяшокъ, развизаў и вышла аттэль жонка, стала яму давать абѣдать. Аны смотрють. Мужикъ утаміўся и абѣдаўши заснуў. Какъ іонь заснуў, то ина махнула платкомъ — изъ кустоў выбигъ парень и давай зъ ею грѣхъ дѣлать". Когда мужикъ проснулся, парень поспѣшно прыгнулъ въ мѣхъ; туда же помѣстилась и жена. Мужикъ вскинулъ мѣшокъ за спину и принялся за прерванную работу. По просьбѣ королевича и купца онъ остановился и развязалъ мѣшокъ: „аттудава выскачіў паринь да ў кусты и схуваўся. Мужикъ давай сваю жонку пароть. Дали яны яму горсть золыта и пашли дальши". Пришли они въ чужое королевство и здѣсь женились оба на одной женѣ. Уговоръ о пользованіи супружескими правами по очереди передается сходно съ повѣстью о Валтасарѣ. Далѣе, какъ и въ Валтасарѣ, слѣдуетъ разсказъ о любовникѣ, пробравшемся въ спальню двухъ мужей. Измѣна не долго остается тайной. Королевичъ и его другъ замѣтили, какъ „аткрылыся вакно, на халстини спустіўся чилавѣкъ пряма къ ей. Яны разымъ скатилися и паймали яво". Пойманный оказался сапожникомъ Юдой. „Ну, пращаимъ тябе, сказали королевичъ и купецъ..., видна, какъ у насъ, такъ и у васъ. Пустили яго. Вышли яны и гаворють: Ну, паѣдимъ дамой: видна, какъ у насъ, такъ и у ихъ". Королевичъ отправился въ Ваксонію, а Гулитовъ въ Петербургъ [1]).

---

[1]) Смоленскій этнографическій сборникъ, ч. I (= Записки русскаго географическаго общества по отдѣл. этнографіи, т. XX), стр. 337—340.

Ближайшее сходство смоленской сказки съ повѣстью о Валтасарѣ очевидно. Въ сказкѣ повторяются всѣ четыре эпизода, вошедшіе въ составъ Валтасара, а такой именно сводный составъ нашей повѣсти отличаетъ ее, какъ мы видѣли, отъ другихъ сходныхъ съ нею разсказовъ. Поэтому можно было бы предположить, что смоленская сказка представляетъ лишь устный пересказъ книжной повѣсти. Отсутствіе имени Валтасара не можетъ, конечно, служить помѣхой къ такому предположенію: имя могло быть забыто, въ памяти удержался лишь занимательный разсказъ. Болѣе важное препятствіе для прямого сближенія повѣсти и сказки представляютъ тѣ особенности, съ какими передается въ сказкѣ встрѣча королевича и купца съ человѣкомъ, носившимъ на плечахъ тяжелый мѣшокъ. Въ повѣсти о Валтасарѣ передъ путешественниками появляется левъ-оборотень съ золотымъ кольцомъ въ пасти. Оборотень принимаетъ видъ „царя пречюдно"; изъ кольца выходитъ красавица. Въ сказкѣ вмѣсто кольца—мѣшокъ, вмѣсто оборотня—пахарь. Какъ объяснить эти особенности сказки? Появились ли онѣ подъ вліяніемъ случайностей устной передачи, допускающей измѣненіе и путаницу подробностей, или изображеніе пахаря съ мѣшкомъ указываетъ на какую-то особую редакцію занимающаго насъ разсказа?

Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ служить сличеніе нашей сказки съ параллельной ей сказкой венгерской. Вотъ содержаніе этой сказки: Жилъ нѣкогда на свѣтѣ человѣкъ необыкновенной красоты. Портретъ этого человѣка попадаетъ въ руки королевы. По ея желанію, король приказываетъ отыскать и пригласить ко двору интереснаго красавца. Красавецъ отысканъ; по приглашенію короля, пускается въ путь, но замѣтивъ дорогой, что забылъ взять съ собой молитвенникъ, онъ возвращается домой. Жена красавца оказывается такой же измѣнницей, какъ и жена Валтасара: вернувшійся мужъ застаетъ жену въ объятіяхъ любовника. Пораженный невѣрностью любимой женщины красавецъ измѣнился въ лицѣ, подурнѣлъ. Ему теперь совсѣмъ не по душѣ приглашеніе ко двору, но отказаться отъ этого приглашенія онъ не могъ; лица, посланныя королемъ, настаивали на исполненіи воли своего повелителя. Красавецъ представляется королевѣ. Сличивъ оригиналъ съ портретомъ, она находитъ, что художникъ до крайности преувеличилъ привлекательность изображеннаго лица. Заѣзжій красавецъ проситъ позволенія отдохнуть нѣсколько дней, увѣряя, что такой отдыхъ вернетъ ему красоту. По желанію гостя ему отвели во дворцѣ тихую, уединенную комнату, окна которой выходили въ садъ. Разъ,

когда гость короля сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ садъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ дворца крадучись вышла королева на свиданіе съ отвратительнымъ негромъ, въ котораго была влюблена. Эта сцена свиданія королевы и негра вылѣчила тоскующаго человѣка. Далѣе слѣдуетъ, какъ и въ другихъ варіантахъ, разсказъ о томъ, какъ король, узнавшій объ измѣнѣ жены, и гость короля оставляютъ дворецъ и отправляются странствовать. Однажды, во время этого странствованія, они подошли къ полю, по которому тащилась четверка воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Плугъ поддерживала женщина, а мужъ ея шелъ рядомъ и несъ тяжелый ящикъ. По просьбѣ путешественниковъ ящикъ былъ раскрытъ. Оттуда выскакиваетъ толстый парень, любовникъ жены пахаря. Путешественники убѣждаются, что ихъ судьба еще не самая жалкая: жены обманули ихъ, но, по крайней мѣрѣ, не требовали отъ нихъ заботъ о своихъ поклонникахъ [1]).

Въ этой сказкѣ нѣтъ полнаго сходства съ русской. Венгерскій варіантъ не знаетъ одного изъ эпизодовъ нашей сказки,—описанія тройного сожительства, встрѣчающагося также въ разсказѣ Аріосто и въ повѣсти о Валтасарѣ. При отсутствіи полнаго параллелизма венгерскій варіантъ представляетъ, однако, замѣчательное частичное сходство съ смоленской сказкой. Какъ въ нашей, такъ и въ угорской сказкѣ находимъ разсказъ о встрѣчѣ короля и его спутника съ пахаремъ; пахарь тащитъ на себѣ ящикъ (или мѣшокъ), въ которомъ помѣщается жена земледѣльца или ея любовникъ. Такое сходство подробностей не можетъ быть случайнымъ. Нужно предположить, что и русская, и венгерская сказки идутъ отъ какого-то особаго извода

---

[1]) Revue des traditions populaires, t. IV (1889), p. 44—46. Напомнимъ еще ингушскую сказку, отмѣченную Вс. Ѳ. Миллеромъ. „Князь, узнавъ отъ своего вѣрнаго узденя объ измѣнѣ своей жены, покидаетъ свой домъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ, куда глаза глядятъ“. Во время странствованій увидѣли они человѣка, „который пахалъ на 8 парахъ быковъ: самъ и быками управляетъ, и плугъ держитъ, да еще на спинѣ несетъ большой сундукъ“. Въ сундукѣ оказались жена пахаря и молодой человѣкъ; по словамъ жены, этотъ человѣкъ успѣлъ къ ней забраться при такихъ обстоятельствахъ: „Ты самъ,—сказала она мужу,—оставилъ ящикъ въ полѣ въ одинъ жаркій день, когда быки побѣжали отъ оводовъ, и самъ погнался за ними. Мнѣ стало скучно, я вышла изъ ящика, вижу: идетъ молодой человѣкъ, я и пригласила его къ себѣ въ ящикъ, чтобы мнѣ не было скучно. Съ тѣхъ поръ мы и живемъ вмѣстѣ въ ящикѣ“. „Обманутые мужья поняли, что сколько жену ни карауль, а все-таки ее не укараулишь, и порѣшили возвратиться къ прежнимъ своимъ женамъ“. (Очерки русской народной словесности, стр. 402—403. Ср. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса, приложеніе, стр. 12).

повѣсти о женскихъ измѣнахъ,—извода, не вполнѣ совпадающаго съ указанными выше литературными пересказами.

Повѣсть о Валтасарѣ нельзя признать прямой, непосредственной основой сказки о Гулитовѣ. Но интересенъ самый фактъ параллелизма книжной повѣсти и народной сказки. Очевидно, повѣсть о невѣрныхъ женахъ занесена была дважды, въ двухъ не совсѣмъ сходныхъ редакціяхъ. Книжная повѣсть предполагаетъ западный оригиналъ. На такой же оригиналъ намекаетъ и устный пересказъ. Дѣйствующіе лица сказки: петербургскій купецъ, саксонскій (ваксонскій) король и его сынъ. Мѣсто дѣйствія сказки—земля ваксонская. Эта ваксонская земля и ея король едва-ли могли быть вставлены въ сказку смоленскими бахарями.

П. Ждановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРАСНОЯРСКІЙ БУНТЪ 1695—1698 ГГ.

(Къ исторіи народныхъ движеній XVII вѣка).

Бунты и „шатость“ сибирскихъ служилыхъ людей XVII вѣка заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія. Сравнительно съ служилыми людьми московской Руси сибирскіе „государевы холопы“ пользовались фактически значительною долею независимости и самостоятельности. Находясь вдали отъ непосредственнаго вліянія московскихъ традицій и дисциплины, они могли свободнѣе обнаруживать свои стремленія и упорнѣе добиваться удовлетворенія ихъ. Всего ярче и полнѣе эта относительная самостоятельность сибирскихъ служилыхъ людей выступаетъ именно въ ихъ частыхъ и рѣзкихъ бунтахъ противъ воеводской власти.

Нигдѣ кромѣ Сибири злоупотребленія воеводъ не доходили до той грандіозной степени, когда населенію становилось совершенно „не мочно жить“ и оно, послѣ безплодныхъ воплей къ великому государю о смѣнѣ воеводъ, открыто поднимало противъ нихъ бунтъ и пыталось своими силами и средствами оградить себя отъ „воеводъ-разорителей, грабителей, мучителей“.

Насколько грандіозны были воеводскія злоупотребленія въ Сибири, настолько же поражаютъ своими размѣрами и вызванные ими бунты. Иногда бунты длились по нѣскольку лѣтъ, переходя въ открытыя военныя дѣйствія противъ воеводъ и ихъ сторонниковъ, которыхъ возставшее населеніе держало „въ осадѣ“ и преслѣдовало всячески, воеводамъ „отказывали отъ воеводства“ или прямо изгоняли ихъ изъ городовъ.

На мѣсто упраздненной воеводской власти, или совмѣстно съ нею, служилые люди избирали своихъ выборныхъ властей — „выборныхъ

судеекъ" и др., заводили „мірскіе круги, совѣты, думы", руководившіе борьбою съ воеводами и всѣмъ вообще движеніемъ. При отсутствіи воеводъ эти „воровскія (то-есть, незаконныя, вольныя) думы" брали на себя всѣ функціи воеводской власти и отправляли на мѣстѣ всякія „государевы дѣла".

Конечно, такія возстанія были только временными явленіями, и рѣдко сибирскимъ служилымъ людямъ удавалось надолго оградить себя отъ „лихихъ воеводъ". На мѣсто изгнанныхъ населеніемъ, или смѣненныхъ по его челобитьямъ воеводъ, пріѣзжали изъ Москвы другіе, которые жили первое время еще „съ опаскою", въ виду мѣстныхъ „воровскихъ (то есть вольныхъ) людей", а потомъ все забывалось и снова затягивалась старинная пѣсня на безконечную тему воеводскихъ злоупотребленій, тянувшаяся вплоть до новаго взрыва народнаго негодованія, съ новымъ изгнаніемъ или смѣною зарвавшихся воеводъ и т. д. и т. д. Иные изъ сибирскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей не мирились съ такими „порядками" родной земли и уходили искать „новыхъ землицъ", гдѣ можно было бы „жить особо" если не „отъ великаго государя" (бывалъ и этотъ мотивъ) [1]), то хотя „отъ лихихъ воеводъ". Уходили „за окіянъ, на острова", за Байкальское море, въ Даурію и т. п. Образовался многочисленный и предпріимчивый классъ „охочихъ служилыхъ людей", которые на свой рискъ и страхъ шли открывать новыя земли (открытія Семеномъ Дежневымъ Берингова пролива, Ерофѣемъ Хабаровымъ р. Амура и т. п.).

Красноярская „шатость" 1695—1698 гг., закончившаяся открытымъ бунтомъ, выросла на той же почвѣ воеводскихъ злоупотребленій и является типичнымъ представителемъ бунтовъ сибирскихъ служилыхъ людей XVII вѣка. Красноярскій бунтъ почти неизвѣстенъ въ литературѣ [2]), а между тѣмъ о немъ сохранилось громадное дѣло среди столбцовъ Сибирскаго Приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи [3]), и дѣло это заслуживаетъ обстоятельнаго изученія.

---

[1]) См. мое „Обозр. Сибир. Приказа", I, 193—195 и мои же очерки „Бунтъ и побѣгъ на Амуръ воровск. полка М. Сорокина" (*Русская Старина*, 1896, № 1) и „Нерчин. заговоръ" (ibid., № 10).

[2]) Краткія свѣдѣнія о немъ см. въ „Лѣтоп. занятій Археогр. ком.", II, 69 и въ „Памятник. сиб. ист. XVIII вѣка", I, 38.

[3]) Столбцы 366, 1288, 1291, 1417, 1418, 1569.—Всего болѣе матеріаловъ о бунтѣ даютъ столбцы 366 и 1288. — Краткое обозрѣніе дѣла о Красноярскомъ

Прежде всего Красноярскій бунтъ поражаетъ своею продолжительностію: онъ длился около трехъ лѣтъ. Все это время существовала въ Красноярскѣ выборная организація среди служилыхъ людей: движеніемъ руководили „выборные судьи (судейки)". Послѣдовательно тремъ воеводамъ—стольникамъ Алексѣю и Мирону Игнатьевичамъ Башковскимъ и Семену Ивановичу Дурново—красноярцы „отказывали отъ воеводства" и добивались ихъ офиціальнаго смѣщенія. Всего круче они обошлись съ самымъ „лихимъ" изъ этихъ воеводъ — съ Дурново, котораго не только держали нѣсколько мѣсяцевъ „въ осадѣ" (какъ и Мирона Башковскаго), но въ концѣ концовъ изгнали изъ города, при чемъ воевода только случайно сохранилъ свою жизнь.

Любопытны и другія стороны этого бунта, особенно группировка воеводской и оппозиціонной партій. Послѣдняя, представляя громадное большинство служилыхъ людей, состояла главнымъ образомъ изъ старожилыхъ красноярцевъ, издавна здѣсь поселившихся. Воеводское же меньшинство (около 4-ой части всѣхъ служилыхъ людей) набралось преимущественно изъ новоселовъ — „ссыльныхъ людей", среди которыхъ замѣтную группу составляла часть „ссыльныхъ литовскихъ людей и черкасъ" (другая часть ихъ — почти половина — принадлежала къ бунтовщикамъ), имѣя во главѣ боярскаго сына Василія Игнатьевича Многогрѣшнаго (брата бывшаго малороссійскаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго). Возможно, что опальное состояніе ссыльныхъ людей заставляло ихъ больше держаться воеводской партіи, чтобы не ухудшить своего положенія. Но и помимо того, здѣсь сказался всегдашній антагонизмъ между кореннымъ и пришлымъ населеніемъ и обычный сибирскій протестъ противъ ссыльной колонизаціи, замѣтный еще съ XVII вѣка.

Въ Красноярскомъ бунтѣ участвовали преимущественно служилые люди, но „шатость" была и между жилецкими людьми города и уѣзда— между посадскими, крестьянами и ясачными людьми. По крайней мѣрѣ жилецкіе люди если не всегда участвовали открыто въ бунтѣ, то всегда неизмѣнно сочувствовали и всячески содѣйствовали ему тайно, а явно подавали челобитныя на злоупотребленія воеводъ. „Весь городъ и уѣздъ" добровольно и охотно признавали власть „выборныхъ судей".

Спеціальный „розыскъ" о Красноярскомъ бунтѣ производили въ

бунтѣ см. въ главѣ XXVI III части „Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа".

1695—1699 гг. московскіе „сыщики“ думный дьякъ Данило Леонтьевичъ Полянскій и дьякъ Данило Андреевичъ Берестовъ, посланные Петромъ Великимъ въ Сибирь для „большаго сыска“ о злоупотребленіяхъ всѣхъ вообще сибирскихъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей [1]). Къ сожалѣнію, этотъ розыскъ сохранился не весь цѣликомъ, да и не былъ законченъ. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы и представляемъ довольно полное обозрѣніе этого дѣла.

I.

Фамилія Башковскихъ хорошо была извѣстна въ Красноярскѣ. Еще въ 1686—1688 гг. здѣсь воеводствовалъ Игнатій Васильевичъ Башковскій [2]) — отецъ Алексѣя и Мирона, бывшихъ воеводами въ 90-хъ годахъ, когда разгорѣлась Красноярская смута. Съ отцомъ этихъ „лихихъ воеводъ“ красноярцы, повидимому, ладили, по крайней мѣрѣ обвинительныхъ челобитныхъ на него не было и въ Красноярскѣ при немъ было спокойно. Послѣ него воеводствовали два его сына. Первымъ воеводствовалъ въ Красноярскѣ старшій сынъ Игнатія Алексѣй Башковскій, въ 1694—95 гг. Не прошло и года съ его назначенія, какъ на него посыпались челобитья служилыхъ, жилецкихъ и ясачныхъ людей, обвинявшихъ воеводу въ лихоимствѣ и всевозможныхъ „обидахъ и разореніяхъ“.

Свои грабительства А. Башковскій производилъ такъ безцеремонно, что вызвалъ даже порубежныя осложненія—съ сосѣдними калмыцкими и киргизскими землями. Правда, эти затрудненія начались давно—съ 1666 года, при воеводѣ Герасимѣ Петровичѣ Никитинѣ (1663—1666 гг.), который всячески притѣснялъ и грабилъ калмыцкихъ и киргизскихъ торговыхъ людей, приходившихъ въ Красноярскъ. Позже былъ „такой же воевода разоритель и грабитель“ Данило Григорьевичъ Загряжской (1678—1679 гг.), не щадившій и зарубежныхъ сосѣдей, которые вынуждены были въ отместку дѣлать набѣги на Красноярскій уѣздъ. То же самое повторилось и при А. Башковскомъ: съ пріѣзжавшихъ въ Красноярскъ бухарскихъ и калмыцкихъ торговыхъ людей онъ бралъ „великія взятки“ деньгами, товарами, „ясыремъ“ и проч., а въ результатѣ—калмыцкіе и киргизскіе „воин-

---

[1]) См. объ этомъ грандіозномъ „сыскѣ“ конца XVII вѣка (неизвѣстномъ литературѣ) въ главѣ XXVI III части „Обозрѣнія Сибир. Приказа“.

[2]) Извѣстенъ своимъ доносомъ на патріарха Никона (см. *Соловьевъ*, III, 818).

скіе люди" стали „приходить войною" на Енисейскій и Красноярскій уѣзды.

Мало того: красноярцы прямо обвиняли этого „воеводу грабителя и разорителя" въ „измѣнномъ дѣлѣ" изъ корыстолюбивыхъ побужденій. Они утверждали, что онъ посылалъ въ киргизскую „немирную орду" своего человѣка Якова Аргамачка съ свинцомъ, порохомъ, „добрыми конями" и съ разными товарами. Все это выгодно продавалось киргизамъ, которые съ этимъ же порохомъ и свинцомъ приходили „воевать" съ красноярцами...

Красноярцы убѣдились, что съ А. Башковскимъ имъ „жить не мочно", и подняли противъ него бунтъ. Недовольные воеводою служилые люди стали собираться въ „круги" и устраивать свои „думы и совѣты". Руководителями движенія были боярскіе дѣти Трифонъ Еремѣевъ, Дмитрій Тюменцовъ, Кононъ Самсоновъ, Григорій Ермолаевъ и Алексѣй Ярлыковъ. Всѣ они были старослужилые красноярцы, мѣстные уроженцы, пользовавшіеся большимъ вліяніемъ на товарищей, примкнувшихъ къ нимъ въ большинствѣ. Во главѣ воеводской партіи—слабой и количественно и качественно, сталъ боярскій сынъ изъ ссыльныхъ черкасъ Василій Многогрѣшный, потянувшій за собою другихъ ссыльныхъ людей.

Не смотря на противодѣйствіе воеводскихъ сторонниковъ Трифонъ Еремѣевъ съ товарищи добились своего: 16-го мая 1695 года они собрались толпою предъ приказною избою и объявили вышедшему на шумъ воеводѣ А. И. Башковскому, что „отказываютъ" ему „отъ воеводства". Воевода сталъ угрожать толпѣ карами и требовалъ выдачи „пущихъ заводчиковъ", но толпа продолжала шумѣть, настаивая на своемъ „отказѣ отъ воеводства", а часть бунтовщиковъ пошла на воеводскій дворъ и начала грабить „животы" Башковскаго. Въ то же время другая толпа разсѣялась по городу и принялась „разорять домишка и грабить животишка" служилыхъ людей изъ воеводской партіи. Послѣдніе пробовали защищать свое имущество, но бунтовщики „били смертнымъ боемъ" всѣхъ сопротивлявшихся [1]). Башковскій поспѣшилъ уѣхать въ Енисейскъ, опасаясь за свою жизнь.

Бунтовщики торжествовали, когда добились отъѣзда воеводы, и городъ фактически оказался въ ихъ рукахъ. Немедленно они принялись за организацію своего управленія: главные руководители дви-

---

[1]) См. напр. въ столбцѣ 1288 обширную челобитную казака Семена Надѣжина, избитаго тогда и ограбленнаго бунтовщиками Васильемъ Обуховымъ, Игнатомъ Ендоуровымъ, Иваномъ Скобелинымъ и др.

женія Трифонъ Еремѣевъ и Дмитрій Тюменцовъ были избраны „судьями", вѣдавшими городъ и уѣздъ, т. е. замѣнившими воеводу въ предѣлахъ его власти, но ограниченными „совѣтомъ" старшихъ служилыхъ людей (боярскихъ дѣтей, „начальныхъ людей" — атамановъ, пятидесятниковъ и др.) и всенародною „думою", т. е. собраніемъ всѣхъ участниковъ движенія. Послѣ судей главную роль играли боярскій сынъ Кононъ Самсоновъ и казачій атаманъ Аника Тюменцовъ, братъ судьи.

Первымъ дѣломъ судей было остановить начавшійся грабежъ въ городѣ. Это имъ удалось настолько, что даже большая часть пожитковъ А. Башковскаго была спасена и положена на храненіе въ приказную избу. Не удалось только отстоять обширные „съѣстные и питейные припасы" Башковскаго. Правда, 3 бочки вина (одна съ „двойнымъ виномъ") судьи отобрали у толпы, но по ея „челобитью" и „по приговору всякихъ чиновъ служилыхъ людей" согласились раздать то вино „въ дуванъ" всѣмъ участникамъ и сторонникамъ бунта.

Затѣмъ судьи принялись за борьбу съ происками воеводской партіи. Послѣдняя получила неожиданное подкрѣпленіе въ лицѣ только что прибывшаго въ Красноярскъ послѣ годовой службы „на приказѣ" въ Удинскомъ острогѣ боярскаго сына Степана Иванова, человѣка очень энергичнаго и преданнаго Башковскому, въ благодарность за полученіе богатаго „приказа". На встрѣчу Иванову, возвращавшемуся съ „государевою соболиною казною" и съ собственными, награбленными въ Удинскѣ „животами", выѣзжали воеводскіе сторонники казачій десятникъ Евсѣй Олферьевъ, казаки Яковъ Щепетовъ, Кириллъ Нѣмчиновъ и др., и вели съ Ивановымъ какіе-то переговоры. По пріѣздѣ въ Красноярскъ Ивановъ сразу сталъ въ непріязненныя отношенія къ выборнымъ судьямъ и ихъ товарищамъ; тѣ схватили его, отобрали у него соболиную казну и всѣ его пожитки, а самого его убили.

Когда всѣ эти волненія улеглись, судьи съ товарищами отправили въ Москву челобитную на А. Башковскаго, въ дополненіе къ прежнимъ. Они не скрывали ничего изъ послѣднихъ событій, закончившихся изгнаніемъ воеводы, сознавали свою вину предъ „великимъ государемъ", но въ то же время твердо стояли на томъ, что имъ стало „жить не мочно" съ этимъ „лихимъ воеводою". Въ концѣ концовъ они просили прислать „добраго воеводу"...

Воеводу имъ дали, но родного брата только что изгнаннаго ими А. И. Башковскаго...

Повидимому, у Башковскихъ была сильная рука въ Сибирскомъ приказѣ, устроившая это неожиданное назначеніе. Въ Красноярскѣ ожидался „сыщикъ“ для „сыска“ о злоупотребленіяхъ А. Башковскаго, доведшихъ красноярцевъ до бунта. Какъ бы ни былъ этотъ сыщикъ самостоятеленъ и неподкупенъ, но онъ не могъ не считаться съ разными мѣстными вліяніями, среди которыхъ воеводское вліяніе было преобладающимъ. Воевода могъ направить розыскъ куда ему желательно, оказывать давленіе на участниковъ и свидѣтелей бунта, заметать слѣды злоупотребленій своего предшественника, словомъ могъ всячески мѣшать розыску. Всего этого слѣдовало ожидать отъ новаго Красноярскаго воеводы—Мирона Игнатьевича Башковскаго, явившагося не умирителемъ мѣстной „шатости“, но мстителемъ за брата, пострадавшаго отъ нея. Тяжелые дни наступали для Красноярска, смущеннаго ожиданіемъ новаго воеводы...

II.

Съ Мирономъ Башковскимъ, который пробылъ въ Красноярскѣ воеводой съ августа 1695 года по августъ 1696 года, вернулся въ Красноярскъ и Алексѣй Башковскій, который долженъ былъ сдать брату городъ, государеву казну, служилыхъ людей и прочее, и во всемъ этомъ „росписаться“ съ нимъ, т. е. получить „росписной списокъ“ отъ новаго воеводы. Но Алексѣй испугался начавшагося въ городѣ броженія служилыхъ людей, и Миронъ вынужденъ былъ его „отпустить изъ Красноярска, не счетчи“ по казнѣ и не росписавшись съ нимъ.

Никакихъ злоупотребленій Миронъ Башковскій не успѣлъ еще совершить, но для красноярцевъ было достаточно, что Миронъ родной братъ только что изгнаннаго ими воеводы. Они предчувствовали, что братъ будетъ мстить за брата, и сразу стали въ непріязненныя отношенія къ Мирону, находя для себя оправданіе въ томъ, что онъ дѣйствительно въ самомъ же началѣ сталъ отличать друзей отъ недруговъ, относясь къ послѣднимъ съ естественною недовѣрчивостью и подозрительностью.

Еще въ ожиданіи М. Башковскаго и предстоящаго розыска о майскомъ бунтѣ, многіе служилые люди выѣхали изъ Красноярска, скрываясь по своимъ деревнямъ, или у родныхъ и знакомыхъ. Оставшіеся въ городѣ служилые люди вступили въ сношенія съ этими „деревенцами“ и стали требовать возвращенія ихъ въ городъ, для

борьбы съ новымъ воеводою. Въ сентябрѣ „деревенцы“ потянулись въ Красноярскъ.

Воевода узналъ, что большая партія деревенцовъ подъ начальствомъ Василія Обухова направляется въ городъ. На встрѣчу имъ онъ отправилъ своихъ сторонниковъ, Анисима Путимцова и другихъ. Путимцовъ съ товарищи должны были заявить „деревенцамъ всякихъ чиновъ служилымъ людямъ“, чтобы они „въ Красноярскъ многолюдствомъ не ѣздили, а буде кому какая нужда, и они бы ѣхали въ городъ человѣка по три, или по пяти, или по шести“. Но Обуховъ не послушался и со всѣмъ отрядомъ сталъ подвигаться дальше.

14-го сентября воевода послалъ въ дер. Севастьянову казачьяго десятника Илью Сурикова, съ 10 казаками, давши ему „наказную память“, чтобы онъ доставилъ въ городъ „смутителей“ Василія Обухова и Ивана Гендоурова. Суриковъ предъявилъ память приказному человѣку дер. Севастьяновой боярскому сыну Ѳедору Самсонову, чтобы онъ тѣхъ „бунтовщиковъ сыскавъ, отдалъ“ ему. Но Самсоновъ, уже примкнувшій къ партіи Обухова, отказалъ Сурикову въ какомъ бы то ни было содѣйствіи и посовѣтовалъ вернуться въ городъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ. На обратной дорогѣ, въ дер. Хлоптуновой онъ встрѣтилъ новый отрядъ деревенцовъ, около 40 человѣкъ, собравшихся здѣсь изъ села Бузинскаго и деревень Юксѣевской, Нахвальной, Шиверской, Шандринской и др.

Деревенцы не обратили никакого вниманія на приказъ воеводы, „учинились великихъ государей указу сильны и непослушны, и тѣхъ заводчиковъ и смутителей не выдали“; они говорили прямо, что если воевода выйдетъ съ ссыльными людьми на поле, они съ ними будутъ биться.

Между тѣмъ, и въ городѣ началось броженіе, когда деревенцы появились въ окрестностяхъ Красноярска, а часть ихъ проникла въ самый городъ. На городскихъ площадяхъ собирались „народные воровскіе круги“, которыми руководили боярскіе дѣти Григорій Ермолаевъ, Кононъ Самсоновъ, Алексѣй Ерлыковъ — „заводчики“ бунта при А. Башковскомъ, затѣмъ новые дѣятели—атаманъ Михаилъ Злобинъ, сотникъ Иванъ Поспѣловъ и др.

Видя растущій мятежъ, воевода грозилъ „городъ выжечь и вырубить“. Но угроза подлила масла въ огонь. Намѣреніе воеводы было предупреждено заговорщиками: стали горѣть отъ поджоговъ дома воеводскихъ сторонниковъ — казаковъ Ѳомы Терскаго, Замятни Селиванова и др. Дома другихъ стали подвергаться грабежу.

Такъ прошелъ октябрь, а въ ноябрѣ броженіе вылилось въ открытый бунтъ: 11-го ноября воевода Миронъ Башковскій вынужденъ былъ запереться съ своими сторонниками „въ маломъ городѣ“ (крѣпости), гдѣ и пробылъ съ тѣхъ поръ „въ осадѣ“ до конца августа 1696 года. Съ нимъ находилось около 50 человѣкъ, но за стѣнами крѣпости, недурно вооруженной и съ значительными боевыми припасами, эта кучка людей чувствовала себя достаточно сильною предъ своими противниками.

14-го ноября ударили въ набатъ въ Покровской церкви, куда стали собираться служилые люди съ оружіемъ, посадскіе люди, подгородные крестьяне и ясачные татары. Затѣмъ все это „многолюдство, съ ружьемъ, съ копьями и со знамены“ двинулось къ „малому городу“, подъ начальствомъ боярскаго сына Григорья Ермолаева, атамана Михаила Злобина и сотниковъ Симона Бѣляпина и Ивана Поспѣлова. Воевода вышелъ на крѣпостную стѣну и выслушалъ отъ Ермолаева „отказъ отъ воеводства“, подкрѣпленный всею толпою. Толпа разграбила оставшіеся въ большомъ городѣ „животы“ Башковскаго—„всѣ безъ остатку“, а также дома воеводскихъ сторонниковъ, засѣвшихъ съ воеводою въ маломъ городѣ.

III.

Пока осада малаго города красноярцами не была строго организована, Миронъ Башковскій поспѣшилъ отписать въ Москву, Тобольскъ и Енисейскъ, прося помощи противъ бунтовщиковъ. Первымъ откликнулся тобольскій воевода, ближній стольникъ Андрей Ѳедоровичъ Нарышкинъ, назначившій, по указу Сибирскаго приказа, тобольскаго дворянина Ѳедора Степановича Тутолмина временнымъ красноярскимъ воеводою „на перемѣну“ Мирона Башковскаго.

Тутолминъ былъ назначенъ въ ноябрѣ 1695 г., пріѣхалъ онъ въ Красноярскъ въ февралѣ 1696 г., но не могъ вступить на воеводство, встрѣтивши противодѣйствіе какъ со стороны Мирона Башковскаго — номинальнаго воеводы, продолжавшаго сидѣть „въ осадѣ“, такъ и со стороны „выборныхъ судеекъ“—фактическихъ воеводъ въ Красноярскѣ, управлявшихъ городомъ и уѣздомъ съ половины ноября 1695 г. до 20-го августа 1696 г., когда на смѣну Башковскаго и Тутолмина прибылъ изъ Москвы стольникъ Дурново.—Возвращаемся къ событіямъ послѣ бунта 14-го ноября.

Черезъ нѣсколько дней народная „дума“ занялась избраніемъ су-

дей. На этотъ разъ дума избрала 7 судей: боярскаго сына Григорья Ермолаева, атамана Михаила Злобина, сотниковъ Ивана Поспѣлова и Симона Бѣлянина, пятидесятниковъ Петра Муравьева и Ларіона Ростовца, десятника Тимофея Потылицына. Только послѣдній былъ изъ черкасъ, остальные изъ красноярцевъ.

Любопытенъ этотъ составъ судей. Изъ служилой аристократіи города избраны только 2 лица (Ермолаевъ и Злобинъ), слѣдующіе 4 судьи (сотники и пятидесятники) принадлежали къ низшимъ начальнымъ людямъ (т. е. по нашей терминологіи — къ оберъ-офицерамъ), а послѣдній судья былъ представителемъ рядовыхъ служилыхъ людей (десятникъ=унтеръ-офицеру). Допущеніе десятника въ составъ судей и равноправное положеніе его съ остальными судьями, представителями офицерства, говоритъ о значительномъ развитіи выборнаго начала въ красноярской „народной думѣ". Слѣдуетъ также отмѣтить слабое участіе въ составѣ судей представителей служилой аристократіи, сильной своимъ положеніемъ, вліяніемъ и матеріальными средствами. Большинство составили „середніе люди", стоявшіе между высшими начальными людьми и рядовой массой.

Всѣмъ этимъ „выборнымъ судьямъ" служилые люди „выборъ дали", т. е. составили актъ избранія и подписали его въ лицѣ своихъ представителей.

Для завѣдыванія разными хозяйственными дѣлами и спеціально кружечнымъ дворомъ дума избрала цѣловальникомъ посадскаго человѣка Ивана Ростового.

Послѣ отказа Мирону Башковскому Григорій Ермолаевъ, бывшій тотъ годъ приказнымъ человѣкомъ въ селѣ Ясауловѣ, вернулся на свой приказъ, выжидая событій въ то „отказное время". Избравши его въ число судей, дума послала къ нему нѣсколькихъ служилыхъ людей, съ приглашеніемъ прибыть въ Красноярскъ. Ермолаевъ почему-то сталъ отказываться, но долженъ былъ уступить настояніямъ прибывшихъ служилыхъ людей и мѣстныхъ крестьянъ: его почти „сильно" привезли изъ Ясаулова въ Красноярскъ.

При равноправіи всѣхъ 7 судей, Григорій Ермолаевъ былъ старшимъ товарищемъ среди нихъ и оставался въ этой роли до апрѣля 1696 г., когда былъ смѣщенъ съ судейскаго мѣста. Чѣмъ онъ провинился предъ красноярцами—неизвѣстно, по крайней мѣрѣ онъ самъ не объясняетъ этого въ своей позднѣйшей челобитной, гдѣ разсказываетъ о времени своего судейства. Онъ говоритъ, что въ апрѣлѣ толпа красноярцевъ, подъ предводительствомъ судьи Симона Бѣля-

пина и конныхъ казаковъ Емельяна Смольянинова, Герасима Ошарова и др., явилась къ нему и „отъ судной избы и ото всякихъ дѣлъ отказали, со всякимъ безчестьемъ“... Мало того, его арестовали и посадили „въ судную избу, и на цѣпь сковали, и приковали къ стѣнѣ, и убить хотѣли“, издѣваясь надъ нимъ всячески.

На мѣсто Григорія Ермолаева никого не выбирали, находя достаточнымъ составъ въ 6 судей. Роль старшаго изъ нихъ перешла къ казачьему атаману Михаилу Злобину. Такимъ образомъ, всѣ судьи оказались представителями казаковъ—главной массы служилыхъ людей, а боярскіе дѣти — высшая служилая аристократія города — не имѣла среди судей ни одного представителя. Здѣсь сказалась обычная въ Сибири XVII вѣка антипатія казаковъ къ боярскимъ дѣтямъ, мѣстами доходившая до открытой „розни“ между ними и нежеланія служить другъ съ другомъ [1]).

По даннымъ розыскнаго о бунтѣ дѣла нельзя вполнѣ возстановить той рядовой дѣятельности красноярскихъ выборныхъ судей 1695—1696 гг., которая замѣнила соотвѣтствующую воеводскую дѣятельность. Мы знаемъ, что дѣлопроизводство судной избы исчезло, а документы розыска касаются этой стороны мимоходомъ. Разсмотримъ эти немногіе намеки.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что красноярская „судная изба“ была учрежденіемъ коллегіальнымъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда документы говорятъ, что напримѣръ судья Ермолаевъ, или судьи Ермолаевъ и Злобинъ сдѣлали то-то, то обязательно прибавляется, что они сдѣлали это „съ товарищи“, т. е. по распоряженію всѣхъ 7 судей. Случаи единоличныхъ распоряженій кого-либо изъ судей встрѣчаются лишь тогда, когда рѣчь идетъ о злоупотребленіяхъ того судьи.

Какъ выражаются документы, судьи „дѣлали всякіе государевы дѣла“, т. е. все то, что дѣлали воеводы. Такъ, съ ясачныхъ людей они собирали ясакъ, съ посадскихъ и крестьянъ оброчныя деньги, съ торговыхъ и промышленныхъ таможенные сборы и проч.

Было обвиненіе противъ судей, что при нихъ очень мало собрано ясачной казны (мягкой рухляди) и именно благодаря тому обстоятельству, что они свободно отпускали промышленныхъ людей во всякое время на „соболиные промыслы“ въ „ясачныя землицы“, напри-

---

[1]) См. напр., мой очеркъ „Якутскій розыскъ о розни боярскихъ дѣтей и казаковъ“ въ *Русской Старинѣ*, 1897, № 8, стр. 375—392.

мѣръ, промышленнаго человѣка Константина Котюхина съ товарищи отпустили въ Камасинскую землю, не собравши съ нея государева ясака. Обыкновенно воеводы разрѣшали частнымъ лицамъ соболиный промыселъ только послѣ сбора ясака, чтобы лучшіе соболи попали въ государеву казну, а не въ руки торговыхъ и промышленныхъ людей.

Сборы судьями ясака съ ясачныхъ людей, хлѣба съ „пашенныхъ крестьянъ", оброчныхъ денегъ съ „оброчныхъ крестьянъ" и посадскихъ людей—всѣ эти факты несомнѣнно говорятъ, что „весь городъ" и „весь уѣздъ" добровольно и безъ всякихъ замѣшательствъ подчинились красноярскимъ „выборнымъ судьямъ" и стали легко забывать порядки воеводскаго управленія.

О послѣднихъ напомнилъ красноярцамъ пріѣздъ въ февралѣ 1696 г. тобольскаго дворянина Ѳ. С. Тутолмина, назначеннаго „на перемѣну" Мирона Башковскаго. Но здѣсь дѣло обошлось мирно: красноярцы не предпочли Тутолмина своимъ выборнымъ судьямъ, и новый воевода „бездѣльно" прожилъ въ Красноярскѣ полгода (до пріѣзда Дурново), не имѣя даже той тѣни воеводской власти, какая еще была за М. Башковскимъ, продолжавшимъ сидѣть въ осадѣ въ маломъ городѣ.

Получилось любопытное явленіе — троевластіе: одновременно въ Красноярскѣ находились—а) номинальный старый воевода М. Башковскій, не хотѣвшій хотя бы формально (въ дѣйствительности онъ не могъ) сдать воеводство Тутолмину, б) номинальный новый воевода Ѳ. Тутолминъ, жаждавшій получить воеводство, но не знавшій, отъ кого онъ его получитъ, в) фактическій воевода—красноярскій „міръ", твердо державшій въ своихъ рукахъ, въ лицѣ своихъ 7 судей, всѣ функціи воеводской власти и не желавшій никому ихъ уступить. Побѣда (правда, временная) оказалась на сторонѣ послѣдняго.

Когда Тутолминъ сообщилъ Мирону Башковскому о своемъ пріѣздѣ и потребовалъ сдачи воеводства, то Миронъ „въ малой городъ его не пустилъ, и печать и казны и дѣлъ не отдалъ". Тутолминъ послалъ о томъ отписку въ Москву, а самъ остался жить въ Красноярскѣ „бездѣльно". Онъ поселился подъ Красноярскомъ въ деревнѣ Ладеской, откуда пробовалъ вступить въ сношенія съ выборными судьями, чтобы при ихъ содѣйствіи выжить Мирона изъ малаго города и самому усѣсться на его мѣсто. Онъ посовѣтовалъ красноярцамъ „морить голодною смертію осадныхъ сидѣльцевъ". Красноярцы сначала послушались, „морили ихъ голодомъ трои сутки", не подпуская къ

малому городу женъ осажденныхъ, приносившихъ имъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Но потомъ бросили эту мѣру, вѣроятно, рѣшивши, что спокойно сидѣвшій въ осадѣ Миронъ лучше неизвѣстнаго имъ Тутолмина.

Тутолминъ понялъ, что съ „міромъ" неудобно ссориться, и мирно зажилъ съ красноярцами, не вмѣшиваясь болѣе въ ихъ дѣла. Онъ занялся „виннымъ куреньемъ", благо красноярцы обильно доставляли ему хлѣбъ, поднося его „для пропитанія, въ почесть". На „пиры" съ этимъ „воровскимъ виномъ" ѣздили къ Тутолмину судьи М. Злобинъ, И. Поспѣловъ и др.

IV.

Лѣтомъ 1696 г. красноярцы узнали, что къ нимъ ѣдетъ изъ Москвы назначенный царемъ новый воевода стольникъ Семенъ Ивановичъ Дурново, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено произвести розыскъ о злоупотребленіяхъ Алексѣя и Мирона Башковскихъ и о красноярской „шатости". По слухамъ, шедшимъ изъ Москвы, Дурново былъ человѣкомъ суровымъ, даже жестокимъ, способнымъ черезчуръ строго обойтись съ красноярцами, отбившимися въ послѣднее время отъ воеводскихъ рукъ.

Эти слухи произвели большое смущеніе въ Красноярскѣ. Какъ ни извольничались красноярцы, большинство ихъ не покидала мысль о своей „великой винѣ" предъ государемъ, и только у меньшинства бродили мечты о возможности устроиться самостоятельно навсегда. Большинство же мечтало объ одномъ—объ избавленіи отъ „лихихъ воеводъ" и вѣрило въ возможность существованія воеводъ, съ которыми „жить мочно". На свои бунты оно смотрѣло какъ на протесты противъ воеводскихъ насилій и разоренія, и какъ на урокъ зарвавшимся воеводамъ. Если это умѣренное большинство легко отнеслось къ назначенному изъ Тобольска Тутолмину и не признало его воеводою, то оно не могло не признать Дурново, назначеннаго царемъ. Оно надѣялось, что новый воевода произведетъ розыскъ по справедливости и снисходительно отнесется къ разгорѣвшимся среди красноярцевъ страстямъ. Большинство рѣшилось подчиниться Дурново, предпочитая худой миръ доброй ссорѣ. Неопредѣленное положеніе тяготило ихъ и заставляло стремиться къ какому бы то ни было концу. Крайніе возставали противъ такого рѣшенія, совѣтуя продолжать борьбу съ воеводами и дальше, но умѣренное большинство взяло верхъ. Въ

ожиданіи предстоящаго розыска красноярцы начали заметать свои слѣды недавней шатости, отворачивались отъ своихъ выборныхъ судей, перестали признавать ихъ власть.

Среди партіи крайнихъ начались раздоры, интриги, появились измѣнники мірскому дѣлу. Григорій Ермолаевъ былъ смѣщенъ съ судейства еще въ апрѣлѣ и съ тѣхъ поръ отсталъ отъ мірского дѣла. Во главѣ его стоялъ Михаилъ Злобинъ; при Дурново онъ совсѣмъ измѣнилъ міру и перешелъ на воеводскую сторону. Понятно, что при такомъ руководителѣ мірское дѣло заглохло, и ко времени пріѣзда Дурново судьи какъ-то незамѣтно стушевались и волею-неволею выпустили власть изъ своихъ рукъ.

Первые шаги воеводы Дурново были тонко расчитаны и произвели надлежащее впечатлѣніе на красноярцевъ. Въ городъ, объятый мятежемъ и упразднившій воеводскую власть, Дурново смѣло вступилъ съ небольшою кучкою своей свиты и собственныхъ людей, совершенно игнорируя красноярцевъ и не вступая ни въ какіе переговоры съ ними. 20-го августа онъ вошелъ въ „малый городъ", гдѣ сидѣлъ въ осадѣ Миронъ Башковскій съ своими „осадными сидѣльцами". Послѣднимъ Дурново велѣлъ тотчасъ разойтись по домамъ, обнадеживая, что „воры" ихъ не тронутъ. Но какъ только воеводскіе сторонники вышли изъ крѣпости и стали группами расходиться по городу, по своимъ домамъ, партія крайнихъ стала ихъ обезоруживать и бить. Впрочемъ, это была уже послѣдняя вспышка улегавшейся шатости, остановленная умѣреннымъ большинствомъ, открыто ставшимъ на сторону Дурново. Послѣдній не обратилъ вниманіе на эту вспышку и даже не сталъ удерживать въ городѣ тѣхъ осадныхъ сидѣльцевъ, которые изъ страха начали выѣзжать въ Енисейскъ и другія мѣста.

Отъ М. Башковскаго онъ „принялъ" городъ, но по документамъ его „не считалъ", такъ какъ Миронъ торопился уѣхать въ Енисейскъ, „убоясь отъ красноярцевъ себѣ смертного убойства". Миронъ выѣхалъ изъ Красноярска ночью. Позже Дурново спохватился, что онъ нарушилъ здѣсь первое предписаніе „воеводскаго наказа"—не отпускать стараго воеводу, не „росписавшись" съ нимъ. Дурново сталъ вызывать М. Башковскаго „для счету" чрезъ Енисейскаго воеводу Михаила Римскаго-Корсакова. Но Миронъ отказался вернуться въ Красноярскъ, гдѣ снова начались тогда волненія.

Затѣмъ, Дурново допустилъ и другое отступленіе отъ обычной воеводской практики: обычнаго при вступленіи на воеводство

„смотру служилымъ людямъ не было и милостиваго государского жалованнаго слова къ нимъ не было". Очевидно, не было и того, что всегда слѣдовало за смотромъ—раздачи казеннаго вина. Служилые и ясачные татары также жаловались потомъ, что и имъ воевода не сдѣлалъ смотра и не передалъ „жалованнаго слова".

Такъ Дурново вступилъ на воеводство. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже посыпались въ Москву и къ сыщику думному дьяку Д. Л. Полянскому челобитныя на Дурново, начавшаго свои гоненія на противниковъ Алексѣя и Мирона Башковскихъ. Вмѣсто снисходительнаго отношенія къ „воровскимъ людямъ", подвигнутымъ на „воровство" воеводскими злоупотребленіями, вмѣсто безпристрастнаго разбора ихъ жалобъ на воеводъ, началось повальное гоненіе на правыхъ и виноватыхъ, и явное стремленіе обѣлить „лихихъ воеводъ". Къ ихъ числу красноярцы скоро причислили и Дурново, не съумѣвшаго воспользоваться наступившимъ предъ его пріѣздомъ затишьемъ и думавшаго удержать народъ въ повиновеніи силою и угрозами. Красноярскій „міръ" опять сталъ бурлить и втягиваться въ борьбу съ новымъ воеводою. Общее недовольство воеводою снова объединило и крайнихъ, и отчасти прежнихъ умѣренныхъ.

Дѣйствительно суровый и жестокій воевода на каждомъ шагу подливалъ масла въ огонь своими злоупотребленіями. Первая челобитная на Дурново послана лѣтомъ 1697 г., какъ только въ Красноярскѣ узнали о пріѣздѣ въ Сибирь московскихъ сыщиковъ Полянскаго и Берестова. На встрѣчу имъ, въ Кецкой острогъ, выѣхали съ челобитными боярскій сынъ Иванъ Злобинъ (сынъ атамана Михаила Злобина, бывшаго судьи) и служилый татаринъ Кочка Торомовъ, оба съ товарищами. Злобинъ привезъ челобитную отъ служилыхъ русскихъ людей, Торомовъ отъ служилыхъ и ясачныхъ татаръ. Обѣ эти челобитныя не сохранились, но уцѣлѣла третья челобитная, полученная Полянскимъ 18-го октября 1697 г.

Она доставлена боярскимъ сыномъ Ѳедоромъ Самсоновымъ съ товарищи и подана отъ имени 16 служилыхъ людей. Они жалуются на своего „разорителя" Дурново, который съ самаго пріѣзда, „дружа и норовя стольникамъ А. и М. Башковскимъ", началъ преслѣдовать челобитчиковъ на этихъ воеводъ, вымучивая у нихъ „угрозами и побоями" разныя „вымышленныя сказки и составныя челобитныя" въ пользу Башковскихъ.

Отъ „всякихъ страстей и гоненія и нападокъ" воеводы многіе служилые люди и татары „разбѣжались" изъ Красноярска. Другіе

бросились съ челобитьями къ Полянскому, но тотъ отослалъ ихъ обратно въ Красноярскъ, въ виду ожидавшагося нападенія „непріятельскихъ воинскихъ людей“ (зарубежныхъ киргизовъ и калмыковъ).

Дурново узналъ объ этомъ челобитьѣ на него и началъ недовольныхъ „изгонять и разорять пуще прежняго“: велѣлъ „ссыльнымъ людямъ“, съ которыми вступилъ въ союзъ подобно Башковскимъ, „хватать“ челобитчиковъ и „батоги билъ многихъ до полусмерти“. Ссыльные люди неистовствовали съ воеводскаго разрѣшенія: они врывались въ дома челобитчиковъ „съ бердыши и оружьемъ“, били ихъ, увѣчили, „по избамъ и по клѣтямъ“ шарили.

Въ февралѣ тотъ же Ѳ. Самсоновъ и другой боярскій сынъ Матвѣй Еремѣевъ (братъ прежняго выборнаго судьи Трифона Еремѣева) подали Полянскому новую челобитную на „гонителя и разорителя“ Дурново. Челобитье шло уже отъ 31 человѣка. Челобитчики жалуются, что воевода началъ сильно ихъ „тѣснить—въ тюрьму и за караулы безвинно сажать, и въ оковы ножные и въ ручные желѣза назадъ руки заковывать, и мучить, и своими руками бить“, какъ напримѣръ, избилъ собственноручно коннаго казака Алексѣя Смольянинова, котораго свезли съ воеводскаго двора „убитаго до смерти“. Вообще, вмѣстѣ съ „присыльными людьми“ Дурново „многихъ людей переувѣчилъ—головы испроломилъ палками“ и т. п. По словамъ челобитныхъ, Дурново „научалъ“ ссыльныхъ людей возбуждать противъ „градскихъ и уѣздныхъ людей“ многіе „иски непомѣрные“, отъ которыхъ отвѣтчики „откупалися многими посулы“ и терпѣли „многое разореніе“.

Вообще, Дурново всячески привлекалъ къ себѣ ссыльныхъ людей, пользуясь для этого разными незаконными мѣрами, въ ущербъ интересамъ коренныхъ красноярцевъ. Такъ, жалованье за прошлые три года (изъ присланной „денежной и товарной казны“) воевода выдавалъ служилымъ людямъ „не въ ровенствѣ—иному много, а иному мало, а инымъ ничего не далъ“. А между тѣмъ, изъ той же казны—жаловались челобитчики—„изъ нашихъ окладовъ“, онъ даетъ „жалованье присыльнымъ людямъ, которые присланы въ посадъ и въ пашню“, а не на службу. Совершая это незаконное дѣло, воевода идетъ дальше—тратитъ на тѣхъ же ссыльныхъ людей доходы кружечнаго двора и таможни. Точно также онъ злоупотребляетъ, когда бережетъ для своихъ сторонниковъ, ссыльныхъ людей, хлѣбные запасы, собранные съ „Красноярской пахоты“, которые слѣдовало раздать въ хлѣбное

жалованье „безпахотнымъ“ служилымъ людямъ, а они не получили его „ни по единой пяди“.

Челобитчики обвиняютъ Дурново въ прямомъ взяточничествѣ: такъ, съ атамана пѣшихъ казаковъ Ѳедора Кольцова, посланнаго въ 1697 г. для ясачнаго сбора въ Канской острогъ, съ 20 казаками, воевода взялъ „посулу“ изъ ихъ жалованья 40 руб. Такую же сумму онъ взялъ изъ жалованья 40 „годовальщиковъ“, посланныхъ на годовую службу въ Верхній Караульный острогъ. Послѣднимъ онъ не далъ ни пороха, ни свинцу, а когда они стали бить о томъ челомъ, воевода велѣлъ „бить батоги на смерть“ челобитчика казака И. Трофимова, который отъ того боя долго лежалъ больнымъ.

Дурново нашелъ поддержку въ присланномъ изъ Енисейска для розыска боярскомъ сынѣ Яковѣ Елагинѣ, „соединяся“ съ которымъ „вымучивалъ“ показанія въ пользу Башковскихъ и проч.

Главные руководители прежнихъ бунтовъ не были, конечно, оставлены Дурново въ покоѣ. Изъ челобитной Трифона Еремѣева—бывшаго судьи (послѣ изгнанія Алексѣя Башковскаго), поданной Полянскому, узнаемъ, что Дурново „началъ изгонять и разорять“ Еремѣева за участіе его въ челобитьяхъ служилыхъ людей на Башковскихъ, которымъ Дурново „во всемъ дружитъ и норовитъ, для того, чтобы ихъ во всемъ оправить, а Красноярскихъ служилыхъ людей обвинить“... Воевода требовалъ отъ челобитчика разныхъ обвинительныхъ „сказокъ“ противъ служилыхъ людей, а когда тотъ не далъ ихъ, сталъ „мучить за карауломъ по многія времена“: 6 недѣль лежалъ онъ „въ немочи“ въ городѣ, а воевода не отпускалъ его въ деревню и „все вымучивалъ скаски и хотѣлъ пытать невѣдомо за что“. Когда Енисейскій воевода М. И. Римскій-Корсаковъ прислалъ въ Красноярскъ для розыска боярскаго сына Я. Елагина, Дурново „соединяся съ нимъ“ усилилъ гоненія на служилыхъ людей и „вымучилъ“ нужную ему сказку у Еремѣева. Онъ проситъ не вѣрить этой сказкѣ, какъ и другимъ „намученнымъ и составнымъ и вымышленнымъ скаскамъ“, добытымъ Дурново у служилыхъ людей. Еремѣевъ былъ человѣкъ грамотный — самъ „руку приложилъ“ къ своей челобитной.

О томъ же били челомъ атаманъ конныхъ казаковъ Михаилъ Злобинъ (судья второго выбора, при М. Башковскомъ) и боярскій сынъ Кононъ Самсоновъ (дѣятель перваго бунта, при А. Башковскомъ). И у нихъ Дурново „вымучилъ“, держа подъ карауломъ, ложныя „скаски“ въ пользу Башковскихъ, и они просятъ „не вѣрить“ тѣмъ сказкамъ.

Изъ двухъ другихъ челобитныхъ узнаемъ, что всѣ челобитчики были схвачены по приказу Дурново и „скованные“ отправлены въ Енисейскъ, гдѣ воевода М. И. Римской-Корсаковъ посадилъ ихъ въ тюрьму и „морилъ томною голодною смертью напрасно“, а за что— они „не вѣдаютъ и сидятъ безвинно“...

Дурново былъ обвиненъ въ прямомъ убійствѣ коннаго казака Алексѣя Смольянинова, одного изъ дѣятелей Красноярскихъ бунтовъ. Братъ его Артемій заявилъ Полянскому, что во время убійства не былъ въ Красноярскѣ, ѣздилъ въ Москву съ ясачною казною, но вернувшись слышалъ отъ многихъ товарищей, что Алексѣй убитъ воеводою Дурново собственноручно. Свидѣтелей убійства не было, или вѣрнѣе они были, но уклонились отъ показаній, опасаясь мести Дурново. Во всякомъ случаѣ очевидцы показали, что Алексѣй „объявился на воеводскомъ дворѣ мертвъ“. Дурново не отвергалъ этого, но объяснялъ, будто Алексѣй „умре скоропостижною смертью“. Нѣкоторые свидѣтели воеводы видѣли Алексѣя на воеводскомъ дворѣ „въ саняхъ мертвого“, а подлѣ стоялъ соборной попъ Семенъ и красноярцы, говорившіе будто Алексѣй „опился вина и попъ Семенъ мазалъ его дехтемъ“ (sic). Но на розыскѣ попъ Семенъ (перешедшій въ это время въ Енисейскъ) заявилъ, что въ воскресенье на масляной недѣлѣ 1697 г. приходилъ къ Дурново „прощаться“ (передъ постомъ) и увидѣлъ на воеводскомъ дворѣ Алексѣя уже мертвымъ, при чемъ замѣтилъ на немъ „битыя мѣста“.

Розыскъ Полянскаго, явно благоволившаго Дурново, не раскрылъ всѣхъ обстоятельствъ этого темнаго дѣла, да и не стремился къ тому. Во всякомъ случаѣ, даже этотъ пристрастный розыскъ не могъ скрыть того обстоятельства, что А. Смольяниновъ умеръ на воеводскомъ дворѣ съ знаками побоевъ.

Видя такой оборотъ розыска, братъ убитаго Артемій уѣхалъ изъ Енисейска „до вершенья“ дѣла, имъ поднятаго. Долго онъ гдѣ-то скрывался отъ преслѣдованій Дурново, а въ январѣ 1698 г. вернулся въ Красноярскъ и тотчасъ же пострадалъ отъ воеводы. Артемій жалуется въ своей челобитной: „приходили на домишко ко мнѣ. въ 6-мъ часу ночи, присыльные люди Савостька Хлыновской съ товарищи, и били меня на смерть, и разорили меня безъ остатку“. Онъ подалъ свою челобитную случившемуся въ Красноярскѣ Енисейскому боярскому сыну Григорью Троцкому, для передачи сыщику Полянскому, въ Енисейскѣ.

Посыпались на Дурново челобитныя и отъ угнетаемыхъ имъ ино-

родцевъ. Представитель служилыхъ и ясачныхъ татаръ 5 улусовъ „всей Качинской землицы“ Корочанъ Тайларовъ съ товарищи жаловались на многія притѣсненія отъ Дурново, вызванныя прежними челобитьями татаръ на Башковскихъ. Такъ, въ 1697 г. Дурново „поставилъ заставу въ тайгѣ на Ботойской вершинѣ“ изъ 7 казаковъ, которые не пускали ясачныхъ татаръ „въ тайгу на соболиные промыслы“. Двое татаръ рискнули пробраться въ тайгу за соболями, но вернуться назадъ въ свои юрты не посмѣли — „забрели въ тайгу и замерли“.

Въ декабрѣ того же года татары пріѣхали въ Красноярскъ вносить ясакъ, при чемъ Дурново „отметывалъ прочь“ такихъ соболей, которыхъ прежніе воеводы принимали. Былъ обычай, что послѣ пріема ясака воевода угощалъ инородцевъ государевымъ виномъ и обѣдомъ. Но Дурново, жалуются татары, „насъ государскою милостью не обнадежилъ — не далъ намъ питья, ни хлѣба, только далъ намъ теленка годового“, а затѣмъ приказалъ ссыльнымъ людямъ „выбить съ дубьемъ“ татаръ изъ города на р. Енисей, при чемъ трехъ человѣкъ татаръ „били на смерть батоги безвинно“.

Скоро появились новыя челобитныя татаръ, сообщавшія о новыхъ злоупотребленіяхъ Дурново. Напримѣръ: въ апрѣлѣ 1697 г. воевода послалъ въ улусъ Карочана Тайларова пятидесятника съ 50 казаками, которые у Карочана 6 юртъ „розбили и розвоевали и животы ихъ розграбили“, а женщинъ захватили „въ полонъ“. Самого Карочана Тайларова воевода собирается „пытать и повѣсить“ за его челобитья на Башковскихъ и на Дурново. Многіе изъ служилыхъ и ясачныхъ татаръ отъ притѣсненія Дурново „разбѣжались по тайгамъ и лѣсамъ“.

Пятидесятникъ Иванъ Сиротининъ показалъ на розыскѣ Полянскаго, что въ апрѣлѣ 1697 г. Дурново посылалъ его въ улусъ Карочана Тайларова, чтобъ доставить его въ Красноярскъ. Но Карочанъ не поѣхалъ, опасаясь, что воевода станетъ его „пытать“. Сиротининъ не сталъ брать его силою и вернулся въ Красноярскъ, увѣряя, что онъ татаръ не грабилъ. Ограбилъ же ихъ пріѣхавшій послѣ него атаманъ Михаилъ Злобинъ съ казаками.

Бывшій „выборный судья“ въ это время перешелъ на воеводскую сторону и превратился въ ревностнаго слугу Дурново. Карочанъ успѣлъ бѣжать отъ Злобина, который за то схватилъ его жену и сестру и ограбилъ „рухлядь“ татарина.

Отъ всѣхъ этихъ притѣсненій Дурново инородцы откочевали отъ Красноярска на „дальнее разстояніе“ и перестали ѣздить въ городъ

съ ясакомъ, „опасаясь его, С. Дурново". Также и изъ русскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей многіе ушли въ Енисейскъ и другіе города, а иные „разбѣжались по лѣсамъ и островамъ", прячась отъ Дурново. Между тѣмъ, въ августѣ 1687 года, получена была въ Енисейскѣ вѣсть, что „князцы" Киргинской землицы собираются идти войною подъ Красноярскъ, гдѣ служилыхъ людей почти „никого нѣтъ, всѣхъ разогналъ" воевода С. Дурново.

V.

Дурново, конечно, защищался противъ такихъ обвиненій. Онъ утверждалъ, будто тѣмъ вооружилъ противъ себя красноярцевъ, что служитъ „великому государю радѣтельно" и ищетъ ему „во всѣхъ сборахъ прибыли", а злоупотребленія служилыхъ людей преслѣдуетъ. Однако изъ послѣднихъ онъ могъ указать въ своемъ отвѣтѣ только одну пустую вину служилыхъ людей—ихъ „воровское" винокуреніе, сплошь практиковавшееся въ Сибири даже среди воеводъ.

Въ другихъ своихъ оправдательныхъ челобитныхъ Дурново приводитъ единственный фактъ злоупотребленія служилыхъ людей: онъ напоминаетъ, что въ 1697 году боярскій сынъ Титъ Саламатовъ и пятидесятникъ Ларіонъ Потылицынъ, служившіе ясачными сборщиками въ Саянской землицѣ, „биты кнутомъ" въ Енисейскѣ, по приказу сыщика Полянскаго, „за кражу ясачной соболиной казны".

Стараясь побольше собрать такихъ фактовъ, Дурново возбудилъ массу „розысковъ" о злоупотребленіяхъ служилыхъ людей оппозиціонной партіи. Онъ привязывался къ малѣйшему слуху, раздувалъ ничтожные факты, ловилъ пустыя рѣчи и т. п., и все это съ цѣлью забрать въ свои руки опасныхъ для себя людей, внести смуту въ партію крайнихъ и ослабить ее насколько возможно. При такой подкладкѣ этихъ сысковъ нѣтъ нужды разсматривать всю массу ихъ, но достаточно остановиться надъ нѣкоторыми изъ нихъ.

Въ числѣ первыхъ былъ сыскъ о выборномъ судьѣ Григорьѣ Ермолаевѣ, на котораго какіе-то неизвѣстные (именъ ихъ нѣтъ) служилые люди изъ воеводской партіи подали „извѣтъ", обвиняя его въ произнесеніи оскорбительныхъ рѣчей о Дурново, именно словъ: „если не отпустишь моего полоненика, то мы-де станемъ тебя трепать по бокамъ!" Когда воевода посадилъ Ермолаева за караулъ въ приказную избу на цѣпь, собираясь отправить его въ Енисейскъ, онъ жаловался на это и говорилъ свидѣтелямъ: „какъ-де я Григорей

стану гнуть на свою сторону, и въ то-де время и сердцо броситъ (воевода) подъ лавку, а та-де чепь (цѣпь) оборотится ему Семену Ивановичю самому!"

На розыскѣ Ермолаевъ иначе приводилъ послѣднюю свою фразу: онъ говорилъ, зачѣмъ-де воевода посадилъ его на цѣпь „издѣваючись, не за дѣло, а та-де цѣпь общая—нынѣ на немъ Григорьѣ, а въ иное время будетъ и на иномъ". Свидѣтели настаивали на своихъ показаніяхъ и вообще винили Ермолаева, что онъ „возмущаетъ" народъ противъ Дурново, какъ раньше возмущалъ противъ Башковскихъ.

Въ роли „извѣтчиковъ" (доносителей) являлись особенно часто „пристава", исполнявшіе при воеводахъ обязанности полицейскихъ и судебныхъ приставовъ. Такъ, приставъ Ѳедосъ Матвѣевъ извѣщалъ воеводѣ, что въ домѣ пятидесятника Ивана Кожуховскаго попъ Покровской церкви Савинъ Петровъ (приводившій красноярцевъ къ „мірской присягѣ" во время бунта при М. Башковскомъ) „бранилъ всякою м. . . . . бранью" Дурново за то, что тотъ избилъ палкою попова шурина казака Емельяна Смольянинова. Попъ грозилъ, что „онъ доищется его Семена Ивановича головы"!

Попъ Савинъ былъ привлеченъ къ отвѣту; допросъ съ него снималъ игуменъ Красноярскаго Введенскаго монастыря. Свое участіе въ мірской присягѣ попъ голословно отвергъ, а относительно рѣчей въ домѣ Кожуховскаго („на бракѣ") замѣтилъ, что „возмутительныхъ словъ" противъ Дурново не говорилъ, но будучи пьянъ, жаловался, что воевода напрасно-де считаетъ его „воромъ": „воровства" за собою онъ не знаетъ и „въ бунтовомъ стоятельствѣ и во всенародномъ возмущеніи" онъ не участвовалъ.

Боярскій сынъ Кононъ Самсоновъ (дѣятель перваго бунта) подалъ нѣсколько доносовъ, когда былъ освобожденъ Дурново изъ за караула за доносы на товарищей. Онъ донесъ на Михаила Злобина, что въ его домѣ собираются заговорщики противъ Дурново; это была правда, и Злобинъ, уже колебавшійся въ послѣднее время, послѣ доноса Конона окончательно перешелъ на воеводскую сторону, открыто разорвавъ съ своимъ сыномъ Иваномъ, однимъ изъ главныхъ руководителей движенія противъ Дурново.

Иванъ Злобинъ былъ арестованъ, но въ маѣ 1697 года бѣжалъ ночью, когда караульные спали, разбивши кандалы. По приказу Дурново караульные „вмѣсто кнута биты батогомъ нещадно". Въ погоню за Иваномъ посланы подьячій Алексѣй Пословинъ, боярскій сынъ Тимофей Метельской, пятидесятникъ Григорій Махотинъ и 3 казака.

Они отправились на заимку Ивана, гдѣ надѣялись его захватить, а въ случаѣ отсутствія взять его сына Прохора и всѣ „животы“ Ивана „переписать и запечатать“. Но посланные не нашли Злобиныхъ на заимкѣ, а только переписали ихъ животы и отдали на храненіе казаку А. Фокину. Тогда Дурново послалъ другихъ людей на заимку Михаила Злобина, на рч. Березовкѣ, и тамъ былъ взятъ другой сынъ атамана и привезенъ къ воеводѣ.

Пока Михаилъ Злобинъ былъ еще въ числѣ колебавшихся, Дурново возбудилъ противъ него нѣсколько сысковъ о прежнихъ винахъ атамана, напримѣръ о его „воровскомъ винномъ куреніи“, когда онъ былъ въ 1695 году приказнымъ человѣкомъ въ с. Ясауловѣ. Злобинъ сознался, что дѣйствительно курилъ тамъ вино, предъ Рождествомъ, не для продажи, а „на себя, для скорби своей“ и притомъ „малое число—пуда съ четыре“. Кромѣ того атаманъ былъ уличенъ въ „торговлѣ съ ясачными иноземцы“ — продавалъ имъ вино, табакъ и пр., за что велѣно доправить на немъ 2 сорока 13 соболей, которые частью уже взысканы съ него, а „достальные соболи за бунтомъ и за великою Красноярскою шатостію не доправливаны“. Съ переходомъ М. Злобина на воеводскую сторону всѣ сыски о немъ были прекращены и затушованы.

Всѣмъ этимъ сыскамъ Дурново сильно мѣшалъ О. С. Тутолминъ, при М. Башковскомъ бездѣйствовавшій, а съ пріѣздомъ Дурново пріобрѣвшій неожиданно большое значеніе въ Красноярскѣ. Въ августѣ 1696 года Тутолмину, по государеву указу и по челобитью красноярцевъ, поручено произвести розыскъ о „налогахъ“ и „обидахъ“ красноярцамъ отъ воеводы Алексѣя Башковскаго. Въ мартѣ 1697 года дано ему изъ Москвы еще болѣе серьезное порученіе розыскать, „отчего въ Красноярску учинился бунтъ и мятежъ?“ Къ сожалѣнію, этотъ любопытный розыскъ не сохранился, и мы знаемъ о немъ только по немногимъ намекамъ.

Тутолминъ, мирволившій „воровскимъ людямъ“, былъ невыносимъ для Дурново, старавшагося во что бы ни стало очернить Тутолмина, чтобы прекратить его сыски, направленные противъ Башковскихъ и Дурново. Случай скоро представился. Присланный съ Тутолминымъ Тобольскій подьячій Василій Ипатьевъ, не ладившій съ нимъ изъ-за споровъ о „перстосложеніи“, подалъ Дурново „извѣтъ“ на Тутолмина, жалуясь, что Тутолминъ его ограбилъ и избилъ. Онъ увѣрялъ, будто въ розыскѣ о злоупотребленіяхъ А. Башковскаго сыщикъ „чинилъ красноярцамъ поноровку для своей бездѣльной взятки“,

взялъ съ нихъ „бѣлью хрептовую шубу". Видя такой „неправый розыскъ" Тутолмина, подьячій „отъ розыску отсталъ". Въ новомъ розыскѣ о причинахъ красноярской шатости Ипатьевъ не принималъ никакого участія, такъ какъ въ царской грамотѣ Тутолмину не было упомянуто о подьячемъ, да и самъ онъ сознаетъ, что „за ссорою" съ сыщикомъ не можетъ быть съ нимъ у розыска. Подьячій проситъ отпустить его въ Тобольскъ. Дурново схватился за извѣтъ Ипатьева, но обвиненія подьячаго оказались голословными, и только позже Дурново добился отозванія Тутолмина и прекращенія его розысковъ.

Воеводская партія старалась поддержать Дурново своими челобитными въ защиту его и противъ челобитій „воровскихъ людей". Воеводскіе сторонники говорятъ, что они не имѣютъ „соединенія" съ „возмутителями", „никакого зла не мыслятъ" на воеводу, отъ котораго „обидъ и налогъ нѣтъ и не бывало", который такъ усердно хлопочетъ о „прибыли" для государевой казны и т. п. Они просятъ не вѣрить „затѣйнымъ ложнымъ челобитнымъ" на Дурново, которыя писалъ бывшій „выборный подьячій" по наущенью „воровскихъ людей". Изъ челобитныхъ этихъ узнаемъ о составѣ и численности воеводской партіи. Во главѣ ея стояли В. Многогрѣшный, Ѳ. Кольцовъ и А. Пословинъ, затѣмъ видную роль играли боярскіе дѣти Прокофій Чанчиковъ, М. Ближневскій, Микулай Врублевскій, Парфенъ Дорошкѣевъ и казачьи пятидесятники Ив. Сиротининъ и Ѳ. Моисѣевъ. Къ этой же партіи принадлежало духовенство города (за исключеніемъ попа Савина Петрова)—игуменъ Филиппъ, соборный протопопъ Дмитрій Матвѣевъ и др., также таможенныя власти—голова Е. Андреевъ и подьячій Алексѣй Михайловъ.

Какъ уже отмѣчено, въ воеводской партіи было немало „черкасъ и литовскихъ (бѣлорусскихъ и польскихъ) ссыльныхъ людей", напримѣръ: Григорій Пахоруковъ, К. Круглой, Ѳ. Смоленской, Б. Лазицкой, П. Рачковской, С. Кріской, Т. Метельской, И. Собачевской, М. Воробьевской, И. Кручинка, М. Чеснокъ, Н. Холай, А. Ханда и др.

VI.

Мы видѣли, что ко времени пріѣзда Дурново „мірское дѣло" сильно пошатнулось и пошло „врознь". Прежніе главные дѣятели „шатости" затихли, попрятались, частью даже измѣнили „міру", или прикидывались воеводскими сторонниками, спасая себя. Но нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей продолжали вести борьбу съ Дурново, какъ

раньше боролись съ Башковскими. Это были—Дмитрій Тюменцовъ, его братъ, атаманъ пѣшихъ казаковъ, Аника Тюменцовъ, Тимофей Потылицынъ, выборный подьячій Михаилъ Семеновъ, служилые люди С. Потѣхинъ, Г. Ошаровъ и др. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули почти всѣ прежніе дѣятели шатости.

На подмогу руководителямъ прежнихъ бунтовъ выступали новые дѣятели изъ молодыхъ служилыхъ людей, именно, родственники прежнихъ дѣятелей: Иванъ Злобинъ (сынъ судьи), Матвѣй Еремѣевъ (братъ судьи), Ѳедоръ и Петръ Самсоновы (родственники Конона Самсонова).

Въ числѣ воеводскихъ противниковъ немало было черкасъ и Литвы. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить многочисленную фамилію Потылицыныхъ: кромѣ бывшаго выборнаго судьи Тимофея Потылицына, на одной челобитной находимъ еще 15 казаковъ Потылицыныхъ. Затѣмъ въ той же челобитной встрѣчаемъ—четырехъ Терскихъ, И. Шувайко, Д. Черкашенина, А. Южакова, Ѳ. Портнягу, Д. и М. Грицьковыхъ, С. Стальковскаго, Д. Поляка и др., всего около 30 человѣкъ изъ 153 челобитчиковъ.

Число „воровскихъ людей" росло постепенно: на первой челобитной противъ Дурново находимъ 16 челобитчиковъ, на второй 31 чел., на третьей 123 чел. (14 боярскихъ дѣтей, 2 начальныхъ людей—атаманъ и сотникъ, 44 конныхъ казака и 63 пѣшихъ казака), на четвертой 153 чел., на пятой 223 челобитчика и т. д.

Несомнѣнно, выборная организація существовала въ Красноярскомъ „мірѣ" и во время мятежа противъ Дурново, но она держалась въ такой глубокой тайнѣ отъ большинства, что даже розыскъ сыщика Полянскаго не открылъ намъ именъ „выборныхъ судей" этого времени.

Уже въ концѣ 1696 года, т. е. черезъ 3 или 4 мѣсяца по пріѣздѣ на воеводство, Дурново послѣдовалъ примѣру Башковскихъ—оставилъ „большой городъ" и „въ малой городъ самохотно большими воротами затворился". Съ Дурново сѣли въ „самохотное" заключеніе многіе изъ прежнихъ „осадныхъ сидѣльцевъ" временъ Башковскихъ, т. е. главнымъ образомъ „присыльные люди", съ боярскимъ сыномъ Васильемъ Многогрѣшнымъ во главѣ.

Но въ первое время воевода, „затворившись" въ маломъ городѣ, по дѣламъ продолжалъ выѣзжать и въ большой городъ, и въ уѣздъ. Красноярцы и не думали сначала держать воеводу „въ осадѣ" и удивлялись его переселенію въ малый городъ, откуда всѣ „пушки воевода велѣлъ снарядить на большой городъ".

Красноярцы только жаловались, что воевода оставилъ ихъ безъ церковной службы: соборная церковь въ запертомъ для нихъ маломъ городѣ была недоступна, а въ единственной Покровской церкви большого города не было службы — попъ этой церкви Савинъ Петровъ былъ высланъ воеводою въ Енисейскъ, къ розыску Полянскаго. Красноярцы подали челобитную на то, что они остались безъ богослуженія, и на то, что вообще Дурново первый началъ противъ нихъ непріязненныя дѣйствія: хватаетъ красноярцевъ „по единому" въ малый острогъ, бьетъ ихъ, мучитъ и т. п. Все это служилые люди „не могли перетерпѣть" и послали „ото всего града" челобитную въ Москву съ казакомъ Ѳ. Чанчиковымъ. На этой челобитной „нашихъ градскихъ жителей рукъ малое число (т. е. подписей), потому что мы домовъ своихъ многіе отстали и жили въ побѣгахъ по лѣсамъ, и по островамъ, и по тайгамъ".

Между тѣмъ, Дурново продолжалъ укрѣпляться въ маломъ городѣ, свозя туда орудія, оружіе и боевые припасы. Изъ большого города были свезены въ малый всѣ пушки, запасные мушкеты, пищали, ядра, порохъ, свинецъ и пр. „Большую ломовую пушку", находившуюся на Алексѣевской башнѣ, воевода взялъ настоящею вылазкою изъ малаго города: отрядъ ссыльныхъ людей, подъ командою Ѳ. Шарыгина, напалъ на караулъ у пушки, и „у караульщиковъ отбили (пушку) ночью, воровски, и утащили въ малый городъ".

Такимъ образомъ, большой городъ на половину былъ обезоруженъ. Правда, въ рукахъ служилыхъ людей оставалось ихъ оружіе, но пороху и другихъ припасовъ было мало.

Городъ все болѣе и болѣе волновался. Уже въ концѣ 1696 г. недовольные стали обсуждать свое положеніе — „была дума". Заговорщики собирались „по ночамъ" въ домахъ атамана Михаила Злобина, казаковъ Ильи и Петра Суриковыхъ, Ивана Кузнецова и др. Собирались тутъ „многіе служилые люди", убѣжденные, что „вся ссора идетъ во градѣ отъ ссыльныхъ людей", отъ которыхъ „имъ житья нѣтъ и лучше-де будетъ, „какъ-де осадныхъ людей Василья Многогрѣшного съ товарищи вырубимъ". Многіе уже тогда настаивали, чтобы немедленно „отказать" Дурново отъ воеводства, какъ было съ Башковскими. Этотъ замыселъ предполагали исполнить послѣ утрени на Рождество Христово, когда надѣялись, что воевода пуститъ ихъ въ соборную церковь (въ маломъ городѣ), а они принесутъ туда оружіе „подъ полами".

Но этотъ планъ былъ отвергнутъ. Подъ Рождество воевода, дѣй-

ствительно, пустилъ красноярцевъ въ соборъ, и крайніе хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы „вырубить“ воеводу и его сторонниковъ, но умѣренное большинство не допустило ихъ до того, можетъ быть еще и потому, что не хотѣло проливать крови въ такой день и въ такомъ мѣстѣ.

Случай былъ упущенъ, и малый городъ снова сталъ недоступенъ для большинства красноярцевъ. Воевода немедленно отписалъ въ Москву и Енисейскъ (сыщику Полянскому) объ этомъ неудавшемся замыслѣ бунтовщиковъ; послѣдніе пытались перехватить на дорогѣ воеводскія отписки, но это не удалось.

4-го января 1697 г. произведено было покушеніе на жизнь Дурново. Исполнителемъ взялся быть казакъ Емельянъ Смольяниновъ (братъ котораго Алексѣй позже былъ убитъ воеводою): вечеромъ подъ какимъ-то предлогомъ онъ пробрался въ малый городъ, но когда къ нему вышелъ воевода и спросилъ, зачѣмъ онъ такъ поздно пришелъ, Смольяниновъ смутился, выронилъ ножъ и былъ схваченъ.

Но наканунѣ этого покушенія къ Дурново явились два главные руководителя прежнихъ бунтовъ — М. Злобинъ, а за нимъ бывшій выборный судья Трофимъ Еремѣевъ, и оба они подали „извѣты“ о замыслахъ красноярцевъ „отказать“ воеводѣ и „избить осадныхъ людей“.

Всѣ оговоренные этими „извѣтчиками“ были немедленно арестованы воеводою. Большинство во всемъ „запирались“, ничего не открыли воеводѣ и никого изъ товарищей не выдали; но Кононъ Самсоновъ, старый „воръ и бунтовщикъ“, противъ котораго было слишкомъ много уликъ, вдругъ перемѣнилъ свой фронтъ и сталъ выдавать многое, не щадя особенно Злобиныхъ.

Кононъ показалъ, что въ домѣ у Петра Сурикова собиралась „дума“ служилыхъ людей. Здѣсь были Злобины, Еремѣевы и др. Всѣ, а преимущественно-де Михаилъ Злобинъ, его сыновья Иванъ и Данило, да Трифонъ Еремѣевъ, „подговаривали“ Конона принять участіе въ избіеніи осадныхъ людей—„вырубить всѣхъ“.

Заварился розыскъ, гдѣ молодежь „запиралась“ во всемъ, а старики уличали другъ друга, спасая себя. На очной ставкѣ отца съ сыномъ М. Злобинъ старался „уличить“ Ивана, но тотъ отмалчивался. Иванъ Злобинъ и его товарищи, около 30 человѣкъ, „посажены были за караулъ“, а ихъ отцы и старшіе братья разгуливали на свободѣ, представляясь, или дѣйствительно состоя воеводскими сторонниками.

Тяжелыя для Дурново вѣсти стали получаться и изъ Красноярскаго уѣзда. 31-го января посадскій человѣкъ „извѣщалъ“ воеводѣ, что въ деревнѣ Павловской и въ другихъ деревняхъ служилые люди Потапъ Балаганъ, В. Капкаринъ, И. Шудровъ и другіе „возмущаютъ народъ, и собираются по деревнямъ, и становятся кругами“, намѣреваясь идти къ Красноярску, чтобы „осадныхъ людей всѣхъ вырубить“, а съ Дурново поступить такъ же, какъ съ прежними воеводами. Изъ деревни Нахвальной извѣщали, что казачій сынъ Иванъ Плишкинъ уговариваетъ жителей присоединиться къ бунтовщикамъ, у которыхъ-де „такая дума есть“, что если сыщикъ Полянской скоро не пріѣдетъ въ Красноярскъ, то они возьмутъ малый городъ приступомъ, а Дурново откажутъ отъ воеводства.

Словомъ, новый бунтъ готовъ былъ разразиться уже въ началѣ 1697 г., но его остановила измѣна мірскому дѣлу „отцовъ“, выдавшихъ воеводѣ своихъ „дѣтей“, главныхъ вожаковъ новаго движенія. Съ арестомъ Ивана Злобина и его 30 товарищей движеніе почти затихло, и Дурново сталъ успокоиваться. Онъ продолжалъ сидѣть въ маломъ городѣ, дѣятельно занимаясь новымъ и самымъ интереснымъ для себя розыскомъ—о заговорѣ противъ него „воровскихъ людей“. Розыскъ сопровождался всяческими насиліями надъ уличенными и заподозрѣнными въ заговорѣ. Начинавшее было улегаться волненіе снова и по винѣ Дурново стало возростать.

VII.

До мая 1697 г. открытыхъ вспышекъ недовольства на Дурново не обнаруживалось; но скрытое озлобленіе противъ него продолжало рости и все шире распространяться. Производимый имъ съ чрезвычайною жестокостью розыскъ о январскихъ событіяхъ 1697 г. захватилъ въ свои сѣти почти весь Красноярскъ. Наряду съ этимъ шли обычныя воеводскія злоупотребленія, затрогивавшія повседневную жизнь красноярцевъ и практиковавшіяся Дурново весьма широко.

Въ маѣ 1697 г. бѣжали изъ-подъ караула не безъ содѣйствія караульныхъ (Дурново жестоко ихъ наказалъ) всѣ главные дѣятели изъ молодыхъ—Иванъ Злобинъ, Матвѣй Еремѣевъ и др., а также нѣкоторые изъ стариковъ, бывшій „выборный подъячій“ Михаилъ Семеновъ, служилые люди Данило Потѣхинъ, Герасимъ Ошаровъ и др. Всего бѣжало 30 человѣкъ, направившихся въ Енисейскъ и другія мѣста.

Въ іюлѣ 1697 г. часть бѣглецовъ, М. Семеновъ, Потѣхинъ, Ошаровъ и др., появились въ Красноярскомъ уѣздѣ и стали „жителей возмущать“ къ бунту противъ Дурново. Движеніе скоро перешло въ Красноярскъ, гдѣ во главѣ его сталъ Григорій Ермолаевъ, повидимому, снова избранный воровскими людьми въ судьи.

Дурново на этотъ разъ почувствовалъ себя въ маломъ городѣ дѣйствительно осажденнымъ. Красноярцы вспомнили совѣтъ Ѳ. С. Тутолмина относительно М. Башковскаго — выжить его голодомъ, и повторили тотъ же пріемъ съ Дурново: они прекратили доставку съѣстныхъ припасовъ въ малый городъ.

14-го августа сыщикъ Полянскій получилъ въ Енисейскѣ тревожную отписку Дурново. Воевода писалъ, что онъ сидитъ „запершись въ маломъ городѣ отъ воровъ“ Григорья Ермолаева съ товарищи, „слыша ихъ воровское злое намѣреніе—побить до смерти“ воеводу и сидящихъ съ нимъ „въ осадѣ“ служилыхъ людей В. Многогрѣшнаго съ товарищи. Послѣднихъ воры преслѣдуютъ за то, что „они къ ихъ воровству не пристаютъ“ и защищаютъ воеводу. Воевода и „осадные сидѣльцы помираютъ голодною смертію“, такъ какъ красноярцы не пропускаютъ къ нимъ съѣстныхъ припасовъ.

Полянскій принялъ мѣры, чтобы смягчить обострившіяся отношенія сторонъ. Пріѣхавшимъ въ Енисейскъ челобитчикамъ онъ пообѣщалъ скоро прибыть въ Красноярскъ и на мѣстѣ произвести серьезный розыскъ о всѣхъ „неправдахъ“ Дурново. Но Полянскій вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы красноярцы пребывали „въ послушаніи“ у воеводы и немедленно сняли тѣсную блокаду малаго города. Челобитчики обѣщали исполнить требованія думнаго дьяка. Съ другой стороны послѣдній посовѣтовалъ Дурново смягчить свои отношенія къ красноярцамъ. На время между враждующими наступило перемиріе; Дурново продолжалъ сидѣть попрежнему, запершись въ маломъ городѣ и не допуская туда противниковъ, но уже не голодалъ, какъ недавно, получая теперь съѣстные припасы. Григорій Ермолаевъ съ товарищи зорко наблюдали за малымъ городомъ, опасаясь выпустить воеводу изъ рукъ до пріѣзда и розыска Полянскаго. Но Полянскій, занятый своими обширными, раскинувшимися по всей Сибири розысками „про воеводъ и про ясачныхъ сборщиковъ“ и другихъ служилыхъ людей, сидѣлъ въ Енисейскѣ, надѣясь, вѣроятно, и отсюда управиться съ красноярцами, такъ мирно уступившими ему и быстро успокоившимися послѣ внушеній сыщика.

Но онъ ошибался: перемиріе скоро окончилось, и Красноярскъ

снова началъ волноваться, обманувшись въ расчетахъ на немедленный пріѣздъ сыщика. Дурново съ своей стороны забылъ благоразумные совѣты Полянскаго на счетъ сдержанности и опять принялся за свою прежнюю политику розысковъ и всяческихъ злоупотребленій.

„Воры" все еще не теряли надежды на розыскъ Полянскаго на мѣстѣ и рѣшили пока не сходить съ законной почвы самозащиты отъ воеводской „наглости". Въ это именно время (октябрь 1697 г.—февраль 1698 г.) посыпалась къ Полянскому та масса челобитныхъ на Дурново отъ служилыхъ людей и инородцевъ, съ которыми мы познакомились выше, говоря о злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ этого „лихого воеводы".

Всѣ эти челобитныя неизмѣнно заканчиваются горячими просьбами о смѣнѣ Дурново и производствѣ розыска надъ нимъ. Напримѣръ, въ одной челобитной 1697 г. служилые люди бьютъ челомъ, чтобы Полянскій „принялъ" Красноярскъ отъ Дурново, который, „ріясь на нихъ", замышляетъ всѣхъ челобитчиковъ истребить, посылаетъ ихъ противъ „немирныхъ иноземцевъ въ маломъ числѣ". Въ другой челобитной того же года красноярцы плачутся: „быть намъ съ нимъ (Дурново) невозможно", просятъ перемѣнить его и „дать съ нимъ судъ и очныя ставки". Въ челобитной 1698 г. челобитчики говорятъ: „лутче бы намъ на твоей государской службѣ головы свои положить, нежели бы отъ нихъ лихихъ воеводъ въ темницахъ закованными томною голодною смертью помереть!" О томъ же били челомъ служилые и ясачные татары Красноярскаго уѣзда, прося перемѣнить Дурново и розыскать о его злоупотребленіяхъ. На одной челобитной ихъ выставлены „знамена" (вмѣсто подписей) 68 татаръ.

Эти дружныя челобитныя русскихъ и инородцевъ, наконецъ, подѣйствовали: Полянскій и Берестовъ рѣшились смѣнить Дурново съ воеводства и начать о немъ розыскъ. 12-го февраля 1698 г. были призваны на съѣзжій дворъ красноярскіе челобитчики, и имъ объявленъ слѣдующій указъ (приводимъ его въ извлеченіи):

„Красноярцы дѣти боярскіе и казаки, служилые и ясачные иноземцы, челобитчики Ѳедька Самсоновъ, Матюшка Еремѣевъ съ товарищи и иноземцы Карочикъ Тайларовъ съ товарищи жъ! Великій государь указалъ вамъ сказать: въ прошломъ въ 205-мъ и въ нынѣшнемъ въ 206-мъ годѣхъ били челомъ великому государю вы, а въ Енисейску на съѣзжемъ дворѣ подали заручныя челобитныя на воеводу на Семена Дурново, а въ тѣхъ вашихъ челобитныхъ написано...". Далѣе приводятся краткія извлеченія изъ извѣстныхъ уже

намъ челобитныхъ, при чемъ въ „указѣ“ сыщиковъ всѣ вины Дурново излагаются съ оговоркою, „будто-де“ воевода сдѣлалъ то-то и то-то. За то обвиненія Дурново противъ красноярцевъ сыщики излагаютъ съ полною вѣрою въ его показанія, напримѣръ:

„А онъ Семенъ къ великому государю... на васъ красноярцовъ... о вашихъ шатостяхъ и о непослушаньи и о бунтѣ писалъ“ и прислалъ чрезъ сыщиковъ челобитную, „что ему отъ тѣхъ вашихъ шатостей и бунтовъ и въ государевыхъ дѣлахъ непослушаньи—въ Красноярску на воеводствѣ никоторыми дѣлы быть невозможно, потому что вы... сходясь на площади, и становясь кругами, и сбираясь въ домы по ночамъ тайно, чините умыслы и думы ко всякому злому дѣлу и къ бунту“... И вы „въ той своей злой мысли многихъ свою братью побили до смерти, а у иныхъ домы разграбили“, воеводу съ самаго пріѣзда его держите „въ осадѣ, въ маломъ острогѣ, во всякой нуждѣ“ и въ страхѣ за жизнь. Воевода просилъ государя „вывести“ его съ семьей въ Енисейскъ и „про ваше непослушанье и злые умыслы розыскать“...

Дѣйствительно ли Дурново просилъ о томъ, сомнительно, судя по его дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; позже Дурново добился новаго возвращенія на воеводство, хотя не надолго; вѣроятнѣе, это была мѣра, придуманная сыщиками для умиротворенія Красноярска, одобренная Москвою, но вопреки желаніямъ самого Дурново, видѣвшаго здѣсь большую уступку бунтовщикамъ.

Далѣе „указъ“ продолжаетъ: „осадные сидѣльцы“ съ воеводою, Василій Многогрѣшный съ товарищи, били челомъ, обличая „тѣ ваши шатости, и къ злому дѣлу умыслы, и сходы, и тайныя по ночамъ думы атамановъ вашихъ и иныхъ“... „И великій государь указалъ по тому его Семенову (Дурново) челобитью — его Семена изъ Красноярска взять въ Енисейскъ, съ женою и съ дѣтьми и съ людьми“, а городъ у него „принять“ и „вѣдать“ Енисейскому „письменному головѣ“ Степану Самойлову Лисовскому. Относительно же челобитій на красноярцевъ отъ Алексѣя и Мирона Башковскихъ, отъ Дурново, Тутолмина, В. Многогрѣшнаго съ товарищи и „противъ вашихъ челобитій“ на воеводъ, государь велѣлъ „розыскать и указъ учинить... думному дьяку Данилѣ Леонтьевичу да дьяку Данилѣ Берестову“.

Затѣмъ „указъ“ распространяется по поводу назначенія Лисовскаго: принявши городъ у Дурново, новый воевода долженъ отпустить его въ Енисейскъ съ семьей, со всею „рухлядью“ и съ „провожатыми“ для охраны въ пути. „Осадныхъ сидѣльцевъ“ Лисовскій

долженъ распустить по домамъ „до пріѣзду нашего въ Красноярскъ и до подлиннаго розыску. А вамъ съ ними и имъ съ вами ни о чемъ ссоръ, и задоровъ, и бою, и смертныхъ убойствъ отнюдь не чинить, жить смирно, и мятежей никакихъ, и бунтовъ никакихъ не чинить, и у Степана Лисовскаго быть во всякомъ послушаніи". Если же кто учинитъ Лисовскому, или сторонникамъ Дурново „хотя малую какую обиду и задоръ", тѣмъ „учинена будетъ смертная казнь безъ всякого розыску и милосердія и пощады", и не только явнымъ виновникамъ, но „и тѣмъ, которые къ тому дѣлу въ мысли съ ними будутъ, или кто вѣдая, или слышавъ о томъ не извѣститъ" воеводѣ...

Часть наличныхъ челобитчиковъ, 10 русскихъ и 2—3 инородца изъ „лутчихъ людей", оставляются въ Енисейскѣ до пріѣзда Дурново, въ качествѣ заложниковъ. Остальные отпускаются, но съ тѣмъ, „чтобъ имъ С. Дурново отъ Красноярска до Енисейска проводить въ цѣлости", а затѣмъ-де они будутъ „отпущены попрежнему". Велѣно имъ также „поимать" и доставить въ Енисейскъ къ розыску бунтовщиковъ Евтихія Старцова и Григорія Плишкина.

Этимъ заканчивается „указъ и скаска", на оборотѣ которыхъ идутъ подписи выслушавшихъ указъ челобитчиковъ.

Челобитчики поговорили между собою и представили сыщикамъ „имянную роспись" тѣхъ товарищей своихъ, которые оставались заложниками въ Енисейскѣ: это были главари послѣдняго движенія— Ѳ. Самсоновъ, М. Еремѣевъ, И. Кузнецовъ, И. Мезенинъ и еще 6 человѣкъ менѣе видныхъ дѣятелей.

Съ Лисовскимъ отпущены въ Красноярскъ енисейцы боярскій сынъ Борисъ Серебренниковъ [1]), пятидесятникъ Ив. Москвитиновъ, десятникъ и 10 казаковъ. Онъ повезъ въ Красноярскъ отписку Полянскаго и Берестова къ Дурново, которая предписывала послѣднему сдать городъ Лисовскому и ѣхать въ Енисейскъ.

Что Дурново оставлялъ воеводство вопреки своему желанію, это показываютъ челобитныя воеводскихъ сторонниковъ, написанныя по внушенію воеводы и полученныя сыщиками послѣ указа 12-го февраля. Такъ, въ мартѣ В. Многогрѣшный, М. Врублевскій съ товарищи, всего 23 „осадныхъ сидѣльца" били челомъ: узнали они, что по челобитьямъ „воровскихъ людей" велѣно Дурново „перемѣнить", а насъ распустить по домамъ. „И мы, видя отъ нихъ красноярцовъ всякое

---

[1]) Довольно извѣстный служилый человѣкъ изъ подъячихъ—см. „Обозрѣніе Сибирскаго Приказа", I, 67, 68, 75 и др., II, 71.

нынѣ и прежнее ихъ къ себѣ ругательство, опасны себѣ смертного убойства и ночного разоренья", а потому просятъ—не перемѣнять Дурново до пріѣзда въ Красноярскъ Полянскаго и „до подлинного розыску" о бунтѣ.

О томъ же проситъ другая мартовская челобитная, поданная отъ имени игумена Филиппа, соборнаго протопопа Дмитрія Матвѣева, боярскаго сына В. Многогрѣшнаго, атамана Ѳ. Кольцова и другихъ служилыхъ людей, всего отъ 76 челобитчиковъ, т. е. отъ всего состава воеводской партіи.

Но эти челобитныя не имѣли успѣха, и Дурново долженъ былъ оставить Красноярскъ.

VIII.

„Воровскіе люди" торжествовали и съ радостью встрѣтили новаго воеводу С. С. Лисовскаго, котораго знали по его долголѣтней службѣ въ Енисейскѣ и считали своимъ сибирскимъ, а не московскимъ служилымъ человѣкомъ, хотя онъ былъ добровольнымъ выходцемъ изъ Москвы и носилъ званіе московскаго „жильца". Красноярцы знали, что это былъ человѣкъ, съ которымъ „жить мочно". Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать для умиротворенія взволнованнаго Красноярска. Лисовской сразу поладилъ съ красноярцами, и въ продолженіе почти полгода красноярская „шатость" совсѣмъ затихла.

18-го февраля Лисовской получилъ „наказную память" отъ Полянскаго и Берестова, на имя которыхъ онъ долженъ былъ посылать „отписки", а не въ Сибирскій приказъ, въ Москву. Это означало, что назначеніе Лисовскаго было временное, „до государева указу", т. е. до окончанія розыска сыщиковъ о Дурново, или до присылки изъ Москвы новаго воеводы. Въ званіи также временнаго воеводскаго товарища посланъ съ Лисовскимъ боярскій сынъ Борисъ Серебренниковъ, раньше бывшій въ Енисейскѣ подьячимъ, т. е. человѣкъ опытный по письменной части. Выѣхали они изъ Енисейска 21-го февраля.

Въ мартѣ Лисовской писалъ сыщикамъ, что онъ „принялъ" Красноярскъ отъ С. И. Дурново, но „росписаться" съ нимъ и „счесть" его по документамъ „не успѣлъ", такъ какъ Дурново торопился уѣхать, опасаясь отъ красноярцевъ „какова дурна". Но для будущаго „счета" по воеводству Дурново Лисовской взялъ съ красноярскихъ 3 подьячихъ, Алексѣя Пословина съ товарищи, „скаски", гдѣ они пишутъ, что если при счетѣ Дурново окажутся какіе начеты, то они подьячіе

будутъ его „во всякихъ начетныхъ статьяхъ очищать“, а если „денегъ и товаровъ не явится, и та начтенная казна“ должна быть доправлена на подьячихъ.

Лисовской долженъ былъ отпустить Дурново съ „провожатыми“, съ тѣми енисейскими казаками, которые провожали Лисовскаго до Красноярска, съ красноярскими челобитчиками на Дурново и съ воеводскими „осадными сидѣльцами“, „сколько человѣкъ пригоже“. Конечно, енисейцы и воеводскіе сторонники отправились провожать Дурново, выѣхавшаго изъ Красноярска 1-го апрѣля. „А челобитчики Ѳ. Чанчиковъ съ товарищи въ Енисейскъ не поѣхали“ и подали Лисовскому челобитную, прося освободить ихъ отъ этой посылки. Лисовской переслалъ челобитную сыщикамъ.

Челобитчики (153 человѣка) замѣчаютъ, что такъ какъ они на Дурново били челомъ „въ обидахъ, и въ налогахъ, и во всякомъ разореніи“, то имъ „за нимъ стольникомъ С. Дурново въ провожатыхъ ѣхать невозможно, потому что онъ... ріясь на насъ..., писалъ... всякія затѣйныя небылыя дѣла“, и они опасаются, что онъ также будетъ предъ Полянскимъ „затѣвать всякія небылыя дѣла“ на тѣхъ челобитчиковъ, которые станутъ его провожать до Енисейска. Красноярцы отказались затѣмъ ѣхать въ Енисейскъ на вызовъ Полянскаго. Они просили сыщиковъ перенести розыскныя дѣйствія въ Красноярскъ.

Видя невозможность взять къ розыску всѣхъ выдающихся бунтовщиковъ, сыщики послали въ апрѣлѣ указъ Лисовскому, чтобы челобитчики на Дурново „выбрали межъ себя человѣкъ двухъ или трехъ добрыхъ людей, кому за нихъ красноярцовъ противъ ихъ заручного челобитья быть въ очныхъ ставкахъ“ съ А. и М. Башковскими и Дурново, и прислали бы этихъ выборныхъ людей въ Енисейскъ.

Но и это требованіе не было исполнено красноярцами, указывавшими, что въ рукахъ сыщиковъ находится слишкомъ достаточное количество „добрыхъ людей“—Ѳ. Самсоновъ, М. Еремѣевъ съ товарищи, всего 10 человѣкъ, вполнѣ пригодныхъ для очныхъ ставокъ съ Дурново.

По грамотѣ Сибирскаго приказа велѣно Полянскому вернуть въ Красноярскъ А. и М. Башковскихъ для „счета“ и „росписки“ по сдачѣ воеводства. Но Лисовской отъ 12-го апрѣля писалъ Полянскому, что Башковскіе не ѣдутъ въ Красноярскъ.

Дурново пріѣхалъ въ Енисейскъ въ апрѣлѣ, а его семья—въ началѣ іюля. Они прибыли на двухъ „дощаникахъ“ (по р. Енисею) съ богатою „рухлядью“, людьми и проч. Полянскій назначилъ ко-

миссію (дьяка Д. Берестова, „розыскныхъ дѣлъ подьячихъ“ Андрея Завьялова и Ивана Мишагина, енисейскаго таможеннаго голову и служилыхъ людей) для обыска въ имуществѣ Дурново „заповѣдныхъ товаровъ“ и „лишнихъ животовъ“ [1]). Комиссія донесла Полянскому, будто ничего „заповѣднаго“ (чернобурыхъ лисицъ и другой цѣнной мягкой рухляди, табаку, ревеню и проч.) и „лишняго“ сверхъ нормы не оказалось въ воеводскихъ животахъ.

Вообще, сыщики видимо благоволили къ Дурново и явно направляли розыскъ къ его оправданію. Пользуясь присутствіемъ на розыскѣ Дурново, сыщики оказывали такое давленіе на челобитчиковъ, что нѣкоторые изъ нихъ стали отказываться отъ обвиненія противъ воеводы и переходили на его сторону. Сторонники Дурново прибыли въ Енисейскъ почти въ полномъ составѣ и обѣляли воеводу всячески. Главари движенія, арестованные въ Енисейскѣ, отказались отъ дачи показаній въ виду пристрастности розыска и лишенія свободы.

При такомъ результатѣ розыска Дурново смѣло подалъ въ іюлѣ челобитную Полянскому, гдѣ проситъ „отпустить“ его снова на воеводство въ Красноярскъ, такъ какъ-де „никакой вины“ за нимъ „не явилось“, Ѳедоръ Самсоновъ съ товарищи „въ очныя ставки со мною не пошли“, красноярцы же не прислали „выборныхъ своей братьи“, а находившіеся въ Енисейскѣ челобитчики (т. е. воеводскіе сторонники) „дали скаски, за руками, что на меня... нынѣ... и впредь не челобитчики“... На основаніи этого, 24-го іюля 1698 г. Полянскій объявилъ такой „указъ“: „стольника Семена Иванова сына Дурново отпустить“ въ Красноярскъ на воеводство по прежнему великаго государя указу и по наказу, каковъ ему данъ на Москвѣ изъ Сибирскаго приказа.

25-го іюля сыщики послали „указъ“ Лисовскому о „сдачѣ“ Красноярска Дурново, о „роспискѣ“ съ нимъ и возвращеніи въ Енисейскъ.

Въ концѣ іюля Дурново смѣло отправился въ Красноярскъ, не предчувствуя, что на этотъ разъ онъ будетъ тамъ воеводствовать всего нѣсколько часовъ. Объ этихъ часахъ сохранились подробныя извѣстія, представляющія значительный бытовой интересъ.

---

[1]) Какъ извѣстно, сибирскимъ воеводамъ дозволялось ввозить и вывозить изъ Сибири „животы“ только на 300 р., а остальные—„лишніе“—конфисковались въ государеву казну, равно какъ и всѣ „заповѣдные товары“.

IX.

Вѣсть о возвращеніи Дурново на воеводство быстро достигла Красноярска и вызвала взрывъ негодованія. Къ движенію противъ воеводы примкнули всѣ колебавшіеся доселѣ, или измѣнявшіе временно „міру“, или относившіеся индифферентно къ его интересамъ. Было рѣшено принять самыя крайнія мѣры, чтобы не допустить Дурново на воеводство.

Дурново приплылъ въ Красноярскъ на разсвѣтѣ 2-го августа 1698 г. Первымъ дѣломъ онъ отправился въ приказную избу, куда потребовалъ тотчасъ старшаго подьячаго Алексѣя Пословина; ему и другимъ подьячимъ Дурново объявилъ о своемъ назначеніи на воеводство и послалъ за Лисовскимъ. Тотъ обѣщалъ придти, но Дурново не сталъ его дожидаться и отправился въ соборъ.

Еще до прихода Пословина въ приказную избу, Дурново взялъ изъ ящика въ воеводскомъ столѣ красноярскую „государеву печать“ и „положилъ на себя“ (надѣлъ на шею), собираясь посылать отписку Полянскому о пріемѣ города. Это было незаконно, такъ какъ Дурново еще не „объявилъ“ Лисовскому указа о своемъ назначеніи и не принялъ отъ него города. Но Дурново уже считалъ себя полноправнымъ воеводою и, идучи въ соборъ, отдалъ первое и послѣднее свое воеводское приказаніе—арестовать боярскаго сына Савватія Хлыновскаго и пристава Ѳедоса Матвѣева и посадить ихъ „за рѣшетку“, не объявляя мотивовъ ареста. Въ соборѣ было отслужено по требованію Дурново торжественное молебствіе.

Вѣсть о прибытіи Дурново стала распространяться по городу, и, несмотря на ранній часъ („первый часъ дня“, т. е. около 5 часовъ утра), красноярцы потянулись въ малый городъ, чтобы провѣрить справедливость этой вѣсти. Когда они подходили къ собору, Дурново уже выходилъ оттуда. Изъ собора Дурново отправился на воеводскій дворъ. Дорогою столкнулся съ нимъ казакъ Артемъ Смольяниновъ, который сталъ бранить воеводу и кричалъ ему, что онъ имъ ненадобенъ; Дурново, по словамъ очевидца, „ничего не говорилъ“ на рѣчи Смольянинова и молча шелъ на воеводскій дворъ.

Когда Дурново вошелъ въ „переднюю горницу“ воеводскихъ хоромъ, къ нему вышелъ С. С. Лисовскій. Поздоровавшись, Лисовской удивился, увидѣвши у Дурново „на вороту (кафтана) государеву красноярскую печать“, и спрашивалъ, откуда Дурново ее взялъ. Дур-

ново отвѣтилъ, что взялъ ее изъ ящика, и вышелъ „изъ горницы, въ одномъ полукафтаньѣ, на переходы (галлерею), умываться". Лисовской и подьячій Пословинъ пошли за нимъ, распрашивая о государевомъ указѣ. Дурново только тутъ, „на переходахъ", вынулъ и отдалъ Лисовскому указъ о сдачѣ города и „списокъ" съ указа. Лисовской съ подошедшимъ подьячимъ К. Елисѣевымъ прочитали указъ и провѣрили съ нимъ списокъ. На послѣднемъ Лисовскій росписался въ пріемѣ подлиннаго указа, который взялъ себѣ, а списокъ отдалъ Дурново. Лисовскій требовалъ дѣйствительной „росписки" по сдачѣ города и для этого звалъ Дурново въ приказную избу, чтобы произвести тамъ „счетъ" казны, запасовъ и пр. Но Дурново торопился повидаться съ своими сторонниками, чувствуя себя безъ нихъ не въ безопасности. Воеводскіе приверженцы уже пришли въ воеводскія хоромы, но въ ничтожномъ количествѣ. Собралось ихъ „на поклонъ" и „по обыкности, съ хлѣбомъ и съ солью и съ колачами", всего около 10 человѣкъ. Дурново говорилъ позже, что къ нему приходили 2-го августа на поклонъ „многіе жители", однако, самъ же онъ могъ перечислить только 8 лицъ. Изъ другихъ показаній извѣстны еще 2 казака, участвовавшіе въ подношеніи хлѣба-соли. Если сюда прибавить 2 подьячихъ и еще 5—6 служилыхъ людей, явившихся позже, то это и была вся „партія" Дурново.

Вслѣдъ за воеводскими сторонниками къ крыльцу хоромъ подошла толпа „воровскихъ людей"—около 50 человѣкъ. Кромѣ русскихъ служилыхъ людей, здѣсь были и служилые татары, съ ихъ предводителемъ Карочаномъ Тайларовымъ.

Толпа шумѣла, вызывала Дурново и кричала, что „отказываетъ ему отъ воеводства". Дурново не вышелъ. Тогда Чанчиковъ, Смольяниновъ, В. Торгошинъ и другіе вошли въ переднюю горницу, куда явился и Дурново. Депутація заявила ему „отказъ отъ воеводства". Находившіеся тутъ же воеводскіе сторонники подьячіе А. Пословинъ и К. Елисѣевъ, пятидесятникъ И. Сиротининъ и др. заставили Чанчикова съ товарищи оставить хоромы. Тѣ ушли, браня всячески Дурново, чѣмъ особенно выдѣлялся А. Смольяниновъ. Въ „переднихъ сѣняхъ" ихъ встрѣтила толпа единомышленниковъ, набившихся со двора. Они вызвали въ сѣни Лисовскаго и потребовали, чтобы онъ Дурново „въ государевыхъ хоромахъ отнюдь не держалъ и выслалъ вонъ". Лисовской ничего имъ не обѣщалъ, но уговорилъ толпу оставить воеводскія хоромы и дворъ. Толпа послушалась и ушла.

X.

Въ большомъ городѣ и на площади составился „воровской кругъ“, болѣе чѣмъ изъ 300 человѣкъ. Какъ и во всѣхъ событіяхъ этого дня (2-го августа), во главѣ круга находились служилые люди Ѳедоръ Чанчиковъ, Иванъ Мезенинъ, Афанасій Шалковъ, Артемъ Смольяниновъ, Андрей Путимцовъ, Яковъ Потѣхинъ, Герасимъ Ошаровъ, Петръ Суриковъ, Данило Старцовъ, Иванъ Юшковъ и другіе рядовые дѣятели прежнихъ бунтовъ и послѣдней шатости при Дурново.

Всенародная „дума“ красноярцевъ на площади продолжалась болѣе часа и порѣшила употребить силу противъ Дурново, если онъ добровольно не оставитъ города. Поставивши у Спасской башни караулъ въ 30 человѣкъ и направивши большинство толпы къ собору, съ приказомъ дожидаться его тамъ, Ѳедоръ Чанчиковъ съ ближайшими товарищами и съ частью толпы отправился въ малый городъ, къ воеводскому двору.

Здѣсь они вызвали Лисовскаго, и снова стали требовать удаленія Дурново изъ города, говоря: „намъ на воеводство Семена Дурново не надобно!“. Лисовскій обѣщалъ переговорить съ Дурново и для этого отправился въ „мыльню“, гдѣ тотъ отдыхалъ послѣ обѣда. Около 4-хъ часовъ дня толпа подошла къ банѣ и заявила вышедшему къ ней Дурново, чтобы онъ уѣзжалъ, что до воеводства его не допустятъ. Никакихъ резоновъ отъ Дурново бунтовщики не принимали, и послѣ взаимныхъ упрековъ и утвержденій со стороны Дурново, что онъ долженъ исполнить государевъ указъ, Дурново ушелъ обратно въ мыльню, куда часть бунтовщиковъ ворвалась за нимъ. Дурново сталъ на нихъ кричать и бранить ихъ. Онъ лежалъ на постели „въ одномъ каѳтанѣ исподнемъ“. Вдругъ на него бросились Мезенинъ и Шалковъ, „съ постели сдернули за ногу, и били подъ бока, и за волосы драли“. Лисовскій „унималъ и прочь отталкивалъ, но они и его стали бить“. Затѣмъ, Дурново вытащили на дворъ, толпа подхватила его, била по щекамъ, за волосы драла, издѣвалась всячески. Лисовскій нѣсколько разъ бросался въ толпу и пробовалъ „отнимать“ Дурново, но его выталкивали вонъ и не слушали никакихъ усовѣщиваній. Съ воеводскаго двора повели Дурново къ собору, гдѣ находились остальные красноярцы, сильно волновавшіеся въ ожиданіи вѣстей.

Немедленно устроили подлѣ собора „воровской кругъ“ и стали обсуждать, что́ дѣлать съ Дурново? Толковали „съ четверть часа“ и почти единогласно рѣшили прибѣгнуть къ старинному пріему —

„посадить въ воду“ Дурново, т. е. утопить. Это рѣшеніе объявили Дурново, „поставя во многонародный свой воровской кругъ“. при чемъ снова били его. Въ это время „прибѣжалъ“ къ собору Лисовскій и сталъ отнимать Дурново, но Чанчиковъ съ товарищи „его Семена у него Степана изъ рукъ выхватили“ и повели дальше, направляясь изъ малаго города къ р. Енисею.

Лисовскій шелъ слѣдомъ за ними и все время уговаривалъ толпу отпустить Дурново. Уговариванія Лисовскаго начинали дѣйствовать на болѣе благоразумныхъ изъ толпы. Подъ ихъ вліяніемъ толпа, пройдя Спасскими воротами въ „большой городъ“, остановилась здѣсь на торговой площади и снова составила „кругъ“, чтобы еще разъ обсудить дѣло.

Пока часть толпы разсуждала и „думала“, болѣе рьяные продолжали бить Дурново и издѣваться надъ нимъ, били палкою, таскали за волосы и проч. Затѣмъ повели его къ Енисею, при чемъ все еще раздавались голоса, требовавшіе казни. Но на рѣкѣ убѣжденія Лисовскаго взяли верхъ: рѣшено было посадить Дурново въ лодку и отправить вонъ. Среди ругательствъ, а частью и ударовъ озвѣрѣвшей толпы, избитаго Дурново втолкнули въ лодку. Многіе изъ толпы стали бросать туда „каменьемъ, для того чтобъ тое лодку угрузить и его Семена утопить“. Тогда нѣсколько сторонниковъ Дурново и четверо его слугъ вскочили съ плота въ лодку, стали выбрасывать камни въ воду и готовились отчалить. Вслѣдъ за ними вскочилъ въ лодку и Лисовскій, рѣшившійся не оставлять Дурново, пока онъ не выйдетъ изъ опасности. Толпа стала требовать, чтобы Лисовскій вышелъ изъ лодки, что они его изъ Красноярска „не отпустятъ, для того, что быть ему Степану у нихъ вмѣсто воеводы по прежнему“. Нѣсколько рукъ протянулось, чтобы выхватить Лисовскаго изъ лодки, но онъ отбивался и кричалъ: „развѣ-де вы меня связана въ городъ поведете!“ Тогда Чанчиковъ съ товарищи, „ухватя С. Лисовского за рукавъ, изъ лодки выдернули вонъ на берегъ, а С. Дурново въ лодкѣ (съ его 9 спутниками) отъ плота отпихнули прочь на рѣку“.

Благодаря этому эпизоду съ Лисовскимъ Дурново спасся; лодка поплыла прочь отъ города, только толпа на берегу продолжала нѣсколько времени осыпать лодку камнями.

XI.

Во все время, пока Дурново водили по городу, Красноярская „государева печать“ красовалась у него на вороту кафтана и была

увезена имъ въ Енисейскъ. Толпа въ минуты буйства не обратила вниманія на печать. Но Лисовскій отлично замѣтилъ увозъ печати Дурново и былъ поставленъ этимъ обстоятельствомъ въ затруднительное положеніе. Фактически онъ остался воеводою, но безъ печати не могъ въ дѣйствительности воеводствовать, не могъ, напримѣръ, послать отписку въ Москву, не могъ скрѣплять разныхъ другихъ актовъ и пр. На берегу Енисея, когда лодка съ Дурново еще была въ виду толпы, нѣкоторые изъ служилыхъ людей спохватились о государевой печати и спросили Лисовскаго: у него она или у Дурново? Лисовской побоялся сказать правду, опасаясь за жизнь Дурново, если красноярцы вздумаютъ его догонять. Онъ отвѣтилъ, что печать у него. Вернувшись на воеводскій дворъ, Лисовскій послалъ за старшимъ подьячимъ Пословинымъ и сообщилъ ему, что Дурново увезъ съ собою государеву печать. Они порѣшили между собой, что на другой день Пословинъ поѣдетъ въ Енисейскъ за печатью, съ казаками И. Иконниковымъ и Е. Крестешниковымъ. Лисовской послалъ съ подьячимъ свою отписку Полянскому, хотя и не могъ запечатать ее государевою печатью. Онъ ожидалъ отъ Полянскаго разъясненій, остается ли въ Красноярскѣ въ качествѣ воеводы, или долженъ сдать кому городъ?

Между тѣмъ, въ городѣ власть ускользала отъ Лисовскаго и переходила въ руки возбужденной толпы. Ночью О. Чанчиковъ съ товарищи поставили по городу нѣсколько карауловъ. Лисовскій требовалъ, чтобы караулы эти были сняты, но Чанчиковъ не послушался и продолжалъ разставлять караулы. На другой день были разговоры, что напрасно С. Дурново отпустили живымъ, что слѣдовало его убить. Но въ слѣдующіе дни волненіе улеглось, безполезные караулы были сняты, и красноярцы подчинились Лисовскому.

Пословинъ выѣхалъ 3-го августа и приплылъ въ Енисейскъ 5-го августа. Дурново былъ уже тамъ, на нѣсколько часовъ раньше Пословина. Плаваніе его прошло благополучно, и самъ онъ успѣлъ нѣсколько оправиться отъ нанесенныхъ побоевъ. Всѣ прибывшіе немедленно допрошены Полянскимъ и Берестовымъ, которые были поражены явнымъ бунтомъ красноярцевъ.

Дурново, не желая сознаться, что красноярцы прогнали его единственно за его прежніе грѣхи передъ ними, сдѣлалъ попытку взвалить вину изгнанія на Лисовскаго и представилъ дѣло такъ, будто Лисовскій не хотѣлъ отдавать ему воеводства, „стакался“ съ „воров-

скими людьми" и съ ихъ помощью изгналъ Дурново изъ Красноярска. Но сыщики, хотя явно благоволившіе къ Дурново, не дали полной вѣры доносу его на Лисовскаго, имѣя массу показаній сторонниковъ Дурново въ пользу Лисовскаго. Теперь Дурново пересталъ добиваться новой посылки на воеводство и поспѣшилъ уѣхать въ Москву, подъ предлогомъ болѣзни, не дожидаясь окончанія розыска Полянскаго по всѣмъ возбужденнымъ Дурново дѣламъ. 10-го августа Дурново подалъ Полянскому челобитную объ отпускѣ въ Москву, съ семьей, о выдачѣ „проѣзжаго письма" и „подорожной". 13-го августа Полянской приказалъ отпустить Дурново и дать подорожную на 15 подводъ. 17-го августа Д. Берестовъ, трое „розыскныхъ дѣлъ подьячихъ" (Иванъ Пермяковъ, Трифонъ Семеновъ и Василій Плохой) и др. вновь осмотрѣли „животы" Дурново и снова не нашли въ нихъ ничего „заповѣднаго" и „лишняго". Въ концѣ августа Дурново уѣхалъ въ Москву.

13-го августа Полянской послалъ указъ приказному человѣку Рыбнаго острожка, московскому дворянину Якову Афанасьевичу Бейтону (Бейтонову, Байтону), сыну извѣстнаго Албазинскаго воеводы, о немедленномъ пріѣздѣ въ Енисейскъ „для государева дѣла". Онъ скоро прибылъ и 22-го августа получилъ „наказную память" о пріемѣ Красноярска у С. С. Лисовскаго и о „роспискѣ" съ нимъ по воеводству. Въ тотъ же день Бейтонъ выѣхалъ, съ 3 провожатыми, нарочно данными „для обережи въ дорогѣ Красноярской государевой печати", отобранной Полянскимъ у Дурново и теперь переданной Бейтону; Пословину сыщикъ не отдалъ печати.

Кромѣ обычныхъ статей по пріему города, наказъ Бейтону заключалъ еще спеціальныя статьи относительно Лисовскаго. Такъ, Бейтонъ долженъ допросить его: почему онъ „не отдалъ" города Дурново въ его послѣдній пріѣздъ, 2-го августа? Почему Лисовской не высылаетъ къ сыщикамъ Ѳ. Чанчикова, В. Саламатова, Е. Старцова и др. красноярскихъ „воровъ"? Почему онъ не исполняетъ приказа сыщиковъ, чтобы боярскій сынъ Титъ Саламатовъ и пятидесятникъ Ларіонъ Потылицынъ были низведены въ рядовые казаки за ихъ „воровство" и чтобы ихъ „по очередямъ ставить на караулы"? По всѣмъ этимъ вопросамъ Бейтонъ долженъ розыскать, также и о продажѣ пива на воеводскомъ дворѣ человѣкомъ Лисовскаго Осипомъ Захаровымъ.

22-го же августа Полянскій послалъ указъ Лисовскому о сдачѣ

города Бейтону, при чемъ сдѣлана была, очевидно подъ вліяніемъ навѣтовъ Дурново, слѣдующая оговорка: „а будетъ ты Якову Бейтонову города и острога... по пріѣзду его вскорѣ не отдашь..., и соединясь съ ворами и бунтовщиками съ Ѳедькою Чанчиковымъ съ товарищи буде также учинишь (?), какъ и надъ С. Дурнымъ (sic) учинили, или въ какую росправу межъ красноярцы за симъ великого государя указомъ вступишь, и учнешь въ приказную избу ходить, и дѣла самовольно дѣлать, и за то тебѣ Степану отъ великаго государя быть въ смертной казни безо всякого милосердія и пощады"...

Мы знаемъ, что С. Лисовскій и раньше не былъ „въ соединеніи съ ворами", и теперь не думалъ противиться государеву указу, т. е. указу московскихъ сыщиковъ. Но красноярцы думали иначе и захотѣли силою удержать Лисовскаго, который былъ „любъ" имъ, какъ воевода „доброй". О пріемѣ, устроенномъ ими Бейтону, послѣдній сообщилъ Полянскому въ отпискѣ, полученной сыщикомъ въ началѣ сентября. Пріѣхалъ онъ въ Красноярскъ 28-го августа. На торговой площади встрѣтила его многолюдная толпа красноярцевъ, задержала Бейтона и „долгое время" не пропускала въ малой городъ; слышались голоса, что другого воеводы, кромѣ Лисовскаго, красноярцы не желаютъ. Когда Бейтонъ показалъ толпѣ привезенную имъ государеву печать и сталъ говорить, что эту печать увезъ Дурново, а нынѣ онъ присланъ съ тою великого государя печатью въ Красноярскъ и велѣно ему быть на мѣстѣ Лисовскаго „до указу великаго государя", то въ отвѣтъ послышались крики толпы, что ей „государева печать на городѣ не надобна", что прислалъ Бейтона „воръ Полянскій", на котораго они будутъ бить челомъ въ Москвѣ и проч.

Однако, въ концѣ концовъ Бейтонъ пробрался въ малый городъ и поселился на воеводскомъ дворѣ. На другой день, вмѣстѣ съ Лисовскимъ онъ отправился въ приказную избу, чтобы „принять" городъ. Туда же явились Смольяниновъ съ товарищи и начали Бейтона „высылать изъ приказной избы", угрожая, что если онъ „изъ приказу честью не выйдетъ", то поступятъ съ нимъ такъ же, какъ съ Дурново. Послѣ долгихъ и грубыхъ возраженій вошедшихъ въ приказную избу казаковъ, Лисовскій успѣлъ ихъ, однако, выпроводить, и сдалъ Бейтону городъ. Въ первой отпискѣ Полянскому Бейтонъ сообщалъ, что онъ живетъ въ великомъ береженьи отъ „воровъ", но, повидимому, это была послѣдняя вспышка красноярской „шатости", по крайней мѣрѣ въ другихъ отпискахъ Бейтонъ уже не упоминаетъ о своемъ

„великомъ опасеніи". Очевидно, Лисовскому удалось смирить красноярцевъ и подчинить ихъ новому воеводѣ.

Бейтонъ скоро прислалъ Полянскому „распросныя рѣчи" Лисовскаго о событіяхъ 2-го августа, совершенно и доказательно отвергавшія ложные оговоры Дурново. Относительно присылки „воровъ" въ Енисейскъ Лисовскій замѣчаетъ, что Ѳедора Чанчикова и нѣкоторыхъ другихъ онъ уже отослалъ, а остальныхъ не могъ выслать: одни находятся въ разныхъ служебныхъ посылкахъ, другіе выѣхали изъ города и гдѣ-то скрываются.

16-го сентября Лисовскій прибылъ въ Енисейскъ и тотчасъ былъ допрошенъ сыщиками на „съѣзжемъ дворѣ". И этотъ допросъ, какъ и всѣ показанія свидѣтелей, былъ въ пользу Лисовскаго. Но сыщикамъ, явно не благоволившимъ къ нему, нуженъ былъ хотя какой-нибудь предлогъ, чтобы оставить Лисовскаго въ подозрѣніи: за неимѣніемъ лучшаго, они привязались къ доносу Дурново на одного изъ людей Лисовскаго; хотя и это дѣло сыщикамъ пришлось скоро прекратить, однако къ Лисовскому они продолжали относиться неблагосклонно. Въ февралѣ 1699 г. Лисовскій подалъ сыщикамъ челобитную объ отпускѣ на его прежній (до Красноярска) „приказъ" въ Братской острогъ, при чемъ жалуется, что съ 28-го августа „въ Енисейску я задержанъ и живу многое время, дѣла никакого за собою я не вѣдаю".

Въ обширной „выписи" (справкѣ) съѣзжаго двора по челобитной Лисовскаго приведено между прочимъ извлеченіе изъ отписки Бейтона Полянскому, что при „счетѣ" Степана Лисовскаго по воеводству „великого государя казны никакой въ начетѣ на него Степана неявилось". Замѣчена только неправильная выдача жалованья на 205 годъ одному умершему и двумъ служилымъ людямъ, „тюремнымъ сидѣльцамъ", всего на 27 руб. 13 алтынъ 2 деньги. Но Лисовскій объяснилъ, что это жалованье выдано семьямъ тѣхъ служилыхъ людей, „по словесному челобитью женъ ихъ и дѣтей", одной семьѣ „на поминовеніе", а двумъ семьямъ тюремныхъ сидѣльцевъ потому, что ихъ братья и дѣти отбываютъ за нихъ государеву службу „на стѣнныхъ и на отъѣзжихъ караулахъ".

„Выпись" съѣзжаго двора не могла не сознаться и въ томъ, что никакого „челобитья отъ красноярцовъ на Степана Лисовского ни отъ кого ни въ чемъ нѣтъ".

Несмотря на всѣ эти благопріятныя для Лисовскаго данныя, сыщики нашли явно недобросовѣстный предлогъ задержать его въ

Енисейскѣ еще на нѣкоторое время. Въ приговорѣ отъ 12-го февраля Полянскаго и Берестова читаемъ: „Енисейского письменного голову Степана Лисовского отослать въ приказную избу, съ памятью, для того, что въ отпискѣ изъ Красноярска Якова Бейтонова, ноября 26-го числа нынѣшняго 207 года, написано, что о пивной продажѣ Степанова человѣка Лисовскаго Оськи Захарова ноября по 16-е число красноярцы допрашиваны 56 человѣкъ, а ноября съ 16-го числа красноярцы въ приказную избу къ допросу нейдутъ. А будетъ С. Лисовской по Красноярскимъ дѣламъ и по сыску Я. Бейтонова въ какихъ дѣлахъ впредь на съѣзжой дворъ понадобится, и о немъ Степанѣ великого государя указъ въ приказную избу присланъ будетъ“, т. е. къ Енисейскому воеводѣ, къ вѣдомству котораго принадлежалъ Лисовской.

Но сыщики отлично знали, что кромѣ ноябрьскаго сыска Бейтона о Захаровѣ (о 56-ти свидѣтеляхъ), былъ уже полученъ отъ него и январскій сыскъ, закончившій розыскъ и давшій показанія 82 свидѣтелей, въ дополненіе къ прежнимъ 56 показаніямъ. Придирка къ Лисовскому была явная и слишкомъ недобросовѣстная. Но Лисовскому пришлось подчиниться этому незаконному приговору.

XII.

Въ 1699 г. продолжался розыскъ Полянскаго и Берестова о Красноярской „шатости“. Розыскъ не давалъ никакихъ осязательныхъ результатовъ, такъ какъ большинство „воровъ“ добровольно не ѣхали въ Енисейскъ, а Бейтонъ не имѣлъ силъ выслать ихъ къ сыщикамъ. Послѣдніе рѣшили перенести розыскную дѣятельность въ самый Красноярскъ, куда и отправились въ концѣ лѣта.

Въ одной изъ своихъ отписокъ царю [1]) Полянскій разсказываетъ, какъ встрѣтили его красноярцы. Сыщики плыли въ „дощаникѣ“ по р. Енисею. За 40 верстъ до Красноярска встрѣтили ихъ на рѣкѣ красноярцы, съ извѣстнымъ дѣятелемъ послѣдняго бунта Артемомъ Смольяниновымъ во главѣ. Красноярцы остановили дощаникъ и говорили сыщикамъ „съ невѣжествомъ, съ крикомъ и съ шумомъ, что они насъ, холопей твоихъ, въ Красноярскъ *не пропустятъ*, и послушны ни въ чемъ не будутъ, и въ розыскъ себя никого не дадутъ“. Сила оказалась на сторонѣ красноярцевъ, и они „пять дней держали“ здѣсь сыщиковъ. Затѣмъ обѣ стороны пошли на какой-то

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 1417.

компромиссъ (Полянскій не объясняетъ), и Смольяниновъ съ товарищи пропустили наконецъ сыщиковъ въ Красноярскъ.

Но и здѣсь Полянскій съ Берестовымъ должны были скоро прервать свой розыскъ о красноярскихъ бунтахъ, такъ какъ ихъ розыскная дѣятельность была прекращена вслѣдствіе возбужденныхъ противъ нихъ обвиненій въ злоупотребленіяхъ по ихъ многочисленнымъ сибирскимъ сыскамъ [1]). Енисейскій воевода Б. Д. Глѣбовъ началъ розыскъ о „воровствѣ" самихъ сыщиковъ, розыскивавшихъ про сибирскихъ „воровъ".

Повидимому, дѣло о Красноярскомъ бунтѣ было предано волѣ Божіей. Красноярскъ успокоился и мирно принялъ въ 1700 г. присланныхъ изъ Москвы новыхъ воеводъ, смѣнившихъ Я. А. Бейтона: это были Петръ Савичъ и сынъ его Ѳедоръ Мусины-Пушкины. Отецъ уже былъ извѣстенъ красноярцамъ: онъ воеводствовалъ у нихъ какъ разъ передъ Башковскими (въ 1692 — 1693 гг.) и оставилъ по себѣ добрую память. Именно потому Москва вновь послала его въ Красноярскъ, надѣясь, что онъ умиротворитъ красноярцевъ окончательно. Это и сбылось: Мусины-Пушкины воеводствовали въ Красноярскѣ много лѣтъ, напр., мы встрѣчаемъ ихъ тамъ въ 1705 г. [2]).

Красноярская „шатость" 1695 — 1698 гг. не прошла безслѣдно для Сибири, съ интересомъ слѣдившей за борьбою „воровскихъ людей" съ воеводами. Есть доказательства, что многіе сибирскіе города были въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ красноярскими бунтовщиками. Строились какіе-то общіе планы дѣйствій, намѣчалась отдаленная цѣль, развивалась солидарность интересовъ. Красноярскъ обронилъ какую-то новую мысль, надъ которою „думали" и другіе сибирскіе города.

Въ „наказной памяти" Полянскаго Я. А. Бейтону, отъ 22-го августа 1698 г. [3]), находимъ между прочимъ такую „статью": Бейтонъ долженъ допросить С. С. Лисовскаго, почему онъ не исполняетъ приказа сыщиковъ—отыскать въ Красноярскѣ тѣхъ „*иркутчанъ*, которые живутъ въ домахъ у воровъ и бунтовщиковъ, *укрываючись тайно*, въ городѣ у Мишки Иконникова—Лучка Микифоровъ, да въ селѣ Ясауловѣ у Ѳедьки Чапчикова (живутъ) переходя два человѣка"... Этихъ 3-хъ иркутчанъ велѣно допросить: „*для чего* они изъ

---

[1]) См. XXVI главу въ III части „Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа".

[2]) Ibid., ч. I, с. 249.

[3]) Сибирскаго приказа столбецъ № 366.

Иркутска въ Красноярскъ пришли и живутъ въ ухоронкахъ, тайно"? Затѣмъ, „оковать и за карауломъ прислать" въ Енисейскъ.

Если вспомнимъ, что Ѳ. Чанчиковъ игралъ руководящую роль въ послѣднемъ бунтѣ противъ Дурново, то станетъ очевиднымъ, что пребываніе у него 2-хъ иркутчанъ не было случайностью и говоритъ именно о существованіи какихъ-то сношеній между Красноярскомъ и Иркутскомъ, сдѣлавшихся извѣстными и сыщикамъ. Бейтонъ не нашелъ ни Луки Микифорова, ни остальныхъ иркутчанъ: красноярцы скрыли ихъ отъ поисковъ воеводы.

Что въ Иркутскѣ дѣйствительно шло какое-то броженіе въ связи съ красноярскою шатостью, объ этомъ говоритъ розыскное дѣло Полянскаго и Берестова, производившееся въ 1698—1699 гг., о ссыльномъ человѣкѣ изъ крестьянъ Юрьевца-Повольскаго Терентьѣ Копытовѣ [1]). Копытовъ обвинялся въ какихъ-то сношеніяхъ съ красноярскими „воровскими людьми" и состоялъ въ перепискѣ съ нѣкоторыми иркутскими служилыми людьми. Сыщикамъ была доставлена „грамотка" Копытова, посланная въ 1698 г. изъ Илимскаго острога въ Енисейскъ, къ находившемуся тамъ иркутскому казаку Титу Евсевьеву. Копытовъ спрашивалъ между прочимъ въ „грамоткѣ" Евсевьева о красноярскихъ воровскихъ людяхъ: „что у нихъ чинится? и *крѣпко ли они въ дѣлѣ стоятъ*"? Именно за эту фразу Копытова сослали въ Туруханскъ.

Одновременно съ Красноярскою шатостью происходили [2]) въ 1695—1696 гг. „бунтовскіе замыслы и мятежъ" служилыхъ людей Селенгинскаго, Удинскаго, Кабанскаго и другихъ остроговъ Иркутскаго уѣзда противъ приказныхъ людей этихъ остроговъ—Андрея Бейтона (брата Якова) и др. У бунтовщиковъ былъ между прочимъ замыселъ идти въ Иркутску и овладѣть имъ. Розыскъ объ этой шатости производилъ на мѣстѣ, въ 1697 — 1698 гг., Иркутскій боярскій сынъ Андрей Москвитиновъ съ товарищи, передавшій затѣмъ свой розыскъ московскимъ сыщикамъ Полянскому и Берестову.

Дальнѣйшее изученіе документовъ Сибирскаго приказа, вѣроятно, раскроетъ новыя данныя какъ о Красноярской шатости 1695—1698 гг. такъ и о вызванномъ ею броженіи въ другихъ мѣстахъ Сибири.

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Столбецъ № 1418.

[2]) Столбцы №№ 1367, 1667, 1697.

О СОСТАВѢ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ ЛИТОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ [1]).

Что касается до состава полнаго свода литовской лѣтописи за остальное время княженія Витовта, то въ ней нельзя не замѣтить многихъ извѣстій, взятыхъ изъ народныхъ преданій и не отличающихся исторической достовѣрностью; иногда проявляется желаніе возвысить литовцевъ сравнительно съ поляками; такъ сообщается, что на убѣжденія цезаря римскаго, прибывшаго на коронацію Витовта, побрататься съ поляками, литовскіе паны будто бы отвѣтили, что они старая шляхта римская; это будто бы подтвердилъ и цезарь, назвавъ ихъ шляхтой высшей, чѣмъ поляки и т. д. Въ записи о коронаціи Витовта много выдуманнаго; такъ, напримѣръ, разсказывается, что римскій императоръ пріѣзжалъ на коронацію Витовта самъ; изъ краткаго же свода литовской лѣтописи видно, что были только его послы; значитъ нужно предполагать, что и всѣ разговоры о коронаціи между Витовтомъ и императоромъ выдуманы и относятся къ позднѣйшему времени; при перечисленіи гостей, прибывшихъ на коронацію, позднѣйшій составитель лѣтописи пользовался тѣми же источниками, какіе находились подъ руками у составителя краткаго свода.

Извѣстіе о походѣ Витовта противъ Василія Дмитріевича и съѣздѣ на рѣкѣ Угрѣ тоже не отличается достовѣрностью; на это указываетъ желаніе объяснить происхожденіе фамиліи Немировичей (38 стр.); точно такою же недостовѣрностью отличается и извѣстіе объ отношеніяхъ Витовта къ Новгороду и Пскову (38, 39); при этомъ нужно замѣтить, что послѣднее извѣстіе записано уже послѣ смерти Витовта;

---

[1]) *Окончаніе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

потому что въ лѣтописи сказано: „Y dawali Nowhorodcy wychodu kniaziu welikomu Witoltu na każdy hod.... y w kożdy hod Nowhorodcy po tolku dawali“, чего, конечно, нельзя было бы сказать, если бы запись сдѣлана была при жизни Витовта.

Извѣстіе о женахъ Витовта (39) не имѣетъ никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Очевидно, что оно взято изъ другого источника, есть какъ бы какой-то отрывокъ изъ жизнеописанія князя; всѣ эти извѣстія имѣютъ характеръ воспоминаній или замѣтокъ, составленныхъ послѣ, а не погодныхъ записей.

Извѣстіе о битвѣ подъ Дубровной (39, 40), можетъ быть, составляло отдѣльное сказаніе, какъ это видно по формѣ изложенія. Сказаніе составлено, очевидно, литовцемъ; вездѣ говорится только о литовцахъ; имъ приписывается вся побѣда надъ нѣмцами; о полякахъ съ негодованіемъ говорится, что нѣкоторыя польскія войска совсѣмъ не помогали литовцамъ, а только смотрѣли на битву.

Извѣстіе о коронаціи Витовта тоже несогласно съ дѣйствительностью; тутъ говорится, что мысль просить королевскій титулъ подана была Витовту Ягайломъ; говорится, что посланные за короной были задержаны въ Римѣ въ теченіе трехъ лѣтъ вслѣдствіе смутъ въ Валахіи и уже во Львовѣ узнали о смерти Витовта; въ этомъ отношеніи краткій сводъ передаетъ дѣло совершенно правдоподобно и не искажаетъ истины, какъ позднѣйшій составитель.

Причина смѣны Свитригайла по краткому своду весьма простая: „не оуправляше земли“ (У. З. А. Н. 50 стр.). Между тѣмъ въ полномъ сводѣ причина приводится политическаго характера; тутъ говорится, что Свитригайло поссорился съ Ягайломъ изъ-за Подоліи; причемъ смѣна представляется дѣломъ Ягайла. который послалъ даже своихъ пословъ къ папѣ съ просьбою разрѣшить литовцевъ отъ присяги, данной ими Свитригайлѣ (Лѣт., изд. Нарб. 45, 46).

Извѣстіе о борьбѣ Свитригайла съ Сигизмундомъ вошло въ полный сводъ изъ краткаго свода [1]); что это извѣстіе заимствовано, на это указываетъ самъ составитель полнаго свода; перечисляя князей, павшихъ въ битвѣ Сигизмунда съ Свитригайломъ подъ Вилькомиромъ, составитель позднѣйшаго свода говоритъ: „a innych wsich imen ne wypisano“ (Лѣт., изд. Нарб. 47).

Подробный разсказъ объ убіеніи Сигизмунда (48—50) представляетъ изъ себя, по всей вѣроятности, отдѣльное сказаніе, какъ это

---

[1]) Разнорѣчія указаны выше при обозрѣніи краткаго свода.

видно по самому началу и по тону, отличному отъ предыдущаго изложенія. Сказаніе проникнуто нелюбовію къ Сигизмунду; непріязненный тонъ слышенъ повсюду. Сигизмундъ сильныя жестокости чинилъ надъ шляхтою, которую онъ безъ милости казнилъ невинно; по жестокости онъ сравнивается съ Антіохомъ Сирійскимъ, Иродомъ Іерусалимскимъ и съ предкомъ своимъ Тройденомъ. Но несмотря на это, шляхта, какъ вѣрные рабы, терпѣливо сносила его жестокости; ничего злого ему не дѣлала и не мыслила; онъ же, окаянный, не насытясь своей злостью, замыслилъ въ своемъ сердцѣ совершенно истребить весь шляхетскій родъ и возвысить родъ холопскій, „псю кровь". Вотъ главная причина его убійства. Сказаніе это, составленное вѣроятно современникомъ, заканчивается слѣдующими словами: „a kniaź Zygimont w tot czas żywota dokonał, poweleniem wojewody Wilenskoho Dowgirda.... ubijen byst u werbnuiu nedelu, mca...." Подобное окончаніе тоже указываетъ на отдѣльность этого сказанія [1]).

Разсматривая лѣтописныя извѣстія за время княженія Казимира, мы прежде всего выдѣлимъ извѣстія, помѣщенныя въ краткомъ сводѣ литовскихъ лѣтописей; извѣстія эти: о бунтѣ въ Смоленскѣ и битвѣ Казимира съ Москвою (Нарб. 53—55. Ср. У. З. А. Н. 54—54—56).

Затѣмъ мы видимъ, что описаніе борьбы Казимира съ Михаиломъ Сигизмундовичемъ до извѣстія о смерти послѣдняго (Нарб. 50—53—55, 56), по всей вѣроятности, составляло отдѣльное сказаніе; извѣстіе это отличается цѣльностію, систематичностію и не имѣетъ характера погодныхъ записей; судьба Михаила изображается здѣсь безъ всякихъ перерывовъ отъ смерти Сигизмунда до его смерти, которая, по Стрыйковскому (II, 212), послѣдовала въ 1448 году; всѣ факты, касающіеся жизни Михаила, собраны здѣсь въ одно цѣлое и не пріурочены ни къ какому году; это и заставляетъ насъ признать его за отдѣльное сказаніе или отдѣльную запись. Можетъ быть, эта запись составлена немного послѣ описываемыхъ въ ней событій, на что указываетъ выраженіе относительно продолжительности управленія Контовта Жмудью: „y kak try hody wyszli, y Kezgał starostoiu Zomoytskim po staromu był, a Kontowta otniali" (Нарб. 53). Въ сказаніе о борьбѣ Казимира съ Михаиломъ вставлено извѣстіе о смерти Довгирда,

---

[1]) Выраженіе: „Krow skoczyła z hołowy na stenu, kotoraiaż y do dnes iest na stene w łożnicy ieho na weży u bolszom zamku Trockom" (Нарб. 49) могло принадлежать позднѣйшему составителю лѣтописнаго свода.

виленскаго воеводы, и опредѣленіи на его мѣсто Ивана Гастольда (Нарб. 55).

За сказаніемъ о борьбѣ Казимира съ Михаиломъ идетъ рядъ краткихъ извѣстій о прибытіи князя Михаила Олельковича къ великому князю, о назначеніи его кіевскимъ княземъ, о возвращеніи Свитригайла изъ Валахіи и о назначеніи ему Луцка, о прибытіи пословъ отъ перекопскихъ татаръ съ просьбою назначить имъ въ ханы Ацгирея. Послѣднее извѣстіе записано не одновременно съ событіемъ, а нѣсколько послѣ, какъ это видно изъ словъ: „y wsi tyi hody za hospodarstwa Kazimirowa y za żywota toho cara Aczgireja upokoy był, meży kniastwom Litowskim y ordoiu Perekopskoiu“ ...„Za jeho carstwa ni odna noha pohanskaia Tatarskaia bezbożnych Izmailitian u Litwe y w Lasech ne postala.... y Boha chwalili, szto tak weliki dołhi upokoy meli od pohań“ (Нарб. 56). Можно даже предположить, что эта запись сдѣлана нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти хана Ацгирея, въ то время, когда записано было извѣстіе объ избраніи Казимира въ польскіе короли, что случилось, по извѣстію Литовской лѣтописи, черезъ семь лѣтъ по избраніи его въ литовскіе князья (на самомъ дѣлѣ это случилось нѣсколько раньше, именно въ 1447 г.); извѣстіе о сеймѣ въ Парцовѣ, гдѣ будто бы литовскихъ пановъ всѣхъ хотѣли перебить поляки, принадлежитъ, по всей вѣроятности, перу современника; выраженіе: „y mnoho sam hospodar o tom mislił poki ich zwel u zhodu“ (Нарб. 58) такъ и кажется, что вышло изъ-подъ пера современника. Извѣстія о нападеніи Казимира на Маріенбургъ и о войнѣ его съ Георгіемъ Подибрадомъ, королемъ чешскимъ, записано, безъ сомнѣнія, современникомъ (Лѣт., изд. Нарб., 58—61). Запись эта особенно драгоцѣнна по указанію на личность ея автора; говоря о пораженіи соединенныхъ польскихъ и литовскихъ силъ подъ Хвойницами, авторъ прибавляетъ, что это случилось „Bożyim hnewom, hrych rady naszych“ (Нарб. 59) [1]).

---

[1]) Выраженія: „kotory potom był okolniczym Smolenskim“.... „sedeli try hody“, встрѣчающіяся (60, 61) въ послѣднемъ извѣстіи, могли принадлежать составителю свода, какъ и извѣстіе о мѣстѣ погребенія королевы Елизаветы, супруги Казимира (63 стр.). Слѣдуетъ замѣтить, что хотя извѣстія записывались или современникомъ, или вскорѣ послѣ самыхъ событій, но нельзя не видѣть, что дѣла польско-литовскія были извѣстны автору въ самыхъ общихъ чертахъ; такъ онъ баснословно разсказываетъ о смерти Владислава Чешскаго; знаетъ только о сеймѣ, собиравшемся въ Парцовѣ; знаетъ, что литовскіе паны побросали польскіе гербы, но не знаетъ, на какомъ это было сеймѣ; битва подъ Хвойницами, по

Далѣе идетъ нѣсколько погодныхъ записей (Лѣт., изд. Нарб. 61), преимущественно касающихся судьбы князя Александра Владимировича кіевскаго и его дѣтей; по всей вѣроятности, извѣстія эти вошли въ лѣтописный сводъ или изъ кіевскихъ или изъ какихъ-либо частныхъ источниковъ. Намъ извѣстно, что двумъ литовскимъ родамъ: Одинцевичамъ и Слуцкимъ принадлежали два списка краткаго свода литовскихъ лѣтописей (У. З. А. Н. 25); можетъ быть, извѣстія о родѣ слуцкихъ князей (изъ нихъ Настасья Александровна и Семенъ Александровичъ называются благовѣрными) и вошли въ сводъ изъ частныхъ архивовъ этого княжескаго дома. Извѣстія подъ 1486 годомъ о съѣздѣ на Коломыѣ литовскаго великаго князя съ валашскимъ господаремъ Стефаномъ, о прибытіи Михаила Борисовича тверскаго къ Казимиру и о выпаденіи снѣга записаны современникомъ; особенно печатью современности запечатлѣно послѣднее извѣстіе: „tohoż leta miesiaca maja druhoho dnia wypał sneh tak weliki, iako moszczno było sanmi iezdyty; tohoż micsiaca maja dwadcat perwoho dnia wypał sneh w połholeni czełoweku y była studen welikaia welmi“ (Лѣт., изд. Нарб., 62). Затѣмъ, упомянувъ о неоднократныхъ посѣщеніяхъ Казимиромъ Литвы, Лѣтопись прямо передаетъ извѣстіе о его смерти; извѣстіе это записано современникомъ, что видно по числовымъ даннымъ; съ точностію опредѣляется время его смерти м погребенія (Лѣт., изд. Нарб., 63). Съ этого времени въ литовской лѣтописи погодныя записи идутъ постоянной чередой, безъ пропусковъ; извѣстія отличаются обстоятельностью, подробностію; тонъ и пріемы вездѣ одни и тѣ же, поэтому нужно признать въ авторѣ лѣтописныхъ извѣстій отъ 1492 [1]) года до конца лѣтописи, т. е. до 1506 года одно лицо. Родиной этихъ записей слѣдуетъ считать Волынскую землю.

Княженіе Александра изложено въ Лѣтописи въ видѣ погодныхъ записокъ современникомъ. Точно опредѣляется время прибытія Елены въ Вильну „pered welikimi zapusty za dwe nedeli“ (Лѣт., изд. Нарб. 64).

его разсказу, происходила съ Георгіемъ Подибрадомъ; между тѣмъ какъ она была съ нѣмцами. Ближе лѣтописцу извѣстны дѣла югозападной Руси, т. е. Кіева.

[1]) Или лучше съ извѣстія о смерти Казимира; вѣроятно, извѣстіе о послѣднихъ годахъ его царствованія записано по памяти и послѣ; потому что допущены хронологическія ошибки: послѣ свиданія Казимира съ валашскимъ господаремъ, что́ было по лѣтописи въ 1486 году, король жилъ въ Литвѣ семь лѣтъ, потомъ годъ въ Польшѣ, потомъ опять годъ въ Литвѣ, такъ что, если бы хронологія была вѣрна, то смерть короля относилась бы не къ 1492 году, а къ 1495 году; выраженія: „семь лѣтъ“ и т. п., тоже говорятъ о томъ, что запись сдѣлана послѣ.

Современникъ и участникъ виденъ въ описаніи битвы при Ведрошѣ (ibid. 68. 69); съ точностію опредѣляется мѣстность битвы: литовцы не дошли до села Ведроши за двѣ мили, какъ узнали о томъ, что москвитяне ждутъ ихъ. Дорога отъ села Лопатина до Ведроши была грязна, и литовцы едва прошли черезъ лѣсъ съ большою нуждою и трудностью: призвавши Бога на помощь, они рѣшились сражаться съ москвитянами, несмотря на численное превосходство послѣднихъ. Опредѣляется число литовскихъ войскъ.

Подъ 1500 годомъ авторъ дѣлаетъ указаніе на себя: говоря о князѣ Михаилѣ Глинскомъ, онъ замѣчаетъ: „o kotorom budem daley mnoho dywnoho pisaty“ (Лѣт., изд. Нарб. 70).

Подъ 1502 годомъ авторъ говоритъ о себѣ опять въ первомъ лицѣ: „Bożyim perepuszczeniem hrych naszych rady Tatarowe naszych pobili“ (Лѣт., изд. Нарб. 73).

Описаніе нападенія татаръ на Слуцкъ 30-го августа сдѣлано несомнѣнно въ Слуцкѣ, какъ это видно по подробностямъ: количество татаръ было 6 тысячъ. Князь слуцкій Семенъ Михаиловичъ былъ тогда въ Слуцкѣ и, посмотрѣвъ съ церкви св. Юрія за рѣку Случъ, внезапно увидѣлъ татаръ, скачущихъ на коняхъ и забирающихъ въ плѣнъ мужчинъ и женщинъ. Князь и окружающіе подивились такому наглому и быстрому нападенію татаръ, потому что они, перешедши Припять, прошли до Слуцка 25 миль; а другіе дошли до Копыла, дальше отъ Слуцка на 5 миль. Князь недоумѣвалъ, что дѣлать. Царевичъ сталъ кошемъ за Умолемъ; татары, пограбивъ около Клецка и Несвижа, съ Искольты вернулись назадъ. Въ извѣстіи о нападеніи татаръ въ 1503 году на Литву и Русь виденъ авторъ и современникъ: „Bożyiu pomoszczyiu naszy pobili ich“... Мѣсяца ноября 4-го съ среды на четвергъ умеръ благовѣрный и христолюбивый князь Семенъ Михаиловичъ Слуцкій—это опять указываетъ на запись въ Слуцкѣ (Лѣт., изд. Нарб. 73).

Война съ татарами въ 1506 году описана современникомъ и участникомъ въ битвѣ, что видно по подробностямъ относительно времени и мѣста. Литовцы въ Новгородкѣ стояли три дня; изъ Новгородка выѣхали 6-го августа въ понедѣльникъ вечеромъ передъ сумерками (76). Ночевали во вторникъ въ селѣ Налипой, не доходя Молева; въ среду 6-го августа на Преображеніе, вставъ рано, пошли ко Клецку. Очевидецъ виденъ въ слѣдующихъ словахъ: „kak pryszli pod Kleczesk k rece Łanie do Krasnoho stawu ot południ, y z hory czerez reku wzreli połki tatarskije stoiaczy pohotowe na boy“ (Нарб. 77). Авторъ

указываетъ на себя въ словахъ: „a potom y tyie ludy naszy z prawoie ruki poprawiwszysia“ (ibid. 77). Авторъ, какъ и понятно, держитъ сторону Литвы: литовцы собираются идти на враговъ, „wzemszy Boha wzederżytela na pomocz“... одерживаютъ побѣду „Bożyiu miłostyiu“ (ibid. 76 стр.). О татарскихъ же царевичахъ говорится, что они наполнены гордостью и высокоуміемъ.

Сдѣлавъ подробное обозрѣніе содержанія полнаго свода Литовской лѣтописи, мы можемъ теперь перечислить тѣ элементы, тѣ составныя части, которыя вошли въ нее.

1. Народныя сказанія и преданія:

Преданія: a) о первоначальной исторіи Литвы до вокняженія Миндовга.

b) О смѣнѣ князей отъ Войшелга до Гедимина.

c) Объ основаніи Вильны.

d) О нападеніи Ольгерда на Москву.

e) О чудѣ отъ св. креста.

f) О распрѣ Витовта съ Москвой.

g) О стремленіи Витовта къ коронѣ.

2. Заимствованія изъ южно-русскаго свода (о Миндовгѣ, Войшелгѣ, объ убіеніи Товтивила и Тройнаты и о Тройденѣ).

3. Отдѣльныя сказанія и записи:

a) Вошедшія въ краткій сводъ и

b) Являющіяся въ полномъ сводѣ въ первый разъ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ:

a) Объ изгнаніи Явнута.

b) О борьбѣ Ягайла съ Кейстутомъ и Витовтомъ.

c) О борьбѣ съ смоленскими князьями.

d) О бракѣ Василія Дмитріевича съ дочерью Витовта.

e) О покореніи Витовтомъ русскихъ княжествъ.

f) О смерти Скиригайла.

g) О покореніи Смоленска и свиданіи Витовта съ Василіемъ Дмитріевичемъ.

h) О битвѣ съ Тохтамышемъ (Темиркутлуемъ) на Ворсклѣ.

i) О дѣлахъ подольскихъ.

k) О коронаціи Витовта.

l) О борьбѣ Свидригайла съ Сигизмундомъ.

m) О бунтѣ въ Смоленскѣ и войнѣ Казимира съ Москвой.

Къ числу извѣстій, являющихся въ полномъ сводѣ въ первый разъ, принадлежатъ:

a) Извѣстіе о битвѣ подъ Дубровной.
b) О распрѣ Свидригайла съ Ягайломъ.
c) Объ убіеніи Сигизмунда.
d) О борьбѣ Михаила Сигизмундовича съ Казимиромъ.
e) О борьбѣ Казимира съ тевтонами и Георгіемъ Подибрадомъ.

4. Погодныя записи.

Литовскія лѣтописи носятъ на себѣ особый отпечатокъ, котораго нѣтъ, напримѣръ, въ русскихъ лѣтописяхъ. Такимъ своеобразнымъ характеромъ литовскія лѣтописи обязаны особому направленію исторической жизни Литвы послѣ соединенія ея съ Польшей при Ягайлѣ. Литовская національность стремится обособиться, отдѣлиться отъ Польши, составить изъ себя отдѣльное и независимое государство; Польша, наоборотъ, стремится подчинить себѣ Литву, завладѣть тою или другою литовскою или русскою областью; отсюда у литовцевъ антагонизмъ, нетерпимость, нелюбовь ко всему польскому и чрезвычайное восхваленіе всего литовскаго, поклоненіе, доходящее чуть не до обожанія всякаго литовскаго князя, стоявшаго за свою народность, чрезвычайное восхваленіе Витовта, стремившагося къ отдѣленію Литвы отъ Польши; Литовская лѣтопись поэтому живо отражаетъ въ себѣ всѣ національныя чувства; вся борьба Литвы съ поляками видна въ лѣтописи, какъ въ зеркалѣ. Поляки изъявляютъ притязанія на Подолію, хотятъ отнять ее у литовцевъ; лѣтописецъ заявляетъ, что Подолія добыта Витовтомъ при помощи однихъ только литовскихъ силъ; ему никто не помогалъ (У. З. А. Н. 45). Полякамъ приписываются самыя звѣрскія намѣренія; такъ, на сеймѣ въ Парцовѣ они хотѣли будто бы, по сказанію, сохраненному въ лѣтописи, перебить всѣхъ литовскихъ пановъ; когда Литва и поляки заодно принимаютъ участіе въ войнѣ, поляки обыкновенно выставляются ничего недѣлающими, трусами; вся честь сраженія и побѣды принадлежитъ литовцамъ; въ битвѣ подъ Дубровной нѣкоторыя польскія войска нисколько Литвѣ не помогали, только смотрѣли на битву; послѣ битвы подъ Хвойницами король Казимиръ такъ отвѣчаетъ одному поляку: „вы, поляки, мылись въ банѣ водою, а мои вѣрные слуги, Литва, въ рукахъ непріятельскихъ омылись кровію“. Это высокомѣріе литовцевъ проглядываетъ вездѣ; они называютъ себя „старою шляхтою“, „первою“, „римскою“, не хотятъ брататься съ поляками. Литвѣ все удается; въ лѣтописи самымъ баснословнымъ образомъ описанъ походъ Ольгерда подъ Москву, гдѣ онъ будто бы прислонилъ къ стѣнѣ копье; почти о каждомъ князѣ сказано, что ему покорился тотъ или другой

народъ; тотъ или другой князь платилъ дань или просилъ помощи. Такимъ образомъ, вся Литовская лѣтопись есть панегирикъ своимъ князьямъ; прославить ихъ, возвысить свой народъ, унизить противниковъ—вотъ, повидимому, цѣль этой лѣтописи. Вслѣдствіе ограниченности этой цѣли, мы мало видимъ въ лѣтописи извѣстій постороннихъ: вся лѣтопись почти исключительно наполнена одними извѣстіями о литовскихъ князьяхъ, и потому мы по справедливости можемъ назвать ее государственною.

Къ отличительнымъ чертамъ Литовской лѣтописи нужно отнести и то, что извѣстія, записанныя въ ней, по большей части, не отличаются лѣтописнымъ характеромъ: это не погодныя записи, а какъ бы сводъ сказаній или болѣе подробныхъ извѣстій о томъ или другомъ важномъ для литовца событіи; повидимому, у литовцевъ не было постоянныхъ ежегодныхъ записей о событіяхъ, совершавшихся въ Литвѣ, а всякое происшествіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, всякая внѣшняя война или внутренняя борьба между князьями были сначала записаны отдѣльно и потомъ уже собраны въ одинъ сводъ какимъ-либо любителемъ отечественной старины.

Что касается до хронологіи [1]) литовскихъ лѣтописей, то какъ въ полномъ, такъ и въ краткомъ сводахъ литовскія событія, по большей части, не пріурочены къ извѣстнымъ годамъ; въ краткомъ сводѣ только смоленскія и южно-русскія извѣстія отмѣчены годами; въ полномъ же сводѣ появляются хронологическія данныя съ начала XV вѣка; а въ XIV вѣкѣ годы поставлены только при четырехъ извѣстіяхъ; при этомъ въ полномъ сводѣ лѣтописи нѣкоторыя событія перемѣшаны, хронологической послѣдовательности между ними искать не всегда возможно; такъ, за сказаніемъ о битвѣ подъ Дубровной, относящейся по Стрыйковскому къ 1412 г., идетъ въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, извѣстіе о съѣздѣ Витовта съ Ягайломъ въ Перемышлѣ, съѣздѣ, бывшемъ, по извѣстію того же хрониста, въ 1401 г. За извѣстіемъ о нападеніи Казимира на тевтонскихъ рыцарей, относящемся по Стрыйковскому къ 1457 г., въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, идетъ лѣтописное извѣстіе о паденіи Константинополя. Только съ этого извѣстія и до конца лѣтописи хронологическія данныя дѣлаются постоянными.

---

[1]) *Бѣльскій* (I, 257) и *Стрыйковскій* (I, 244) говорятъ въ своихъ хроникахъ, что только съ 1220 г. литовскіе лѣтописцы начали ставить годы при событіяхъ. Правда, въ лѣтописи, изданной *Нарбутомъ*, поставленъ 1176 годъ (6 стр.) при извѣстіи о смерти Скирмунта, но онъ совершенно вымышленъ.

Извѣстія, заимствованныя польскими хронистами изъ литовскихъ лѣтописей.

Разсматривая извѣстія о литовскихъ событіяхъ, находящіяся въ русскихъ лѣтописныхъ сборникахъ, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что составители русскихъ сборниковъ не пользовались литовскими лѣтописями, а писали о тѣхъ или другихъ событіяхъ по слуху; всѣ эти извѣстія отличаются краткостію; при томъ большинство ихъ касается Литвы только тогда, когда литовцы чѣмъ-либо заявляли себя въ исторіи Россіи; такъ, очень много извѣстій о войнахъ, веденныхъ Литвою съ русскими княжествами, о нападеніяхъ литовскихъ князей на Псковъ и Новгородъ, Москву, Смоленскъ, Рязань и т. п.; извѣстій же, касающихся одной только Литвы, въ русскихъ лѣтописныхъ сборняхъ очень немного; вотъ они: извѣстіе о смерти Гедимина (П. С. Р. Л. V, 223. Нов. I. П. С. Р. Л. III, 81), о занятіи Ольгердомъ и Кейстутомъ Вильны и изгнаніи оттуда Явнута (Соф. I. П. С. Р. Л. V. 224. Нов. IV. П. С. Р. Л. IV, 57), о битвѣ литовцевъ съ нѣмцами на рѣкѣ Стравѣ (Соф. I. П, С. Р. Л. 225, Нов. IV. П. С. Р. Л. IV, 58), объ убіеніи Евстафія, православнаго Литвина (Соф. I. П. С. Р. Л. V, 226), о смерти Ольгерда; его характеристика; перечисленіе дѣтей Гедимина и Ольгерда (Соф. I. П. С. Р. Л. V, 135, 236. Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 25. Лѣтоп. Авраамки 103. Нов. IV. 72); объ убіеніи Кейстута (Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 33); о женитьбѣ Ягайла на Ядвигѣ и нападеніи Скиригайла на Полоцкъ (П. С. Р. Л. V, 238. Воскр. VIII, 51. Нов. IV, 83. Нов. I, П. С. Р. Л. III, 92), о вступленіи Витовта на литовское княженіе (Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 62), о съѣздѣ Витовта и Ягайла въ Милолюбѣ (ibid. 77), о битвѣ подъ Дубровной (ibid. 85), о нападеніи на Маріенбургъ (ibid. 86), о митрополитѣ Григоріѣ Цамблакѣ (ibid. 89. 90. Лѣт. Авраамки 166), о возвращеніи Свитригайла изъ Венгріи въ Литву (Воскр. П. С. Р. Л. VIII, 90), о вторичномъ походѣ литовцевъ на Маріенбургъ (ibid. 91), объ убіеніи Сигизмунда княземъ Александромъ Чарторижскимъ (ibid. 107, также Твер. П. С. Р. Л. XV, 491), о походѣ Казимира подъ Маріенбургъ (Лѣт. Авр., 194). Чтобы дать понятіе о тѣхъ извѣстіяхъ о литовскихъ событіяхъ, которыя находятся въ русскихъ лѣтописяхъ, приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: подъ 1347 годомъ записано: „того же лѣта убіенъ бысть отъ великаго князя Ольгерда литовскаго Круглецъ, нареченный во святомъ

крещеніи Еустафій, за правовѣрную вѣру христіанскую; и положенъ бысть у святого Николы въ Вильнѣ, съ сродникы своими въ гробѣ, съ великыма мученикома Антоніемъ и Іоанномъ, еже пострадаша за правовѣрную вѣру христіянькую и пріяша вѣнца небесныя отъ рукы Господня". О битвѣ подъ Дубровной записано такъ: „Того же лѣта бысть побоище королю Ягайлу Ольгердовичю, нареченному Володиславу, и князю великому литовьскому Витофту Кестутьевичу съ Нѣмцы и съ Прусы, въ земли ихъ Пруской, межы городовъ Дубровны и Острода. И убиша местера и маршалка, и кундыры побиша, и всю силу ихъ нѣмецкую побиша и городы ихъ нѣмецкіе поимаша; но только три гогороды не вдашяся королю и Витовту. И бысть тое осени Ляхомъ и Литвѣ 3 побоища съ Нѣмцы; а на всѣхъ трехъ Нѣмецъ избиваху; много же христіянъ и Литвы и Ляховъ избито бѣ отъ Нѣмецъ. И стояша подъ Марьинымъ городомъ 8 недѣль, и взяша около его два охабня, а третьяго вышнего не взяша города; ходиша же по нѣмецкой земли полдругонадцаты недѣли". За исключеніемъ этихъ двухъ извѣстій всѣ остальныя отличаются краткостью; но и вышеприведенныя извѣстія, несмотря на свою сравнительную подробность, не отличаются точностію, носятъ на себѣ характеръ извѣстій, записанныхъ по слуху. Иногда же литовскія извѣстія записывались по случаю. Такъ, напр., извѣстіе о съѣздѣ Ягелло съ Витовтомъ въ Милолюбѣ вошло въ лѣтописный сборникъ потому, что на этомъ съѣздѣ былъ митрополитъ московскій Кипріанъ, который привезъ съ собою въ Москву туровскаго митрополита Антонія.

Но если русскіе бытописатели не пользовались литовскими лѣтописями, то нельзя этого сказать относительно польскихъ историковъ: польскіе хронисты исторію Литвы разсказываютъ по большей части по литовскимъ лѣтописямъ; всего больше изъ литовскихъ лѣтописей взялъ Стрыйковскій, всего меньше Длугошъ; Бѣльскій въ этомъ отношеніи занимаетъ середину. Что касается до Длугоша, то онъ взялъ изъ литовскихъ лѣтописей только перечисленіе дѣтей Гедимина, извѣстіе о сверженіи Явнута, описаніе борьбы Ягайла съ Кейстутомъ и Витовтомъ, извѣстіе о смерти Кейстута до водворенія Витовта въ Литвѣ включительно. Дальнѣйшее описаніе литовскихъ событій взято Длугошемъ не изъ литовскихъ лѣтописей.

При составленіи своей хроники Бѣльскій, излагая исторію Литвы, пользовался литовскими лѣтописями; литовскихъ лѣтописей у него было подъ руками нѣсколько редакцій. Говоря о Палемонѣ, онъ заявляетъ, что, по свидѣтельству русскихъ лѣтописцевъ, Палемонъ убѣжалъ

отъ жестокости Нерона, но другіе русскіе лѣтописцы [1]) пишутъ, что причиною бѣгства былъ страхъ предъ Атилою (Kronika Polska Bielskiego. Sanok 1856. I. 253). Лѣтописи литовскія и русскія Бѣльскій не различаетъ; по его мнѣнію — и совершенно справедливому — это все равно. И дѣйствительно, у него безъ разбора попадаются ссылки на литовскія и русскія лѣтописи; такъ, въ вышеприведенной цитатѣ онъ ссылается на русскихъ лѣтописцевъ; но какихъ русскихъ лѣтописцевъ могло интересовать происхожденіе и судьба Литвы, какъ не тѣхъ, которые писали о Литвѣ? Упоминая имя Палемона, Бѣльскій замѣчаетъ „какъ литовскія хроники свидѣтельствуютъ"; но имя Палемона встрѣчается тамъ же, гдѣ говорится о происхожденіи Литвы, а о происхожденіи Литвы, по свидѣтельству Бѣльскаго, говорится у русскихъ лѣтописцевъ; и такъ выходитъ, что русскіе лѣтописцы писали литовскія хроники. Говоря о смерти Параскевы, Бѣльскій опять ссылается на русскія хроники (Бѣл. I. 256). Но объ этомъ ни въ какой русской хроникѣ нельзя найти, кромѣ той, въ которой говорится о Палемонѣ; изъ этого выходитъ, что русская и литовская хроника одно и то же. Въ этомъ убѣждаетъ насъ самъ Бѣльскій. Пріурочивая присоединеніе Пинска и Турова къ литовскому княжеству къ 1220 году, онъ замѣчаетъ: „съ этого времени литовскіе *или русскіе* лѣтописцы были болѣе рачительны въ писаніи исторіи, нежели передъ тѣмъ; потому что уже полагали годъ, въ которомъ что происходило" (Бѣл. I. 257). И такъ литовскіе лѣтописцы или русскіе — одно и тоже; значитъ и литовскія лѣтописи и русскія — одно и то же; два названія прилагаются къ одному и тому же предмету. Одно названіе—русскія—прилагается къ лѣтописямъ по ихъ внѣшнему виду, потому что онѣ писаны по русски. Другое названіе: литовскія—прилагается къ лѣтописямъ по ихъ содержанію, потому что онѣ излагаютъ судьбы литовскаго народа и государства.

Литовскими лѣтописями Бѣльскій пользовался во многихъ мѣстахъ, но не такъ, какъ Стрыйковскій. Какъ Стрыйковскій лѣтописныя извѣстія по большей части распространялъ различными вставками, такъ наоборотъ Бѣльскій передавалъ содержаніе кратко; изрѣдка можно подмѣтить у него буквальное заимствованіе. Иногда же у Бѣльскаго есть только ссылки на литовскія лѣтописи; излагая что-либо по польскимъ историкамъ, онъ указываетъ на ихъ противорѣчіе съ лѣтописями; такъ, говоря (по Длугошу) о враждѣ Скиригайла и Свитригайла съ

[1]) Въ рук. Кр. читаемъ первое извѣстіе, а у Быховца второе.

Витовтомъ, онъ замѣчаетъ: „но литовская исторія не упоминаетъ о Скиригайлѣ, а только объ одномъ братѣ его Корибутѣ, который, вступивъ въ битву съ Витовтомъ, потерпѣлъ отъ него пораженіе и убѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ у него была жена съ дѣтьми. Витовтъ и тамъ его досталъ и взялъ въ плѣнъ" (Бѣл. I. 488). Дѣйствительно, въ литовскихъ лѣтописяхъ упоминается только о Корибутѣ [1]). Говоря о томъ, что литовцы послали полякамъ въ помощь противъ Тевтонскихъ рыцарей 8 т. конницы подъ начальствомъ Ходкевича и дали 80 т. злотыхъ, Бѣльскій ссылается на литовскія лѣтописи: „jako latopiscowe ich świadcza" (Бѣл. II, 740. Ср. Лѣт., изд. Нарб. 60 стр.). На русскихъ лѣтописцевъ ссылается Бѣльскій, говоря о количествѣ дани, платимой новгородцами Витовту (Бѣл. II, 878. Лѣт., издан. Нарб. 59). Что же именно взялъ Бѣльскій изъ Литовскихъ лѣтописей?

Изъ Литовскихъ лѣтописей въ трудъ Бѣльскаго вошли слѣдующія извѣстія: о прибытіи Палемона со спутниками (кратко); о дѣтяхъ Палемона и построеніи ими городовъ, при чемъ Сперу приписывается построеніе города Вилькомира, построеніе котораго по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, приписывается Довспрунгу, совсѣмъ не упоминаемому у Бѣльскаго [2]). О завоеваніи литовцами Полоцка и Брацлавля сообщается кратко сравнительно съ Литовскою лѣтописью, изданною Нарбутомъ. О нападеніи Зивибунда на русскіе города сходно съ лѣтописями; только въ послѣднихъ нападеніе приписывается Монтивилу (Лѣт., изд. Нарб. 4. Позн. рук. 16. Рук. Кр. 5. Бѣл. I 254). О раздѣленіи Зивибундомъ завоеваній между своими сподвижниками взято изъ лѣтописей; разница между лѣтописями и Бѣльскимъ состоитъ въ томъ, что Довойнъ по лѣтописямъ происходитъ отъ Эйкшиса, а по Бѣльскому отъ Гравзуса (Лѣт. изд. Нарб. 4. Позн. рук. 19. Кр. 5. Бѣл. I. 254). О дѣтяхъ и внукахъ Мингайла взято изъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб. 5. Позн. рук. 22—26. Рук. Крас. 6. Бѣл. I. 255, 256). Битва Скирмунта съ Мстиславомъ луцкимъ по лѣтописи происходила на этой сторонѣ Яцольды, а по Бѣльскому на той (owej); эта разница объясняется мѣстомъ жительства составителя лѣтописи и Бѣльскаго. Что для составителя лѣтописи, писавшаго, по всей вѣроятности, въ Вильнѣ, было на этой сторонѣ, то для Бѣльскаго, писавшаго свою хронику въ Польшѣ, непремѣнно должно быть на той сторонѣ. О

[1]) Литов. лѣт., издан. Нарб. 33. У. З. А. Н. 38. Позн. р. 133. Рук. Кр. 26.

[2]) Въ рукописяхъ Познанской и Красинскаго ни о построеніи Вилькомира, ни о Довспрунгѣ не упоминается.

Куковойтѣ, о походѣ Скирмунта на Балаклая царя и раздѣленіи государства Скирмунтомъ между своими сыновьями взято тоже изъ лѣтописей, при чемъ старшимъ сыномъ называется Любартъ, между тѣмъ какъ въ лѣтописяхъ старшимъ названъ Тройнатъ, Любартъ— вторымъ (Лѣт. издан. Нарб. 6. Позн. 29—31; у Бѣльскаго I, 257, вмѣсто Скирмунта вездѣ называется Шварнъ, какъ въ рук. Кр. 7, 8 стр.).

О Поятѣ, Утенусѣ, битвѣ русскихъ съ татарами взято изъ лѣтописей (Бѣл. I, 257, 258. Позн. рук. 32—37).

О Рингольтѣ сходно съ лѣтописями (Лѣт. изд. Нарб. 7. Позн. рук. 37—39. Рук. Кр. 10. Бѣл. I, 259). Объ убіеніи Миндовга и Войшелга у Бѣльскаго съ фактической стороны излагается сходно съ Волынскою лѣтописью, но только гораздо короче (Бѣл. I, 260, 261). О князьяхъ изъ рода Свинторога Утенесовича, о междоусобіяхъ въ его домѣ, объ избраніи Витенеса Бѣльскій также заимствовалъ изъ Литовскихъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб. 10—14. Позн. рук. 40—64. Бѣл. I, 261—265). Всѣ эти извѣстія Бѣльскій передаетъ гораздо короче, чѣмъ они сообщаются въ лѣтописяхъ, кромѣ одного убіенія Тройдена. Тутъ у Бѣльскаго сообщаются подробности, которыхъ мы не находимъ въ изданныхъ до настоящаго времени Литовскихъ лѣтописяхъ: говорится, что когда онъ вышелъ изъ бани, ему заступили дорогу шесть человѣкъ, какъ бы жалуясь на свои обиды. Тройденъ въ то время не имѣлъ около себя свиты и, очутившись такимъ образомъ въ срединѣ заговорщиковъ, былъ забитъ палками (Лѣт., изд. Нарб. 13. Позн. рук. 58. Бѣл. I, 263). Эта подробность, встрѣчающаяся и у Стрыйковскаго, объясняется безъ сомнѣнія тѣмъ, что и тотъ и другой имѣли подъ руками еще нѣкоторыя особыя редакціи Литовскихъ лѣтописей, сравнительно съ тѣми, которыми мы пользуемся.

О дѣтяхъ Гедимина взято изъ Литовскихъ лѣтописей; при чемъ по Бѣльскому Наримонтъ получаетъ Дренскъ вмѣсто Пинска и называется Гаримонтомъ (послѣдняя разница могла произойти отъ переписчика); о занятіи Ольгердомъ Виленскаго престола также взято изъ лѣтописей, но излагается не буквально. Перечень дѣтей Ольгерда нѣсколько разнится отъ перечня, находящагося въ Литовскихъ лѣтописяхъ: всѣ дѣти приписываются одной матери; всѣ они одной православной вѣры; кромѣ того въ лѣтописяхъ нѣтъ именъ Наримунта, Любарта и Бутава (Лѣт. изд. Нарб. 22. Позн. рук. 91, 92) [1]).

[1]) По лѣтописи, изд. Нарб., у Ольгерда отъ обѣихъ женъ было по 6 сыно-

Не произошла ли разница въ названіяхъ отъ того, что у Бѣльскаго перечисляются дѣти Ольгерда языческими именами безъ соотвѣтствующихъ христіанскихъ именъ? или можетъ быть два имени, языческое и христіанское, принадлежавшія одному лицу, приписываются двумъ лицамъ? На послѣднее предположеніе наводитъ упоминаніе двухъ именъ, принадлежавшихъ одному и тому же князю: Вигунта и Андрея. Въ перечнѣ дѣтей Кейстута упоминается какой-то сынъ Согиздъ вмѣсто Сигизмунда. О Войдилѣ (который по Бѣльскому былъ мельникомъ), о распрѣ между Кейстутомъ и Ягайломъ и убійствѣ Кейстута взято, безъ сомнѣнія, изъ лѣтописей, но только короче; имена убійцъ Кейстута переиначены; кромѣ Прокши упоминается Готка Древляникъ. О погребеніи Кейстута въ Литовскихъ лѣтописяхъ ничего нѣтъ; у Бѣльскаго же сказано, что онъ былъ погребенъ по языческому обряду въ оружіи, съ конями, собаками и т. д. Между убитыми отъ Ягайла упоминается Ботринъ, внукъ Войдиллы. Говорится, что Витовтъ сначала убѣжалъ къ Мазовецкому князю, а потомъ въ Пруссію. (Замѣтимъ, что всѣ эти разнорѣчія съ Литовскими лѣтописями мы находимъ также и у Длугоша). Когда Ягайло позвалъ его въ Литву, то Витовтъ, чтобы не являться въ отечество съ пустыми руками, захватилъ у нѣмцевъ три замка: Юргембургъ, Маріенбургъ и Навандъ. Вильну Витовтъ хотѣлъ захватить при помощи слѣдующей хитрости: на сто саней подъ кожу наложилъ вооруженныхъ людей; но эта хитрость не удалась, и Витовтъ убѣжалъ къ нѣмцамъ. Ягайло уступилъ Витовту Гродно, Брестъ, Мѣльникъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ, Суражъ, Каменецъ и Вилькомиръ съ тѣмъ, чтобы Витовтъ былъ въ подчиненіи у Ягайло и безъ его воли никуда пословъ не посылалъ. (Послѣднихъ двухъ условій въ лѣтописяхъ нѣтъ. Бѣльскій, I, 447—452).

Бѣльскій пользовался Литовскими лѣтописями при извѣстіи о нападеніи пруссовъ на Литву въ 1388 г.: „русская исторія", говоритъ онъ, „гласитъ, что это сдѣлали ливонцы, а не прусы" (Бѣл. I, 476. Лѣт. изд. Нарб. 29. У. З. А. Н. 34, 35. Позн. рук. 118, 119. Рук. Кр. 22).

Извѣстіе о нападеніи Святослава смоленскаго на Оршу и пораженіи его подъ Мстиславлемъ Бѣльскій заимствовалъ изъ лѣтописей; но есть вставки изъ другихъ источниковъ (Лѣт. изд. Нарб. 30. У. З.

вей; по Позн. рук. и русскимъ лѣтописямъ (Соф. П. С. Р. Л. V, 236. Воскр. VIII, 25) отъ первой жены было у Ольгерда 5, а отъ второй 7 сыновей. Впрочемъ перечень у *Бѣльскаго* и *Длугоша* одинаковъ; изъ чего можно заключить, что Бѣльскій литовскими лѣтописями пользовался не всегда непосредственно.

А. Н. 35, 36. Позн. рук. 120—125. Рук. Кр. 22. Хрон. Бѣльскаго I, 476).

Изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя ссылается Бѣльскій, взяты слѣдующія извѣстія: о взятіи Витовтомъ Орши, Витебска, Кіева, Житоміра, о смерти Скиргайла, о нападеніи Витовта на Рязань и Смоленскъ, о свиданіи съ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ, о захватѣ Подольской земли у Ѳедора Коріатовича (Лѣт. изд. Нарб. 33—35. У. З. А. Н. 39—41. Позн. 134—143. Рук. Кр. 22—30. Бѣл. I, 488, 489). Бѣльскій кратко перечисляетъ эти событія. Извѣстіе, находящееся въ Литовскихъ лѣтописяхъ, о передачѣ Подоліи Витовтомъ королю Ягайлу за 40 т. злотыхъ Бѣльскій опровергаетъ (ibid. I, 489). По Литовскимъ лѣтописямъ Подолія была уступлена Ягайлу за 20 т. (У. З. А. Н. 46 стр.).

Извѣстіе о смерти Сигизмунда литовскаго взято изъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб. 48—50. Бѣл. I, 651, 652).

Говоря о сеймѣ въ Парцовѣ въ 1453 г., Бѣльскій опровергаетъ Литовскія лѣтописи, откуда также приводитъ разсказъ объ этомъ сеймѣ (Лѣт. изд. Нарб., 57, 58). Имена пославшихъ свои печати сходны съ именами, упоминаемыми въ лѣтописи; только вмѣсто Петра Монгирдовича поставленъ Радзивиллъ (Бѣл. II, 722).

Извѣстіе о нападеніи Ивана Васильевича на владѣнія великаго князя литовскаго Александра въ 1493 г. взято Бѣльскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, но кратко (Лѣт. изд. Нарб. 63, 64. Бѣл. II, 892); о прибытіи Елены въ Вильну взято также изъ лѣтописей (Лѣт. изд. Нарб., 64. Бѣл. II, 894); сохранено даже лѣтописное выраженіе: „wyjechawzy z bur". Извѣстія о войнѣ Ивана Васильевича съ Литвою и битвѣ при Ведрошѣ Бѣльскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей, какъ это видно изъ сравненія; заимствованіе вездѣ не буквальное; Бѣльскій передаетъ событія короче (Бѣл. II, 907—909. Лѣт. изд. Нарб., 67—69). Причина этой войны по Бѣльскому была та, что Александръ, князь литовскій, не построилъ церкви для Елены; этой причины въ Литовскихъ лѣтописяхъ нѣтъ.

Извѣстія о нападеніи татаръ на Польшу и Волынь, о нападеніи москвитянъ на Смоленскъ взяты изъ лѣтописей, но Бѣльскій пользовался иногда и польскими извѣстіями; напримѣръ, о назначеніи поляка Яна Карнковскаго начальникомъ надъ наемными войсками (Бѣл. II, 909, 910. Лѣт. изд. Нарб. 70, 71).

Извѣстія о нападеніи Шихъ-Ахмата на земли великаго князя московскаго въ 1501 г., объ избраніи Александра въ короли польскіе

взяты изъ Литовскихъ лѣтописей (Бѣл. II, 912, 913. Лѣт. изд. Нарб. 71, 72); изъ лѣтописей же взято извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ Шихъ-Ахмату Менгли-Гиреемъ (Бѣл. II, 915, 916. Лѣт. изд. Нарб. 72); впрочемъ, Бѣльскій пользовался и другими источниками.

О мирѣ между Москвою и Литвой взято изъ лѣтописей (Бѣл. II, 917. Лѣт., изд. Нарб. 72); разница только въ томъ, что у Бѣльскаго сказано, что князь Острожскій не былъ возвращенъ полякамъ.

Взятое изъ лѣтописей извѣстіе о двукратномъ нападеніи татаръ на Слуцкъ и пораженіи ихъ (Лѣт., изд. Нарб., 72, 73. Бѣл. II, 919) Бѣльскимъ сокращено.

О сеймѣ въ Брестъ-Литовскѣ въ 1505 году взято Бѣльскимъ изъ лѣтописей не буквально (Бѣл. II, 921. Лѣт. изд. Нарб. 74); вѣроятно, изъ Литовскихъ лѣтописей взято и извѣстіе о нападеніи крымскихъ татаръ на Литву въ 1505 году (Бѣл. II, 925—926. Лѣт. изд. Нарб. 74). Къ сожалѣнію, въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ, въ данномъ мѣстѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; выраженіе Бѣльскаго (II, 926) „jako powiadają“, вѣроятно, нужно относить къ лѣтописямъ.

Извѣстія о морѣ въ Минскѣ, о смерти Ивана Васильевича III, о походѣ москвитянъ на Казань взяты изъ литовскихъ лѣтописей (Бѣл. II, 926, 927. Лѣт. изд. Нарб. 74, 75). Замѣтимъ, что въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, смерть Ивана Васильевича относится къ 1503 году.

Въ извѣстіе о нападеніи татаръ на Литву въ 1506 году, заимствованное изъ лѣтописей, Бѣльскимъ вставлено многое, не находящееся въ имѣющейся у насъ подъ руками литовской лѣтописи; напримѣръ, приводятся имена тѣхъ, которые несли на себѣ короля Александра изъ Лиды въ Вильну; способъ перенесенія его; число павшихъ въ битвѣ татаръ и другія подробности, не находящіяся въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ (Бѣл. II. 930—932. Лѣт. изд. Нар. 75—78).

Всего больше извѣстій о Литовскихъ лѣтописяхъ и извлеченій изъ нихъ дано Стрыйковскимъ; можно даже сказать, что мы, не имѣя еще отдѣльнаго изданія Литовскихъ лѣтописей, уже знали ихъ по сочиненію этого почтеннаго каноника. „Онъ первый исторгнулъ изъ забвенія событія Литвы, съ тѣмъ, чтобы ихъ сохранить для потомства“, говоритъ Даниловичъ о Стрыйковскомъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1840, № 6, 80).

При составленіи своего монументальнаго труда, предпринятаго по желанію самогитскаго епископа Мельхіора Гедройца, Стрыйковскій пользовался не однимъ какимъ-либо спискомъ Литовскихъ лѣтописей,

а имѣлъ подъ руками до 12 и 13 рукописей, и даже до 15 [1]); собиралъ ихъ повсюду, гдѣ только могъ, сличалъ ихъ, свѣрялъ, дѣлалъ объ нихъ критическія замѣтки. Даниловичъ предполагаетъ пять лѣтописей, которыми пользовался Стрыйковскій: 1) двѣ чисто-литовскія лѣтописи, изъ соединенія которыхъ, говоритъ Даниловичъ, Стрыйковскій составилъ свое сочиненіе; эти лѣтописи Стрыйковскій называетъ *древними* и къ нимъ примѣняетъ выраженіе: *что Литва и Самогитія искони пользуются ими, какъ достовѣрными лѣтописями* (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1840, № 6. 80). Изъ обѣихъ онъ напечаталъ извѣстія о началѣ Литвы. Сравнивая эти извѣстія въ той и другой лѣтописяхъ, мы можемъ придти къ заключенію, что обѣ лѣтописи суть двѣ редакціи одного и того же произведенія. Вся разница заключается только въ томъ, что по первой редакціи Палемонъ бѣжалъ отъ жестокости Нерона, а по другой отъ жестокости Аттилы. Со словъ же: „W ten czas jedno xiążę rzymskie rzeczony Palemon" и т. д. (Хрон. Стр. I. 55) разсказъ въ той и другой лѣтописяхъ сходенъ, иногда даже буквально (сравн. I, 55. 56. 57); имена фамилій римскихъ, описаніе пути переселенцевъ [2]), описаніе мѣстности, найденной пришельцами около Нѣмана, въ той и другой лѣтописяхъ сходны, такъ что, сравнивъ и то и другое начало лѣтописей, мы не находимъ возможности вмѣстѣ съ Даниловичемъ, видѣть двухъ лѣтописей, а видимъ только двѣ редакціи одной и той же лѣтописи.

Можетъ быть, разница этой лѣтописи отъ другихъ, бывшихъ у Стрыйковскаго, только этимъ и ограничивалась; во всемъ остальномъ она была сходна съ прочими лѣтописями, чѣмъ и объясняется, что Стрыйковскій далѣе нигдѣ о ней не упоминаетъ. Сравнивая же эти лѣтописи съ извѣстными намъ лѣтописями: изданною Нарбутомъ и рукописью Красинскаго, мы видимъ, что первая редакція лѣтописи сходна съ послѣднею рукописью, а вторая съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; такимъ образомъ нужно предположить, что первая лѣтопись Стрыйковскаго одно и то же съ лѣтописью, сохраненной въ рукописи Красинскаго, а вторая съ изданною Нарбутомъ. Соображенія

---

[1]) Стр. I, 57. 83. 87. II. 58. 229. 232.

[2]) Разность чтенія собственныхъ именъ, встрѣчающихся при описаніи пути, могла зависѣть просто отъ переписчика; собственныя имена все-таки и въ той и другой редакціи сходны между собою или по произношенію, или по написанію; въ одной редакціи упоминается Франція и Англія, въ другой Фландрія и Англія; рѣка Szuma первой редакціи напоминаетъ Zund второй; остальныя названія собственныхъ именъ въ обѣихъ редакціяхъ сходны.

Даниловича относительно времени написанія первой Литовской лѣтописи не прежде 1413 года, когда были приняты Литвою упоминаемые въ лѣтописи итальянскіе гербы, мы принять не можемъ; составленіе лѣтописи, какъ мы уже показали выше, не восходитъ ранѣе второй половины XVI вѣка.

2) Точно также мы не можемъ принять вмѣстѣ съ Даниловичемъ за особую литовскую лѣтопись ту, о которой Стрыйковскій отзывается какъ о хромой, бездоказательной и для чтенія неудобной; посмотримъ, гдѣ у Стрыйковскаго находятся подобные отзывы о лѣтописяхъ. На страницѣ 229 перваго тома читается: „Latopiscze Litewskie stare, bez dowodu słusznego spisane. tak swoją rzecz prowadzą: czasu panowania Montwila, Gimbutowego syna, powstał carz Tatarski Batti i wszystkę żiemię Ruską.... zwojował, i stolec wszytkiej ziemie Ruskiej Kijów spalił, i pusty udziałał, aż xiądz wielki Kijowski Dimitriej na Czernieow zbiegł“, etc. Сравнимъ теперь, что говорится объ этомъ въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ: „w czasu panowania Montwiłowa, powstał Car Batyi, y poszoł na Ruskuiu zemlu, y wsiu zemlu Ruskuiu zwojewał, y kniazey Ruskich mnohich postynał, a inszych w połoń poweł, y stolec wseje zemli Ruskoie horod Kijew zożoh y pust wczynił. A kniaź weliki Kijewski Dmitrey bojaczysia welikoje siły y mocy ieho zbieh z Kijewa w hord Czernihow“ (Лѣт., изд. Нарб., 3. 4 стр. Рукопись Красинскаго 4 стр. Позн. р. 14 стр.). Оказывается, что эта бездоказательная лѣтопись очень сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, и другими лѣтописями. Во II т. на 173 стр. у Стрыйковскаго читается: „A Latopiszcze Litewskie bez dowodu inaczej to być świadczą, jacoby posłowie Witołtowi, trzy laia mieli mieszkać we Włoszech, bo korony nieść nie śmieli dla wielkich wojen na ten czas w Włoskiej ziemi wzburzonych. A potym jakoby im Polacy koronę we Lwowie mieli odjąć, nieżycząc jej Litwie“. Точно то же мы читаемъ и въ литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ: „a meszkali w Ryme try hody, dla toho iż walka była we Włoszech, y dla toho ne smeli z korunoiu iechaty, a west' ich zaszła we Lwowe o smerty welikoho kniazia Witolta, szto umer, y Lachowe nežyczeczy koruny Litwe, y korunu w nich tuiu otniali.“ (44 стр.) Стрыйковскій называетъ писателя лѣтописи дьякомъ, писаремъ, простакомъ (II, 255. 256), а лѣтописи бездоказательными (ibid. 245), когда говоритъ о несогласіи показаній Литовской лѣтописи съ дѣйствительностью; именно по Литовской лѣтописи Казимиръ подъ Хвойницами сражался съ Ирикомъ чешскимъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ война была съ Тевтон-

скими рыцарями; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, битва подъ Хвойницами тоже приписывается Казимиру съ Ирикомъ (59 стр.); Стрыйковскій называетъ лѣтописцевъ безмозглыми писарями, говоря о хронологіи (I, 243), что лѣтописцы не обозначаютъ, когда то или другое происшествіе случилось; дѣйствительно въ изданныхъ лѣтописяхъ какъ полнаго, такъ и краткаго сводовъ, почти всѣ собственно литовскія извѣстія не обозначены годами.

И такъ изъ сравненія тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о бездоказательныхъ лѣтописяхъ, написанныхъ какъ бы какимъ-то неучемъ-дьякомъ, съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, мы можемъ сказать, вопреки Даниловичу, что это не были отдѣльныя лѣтописи, а тѣ же самыя, которыми Стрыйковскій пользовался и въ другихъ мѣстахъ; называетъ же онъ ихъ хромыми и бездоказательным только потому, что онѣ не согласуются съ историческою истиною или съ польскими историками [1]).

Такимъ образомъ, если такъ называемыя Стрыйковскимъ первая и вторая Литовскія лѣтописи суть только двѣ редакціи одной и той же Литовской лѣтописи; если вторая Литовская лѣтопись очень сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; наконецъ, если лѣтопись хромая и бездоказательная, писанная какъ будто бы какимъ-то простакомъ-дьякомъ, есть одно и то же, что и лѣтопись, изданная Нарбутомъ, то нужно предположить, что у Стрыйковскаго были только различныя редакціи одной и той же Литовской лѣтописи, и между прочимъ той, которую мы имѣемъ въ изданіи Нарбута; предполагать же вмѣстѣ съ Даниловичемъ существованіе различныхъ Литовскихъ лѣтописей сочиненія Стрыйковскаго намъ не даютъ права; Стрыйковскій пользовался разными редакціями Литовскихъ лѣтописей, иногда болѣе полными, чѣмъ мы имѣемъ, но не разными лѣтописями, съ отличнымъ составомъ отъ извѣстныхъ намъ сводовъ.

3) У Стрыйковскаго (I, 253) есть еще указаніе на то, что онъ имѣлъ подъ руками лѣтописи, добытыя у Александра Ходкевича,

---

[1]) У *Стрыйковскаго* есть впрочемъ одно мѣсто, гдѣ онъ приводитъ изъ хромого лѣтописца извѣстіе, не находящееся въ доступныхъ намъ лѣтописяхъ; именно о Миндовгѣ. „Иные лѣтописцы,—говоритъ онъ,—о Миндовгѣ не упоминаютъ, а такъ заканчиваютъ по своему обычаю, неосновательному въ доводахъ и чтеніи, описаніе княженія Рингольта: княжилъ Рингольтъ въ Новгородкѣ много лѣтъ и потомъ умеръ; а нѣкоторые говорятъ, что онъ послѣ битвы съ русскими имѣлъ трехъ сыновъ; только неизвѣстно, какія дѣла эти его дѣти совершили“ (Стр. I, 253).

старосты гродненскаго; но и самъ Даниловичъ не придаетъ имъ большого значенія и не считаетъ ихъ за отдѣльныя лѣтописи, а за списки Волынской лѣтописи, на томъ основаніи, что въ нихъ говорится только о Миндовгѣ, „дѣянія котораго описаны лучше всего (а мы скажемъ: единственно) въ одной только Волынской лѣтописи" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1840, № 6, 95, 96).

4) Даниловичъ, перечисляя лѣтописи, которыя служили источникомъ Стрыйковскому, упоминаетъ еще о Супрасльской рукописи, изданной княземъ Оболенскимъ (М. 1836). Относительно первой части этой рукописи, содержащей въ себѣ сокращенную Новгородскую лѣтопись, Даниловичъ говоритъ: „вся лѣтопись исполнена важныхъ обстоятельствъ, касающихся исторіи Литвы" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1840, № 6, 108); но никакихъ новыхъ извѣстій въ этой рукописи нѣтъ сравнительно съ Новгородскими I и IV лѣтописями. Вторая часть этой рукописи, содержащая въ себѣ сокращенную Кіевскую лѣтопись, имѣетъ значеніе собственно для Кіевской и Волынской области и при томъ только съ 1491—1516 г.; потому что только за эти годы событія описаны современникомъ [1]). Но и этой лѣтописью Стрыйковскій, вѣроятно, не пользовался; по крайней мѣрѣ у него мы не видимъ извѣстій той редакціи, которая находится въ Супрасльской рукописи.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ пользовался Стрыйковскій Литовскими лѣтописями, возьмемъ для сравненія нѣсколько выдержекъ изъ его хроники и изъ Литовскихъ лѣтописей. (Изъ этого отрывка мы можемъ также видѣть сходство Познанской рукописи съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ).

---

[1]) Лѣтопись распадается на четыре части: первая отъ 862 по 1500 г., вторая представляетъ отдѣльныя извѣстія 1449, 1482, 1491 гг., уже раньше описанныхъ; затѣмъ два извѣстія—краткое о взятіи москвитянами Смоленска въ 1515 г. и пространное о побоищѣ при Оршѣ съ похвалой князю Острожскому—составляютъ третью часть; четвертая часть состоитъ изъ одной записи о посѣщеніи Супрасльскаго монастыря королемъ Сигизмундомъ II въ 1543 г. Первая часть 1453 и 1483 гг., помѣщенными внѣ хронологическаго порядка, раздѣляется на двѣ половины: въ первой большинство извѣстій новгородскихъ и смоленскихъ (до 1415 г.), во второй смоленскихъ и еще больше волынскихъ. Въ сказаніи о битвѣ при Оршѣ точка зрѣнія литовская. Какъ самая Супрасльская рукопись, такъ и повторенныя въ ней извѣстія объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ служатъ доказательствомъ, что въ литовской Руси, и въ частности въ Смоленскѣ и на Волыни—лѣтописныя записи велись одновременно въ разныхъ мѣстахъ.

Познанская рукопись.

А четвертый братъ его Гольша перешедшы реку Велью и нашолъ гору красную межы горами надъ рекою Вилнею у мили отъ устья реки Вельи [1]), гдѣ упадываетъ въ реку Велью противъ Раконтишокъ и въчынилъ городъ и назоветъ его именемъ своимъ Гольшане.

И немного бывшы тамъ и ѣздечы оттоль у ловы у пущу за десеть миль отъ того города своего и найдеть гору красную и ровънинами великими объляглую и обфитостями наполъненую и сподобалося ему тамъ и онъ тамъ поселилъся и на той горе учынилъ [городъ] [2]) надъ рѣчкою Кораблемъ и перенесеться оттоле и тамъ почнеть княжыти и назоветься княземъ Гольшанскимъ.

(Позн. рукоп., 49, 50).

Лѣтопись, изданная Нарбутомъ.

A czetwerty brat Holszysz, pereszod reku Wellu, y naszoł horu krasnuiu meży horami nad rekoiu Wilneju, w mili od ustija reki Wilni, hde upadywaet w reku Wellu, protyw Rokontyszok y wczynił horod, y nazowe imenem swoim Holszany, y nemnoho bywszy tam, y iezdiaczy od toli w łowy w puszczu za desiat mil, od toho horoda swojeho, y nayde horu krasnu, y rowninami welikimi oblehłuiu, y obfitostiami napołnennuiu, y spodobałosia iemu tam, y on tam poseliłsia, y na toy hore wczynił horod, nad rekoiu Korablem, y perenesetsia odtoli, y tam naczne kniażyty, y nazowetsia kniazem Holszanskim.

(Лѣт. изд. Нарбутомъ 11 стр.).

Хроника Стрыйковскаго.

Holszy zasią od Wilny rzeki aż do Korabla błotnego rzeczyszcza, dał udział z siołami, z dwory i z miasteczkami, gdzie naprzód w mili od uścia Wilny rzeki, nalazł górę ozdobną, pagórkami i lasmi zewsząd ogrodzoną, nad tąż rzeką Wilną, przeciw Rakanczyszkam, tam zamek i osadę zbudował, który od swego imienia Holszany mianował. A potym jeżdżąc stamtąd często w łowy, zajechał w puszczą dziesięć mil od pierwszego zamku, gdzie nalazł górę krasną nad rzeką Korablem, równinami wielkiemi obleglą, któréj rozłogi i wdzięcznie w on czas położenie miojsca ulubiwszy, obesłał wołości swoje i zbudował tam drugi zamek, który także od swego imienia Holszany mianował.

(Стр. I, 317, 318).

Potom nastawszu letu od poczatka swita sedmotysiacznomu tretemu, a bo Bożym Narożeniju tysiaszcza czotorysta dewiatydesiat piatoho, posłał kniaż weliki Alexandro Litowski do Moskwy, k welikomu kniaziu Iwanu Moskowskomu, po welikuiu kniażnu Olenu, pana Wilenskoho, namiestnika

Potym w roku od narodzenia Christusa Pana 1495, kniaź Wielki Alexander, posłał do Moskwy po małżonkę xiężnę Helenę pany radne swoje, to jest: pana Wileńskiego namiestnika Grodzieńskiego, kniazia Alexandra Juriewica, a pana Trockiego, namiestnika Połockiego, pana Jana Jurgewica Zabrzezień-

[1]) Рукопись графа *Красинскаго*, 12, Вилни.

[2]) Тамъ же нѣтъ.

Horodenskoho kniazia Alexandra Iurjewicza, pana Trockoho, namestnika Połockoho, pana Jurjewicza, Zaberezinskoho, a namestnika Brasławskoho, pana Jurija Zenowewicza, pisara derżawcu Stoklizskaho, pana Fedka Hrehoriewicza; oniże jechawsze, wzemsze welikuiu kniażnu Olenu, y prynesli ieie do Litwy, a s neiu byli posłi posłany ot otca ieie welikoho kniazia Moskowskoho Iwana Wasiliewicza, na imia kniaź Semen Rapołowski. Michayło Rusałka, Iwan Skuratow, diak Wasiley Kuleszyn, y prynesli ieie k horodu k Wilni, pered welikimi zapusty za dwe nedeli; weliki że kniaź Alexandro, so wsimi pany radnymi y z dworany y z mnohimi ludmi stryte ieie wyiechawszy z hur, a pospołu wjechali w horod Wilniu, y było tam wczyneno welikoie weselie, iako na welikich hospodarey należyt, y to było na neskolko nedel; a potom po weseli posły Moskowskiie z welikoiu czestyiu, y z mnohimi dary otpuszczony wo swoiasi.

(Лѣт. изд. Нарбутомъ, 64 стр).

skiego, a namiestnika Brasławskiego, pana Iuria Zienowica; przy nich pisarza swego dzierżawcę Stokliskiego, Fiedora Hrehorowica; którzy xiężnę Helenę przynieśli do Litwy. A ociec jej, kniaź Iwan Wasilewic Moskiewski, posłał z nią posły, naprzod: kniazia Siemiona Ropołoskiego, Michała Rusałkę, Iwana Skuratowa i pisarza swego Iwana Kuleszyna; a przynieśli ją w tymże roku wyzszej pomienionym do Wilna przed Zapusty rzymskimi dwie niedzieli. A kniaź Wielki Alexander, ze wszytkimi pany radnymi i ze wszytkim dworem swym i z wielą zebrania ludzi, podkał ją, wyjachawszy z gór Wileńskich, i społem wjechali w zamek Wileński: tam przez kilka niedziel byli posłowie Moskiewscy, a potym z wielką tcią i z wielkimi dary odpuszczono ich do Moskwy.

(Стр. II, 297, 298).

У Стрыйковскаго находятся слѣдующія извѣстія, взятыя изъ литовскихъ лѣтописей: о прибытіи въ Литву Палемона съ другими римлянами; сказаніе это, помѣщенное въ хроникѣ литовской и жмудской, взятой, по заявленію Стрыйковскаго, у князей Заславскихъ, почти дословно сходно съ таковымъ же сказаніемъ, находящимся въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ (Стр. I, 55—57. Нарбутъ, 1. 2 Позн. рук. 1 — 8). Извѣстіе о дѣтяхъ Палемона вошло въ сочиненіе каноника Стрыйковскаго, съ нѣсколькими несущественными добавленіями, прямо изъ лѣтописей, на которыя онъ ссылается нѣ-

сколько разъ; такъ, говоря о Довспрунгѣ, одномъ изъ спутниковъ Палемона, что онъ основалъ городъ, Стрыйковскій добавляетъ, „который, согласно лѣтописямъ, назвалъ Вилькомиромъ“ (Стр. 1, 85). Вилькомиромъ этотъ городъ названъ и въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ. Разница между лѣтописью, изданною Нарбутомъ, и Стрыйковскимъ только та, что Боркъ по лѣтописямъ умеръ позже Спера (Нарб. 2. Позн. рук. 10. Рук. Кр. 3 стр.), а у Стрыйковскаго наоборотъ. Извѣстіе о Кирнусѣ и Гимбутѣ, о названіи Литвы отъ латинскихъ словъ: litus и tuba, о нападеніи Кирнуса и Гимбута на Бреславль и Полоцкъ взяты Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, на что указываетъ какъ сходство въ изложеніи, такъ и указанія самого составителя хроники. Такъ, производя названіе Литвы отъ латинскихъ словъ litus и tuba, Стрыйковскій замѣчаетъ: „относительно этого согласны всѣ старые лѣтописцы русскіе, литовскіе и жмудскіе“ (Стр. I, 86. Лѣт., изд. Нарб. 3. Рук. Кр. 4. Позн. рук. 13). Походъ литовскихъ князей на Русь у Стрыйковскаго изложенъ пространнѣе, чѣмъ въ лѣтописяхъ, хотя при изложеніи событій этого похода онъ пользовался лѣтописцами, на которыхъ и ссылается; причина похода, по Литовскимъ лѣтописямъ, желаніе расширить предѣлы своего государства, а по Стрыйковскому — месть за нападеніе русскихъ и желаніе воспользоваться внутренними междоусобицами князей, „о чемъ“, замѣчаетъ Стрыйковскій, „лѣтописцы не упоминаютъ“; при этомъ нападеніе Кирнуса и Гимбута Стрыйковскій, неизвѣстно на какомъ основаніи, относитъ къ 1065 году. (Стр. I, 85 — 87. Нарб. 2, 3. Позн. рук. 11—13). Извѣстіе о преемникѣ Кирнуса, Зивибундѣ, у Стрыйковскаго не согласуется съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; по послѣдней, Зивибундъ былъ сыномъ Кирнуса; по Стрыйковскому Кирнусъ не имѣлъ потомства мужскаго пола, а принялъ къ себѣ сына или просто потомка Довспрунга Зивибунда, за котораго отдалъ свою дочь Пояту, о которой въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, нѣтъ никакого упоминанія. Въ этомъ случаѣ Стрыйковскій очень сходно разсказываетъ съ такъ называемой Познанской рукописью и Красинскаго (14 стр. и Кр. 4); разница только въ томъ, что въ нихъ Зивибундъ называется Кирусомъ. Въ другомъ мѣстѣ Стрыйковскій возстаетъ противъ лѣтописца, который считаетъ Пояту женою Кируса; „другіе лѣтописцы, хоть бы ихъ и тысячу сравнить, никакого другаго Кируса или Гедруса, кромѣ одного сына Романа или Ромунта, не знаютъ“ (Стр. I, 246), говоритъ Стрыйковскій.

Извѣстіе о нападеніи Монтивила на русскую землю взято изъ

Литовскихъ лѣтописей; во многихъ мѣстахъ разсказъ Стрыйковскаго буквально сходенъ съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; кромѣ того самъ Стрыйковскій указываетъ на лѣтопись, какъ на источникъ, откуда онъ бралъ свои извѣстія (Стр. I, 229, 234 — 236). Изъ числа городовъ, занятыхъ Эрдивиломъ, сыномъ Монтивила Гимбутовича, не упоминаемыхъ въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, находятся: Суражъ, Брянскъ и Бѣльскъ; походъ этотъ предпринятъ Эрдивиломъ вмѣстѣ съ Зивибундомъ Довспрунговичемъ; Литовская лѣтопись, изданная Нарбутомъ, объ немъ тоже не упоминаетъ; кромѣ того у Стрыйковскаго приводится титулъ Эрдивила: „Эрдивилъ Монтивиловичъ, Жмудской и Литовской земли наслѣдникъ, первый великій князь Русскій Новгородскій". Упоминаніе о подаркахъ, посланныхъ Эрдивиломъ отцу, и о смерти Монтвила въ Юрбургѣ составляетъ также подробность, которую мы не находимъ въ Литовскихъ лѣтописяхъ. Эрдивилъ Монтвиловичъ раздѣлилъ предводителямъ войскъ, съ которыми онъ совершилъ походъ, завоеванную землю; этихъ предводителей было трое: Грумпій, Эйкшисъ и Гравзусъ. Грумпій получилъ островъ рѣки Ошмяны съ округомъ; Эйкшисъ округъ, который по нему получилъ названіе Эйкшисскаго; Гравзусъ округъ, названный по его имени Гравжисками. Все это сходно съ Литовскими лѣтописями, на которыя дѣлаетъ ссылку Стрыйковскій въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ своихъ словъ. Отъ Грумпіуса родился Гастольдъ, отъ Эйкшиса — Монивидъ или Монтивидъ, отъ Гравзуса — Довойна; такъ утвердительно говоритъ Стрыйковскій. „Всѣ лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ (говоритъ онъ) одно; хотя бы кто хотѣлъ согласовать или снести ихъ и тысячу, не найдетъ иначе". Между тѣмъ въ лѣтописи, изданный Нарбутомъ, въ рукописяхъ Познанской и Красинскаго отъ Эйкшиса производится Довойнъ, а Монивидъ отъ Гравзуса. (Стр. I, 236, 237. Нарб. 4. Позн. рук. 19. Рук. Кр. 5).

Извѣстія о смерти Викинта и Эрдивила взяты Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, съ нѣкоторыми отличіями отъ лѣтописей намъ извѣстныхъ; такъ въ послѣднихъ говорится, что сначала умеръ Викинтъ, и престолъ его перешелъ къ Зивибунду; затѣмъ умеръ Эрдивилъ, и послѣ него вступилъ на престолъ сынъ Мингайло. (Лѣт. изд. Нарб. 4. Позн. рук. 20. Рук. Кр. 6; въ послѣдней вмѣсто Викинта называется Немоносъ, вмѣсто Зивибунда Кгирусъ и вмѣсто Эрдивила Скирмунтъ). По Стрыйковскому по смерти Викинта престолъ его переходитъ къ Эрдивилу, а отъ Эрдивила къ Мингайлу. При этомъ, на основаніи нѣкоторыхъ списковъ лѣтописей, намъ еще теперь неиз-

вѣстныхъ, говорится также, что Викинтъ былъ убитъ на войнѣ противъ русскихъ. (Стр. I, 239).

Краткій разсказъ лѣтописи о княженіи Мингайла у Стрыйковскаго расширенъ разными добавленіями, не измѣняющими впрочемъ сущности дѣла (Стр. I, 239, 240. Нарб. 4, 5. Позн. рук. 20, 21; рукопись Красинскаго 6 стр.). Извѣстіе о княженіи дѣтей Мингайла Стрыйковскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей, какъ это видно изъ почти буквальнаго ихъ сходства. Точно также лѣтописями пользовался Стрыйковскій при описаніи княженія Бориса Гинвиловича, Рогвольда Борисовича, при извѣстіи о княжнѣ Прасковьѣ полоцкой. Что у Стрыйковскаго были подъ руками лѣтописи, это доказывается какъ его указаніями, такъ иногда дословнымъ сходствомъ его разсказа съ разсказомъ лѣтописнымъ. (Нарб. 5, 6. Стр. I, 240—243, Позн. рук. 22—26). Одну только разность можно найти между Стрыйковскимъ и Литовскими лѣтописями: по Литовскимъ лѣтописямъ Борисъ построилъ три церкви въ Полоцкѣ: св. Софіи, св. Спаса дѣвичій монастырь и третью церковь и монастырь свв. Бориса и Глѣба (Лѣт. изд. Нар. 5. Позн. рук. 23. Рук. Кр. 6) по Стрыйковскому (241) построенныхъ церквей было четыре: св. Софія, свв. Бориса и Глѣба, церковь въ дѣвичьемъ монастырѣ, имъ же основанномъ, и св. Спаса. Эта разница могла произойти отъ невѣрнаго прочтенія Стрыйковскимъ рукописей.

Извѣстіе о нападеніи Мстислава, князя луцкаго и пинскаго, на Скирмунта съ цѣлью отнять у послѣдняго его волость взято Стрыйковскимъ тоже изъ лѣтописей, на которыя онъ дѣлаетъ нѣсколько разъ ссылки (Нарб. 5, 6. Стр. I, 243, 244. Позн. рук. 26; въ рук. Гр. Красинскаго 7 стр. вмѣсто Скирмунта называется Шварнъ). Описавъ пораженіе Мстислава соединенными силами литовскими и жмудскими, Стрыйковскій говоритъ: „i wołala Ruś (jak Latopisze świadczą) ż wielkim placzem, iż tak wielkie wojska ich, byly okrutnie pobite od bezwiernej Litwy“. Почти эти же самыя слова читаемъ въ Литовскихъ лѣтописяхъ. (Позн. р. 28. Рук. Кр. 7 стр. Лѣт. изд. Нарбутомъ стр. 6). Впрочемъ у Стрыйковскаго есть нѣкоторыя добавленія и измѣненія противъ лѣтописей; такъ въ числѣ городовъ, подвергшихся нападенію со стороны Мстислава, упоминается Дрогичинъ, не находящійся въ лѣтописяхъ. Зивибундъ, къ которому Скирмунтъ обратился за помощью, названъ у Стрыйковскаго княземъ жмудскимъ и Литвы завилейской; въ лѣтописяхъ онъ названъ княземъ литовскимъ; битва по лѣтописямъ происходила *на этой* сторонѣ рѣки

Яцольды, по Стрыйковскому *на той*. Эта разница произошла по той же причинѣ, какъ и у Бѣльскаго [1]).

Извѣстіе о смерти Пояты, объ отправленіи Скирмунтомъ Куковойта къ отцу, о смерти Зивибунда Довспрунговича, о постановкѣ Куковойтомъ памятника въ честь Пояты взято Стрыйковскимъ изъ лѣтописей; при чемъ онъ замѣчаетъ, что „одинъ только лѣтописецъ грубо обманулся, считая Пояту дочерью Куковойта, между тѣмъ какъ она была его матерью. Ложь заключается и въ томъ извѣстіи этого лѣтописца, что по смерти Куковойта, своего отца, она поставила въ честь его памятникъ на одной горѣ надъ рѣкою Святой; она поставила колонну въ память своего отца Кирнуса, на что указываютъ всѣ другіе лѣтописцы, которымъ приличнѣе вѣрить, чѣмъ одному, такъ какъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явно отступилъ отъ истины". (Стр. I, 244. 245. Рук. Кр. 8. 9; въ лѣт. изд. Нарбутомъ 6 стр. упоминается только о второмъ и третьемъ извѣстіяхъ) [2]).

Извѣстіе о нападеніи Балаклая-царя на литовскую землю, о пораженіи его Скирмунтомъ у Койданова, о занятіи литовскимъ княземъ русскихъ городовъ Мозыря, Чернигова, Стародуба и Карачева и о раздѣленіи литовской земли между своими сыновьями взято Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, какъ это видно изъ сравненія перваго съ послѣдними. Единственное дополненіе противъ лѣтописей заключается въ томъ, что Скирмунтъ, по Стрыйковскому, по прибытіи татарскихъ пословъ, разослалъ по русской и литовской землѣ требованіе быть готовыми противъ наѣздовъ татарскихъ. Остальныя вставки не измѣняютъ сущности дѣла. [Лѣт., изд. Нарб., 6. Позн. рук. 29 — 31. Лѣт. по рукописи Красинскаго (8 стр.) Стр. I. 247. 248]. Извѣстіе о дѣтяхъ Скирмунта у Стрыйковскаго не согласуется съ лѣтописями. Старшій сынъ Скирмунта по лѣтописямъ былъ Тройнатъ, а по Стрыйковскому Любартъ; второй сынъ по лѣтописямъ былъ Любартъ, а по Стрыйковскому Писимонтъ; третій сынъ по лѣтописямъ

---

[1]) См. выше 82 стр. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Стрыйковскій весьма часто пользуется Литовскими лѣтописями не непосредственно, а изъ вторыхъ рукъ, напримѣръ, чрезъ Мѣховита, Бѣльскаго, Кромера, и тогда эта разница объясняется простымъ заимствованіемъ.

[2]) *Стрыйковскій* (I, 246) опровергаетъ показаніе одной Литовской лѣтописи, въ которой говорится, что Поята дочь Кирнуса, была женой Кируса. Дѣйствительно, въ рук. *Красинскаго* (4 стр.) находится такое извѣстіе. На 316 стр. I т. *Стрыйковскій* опять опровергаетъ извѣстіе этого же лѣтописца, котораго онъ уже называетъ русскимъ, что онъ приписываетъ пять сыновей *Трабусу* вм. Римонта или Романа. (Но у Кр. 12 и Нарб. 11 ошибки нѣтъ).

былъ Писимонтъ, а по Стрыйковскому Тройнатъ. По лѣтописямъ Любартъ получилъ Корачевъ, а по Стрыйковскому еще и Черниговъ; Писимонтъ вмѣстѣ съ Туровомъ, упоминаемымъ въ лѣтописи, получаетъ Стародубье; Тройнатъ получилъ въ удѣлъ кромѣ Новгородка, о которомъ говорится въ лѣтописи, еще Подлясье и Повилейскую Литву [Нарб. 6. Позн. рук. 31. Въ рук. Красинскаго (8 стр.), Тройнатъ называется Скиргайломъ. Стр. I, 248]. О постановкѣ Куковойту памятника сыномъ его Утенусомъ взято Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей. (Позн. рук. 33. 34 Рук. Кр. 9. Въ рукоп., издан. Нарбутомъ, здѣсь пропускъ. Стр. II, 248).

О битвѣ русскихъ [1]) и литовскихъ князей за Мозыремъ на рѣкѣ Окуневкѣ съ татарскимъ царемъ Курдасомъ взято изъ лѣтописей, на которыя Стрыйковскій ссылается, говоря о продолжительности битвы. (Позн. рук. 34—37. Рук. Кр. 9. Стр. I. 249—250).

Извѣстіе о битвѣ Святослава Кіевскаго, Льва Владимірскаго и Дмитрія Друцкаго съ Рингольтомъ при Могильнѣ надъ Нѣманомъ взято Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя онъ ссылается, тоже говоря о продолжительности битвы; разсказъ въ иныхъ мѣстахъ сходенъ почти буквально. Объ участи князей русскихъ у Стрыйковскаго сказано, что они едва убѣгли до Луцка. „А другіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ“, говоритъ далѣе Стрыйковскій, „что названные князья остались на полѣ битвы“. Объ участіи князей извѣстныя намъ Литовскія лѣтописи молчатъ; точно также онѣ не называютъ по имени татарскаго хана, помогавшаго русскимъ князьямъ; Стрыйковскій же называетъ его Курдасомъ. (Нарб. 7. Позн. рук. 37—39. Рук. Кр. 10. Стр. I, 251, 252).

О Миндовгѣ, о его обращеніи съ родственниками и принятіи имъ христіанской вѣры Стрыйковскій заимствовалъ изъ „стародавняго лѣтописца“, котораго онъ досталъ у князей Заславскихъ. (Стр. I, 286—288). Сравнивая извѣстія о Миндовгѣ, помѣщенныя въ лѣтописи князей Заславскихъ, съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, мы находимъ большое сходство между ними, сходство иногда буквальное. Но извѣстія о Миндовгѣ, помѣщенныя въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, почти буквально сходны съ сводомъ южно-русскимъ; слѣдовательно, и лѣтопись князей Заславскихъ принадлежала къ одной изъ редакцій этого свода. Посмотримъ, какія особенности представляетъ лѣтопись князей Заславскихъ сравнительно съ извѣстнымъ намъ южно-русскимъ

---

[1]) У *Стрыйковскаго* противъ лѣтописей прибавленъ Святославъ князь Кіевскій.

сводомъ, помѣщеннымъ въ Ипатьевскомъ спискѣ (Лѣт. по Ипат. сп. 541—543), и въ Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ (7. 8 стр.). Вмѣстѣ съ князьями, отправленными Миндовгомъ въ походъ на Русь, находилось много Жмуди (въ Ипатьевскомъ спискѣ и лѣтописи, изданной Нарбутомъ, упоминается только объ участіи Литвы). Пришедши на Русь, по лѣтописи князей Заславскихъ, Товтивилъ занялъ Полоцкъ, Викинтъ—Витебскъ, а Эрдивилъ—Смоленкъ и въ Друцкомъ княжествѣ нѣсколько пригородковъ съ волостями. Занявши русскія области, они, для большаго единенія съ подданными, приняли и вѣру по русскому закону. Мало того, они совсѣмъ не хотѣли быть подъ верховной зависимостью Миндовга. Послѣдній, желая наказать ихъ, какъ противниковъ и измѣнниковъ, послалъ противъ нихъ свои войска. Такимъ образомъ, по лѣтописи князей Заславскихъ, Миндовгъ совсѣмъ не представляется такимъ извергомъ, который не щадилъ своихъ родственниковъ для того только, чтобы одному властвовать, и какимъ мы привыкли его себѣ представлять на основаніи словъ южно-русскаго свода лѣтописи: „нача избивати братью свою и сыновицѣ свої" (Ип. сп. 567). О посольствѣ Миндовга къ Даніилу и Васильку въ лѣтописи князей Заславскихъ не упоминается. Условія, на которыхъ ливонскіе нѣмцы согласились помогать русскимъ князьямъ противъ Миндовга, были слѣдующія: уступка имъ половины Жмудской земли до Ливоніи, половины Ятвяжской земли на Подлясьѣ Прусскимъ Крестоносцамъ и уплата военныхъ издержекъ. Объ осадѣ Миндовгомъ Полоцка въ южно-русскомъ сводѣ не упоминается. Осада была неудачна; Товтивилъ съ нѣмецкими войсками отбилъ Миндовга отъ Полоцка, поразивъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и, перемѣнивъ въ Ригѣ православную вѣру на католическую, возвратился въ Полоцкъ. Между тѣмъ русскіе князья выступили противъ Миндовга и заняли нѣсколько городовъ; между занятыми городами упоминается Мсцибоговъ, не упоминаемый южно-русскимъ сводомъ. Услышавъ объ этомъ, Миндовгъ послалъ пословъ къ Даніилу и Васильку, прося у нихъ мира; послалъ въ заложники даже своего старшаго сына Волстиника (Войшелга); объ этомъ посольствѣ тоже нѣтъ упоминанія въ южно-русскомъ сводѣ. Но Даніилъ и Василько пословъ не приняли; Волстиника отослали въ Слонимъ, а пословъ въ Волковишки, гдѣ стерегли ихъ подъ стражей. Между тѣмъ Товтивилъ съ ливонцами много зла причинилъ Литовской землѣ; а Генрихъ [1]), ливонскій гроссмейстеръ, въ

[1]) Русскій лѣтописецъ, по замѣчанію *Стрыйковскаго* (I, 287), называетъ его Андреемъ. Такъ въ Лѣт. изд. Нарб. 8.

третій разъ обѣщалъ ему помощь; хотѣлъ даже самъ выйти въ походъ—объ этомъ въ русско-южномъ сводѣ тоже ничего не упоминается. Далѣе все почти буквально сходно съ южно-русскимъ сводомъ. Оканчивается выписка изъ лѣтописей князей Заславскихъ извѣстіемъ о крещеніи Миндовга. (Стр. I, 285—288, лѣт., изд. Нарб., 7. 8) [1]).

Объ убійствѣ Миндовга и о послѣдующихъ событіяхъ до вступленія на престолъ Войшелга (Стр. I, 297—299) Стрыйковскій приводитъ подлинныя слова одного стараго литовскаго лѣтописца. Сравнивая это извѣстіе стараго лѣтописца съ извѣстіемъ о томъ же самомъ, сохраненнымъ въ южно-русскомъ сводѣ, мы видимъ иногда буквальное сходство. Но, несмотря на это, есть между этими двумя извѣстіями и значительныя разницы; именно: по стародавнему литовскому лѣтописцу, причиною отъѣзда Войшелга отъ отца къ Даніилу и Васильку была нелюбовь къ Миндовгу за то, что послѣдній оставилъ христіанскую вѣру и опять обратился къ язычеству; Войшелгъ былъ христіаниномъ-католикомъ; потомъ, принявъ православіе, поступилъ въ монахи; Даніилъ и Василько называются главными непріятелями Миндовга, такъ какъ между ними былъ споръ изъ-за границъ; Войшелгъ не могъ дойти до Св. Горы и Царьграда за дальностью дороги [2]). Миндовгъ былъ убитъ ночью во время сна; Войшелгъ, услышавъ объ убійствѣ отца, убѣжалъ въ Пинскъ въ монастырь. А Тройнатъ сталъ пановать на великомъ княжествѣ литовскомъ и жмудскомъ въ 1263 году отъ Р. Хр. „И такъ кончилось", говоритъ Стрыйковскій, „въ тотъ часъ королевство литовское вмѣстѣ съ королемъ Миндовгомъ, бывшимъ княземъ одинадцать лѣтъ, отъ 1252 года, въ которомъ былъ коронованъ". Товтивилъ, князь полоцкій, прибывъ къ брату, сталъ злоумышлять на него, имѣя уговоръ съ Войшелгомъ, который склонялъ Товтивила убить брата-язычника и обѣщалъ уступить ему всѣ права на престолъ, какъ христіанину и брату, если только онъ убьетъ Тройната; убійцы Тройната скрылись въ Пинскѣ у Войшелга. Вотъ главнѣйшія отличія стараго литовскаго лѣтописца отъ южно-русскаго свода. (Лѣтоп. по Ипат. сп. 567—569).

Извѣстіе объ убіеніи Войшелга Стрыйковскій заимствовалъ изъ лѣтописей, на которыя онъ дѣлаетъ ссылку два раза; сходство съ

---

[1]) Въ Познанской рукописи и рукописи *Красинскаго* совсѣмъ не упоминается о Миндовгѣ: у *Стрыйковскаго* тоже были списки лѣтописей, въ которыхъ о Миндовгѣ не упоминалось. (Стр. I, 253).

[2]) По лѣтописямъ: „зане мятежь бысть великъ тогда в тыхъ земляхъ" (Лѣт. по Ип. сп. 568. Лѣт., изд. Нарб., 9).

лѣтописью, изданною Нарбутомъ, иногда буквальное, но есть существенная разница; именно: Войшелгъ пріѣхалъ во Владиміръ для того, чтобы окончить миромъ войну свою со Львомъ Владимірскимъ; причина убіенія Войшелга по литовской лѣтописи—месть со стороны Льва за жестокость Миндовга относительно русской земли; по южнорусскому своду, съ которымъ это извѣстіе въ общихъ чертахъ имѣетъ сходство, причина убійства—нелюбовь Льва къ Войшелгу за то, что онъ отдалъ свое княжество Шварну. (Лѣт. по Ипат. сп. 573. Лѣт., изд. Нарб. 10. Стр. I, 305, 306). Замѣчаніе Стрыйковскаго, что со смертію Войшелга прекратилась династія Палемона, взято изъ Литовской лѣтописи. (Лѣт., изд. Нарб., 10. Стр. I, 306). О княженіи Свинторога Утенесовича и завѣщаніи его похоронить себя, а впослѣдствіи хоронить и всѣхъ князей литовскихъ, о погребеніи Свинторога и замѣтка объ обычаяхъ литовскихъ при погребеніи—все это взято изъ лѣтописей и почти буквально съ ними сходно. (Позн. рук. 40—44. Рук. Кр. 11, Лѣт., изд. Нарб., 10, 11. Стр. I, 308, 309). При извѣстіяхъ о сыновьяхъ Романовыхъ Стрыйковскій кромѣ Длугоша и Мѣховита пользовался также и лѣтописями, на что онъ самъ указываетъ, говоря о воинственномъ характерѣ младшаго изъ нихъ Тройдена. (Стр. I, 316, 317, 318, 320 и 321. Лѣт., изд. Нарб., II. 12. Рукоп. гр. Крас. 12, 13. Позн. рукоп. 47—59).

Изъ лѣтописей и при томъ почти буквально взято Стрыйковскимъ извѣстіе о враждѣ между Наримунтомъ и Довмонтомъ. (Позн. рук. 52—55. Лѣт., изд. Нарб., 12. Стр. I, 322, 323). При изложеніи извѣстій объ избраніи Тройдена на литовское княжество, о нападеніи Довмонта на Полоцкъ и убіеніи Тройдена Стрыйковскій имѣлъ въ виду и лѣтописи, какъ это видно изъ сравненія. Но у Стрыйковскаго, вѣроятно, были подъ руками списки лѣтописей болѣе подробные, чѣмъ тѣ, которые мы имѣемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сообщаются подробности, которыхъ нѣтъ въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописей, напр., что убійцы приступили къ князю подъ видомъ жалобы; перечисляются дѣти князя Гольши и Гидруса. (Лѣт., изд. Нарб., 13. Позн. рук. 57—59. Стр. I, 327). Борьба Лавраша или Римонта съ Довмонтомъ изложена согласно съ лѣтописями, на которыя есть ссылка. Рѣчь Римонта, краткая въ лѣтописи, Стрыйковскимъ распространена, хотя существенной разницы между ними нѣтъ (Лѣт., изд. Нарб., 13. Позн. рук, 60 — 63. Стр. I. 328, 329). Объ избраніи Витенеса у Стрыйковскаго сходно съ лѣтописями, на которыя онъ ссылается. (Лѣт., изд. Нарб., 13, 14. Позн. 63, 64. Стр. I, 329, 330).

Говоря о происхожденіи Гедимина, Стрыйковскій приводитъ буквальное выраженіе изъ литовскихъ лѣтописей (Ср. лѣт., изд. Нарб., 14. Позн. рук. 65, 66. I, 354). Изъ нихъ же Стрыйковскій взялъ между прочимъ извѣстія о нападеніи на Гедимина нѣмцевъ и плѣнѣ Гастольда, о войнѣ Гедимина съ южно-русскими князьями и покореніи южной Руси, о бракѣ Станислава, кіевскаго князя, съ Ольгою, дочерью рязанскаго князя, и о перенесеніи столицы въ Вильну. Этими извѣстіями Стрыйковскій пользовался впрочемъ не буквально; по большей части онъ ихъ распространялъ или извѣстіями изъ другихъ источниковъ, или чаще своими собственными разсужденіями (ср. Лѣт., изд. Нарб., 14 — 17. Позн. рук. 66, 67, 69 — 84. Стр. I, 357, 358, 363 — 366, 369 — 373). Единственная фактическая разность между Стрыйковскимъ и лѣтописями заключается въ томъ, что намѣстникомъ въ Кіевѣ Гедиминъ, по лѣтописямъ, оставилъ Ольгимунта, Миндовгова сына, князя Гольшанскаго; а по Стрыйковскому—Миндовга, князя Гольшанскаго, сына Гольши; эта разница могла произойти или отъ недосмотра Стрыйковскаго, или у него могъ находиться списокъ лѣтописи, въ которомъ такъ читалось это извѣстіе.

Сравнивая литовскую лѣтопись, изданную Нарбутомъ, съ хроникой Стрыйковскаго за время княженія Ольгерда, мы видимъ, что литовская лѣтопись вошла въ трудъ краковскаго каноника вся цѣликомъ, частію буквально, а больше перефразирована. За перечисленіемъ дѣтей Гедимина съ назначенными имъ удѣлами, перечисленіемъ, сходнымъ и въ томъ и въ другомъ трудѣ (Лѣт., изд. Нарб., 17. Позн. рук. 84, 85. Рукоп. Крас. 14. Лѣт. Авр. 1. Лѣт., изд. Поповымъ, 27. Стр. I, 381, 382), въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, идетъ небольшой разсказъ о женитьбѣ Витовта; разсказъ этотъ почти буквально вошелъ въ трудъ Стрыйковскаго. (Лѣт., изд. Нарб., 17, 18. Позн. рук. 86—88, Стр. II, 43, 44). На заимствованіе его изъ русскихъ лѣтописей указываетъ самъ авторъ.

Извѣстіе объ отнятіи Ольгердомъ и Кейстутомъ виленскаго стола у Явнута Стрыйковскій заимствовалъ изъ литовскихъ лѣтописей и только распространилъ его своими собственными вымышленными подробностями; такъ, напримѣръ, говорится, что Кейстутъ со слезами просилъ отказывавшагося Ольгерда сѣсть на виленскомъ столѣ. Одна только подробность у Стрыйковскаго имѣетъ существенное значеніе—это обозначеніе числа, когда была занята Вильна Кейстутомъ; это занятіе произошло 12 ноября (Лѣт., изд. Нарб., 18. Позн. рук. 88—91, Рук. Кр. 14, 15. Лѣт., изд. Поповымъ, 27, 28. Стр. II, 2, 3).

Извѣстіе о пораженіи татаръ у Синей воды Стрыйковскій взялъ изъ литовскихъ лѣтописей, но распространилъ его своими собственными вымышленными подробностями. Битва при Синей водѣ по литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ, была въ 1351 году, а по Стрыйковскому въ 1331 г. (Лѣт., изд. Нарб., 19. Стр. II, 6, 7).

Извѣстія о Подоліи у Стрыйковскаго (II, 7, 8, 18, 19) взяты изъ литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Поповымъ, 44 стр. Рук. Кр. 28. Лѣт., изд. Нарб., 19); точно также изъ литовскихъ и русскихъ лѣтописей взяты извѣстія о князьяхъ Коріатовичахъ, какъ самъ Стрыйковскій заявляетъ объ этомъ нѣсколько разъ (8, 18, 19). Впрочемъ между литовскими лѣтописями и Стрыйковскимъ есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разница; первый городъ, построенный Коріатовичами, былъ, по лѣтописямъ, Смотричъ, а второй Бокота; а у Стрыйковскаго наоборотъ; затѣмъ онъ опровергаетъ, на основаніи польскихъ хронистовъ Длугоша и Кромера, извѣстіе лѣтописи относительно смерти Александра Коріатовича; „литовскіе лѣтописцы", говоритъ Стрыйковскій, „свидѣтельствуютъ, что и Александръ Коріатовичъ умеръ тотчасъ послѣ братьевъ Константина и Юрія, и что Ѳедоръ, четвертый братъ, по ихъ смерти, занялъ Подолію"; то же мы читаемъ и въ литовскихъ лѣтописяхъ краткой редакціи (Лѣт., изд. Поповымъ, 45 стр. Рук. Кр. 29). О смерти Александра въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, не упоминается. (Лѣт., изд. Нарб., 19. Стр. II, 19). Далѣе у Стрыйковскаго относительно Ѳедора Коріатовича сказано, что онъ умеръ въ изгнаніи въ Венгріи, — этого нѣтъ въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ литовскихъ лѣтописяхъ (это извѣстіе, вѣроятно, и взято не изъ лѣтописей).

О нападеніи Ольгерда на Москву (Лѣт., изд. Нарб., 20, 21. Стр. II, 10 — 12) Стрыйковскій взялъ изъ литовскихъ лѣтописей, писанныхъ по-русски, какъ онъ самъ заявляетъ. Сравнивая это извѣстіе съ записью въ литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ, мы находимъ значительное сходство, но много и разностей; такъ у Стрыйковскаго разсказывается, что Ольгердъ держалъ у себя пословъ, присланныхъ къ нему Дмитріемъ Іоанновичемъ, и отпустилъ ихъ только тогда, когда уже съ войскомъ былъ у Можайска, около котораго онъ имѣлъ стоянку; вѣсть о нападеніи Ольгерда застигла князя идущимъ въ церковь къ утрени; по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, князь узналъ о прибытіи Ольгерда, идя изъ церкви отъ утрени; по Стрыйковскому, Ольгердъ въѣзжалъ въ добровольно отворенныя ворота города и сокрушилъ копье о стѣны кремля; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ,

не сказано, что онъ въѣзжалъ въ городъ, но сказано только, что онъ прислонилъ копье къ стѣнѣ; впрочемъ Стрыйковскому были извѣстны лѣтописи и этой редакціи; „а другіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ", замѣчаетъ онъ, „что онъ (Ольгердъ) только приставилъ копье, чтобы Москва помнила, что Литва съ Ольгердомъ приставляла свое копье подъ замокъ московскій" (Стр. II, 12). Почти то же самое мы читаемъ и въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ. Относительно границъ, положенныхъ по миру, заключенному между Ольгердомъ и Дмитріемъ Іоанновичемъ, Стрыйковскій приводитъ два свидѣтельства: по однимъ лѣтописцамъ, Ольгердъ требовалъ, чтобы граница была по рѣкѣ Угрѣ; по другимъ, чтобы по Можайскъ и по Угру; утверждена была граница съ одной стороны по Можайскъ и съ другой по Угру; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, граница была по Можайскъ и Коломну. (Лѣт., изд. Нарб., 21. Стр. II, 12).

Извѣстіе о Гастольдѣ взято изъ лѣтописей; такъ, говоря о томъ, что Гастольдъ былъ воеводою Подольскимъ, Стрыйковскій ссылается на русскія лѣтописи. (Лѣт., изд. Нарб., 20. Стр. II. 14). Весь разсказъ о водвореніи католическихъ монаховъ въ Литвѣ, убійствѣ ихъ и наказаніи убійцъ Ольгердомъ во многомъ напоминаетъ намъ лѣтопись, изданную Нарбутомъ. Фактическая разница между нашею редакціею литовской лѣтописи и той, которою пользовался Стрыйковскій, заключается только въ слѣдующемъ: виленскіе граждане убили монаховъ, когда Гастольдъ былъ въ Цѣхоцинѣ; по нашей редакціи, въ походѣ подъ Москвою; слова, съ которыми обратились виленскіе граждане къ монахамъ, по Стрыйковскому, были слѣдующія: „Плывите на томъ сосудѣ, который вы намъ приказывали прославлять и о которомъ вы намъ проповѣдывали" (Стр. II, 14). По лѣтописи, изданной Нарбутомъ, мятежники говорили монахамъ, привязаннымъ ко крестамъ и пущеннымъ по Виліи: „съ захода солнца пришли, на заходъ и ступайте. Зачѣмъ истребили нашихъ боговъ"? (Лѣт., изд. Нарб., 21, 22).

Перечень дѣтей Ольгерда Стрыйковскій взялъ изъ лѣтописей; этотъ перечень сходенъ съ подобнымъ же перечнемъ, находящимся въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 12. Стр. II, 57, 58). Извѣстіе о числѣ женъ у Ольгерда Стрыйковскій тоже заимствовалъ изъ старыхъ лѣтописцевъ русскихъ и литовскихъ, „соглашая ихъ для отысканія правды цѣлыхъ пятнадцать". Первая жена у Ольгерда была Іуліанія, а вторая Марія; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, наоборотъ. Безъ сомнѣнія, изъ литовскихъ же лѣтописей

взялъ Стрыйковскій перечень дѣтей Кейстута [1]) и объ отношеніяхъ Ольгерда и Кейстута къ своимъ сыновьямъ Ягайлу и Витовту. (Лѣт., изд. Нарб., 22, 23. Стр. II, 58. 59).

Разсматривая описаніе событій, слѣдовавшихъ за смертію Ольгерда: непріязнь между Ягайломъ и Кейстутомъ, плѣнъ Ягайла, захватъ Ягайломъ въ плѣнъ Кейстута и Витовта, освобожденіе послѣдняго и бѣгство его къ нѣмцамъ, мы видимъ, что Стрыйковскій пользовался въ значительной степени при описаніи этихъ событій лѣтописнымъ разсказомъ, хотя есть указанія на то, что у него были подъ руками и другіе источники. Лѣтописями Стрыйковскій пользовался не буквально; по большей части краткій лѣтописный разсказъ онъ распространялъ несущественными вставками, передавалъ своими словами, иногда же сокращалъ. Собственныя слова дѣйствующихъ лицъ у Стрыйковскаго не сохранены: передана только мысль подлинника. Существенныхъ отличій разсказа Стрыйковскаго отъ лѣтописей не много. Перечислимъ ихъ: Войдилло по литовскимъ лѣтописямъ получилъ Лиду въ управленіе при Ольгердѣ, у Стрыйковскаго при Ягайлѣ послѣ женитьбы Войдилла на княгинѣ Маріи; у Стрыйковскаго говорится, что когда нѣмцы [2]) съ литовскими и русскими войсками осаждали Полоцкъ подъ Андреемъ Горбатымъ, сыномъ Кейстута, въ то же самое время самъ Ягайло съ прусскими нѣмцами пришелъ противъ самого Кейстута. О нападеніи Кейстута на Ягайло у Стрыйковскаго разсказывается подробнѣе; у него объ этомъ говорится такъ: сначала Кейстутъ послалъ триста мужей испытанной вѣрности, шляхтичей жмудскихъ, которые, придя въ Вильну, размѣстились по гостинницамъ; потомъ на четырехъ стахъ подводахъ отправилъ шестьсотъ человѣкъ, скрытыхъ подъ шкурами, сѣномъ и соломой; а наконецъ и самъ тайно двинулся отъ Трокъ съ тысячью казаковъ; тотчасъ по взятіи Вильны, Кейстутъ велѣлъ повѣсить на Лысой горѣ Войдиллу, который заварилъ это пиво [3]); въ лѣтописяхъ говорится, что

---

[1]) Между сыновьями Кейстута у Стрыйковскаго пропущенъ Андрей Полоцкій, и самые князья перечислены не въ томъ порядкѣ, какъ въ лѣтописи.

[2]) Объ участіи нѣмцевъ говорится только въ Рук. Кр. 16 и познанской (Prochaska, Latopis Litewsky, 11 стр.). Впрочемъ едва ли Стрыйковскій пользовался въ данномъ случаѣ подлинными списками лѣтописей, а не латинскимъ переводомъ сказанія о междоусобной войнѣ Ягайла и Кейстута; на эту мысль наводитъ одна общая ошибка; именно въ числѣ убійцъ Кейстута вездѣ называется „Билгинъ“; очевидно, испорченное лѣтописное: „были иныи“.

[3]) Такъ, впрочемъ, и въ Позн. рк.

Войдиллу Кейстутъ велѣлъ повѣсить, когда отправлялся въ походъ подъ Новгородъ-Сѣверскъ. О погребеніи Кейстута по языческому обряду Стрыйковскій взялъ, вѣроятно, изъ Бѣльскаго и другихъ польскихъ хронистовъ. Въ числѣ подвергшихся казни отъ Ягайла за смерть Войдиллы былъ Видимонтъ, тесть Кейстута; всѣ его имѣнія въ Жмуди и Литвѣ Ягайло отдалъ Монтивиду, литовскому пану, до котораго онъ былъ ласковъ, *по свидѣтельству лѣтописцевъ.* (Стр. II, 66 стр.). Въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописей объ этомъ не упоминается. По Стрыйковскому Витовтъ сначала убѣжалъ къ Янушу, мазовецкому князю, а отсюда къ прусскимъ нѣмцамъ; въ лѣтописяхъ сказано прямо, что онъ бѣжалъ къ прусскимъ крестоносцамъ. По возвращеніи отъ нѣмцевъ, Витовтъ получилъ отъ Ягайло Луцкъ съ Волынью и всю Подолію; при этомъ Стрыйковскій ссылается на литовскихъ лѣтописцевъ. Въ литовскихъ лѣтописяхъ, изд. Поповымъ и Нарбутомъ, а также лѣт. Аврамки, про Подолію ничего не говорится [о ней упоминается въ рук. Крас. (21 стр.) и Позн. 116 стр.]; изъ этихъ разногласій Стрыйковскаго съ напечатанными литовскими лѣтописями мы въ правѣ заключить, что онъ имѣлъ подъ руками списки литовскихъ лѣтописей, отличающіеся отъ списковъ изданныхъ лѣтописей. (Лѣт., изд. Нарб., 23—27. Стр. II, 60—67).

Извѣстіе о нападеніи Ягайла на Польшу и плѣненіи Креста Господня Стрыйковскій взялъ (въ иныхъ мѣстахъ почти буквально) изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя онъ нѣсколько разъ ссылается. Впрочемъ, между лѣтописью, бывшею въ рукахъ у Стрыйковскаго, и лѣтописью, изданною Нарбутомъ, есть нѣкоторая разница: имени Радзивилла нѣтъ въ послѣдней; совѣтъ закидать Завихвостъ кіями по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, принадлежитъ Ягайлу, по Стрыйковскому тоже Радзивиллу. (Лѣт., изд. Нарб., 27, 28. Стр. II, 68, 69).

Говоря о женихахъ Ядвиги, Стрыйковскій опровергаетъ русскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ, которые называютъ женихомъ Фридриха, князя Померанскаго; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, женихъ называется тоже Фридрихомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 28. Стр. II, 73).

Разсказъ о нападеніи князя Андрея Полоцкаго съ ливонскими и прусскими нѣмцами на Литву Стрыйковскій составилъ изъ извѣстій Длугоша и лѣтописныхъ. Изъ лѣтописи взято слѣдующее: о нападеніи Святослава Смоленскаго на Витебскъ и Оршу; жестокость, съ которою онъ велъ войну, описывается тѣми же самыми словами, какъ и въ лѣтописи; изъ лѣтописи же взято описаніе осады Мстиславля и извѣстіе о сынѣ Святослава — Юріи. Но нѣкоторыя

данныя заставляютъ предполагать, что Стрыйковскій пользовался нѣсколько иными списками литовскихъ лѣтописей, чѣмъ тѣ, которые мы имѣемъ въ печатныхъ изданіяхъ; такъ у него Святославъ по жестокости сравнивается съ Нерономъ и Камбизомъ, по лѣтописямъ съ Антіохомъ Сирійскимъ и Юліаномъ Отступникомъ; приводится подробность относительно смерти Святослава; именно, что онъ былъ насквозь пронзенъ пикой однимъ литвиномъ [1]). (Лѣт., изд. Нарб., 29—31. У. З. А. Н. I, 35, 36. Лѣт. Авр. 8, 9. Рук. Кр. 22, 23. Стр. II, 76, 77).

Излагая борьбу Витовта съ Ягайломъ по хроникамъ Длугоша, Мѣховита и Кромера, Стрыйковскій имѣлъ подъ руками русскія и литовскія лѣтописи, на которыя онъ два раза дѣлаетъ ссылки,—одинъ разъ приводя извѣстіе, что Жмудь была заложена нѣмцамъ за 300 т. злотыхъ, а въ другой разъ опровергая ихъ показаніе, что Витовтъ занялъ нижній городъ; дѣйствительно, въ литовскихъ лѣтописяхъ говорится, что Витовтъ взялъ „кривый городъ", а кривой городъ иначе называется нижнимъ городомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 31. 32. Лѣт., изд. Поповымъ, 37. Лѣт. Авр. 11. Рук. Кр. 25. Стр. 84, 85, 89). Перечисленіе князей, убитыхъ подъ Вильной, сдѣлано согласно съ литовскими лѣтописями; только въ послѣднихъ называются: князь Иванъ и Левъ Плаксичъ, а у Стрыйковскаго Иванъ Львовичъ (тамъ же).

Извѣстія о битвѣ Витовта съ Корибутомъ и занятіи Новгородъ-Сѣверскаго княжества, объ отнятіи Кіева у Владиміра Ольгердовича, о смерти Скиригайла, о занятіи Витовтомъ Подоліи [2]) и судьбѣ ея

---

[1]) Такъ и въ русскихъ лѣтописныхъ сборникахъ. См. Новг. IV. (П. С. Р. Л. IV. 93), Соф. I (V, 240); впрочемъ изъ изложенія Стрыйковскаго не видно, чтобы онъ пользовался извѣстіемъ, вошедшимъ въ эти сборники.

[2]) По мнѣнію *Стрыйковскаго* (II, 104), Подолія была завоевываема литовскими князьями два раза: въ первый разъ Ольгердомъ въ 1339 г., а во второй Витовтомъ въ 1395 г., и два были Ѳедора Коріатовича — одинъ былъ выгнанъ Ольгердомъ, а другой Витовтомъ. Это объясняется тѣмъ, что въ полномъ сводѣ Литовскихъ лѣтописей завоеваніе Подоліи приписывается Ольгерду (Лѣт., изд. Нарб., 19, 20), а въ краткомъ — Витовту (У. З. А. Н. I, 45, Рук. Кр. 29), хотя извѣстія въ обоихъ сводахъ буквально сходны. Говоря о завоеваніи Подоліи Ольгердомъ, *Стрыйковскій* пользовался извѣстіемъ, вошедшимъ въ полный сводъ, такъ какъ сказано, что, завоевавъ Подолію и плѣнивъ Нестака-воеводу, Ольгердъ посадилъ въ Каменцѣ Гастольда. Объ этомъ Гастольдѣ упоминается только въ полномъ сводѣ. (Лѣт., изд. Нарб., 20. Стр. II 18). Кромѣ того невѣрно сказано у *Стрыйковскаго*, что Ѳедоръ Коріатовичъ былъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Вильну; по лѣтописямъ Витовтъ „воеводу князя Ѳедорова поймалъ", а самъ князь убѣжалъ къ венграмъ.

при Витовтѣ заимствованы Стрыйковскимъ (Стр. II, 101—104) изъ литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 33, 34. Лѣт. Авр. 12—15. Рук. Кр. 26, 27. Лѣт., изд. Поп., 38—40), на которыя онъ дѣлаетъ ссылки нѣсколько разъ. О борьбѣ Витовта съ князьями Стрыйковскій краткія лѣтописныя извѣстія по большей части распространяетъ. Есть впрочемъ нѣсколько новыхъ извѣстій, которыхъ нѣтъ въ литовскихъ лѣтописяхъ; именно: Корибутъ Ольгердовичъ въ борьбѣ съ Витовтомъ получилъ помощь отъ князя Тверскаго; по занятіи Новгорода онъ былъ посланъ въ оковахъ съ семействомъ въ Вильну; послы Ягайла уговорили Владимира Кіевскаго добровольно уступить Кіевъ Витовту и не сопротивляться ему. О смерти Скиригайла, равно какъ и о судьбѣ Подоліи при Витовтѣ, Стрыйковскій почти буквально взялъ изъ лѣтописей.

Въ главѣ о Подоліи (II, 105—107) Стрыйковскій пользовался русскими и литовскими старыми лѣтописцами, изъ которыхъ приводитъ обширные отрывки: о передачѣ Витовтомъ половины Подоліи Ягайлу и объ обратномъ возвращеніи ея Витовту; по сличеніи эти отрывки оказываются сходными съ извѣстными намъ сказаніями о Подоліи. (У. З. И. А. Н. I. 45. 46. Позн. рук. 148—152. Кр. рук. 30. О захватѣ Подоліи поляками послѣ смерти Витовта и объ убіеніи Довгирда, Подольскаго воеводы, см. также II, 178, 179) [1]. Въ спискѣ, бывшемъ у Стрыйковскаго, занятіе ея Витовтомъ отнесено къ 1394 г., а возвращеніе ея Ягайломъ вторично Витовту къ 1423 г. (II, 105. 106).

Извѣстіе о томъ, какъ Витовтъ отнялъ у Свидригайла Витебскъ, Стрыйковскій заимствовалъ изъ лѣтописей, съ которыми разсказъ его имѣетъ большое сходство; есть впрочемъ нѣкоторыя добавленія, заимствованныя изъ другихъ источниковъ; именно: говорится, что Свидригайло, увидѣвъ, что Витебскъ отданъ въ управленіе Ѳедору Веснѣ, убѣжалъ къ нѣмцамъ и, возвратившись оттуда, убилъ Весну. О бѣгствѣ къ нѣмцамъ въ лѣтописяхъ нѣтъ. Витовтъ занялъ сначала

---

[1]) *Стрыйковскій* опровергаетъ извѣстіе объ убіеніи Довгирда, указывая на то, что въ лѣтописяхъ подъ 1440 г. Довгирдъ упоминается виленскимъ воеводою. Дѣйствительно упоминаніе о немъ находится во всѣхъ спискахъ лит. лѣт. (Лѣт., изд. Нарб., 48. У. З. И. А. Н. 51. Рук. Кр. 36). Подобное же опроверженіе находится у *Стрыйковскаго* еще на 198 стр. II т. Въ рук. Кр. про Довгирда сказано, что его „забили"; въ рук., изд. Поповымъ, „иняли". У *Стрыйковскаго* были списки, сходные съ рук. Кр., такъ какъ и онъ ссылается на лѣтописи, въ которыхъ есть выраженіе „sabili".

Оршу, а потомъ Друцкъ; въ лѣтописяхъ наоборотъ. (Лѣт., изд. Нарб., 33. У. З. А. Н. I. 39. Рук. Кр. 26. Лѣт. Авр. 13. Стр. II, 108, 109).

Извѣстіе о нападеніи Витовта на Смоленскъ и завоеваніи его Стрыйковскій, безъ сомнѣнія, взялъ изъ лѣтописей, на которыя онъ нѣсколько разъ дѣлаетъ ссылки. Сходство Стрыйковскаго съ извѣстными намъ лѣтописями почти буквальное. (Лѣт., изд. Нарб., 34. 35. У. З. А. Н. I. 40. 41. Рук. Кр. 28. Стр. II, 110, 111) [1]).

Почти буквально Стрыйковскимъ взято изъ лѣтописей извѣстіе о свиданіи Василія Дмитріевича съ Витовтомъ (цѣль свиданія—борьба съ Темиръ-Кутлуемъ—не указана въ лѣтописи) и нападеніи Витовта на рязанское княжество. (Лѣт., изд. Нарб., 35. У. З. А. Н. I. 41. Рук. Кр. 28. Стр. II, 111).

Изъ Литовскихъ лѣтописей взятъ Стрыйковскимъ перечень русскихъ князей, убитыхъ въ битвѣ на Ворсклѣ. (Лѣт., изд. Нарб., 36. У. З. А. Н. I. 42. Стр. II, 116).

Стрыйковскій опровергаетъ разсказъ лѣтописей русскихъ и литовскихъ объ условіи, заключенномъ между Ягайломъ и Витовтомъ въ Перемышлѣ относительно престолонаслѣдія, при чемъ дѣлаетъ выписку изъ нихъ почти буквальную, со ссылкою на источникъ. (Лѣт., изд. Нарб., 40. 41. Стр. II, 118).

Разсказъ о нападеніи въ 1401 г. Юрія Святославича съ Олегомъ рязанскимъ на Смоленскъ Стрыйковскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей, съ которыми сходство почти буквальное [2]). (Лѣт., изд. Нарб., 36. Стр. II, 120). Извѣстіе о томъ, что смоленское княжество было обращено въ воеводство и присоединено къ литовскому княжеству, взято не изъ лѣтописей. Въ краткомъ сводѣ Литовскихъ лѣтописей и въ русскихъ сводахъ походъ Витовта представляется неудачнымъ. (У. З. А. Н. I. 42. 43. Новг. IV, 105. Супр. рук., изд. Обол. 136. Соф. I, V, 252. Воскр. VIII, 75, Рук. Крас. 32. Бѣлокуровъ, 56).

Хотя у Стрыйковскаго изложено стихами о войнѣ съ московскимъ княземъ и объ установленіи границъ между Литвой и Москвой по рѣку Угру, тѣмъ не менѣе можно замѣтить, что Стрыйковскій имѣлъ

---

[1]) У *Стрыйковскаго* былъ списокъ родственный напечатанному по рукописи Красинскаго: въ обоихъ сказано, что Юрій Святославовичъ получилъ отъ Витовта городъ Жеславль; между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ спискахъ названъ Рославль.

[2]) Но ближе къ полному своду, такъ какъ сказано, что Смольняне убили Романа Брянскаго, Витольдова воеводу; по краткому своду Романъ Брянскій убитъ Витовтомъ.

въ виду Литовскія лѣтописи; такъ поводъ къ войнѣ, самый съѣздъ Витовта съ Василіемъ Московскимъ и эпизодъ съ литвинскимъ паномъ Андреемъ изложены согласно съ Литовской лѣтописью. (Лѣт., изд. Нарб., 37. 38. Стр. II, 122, 123).

Въ стихотворномъ описаніи битвы при Танненбергѣ Стрыйковскій взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей имена литовскихъ предводителей Ивана Зедевида и Яна Гаштольда, ведшихъ литовцевъ въ битву. (Лѣт., изд. Нарб., 40. Стр. II, 130).

Извѣстіе о нападеніи Витовта на Псковъ и Новгородъ Стрыйковскій взялъ изъ лѣтописей, на которыя онъ ссылается. Разсказъ испещренъ собственными разсужденіями автора. Существенная разница между Стрыйковскимъ и лѣтописью заключается въ опредѣленіи количества дани, которую обязались платить новгородцы съ псковитянами. Новгородцы должны были платить, по Стрыйковскому, 10 тыс. злотыхъ, по сту фрезовъ нѣмецкихъ, по десяти сороковъ всякихъ шкуръ („въ другихъ лѣтописяхъ", замѣчаетъ онъ, „по сороку"); а псковичи платятъ половину; по лѣтописи, изданной Нарбутомъ, новгородцы давали Витовту выхода по десяти тысячъ золотыхъ, по сорока „hynstow, kotoryi nyni zowut fryzy", по сорока сороковъ шкуръ собольихъ, рысьихъ, куньихъ, лисьихъ, горностаевыхъ и бѣличьихъ. (Лѣт., изд. Нарб., 39. Стр. II, 151. 283).

О женахъ Витовта у Стрыйковскаго буквально сходно съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ. (Лѣт., изд. Нарб., 39. Стр. II, 155).

О съѣздѣ въ Луцкѣ и о стремленіи Витовта украситься королевской короной у Стрыйковскаго разсказано по польскимъ историкамъ; изъ литовскихъ же лѣтописей взятъ перечень князей и владѣтельныхъ особъ, бывшихъ въ Луцкѣ, и списокъ продовольствія, отпускавшагося ежедневно Витовтомъ на пропитаніе гостей; перечень этотъ ближе подходитъ къ перечню, сохраненному въ полномъ сводѣ; а упоминаніе о подаркахъ, полученныхъ Цезаремъ отъ Витовта, и между прочимъ о турьемъ рогѣ, находится только въ этомъ сводѣ (Лѣт., изд. Нарб., 42—44. Стр. II, 168—170).

На литовскую лѣтопись указываетъ Стрыйковскій, опровергая показаніе ея относительно причины, по которой послы не могли придти съ королевской короной къ Витовту (Лѣт., изд. Нарб., 44. Стр. II. 173), относительно времени женитьбы Ягайла на Софіи и ея происхожденія [1]) (Лѣт., изд. Нарб., 36, 37. Стр. II, 159).

---

[1]) По Стрыйковскому, свадьба была не въ 1405 г. послѣ взятія Смоленска,

На литовско-русскія лѣтописи ссылается Стрыйковскій, говоря, что Литва при Витовтѣ давала царей сначала татарамъ заволжскимъ, а потомъ перекопскимъ. Дѣйствительно, въ Похвалѣ Витовту упоминается (У. З. И. А. Н. 49, 50. Рук. Кр. 35) о томъ, что онъ давалъ татарамъ царей.

О размолвкѣ Свидригайла съ Ягайломъ изъ за Подоліи у Стрыйковскаго (II, 179) сходно съ лѣтописью, изд. Нарбутомъ (45 стр).

При описаніи борьбы Свидригайла съ Сигизмундомъ Стрыйковскій отчасти пользовался литовскими лѣтописями; такъ изъ нихъ взято извѣстіе о помощи Свидригайлу со стороны Тверскаго князя; при перечнѣ князей, взятыхъ въ плѣнъ и убитыхъ въ битвѣ при Ошмянахъ, Стрыйковскій тоже, кажется, пользовался лѣтописями, и этотъ перечень ближе подходитъ къ лѣтописямъ краткой редакціи, чѣмъ полной; извѣстіе о войнѣ 1433 г. тоже во многомъ напоминаетъ литовскія лѣтописи. (Уч. З. И. А. Н. 50—59. Рук. Кр. 36, 37. Лѣт., изд. Нарб., 46, 47. Стр. II, 187—189). Извѣстія о нападеніи Свидригайла на русскую землю, о потопленіи кн. Семена Гольшанскаго (по лѣтописямъ Михаила) и объ осадѣ Мстиславля Сигизмундомъ при значительномъ сходствѣ у Стрыйковскаго съ лѣтописями представляютъ существенную разницу, состоящую въ томъ, что по лѣтописямъ походъ представляется неудачнымъ, а по Стрыйковскому удачнымъ. (Лѣт., изд. Нарб., 47. Стр. II, 190. У. З. И. А. Н. 52. Рук. Кр. 37). Въ рук. Кр. и лѣт., изд. Нарб., сказано, что Сигизмундъ пошелъ на „русскую землю"; такъ и у Стрыйковскаго; въ лѣт., изд. Поповымъ, „на Литовьскоую"; значитъ у Стрыйковскаго были рукописи сходныя съ первыми списками.

Извѣстія о смерти Сигизмунда, великаго князя литовскаго, объ освобожденіи изъ темницы Олелька и Юрія Лунгвеневича, объ отправленіи Юрія Гольшанскаго въ Берестье, Стрыйковскій заимствовалъ изъ Литовскихъ лѣтописей; разсказъ его во многомъ напоминаетъ лѣтописный разсказъ; фактическія разницы хотя и есть, но несущественныя; онѣ слѣдующія: заговорщики въ каждомъ возу сѣна скрыли по два человѣка, въ лѣтописи по пяти; по Стрыйковскому убійца Сигизмунда называется Иваномъ, по лѣтописи Александромъ; кромѣ того у Стрыйковскаго есть подробность, не встрѣчающаяся въ

какъ въ лѣтописяхъ, а въ 1422 г., и Софія, супруга Ягайла, была дочерью не Андрея Ольгимунтовича Гольшанскаго, а Андрея Ивановича Друцкого. Въ лит. лѣт. излагается именно то, что опровергаетъ Стрыйковскій; опроверженіе лѣтописей о происхожденіи Софіи есть и дальше (II, 261).

извѣстной намъ Литовской лѣтописи: убитый князь на саняхъ былъ вывезенъ на озеро. Всѣ эти различія слѣдуетъ отнести на счетъ той редакціи Литовскихъ лѣтописей, которою пользовался Стрыйковскій. (Лѣт., изд. Нарб., 48—50. Стр. II, 202—205).

Изложивъ разсказъ объ избраніи Казимира Ягелловича на литовскій столъ по польскимъ историкамъ Длугошу, Мѣховиту, Кромеру, Ваповскому, Стрыйковскій приводитъ разсказъ литовскихъ лѣтописцевъ какъ объ избраніи Казимира, такъ и о первыхъ шагахъ его дѣятельности; разсказъ этотъ почти буквально сходенъ съ литовскою лѣтописью, изданною Нарбутомъ; разница заключается въ слѣдующемъ: тетка Михаила, княгиня Мазовецкая, въ лѣтописи называется Янушовей, у Стрыйковскаго Болеславовой; Юрій Носута передался Михаилу съ городами Бѣльскомъ, Дрогичиномъ и Минскомъ; перечисленія городовъ въ лѣтописи нѣтъ. Во всемъ остальномъ сходно. (Лѣт., изд. Нарб., 51, 52. Стр. II, 206, 207) [1]).

О волненіи въ Смоленскѣ и Жмуди Стрыйковскій почти буквально взялъ изъ Литовскихъ лѣтописей [2]). (Лѣт., изд. Нарб., 52 — 54. Стр. II, 208, 209).

При описаніи войны литовскаго князя съ Москвою Стрыйковскій преимущественно пользовался польскими историками; но у него были и Литовскія лѣтописи, на которыя онъ ссылается, говоря, что война Литвы съ Москвою происходила во время похода московскаго князя на татаръ, когда онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ подъ Суздалемъ. Дѣйствительно въ краткомъ сводѣ Литовскихъ лѣтописей есть подобное извѣстіе. (У. З. А. Н. I. 56, 57. Позн. рук. 194. Рукоп. Красинск. 41 [3]). Бѣлокуровъ 78. Стр. II, 210).

Дальнѣйшія извѣстія: о возвращеніи Михаила Сигизмундовича въ свою отчину, о попыткѣ его захватить Казимира, бѣгствѣ въ Москву

---

[1]) Стрыйковскій опровергаетъ показаніе лѣтописей относительно возраста Казимира, при вступленіи его на престолъ; именно ему было не 13 л., какъ въ лѣтописяхъ, а 16; кромѣ того онъ былъ посаженъ на столъ не въ Брестѣ, а въ Вильнѣ—оба опровергаемыя извѣстія читаются въ лѣт., изд. Нарб.

[2]) И при томъ по списку, сходному съ изданнымъ Нарбутомъ; потому что какъ въ лѣтописи, такъ и у Стрыйковскаго сказано, что польскія войска стояли подъ Смоленскомъ „*три* недѣли"; въ краткихъ сводахъ (У. З. И. А. Н. 55. Рук. Кр. 40. Бѣлокурова 77) „полтрѣтьи".

[3]) Въ рук. Кр. сказано, что „москвичи, собравшися за девять *дней*"; у Стрыйковскаго сказано, что литовцы 9 дней опустошали русскія волости; въ рук. изд. Поп. о дняхъ ничего не сказано („за Ф и Х", т.-е. число относится къ москвичамъ). Значитъ, Стрыйковскій пользовался спискомъ близкимъ къ рук. Кр.

и смерти, а также о возвращеніи Олельку Ольгердовичу Кіева, о возвращеніи Свидригайла изъ Валахіи въ Литву, о смерти Довгирда, о назначеніи Казимиромъ Ацгирея Перекопскимъ царемъ по просьбѣ татаръ—всѣ эти извѣстія иногда буквально вошли въ хронику Стрыйковскаго изъ Литовскихъ лѣтописей. (Лѣт., изд. Нарб., 55, 56. Стр. II. 211—213).

Выписка у Стрыйковскаго изъ лѣтописцевъ русскихъ и литовскихъ о сеймѣ поляковъ и литовцевъ въ Парцовѣ почти буквально сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ (Нарб. 57, 58. Стр. II. 232, 233). Ссылка на лѣтопись о причинахъ неудачи этого сейма (II, 236).

Что Стрыйковскій пользовался Литовскими лѣтописями при стихотворномъ описаніи несчастной битвы, данной Казимиромъ прусскимъ крестоносцамъ (а не Георгію Подибраду, какъ въ лѣтописи), подъ Хойницами, на это онъ самъ указываетъ нѣсколько разъ, какъ при самомъ описаніи битвы, такъ и при указаніи лѣтописныхъ недостатковъ (Лѣт., изд. Нарб., 58—60. Стр. II, 241—247 [1]).

О смерти Олелька Владимировича, внука Ольгердова, взято изъ Литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 61. Стр. II, 248).

Выписка у Стрыйковскаго о помощи, которую литовцы оказали Казимиру противъ прусскихъ крестоносцевъ (въ лѣтописи противъ Георгія Подибрада), почти буквально сходна съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ (Нарб., 60. Стр. II, 248, 256).

Извѣстіе подъ 1460 г. о смерти Виленскаго воеводы Яна Гастольда взято изъ Литовскихъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 61. Стр. II, 257).

О смерти епископа Кафинскаго Симона въ Кіевѣ при извѣстіи о взятіи Кафы турками вошло въ трудъ Стрыйковскаго изъ лѣтописей, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ (Лѣт., изд. Нарб., 61. Стр. II, 280).

На Литовскія лѣтописи ссылается Стрыйковскій (II, 285) и дѣ-

---

[1]) Такъ, согласно съ лѣтописями показано, что литовцы послали полякамъ на помощь 5 т. подъ начальствомъ Судимонтовича и другихъ воеводъ (241), которые при королѣ во время битвы оставались одни, между тѣмъ какъ всѣ разбѣжались; что Воль, одинъ изъ воеводъ, далъ ему своего коня и стрѣлялъ въ нѣмцевъ (244); разсказъ о поздравленіи короля паномъ Рутвянскимъ и отвѣтъ короля изложенъ по лѣтописямъ съ слѣдующимъ добавленіемъ: въ лѣтописи сказано: „Lytwa.... krowiju sia obmywajut“; у Стрыйковскаго: „Polacyz Litwą przy mnie krowią się własną myli.“; доказывается (245, 246, 256) ошибочность лѣтописи относительно разсказа ея о битвѣ и приводится изъ нея нѣсколько буквальнымъ выдержекъ.

лаетъ изъ нихъ буквальную выписку (II, 288) о томъ, что Казимиръ находился въ Литвѣ семь лѣтъ (Лѣт., изд. Нарб., 62).

Извѣстіе о заключеніи договора между Казимиромъ и Стефаномъ, воеводою Волошскимъ, и о съѣздѣ ихъ при Коломыѣ, Стрыйковскій составлялъ по разнымъ источникамъ, между которыми находились и Литовскія лѣтописи (Нарб. 61, 62. Стр. II, 287, 288). По указанію Стрыйковскаго, изъ лѣтописи взято имъ извѣстіе о томъ, что съ воеводою Стефаномъ былъ посланъ и сынъ Казимира, Янъ Альбрехтъ; въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, сказано только, что Казимиръ послалъ съ нимъ „королевичей".

Дальнѣйшія извѣстія: о прибытіи короля въ Литву, куда прибѣжалъ къ нему тверской князь Михаилъ Борисовичъ, и о выпаденіи снѣга 21-го мая, взяты изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя у Стрыйковскаго есть ссылки (Лѣт., изд. Нарб., 62. Стр. II, 288).

При извѣстіи о смерти Казимира Стрыйковскій тоже пользовался Литовскими лѣтописями, изъ которыхъ взято извѣстіе о раздѣленіи владѣній между его сыновьями, и есть ссылка при обозначеніи дня смерти (Лѣт., изд. Нарб., 62, 63. Стр. II, 291).

Извѣстія о занятіи московскимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ нѣкоторыхъ городовъ и областей литовскихъ, о женитьбѣ Александра на московской княжнѣ Еленѣ, о прибытіи королевы матери въ Вильну, о сеймѣ въ Парцовѣ взяты изъ Литовскихъ лѣтописей почти буквально (Лѣт., изд. Нарб., 63, 64. Стр. II. 295—298).

При описаніи похода Яна Альбрехта на Валашскаго воеводу Стефана Стрыйковскій пользовался Литовскими лѣтописями тамъ, гдѣ дѣло касалось Литвы; именно изъ Литовскихъ лѣтописей взято извѣстіе объ отказѣ литовцевъ идти за своимъ княземъ, такъ какъ онъ съ ними не посовѣтовался, и объ отправленіи Александромъ вспомогательнаго отряда на помощь брату (Лѣт., изд. Нарб., 65. Стр. II, 299). Кромѣ того есть нѣсколько ссылокъ на Литовскія лѣтописи (Стр. II, 302, 303, 304. Лѣт., изд. Нарб., 66, 67).

Извѣстія о пораженіи литвою татаръ около Бряславля, о распространеніи французской болѣзни и о голодѣ въ Литвѣ взято изъ лѣтописей (Лѣт., изд. Нарб., 67. Стр. II, 304).

О назначеніи гетманомъ князя Константина Острожскаго Стрыйковскимъ взято почти буквально изъ Литовскаго лѣтописца, на котораго онъ ссылается (Лѣт., изд. Нарб., 65. Стр. II, 305).

Извѣстія о войнѣ съ Москвой 1499 г., о Ведрошской битвѣ, объ осадѣ Смоленска и Мстиславля москвитянами, объ опустошеніи та-

тарами Волыни и Подоліи, о назначеніи Александромъ въ маршалы Михаила Глинскаго Стрыйковскій взялъ почти буквально изъ Литовскихъ лѣтописей, на которыя онъ нѣсколько разъ дѣлаетъ ссылки. Разсказъ его очень сходенъ съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ; но были у него и другіе лѣтописные списки, изъ которыхъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, взяты имена нѣкоторыхъ (именно: Ивана Яцинича, Юрья Воловича, Федора Немиру, Богдана Маскевича) раненыхъ въ битвѣ при Ведрошѣ, которые убѣжали рѣкою въ лѣсъ; оттуда же, вѣроятно, взято изложеніе причинъ второй войны съ Москвою; именно: то, что князь Александръ не построилъ церкви для своей супруги, и желаніе московскаго князя занять русскія области, находившіяся подъ владычествомъ Литвы. Фактическихъ отступленій отъ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, у Стрыйковскаго мало, и они незначительны: напримѣръ, въ числѣ городовъ, укрѣпленныхъ Александромъ, Стрыйковскій называетъ Оршу; кромѣ Люблина упоминается и еще нѣсколько городовъ, опустошенныхъ татарами; чехъ, нанятый на службу Александромъ Литовскимъ, у Стрыйковскаго называется Яномъ Чернымъ, въ лѣтописи Яномъ Гирнинымъ (Лѣт., изд. Нарб., 67—71. Стр. II, 308—311). Эта разница могла произойти отъ недосмотра переписчика.

Извѣстіе объ опустошеніи заволжскимъ царемъ Шихъ-Ахматомъ, сыномъ Ахмата, пришедшимъ на помощь литовскому князю, волостей Московскаго князя, очень сходно съ Литовскою лѣтописью, изданною Нарбутомъ (Нарб., 71, 72; Стр. II, 313). Только въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, нѣтъ упоминанія о пораженіи Менгли-Гирея Шихъ-Ахматомъ и о числѣ войскъ послѣдняго. Въ виду близкаго сходства обоихъ повѣствованій можно предположить, что или въ лѣтописи, изданной Нарбутомъ, въ данномъ случаѣ пропускъ, или у Стрыйковскаго находился другой списокъ лѣтописи. Мы болѣе склонны къ послѣднему предположенію.

Извѣстіе о пораженіи Шихъ-Ахмата Менгли-Гиреемъ взято Стрыйковскимъ изъ лѣтописи почти буквально (Лѣт., изд. Нарб., 72; Стр. II, 316). О желаніи Шихъ-Ахмата бѣжать послѣ пораженія къ Баязету турецкому взято не изъ лѣтописи, а изъ Мѣховита, которымъ Стрыйковскій пользовался при изложеніи этого событія.

Извѣстія о заключеніи перемирія между московскимъ государемъ и литовскимъ княземъ на шесть лѣтъ, объ опустошеніи татарами литовской земли, о пораженіи литовскаго войска на рѣкѣ Узѣ, о вторичномъ опустошеніи перекопскими татарами Литвы и двукратномъ

нападеніи ихъ на Слуцкъ [1]), о смерти князя Симеона Слуцкаго, объ истребленіи Махметомъ, казанскимъ ханомъ, въ Казани всѣхъ московскихъ купцовъ, о смерти воеводы кіевскаго, князя Дмитрія Путятича, и старосты луцкаго, Семена Гольшанскаго, и о назначеніи на ихъ мѣста—взяты Стрыйковскимъ изъ Литовскихъ лѣтописей. При этомъ, имѣя въ виду, что эти извѣстія почти буквально сходны съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, и при томъ Стрыйковскій ссылается при нѣкоторыхъ фактахъ на одного только *лѣтописца*, мы въ правѣ предположить, что этотъ лѣтописецъ принадлежалъ къ одному разряду съ тѣмъ, который извѣстенъ намъ по изданію Нарбута (Нарб. 72—74; Стр. II, 317—319).

Извѣстія о причинѣ гнѣва короля Александра на литовскихъ бояръ, о сеймахъ въ Брестѣ-Литовскомъ и Радомлѣ Стрыйковскій, какъ онъ самъ заявляетъ нѣсколько разъ, взялъ изъ лѣтописца. Сравнивая разсказъ Стрыйковскаго съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ, мы опять видимъ почти буквальное сходство, что̀ вновь наводитъ насъ на мысль, что у Стрыйковскаго былъ подъ руками списокъ лѣтописей, сходный съ такъ называемой лѣтописью Быховца [2]) (Нарб. 74, 75; Стр. II, 324, 325).

При описаніи нападенія татаръ на литовскую землю Стрыйковскій, безъ сомнѣнія, пользовался Литовскою лѣтописью, какъ это видно изъ сравненія конца этого извѣстія (начала въ рукописи, съ которой Нарбутъ издалъ Литовскую лѣтопись, не достаетъ) съ повѣствованіемъ Стрыйковскаго; польскими хронистами: Кромеромъ, Мѣховитомъ и другими, онъ пользовался при обозначеніи числа плѣнныхъ, уведенныхъ татарами (Лѣт., изд. Нарб., 74; стр. II, 326, 327) [3]).

О морѣ въ Минскѣ и другихъ мѣстахъ Литвы взято изъ лѣтописи (Лѣт., изд. Нарб., 74; стр. II, 328).

Извѣстіе о пораженіи московской рати подъ Казанью почти бук-

---

[1]) Съ пропускомъ нѣсколькихъ строкъ по лѣтописи отъ словъ: „y newiedaiuczy ni oczom...“ до „powidaiuczy o tom“ (Лѣт., изд. Нарб., 73; Стр. II, 318). Тутъ же *Стрыйковскій* опровергаетъ показанія лѣтописи, что эти событія были въ 1502 году.

[2]) Впрочемъ, по извѣстію этого лѣтописца, второй сеймъ былъ не въ Радомлѣ, а въ Сандомирѣ, что *Стрыйковскій* опровергаетъ (Стр. II, 322).

[3]) *Стрыйковскій* неоднократно ссылается на лѣтопись по вопросамъ хронологическимъ; такъ онъ опровергаетъ неправильныя показанія ея годовъ смерти Іоанна III, нападенія татаръ, сейма въ Брестѣ и года прибытія короля Александра въ Вильну и приводитъ по разнымъ случаямъ буквальныя изъ нея выдержки. Неправильныя даты и приводимыя выдержки вполнѣ согласуются съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ.

вально сходно съ лѣтописью, изданною Нарбутомъ. (Нарб. 74, 75; стр. II. 328).

О пораженіи татаръ подъ Клецкомъ Стрыйковскій взялъ изъ разныхъ источниковъ (Кромера и Мѣховита); между прочимъ пользовался и Литовскими лѣтописями, на которыя онъ ссылается. Страницы 331 и 332 у Стрыйковскаго иногда почти буквально сходны съ 75 и 76 страницами Литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ.

Итакъ, разсмотрѣвъ хронику Стрыйковскаго и сличивъ ее съ Литовскими лѣтописями, мы видимъ, что сообщаемыя ею извлеченія и ссылки, которыхъ разсѣяно въ его трудѣ до 180 [1]), въ значительной степени подтверждаются извѣстными намъ списками Литовскихъ лѣтописей [2]).

---

[1]) I, 55, 56, 57, 60, 65, 67, 73, 79, 81 (два раза), 83, 84, 85, 86 (три раза), 87, 229, 234, 235, 236, 237 (три раза), 239, 242, 243 (четыре раза), 244, 245 (четыре раза), 246 (два раза), 249, 252 (три раза), 253, 287, 288, 297, 298, 299, 305, 306, 314, 316, 320, 321 (два раза), 322 (два раза), 324, 328, 329, 348, 349 (два раза), 353, 354, 356, 357, 358, 371 (два раза), 386. II, 3, 6, 8, 11 (два раза), 12, 14, 18, 19, 41, 43, 58, 66, 67, 68 (два раза), 69 (три раза), 73, 84, 85, 98, 103, 104, 105, 106, 108, 110 (два раза), 111 (два раза), 113, 118, 120, 140, 145, 151, 157, 159, 168, 169, 173, 178, 198, 206 (два раза), 207, 211, 226, 229, 232, 236, 243, 244 (пять разъ), 245 (два раза), 246 (два раза), 248, 255, 256, 257, 261, 265, 272, 280, 283, 284, 285, 287, 288 (два раза), 291, 295, 299, 302 (два раза), 303, 304 (два раза), 305, 308, 309, 310 (два раза), 311, 313, 316, 317, 318, 321 (четыре раза), 322, 323, 325, 326, 328, 329, 331, 332.

[2]) Извѣстій, сообщаемыхъ *Стрыйковскимъ* изъ Литовскихъ лѣтописей и не находящихся въ изданныхъ до сихъ поръ спискахъ, очень немного; въ разныхъ мѣстахъ мы на нихъ указывали; укажемъ на остальныя: подъ 1397 г. говорится о битвѣ литовцевъ подъ начальствомъ воеводы Витовтова Ольгерда съ татарами, когда погибли три татарскихъ царевича (Стр. II, III), и о счастливомъ походѣ самого Витовта, пригнавшаго въ Литву цѣлую татарскую орду (II, 113). Эти извѣстія приводятся имъ на основаніи *Кромера*, заимствовавшаго ихъ въ свою очередь изъ литовскихъ лѣтописей; затѣмъ *Стрыйковскій* (II, 284) опровергаетъ показаніе Русской лѣтописи относительно времени и причины отъѣзда изъ Литвы въ Польшу короля Казимира въ 1479 г., когда король согласился съ Ахматомъ воевать Москву. „Лѣтописецъ русскій,—говоритъ *Стрыйковскій*:—относитъ это событіе къ 1471 г. и причину полагаетъ въ томъ, что чешскіе послы по смерти Георгія Подибрада пришли къ королю съ просьбою дать имъ въ короли Владислава; но Георгій Подибрадъ, на мѣсто котораго былъ избранъ Владиславъ, умеръ въ 1471 году; такъ что русскій лѣтописецъ ошибся на 8 лѣтъ“. Изъ всѣхъ русскихъ лѣтописей, въ которыхъ находится извѣстіе о походѣ Ахмата, только въ одной Новгородской IV лѣтописи приводится причина, почему Казимиръ не пришелъ на помощь къ Ахмату, но не та, которую опровергаетъ *Стрый-*

Стрыйковскій пользуется Литовскими лѣтописями самымъ разнообразнымъ образомъ: то онъ приводитъ изъ нихъ болѣе или менѣе значительныя выдержки для подтвержденія извѣстій, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, то съ цѣлью показать ихъ ошибочность въ фактическомъ или хронологическомъ отношеніяхъ; иногда разсказъ, составленный по постороннимъ источникамъ, онъ подтверждаетъ авторитетомъ лѣтописи; иногда же въ разсказъ, составленный по лѣтописямъ, онъ дѣлаетъ ту или другую вставку изъ польскихъ или нѣмецкихъ хронистовъ.

Послѣ сличенія монументальнаго труда Стрыйковскаго съ Литовскими лѣтописями, послѣ провѣрки его цитатъ, трудно уже говорить о недобросовѣстности почтеннаго каноника, называть сочиненіе его полубаснословнымъ и недостойнымъ вѣры, какъ это дѣлали до сихъ поръ: онъ пользовался своими источниками по большей части добросовѣстно, насколько позволяли ему его научныя силы, а потому онъ достовѣренъ настолько, насколько достовѣрны его источники.

И. Тихомировъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Извѣстія въ хроникѣ Стрыйковскаго относительно древнѣйшаго періода исторіи Литвы, не находящіяся въ изданныхъ лѣтописяхъ.

Roku Bożego 401, powstał jest Atila, ktory zwan jest Bicz Boży, ktory wyszedł od rzeki Juhri, a Jura i teraz jest w ziemi Jwaka Cara, ojca jego zwali Mandazig, wyszedł z trzema braty swoimi: Aczar, Rohas i Bledą, wyszedł morzem Oceanem i przyszedł w morze ziemkię, które jest między Francią i Hispanią, a gdy wszedł w to morze, w ten czas niesiono z Britaniej Krolewnę imieniem Orsulę, za Syna krola Angelskiego, przy której krolewniey bylo jedenaście tysiąc panien. Atyła samę krolewnę i tych wszystkich jedenaście ty-

---

ковскій: „а король самъ къ нему не поидетъ“, сказано въ ней: „ни силы своея не посла, понеже бо бѣша ему свои усобицы“ (П. С. Р. Л. IV, 154); на русскія лѣтописи есть ссылка (I, 324) при извѣстіи о нападеніи пруссовъ и жмуди на тевтонскихъ рыцарей; на старыхъ русскихъ лѣтописцевъ ссылается *Стрыйковскій* (I. 349), приводя извѣстіе, что въ 1307 г. литовцы взяли Полоцкъ, но только они не пишутъ, какъ и подъ кѣмъ; на I, 358 стр. есть указаніе на подробное извѣстіе въ русскихъ лѣтописяхъ о нападеніи нѣмцевъ на жмудь; ссылка на лѣтописи есть при извѣстіи о благосклонности Ягайла къ Монвиду (II, 66); на II, 265 есть ссылка на русскія лѣтописи, въ которыхъ говорится, что литовцы на Петроковскомъ сеймѣ сильно говорили о Подоліи.

siąc panien przy niej zabił, a ony dla imienia Chrystusowego stały się męczennicami. To pierwsze uczinił okrucieństwo nad narodem chrześciańskim. Potym obszedł ziemię Francuzką i Włoską i poszedł morzem do ziemie Charwackiej, tam wyszedl z morza i wziął przez moc ziemię Karwacką. Podbił też ziemię Węgerską i zbudował zamek Budzyń i nazwał się ie królem węgerskim, a bracia jego Athar i Rohas pomarli. A gdy budował Budzyń i obwodził mur około miasta, w ten czas trzeciego brata swego Bledona zabił, a sam królował na wszystkiéj ziemi Węgierskiej i podbił pod moc swoję wiele państw i opanował ich, i jeszczę z początku jako przesladował chrześtiaństwo, tak osiadwszy na tym państwie, w żadnej rzeczy umysłu swego nie odmienił, ale się jeszcze tym więtszym przesliadowcą stał nad Chrześściany. I zebrawszy pięć set ludu swojego, pociagnął na ziemię Włoską, i przyszedł pod miasto, którę zowią Aquileja, kiore miasto w ten czas było pod cesarzem Marcianem, i obegnał Aquileją, a to miasto było bardzo mocne, i rycerstwem rzymskim dobrze opatrzone, przeto gdy go nie mogł rychło dostać, nie chciał dłużéj czasu trawić, pociągnął dalej w ziemię Włoską ku Rzymowi, a xiażęta i senatorowie, którzy byli [1]) w tym mieście, bacząc tak wielką moc ludu jego okrutnego, byli ogarnieni strachem wielkim i rozbiegli się z miasta, a niektórzy pobiegli do ribołowow swych i poczęli się budować na ostrowie, które miasto nazwalo sie potym Wenecią. (Стр. I, 56 и 57).

Kajdan, carz Zawolski, hetman, albo towarzysz carza Batego (bo go tak Miechovius pisze) jako był zniewolił xiążęta Ruskie w ich niezgodzie i do tributu albo dani włożonej przymusił i baskaki albo starosty i poborce swoje w Ruskich xięstwach chował, tak i w ten czas skoro usłyszał iż nowe Xiążę Erdziwił, z niesłychanego sobie Żmodzkiego narodu, Nowogrodzkie, Podlaskie, Brzeskie, Drohiczinskie i insze, od Wiliej az do Możera, xięstwa Ruskie opanował, posłał do niego jako był zwykł do inszych xiążąt Ruskich, baskaki i poborce swoje, upominając się dani, dochodow i posłuszeństwa z tych xięstw Ruskich, które trzymał, aby zarazem wszystko zapłacił, jakohołdownik. Co usłyszawszy Erdziwił, wziął sobie na rozmyślenie, a potym sprosną bojaźń, dla nieśmiertelnej sławy i wolnosci miłej na stronę odłożywszy, posłow zatrzymał, obiecując im w rychle dań hołdowną zgotować i odesłać carzowi. A w tym cicho wojska Ruskie, (slubując im ku pierwszej wolności do gardła przeciw sprosnym Tataram pomoc) spissował i zbierał; też brata Wikinta, Zmodzkie, i Zywibunda, Litewskie xiążąta, obesłał, prosząc o gwałtowny ratunek według braterskiej spolnej i powinnej sąsiedzkiej milosci. A gdy sią już Ruskie wojsko niemałe do niego ze wszech stron, wolności chęcią zapalone, Zebrało i pomodc z Żmodzi i z Litwy przybyła, zaraz onym posłam dań wypowiedzial, a carzowi Kajdanowi parę strzal miasto słotych kleinotow poslal, i odprawiwszy ich, sam za nimi ku Mozerowi nad Pripieczą ciągnął, gdzie miał wieść o carzu Kajdanie, iż tamtą stroną przez Dniepr miał się z hordą przeprawić na wojowanie i plundrowanie zwykłe Ruskich krain. A gdy posłowie carzowi Kajdanowi onę zuphałą odpowiedz Erdziwiłowę i upominki, parę strzał oddali, wnet się z onej lekkośći hołdownika swego (jako mniemał) rozgniewawszy, wojsko hordy Zawolskiej przez

---

[1]) Съ этого слова начинается лѣтопись, изданная Нарбутомъ.

Dniepr przeprawił, a przyciągnąwszy pod Mozer i zagony na burzenie Ruskiej ziemie rospuśćiwszy, sam się kossem położył nad Dnieprem na uściu Perepiecy. A w tym Erdziwił z Rusia, z Nowogrodzany, Słonimsczany, Pinsczany i z Zmodzkim i Litewsktm poszilecznym wojskiem, puszczami bez wieści przyciągnąwszy, uderzył na świtaniu z wielkim okrzykiem na kosz Tatarski, gdzie sam carz głowąlezał. Tatarowie też acz się mężnie za zdrowie carskie i z zuchfalstwa wrodzonego bronili, wszakże niegotowi a bezpieczni, odgotowych Russaków, którym szło o przywrócenie wolnosći utraconych i od Litwy przełomieni, tak iz rożno i tam i sam po lassach, po błotach i starzynach się rozpierschnęli; na placu ich tez wielkość poległa, a sam carz ledwow małej drużynie uciekł, inszy w Dnieprze i w Perepieczy potonęli, drugich po różnych zagonach snadnie, gdy głowa zfankowała, Russacy pogromili i łupy wszystki z więźniami wyswobodziwszy, wrocili się do Nowogrodka z xiążęciem swoim Erdżiwiłem, który to pirwsze zwycięstwo z Litwą nad Tatary otrzymał. (Стр. I. 238 и 239).

Ginwil z Pskowiany i z Smoliensczany dłuą wojnę wiódł, i spór o granice przyległe. (Стр. I, 241).

Xiążę Boris wiodł też wojnę dla spólnych granic z Smolensczany, z Witebskim xięzęciem i ze Pskowiany.

Reçhwold ten Pskowiany długą wojną przymusił do hołdu i postąpienia niktórych wołośći, które byli od xięstwa Połockiego oderwali. (Стр. I, 242),

Po tym zwycięstwie, które nad Kurdassem Zawolskim carzem Trojnata Skirmuntowic otrzymał, Algimunta syna w Nowogrodku na stolicy swojej zostawił, a sam do Starodubia, Czerniehowa, Karaczowa, i do Turowa odjechał, wwiązał się w ty xięstwa Siewierskiej Ruskiej ziemie, które nań spadły prawem przyrodzonym po Lubarcie i Pissimontu, bratach rodzonych, w przerzeczonej bitwie od Tatar zabitych.

Algimuntum mial trochę zatarzki z Dawidem Mścisławowicem, xiążęciem Luckim i Bełskim o granice Podlaskie, Brzeskie.

Tegoż też czassu Utenus, albo Utinuerus, xiążę Żmodzkie i Litwy Zawilijskiej, umarł, a za żywota swojego zlecił w opiekę Ringoltowi, syna jedynaka Swintoroha, w dziecinnych leciech, xięstwa też Żmodzkie, Litewskie i Kurskie, polecił mu w obronę wespołek z synem. A tak Ringolt gdy się wwiązal w Żmodzką i Litewską ziemię, jako opiekun, a k temu miał ojczystych xięstw Ruskich kilko, zwłaszcza: Nowogrodzkie, Siewierskie, Starodubskie, Karaczowskie, Turowskie, Cernihowskie i Podlaskie, dopiero się począł pisać Wielkim Xiędzem Litewskim, Żmodzkim i Ruskim, którego tytulu przedtym jego przodkowie nie używali, ani używać mogli, bo ty państwa zawżdy osobne pany miewały. (Стр. I, 250. Извѣстія эти находятся и въ познанской рукописи).

Nalazlem też w starych latopiszczach, z których mam kilko exemplarzów, iż Litwa roku 1307 Połocko wzięła, ale jako i pod kim, nie pisze. (Стр. I, 349).

ЛАТИНО-ШВЕДСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ДЕРПТѢ И ВЪ ПЕРНОВѢ ВЪ XVII И НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА.

Городъ Юрьевъ, основанный съ этимъ именемъ великимъ княземъ Ярославомъ I, сыномъ Владиміра Святого, въ 1030 году [1]) и позднѣе принявшій другое названіе, извѣстное въ многочисленныхъ измѣненіяхъ несомнѣнно эстонскаго происхожденія и породившее собою позднѣйшее нѣмецкое „Dorpat“ и русское „Дерптъ“ [2]), послѣ почти 200-лѣтняго владычества русскихъ перешелъ въ 1224 году во власть ордена меченосцевъ и вскорѣ сдѣлался мѣстомъ пребыванія особаго Дерптскаго епископа; подъ властію епископовъ, Дерптъ пробылъ болѣе 300 лѣтъ, когда въ 1558 году покоренъ былъ царемъ Іоанномъ Грознымъ; въ 1582 году онъ перешелъ къ Польшѣ и оставался въ числѣ польскихъ владѣній до 1625 года, когда долженъ былъ уступить силѣ войскъ короля Густава Адольфа, включившаго Дерптъ въ составъ новыхъ пріобрѣтеній шведской короны. Въ эти почти шестьсотъ лѣтъ своей исторіи Юрьевъ-Дерптъ, переходя отъ одного характера управленія къ другому, то свободный, то подчиненный чужой волѣ, видѣлъ дни славы и униженія, силы и слабости, богатства и бѣдности, процвѣтанія и упадка; но, занимая центральное положеніе въ краѣ, будучи долгое время членомъ Ганзейскаго торговаго союза, онъ постоянно видѣлъ надъ собой движеніе жизни, и среди городовъ старой Ливоніи немного можно назвать

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. товарищества „Общественная Польза“, кн. I, 206.

[2]) *Meyer*, *L.*, Ueber den Namen Dorpat. „Nordlivländische Zeitung“, 1898, №№ 58, 59, 60.

такихъ, которые бы болѣе его подвергались разнообразнымъ перемѣнамъ судьбы.

Шведское господство въ XVII вѣкѣ застало Ливонію въ полномъ упадкѣ. Постоянныя войны почти совершенно убили земледѣліе, промышленность и торговлю; коренное, латышское и эстонское, населеніе обѣднѣло и погружалось въ невѣжество и грубость; школъ почти не существовало. Густавъ Адольфъ, этотъ „первый евангелическій государь своего времени", горячій сторонникъ и носитель высокихъ идеаловъ нравственно-религіознаго просвѣщенія, овладѣвъ Ливоніей, немедленно же обратилъ вниманіе на ея внутреннее устройство и на созданіе лучшихъ условій жизни. Генералъ-губернаторомъ Ливоніи, съ присоединеніемъ къ ней Кореліи и Ингерманландіи, назначенъ былъ одинъ изъ выдающихся по уму, образованію и энергіи государственныхъ шведскихъ людей того времени Іоаннъ Скитте, вполнѣ входившій въ намѣренія своего государя и преданный ему сотрудникъ.

Изъ ливонскихъ городовъ Дерптъ въ особенности привлекъ на себя вниманіе короля какъ въ силу прежняго значенія этого города въ странѣ, такъ и по его положенію въ срединѣ Ливоніи и по довольно раннимъ успѣхамъ въ немъ дорогого королю протестантизма, главнымъ образомъ благодаря проповѣди Мельхіора Гофмана и Сильвестра Тегельмейера, въ 1524—1525 годахъ. Дерптъ долженъ былъ, по мысли короля, сосредоточить въ себѣ не только высшія, судебное и церковно-административное, учрежденія края („гофъ-герихтъ" и „оберъ-консисторіумъ"), но и сдѣлаться центромъ просвѣщенія для Ливоніи. 13-го октября 1630 года открыта была въ Дерптѣ „королевская гимназія", явившаяся съ задачами высшаго учебнаго заведенія — приготовлять лицъ, способныхъ занять въ странѣ духовныя и свѣтскія должности; въ ней преподавались математика, краснорѣчіе, юриспруденція, медицина, языки еврейскій, греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, латышскій и эстонскій, а также нѣкоторыя „свободныя искусства". Для преподаванія въ этой гимназіи назначено было 8 профессоровъ; такъ какъ поступленіе въ нее ожидалось и со стороны бѣдныхъ классовъ населенія, то учреждены были отъ правительства стипендіи и пропитаніе натурою для извѣстнаго числа учащихся за весьма дешевую плату [1]). Это учебное

[1]) Офиціальное объявленіе объ этомъ учрежденіи, отъ 18-го августа 1630 года, по повелѣнію короля, отъ лица Іоанна Скитте, см. въ сочиненіи проф. *Сом-*

заведеніе съ самаго же начала обнаружило столько жизнеспособности, оказалось столь отвѣчающимъ нуждамъ края, что не замедлила возникнуть мысль о преобразованіи его въ настоящую „академію“ или „университетъ“, со всѣми особенностями, средствами, правами и обязанностями подобныхъ же высшихъ учебныхъ заведеній въ Западной Европѣ.

1. Первый латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ (1632—1656).

Король Густавъ Адольфъ подписалъ декретъ о преобразованіи Дерптской гимназіи въ университетъ 30-го іюня 1632 года въ лагерѣ подъ Нюренбергомъ, за четыре мѣсяца до своей смерти (въ сраженіи при Люценѣ, въ Саксоніи 6-го ноября 1632 года). Въ этомъ декретѣ король, желая обезпечить всестороннее благосостояніе завоеванныхъ провинцій, опирающееся на „страхѣ Божіемъ и справедливости“, объявлялъ о своемъ рѣшеніи достигнуть поставленной цѣли путемъ основанія высшаго учебнаго заведенія въ Дерптѣ; университетъ долженъ былъ состоять изъ обычныхъ четырехъ факультетовъ—богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Для новаго учебнаго заведенія не было издано особаго устава; ему просто были усвоены всѣ тѣ постановленія и привилегіи, которыми пользовался старый Упсальскій университетъ, основанный еще въ 1476 году [1]).

Въ отношеніи преподавательскаго состава новый университетъ, или, какъ онъ тогда назывался, Academia Gustaviana, организованъ былъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ факультетѣ положено было четыре профессора, на юридическомъ—два, на медицинскомъ—два, на философскомъ — одиннадцать (въ частности: на политику, этику, физику, исторію и древности, восточные языки, греческій языкъ, краснорѣчіе, логику и поэтику—по одному, а на математику—два [2]); кромѣ того, былъ преподаватель французскаго языка. Высшими

меніуса „Regiae academiae Gustavo-Carolinae sive Dorpato-Pernaviensis historiae. V. I, Lundae 1796“, стр. 7—9, по латыни, и въ современной событію „реляціи“ проф. *Меніуса*, въ Archiv für die Geschichte Liv,- Ehst- und Kurlands, B. VII. Reval. 1854, стр. 247—249, по-нѣмецки.

[1]) Декретъ напечатанъ у *Бакмейстера* „Nachrichten von den ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau“ въ Sammlung Russischer Geschichte Мюллера, ч. I, изд. 1777, стр. 179 — 182; у *Соммеліуса*, назв. соч. стр. 16 — 19; у *Меніуса*, назв. соч. стр. 260 — 262. Постановленія Упсальскаго университета перепечатаны *А. Бухгольцемъ* въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv,- Ehst- und Kurlands, B. VII. Riga. 1854, стр. 202—208.

[2]) *Соммеліусъ*, стр. 19 — 20; *Меніусъ*, стр. 263; у *Бакмейстера*, стр. 182 —

начальниками университета были канцлеръ и проканцлеръ, назначавшіеся королемъ и являвшіеся посредниками между университетомъ и королевской властью. Внутреннее управленіе университета принадлежало коллегіи профессоровъ, во главѣ которой стоялъ ректоръ, утверждавшійся въ этой должности канцлеромъ; спеціальные вопросы по преподаванію разрѣшались въ факультетахъ, которые, совмѣстно съ ректоромъ, вырабатывали и планъ преподаванія на каждый предстоящій семестръ; планъ этотъ утверждался канцлеромъ и до начала занятій публиковался отдѣльной брошюрой. Профессора обязаны были читать какъ „публичныя" лекціи, такъ и вести частныя занятія (privatissima) со студентами, а также принимать участіе въ диспутахъ и произносить при разныхъ случаяхъ рѣчи. Университетъ представлялъ собою и судебное учрежденіе для его членовъ, какъ учащихъ, такъ и учащихся, при чемъ первой инстанціей былъ ректоръ, второй—коллегія профессоровъ, а третьей и послѣдней — канцлеръ. Посѣщеніе университета учащимися обезпечено было закономъ, по которому каждый, желавшій вступить на государственную службу или быть учителемъ въ государственной или частной школѣ, долженъ былъ выдержать соотвѣтственный экзаменъ въ университетѣ; кромѣ того, въ немъ обязанъ былъ подвергнуться особому коллоквіуму по части вѣроученія всякій, кто желалъ отправиться заграницу для продолженія своихъ занятій. На содержаніе университета назначено было ежегодно 5.333$^1/_4$ рейхсталера, при чемъ эта сумма должна была получаться отъ доходовъ съ особо указанныхъ на то имѣній въ Ингерманландіи [1]).

Назначенный канцлеромъ университета генералъ-губернаторъ Іоаннъ Скитте, особой публикаціей отъ 21-го сентября 1632 года, опредѣлилъ день торжественнаго открытія его 15-го октября того же года. Торжество это въ назначенный день дѣйствительно состоялось—вѣроятно, въ зданіи бывшей „гимназіи" [2])—въ присутствіи канцлера,

---

183, не показанъ профессоръ этики. Болѣе подробно, но съ нѣкоторой разницей въ числѣ профессоровъ по факультетамъ, противъ указанныхъ источниковъ, см. въ Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VI. Reval. 1850, стр. 108—109.

[2]) *Schirren*, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands B. VII. Riga. 1854, стр. 7—8; *Backmeister*, назв. соч., стр. 183—184.

[2]) По словамъ *Бакмейстера*, назв. соч. стр. 178, гимназія помѣщалась „in dem gewesenen Jesuitencollegio in der Steinstrasse", но гдѣ именно было это мѣ-

профессоровъ, представителей лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, городовъ Риги, Ревеля, Пернова, Нарвы и Дерпта, гофъ-герихта Лифляндіи, Ингерманландіи и Кореліи, духовенства и многочисленнаго собранія разныхъ другихъ приглашенныхъ лицъ. Первую рѣчь, на латинскомъ языкѣ, держалъ канцлеръ Іоаннъ Скитте, въ которой указывалъ на цѣли, руководившія королемъ при рѣшеніи преобразовать Дерптскую гимназію въ университетъ, и на средства достиженія этихъ цѣлей совокупными усиліями будущихъ членовъ новаго учрежденія; на эту рѣчь отъ имени университета отвѣчалъ профессоръ краснорѣчія М. Г. Ольденбургъ, выразившій благодарность королю за его высокій просвѣтительный подвигъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе и надежду, что вновь основанный университетъ будетъ въ состояніи выполнить то дѣло, къ которому онъ призывается волею монарха; далѣе слѣдовала проповѣдь профессора богословія А. Виргиніуса на текстъ изъ 117 псалма, послѣ которой профессоръ Г. Манцеліусъ произнесъ латинскую рѣчь на тему „о совѣсти". Затѣмъ, первымъ ректоромъ университета провозглашенъ былъ сынъ канцлера Яковъ Скитте, а проректоромъ профессоръ Виргиніусъ. Названныя части торжества отдѣлялись одна отъ другой музыкой соотвѣтствующаго характера. Кромѣ того, по окончаніи своей рѣчи канцлеръ университета предъявилъ и прочелъ упомянутую выше учредительную грамоту короля, а въ концѣ торжества ректору переданы были уставъ университета, книга матрикулъ, печать, ключъ отъ карцера, ректорская мантія и два серебряныхъ скипетра, какъ эмблема двойной, административной и судебной, власти главы университета [1]).

Первый шведскій университетъ въ Дерптѣ существовалъ 24 года. Основатель его скончался, какъ упомянуто, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его открытія, и дальнѣйшая жизнь перваго высшаго разсадника наукъ въ Дерптѣ протекла первыя 12 лѣтъ (1632 — 1644) въ правленіе опекуновъ малолѣтней королевы Христины (род. 8-го декабря 1626), дочери Густава Адольфа, а потомъ 10 лѣтъ (1644—1654)

сто соотвѣтственно нынѣшнему плану города, съ точностью указать мы не имѣемъ возможности.

[1]) Объ этомъ торжествѣ мы знаемъ изъ упомянутой выше „реляціи" проф. *Меніуса*, бывшаго очевидцемъ этого событія и напечатавшаго свое описаніе тогда же, въ Дерптѣ въ 1632 году, отдѣльно; перепечатано оно цѣликомъ въ Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VII. Reval. 1854, стр. 242—271.

подъ самостоятельнымъ управленіемъ королевы; остальные два года (1654—1656) прошли подъ правленіемъ короля Карла X. Опекунское управленіе отнеслось весьма сочувственно къ университету, чтя въ немъ слѣды просвѣтительной дѣятельности Густава Адольфа; за университетомъ остались всѣ дарованныя ему королемъ-основателемъ матеріальныя средства и разныя права и привилегіи; въ 1639 и 1640 годахъ выстроено было для него новое зданіе [1]) и освящено 2-го ноября 1641 года; позднѣе королева пожертвовала университету собраніе книгъ весьма разнообразнаго содержанія по предметамъ, входящимъ въ составъ наукъ богословскихъ, медицинскихъ, юридическихъ и философскихъ.

Положенныя по штату профессуры для новаго университета не могли быть замѣщены сразу; нѣкоторыя лица занимали одновременно двѣ каѳедры. Изъ профессоровъ прежней гимназіи назначены были профессорами университета шесть лицъ (именно: Манцеліусъ, Раикусъ, Савоніусъ, Ольденбургъ, Меніусъ и Варнеке); остальные приглашены были частію изъ Швеціи, но главнымъ образомъ изъ Германіи [2]); вообще въ первомъ шведскомъ университетѣ въ Дерптѣ, въ теченіе всего времени его существованія, въ составѣ профессоровъ значительное большинство принадлежало нѣмцамъ и меньшинство—шведамъ. Преподаваніе велось, по обычаю того времени, на латинскомъ языкѣ, который употреблялся въ извѣстныхъ случаяхъ и какъ языкъ офиціальныхъ документовъ; переписка университета съ канцлеромъ производилась частью по-нѣмецки, частью по-шведски, т.-е. именно обращенія университета къ канцлеру писались обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ, а обратныя—на шведскомъ [3]); въ устномъ обиходѣ универ-

---

[1]) Сколько можно заключать по планамъ стараго Дерпта, это зданіе находилось по теперешней Яковлевской улицѣ, противъ праваго крыла нынѣшняго главнаго университетскаго зданія, по лѣвую сторону отъ большой аллеи, ведущей отъ университета на Домскую гору; въ настоящее время мѣсто это не застроено и составляетъ часть парка Домской горы. Сообщеніемъ картъ и разъясненіями въ указанномъ смыслѣ обязанъ я любезности университетскаго архитектора Р. Ф. Гулеке.

[2]) Перечень ихъ именъ, съ біографическими данными и указаніями на ихъ труды, имѣется у *Фоммеліуса* въ назв. соч. стр. 158—291, а также въ статьѣ *А. Бухгольца* „Verzeichniss sämmtlicher Professoren der ehemaligen Universitäten zu Dorpat und Pernau und der academischen Beamten“, въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VII, стр. 163—175.

[3]) *Aug. Buchholtz*, назв. ст., стр. 177.

ситетской жизни рядомъ съ тремя названными языками употреблялся еще и финскій.

Вызовъ изъ-за границы нѣмецкихъ ученыхъ для перваго шведскаго университета въ Дерптѣ объясняется не столько давними историческими связями Ливоніи съ Германіей, сколько тогдашней скудостью ученыхъ силъ въ самой Швеціи. Шведское правительство смотрѣло на Ливонію какъ на завоеванную силою оружія страну, и это обстоятельство, въ связи съ духомъ обособленности нѣмецкаго элемента въ краѣ, было одной изъ немаловажныхъ причинъ того обоюднаго отчужденія двухъ національностей, которое на первыхъ же порахъ не замедлило явиться въ профессорской средѣ новаго университета; къ этому присоединилось самолюбіе, обидчивость, невоздержность въ словахъ и поступкахъ и извѣстная эксцентричность, особенно свойственная ученому сословію того времени; наконецъ—разнаго рода денежные счеты, соперничество изъ-за постороннихъ должностей, въ виду недостаточной обезпеченности жалованьемъ; все это вмѣстѣ давало множество поводовъ къ столкновеніямъ между собою членовъ университетской ученой корпораціи, нерѣдко влекшимъ за собою жалобы и разнаго рода обращенія къ высшему начальству въ лицѣ канцлера [1]).

Дѣйствительно, матеріальное положеніе университета было весьма непрочно и средства недостаточны. Доходы съ имѣній въ Ингерманландіи, долженствовавшіе идти на содержаніе университета, съ самаго же начала оказались невѣрными: арендаторы запаздывали уплатой, и это самымъ чувствительнымъ образомъ отражалось на университетской казнѣ, не имѣвшей другихъ ресурсовъ; поэтому, уже въ 1635 году правительство, управлявшее имѣніями черезъ особыхъ чиновниковъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за неаккуратную доставку университетскихъ суммъ, передало управленіе названными имѣніями самому университету; но отъ этого главная причина неудобнаго положенія вещей нисколько не была устранена, а на университетъ взвалена была посторонняя для его прямыхъ задачъ обязанность управлять отдаленными имѣніями, при чемъ онъ по прежнему долженъ былъ подвергаться всѣмъ случайностямъ неаккуратнаго поступленія арендной платы, такъ что вскорѣ управленіе имѣніями снова перешло къ казнѣ, и правительство обѣщало выплачивать университету поло-

---

[1]) О нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ разсказываетъ *Ширренъ* въ наз. соч. Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 8—13.

женную на его содержаніе сумму въ извѣстный срокъ наличными деньгами, независимо отъ имѣній [1]). Впрочемъ, обѣщаніе это въ полной мѣрѣ не было выполнено. Жалованье профессоровъ было весьма скудное [2]) и часто не выплачивалось въ срокъ; нерѣдко вмѣсто денегъ платили натурою—рожью и пшеницей, при чемъ расчетъ производился по цѣнамъ стокгольмскаго рынка, которыя были выше цѣнъ дерптскихъ [3]); поэтому, многіе изъ профессоровъ принуждены были искать другихъ занятій: для богослововъ открыты были городскія пасторскія мѣста, юристамъ—засѣданіе въ королевскомъ гофъ-герихтѣ, а члены философскаго факультета брали на себя обязанности секретаря, казначея, управителя университетскихъ имѣній, библіотекаря и т. п. Кромѣ того, профессора не отказывались и отъ разнаго рода частныхъ занятій, а нѣкоторые изъ нихъ пользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы покинуть службу въ университетѣ для какого-нибудь болѣе обезпечивающаго положенія. Иные изъ профессоровъ отягощены

---

[1]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 184—185. Нѣкоторые относящіеся сюда документы напечатаны у *Бухгольца* въ Verzeichniss sämmtlichen Professoren... и т. д. стр. 213—214, 219—222, 228—238.

[2]) Вотъ штатъ, утвержденный 20-го августа 1638 года: первому профессору (ординарному) богословія—500 рейхсталеровъ, второму профессору (экстраординарному) богословія—350, первому профессору юридическихъ наукъ—400, второму профессору юридическихъ наукъ—300, профессору медицины—350, исторіи и политики—400, ораторскаго искусства и поэзіи—400, логики и этики—400, физики и астрономіи—400, геометріи и ариѳметики—400, еврейскаго и греческаго языковъ—400, секретарю—50, казначею—150, двумъ управляющимъ университетскими имѣніями—300, двумъ педелямъ—50, типографщику—50, всего—4.900 рейхсталеровъ (*Buchholtz*, назв. соч. стр. 225—226). Какъ примѣненъ былъ этотъ штатъ къ опредѣленнымъ лицамъ, видно изъ таблицы расходовъ университета, относящейся къ 1654 году; дѣйствительная цифра расходовъ выставлена тутъ 8.700 рейхсталеровъ, что объясняется съ одной стороны назначеніемъ особой стипендіальной суммы (на 80 студентовъ) 2.800 рт., а съ другой—нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями къ штату: напримѣръ, за исполненіе обязанностей библіотекаря одинъ профессоръ получалъ 100 рт. добавочныхъ, казначей получалъ не 150, а 200 рт.; положено было на увеличеніе библіотеки 150 рт.; имѣлся, кромѣ двухъ профессоровъ на богословскомъ факультетѣ, еще „адъюнктъ богословія", котораго обязанности возложены были, впрочемъ, на профессора логики и этики М. П. Лиденіуса съ особымъ вознагражденіемъ въ 150 рт.; подобное совмѣщеніе должностей въ одномъ лицѣ бывало и въ другихъ случаяхъ: профессоръ физики и астрономіи Д. І. Штернштраль былъ въ то же время профессоромъ права, съ прибавкой за послѣднюю должность 200 рт.; профессоръ исторіи и политики М. О. Вексіоніусъ занималъ въ то же время и каѳедру краснорѣчія, съ прибавкой въ 300 рт. и т. д. (*Schirren*, назв. соч., стр. 43).

[3]) Dörptsche Studentenleben im XVII Jahrhundert. Inland 1852, № 42, ст. 791.

были большими долгами, и былъ даже случай, когда одинъ изъ нихъ, исполнявшій обязанности библіотекаря, стѣсненный денежными затрудненіями, прибѣгъ къ самовольному позаимствованію изъ библіотечныхъ средствъ недоданной ему части жалованья [1]).

Въ полномъ соотвѣтствіи со скудостью денежныхъ средствъ находилось и состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета и разнаго рода коллекцій предметовъ, необходимыхъ для преподаванія, а также библіотеки; несмотря на упомянутое выше пожертвованіе королевы Христины, библіотека даже къ концу существованія перваго университета въ Дерптѣ, по позднѣйшей описи 1688 года, заключала въ себѣ сравнительно лишь весьма небольшое книжное собраніе [2]).

Что касается учащихся, то въ годъ открытія университета имматрикулировано было 84 студента, въ слѣдующемъ 1633 году—44 [3]), въ 1634 году—30 и т. д. По подсчету *Ширрена*, на основаніи подлинныхъ именныхъ списковъ студентовъ, имматрикулированныхъ за годы съ 1632 по 1656, когда первый шведскій университетъ въ Дерптѣ прекратилъ свое существованіе [4]), выходитъ, что за указанный промежутокъ времени имматрикулировано было: изъ Швеціи и Финляндіи—595, изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи—310, изъ-за границы—106, а всего—1011 [5]). По національности и мѣсту происхожденія составъ студентовъ былъ, какъ видно, въ большинствѣ шведскій, и такимъ образомъ численное отношеніе въ университетѣ двухъ національностей, нѣмецкой и шведской, среди учащихся было обратное отношенію этихъ національностей между профессорами: профессоровъ было больше нѣмцевъ, а студентовъ шведовъ; что касается учащихся,

---

[1]) *Schirren*, назв. соч., стр. 14.

[2]) *Schirren*, назв. соч., стр. 15—16, 47—62.

[3]) Извѣстіе Адама Олеарія, который проѣзжалъ черезъ Дерптъ 23 — 29-го декабря 1633 года, что тогда въ университетѣ студентовъ было „всего 10 шведовъ и нѣсколько человѣкъ изъ чуди (Finnen)“, явно неточно и объясняется, быть можетъ, отсутствіемъ въ эти дни студентовъ въ Дерптѣ по случаю зимнихъ вакацій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное секретаремъ посольства *Адамомъ Олеаріемъ*. Пер. съ нѣм. *Пивелъ Барсовъ*. М. 1870, стр. 12—13. Ср. (*Th. Beise*), Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens. Dorpat (1853), стр. 10, прим. 16.

[4]) Опубликованы *Ѳ. Бейзе* въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands. B. VIII. Riga 1857, стр. 150—188.

[5]) Inland, 1857, № 21, ст. 354.

пріѣхавшихъ изъ-за границы, то между ними были изъ Помераніи, Бранденбурга, Мекленбурга, Голштиніи, Вестфаліи, Саксоніи, Австріи, Седмиградія и т. д. [1]). Соотвѣтственно указанному отношенію двухъ національностей среди учащихся, изъ 202 диссертацій, вышедшихъ изъ-подъ пера воспитанниковъ перваго шведскаго университета въ Дерптѣ съ 1632 по 1655 годъ и перечисленныхъ у *Соммеліуса* [2]), около 170 принадлежатъ студентамъ изъ Швеціи и Финляндіи и только около 30—студентамъ мѣстнаго происхожденія и нѣкоторымъ иностранцамъ [3]). Причины этого сравнительно слабаго посѣщенія университета мѣстной молодежью лежали, главнымъ образомъ, въ томъ, отчасти скрытомъ, нерасположеніи, съ которымъ встрѣчено было мѣстнымъ дворянствомъ основаніе шведскаго университета въ Дерптѣ и въ нежеланіи сближаться съ офиціально господствующей національностью въ краѣ; поэтому, многіе дворяне продолжали отсылать своихъ сыновей учиться въ заграничные, главнымъ образомъ нѣмецкіе университеты, слѣдуя въ этомъ старой привычкѣ, установившейся еще съ XV вѣка [4]); не мало нѣмецкихъ семействъ въ это время переселилось заграницу. Съ другой стороны, и шведское правительство склонно было давать разнаго рода преимущества представителямъ своей національности, особенно при распредѣленіи казенныхъ должностей въ краѣ, право на которыя для всѣхъ обусловлено было университетскимъ дипломомъ; то же самое наблюдалось и въ присужденіи стипендій и пособій между студентами университета [5]).

Указанныя неблагопріятныя обстоятельства жизни перваго шведскаго университета въ Дерптѣ могли уступить дѣйствію времени въ будущемъ, при необходимомъ условіи продолжительныхъ и крѣпкихъ связей Швеціи съ присоединеннымъ краемъ; антагонизмъ національностей могъ смягчиться путемъ обоюднаго пониманія и вѣрной оцѣнки себя и другихъ, внесеніемъ справедливости во взаимныя отношенія съ той и другой стороны; денежные недостатки представляли наи-

---

[1]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 185—186.

[2]) Назв. соч., стр. 49—68.

[3]) *Schirren*, Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 8.

[4]) См. *Aug. Seraphim*, Liv-, Est- und Kurländer auf der Universität zu Königsberg i. Pr. Th. I—II. Ein Beitrag zur baltischen Bildungsgeschichte, въ Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. XVI. Riga, 1896, стр. 1—261, 337—514.

[5]) См. списокъ именъ студентовъ, допущенныхъ къ пользованію дешевымъ казеннымъ столомъ, передъ самымъ открытіемъ университета: *Buchholtz*, Verzeichniss sämmtlicher Professoren... и т. д. стр. 238—239.

меньшую трудность для ихъ устраненія. Но для всего этого нужно было именно время; а между тѣмъ не прошло и полной четверти столѣтія, не успѣло вырости даже одного новаго поколѣнія людей, какъ Ливонія снова сдѣлалась ареной войны, и ей опять приходилось ожидать новаго рѣшенія судьбы въ смыслѣ характера своего политическаго существованія. Дѣйствительно, въ августѣ 1656 года царь Алексѣй Михайловичъ, вступивъ въ борьбу съ Карломъ X, лично явился во главѣ своего войска для осады города Риги, а князь Трубецкой съ 40.000-мъ отрядомъ отправленъ былъ для взятія Дерпта; несмотря на то, что осада Риги оказалась неудачной и была вскорѣ снята, Дерптъ 12-го октября 1656 года капитулировалъ передъ русскими войсками, въ виду крайней слабости находившагося въ немъ гарнизона и измѣны со стороны нѣкоторыхъ его жителей [1]).

Этимъ положенъ былъ конецъ шведскому владычеству въ Дерптѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратили свое существованіе и находившіяся въ немъ шведскія государственныя учрежденія, въ томъ числѣ и университетъ. Профессора и студенты разошлись въ разныя стороны, кто куда хотѣлъ или могъ. Университетская библіотека и типографія были замурованы, во время осады города, въ подвалахъ церкви св. Маріи, гдѣ и найдены потомъ, по указанію проф. I. Г. Гезеліуса въ 1688 году; эта церковь, нынѣ не существующая (на ея мѣстѣ стоитъ теперь правое крыло нынѣшняго главнаго зданія университета), дала въ своихъ стѣнахъ пріютъ университету и до постройки особаго зданія для него въ 1641 году [2]).

Первый латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ, существовавшій 24 года, выпустилъ изъ своихъ стѣнъ не мало лицъ, которыя занимали потомъ тѣ или другія государственныя должности въ краѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ являются и въ числѣ профессоровъ второго шведскаго университета въ Дерптѣ и Перновѣ.

2. Второй латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ (1690—1710).

Дерптъ оставался на этотъ разъ въ русскихъ рукахъ недолго. 13-го февраля 1660 года умеръ шведскій король Карлъ X, и ему наслѣдовалъ сынъ его Карлъ XI, бывшій тогда въ дѣтскомъ возрастѣ;

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. II, 1698.

[2]) *Schirren*, Zur Geschichte der schwedischen Universitat in Livland, стр. 15; *Backmeister*, назв. соч., стр. 185.

правленіе страною перешло къ регентамъ, которые и поспѣшили заключить миръ со всѣми государствами, съ которыми въ предшествующее царствованіе Швеція вела войну; 21-го іюня 1661 года подписанъ былъ въ Кардисѣ съ Россіей мирный договоръ, по которому Дерптъ былъ уступленъ обратно Швеціи.

Тогда шведское правительство снова стало думать о возстановленіи университета, но мысль эта получила осуществленіе нескоро.

Послѣ погрома 1656 года нѣкоторые изъ профессоровъ перекочевали въ Ревель, оставшійся во власти шведовъ, и пытались продолжать тамъ свою академическую дѣятельность: таковы были, напр., богословъ А. Виргиніусъ и Г. Эльверингъ, философъ Г. Прейссіусъ, математикъ І. Шеленіусъ [1]). Нельзя сказать, чтобы эта дѣятельность въ Ревелѣ была совершенно частная; названные профессора пользовались покровительствомъ и содѣйствіемъ, хотя и не единодушнымъ, шведскихъ государственныхъ и городскихъ ревельскихъ властей; по прежнему велись матрикулы вновь поступающимъ студентамъ, которыхъ было, впрочемъ, весьма немного: въ 1657 году—5, въ 1658—6, въ 1659—2, въ 1660—3, въ 1661—15 и т. д., а всего за годы съ 1657 по 1665—49 человѣкъ [2]). Преподаваніе велось тутъ по весьма немногимъ предметамъ, безъ надлежащихъ приспособленій, отрывочно и безъ общаго плана; это была, такъ сказать, агонія смерти закончившаго свою дѣятельность перваго шведскаго университета въ Дерптѣ, послѣдніе остатки потухавшей жизни.

Первый серьезный шагъ шведскаго правительства къ возобновленію университета относится къ 1665 году, когда послѣдовалъ королевскій указъ на имя генералъ-губернатора Лифляндіи сдѣлать объ этомъ соотвѣтствующее представленіе, запросивъ предварительно мнѣніе рыцарства и другихъ сословій страны; въ томъ же году со стороны регентства, управлявшаго государствомъ во время малолѣтства короля Карла XI (1660—1697), послѣдовало обращеніе къ мѣстнымъ жителямъ о назначеніи будущему университету необходимыхъ средствъ въ видѣ доходныхъ участковъ земли въ Эстляндіи и Ингерманландіи;

---

[1]) Интересныя подробности объ этомъ переданы въ статьѣ *І. Ф. Зиберта*, Vorlesungen Dorpatschen Professoren zu Reval im Jahre 1657 въ Archiv für die Geschcihte Liv-, Est- und Kurlands. B. VII. Reval 1850, стр. 105—108.

[2]) Mittheilungen. B. VIII, стр. 187—188. Такимъ образомъ, если присоединить эту цифру къ указанной выше общей суммѣ 1011 за годы 1632—1656, то получится общее число всѣхъ имматрикулированныхъ въ первомъ шведскомъ университетѣ въ Дерптѣ и Ревелѣ—1060.

мысль эта занимала шведское правительство и въ 1667 году, при чемъ вопросъ о мѣстѣ возобновленія университета сразу же получилъ направленіе въ пользу Пернова сравнительно съ Дерптомъ. Въ предпочтеніи Пернова Дерпту въ глазахъ правительства наибольшую роль играло, вѣроятно, удобство сообщенія этого города съ Швеціей моремъ и связанная съ этимъ большая независимость отъ мѣстныхъ условій, а также сравнительная безопасность отъ вражескаго вторженія съ востока. Къ предварительной разработкѣ вопроса особенно привлечены были генералъ-губернаторъ графъ Тоттъ и генералъ-суперинтендентъ Прейссіусъ, которые, по тогдашнему обычаю, имѣлись въ виду первый—на должность канцлера, а второй вице-канцлера будущаго университета; они въ особенности заняты были изысканіемъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ и высшимъ наблюденіемъ за ходомъ работъ по постройкѣ новаго университетскаго зданія. Но дѣло въ общемъ подвигалось весьма слабо. Въ виду плохого состоянія государственныхъ финансовъ Швеціи, истощенныхъ продолжительными и дорого стоившими войнами, шведская казна не могла выдѣлить изъ себя для университета нужныхъ средствъ; начатая еще въ предшествовавшее царствованіе „редукція" въ пользу казны дворянскихъ имѣній продолжалась и при Карлѣ XI и, разумѣется, всего менѣе могла расположить болѣе обезпеченные классы населенія къ какой-либо добровольной жертвѣ; начатая постройка университетскихъ зданій въ Перновѣ не могла идти успѣшно столько же по недостатку отпускаемыхъ средствъ, сколько и по безпорядочности веденія самого дѣла, встрѣчавшаго на своемъ пути постоянныя затрудненія и задержки; дѣло не обходилось и безъ денежныхъ растратъ и разнаго рода злоупотребленій со строительнымъ матеріаломъ [1]).

Болѣе энергическій ходъ дѣлу данъ былъ лишь въ 1687 году, при чемъ весьма заинтересованнымъ лицомъ въ немъ явился самъ король Карлъ XI, объявленный въ 1672 году совершеннолѣтнимъ и, по устраненіи регентства, проявившій наклонность къ самостоятельному управленію государственными дѣлами. Обративши вниманіе на заброшенный было вопросъ объ университетѣ въ Лифляндіи, король пожелалъ поставить его какъ-бы заново, и потребовалъ отъ генералъ-губернатора графа Гастфера мнѣнія о томъ, гдѣ предпочтительнѣе возобновить университетъ — въ Перновѣ или въ Дерптѣ. Гастферъ отнесся къ вопросу съ большимъ вниманіемъ и старался разсмотрѣть

---

[1]) *Schirren*, назв. соч. стр. 21—24.

его, повидимому, совершенно независимо отъ какихъ-либо вліяній и по возможности съ разныхъ сторонъ: признавая за Дерптомъ преимущество центральнаго положенія въ странѣ и удобство доставленія средствъ продовольствія для будущихъ академическихъ гражданъ, онъ находилъ однако же, что городъ этотъ слишкомъ разоренъ, плохо укрѣпленъ на случай нападенія врага, и въ немъ нѣтъ готоваго университетскаго зданія [1]), тогда какъ Перновъ послѣднимъ условіямъ удовлетворяетъ лучше, и потому онъ высказался за Перновъ [2]). Не трудно однако же видѣть, что въ этомъ рѣшеніи немалую роль играли матеріальныя соображенія и боязнь передъ обременительными расходами, которыхъ такъ боялся бережливый король, а этого, конечно, не могъ не имѣть въ виду Гастферъ. Къ обсужденію вопроса привлечено было и еще одно лицо, генералъ-суперинтендентъ Фишеръ, который высказалъ мнѣніе, что лучшимъ мѣстомъ для возобновляемаго университета была бы Рига [3]). Но король не согласился ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ; собственной волею рѣшилъ онъ вопросъ въ пользу Дерпта, мотивируя это рѣшеніе (отъ 13 марта 1688 года) тѣмъ, что въ Дерптѣ уже былъ университетъ, что тамъ находится въ настоящее время королевскій гофъ-герихтъ, а также и другими „обстоятельствами", на которыя король точно не указывалъ [4]); быть можетъ, подъ послѣдними онъ разумѣлъ необходи-

---

[1]) Зданіе перваго университета въ Дерптѣ сгорѣло, вѣроятно, въ 1686 году: *Backmeister*, назв. соч., стр. 190.

[2]) *Fr. Bienemann jun.*, Zur Gründungsgeschichte der zweiten schwedisch-livländischen Universität in Dorpat. Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. B. XV. Riga 1893, стр. 399—401, 404.

[3]) Въ несомнѣнной связи съ этими разсужденіями находится одинъ современный, точно не датированный, документъ, въ видѣ черновой записки, въ которой разсматриваются достоинства и недостатки Пернова, Дерпта и Риги примѣнительно къ вопросу о мѣстѣ возобновленія университета. Выходя изъ той мысли, что избранный для этой цѣли городъ долженъ: 1) во время войны и мира представлять безопасность для студентовъ, 2) обладать дешевизной жизненныхъ продуктовъ, 3) располагать здоровымъ воздухомъ и водой, 4) имѣть достаточное количество квартиръ для студентовъ и 5) представлять возможность учащимся находить хорошее общество среди жителей,—неизвѣстный авторъ высказывается за то, что, въ противоположность Пернову и Дерпту, Рига удовлетворяетъ всей совокупности указанныхъ условій и потому всего болѣе имѣетъ право на учрежденіе въ ней университета: Die Universität in Livland. Ein deutsches Brouillon vom Jahre 1687, ohne Datum, aus den Acten, die im Regierungsarchiv in Riga aufbewahrt werden. *Inland* 1852 № 47, ст. 869—871.

[4]) *Fr. Bienemann*, назв. соч., стр. 409—410.

мость сдѣлать пріятное вліятельному въ странѣ лифляндскому дворянству и въ то же время болѣе естественнымъ образомъ поставить университетъ въ желательную для короля матеріальную зависимость этого учрежденія отъ мѣстнаго населенія.

Когда, такимъ образомъ, мѣсто для университета было окончательно выбрано, Гастферъ занялся обсужденіемъ вопроса объ университетскомъ зданіи въ Дерптѣ, т.-е. слѣдуетъ ли возстановить старое или построить новое; и тутъ король, выходя главнымъ образомъ изъ экономическихъ соображеній, самъ рѣшилъ вопросъ въ первомъ смыслѣ. 28 января 1689 года утвержденъ былъ королемъ уставъ возобновленнаго университета [1]). Въ томъ же году Гастферъ назначенъ былъ канцлеромъ университета, и 18 августа 1690 года произошло торжественное его открытіе въ присутствіи многочисленныхъ депутатовъ отъ дворянства, духовенства, городского сословія и немалаго числа приглашенныхъ частныхъ лицъ [2]).

Возобновленный университетъ получилъ названіе Academia Gustavo-Carolina, указывая этимъ на свою преемственную связь съ созданіемъ короля Густава Адольфа, чему, очевидно, придавалъ значеніе и самъ Карлъ XI, какъ это видно изъ приведенной выше мотивировки имъ своего рѣшенія возобновить университетъ именно въ Дерптѣ. Нельзя отрицать, что характеръ и условія существованія второго университета были тѣ же, что и перваго, но органическая связь обоихъ университетовъ была въ дѣйствительности весьма ничтожной. Отъ перваго университета въ Дерптѣ въ наслѣдство второму не осталось ничего, кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ стараго зданія, реставрированнаго заново, да развѣ части типографіи и библіотеки, оставшейся отъ перваго университета, въ 1656 году замурованной и теперь снова найденной въ подвалахъ церкви св. Маріи, которая въ 1689 и 1690 годахъ, какъ и раньше въ 1639 и 1640 годахъ, дала временный пріютъ университетскимъ занятіямъ, до офиціальнаго открытія новаго университета.

Второй шведскій университетъ въ Лифляндіи существовалъ нѣсколько менѣе перваго, всего 20 лѣтъ. Эта двадцатилѣтняя жизнь его распадается на двѣ, почти равныя, части, изъ которыхъ первая прошла въ Дерптѣ, а вторая въ Перновѣ. Уже самъ сторонникъ во-

---

[1]) Въ цѣломъ видѣ до насъ не дошедшій: *Bienemann*, стр. 417; *Backmeister*, стр. 194—196, *Buchholtz*, стр. 178, 239—246.

[2]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 191—193.

зобновленія университета въ Дерптѣ король Карлъ XI усмотрѣлъ въ 1695 году, въ виду надвигавшейся военной грозы, необходимость перенесенія университета въ Перновъ; но выполненіе этого дѣла выпало на долю его преемника на шведскомъ престолѣ, знаменитаго Карла XII (1697—1718); несмотря на то, что въ это время раздавались голоса, шедшіе особенно изъ профессорской среды, за перенесеніе университета въ Ревель, воля короля рѣшила въ пользу Пернова, гдѣ уже для университета былъ построенъ домъ, обращенный потомъ въ складъ казенныхъ вещей и въ помѣщеніе для смирительнаго дома, а теперь снова предназначенный для роли храма науки. 17 іюня 1699 года послѣдовалъ на имя генералъ-губернатора Лифляндіи графа Эрика Дальберга, какъ канцлера университета, королевскій указъ о предстоящемъ перенесеніи университета въ Перновъ; 25-го іюля того же года профессоръ краснорѣчія говорилъ въ университетѣ въ Дерптѣ прощальную рѣчь „de migratione litterarum", а 28-го августа 1699 года состоялось уже торжественное открытіе университетскихъ занятій въ Перновѣ, при чемъ канцлеръ говорилъ соотвѣтствующую случаю рѣчь.

Изъ учащагося въ Дерптѣ юношества только весьма немногіе перекочевали за своими профессорами для продолженія занятій въ Перновъ; большая часть отправилась для этой цѣли въ Швецію или за границу; причина этого заключалась главнымъ образомъ въ тѣхъ тревожныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ происходило самое переселеніе въ Перновъ, и которыя не давали никакой гарантіи для спокойнаго продолженія ученья. Дѣйствительно, въ томъ же 1699 году заключенъ былъ Даніей, Россіей и Польшей секретный договоръ для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Карла XII, а въ февралѣ слѣдующаго 1700 года началась „сѣверная война", поглотившая всѣ силы и вниманіе шведскаго правительства, которое въ это время не могло уже думать объ университетѣ въ Лифляндіи; самая судьба послѣдней опять представлялась загадкой для будущаго. Предоставленный собственнымъ слабымъ силамъ, университетъ въ Перновѣ влачилъ еще десять лѣтъ свое печальное существованіе. Лѣтомъ 1704 года взяты были русскими Дерптъ и Нарва, при чемъ царь Петръ принималъ личное участіе въ осадѣ и взятіи перваго города [1]). Въ іюлѣ 1710 года капитулировала передъ русскими войсками Рига [2]),

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, кн. III, 1275—1276.
[2]) Тамъ же, IV, 38.

при чемъ въ предварительныхъ условіяхъ капитуляціи, заключенныхъ 4—15 іюля 1710 года между фельдмаршаломъ Шереметевымъ и лифляндскимъ дворянствомъ, земскими и городскими людьми, находился слѣдующій (4) §: „Университетъ въ Лифляндіи, понеже оной довольными доходами и маетностями снабденъ, дабы по прежнему остался и всегда имѣлъ искусныхъ профессоровъ Лютерскаго закона, и чтобъ для выгоды шляхетскихъ младыхъ людей во ономъ университетѣ учители языковъ и экзерцицій опредѣлены были". Русскій отвѣтъ былъ таковъ: „Сколь скоро помощіею Божіею городъ Перновъ подъ владѣніе Его Царскаго Величества приведенъ будетъ, то Его Величество университета выгоды и привиллегіи, ежели оный во время приступа къ городу не противенъ учинится и ни во что вступаться не будетъ, паче распространитъ, нежели убавитъ, и того смотрѣть будетъ, чтобъ университетъ всегда искусными профессорами, такожде и учителями языковъ и экзерцицій снабденъ былъ; понеже Его Царское Величество изъ своихъ собственныхъ государствъ и земель младыхъ людей для обученіи туда посылать будетъ, для лучшей славы онаго университета. Чего ради Высокопомянутому Его Царскому Величеству свободное отправленіе греческаго закона предоставляется. А ежели городъ не съ договоромъ, но штурмомъ взятъ будетъ и принадлежащіе къ университету персоны оборону учинятъ, то съ ними такъ, какъ со всѣми прочими городскими обыватели, по образу и обыкновенію воинскому, поступлено будетъ" [1]). Несмотря на такой въ высшей степени благопріятный для будущности университета отвѣтъ, судьба университета рѣшена была въ совершенно обратномъ смыслѣ; по выраженію одного историка, профессора „пожелали скорѣе дать погибнуть полезному учрежденію, чѣмъ подвергнуться малѣйшимъ неудобствамъ военнаго времени" [2]): еще до осады Пернова профессора поспѣшили оставить городъ и университетъ и уѣхать въ Швецію, взявъ съ собою библіотеку и многіе документы университетскаго архива. 21-го августа 1710 года Перновъ былъ взятъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Бауэра. Что взглядъ, выраженный въ русскомъ отвѣтѣ на упомянутый выше пунктъ объ университетѣ, составлялъ глубокое убѣжденіе самого царя, видно изъ резолюціи Петра I по поводу этого пункта, отъ 12-го октября 1710 года: „На прошеніе о содержаніи академіи или высокой школы въ Перновѣ въ добромъ состояніи: позволяетъ Его Царское Величество своему вѣр-

[1]) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2276, стр. 521.

[2]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 202.

ному Рыцарству, что они съ верховнымъ консисторіемъ своимъ искусныхъ профессоровъ назначать и предлагать могутъ: и тогда Его Величество о ихъ призваніи такое попеченіе прилагать изволитъ, чтобъ высокая школа благоснабдена была, якоже объ оной совершенномъ и довольномъ учрежденіи и содержаніи Его Царское Величество все чинить будетъ; но при томъ оставляетъ себѣ особливаго профессора въ высокой школѣ учредить, которой словянскому языку обучати и оной бы тамъ ввести могъ" [1]).

Такъ закончилъ свое существованіе второй латино-шведскій университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ. Но мы вернемся нѣсколько назадъ, чтобы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ его внутренней жизни.

Нѣкоторые профессора приглашены были еще въ 1688 году, какъ профессоръ логики, метафизики, физики и морали Г. Сіобергъ или богословъ О. Мобергъ [2]); другіе же не замедлили въ скоромъ времени къ нимъ присоединиться [3]). Составъ каѳедръ второго университета былъ скуднѣе, нежели перваго; тутъ на всѣ четыре факультета полагалось только 11 профессоровъ: 3—на богословскій, 6—на философскій и по одному на юридическій и медицинскій [4]); кромѣ того, были учителя французскаго и итальянскаго языковъ, рисованія, фехтованія, танцевъ [5]). На содержаніе университета въ общемъ положена была приблизительно та же сумма, что и на первый университетъ въ Дерптѣ, но такъ какъ стипендіальная сумма была опредѣлена вдвое меньше, а съ другой стороны было меньше профессоровъ, то матеріальная сторона каждаго изъ нихъ была обставлена нѣсколько лучше, чѣмъ ихъ товарищей полвѣка назадъ [6]). Тѣмъ не менѣе теперь, какъ и тогда, они прибѣгали къ занятію посторонних ихъ

---

[1]) Полное собраніе законовъ, т. IV, № 2304, стр. 579. Ср. *Schirren*, Die Capitulationen der livländischen Ritter-und Landschaft und der Stadt Riga vom 4 Juli 1710 nebst deren Confirmationen. Dorpat 1865, стр. 37—38. 54; *Backmeister*, назв. соч. стр. 201—202. 203.

[2]) *Buchholtz*, Verzeihniss... и т. д. стр. 183. 187.

[3]) Перечень ихъ именъ съ извѣстіями объ ихъ жизни и служебной дѣятельности, а также и другихъ членовъ служебнаго персонала второго университета, см. у *Buchholtz'a*, назв. соч., стр. 182—199.

[4]) (*Th. Beise*), Die Kaiserliche Universität Dorpat, стр. 13 прим. 22.

[5]) *Buchholtz*, назв. соч., стр. 194—195.

[6]) Вотъ штатъ 1699—1710 годовъ, заключающій въ себѣ впрочемъ не 11, а только 10 профессоровъ: старшему профессору богословія—1.000 рейхсталеровъ, двумъ младшимъ профессорамъ богословія — по 600, профессору права — 500,

прямымъ обязанностямъ должностей. На этотъ разъ большинство профессоровъ были шведы, а меньшинство—нѣмцы; по расчету *Ширрена* [1]), въ то время какъ въ первомъ университетѣ изъ 24 профессоровъ было только 7 шведовъ, во второмъ университетѣ изъ 28—только 4 нѣмца, да и то изъ нихъ лишь трое вступили въ дѣйствительную службу: М. Дау, Д. Эбергардъ и Я. Вильде. Національное нерасположеніе тѣмъ не менѣе и здѣсь находило себѣ пищу, выражаясь нерѣдко весьма грубо или пользуясь для преобладанія надъ противникомъ сомнительными въ нравственномъ отношеніи средствами.

Положенныя на содержаніе университета деньги должны были получаться съ дохода отъ имѣній, лежавшихъ недалеко отъ Дерпта, и управленіе этими имѣніями принадлежало университету. Деньги поступали неаккуратно, и система эксплоатаціи имѣній мѣнялась; одно время, взамѣнъ жалованья деньгами, каждый профессоръ надѣленъ былъ землей, съ лѣсомъ и лугами и двумя крестьянами—батраками, и долженъ былъ вести, такимъ образомъ, свое хозяйство за собственный счетъ и страхъ [2]). Этотъ порядокъ вещей, сходный во многомъ съ тѣмъ, что было при первомъ университетѣ, повлекъ за собою тѣ же послѣдствія; университетъ въ сущности не могъ быть увѣренъ въ полученіи и этой малой суммы, которая была ему ассигнована, и постоянно находился въ зависимости отъ постороннихъ обстоятельствъ.

О преподавательской дѣятельности профессоровъ второго университета мы такъ же мало знаемъ, какъ и относительно перваго. Латинскій языкъ, какъ и въ первомъ университетѣ, оставался языкомъ преподаванія, но въ роли языковъ шведскаго и нѣмецкаго, при офиціальномъ ихъ употребленіи, произошло измѣненіе въ пользу перваго, что совершенно естественно при почти исключительно шведскомъ составѣ преподавательскаго персонала.

медицины—500, краснорѣчія и поэзіи—500, исторіи—500, восточныхъ языковъ—500, математики—500, философіи—500, секретарю и библіотекарю—300, учителю верховой ѣзды—200, учителю фехтованія—200, учителю танцевъ 200, типографщику—50, педелю — 60, десяти стипендіатамъ по 50—500, десяти по 40—400; десяти по 30—300, десяти по 20 — 200, на ремонтъ зданія и непредвидѣнные расходы—200, а всего 8.310 рейхсталеровъ: *I. v. Stein*, Miscellen zur Geschichte Pernau's, въ Neue Dörptsche Zeitung, 1883, № 126.

[1]) Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland, стр. 30.

[2]) У *Ширрена*, въ назв. соч. стр. 67, напечатанъ интересный документъ, представляющій собою распредѣленіе земли, съ поименнымъ спискомъ крестьянъ для профессоровъ, и относящійся къ 1690 году.

Второй университетъ, подобно первому, относительно учащихся обезпеченъ былъ объявленіемъ королевской воли, черезъ посредство генералъ-губернатора графа Гастфера, отъ 1-го іюля 1690 года, о томъ, что всякій желающій получить общественную должность въ краѣ, свѣтскую или духовную, долженъ предварительно проучиться два года въ университетѣ и подвергнуться потомъ соотвѣтствующему испытанію [1]). Не безъ связи съ желаніемъ расширить кругъ слушателей новаго университета или, по крайней мѣрѣ, дать воспитанникамъ его возможность болѣе широкаго приложенія своихъ способностей и познаній среди мѣстнаго населенія, было сдѣланное въ 1693 г. отъ имени всѣхъ профессоровъ предложеніе ввести въ университетѣ преподаваніе латышскаго, русскаго и польскаго языковъ; но предложеніе это не получило осуществленія.

Хотя второй шведскій университетъ существовалъ лишь на четыре года меньше перваго, но въ немъ обучалось сравнительно гораздо меньше студентовъ. По опубликованнымъ *Бегізе* именнымъ спискамъ [2]), всего заимматрикулировано было во второмъ университетѣ 587 студентовъ [3]), приблизительно двѣ трети которыхъ (409) падаетъ на время пребыванія университета въ Дерптѣ, и одна треть (178)—на годы, проведенные имъ въ Перновѣ. По національности и мѣсту происхожденія, въ дерптскую половину преобладали, хотя и не очень значительно, шведы и финляндцы (174 изъ Швеціи и Финляндіи, 147 изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, 44 иностранца), а въ перновскую половину шведы и финляндцы, напротивъ, были въ значительномъ меньшинствѣ (33 изъ Швеціи и Финляндіи, 101 изъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, 35 иностранцевъ); о мѣстѣ происхожденія остальныхъ въ спискахъ точныхъ свѣдѣній не имѣется [4]).

3. Черты внутренней университетской жизни въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII—XVIII вѣкахъ.

Внутренняя жизнь студенчества въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка, отношенія его къ университету и къ городскому

---

[1]) *Backmeister*, назв. соч., стр. 196.

[2]) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv, Est-und Kurlands. B. XII. Riga 1880, стр. 312—332.

[3]) Въ сочиненіи „Die deutsche Universität Dorpat“ (Leipzig 1882, стр. 12—13) общая сумма представлена 586, но тамъ невѣрно подсчитано число студентовъ за 1697 годъ: ихъ было не 35, а 36.

[4]) Mittheilungen. B. XII, стр. 310—311.

населенію мало извѣстны по недостатку дошедшихъ до насъ данныхъ. Нѣкоторое представленіе объ этомъ однако же могутъ дать тогдашнія „правила для студентовъ", заключающія въ себѣ перечень ихъ правъ („привилегій") и обязанностей. Оставаясь по существу одними и тѣми же какъ въ первомъ, такъ и во второмъ шведскомъ университетѣ, правила эти получили болѣе точную и обстоятельную формулировку уже въ періодъ дерптско-перновскій.

Вотъ въ какихъ условіяхъ представляется намъ тогдашній студентъ въ Дерптѣ и Перновѣ по „статутамъ", утвержденнымъ королемъ Карломъ XI 28-го января 1689 года [1]).

По пріѣздѣ въ университетскій городъ, молодой человѣкъ долженъ по возможности немедленно и не позднѣе восьми дней явиться къ ректору и внести свое имя въ книгу матрикулъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ принести присягу передъ университетскимъ начальствомъ, съ обѣщаніемъ полнаго подчиненія всѣмъ университетскимъ правиламъ и порядкамъ; въ этой присягѣ, кромѣ того, еще говорилось: „За обиды, мнѣ нанесенныя, я не буду мстить по собственному произволу ни явно, ни тайно, но какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ затруднительныхъ для меня случаяхъ буду подчиняться рѣшенію ректора или университетскаго сената. Изъ университета я удалюсь не иначе, какъ съ благосклоннаго согласія ректора и, если буду подвергнутъ имъ задержанію или аресту, не стану отъ этого уклоняться. Домашнюю утварь и всѣ мои вещи я вывезу изъ города лишь послѣ надлежащаго удовлетворенія моихъ кредиторовъ" (Cap. IV, Membr. III, § V).

Повиновеніе распоряженіямъ ректора являлось первой обязанностью вступившаго въ число студентовъ; не явившійся на его призывъ наказывается карцеромъ, а упорно отказывающійся подчиняться рѣшеніямъ ректора и университетской „консисторіи" (consistorium) подвергается „публичному исключенію" (publica relegatio) изъ университета, которое не только лишаетъ наказаннаго возможности продолжать въ университетѣ свои занятія, но можетъ оказать невыгодное вліяніе и на его послѣдующую жизнь при желаніи имъ занять какую-либо почетную общественную должность (Cap. XXIII. De vita et moribus studiosorum, § 9). Студентъ долженъ также оказывать должное почтеніе профессорамъ (§ 7).

---

[1]) Напечатаны подъ заглавіемъ „E Constitutionibus Regiae Academiae Dorpatensis excerpta privilegia et promotiones studiosorum concernentia" отдѣльно, безъ обозначенія года (Dorpati. Excudit Iohannes Brendeken, Acad. Typogr.), и перепечатаны въ „Mittheilungen", B. VII, стр. 239—246.

Цѣлью вступленія въ университетъ является столько же пріобрѣтеніе необходимыхъ для жизни познаній, сколько и совершенствованіе себя въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Поэтому, студентъ долженъ соблюдать благочестіе, учиться истинной вѣрѣ, долженъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, читать Библію и всѣ занятія свои направлять къ славѣ Божіей (§ 1). Стремленіемъ своимъ къ истинному познанію христіанскаго ученія долженъ онъ дорожить болѣе всего—въ своихъ занятіяхъ, поведеніи и обращеніи съ людьми, и, напротивъ, „какъ ада избѣгать и проклинать ложь", уклоняться отъ клеветы, порицаній, ссоръ, вѣроломства, коварства, тщеславія и притворства во всѣхъ отношеніяхъ (§ 3). Студентъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ вѣрнымъ служителямъ слова Божія (§ 6) и какъ можно чаще посѣщать общественное богослуженіе, отъ котораго никто не можетъ уклоняться; запрещаются въ извѣстное время всѣ прогулки и игры, которыя могутъ отвлекать отъ него молодыхъ людей, и кто въ воскресный день или главный праздникъ, въ часы церковной службы, будетъ находиться на площади или въ окрестностяхъ города, тотъ долженъ быть наказанъ карцеромъ; этому же наказанію подвергаются и тѣ, которые нарушаютъ въ церкви тишину шумомъ или разговоромъ и послѣ сдѣланнаго имъ о томъ замѣчанія не исправятся (§ 4).

Подобно душѣ, которая должна быть свободна отъ дурныхъ страстей, безпечности и суевѣрія, студентъ долженъ сохранять въ чистотѣ и свое тѣло, какъ жилище св. Духа, не оскверняя его грязными пороками, уличенный въ которыхъ подвергается опредѣленному наказанію (§ 5).

Поступая въ университетъ для обогащенія своего ума познаніями, студентъ долженъ аккуратно посѣщать положенныя для него лекціи и упражненія и тщательно записывать все, что преподается; не посѣщающіе лекцій, если послѣ напоминанія не исправятся, должны быть удаляемы изъ университета къ родителямъ или на родину (§§ 12, 13). Студенты обязаны являться на извѣстныя собранія въ университетѣ и внѣ его, въ родѣ публичныхъ актовъ, диспутовъ, похоронъ и т. п. (§ 11). Такъ какъ преподаваніе въ университетѣ есть дѣло исключительно принадлежащее опредѣленнымъ на то лицамъ, то никому изъ студентовъ не дозволяется нарушать этого права путемъ частнаго обученія; точно также однимъ только этимъ лицамъ дозволяется вывѣшивать на „публичной доскѣ", безъ предварительнаго разрѣшенія ректора или декана, объявленія, и никто изъ

студентовъ, подъ страхомъ двухдневнаго карцера, не можетъ снять этихъ объявленій, безъ особаго на то приказанія (§§ 14, 15).

Студентамъ запрещается устраивать земляческія сходки (nationalia conventicula), и виновный въ созывѣ ихъ или посѣщеніи подвергается исключенію (relegatio) навсегда; этому же наказанію подлежитъ и тотъ, кто предоставитъ для подобной сходки помѣщеніе; но если студенты желаютъ собраться ради заботы о больномъ товарищѣ или похоронъ, то собраніе разрѣшается въ домѣ ректора (§ 17).

Въ частной жизни студентъ долженъ воздерживаться отъ нанесенія кому-либо обиды или насилія, отъ обмана, дракъ и всякаго рода буйства, отъ нападенія на дома, выбиванія оконъ и вышибанія дверей; не долженъ безчестить кого-либо, оскорблять честныхъ и невинныхъ людей ложными обвиненіями, ябедническими клеветами или распространеніемъ пасквилей (§§ 22, 28). Ни ночью, ни днемъ не долженъ онъ въ городѣ стрѣлять или производить какой-либо взрывъ порохомъ, подъ страхомъ карцера или исключенія изъ университета (§ 23). Въ трактирѣ онъ не долженъ засиживаться позднѣе девятаго часа вечера, и трактирщикъ, продающій вино или пиво послѣ девятаго часа, подвергается наказанію отъ городского магистрата (§ 24). На улицѣ онъ не долженъ заводить какихъ-либо ссоръ или принимать въ нихъ участіе, и не можетъ обнажить свою шпагу иначе, какъ вынуждаемый къ тому открытымъ насиліемъ, подъ страхомъ лишиться права ея ношенія (§§ 25, 26).

Студентамъ запрещаются всякаго рода шалости, шутовскія дурачества, пирушки и попойки, неприличныя игры — въ шашки, кости, карты и т. п. (§§ 16, 18); студентъ долженъ быть бережливъ, избѣгать излишнихъ расходовъ, роскоши и мотовства (§ 21); онъ долженъ строго различать границу между своимъ и чужимъ и быть аккуратнымъ и честнымъ въ уплатѣ долговъ, особенно хозяевамъ за содержаніе и квартиру (§§ 19, 20).

Дуэль строго запрещается, и подвергаются наказанію какъ вызвавшій, такъ и вызванный (§ 27).

На студента налагается обязанность, вырабатывая въ себѣ должную скромность, имѣть однако же вѣрное и неприниженное мнѣніе о себѣ и о своемъ отечествѣ, не слишкомъ преклоняться передъ иностраннымъ (§ 29); въ заграничные университеты для продолженія образованія можетъ отправиться только тотъ, кто уже на родинѣ получилъ надлежащія познанія въ наукахъ и правилахъ вѣры и доказалъ это передъ собраніемъ профессоровъ (§ 30). Оставляющій университетъ

долженъ получить свидѣтельство отъ ректора, если желаетъ впослѣдствіи воспользоваться выгодами своего положенія (§ 31).

Таковы были обязанности „академическаго гражданина“ въ Дерптѣ и Перновѣ того времени, возможность уклоненія отъ которыхъ сопровождалась въ правилахъ напоминаніемъ о разныхъ степеняхъ наказанія по законамъ общимъ или университетскимъ. Но кромѣ этихъ обязанностей, въ правилахъ нашелъ себѣ мѣсто и перечень ихъ правъ или „привилегій“.

„Привилегіи“ эти, подобно правамъ, касаются отношеній студента въ университетѣ и внѣ его.

Всякій, поступившій обычнымъ порядкомъ въ число студентовъ, имѣетъ возможность пользоваться не только „публичными“ и „частными“ лекціями профессоровъ, но и право „для большаго успѣха въ своихъ занятіяхъ дважды въ недѣлю посѣщать публичную (университетскую) библіотеку, для просматриванія и чтенія хорошихъ книгъ, при чемъ позволяется дѣлать и извлеченія изъ нихъ“ (Cap. XXIV. De privilegiis studiosorum §§ 10, 11). Разъ имматрикулированный студентъ, по чему-либо временно отлучившійся изъ университета, удерживаетъ за собою право возвращенія въ университетъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, безъ новыхъ денежныхъ взносовъ (§ 14).

Студентамъ позволяется имѣть собственную кассу для помощи бѣднымъ товарищамъ на случай ихъ болѣзни и погребенія. Касса эта составляется изъ добровольныхъ взносовъ, до имматрикуляціи у декана, въ размѣрѣ по крайней мѣрѣ шести марокъ (sex ad minimum marcas), которыя опускаются въ особую кружку и отмѣчаются въ соотвѣтственной счетной книгѣ; кружка эта хранится въ университетскомъ казначействѣ и имѣетъ два ключа, изъ которыхъ одинъ хранится у ректора, а другой у декана; когда представляется случай, деньги берутся оттуда кѣмъ-либо изъ студентовъ въ присутствіи ректора и казначея, и взятая сумма аккуратно записывается въ книгу (§ 9).

Студенты освобождаются отъ военной службы, какого бы сословія или званія они ни были, и ни подъ какимъ предлогомъ не привлекаются къ ней противъ воли (§ 8); они пользуются свободой отъ всякихъ общественныхъ взысканій и налоговъ на свое имущество, деньги и т. п. (§ 6).

Въ предѣлахъ шести миль отъ города студентъ не можетъ быть задержанъ безъ вѣдома университетскаго начальства, и только въ томъ случаѣ, если онъ захваченъ на мѣстѣ преступленія или обна-

руживаетъ намѣреніе скрыться послѣ совершеннаго дурного дѣянія, онъ можетъ быть взятъ и представленъ университетскому начальству (§ 1). Нанесшій студенту, безъ всякой вины со стороны послѣдняго, обиду не только подвергается обычному наказанію, но и обязанъ уплатить обиженному 20 марокъ (§ 3). Въ случаѣ убійства студента, за убійцу не можетъ быть принято никакое поручительство (§ 4). Студентъ не можетъ быть заключенъ за долги въ тюрьму, если онъ представитъ поручителей (§ 5). Если студентъ имѣетъ въ чужомъ судѣ тяжбу, то дѣло должно быть рѣшено немедленно, подъ страхомъ отвѣтственности суда передъ верховной королевской судебной властью (§ 2). При раздѣлѣ между наслѣдниками полученнаго имущества, студентъ имѣетъ преимущественное право передъ другими наслѣдниками, не занимающимися науками, удержать за собою подлежащія раздѣлу книги съ уплатою ихъ стоимости (§ 7).

„Привилегіи“ эти относятся только къ тѣмъ, которые ведутъ себя въ университетѣ какъ прилично студентамъ (§ 15).

Таковы были эти студенческія правила. Что указанія на обязанности студентовъ, предусматривавшія ихъ проступки, были основаны на опытѣ и на знакомствѣ съ дѣйствительной жизнью студенческой среды того времени, это подтверждается нѣкоторыми — впрочемъ, весьма немногими — опубликованными изъ той поры документами. И тутъ, какъ и въ „правилахъ“, главными отрицательными сторонами тогдашняго студенчества являются небрежность относительно занятій и склонность къ попойкамъ и дракамъ.

Захарій Клингіусъ, назначенный въ 1652 году лифляндскимъ суперинтендентомъ и вице-канцлеромъ университета, послѣ ознакомленія съ послѣднимъ указывалъ университетскому совѣту на необходимость тщательнаго наблюденія за стипендіатами, чтобы они аккуратно посѣщали лекціи и участвовали въ другихъ занятіяхъ, чтобы мѣсячные и семестральные экзамены производились имъ со всей строгостью: многіе изъ нихъ являлись въ университетъ только за полученіемъ стипендіи и нерѣдко проводили дни и ночи въ попойкахъ. Между студентами существовалъ тогда такой взглядъ, что кто не получаетъ стипендіи, тотъ можетъ и совсѣмъ не посѣщать лекцій. Впрочемъ, въ этой небрежности относительно посѣщенія лекцій студентами виноваты были также и нѣкоторые профессора; особенно въ этомъ отношеніи выдавался юридическій факультетъ. Когда въ 1693 г. канцлеръ университета, похваливши студентовъ богословскаго и философскаго факультетовъ, выразилъ порицаніе студентамъ-юристамъ

за ихъ небрежное отношеніе къ своимъ занятіямъ, то они, въ свою очередь, жаловались на профессора шведскаго и римскаго права Лунда (1690—1695 г.), въ аудиторіи котораго они бывали чаще, нежели самъ профессоръ, чрезвычайно неаккуратно читавшій лекціи; съ пасхи 1692 г. по ноябрь 1693 г. онъ читалъ всего шесть разъ и оправдывалъ это тѣмъ, что со времени возобновленія университета въ 1690 году на юридическій факультетъ поступаетъ весьма мало слушателей—всего два-три студента изъ Риги и изъ лифляндскаго дворянства, остальные же—менѣе почетнаго происхожденія: поэтому профессоръ полагалъ, что, въ виду очевиднаго упадка юридическаго факультета, слушатели его хорошо бы сдѣлали, если бы перешли на философскій или богословскій факультетъ [1]).

13-го іюля 1641 года, на крестинахъ у одного дерптскаго жителя произошла между нѣсколькими студентами и другими лицами ссора и драка, при чемъ одинъ студентъ былъ убитъ, а нѣсколько другихъ участниковъ получили болѣе или менѣе тяжкія раны; въ этомъ дѣлѣ участвовали и два сына штатгальтера Фабіана Врангеля, бывшіе уже тогда на военной службѣ; въ числѣ сильно пострадавшихъ оказался ассесоръ дерптскаго гофъ-герихта, впослѣдствіи довольно извѣстный шведскій дѣятель, ученый и поэтъ Георгъ Штернгельмъ [2]). Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ іюля того же года нѣсколькими студентами было сдѣлано нападеніе на возвращавшагося домой унтеръ-офицера, который получилъ при этомъ опасную рану; студенты напали также и на нѣкоторыхъ солдатъ мѣстнаго гарнизона, унтеръ-офицеры котораго, по словамъ современнаго документа, вообще „kaum sicher die Runde gehen können“. 13-го апрѣля 1695 года университетскій совѣтъ доносилъ канцлеру о случившемся 7-го апрѣля въ церкви между студентами и солдатами столкновеніи. 28-го сентября 1696 года командиръ дерптскаго гарнизона доносилъ канцлеру о ночныхъ столкновеніяхъ на улицѣ между студентами и офицерами, стараясь представить подробности этого дѣла въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это изложено было въ донесеніи университетскаго начальства, которое хотѣло по возможности выгородить студентовъ [3]).

---

[1]) Dörptsches Studentenleben im XVII Jahrhundert, въ Inland 1852, № 42, ст. 789—791.

[2]) Ein Studententumult in Dorpat in Jahre 1641, въ Dörptsche Zeitung 1873, № 164; *Fr. Bienemann*, Ein Tumult in Dorpat anno 1641, въ Baltische Monatsschrift, B. 49. 1900, Heft 5, стр. 293—311.

[3]) Inland, 1852, № 44, ст. 821—823.

Такъ какъ подобнаго рода случаи были главнымъ образомъ результатомъ нетрезваго состоянія студентовъ, то приведенное выше правило для студентовъ отъ 1689 года о трактирахъ послѣ девяти часовъ вечера подтверждалось съ разныхъ сторонъ новыми постановленіями: въ 1692 году — со стороны генералъ-губернатора дерптскому бургомистру, а въ 1708 году со стороны городскаго совѣта города Пернова [1]).

Къ числу особенностей внутренней жизни перваго шведскаго университета въ Лифляндіи принадлежалъ обрядъ „депозиціи" (depositio), отсутствовавшій во второмъ университетѣ въ Дерптѣ и Перновѣ.

Обрядъ этотъ древняго происхожденія. Въ его основѣ лежала та идея, что душа человѣка и все его нравственное существо облагораживается путемъ знанія, и что поэтому самое вступленіе въ храмъ науки есть моментъ, совпадающій для человѣческой личности съ ея полнымъ перерожденіемъ. Издавна сталъ создаваться обычай закрѣплять этотъ моментъ какимъ-нибудь видимымъ символическимъ актомъ, и относящіяся сюда церемоніи имѣли уже мѣсто въ философскихъ школахъ, языческихъ и христіанскихъ, послѣдующаго времени. Но сколько-нибудь опредѣленный видъ, способный создать традицію, получилъ этотъ актъ посвященія ищущаго науки какъ бы въ новую жизнь въ европейскихъ школахъ лишь въ XVI вѣкѣ, во времена реформаціи; особенно привился онъ въ университетахъ Германіи, Даніи и Швеціи; имена Лютера и Меланхтона связаны съ актомъ „депозиціи", получившей къ этому времени окончательно смыслъ символическаго освобожденія человѣка отъ свойствъ безсловеснаго животнаго и принятія имъ человѣческаго вида [2]). Особенное распространеніе обрядъ „депозиціи" получилъ въ XVII вѣкѣ, къ которому относятся особыя сочиненія о немъ Гофмана (1657 г.), Вингольда (1689 г.) и другихъ. Проникши довольно рано въ Упсальскій университетъ, актъ „депозиціи" перенесенъ былъ оттуда, вмѣстѣ съ другими постановленіями и обычаями, также и въ Дерптъ, гдѣ уже въ самый годъ основанія университета (1632) фигурировалъ въ качествѣ „депозитора" (depositor), т.-е. лица, совершавшаго обрядъ „депозиціи" надъ другими,

---

[1]) Inland, 1852, № 44, ст. 824; *I. v. Stein*, Miscellen zur Geschichte Pernau's, въ Neue Dörptsche Zeitung, 1883, № 126.

[2]) *A. Tholuck*, Das academische Leben des XVII Jahrhunderts, mit besonderer Beziehung auf die protestantisch- theologischen Facultäten Deutschlands (I часть Vorgeschichte des Rationalismus). Erste Abtheilung. Halle, 1853, стр. 201 — 202.

первый имматрикулированный студентъ этого университета Бенедиктъ Базіусъ [1]).

До насъ не дошло описанія обряда „депозиціи", практиковавшагося въ Дерптѣ [2]), но, вѣроятно, это былъ тотъ же обрядъ, что и въ Упсалѣ, о которомъ передаетъ намъ довольно подробныя свѣдѣнія де-ла-Мотрей [3]).

Между тѣмъ, актъ этотъ, заключавшій въ себѣ смѣсь грубости и шутовства, неприличныхъ для мѣста науки, еще съ начала XVII вѣка сталъ вызывать противъ себя возраженія въ нѣкоторыхъ университетахъ Германіи; мало-по-малу агитація противъ этого пережитка старины сдѣлалась всеобщей и повлекла за собою отмѣну его въ большинствѣ европейскихъ университетовъ [4]), такъ что когда въ 1690 году въ Дерптѣ возобновленъ былъ университетъ, то въ слѣдующемъ же 1691 году состоялось распоряженіе о совершенной отмѣнѣ прежняго обряда „депозиціи" для новаго университета [5]). Въ спискѣ должностныхъ лицъ второго шведскаго университета совсѣмъ не значится „депозитора", и такимъ образомъ уничтоженіе этого обряда составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей его сравнительно съ его предшественникомъ въ 1632—1656 годахъ въ Дерптѣ [6]).

Подвергавшимся обряду „депозиціи" въ Дерптѣ и Ревелѣ въ 1632—1665 годахъ велся особый списокъ, опубликованный *Ѳ. Бейзе* [7]). Если сравнить упомянутый выше списокъ имматрикулированныхъ за тѣ же годы студентовъ со спискомъ подвергшихся „депозиціи", то они окажутся не вполнѣ тожественными: первый списокъ заключаетъ въ себѣ болѣе именъ, нежели второй, и это указываетъ на то, что не всѣ имматрикулировавшіеся подвергались „депозиціи"; изъ общаго числа 1060 „депозиціи" подверглись лишь 787. Фактъ этотъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что изъ поступавшихъ въ Дерптскій университетъ иностранцевъ только весьма немногіе подвергались въ Дерптѣ „депозиціи", такъ какъ отбыли этотъ обрядъ гдѣ-нибудь

---

[1]) Mittheilungen, B. VIII, стр. 150, 514.

[2]) *Sommelius*, назв. соч., стр. 35—36.

[3]) Voyage en Europe, Asie et Afrique, II, стр. 316: приведено у *Соммеліуса*, стр. 37—39.

[4]) *Tholuck*, назв. соч., стр. 204—206.

[5]) Mittheilungen, B. VII, стр. 195—196, прим. 49.

[6]) Тамъ же, стр. 175.

[7]) Mittheilungen, B. VIII, стр. 514—549: Matricula seu Catalogus illorum, qui in Academia Dorpatensi cornua deposuerunt.

у себя дома, а съ другой стороны—не всѣ и изъ мѣстной молодежи желали выполненія надъ собой обряда „депозиціи", который былъ не обязательнымъ и лишь полу-офиціальнымъ. Замѣчательно, что списки подвергшихся „депозиціи" въ Ревелѣ въ 1657—1665 годахъ заключаютъ въ себѣ болѣе именъ, нежели списки заимматрикулированныхъ тамъ же и за то же время [1]): очевидно, не всѣ выполнившіе этотъ обрядъ поступили затѣмъ въ студенты; 1656 годъ за все время существованія „депозиціи" въ Дерптѣ представляетъ единственный примѣръ того, что число подвергшихся ей равнялось и числу получившихъ имматрикуляцію. Обрядъ „депозиціи" совершался то въ одинъ день съ имматрикуляціей, то нѣсколько предшествовалъ ей, то слѣдовалъ за нею. Онъ имѣлъ мѣсто обыкновенно въ домѣ декана философскаго факультета, иногда же въ домѣ ректора или въ какомъ-либо изъ университетскихъ помѣщеній, а также и въ частномъ домѣ какого-либо извѣстнаго и уважаемаго лица [2]).

Такъ просуществовалъ въ общей сложности около полустолѣтія разсадникъ высшаго образованія въ Лифляндіи въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Въ обѣ половины своего существованія, раздѣленныя тремя десятками лѣтъ войны или безпокойства, университетъ жилъ при одинаково неблагопріятныхъ условіяхъ: лишенный необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, безъ крѣпкихъ связей со страной и безъ сочувствія къ нему мѣстнаго населенія, страдая въ своей внутренней жизни антагонизмомъ двухъ національностей, онъ едва могъ влачить свою незавидную долю. Двухкратное прекращеніе его существованія, въ 1656 и 1710 годахъ, совпало съ успѣхами русскаго оружія возлѣ Дерпта и Пернова, но не русскіе виноваты были въ паденіи университета, лишеннаго той внутренней силы, которая была бы способна вдохнуть въ него жизнь послѣ тревожныхъ событій военнаго времени: особенно ясно это изъ обстоятельствъ, при которыхъ университетъ прекратилъ свое существованіе въ 1710 году.

Такимъ образомъ, университетъ въ Дерптѣ и Перновѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ былъ растеніемъ, посаженнымъ болѣе или менѣе случайно, чужою рукою, и не привившимся къ почвѣ, не пустившимъ въ нее глубокаго корня. Вліяніе его на страну было невелико, но

---

[1]) Mittheilungen, B. VII, стр. 187—188, 546—549.

[2]) Inland, 1857, № 21, ст. 355.

все-таки было бы ошибочно совершенно отрицать это вліяніе. Болѣе полуторыхъ тысячъ молодыхъ людей воспользовались въ той или другой мѣрѣ средствами высшаго образованія въ Дерптѣ и Перновѣ, и хотя большая часть изъ нихъ были шведы, тѣмъ не менѣе многіе изъ воспитанниковъ университета оставались въ странѣ, занимая разныя общественныя и правительственныя должности. Наконецъ, университетъ, при всей его внутренней слабости и недостаткахъ, поддерживалъ въ странѣ идею высшаго образованія, которая продолжала жить позднѣе и не осталась безъ послѣдствій въ будущемъ для судебъ высшаго образованія въ Лифляндіи.

Е. Пѣтуховъ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ [1]).

В. Критическій эмпиризмъ Милля и его борьба противъ научнаго значенія немыслимости.

II.

Какъ ни рѣшительно, повидимому, Милль отрицаетъ всякое право доказывать общія истины на основаніи нерасторжимости связи входящихъ въ нихъ представленій, тѣмъ не менѣе онъ оказывается не въ состояніи провести этотъ взглядъ свой послѣдовательно. Спенсеръ отмѣчаетъ нѣсколько вкравшихся у него непослѣдовательностей, состоящихъ въ употребленіи такихъ выраженій относительно логическихъ формулъ выводовъ, которыя не соотвѣтствовали взглядамъ философа, признающаго простѣйшую форму индукціи послѣднимъ основаніемъ всякаго знанія [2]). Но эти непослѣдовательности не очень значительны, и Милль безъ труда могъ бы объяснить ихъ допущенною имъ неточностью изложенія, какъ онъ и поступилъ дѣйствительно въ упомянутомъ нами выше случаѣ, относящемся къ формулѣ первой фигуры силлогизма. Но у Милля есть непослѣдовательность, несравненно болѣе крупная, которая къ неудачной терминологіи или вообще къ случайности сведена быть не можетъ и на которую совсѣмъ не указываетъ Спенсеръ. А между тѣмъ эта непослѣдовательность такова, что впадая въ нее Милль, хотя и не замѣтно для

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за апрѣль 1901 г.

[2]) *Spencer.* Princ. of Psych. II. 420—422; р. пер. IV. 118—120.

самого себя, въ существѣ дѣла фактически сводитъ къ нулю всю свою борьбу противъ научнаго значенія немыслимости въ собственномъ смыслѣ.

Камнемъ преткновенія для Милля оказались тѣ самыя геометрическія (и вообще математическія) аксіомы, на которыхъ Милль развивалъ свою полемику противъ значенія немыслимости и взглядъ на которыя составлялъ, какъ мы видѣли, рѣшительный пунктъ въ преобразованіи юмовскаго эмпиризма въ эмпиризмъ новый.

Искони существовала вѣра, что можно получать достовѣрное убѣжденіе въ аксіомахъ путемъ разсмотрѣнія простыхъ образовъ воображенія. Для доказательства значенія аксіомъ въ мірѣ дѣйствительномъ геометры въ былое время охотно и не опасаясь возраженій ссылались на совершенную невообразимость для насъ образовъ, имъ противорѣчащихъ. Вѣра въ аксіомы, въ отличіе отъ вѣры во всѣ другія самоочевидныя истины, казалось, имѣла преимущественное право соединяться съ мыслію объ особой, неопытной ихъ достовѣрности, такъ какъ въ противоположность вѣрѣ въ другія положенія, касающіяся также внѣшняго бытія, здѣсь былъ, повидимому, до прозрачности ясенъ самый процессъ, съ помощію котораго она достигается. Здѣсь процессъ этотъ, несомнѣнно, повидимому, состоялъ въ опытахъ надъ простыми образами воображенія, соотвѣтствующими геометрическимъ понятіямъ, и доказывалъ, что законы, выражающіеся въ аксіомахъ, безусловно господствуютъ даже надъ нашимъ воображеніемъ.

Милль точно такъ же не находитъ возможнымъ отрицать взглядъ обычнаго сознанія на наше право „отъ воображаемыхъ геометрическихъ линій заключать къ дѣйствительнымъ съ совершенно такою же достовѣрностью, съ какою мы заключали бы отъ одной дѣйствительной линіи къ другой“ [1]), какъ не отрицалъ того и Кантъ. Но Кантъ для объясненія такого факта имѣлъ ученіе о созерцаніяхъ a priori. Милль кантовскаго ученія о созерцаніяхъ a priori и связаннаго съ нимъ ученія объ особомъ непосредственномъ усмотрѣніи конструкціи понятія въ построеніи конкретнаго образа, конечно, раздѣлять не можетъ. Но онъ ничего подобнаго и не считаетъ нужнымъ для объясненія того процесса усмотрѣнія истинности аксіомъ изъ созерцанія простыхъ представленій, который онъ принимаетъ вмѣстѣ съ общимъ сознаніемъ. Для Милля этотъ процессъ есть хорошо знакомый намъ

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. I. 263; р. пер. 1.263.

процессъ наблюденій, который постоянно совершается нами надъ данными въ воспріятіи предметами при установкѣ какихъ бы то ни было, а не исключительно геометрическихъ истинъ и который въ данномъ случаѣ только примѣняется не къ воспріятіямъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а къ представленіямъ. „Основанія геометріи, говоритъ Милль, возводились бы къ прямому наблюденію, даже если бы опыты (которые въ этомъ случаѣ состоятъ единственно во внимательномъ созерцаніи) производились только надъ тѣмъ, что мы называемъ нашими идеями, т. е. надъ чертежами въ нашемъ умѣ, а не надъ внѣшними предметами" [1]). И такъ какъ аксіомы, подобно всѣмъ другимъ послѣднимъ посылкамъ знанія, могутъ по Миллю быть доказываемы только черезъ простѣйшую форму индукціи [2]), то, конечно, ничѣмъ инымъ кромѣ этой индукціи не могло въ его глазахъ быть и то наблюденіе надъ воображаемыми рисунками, которое должно доказывать аксіомы [3]).

Такой взглядъ долженъ былъ требовать разъясненія двухъ вещей: съ одной стороны возможности совершать индуктивный процессъ надъ образами воображенія съ такою же точностію, съ какою совершается онъ надъ дѣйствительными предметами, съ другой права переносить результаты этого процесса на дѣйствительные предметы. И Милль объясненіе всего этого видитъ въ одномъ „изъ характеристическихъ свойствъ геометрическихъ формъ, въ ихъ способности рисоваться воображенію съ отчетливостію, равною дѣйствительности, или, другими словами, въ точномъ сходствѣ нашихъ идей о формѣ съ ощущеніями, какими онѣ внушаются". „Это свойство, говоритъ онъ, прежде всего, дѣлаетъ насъ способными (по крайней мѣрѣ при небольшой практикѣ) создавать умственные рисунки всевозможныхъ сочетаній линій и угловъ, совершенно такъ же сходные съ дѣйствительностію, какъ рисунки, которые сдѣлали бы мы на бумагѣ. И, за тѣмъ, эти умственные рисунки способны служить предметомъ геометрическихъ наблюденій совершенно такъ же, какъ соотвѣтствующія реальности, такъ какъ рисунки, если они достаточно точны, конечно, представляютъ всѣ свойства, какія обнаруживались бы на дѣйствительныхъ предметахъ въ данное мгновеніе и на первый взглядъ. А въ геометріи

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1.262; р. пер. 1. 262—263.

[2]) *Mill.* Syst. of Log. II. 145—146; р. пер. 2. 133—134.

[3]) Милль дѣйствительно и называетъ этотъ процессъ индукціей изъ наблюденія надъ умственными рисунками, Syst. of Log. 1.263; р. пер. 1.263.

мы имѣемъ дѣло съ такими свойствами, а не съ недоступнымъ для рисунковъ дѣйствіемъ тѣлъ другъ на друга" [1]).

Во второй половинѣ приведенной цитаты изъ особенной отчетливости геометрическихъ представленій разъясняются особыя удобства наблюденія надъ ними. Эта мысль не стоитъ въ противорѣчіи съ особенностями Миллева взгляда на научное значеніе ассоціацій. Но и въ этой мысли не видно достаточнаго критическаго отношенія Милля къ ходячимъ взглядамъ на очень сложные познавательные процессы.

Если бы Милль говорилъ о преимуществахъ наблюденія надъ геометрическими представленіями сравнительно съ наблюденіемъ надъ другими представленіями, то его мысль была бы понятна. Подъ особою отчетливостію воображаемыхъ геометрическихъ рисунковъ Милль, очевидно, разумѣетъ тотъ фактъ, что въ то время какъ образы такихъ, напримѣръ, нашихъ ощущеній, каковы звуки, цвѣта, запахи, суть на самомъ дѣлѣ какъ бы нѣкоторыя только указанія на нихъ, почти приближающіяся къ простымъ знакамъ, представленія геометрическихъ свойствъ оказываются, наоборотъ, точными копіями того, что они обозначаютъ. Это различіе имѣетъ очень серьезное основаніе, въ которое на этомъ мѣстѣ намъ нѣтъ нужды входить. И значеніе этого различія вообще для такого наблюденія надъ представленіями, которое имѣетъ въ виду Милль, отрицать нельзя, хотя и чрезмѣрно преувеличивать его тоже не слѣдуетъ. Не нужно забывать, что когда мы разсматриваемъ свои представленія со стороны самаго представляющагося въ нихъ содержанія (а не какъ акты представляющей силы), т. е. когда, разсматривая представленія, мы имѣемъ въ виду самые предметы, которые могли бы быть обозначены этими представленіями, то мы подъ всякимъ представленіемъ, одинаково какъ отчетливымъ такъ и не отчетливымъ, подразумѣваемъ не самый тотъ видъ содержанія, какой фактически данъ въ представленіи, а тотъ видъ его, въ какомъ оно явилось бы намъ, когда бы оно ощущалось, т. е. когда оно было бы дано въ воспріятіи. Хотя при простомъ моемъ представленіи звука ничто не звучитъ, и при простомъ представленіи запаха ничто не пахнетъ, но представляя предметъ звучащимъ или имѣющимъ запахъ, я приписываю ему не нѣчто беззвучное или лишенное запаха, а тотъ звукъ или запахъ, которые были бы даны мнѣ непосредственно, когда я испытывалъ бы соотвѣтствующія ощущенія; и при наблюденіяхъ подобнаго рода надъ представленіемъ, оно берется

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1.262; р. пер. 1.262.

въ неразрывной слитности съ этимъ своимъ толкованіемъ, или, лучше сказать, подъ представленіемъ и разумѣется тогда именно истолкованное содержаніе его. А въ этомъ истолкованіи мы обыкновенно не ошибаемся. Однако въ представленіяхъ, которыя приближаются къ простымъ знакамъ ощущеній, повидимому, все же скрадываются, не получаютъ соотвѣтственнаго или по крайней мѣрѣ рельефнаго обозначенія, а слѣдовательно и не могутъ получить точнаго истолкованія болѣе тонкіе оттѣнки содержанія. Если никто не лишенъ способности различать въ представленіи не только запахи отъ цвѣтовъ или звуковъ, но и различные цвѣта или звуки другъ отъ друга и иногда съ очень большою точностію, все же, какъ кажется, нельзя отрицать, что при этого рода представленіяхъ обозначаемая реальность, за исключеніемъ развѣ особыхъ чрезвычайныхъ случаевъ, указывается для мысли, а, слѣдовательно, и можетъ быть истолкована только болѣе обще, менѣе опредѣленно, чѣмъ указывается она геометрическими представленіями, содержащими копію представляемаго, не отличающуюся отъ дѣйствительности.

Но Милль хочетъ имѣть болѣе. Онъ утверждаетъ, что воображаемые геометрическіе рисунки могутъ быть предметами геометрическихъ наблюденій, не хуже изображаемыхъ ими дѣйствительныхъ предметовъ. А это уже никакъ не критическое преувеличеніе факта. Для точнаго наблюденія нужна не только отчетливость изображенія наблюдаемаго предмета. Для него нужны еще два условія, которыя есть при наблюденіи внѣшнихъ предметовъ и которыхъ не можетъ быть при наблюденіи надъ образами, создаваемыми воображеніемъ. Первые могутъ, во-первыхъ, сохранять устойчивость, не подвергаясь постояннымъ и неуслѣдимымъ измѣненіямъ съ такихъ сторонъ, которыя могутъ имѣть значеніе для результата наблюденія. А это даетъ возможность подвергать ихъ какому угодно тщательному и продолжительному разсмотрѣнію, даетъ возможность сосредоточивать вниманіе поочередно на различныхъ частяхъ и подробностяхъ предмета безъ опасенія, что остальныя части измѣнятся. Ничего подобнаго не можетъ быть при конструкціяхъ только воображаемыхъ. Рѣшится ли кто-нибудь утверждать, что воображаемый имъ рисунокъ останется совсѣмъ безъ измѣненія на сколько-нибудь продолжительное время при переходахъ сосредоточеннаго вниманія съ однихъ частей его на другія? Возможно-ли это, когда даже и существовать въ нашемъ представленіи рисунокъ можетъ исключительно только благодаря постоянному порожденію его вновь и вновь усиліями воображенія и когда каждый переходъ вниманія съ однихъ

частей его на другія есть въ существѣ дѣла измѣненіе образа, ослабленіе рисунка до полнаго уничтоженія его въ не наблюдаемыхъ сейчасъ частяхъ и оживленіе въ наблюдаемыхъ? Только наше живое убѣжденіе въ томъ, что наша творческая сила при постоянныхъ подновленіяхъ рисунка руководится стремленіемъ сохранить по возможности одинаковый составъ образа, иллюзорно принимается нами за совершенную неизмѣняемость образа при его наблюденіи. Но стремленіе сохранить совершенную одинаковость образа по его составу еще не гарантируетъ дѣйствительной совершенной одинаковости его даже и по составу. Второе еще болѣе важное преимущество данныхъ въ воспріятіи предметовъ состоитъ въ возможности примѣнять какія угодно искусственныя средства и приспособленія какъ при выборѣ или самостоятельномъ построеніи чертежа, наиболѣе точно соотвѣтствующаго нужнымъ намъ условіямъ, такъ и при наблюденіи въ немъ тѣхъ свойствъ, въ существованіи которыхъ мы хотимъ убѣдиться. Въ отношеніи къ воображаемымъ рисункамъ нѣтъ смысла говорить о чемъ-нибудь подобномъ. А между тѣмъ, если доказательство аксіомъ на образахъ воображенія должно основываться дѣйствительно на наблюденіи, а не казаться только основаннымъ на наблюденіи, то все это можетъ отъ него потребоваться такъ же, какъ и отъ всякаго доказательства, основаннаго на наблюденіи.

Это ошибка думать, что наблюденія, которыя могли бы доказывать аксіому такъ же, какъ доказываются наблюденіями другіе законы, могутъ быть наблюденіями „съ перваго взгляда". Никто изъ вникавшихъ въ дѣло серьезно, конечно, не скажетъ, что, напримѣръ, аксіому параллелей можно достаточно точно доказать наблюденіемъ, приводя исключительно примѣры такихъ конструкцій, въ которыхъ двѣ прямыя, пересѣкающіяся третьей, были бы очень наклонны одна къ другой и притомъ еще пересѣкались съ третьей на очень близкомъ разстояніи одна отъ другой. Такіе случаи такъ часты въ нашемъ наблюденіи и такъ удобны для точной установки наблюдаемаго результата и всякаго рода провѣрокъ, что не трудно усмотрѣть примѣненіе къ нимъ аксіомы и съ перваго взгляда. Но за то, если все доказательство аксіомы должно сводиться исключительно къ наблюденію, разсмотрѣніе однихъ такихъ случаевъ оставляетъ широкое мѣсто вопросу, не зависитъ ли результатъ, который получается при нихъ, отъ того, что разстояніе между двумя прямыми, которыя пересѣкаются третьей, берется недостаточно значительное, а сумма внутреннихъ угловъ, образуемыхъ ими съ сѣкущей, на слишкомъ замѣт-

ную величину менѣе двухъ прямыхъ угловъ. Поэтому конструкціи, соотвѣтствующія аксіомѣ, должны, конечно, считаться тѣмъ цѣннѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ отдаленнѣе одна отъ другой будутъ точки пересѣченія двухъ прямыхъ третьей и чѣмъ болѣе сумма внутреннихъ угловъ, образуемыхъ этимъ пересѣченіемъ, приближается къ двумъ прямымъ. Но развѣ мы можемъ въ воображеніи, при построеніи двухъ угловъ на двухъ очень отдаленныхъ точкахъ сѣкущей, точно опредѣлять ихъ сумму для того, чтобы увѣриться въ разницѣ ея отъ суммы двухъ прямыхъ угловъ, когда эта разница очень ничтожна, и развѣ это можемъ мы въ воображеніи совершать съ тою же достовѣрностію, съ какою мы можемъ сдѣлать это съ помощію искусственныхъ приспособленій въ воспріятіи? И развѣ мы можемъ съ увѣренностію утверждать, что въ процессѣ построенія и созерцанія такой конструкціи въ воображеніи не являются такія незамѣтныя для насъ уклоненія отъ прямизны линій, отъ принятой величины угловъ, которыя способны понижать цѣнность и даже достовѣрность результата и которыхъ мы можемъ легко избѣжать въ воспріятіи уже вслѣдствіе устойчивости предметовъ воспріятія, а также вслѣдствіе широкой возможности примѣненія здѣсь какихъ угодно искусственныхъ приспособленій? Конечно, я не то хочу сказать, что въ воспріятіи возможна во всѣхъ этихъ отношеніяхъ безусловная точность, а лишь то, что эта точность во всякомъ случаѣ не сличима съ точностію наблюденія въ воображеніи.

Въ первой половинѣ вышеприведенной цитаты изъ Милля идетъ рѣчь о сторонѣ дѣла наиболѣе для насъ существенной, о правѣ переносить выводы изъ наблюденія надъ воображаемыми рисунками на фактическую дѣйствительность. Собственно въ ней только утверждается, что отчетливость воображаемыхъ рисунковъ, равная дѣйствительности, даетъ намъ возможность создавать въ воображеніи рисунки не менѣе сходные съ дѣйствительностію, чѣмъ рисунки на бумагѣ; но прямо не говорится, въ чемъ именно состоитъ значеніе этого сходства. Однако тотчасъ за сдѣланной выпиской это значеніе разъясняется. „При всѣхъ системахъ экспериментаціи, говоритъ Милль, мы беремъ нѣкоторые предметы для того, чтобы они служили представителями всѣхъ сходныхъ съ ними; а въ настоящемъ случаѣ условія, которыя дѣлаютъ реальный предметъ способнымъ быть представителемъ класса, оказываются вполнѣ выполненными предметомъ, существующимъ исключительно въ нашемъ воображеніи“ [1]). Ясно, что зависящее отъ

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1.262; р. пер. 1.263.

отчетливости сходство геометрическихъ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными важно въ глазахъ Милля въ томъ отношеніи, что, по его мнѣнію, оно даетъ намъ право замѣнять этими воображаемыми рисунками дѣйствительные предметы въ той индукціи, въ которой собранные и подвергающіеся наблюденію экземпляры должны являться представителями цѣлаго класса.

Но какимъ образомъ это право могло бы основываться на томъ сходствѣ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, которое предполагается отчетливостію геометрическихъ представленій? Построяя въ воображеніи рисунки, соотвѣтствующіе понятію, характеризующему субъектъ той или другой геометрической аксіомы, я вслѣдствіе „отчетливости геометрическихъ образовъ, равной дѣйствительности", могу быть увѣренъ, что если бы я по этимъ рисункамъ сдѣлалъ рисунки въ дѣйствительномъ мірѣ, или если бы нашлись въ этомъ мірѣ предметы, которые въ моей мысли могли бы быть обозначены этими рисунками, то мои воображаемые рисунки, по геометрической сторонѣ своей, оказались бы вполнѣ сходными съ этими дѣйствительными предметами. Но индукція, которая даетъ положенію достовѣрность и примѣняется къ доказательству высшихъ посылокъ знанія, по ученію Милля, никакъ не состоитъ въ наблюденіи какого угодно собранія предметовъ, относящихся къ извѣстному классу, т.-е. подходящихъ подъ понятіе, характеризующее субъектъ этого положенія. Онъ самъ, какъ мы видѣли, учитъ, что подобная индукція, подобно ассоціаціямъ, была бы плохимъ доказательствомъ закона природы. Для достовѣрной индукціи, по его же ученію, требуется не то только, чтобы брались предметы, относящіеся къ извѣстному классу, и всѣ они оказывались имѣющими извѣстное свойство; для нея требуется, чтобы они были даны на всякомъ мѣстѣ, во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ, т.-е. чтобы они были даны при всѣхъ возможныхъ разнообразныхъ условіяхъ и всегда оказывались имѣющими это свойство. Только эта данность предметовъ, подвергающихся наблюденію, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ отличаетъ достовѣрную индукцію отъ погрѣшительной; только она можетъ обезпечивать право признать постоянно наблюдаемое у нихъ свойство за свойство цѣлаго класса, т.-е. всѣхъ предметовъ, подходящихъ подъ то же понятіе, какъ и они. Предположимъ же теперь, что то сходство геометрическихъ воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, которое предполагается отчетливостію геометрическихъ представленій, совсѣмъ сравниваетъ ихъ съ дѣйствительными геометрическими предметами. Но

что же, спрашивается, дастъ намъ право признать, что то свойство, которое мы постоянно наблюдали бы въ рисункахъ извѣстнаго класса, построенныхъ въ нашемъ воображеніи, есть постоянное свойство всѣхъ реальныхъ предметовъ этого класса? Что здѣсь въ области воображенія будетъ отвѣчать той чертѣ достовѣрной индукціи, по которой экземпляры, изслѣдованные ею, должны быть даны при всевозможныхъ условіяхъ и которая считается необходимой для индукціи достовѣрной? Отвѣчать этой чертѣ въ области воображенія могли бы развѣ только наши попытки всевозможнымъ образомъ модифицировать воображаемые рисунки, исчерпать по возможности всѣ способы составленія ихъ воображеніемъ для того, чтобы убѣдиться, что при всяческихъ усиліяхъ воображенія разнообразить ихъ извѣстное наблюдаемое въ нихъ свойство неизмѣнно остается при нихъ. Но убѣдиться въ этомъ, это значитъ убѣдиться въ томъ, что связь между опредѣленными классовыми свойствами и какимъ либо особымъ наблюдаемымъ у предметовъ этого класса свойствомъ въ нашемъ воображеніи неразрывна, т.-е. что фигура, противорѣчащая доказываемому такимъ способомъ положенію, для насъ совершенно немыслима. И если теперь это убѣжденіе въ немыслимости противорѣчащаго сужденію образа оказывается необходимымъ для того, чтобы мы получили право перенести наблюдаемое свойство съ воображаемыхъ рисунковъ на цѣлый классъ соотвѣтствующихъ дѣйствительныхъ предметовъ, то это будетъ означать, что по крайней мѣрѣ здѣсь, въ области геометрической (и вообще математической) признается право немыслимостію опредѣленныхъ сочетаній пользоваться какъ доказательствомъ невозможности ихъ въ реальномъ мірѣ. Какимъ же образомъ можно будетъ съ этимъ согласить тотъ фактъ, что Милль ведетъ энергическую полемику противъ научнаго значенія ссылокъ на немыслимость исключеній изъ сужденія прямо по поводу признанія достовѣрности геометрическихъ аксіомъ и въ примѣненіи къ этой достовѣрности? Ясно, что эта полемика, по крайней мѣрѣ въ ея непосредственномъ примѣненіи къ геометрическимъ аксіомамъ, есть чистое недоразумѣніе, происшедшее отъ того, что Милль, увѣрившись въ возможности достигать въ геометрической области достовѣрнаго знанія чрезъ наблюденіе надъ образами воображенія, не уяснилъ себѣ, что этотъ путь убѣжденія предполагаетъ достовѣрность тѣхъ неразрывныхъ связей между представленіями, за которыми онъ отрицаетъ всякое научное значеніе.

Оставляя въ сторонѣ полемику Милля прямо противъ научнаго значенія немыслимости въ геометрической области, мы можемъ спро-

сить, не могло ли признаніе научнаго значенія неразрывной связи геометрическихъ представленій, оказывающееся необходимымъ для Миллева разъясненія законности убѣжденія въ аксіомахъ на представленіяхъ, разсматриваться какъ совершенно особый случай, который можетъ быть оправданъ своими особыми основаніями и не ведетъ по крайней мѣрѣ къ признанію научнаго значенія немыслимости вообще? Но какія же основанія мы могли бы извлечь для этого изъ разсужденій Милля по поводу этого особаго случая?

Разъясняя право замѣнять въ индукціи, доказывающей геометрическія аксіомы, дѣйствительные предметы воображаемыми рисунками, Милль, какъ мы видѣли, ссылается на особое сходство послѣднихъ съ первыми, зависящее отъ отчетливости геометрическихъ представленій. Но это сходство не можетъ быть, конечно, растолковано Миллемъ, какъ ассоціанистомъ, въ смыслѣ необходимости для образа подчиняться и тѣмъ же законамъ, какимъ подчинены дѣйствительныя геометрическія реальности. Представленія геометрическія, подобно всѣмъ другимъ представленіямъ, сами по себѣ, т.-е. по самому своему содержанію не имѣютъ у него никакихъ тенденцій соединяться одно съ другимъ такъ или иначе; ихъ связи, какихъ бы степеней неразрывности онѣ ни достигали, подобно связямъ между всѣми другими представленіями, суть простой результатъ встрѣчи ихъ въ сознаніи и ассоціацій, совершающихся опять по тѣмъ же законамъ, которымъ подчинено соединеніе всѣхъ другихъ представленій. Такимъ образомъ такихъ основаній для довѣрія неразрывнымъ сочетаніямъ геометрическихъ представленій, которыя предполагали бы особое, не ассоціативное происхожденіе этихъ сочетаній, здѣсь быть не можетъ.

У Милля при разъясненіи процесса убѣжденія въ аксіомахъ на представленіяхъ встрѣчается такая мысль, которая даже и въ томъ случаѣ, если предполагаются одинаковые законы происхожденія всѣхъ связей представленій, можетъ, повидимому, оправдывать особое довѣріе къ связямъ между представленіями одного рода, напримѣръ геометрическими, сравнительно съ связями между другими представленіями.

Милль отрицаетъ право ссылаться на немыслимость исключеній изъ сужденія на основаніи отрицательныхъ инстанцій, на основаніи примѣровъ, которые, по его мнѣнію, доказываютъ, что немыслимость, будучи случайнымъ явленіемъ, можетъ не совпадать съ реальною невозможностью тѣхъ соединеній, которыя оказываются немыслимыми. Но это, конечно, не препятствуетъ ему признавать, что нѣкоторыя изъ немыслимыхъ соединеній и даже очень многія изъ н хъ, и между

ними геометрическія, могутъ совпадать съ случаями, противорѣчащими законамъ соединеній реальностей. Ничто не препятствовало ему и поставить вопросъ, не благопріятствуетъ ли особая отчетливость геометрическихъ представленій тому, чтобы въ геометрической области достигали совершенной неразрывности лишь такія соединенія представленій, которыя точно соотвѣтствуютъ геометрической законосообразности въ бытіи. Для философа, держащагося эмпиристической теоріи знанія, этотъ вопросъ могъ, конечно, быть рѣшенъ только опытомъ. И если геометрическія невообразимости дѣйствительно фактически соотвѣтствуютъ реальнымъ невозможностямъ, то почему это не могло бы быть установлено опытомъ? То право замѣнять въ индукціи дѣйствительные предметы воображаемыми, которое, какъ мы видѣли, Милль выводилъ изъ сходства воображаемыхъ рисунковъ съ дѣйствительными, всего черезъ нѣсколько строкъ послѣ выписанной цитаты, онъ хочетъ дѣйствительно обосновать на опытѣ. „Мы не были бы уполномочены, говоритъ онъ, замѣнять наблюденіями надъ образами въ нашемъ умѣ наблюденіе надъ дѣйствительностію, если бы долговременный опытъ не научилъ насъ, что свойства дѣйствительныхъ предметовъ вѣрно представляются въ образѣ; такимъ же образомъ мы съ научной стороны правы, описывая животное, которое никогда не видали, по его дагерротипному изображенію, но не ранѣе, чѣмъ когда обширный опытъ научилъ насъ, что наблюденіе надъ такимъ изображеніемъ совершенно равносильно съ наблюденіемъ надъ оригиналомъ“ [1]).

Но отчего бы неразрывныя связи между представленіями и въ области другихъ представленій, не математическихъ, не могли бы оказаться соотвѣтствующими законамъ реальностей? И отчего бы опытнымъ путемъ мы не могли убѣждаться въ этомъ? Указывая случаи неразрывныхъ соединеній, самъ Милль ставитъ между ними, напримѣръ, и невозможность для насъ представить какое либо тѣло одновременно и все бѣлымъ и все чернымъ [2]), и несомнѣнно, что по его взгляду эта невообразимость соотвѣтствуетъ реальной невозможности. А эта невообразимость касается совсѣмъ не математическихъ представленій и, конечно, знаніе о соотвѣтствіи ея съ реальною невозможностію Милль, согласно съ своими общими взглядами, также могъ объяснять только изъ опыта. Слѣдовательно, при такомъ объясненіи

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1.263; р. пер. 1.263.

[2]) *Mill.* Exam. of Ham. Phil. 67.

не было бы права говорить объ особой отчетливости геометрическихъ (и вообще математическихъ) представленій какъ исключительномъ условіи, дающемъ право научно пользоваться неразрывными связями представленій.

Но сущность дѣла не въ этомъ. Сущность дѣла въ томъ, что если принять, что право доказывать аксіомы чрезъ наблюденіе надъ воображаемыми рисунками должно быть само доказано опытомъ, то оно окажется правомъ, не имѣющемъ никакого смысла, внутреннимъ противорѣчіемъ. Чтобы опытно убѣдиться въ томъ, что неразрывныя геометрическія ассоціаціи соотвѣтствуютъ законамъ геометрическихъ реальностей, для этого нужно сличить эти неразрывныя ассоціаціи съ этими законами. А для того, чтобы имѣть возможность сличить ихъ другъ съ другомъ, предварительно, конечно, нужно опытнымъ путемъ установить тѣ и другіе. Но зачѣмъ послѣ этого мы стали бы уже установленные геометрическіе законы еще разъ устанавливать съ помощію индукціи надъ воображаемыми рисунками? И какую силу могло бы имѣть это новое доказательство ихъ, когда оно предполагаетъ ихъ точную установку для того, чтобы само могло состояться, и когда, слѣдовательно, оно само опирается на принятой уже достовѣрности этой установки?

Кто-нибудь можетъ подумать, что для эмпиризма не трудно избѣжать этого противорѣчія. Вѣдь соотвѣтствіе между неразрывными геометрическими ассоціаціями и соотвѣтствующими геометрическими законами можно, повидимому, доказывать, не имѣя непосредственно дѣла съ геометрическими аксіомами и ассоціаціями, имъ соотвѣтствующими; для этого нужно только установить соотвѣтствіе очень многихъ другихъ неразрывныхъ геометрическихъ ассоціацій другимъ геометрическимъ законамъ и изъ этихъ хорошо установленныхъ многочисленныхъ случаевъ соотвѣтствія геометрическихъ неразрывныхъ ассоціацій геометрическимъ законамъ вывести индуктивнымъ путемъ общую мысль о соотвѣтствіи вообще въ геометрической области неразрывныхъ ассоціацій законамъ; и такимъ образомъ получится право безъ противорѣчія себѣ доказывать геометрическія аксіомы индукціей надъ воображаемыми рисунками. Однако такой путь совсѣмъ не приложимъ къ доказательству геометрическихъ аксіомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, когда ставится вопросъ о геометрическихъ аксіомахъ, ставится вопросъ объ основаніяхъ убѣжденія въ послѣднихъ посылкахъ геометрическаго знанія, отъ которыхъ зависитъ убѣжденіе во всѣхъ другихъ геометрическихъ истинахъ, доказываемыхъ съ ихъ помощію.

А при описанномъ сейчасъ способѣ убѣжденія въ аксіомахъ, прямо наоборотъ, признаніе ихъ истинности оказалось бы зависимымъ отъ признанія истинности другихъ геометрическихъ законовъ, которые такимъ образомъ превратились бы въ аксіомы; и вопросъ объ основаніяхъ истинности нѣсколькихъ аксіомъ только смѣнился бы въ этомъ случаѣ вопросомъ объ основаніяхъ истинности огромнаго числа тѣхъ положеній, которыя оказались бы необходимыми для ихъ доказательства. Во-вторыхъ, эти многіе другіе законы, которые необходимо было бы установить ранѣе обоснованія аксіомъ, по большей части не отличаются своею очевидностію подобно аксіомамъ. А это значитъ, что, хотя бы связи между представленіями, входящими въ нихъ, и были неразрывны, все же намъ нельзя убѣждаться въ этой неразрывности непосредственно. Для того, чтобы съ помощію простого наблюденія установить, напримѣръ, равенство суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ угламъ или равенство квадратовъ катетовъ прямоугольнаго треугольника квадрату гипотенузы или равенство площади двухъ треугольниковъ, имѣющихъ одинаковыя основанія и высоты,— для этого потребовались бы такіе пріемы и приспособленія, которые совсѣмъ не примѣнимы къ области воображенія. Если же мы не можемъ непосредственно убѣждаться въ неразрывности въ нашемъ воображеніи связей между представленіями, соотвѣтствующихъ большинству геометрическихъ законовъ, то, конечно, не можемъ индуктивно устанавливать и соотвѣтствіе между такими связями и геометрическими законами.

Въ выписанной цитатѣ Милль сравниваетъ возможность для насъ опытно убѣждаться въ правѣ пользоваться при доказательствѣ аксіомъ воображаемыми рисунками съ возможностью опытно убѣждаться въ правѣ судить о животномъ по его дагерротипному изображенію. Сравненіе остроумно; но, если въ немъ дѣло идетъ дѣйствительно о воображаемыхъ рисункахъ, то оно къ дѣлу не подходитъ. Дагерротипное изображеніе имѣетъ въ единичномъ предметѣ свой оригиналъ, который служитъ условіемъ возникновенія этого именно изображенія, и вопросъ о сходствѣ дагерротипныхъ изображеній съ дѣйствительностію есть вопросъ о сходствѣ каждаго такого изображенія съ тѣмъ единичнымъ предметомъ, который служитъ его оригиналомъ. Создаваемые воображеніемъ геометрическіе рисунки не предполагаютъ каждый свой особый оригиналъ, который бы служилъ условіемъ этого именно рисунка, и тотъ вопросъ о сходствѣ этихъ рисунковъ съ дѣйствительностію, рѣшеніе котораго давало бы право переносить наблюдаемое

въ этихъ рисункахъ свойство на весь соотвѣтствующій классъ реальныхъ предметовъ, есть, какъ мы видѣли, совсѣмъ не вопросъ о сходствѣ каждаго такого рисунка съ какимъ-нибудь реальнымъ предметомъ, а вопросъ о сходствѣ неразрывныхъ связей, которыя обнаружились бы одинаково во всѣхъ воображаемыхъ рисункахъ съ законосообразными связями бытія. И къ опытному рѣшенію этого вопроса приступить нельзя, предварительно не установивъ тѣхъ законосообразныхъ связей въ бытіи, которыя должны быть сравнены съ неразрывными связями соотвѣтствующихъ представленій. Я не говорю уже о томъ, что сходство дагерротипныхъ изображеній съ ихъ оригиналами устанавливается экспериментальнымъ путемъ, который по теоріи Милля совсѣмъ не приложимъ къ доказательству послѣднихъ посылокъ знанія.

Выше мы видѣли, что индукція надъ воображаемыми геометрическими рисунками, которая по теоріи Милля достовѣрно убѣждала бы въ аксіомахъ, была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы допущена была законность вѣры въ соотвѣтствіе неразрывной связи геометрическихъ представленій геометрической законосообразности въ бытіи. А теперь мы видимъ, что Милль не можетъ указать никакихъ особыхъ основаній для того, чтобы сдѣлать въ области геометрическихъ (и вообще математическихъ) представленій исключеніе изъ общаго своего положенія о неправомѣрности этой вѣры. Отсюда слѣдуетъ, что Миллево признаніе возможности убѣждаться въ аксіомахъ на созерцаніи простыхъ образовъ можетъ быть связано съ его общими эмпиристическими и ассоціонистическими убѣжденіями лишь въ томъ случаѣ, если признать простымъ недоразумѣніемъ полемику его противъ научнаго значенія не только геометрической невообразимости, но и невообразимости вообще.

Въ примѣчаніи къ тому параграфу своей логики, въ которомъ изложенъ сейчасъ разобранный взглядъ, Милль, оспаривая различныя возраженія, высказывавшіяся противъ этого взгляда, придаетъ ему, повидимому, такое толкованіе, при которомъ все, сказанное мною выше, теряетъ всякое значеніе. Здѣсь для обозначенія тѣхъ образовъ, на которыхъ должны доказываться аксіомы, вмѣсто терминовъ „представленіе", „воображеніе" является терминъ „воспоминаніе" (recollection), и все примѣчаніе заканчивается такими замѣчательными словами: „истина въ томъ, что мы можемъ изучать природу и постоянно изучаемъ ее по нашимъ воспоминаніямъ, когда сами предметы отсутствуютъ, и что относительно геометрическихъ формъ мы

можемъ полагаться на наши воспоминанія вполнѣ, а въ большинствѣ другихъ случаевъ только несовершенно" [1]).

Если взять воспоминаніе въ его обычномъ пониманіи и провести эту мысль Милля во всей послѣдовательности, то, конечно, придется принять предполагаемый Миллемъ индуктивный процессъ надъ воображаемыми рисунками за процессъ припоминанія требуемыхъ его достовѣрной индукціей наблюденій надъ дѣйствительными предметами.

Само собою понятно, что при такомъ процессѣ мы могли бы не нуждаться ни въ какой вѣрѣ въ соотвѣтствіе неразрывныхъ связей нашихъ представленій съ законосообразными связями реальностей; намъ даже могло бы не быть никакого дѣла вообще до неразрывныхъ связей представленій. Вѣдь въ подобномъ процессѣ припоминанія результатовъ наблюденій надъ дѣйствительными предметами перенесеніе постоянно наблюдавшагося у воспоминаемыхъ предметовъ свойства на весь классъ этихъ предметовъ могло бы оправдываться прямо тѣмъ же, чѣмъ оно оправдывается въ достовѣрной миллевой индукціи, т. е. тѣмъ, что воспоминаемые теперь предметы при самомъ наблюденіи ихъ въ воспріятіи даны были при всякихъ возможныхъ условіяхъ. Но совершенно очевидно, что не о подобныхъ процессахъ припоминанія результатовъ прежнихъ наблюденій идетъ рѣчь у Милля. Такія припоминанія не только совершенно законно занимаютъ мѣсто во всякой индукціи, но почти изъ нихъ однихъ и состоитъ и можетъ только состоять та индукція простѣйшей формы, которой, по Миллю, должны доказываться всѣ послѣднія посылки знанія. Никогда не было и никогда быть не можетъ, чтобы при индукціи черезъ простое перечисленіе всѣ случаи, нужные для подтвержденія общей истины, могли быть даны фактически въ одномъ актѣ воспріятія. Наблюденія надъ безчисленнымъ множествомъ предметовъ всегда могутъ свидѣтельствоваться только памятью и воспоминаніемъ. И это приложимо не только къ доказательствамъ по этому методу и не только даже къ доказательствамъ по всякому методу, требующему ряда фактовъ, но даже и къ такому, которое требовало бы, положимъ, единичнаго эксперимента. Вѣдь не долженъ же ученый всю свою жизнь ежеминутно совершать этотъ экспериментъ для того, чтобы въ какую угодно минуту имѣть возможность выразить законную увѣренность въ истинѣ, доказываемой съ его помощію. Для него простое твердое сознаніе, что нужный экспериментъ былъ сдѣланъ и

---

[1]) *Mill.* Syst. of Log. 1, 264; р. пер. 1, 265.

результатъ былъ точно наблюдаемъ, конечно, совершенно достаточно для того, чтобы считать научно обоснованнымъ положеніе, вытекающее изъ него. А поэтому не убѣжденіе только въ геометрическихъ (и вообще математическихъ) аксіомахъ, предполагающихъ отчетливыя представленія, но убѣжденіе въ какихъ угодно истинахъ, какія бы представленія, отчетливыя или неотчетливыя, въ нихъ ни входили, и о какой-бы связи онѣ ни говорили, „существующей ли въ данное мгновеніе и на первый взглядъ" или предполагающей „недоступное рисункамъ дѣйствіе тѣлъ другъ на друга", всегда неизбѣжно основывается на ранѣе наблюдавшихся и теперь только воспоминаемыхъ фактахъ. И объяснять процессъ убѣжденія въ аксіомахъ, совершающійся на представленіяхъ, этого рода воспоминаніями—это значило бы весь процессъ установки и даже не только всѣхъ высшихъ посылокъ знанія, но и вообще всего знанія, насколько оно выходитъ за предѣлы даннаго въ настоящій моментъ воспріятія, свести на процессъ усмотрѣнія истины на простыхъ образахъ. А отрицаніе надлежащей точности и обще-научнаго значенія у процессовъ такого рода всюду кромѣ математики должно повести къ отрицанію дѣйствительнаго знанія во всѣхъ наукахъ кромѣ математики, какъ это было у Юма, въ прямое противорѣчіе съ тѣмъ признаніемъ достовѣрности научнаго знанія, которое отличаетъ представителей новаго эмпиризма.

Что же Милль разумѣлъ и могъ разумѣть подъ воспоминаніями, когда обозначалъ этимъ терминомъ въ примѣчаніи то, что въ текстѣ логики называлъ воображаемыми рисунками?

Въ томъ же примѣчаніи высказывая ту мысль, что воспоминанія о цвѣтахъ или запахахъ могутъ также стать въ особыхъ частныхъ случаяхъ предметомъ опыта, Милль для поясненія говоритъ, что лицо, которое видѣло два голубыхъ цвѣтка порознь и не сравнивало ихъ, могло бы (если бы впечатлѣнія его были живы и отчетливы) впослѣдствіи дать точный отвѣтъ на вопросъ, какой изъ цвѣтковъ имѣлъ болѣе темный оттѣнокъ. Не дается ли этимъ понять, что дѣло идетъ о такихъ случаяхъ воспоминанія, когда съ помощію воспоминанія устанавливается такая особенность предмета, бывшаго въ воспріятіи, которая не была прямо констатирована сознаніемъ во время наблюденія предмета при самомъ его воспріятіи и которая удостовѣряется для сознанія впервые чрезъ созерцаніе образа воспоминаемаго предмета? Но и такое предположеніе совершенно не допустимо.

Отожествленіе воображаемыхъ рисунковъ съ воспоминаніями, понимаемыми въ этомъ смыслѣ, могло бы избавлять отъ затрудненій

взглядъ Милля на процессъ убѣжденія въ аксіомахъ на образахъ лишь въ томъ случаѣ, когда бы предполагалось, что какъ скоро въ воспоминаемомъ образѣ предмета созерцается нами то свойство, отношеніе котораго къ этому предмету мы хотимъ установить, тотчасъ пробуждается воспоминаніе, что это свойство существовало въ предметѣ и при воспріятіи его нами, и на основаніи этого пробудившагося воспоминанія мы и приписываемъ предмету это свойство. Предположимъ, наоборотъ, что о свойствѣ, созерцаемомъ нами въ воспоминаемомъ образѣ предмета, воспоминаніе опредѣленно не говоритъ намъ, что оно существовало при его воспріятіи, и мы приписываемъ его предмету исключительно потому, что оно невольно возникаетъ въ его образѣ, даже неотдѣлимо отъ этого образа. О чемъ же этотъ фактъ могъ бы свидѣтельствовать, когда онъ повторился бы и при созерцаніи также воспоминаемыхъ образовъ безчисленныхъ другихъ предметовъ того же класса, которые предполагаются индукціей? Конечно, для ассоціониста онъ могъ бы свидѣтельствовать только о томъ, что ассоціація этого свойства съ классовыми свойствами всѣхъ этихъ предметовъ на столько сильна, что представленіе этого свойства неизбѣжно входитъ въ представленіе каждаго предмета этого класса. Вѣдь все равно, имѣли ли бы всѣ до одного предметы этого класса это свойство или встрѣчались бы исключенія изъ этого правила, образы этихъ предметовъ во всякомъ случаѣ должны бы были, по Миллю, оказаться съ этимъ свойствомъ, какъ скоро ассоціація неразрывна. Что же въ такомъ случаѣ будетъ доказывать индукція, совершающаяся съ помощію этихъ образовъ, если она не основывается на вѣрѣ, что неразрывная ассоціація между извѣстными представленіями есть доказательство законосообразной связи между соотвѣтствующими реальностями?

Съ другой стороны, предположить, что по мнѣнію Милля въ этой индукціи созерцаемое въ образахъ опредѣленное свойство соединяется съ воспоминаніемъ о существованіи его въ каждомъ изъ воспоминаемыхъ предметовъ и на этомъ именно воспоминаніи и основывается приписаніе нами этого свойства этимъ предметамъ, также совершенно невозможно. Можно сомнѣваться, чтобы Милль счелъ возможнымъ такими случайными воспоминаніями наполнить индуктивный процессъ, который долженъ изобиловать предметами, относящимися ко всякому мѣсту и времени и ко всякимъ условіямъ. Притомъ же тотъ процессъ убѣжденія въ аксіомахъ на созерцаніи простыхъ образовъ, на который ссылались защитники чисто умозрительнаго убѣжденія въ аксіомахъ, былъ процессомъ убѣжденія на образахъ, никакъ не

воспоминаемыхъ, а въ собственномъ смыслѣ воображаемыхъ. И Милль, конечно, хорошо понимаетъ это и въ этомъ именно смыслѣ излагаетъ ихъ взглядъ съ цѣлью противопоставить ему собственное разъясненіе этого процесса. И изложивъ этотъ взглядъ, Милль не говоритъ ни того, что защитники умозрительнаго убѣжденія въ аксіомахъ ошибочно описываютъ этотъ процессъ какъ процессъ, совершающійся надъ рисунками, въ собственномъ смыслѣ воображаемыми а не воспоминаемыми, ни того, что описываемый ими процессъ надъ воображаемыми рисунками не можетъ давать достовѣрнаго знанія, которое требуетъ не воображаемыхъ рисунковъ, а воспоминаній. Милль просто берется, не предполагая умозрительнаго знанія, исключительно изъ особой отчетливости геометрическихъ представленій объяснить возможность и достовѣрность этого самого процесса, на который ссылались защитники умозрительнаго характера геометрическаго знанія. Развѣ могъ бы онъ такъ ставить дѣло, если бы предполагалъ, что созерцаемыя на рисункахъ свойства должны быть прикрѣплены къ предметамъ прямыми воспоминаніями о фактахъ воспріятія,—воспоминаніями, для которыхъ совсѣмъ не было мѣста въ процессахъ, о которыхъ говорили его противники? Сущность процесса Милль разъясняетъ какъ наблюденіе надъ воображаемыми рисунками, какъ такіе опыты надъ ними, „которые единственно состоятъ во внимательномъ ихъ созерцаніи“, какъ „единственно въ мысли совершающійся процессъ надъ образами безъ дѣйствительнаго воспріятія“ предметовъ. Развѣ можно было такъ характеризовать процессъ, если предполагалось, что созерцаемое на образахъ приписывается предметамъ исключительно въ силу ссылки памяти на предшествующія воспріятія, что эта ссылка играетъ самую существенную роль во всемъ процессѣ? Своимъ разъясненіемъ процесса, по его собственнымъ словамъ, Милль хочетъ доказать, что вслѣдствіе отчетливости геометрическихъ образовъ и происходящаго отсюда сходства ихъ съ дѣйствительными геометрическими реальностями мы „по воображаемымъ линіямъ можемъ судить о дѣйствительныхъ съ тою же достовѣрностью, какъ по одной дѣйствительной линіи о другой“. Но ужели же можно предположить, что Милль думаетъ, что воспоминаніе о принадлежности извѣстнаго свойства извѣстному предмету, вызванное созерцаніемъ образа этого предмета, только благодаря отчетливости геометрическихъ представленій, можетъ давать право приписать это свойство этому предмету,—да притомъ еще давать право лишь въ той же степени, въ какой его давало бы разсмотрѣніе совсѣмъ другого дѣйстви-

тельнаго предмета, относящагося только къ тому же классу? Если бы дѣло шло объ отнесеніи къ предметамъ такихъ свойствъ, о существованіи которыхъ въ предметахъ свидѣтельствуетъ воспоминаніе, тогда Милль могъ бы сравнивать достовѣрность этого отнесенія только съ достовѣрностію воспріятій тѣхъ же самыхъ предметовъ, а никакъ не съ достовѣрностію выводовъ отъ однихъ предметовъ того же класса къ другимъ. Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ тому же вопросу: что же именно разумѣется Миллемъ подъ геометрическими воспоминаніями, которыя неожиданно являются въ его примѣчаніи?

Тотчасъ же за признаніемъ возможности въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ изучать даже запахи и цвѣта предметовъ по воспоминаніямъ Милль въ томъ же примѣчаніи переходитъ къ вопросу о воспоминаніи геометрическихъ формъ. Онъ начинаетъ изложеніе своего взгляда по этому предмету замѣчаніемъ, что и эти воспоминанія у иныхъ людей сохраняются въ памяти очень не точно, напримѣръ, очертаніе различныхъ частей лица того или другаго человѣка даже послѣ продолжительнаго знакомства съ нимъ. „Но, продолжаетъ онъ, каждый имѣетъ совершенно опредѣленный умственный образъ прямой линіи, круга или прямоугольника. И каждый съ увѣренностію заключаетъ отъ этихъ умственныхъ образовъ къ соотвѣтствующимъ внѣшнимъ вещамъ". Указываемый въ этихъ словахъ процессъ, который и долженъ служить поясненіемъ для убѣжденія въ аксіомахъ, получаемаго чрезъ созерцаніе образовъ, ставится здѣсь Миллемъ въ одинъ рядъ съ описанными передъ нимъ случаями точныхъ и неточныхъ воспоминаній частныхъ единичныхъ предметовъ, но тѣмъ не менѣе оказывается очень отличнымъ отъ нихъ. Приписываніе внѣшнимъ предметамъ того, что созерцается въ образѣ, оказывается здѣсь не припоминаніемъ того факта, что это созерцаемое свойство было фактически дано на единичныхъ предметахъ, опредѣленныхъ по мѣсту, времени и остальнымъ условіямъ, а характеризуется какъ *заключеніе изъ совершенно опредѣленнаго для насъ образа того или другого общаго геометрическаго понятія*, напримѣръ, прямой линіи, круга и пр. Изъ этихъ словъ ясно, что и при этомъ обращеніи Милля къ воспоминаніямъ совершенно такъ же, какъ при разъясненіи того же процесса въ самомъ текстѣ логики, у Милля совсѣмъ не предносилась сколько-нибудь опредѣленная мысль объ обозрѣніи огромнаго числа единичныхъ предметовъ, различающихся по мѣсту, времени, обстоятельствамъ, какъ требуетъ того его научная индукція. Онъ просто смотритъ на „совершенно опредѣленные для насъ образы" тѣхъ

или другихъ геометрическихъ понятій, на сколько они оказываются совершенно опредѣленными, т. е. на сколько въ нихъ классовыя свойства оказываются неразрывно связанными съ нѣкоторыми другими свойствами, какъ на точныя копіи какихъ угодно реальныхъ предметовъ, подходящихъ подъ тѣже понятія. И въ силу этого эти неразрывно связанныя съ общимъ понятіемъ свойства онъ разсматриваетъ какъ невольное воспоминаніе, которое не можетъ не быть приложимо къ какимъ угодно изъ воспринятыхъ прежде предметовъ, подходящихъ подъ соотвѣтствующее понятіе. Вслѣдствіе этого не только оказывается совершенно излишнимъ созерцаемое въ воспоминаемомъ образѣ свойство закрѣплять особымъ припоминаніемъ того, что это свойство существовало въ предметѣ при его воспріятіи, но оказывается совершенно излишнимъ и вообще отчетливое воспоминаніе единичныхъ случаевъ, требуемыхъ индукціею. Понятно, что процессъ, къ которому прилагается терминъ воспоминаніе, на самомъ дѣлѣ ничѣмъ инымъ и не можетъ быть какъ только „заключеніемъ изъ вполнѣ опредѣленныхъ для насъ образовъ" тѣхъ или другихъ общихъ геометрическихъ понятій. Милль не замѣчаетъ, что описанный такъ процессъ ничего не имѣетъ общаго съ его индукціей, какъ методомъ доказательства общихъ истинъ, а его воспоминаніе, какъ примѣняется оно имъ къ этому процессу, есть на самомъ дѣлѣ простое проявленіе той неразрывной связи однихъ представленій съ другими, которое онъ призналъ результатомъ неимѣющей научнаго значенія ассоціаціи.

Не уяснивъ себѣ, что въ основаніи процесса усмотрѣнія истинности аксіомъ на представленіяхъ, лежитъ неразрывная связь представленій, Милль вынужденъ обращаться въ разныя стороны для его объясненія, то ссылаясь на особую отчетливость геометрическихъ представленій, то ища въ долголѣтнемъ опытѣ удостовѣренія въ правѣ положиться на нихъ, то отожествляя ихъ съ воспоминаніями. Твердымъ остается у него одно: стоя самъ подъ очарованіемъ этого процесса, онъ не можетъ допустить мысли объ его недостовѣрности. Но этимъ онъ фактически, самъ того не замѣчая, беретъ назадъ всю свою полемику противъ научнаго значенія неразрывныхъ связей между представленіями.

М. Каринскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 гг. [1]).

IV.

Біографическіе очерки частнаго характера.

Назидательнѣе, чѣмъ общіе очерки, для насъ тѣ работы, которыя посвящены отдѣльнымъ вопросамъ пушкинской біографіи. Остановимся, хотя бы, на любопытномъ антропологическомъ эскизѣ проф. Анучина [2]). Почтенный авторъ посвящаетъ свою работу вопросу объ африканскомъ происхожденіи нашего великаго поэта; на основаніи изученія его портретовъ и скульптурныхъ изображеній онъ, съ антропологической точки зрѣнія, анализируетъ характерныя наслѣдственныя черты пушкинской природы. Въ связи съ этими изысканіями будетъ дальнѣйшая работа автора, въ которой онъ обѣщаетъ намъ „очеркъ психической личности" поэта, поскольку она сложилась подъ вліяніемъ наслѣдственности.

Дѣтство Пушкина въ родной семьѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не послужило предметомъ обстоятельной монографіи, а потому біографы, за неимѣніемъ матеріаловъ, до сихъ поръ почти не останавливали своего вниманія на этой важной порѣ въ жизни нашего поэта: въ нашемъ распоряженіи есть лишь нѣсколько, болѣе или менѣе, остроумныхъ характеристикъ отца и матери поэта.

---

[1]) *Продолженіе.* См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1901 годъ.

[2]) *Д. Н. Анучинъ*, „А. С. Пушкинъ", М. 1899 (антропологическій этюдъ), (*Русскія Вѣдомости*, №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193, 209, есть отд. оттиски).

Впрочемъ, изъ юбилейныхъ статей, посвященныхъ дѣтству и юности Пушкина [1]), отмѣтимъ статью г. Глинскаго [2]) въ юбилейномъ сборникѣ „Дѣтскаго Чтенія", а также небольшую замѣтку г. Поселянина [3]): „Русская няня" (М. 1899), въ которой авторъ, кромѣ Арины Родіоновны, даетъ еще нѣсколько образовъ русскихъ нянь изъ другихъ произведеній русской литературы.

За то лицейская жизнь юнаго поэта представлена довольно хорошо. Прежде всего стоитъ остановиться на перепечаткѣ (съ дополненіями) извѣстнаго труда академика Грота о лицейской жизни и товарищахъ Пушкина [4]). Кромѣ мемуаровъ, тамъ напечатанныхъ (С. Д. Комовскаго, съ примѣчаніями М. Я. Яковлева, и общаго очерка М. А. Корфа), мы встрѣчаемъ еще рядъ свѣдѣній о школьныхъ сверстникахъ поэта, объ его учителяхъ и воспитателяхъ, нѣсколько данныхъ о состояніи учебно-воспитательной части въ лицеѣ временъ Пушкина и о немъ самомъ въ бытность его лицеистомъ. Второе изданіе капитальной работы Я. К. Грота вызвало интересную статью Л. Н. Майкова на страницахъ „Русской Старины" [5]). Л. Н. Майковъ, выступая на защиту Пушкина противъ Корфа, даетъ прежде всего интересную литературную исторію его записки о Пушкинѣ и совершенно справедливо указываетъ на односторонность сужденія М. А. Корфа, но, на нашъ взглядъ, напрасно не останавливается на этомъ; сквозь строки его очень, впрочемъ, осторожной статьи сквозитъ желаніе вообще подорвать довѣріе къ свидѣтельству Корфа. Мы думаемъ, что все сказанное въ запискѣ Корфа—правда, но, конечно, это небольшая часть всей правды, которую можно сказать о Пушкинѣ, а потому показанія Корфа, хотя и цѣнны и назидательны, но далеко не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ пушкинскаго духа. Будемъ же вѣрить М. А. Корфу, но не забудемъ и восклицанія Пушкина, которое вырвалось у него при чтеніи матеріаловъ, собранныхъ біографомъ Байрона, — пусть читатель записокъ Корфа сумѣетъ отнестись къ нимъ безъ злорадства, безъ суровыхъ приговоровъ и упрековъ поэту, пусть смотритъ

---

[1]) Въ юбилейной литературѣ самая удачная, на нашъ взглядъ, характеристика домашней жизни поэта принадлежитъ г. Ив. Иванову („Дни покаянія", *Міръ Божій*, 1899, № 5).

[2]) *Б. Глинскій* въ *Пушк. Сб. библ. Дѣтскаго Чтенія.* (М. 1899).

[3]) *Е. Поселянинъ*, *Русская няня* (М. 1899).

[4]) *Я. К. Гротъ*, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники", 2 изд. 1899.

[5]) *Л. Н. Майковъ*, „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа", *Русская Старина*, 1899, № 8, 299.

на нихъ, какъ на цѣнный матеріалъ для спокойнаго изученія души Пушкина, для уясненія той борьбы, которая вознесла вулканическую натуру поэта изъ тьмы хаоса, тревоги и плотской суеты на чистыя, безоблачныя высоты божественно уравновѣшеннаго просвѣтленнаго духа!

Очень цѣнна работа г. Кобеко, посвященная исторіи лицея пушкинскихъ временъ [1]). Здѣсь на первомъ мѣстѣ вырисовывается симпатичный образъ Энгельгардта и его юныхъ друзей. Пушкинъ остается въ тѣни, хотя имя его мелькаетъ порою въ письмахъ Энгельгардта.

Представляетъ нѣкоторый интересъ и рѣчь г. Анненскаго, въ которой онъ выяснилъ роль Царскаго Села въ жизни и творчествѣ Пушкина [2]). Въ работѣ этой мы встрѣчаемъ умѣлую группировку стихотвореній, посвященныхъ Царскому Селу: по мнѣнію автора, царскосельскіе дворцы, сады и памятники, отъ которыхъ вѣяло еще свѣжимъ ароматомъ XVIII вѣка, внушали юношѣ-поэту „державинскія" настроенія: „въ Царскомъ Селѣ поэта окружали памятники нашего недавняго прошлаго, въ немъ жилъ еще своей грандіозной и блестящей стороной нашъ восемнадцатый вѣкъ, и Пушкинъ долженъ былъ тѣмъ живѣе чувствовать славу и обаяніе недавнихъ подвиговъ русскаго оружія, что его первые царскосельскіе годы совпали съ событіями отечественной войны. Не отсюда ли, не изъ этихъ ли садовъ, не отъ этихъ ли памятниковъ, простыхъ и строгихъ, но много говорившихъ сердцу впечатлительнаго юноши, идутъ тѣ *величавые* образы, которые такъ безконечно разнообразны на страницахъ его поэзіи?.. Не здѣсь ли Пушкина стали волновать впервые идеи исторической правды и возмездія" [3])? Предполагаетъ, между прочимъ, г. Анненскій, что великолѣпіе царскосельскихъ садовъ и дворцовъ отразилось на соотвѣтствующихъ картинахъ „Руслана и Людмилы". Онъ далѣе говоритъ о жизни и занятіяхъ Пушкина въ Лицеѣ, совершенно неосновательно пытается уничтожить автобіографическія черты въ герояхъ его раннихъ поэмъ и „Евгенія Онѣгина", невѣрно характеризуетъ Пушкина какимъ-то поэтомъ „про себя", скрытнымъ, „болѣзненно-цѣломудреннымъ" и, говоря о его поэзіи, совершенно правильно замѣчаетъ, что „гуманность Пушкина была явленіемъ высшаго порядка: она не дразнила воображенія картинами нищеты и страданія, и туманомъ слезъ не заволакивала

---

[1]) *Д. Ѳ. Кобеко*, „Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Енгельгардтъ и его питомцы", *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* (1899, № 12).

[2]) *И. Анненскій*, „Пушкинъ и Царское Село", Спб. 1899.

[3]) Тамъ же, 14—15.

сознанія; ея источникъ былъ не въ мягкосердечіи, а въ пониманіи и чувствѣ справедливости" [1]).

Петербургскаго періода жизни Пушкина касается интересная работа г. Модзалевскаго [2]); она посвящена біографіи пріятеля Пушкина по „Зеленой Лампѣ"—Я. Н. Толстаго. Сначала авторъ подбираетъ рядъ любопытныхъ данныхъ для характеристики этого кружка, что, конечно, особенно любопытно для біографа нашего поэта, а затѣмъ отходитъ отъ Пушкина и всецѣло занимается Я. Н. Толстымъ, его жизнью и литературной дѣятельностью.

Изъ общихъ очерковъ, посвященныхъ жизни и дѣятельности Пушкина на югѣ Россіи, назовемъ, прежде всего, работу г. Булашева [3]). Главное достоинство ея—обстоятельный подборъ данныхъ [старыхъ и новыхъ] [4]), касательно жизни поэта на югѣ Россіи, главный недостатокъ—полное отсутствіе самостоятельности. Г. Булашевъ далъ намъ сводъ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ матеріаловъ, приводя ихъ цѣлыми страницами или очень близко пересказывая, но не сумѣлъ критически отнестись къ тому мозаичному образу поэта, что сложился передъ нимъ послѣ такого пользованья матеріалами, — онъ собралъ матеріалъ, распредѣлилъ его и остановился передъ „творчествомъ".

Изъ недостатковъ, менѣе существенныхъ, отмѣтимъ нѣкоторыя неточности въ біографіи поэта: нельзя, напримѣръ, безъ оговорокъ принять утвержденіе, что Пушкинъ послѣ лицея „чуть не на каждомъ шагу ставилъ себя въ довольно ложное положеніе", тѣмъ, что „*льнулъ* къ золотой молодежи", которая въ „*недоумѣніи* сторонилась отъ невѣдомаго пришельца" [5]),—или: „Пушкинъ отнесся къ стряслшейся надъ нимъ бѣдѣ съ полною беззаботностью и чисто дѣтскимъ добро-

---

[1]) Тамъ же, 37.

[2]) *Б. Л. Модзалевскій*, „Яковъ Николаевичъ Толстой" (*Русская Старина*, 1899, № 9—10).

[3]) *Г. О. Булашевъ*, „А. С. Пушкинъ на югѣ Россіи" („Сборникъ Пушкину", изд. Кіевскаго Педагогическаго общества"), Кіевъ, 1899, ч. II, 1 (есть отдѣльные оттиски).

[4]) Изъ старыхъ работъ пользуется авторъ, главнымъ образомъ, трудами Бартенева, Анненкова, Яковлева; изъ новыхъ: статьями изъ *Правды* (1880, 23, 24, 27-го мая), *Мацѣевича* (*Историческій Вѣстникъ*, 1883, № 5), воспоминаніями *Францовой* (*Русское Обозрѣніе*, 1897, № 3), *Ив. Ѳедорова* (*Историческій Вѣстникъ*, 1890, № 5), записками *Смирновой*.

[5]) *Булашевъ*, op. cit. II, 2.

душіемъ" [1]),—что прямо невѣрно, такъ какъ хорошо извѣстно, что первое время онъ и перепугался, и растерялся. Обсужденіе вопроса о государственномъ переворотѣ, имѣвшее мѣсто у Раевскихъ при Пушкинѣ, г. Булашевъ назвалъ „формальнымъ совѣщаніемъ" [2]), тогда какъ это было лишь мистифицированіе поэта. Любопытно затѣмъ, что кишиневскіе дебоши и байронизмъ для автора, повидимому, синонимы [3]). Поэтому, съ его точки зрѣнія, періодъ пушкинскаго байронизма совпадаетъ у него съ эпохами скандаловъ: когда они подъ вліяніемъ общества Раевскихъ прекращаются, тогда байронизмъ поэта „перегораетъ"; когда поэтъ отъ Раевскихъ попадаетъ въ скандальный Кишиневъ,—онъ опять, оказывается, подпадаетъ вліянію англійскаго поэта. Впрочемъ, поведеніе Пушкина въ Кишиневѣ до нѣкоторой степени оправдывается авторомъ: по его мнѣнію, съ кишиневскими жителями „другого обращенія и не могло быть, чтобы удержать ихъ въ должныхъ границахъ" [4]). „Разсужденіе автора о „двухъ Пушкиныхъ", реальномъ и идеальномъ, о просвѣтлѣніи поэта путемъ „чистаго творчества", о „вѣдѣніи зла" etc. не отличаются ясностью [5]).

Заявленіе г. Булашева, что Пушкинъ „горячо" взялся за „обрусѣніе" кишиневской *канцеляріи* [6]), такъ странно, что останавливаться на немъ не будемъ. Отношенія поэта къ Инзову представлены невѣрно: Пушкинъ, якобы, отвѣчалъ на выговоры „дурачливыми (?) оправданіями, въ которыхъ явно сквозила насмѣшка надъ Инзовымъ" [7]). Г. Булашевъ увидѣлъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" „въ значительной степени вліяніе" Байрона, „въ созданіи образа влюбленнаго крымскаго хана Гирея" [8])—еще одно доказательство, какъ неясенъ автору Байронъ и значеніе его въ творчествѣ и жизни Пушкина. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" Байронъ сказался только въ томъ восточномъ колоритѣ, заимствованіе котораго самъ Пушкинъ признавалъ. О томъ, что поэтъ въ Одессѣ писалъ „цѣлые трактаты" [9]) о романтизмѣ, мы узнаемъ впервые отъ г. Булашева.

---

[1]) Тамъ же, 3.
[2]) Тамъ же, 23.
[3]) Тамъ же, 25, 60.
[4]) Тамъ же, 27.
[5]) Тамъ же, 29—30, 32.
[6]) Тамъ же, 40.
[7]) Тамъ же, 43.
[8]) Тамъ же, 78.
[9]) Тамъ же, 90.

Обширное пользованіе записками Францовой и Иванова, особенно послѣдняго, на нашъ взглядъ дѣло очень опасное, такъ какъ сочиненность ихъ чувствуется и въ литературности, и въ обширныхъ діалогахъ, и въ мелодраматичности (Ивановъ).

Говоря о жизни Пушкина у Раевскихъ, г. Булашевъ утверждаетъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Марію Николаевну Раевскую [1]); это онъ доказываетъ тѣми стихотворными воспоминаніями о поэтѣ, которыя Некрасовъ въ „Русскихъ Женщинахъ" вложилъ въ уста Маріи Николаевны, жены декабриста князя С. Г. Волконскаго.

Коренные недостатки работы г. Булашева особенно рельефно вырисовываются, когда мы сравнимъ ее съ небольшимъ, но очень цѣннымъ этюдомъ г. Александровскаго [2]). Авторъ приступаетъ къ разбираемому имъ вопросу вполнѣ сознательно, съ опредѣленными точками зрѣнія, положивъ въ основу своей работы рядъ ясно продуманныхъ имъ теоретическихъ взглядовъ. Параллельно съ жизнью поэта, г. Александровскій рисуетъ его литературную дѣятельность на югѣ. Большое мѣсто въ его работѣ занимаетъ вопросъ о байронизмѣ Пушкина, — въ рѣшеніи котораго онъ примыкаетъ къ нашей точкѣ зрѣнія [3]).

Г. Маркевичъ далъ любопытный очеркъ жизни Пушкина на югѣ [4]). Передъ нами обстоятельная характеристика общественной жизни Кишинева и Одессы, живые наброски тогдашняго Крыма и Кавказа, перечислены произведенія Пушкина, связанныя съ Новороссійскимъ краемъ, выяснены отношенія тамошняго общества къ Пушкину и отмѣченъ тотъ высокій интересъ, съ которымъ относится къ памяти поэта теперешняя интеллигенція южной Россіи. Совершенно справедливо указавъ на то, что извѣстность Пушкина среди большой публики завоевана была поэтомъ во время его изгнанія на югъ („Русланъ и Людмила" напечатана была въ бытность Пушкина въ Кишиневѣ), авторъ однако преувеличилъ значеніе юга, утверждая, что

---

[1]) *Г. Карскій* высказалъ предположеніе, что поэтъ послѣдовательно отъ увлеченія старшей сестрою Екатериною Николаевною перешелъ къ Еленѣ. Теперь, слѣдовательно, мы имѣемъ трехъ возможныхъ богинь пушкинскихъ пѣснопѣній.

[2]) *Г. В. Александровскій*, „Изъ юбилейныхъ чтеній о Пушкинѣ", I. Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ Россіи, II. Поэтъ-эхо. (Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана, 1898—1899, есть отд. оттискъ).

[3]) *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ", Спб., 1899.

[4]) *А. И. Маркевичъ*, „Пушкинъ и Новороссійскій край", „Пушкинскіе дни въ Одессѣ". (Сборн. Имп. Новоросс. У-та, Одесса, 1900 г.).

„только на югѣ Россіи окончательно опредѣлилась личность Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ она всѣмъ намъ дорога“ [1]).

Мы отмѣтили уже выше, что пребываніе на югѣ было въ жизни поэта эпохой броженія, своего рода Sturm und Drang'омъ, продолженіемъ петербургской жизни поэта.

Г. Житецкій тоже далъ намъ очеркъ жизни Пушкина на югѣ [2]). По его собственному заявленію, онъ „ничего новаго не думалъ сообщить въ своей работѣ; цѣль его напомнить читателямъ „Кіевской Старины“ въ годъ, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина, о тѣхъ мѣсяцахъ, которые провелъ поэтъ въ Малороссіи“. Однако, не ограничиваясь почему-то Малороссіею, авторъ захватываетъ всю жизнь поэта съ окончанія лицея до возвращенія на сѣверъ. Содержаніе этого очерка очень неровно; изложеніе неряшливо, впечатлѣніе поэтому получается нецѣльное. Касается авторъ и вопроса о литературныхъ вліяніяхъ, говоритъ много о Байронѣ.

Жизни Пушкина въ Кишиневѣ посвященъ цѣлый рядъ очерковъ. Г. Халиппа далъ очень обстоятельный очеркъ города Кишинева [3]); его топографію, перечень извѣстныхъ или любопытныхъ жителей его въ 20-хъ годахъ XIX-го столѣтія, описаніе достопримѣчательностей города, поскольку онѣ связаны были съ жизнью Пушкина. Авторъ умѣло воспользовался разными извѣстными мемуарами (Липранди, Вельтманъ) и другими данными и далъ работу, очень цѣнную для будущаго біографа Пушкина. Къ работѣ г. Халиппы приложена подписка бессарабцевъ на 1-е посмертное изданіе сочиненій Пушкина, выпущенное въ пользу его семейства.

Работа г. Шимановскаго, посвященная, судя по заглавію, описанію жизни поэта въ Кишиневѣ [4]), представляетъ на дѣлѣ всю біографію поэта: [1) общая характеристика, 2) вліяніе петербургскаго общества, 3) Пушкинъ на югѣ Россіи до пріѣзда въ Кишиневъ, 4) Пушкинъ въ Кишиневѣ, 5) Пушкинъ въ Одессѣ, 6) Пушкинъ въ с. Михайловскомъ, 7) Пушкинъ на свободѣ]. Новаго въ этой работѣ

---

[1]) Тамъ же, 137.

[2]) *И. П. Житецкій*, „Изъ первыхъ лѣтъ жизни Пушкина на югѣ Россіи“ (*Кіевская Старина*, 1899, есть отд. оттискъ).

[3]) *Ив. Халиппа*, „Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ Александра Сергѣевича Пушкина“ (1820—1823), Кишиневъ, 1899.

[4]) *А. Н. Шимановскій*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ связи съ предыдущей и послѣдующей жизнью“. Кишиневъ, 1900.

ничего нѣтъ. Характеристика внутренняго облика поэта схвачена довольно вѣрно, но выражена она довольно странно.

Работа г. Воскресенскаго [1]) также не представляетъ особаго интереса,—это легкій очеркъ жизни поэта въ Кишиневѣ. Приведена мелодраматическая канва для „Цыганъ" и приложено стихотвореніе, яко-бы, пушкинское:

„Тамъ всѣ поэта презираютъ
„И „дракулъ руссулъ" называютъ" etc.

—извлеченное изъ альбома одного каларашскаго помѣщика. Ольга Накко дала живой беллетристическій разсказъ, посвященный тоже жизни поэта въ Кишиневѣ [2]). Образъ поэта выдержанъ вѣрно, читается поэтому разсказъ живо и можетъ быть отнесенъ смѣло къ разряду „Wahrheit und Dichtung", которыми историкъ пренебрегать не долженъ. О матеріалахъ, касающихся жизни Пушкина въ Бессарабіи, мы говорили выше (глава II), отмѣтимъ лишь небольшую замѣтку о генералѣ Инзовѣ [3]), представляющую нѣкоторый интересъ.

О *первомъ* путешествіи Пушкина на Кавказъ никакихъ статей мы не имѣемъ,—касательно же пребыванія Пушкина въ Крыму кое-что есть.

Такъ, очень цѣнна прекрасно написанная работа г. Карскаго [4]). Прекраснымъ языкомъ, увлекательно авторъ обрисовалъ настроеніе поэта во время жизни его въ Крыму, очень искусно подобралъ всѣ стихотворенія, относящіяся по содержанію къ этой эпохѣ, письмами поэта иллюстрировалъ свои разсказы о Керчи, Ѳеодосіи, Гурзуфѣ и Симферополѣ. Работа эта, безспорно, одна изъ лучшихъ монографій, посвященныхъ поэту.

Въ такомъ же родѣ работа г. Арсенія Маркевича [5]). Авторъ прекрасно подобралъ всѣ произведенія поэта, въ которыхъ отразилось его увлеченіе природой и впечатлѣніями Крыма, извлекъ ихъ даже изъ черновыхъ набросковъ, отмѣтилъ проблески крымскихъ воспоминаній въ другихъ, позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Пребыванію Пушкина въ Каменкѣ посвящены тоже нѣсколько очерковъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, надо поставить очеркъ г. Ло-

---

[1]) *Воскресенскій*, „Пушкинъ въ Бессарабіи" (Кишиневъ, 1899).

[2]) *Ольга Накко*, „Дни молодости" („*Пушк. Сборникъ*" петерб. литераторовъ, 517).

[3]) *А. П. К.*, „Инзовъ въ южной Бессарабіи" (*Русск. Арх.*, 1900, № 12).

[4]) *М. Б. Карскій*, „Пушкинъ въ Тавридѣ" (Симферополь, 1899).

[5]) *Арсеній Маркевичъ*, „Пушкинъ и Крымъ" (Симферополь, 1899).

боды [1]). Послѣ обстоятельнаго описанія современнаго состоянія Каменки, авторъ рисуетъ ее такою, какою она была при Пушкинѣ, характеризуетъ ея бывшихъ владѣтелей, говоритъ объ ихъ времяпрепровожденіи. Касательно Пушкина авторъ высказалъ любопытную догадку, что въ Каменку въ первый разъ поэтъ попалъ не изъ Крыма, а изъ Кишинева. Особенно цѣнны, конечно, въ работѣ г. Лободы тѣ страницы, которыя посвящены жизни великаго поэта въ обществѣ его просвѣщенныхъ друзей Раевскихъ. „Демагогическіе споры", „аристократическіе обѣды", нѣжныя чувства къ одной изъ прекрасныхъ обитательницъ Каменки,—вотъ та атмосфера, въ которой отдыхалъ поэтъ послѣ пошлой сутолоки кишиневскаго плебса.

Какъ на литературный курьезъ, укажемъ на изданіе г. Гулливера, посвященное изображенію въ беллетристической формѣ различныхъ юношескихъ увлеченій поэта [2]). Это живо написанная „фантазія" на темы изъ жизни поэта. Содержаніе слѣдующее: 1) Первая любовь поэта (къ Бакуниной); 2) Прекрасная молодая вдова (Марія Смитъ); 3) Бахчисарайская красавица (М. Раевская); 4) Гречанка Калипсо.

Касательно одесской жизни поэта имѣемъ мы небольшой очеркъ проф. Халанскаго, бросающій нѣкоторый свѣтъ на отношенія поэта къ Ризничъ. Впрочемъ особаго интереса этотъ маленькій этюдъ не имѣетъ [3]).

Жизни Пушкина въ селѣ Михайловскомъ посвященъ цѣлый рядъ работъ. Прежде всего остановимся на работѣ проф. Пѣтухова [4]). Авторъ привлекъ къ своему изслѣдованію всю литературу, касающуюся жизни поэта въ Михайловскомъ, извлекъ все, что можно было изъ сочиненій Пушкина, и, въ результатѣ, далъ живой содержательный очеркъ отшельничества поэта. Вся работа проф. Пѣтухова распадается на двѣ главы, — въ первой говорится о жизни поэта, во второй—объ его литературной дѣятельности. Съ выводомъ почтеннаго изслѣдователя о высокомъ значеніи села Михайловскаго въ жизни поэта нельзя не соглашаться. Въ исторіи пушкинскаго раз-

---

[1]) *А. М. Лобода*, „А. С. Пушкинъ въ Каменкѣ" („Памяти Пушкина", Сб. у-та св. Влад., 82, есть отд. оттискъ).

[2]) „Первая любовь поэта" (эпизоды изъ эпохи юношескихъ увлеченій поэта), изданіе Гулливера, М. 1899.

[3]) Проф. *М. Е. Халанскій*, „Пушкинъ и г-жа Ризничъ" („Харьк. Унив. Сборн. въ память А. С. Пушкина", Харьковъ, 1900, 351; есть отд. оттискъ).

[4]) Проф. *Е. В. Пѣтуховъ*, „Два года изъ жизни А. С. Пушкина" („Пушк. Сборн. изд. Импер. Юрьевскимъ университетомъ", Юрьевъ, 1899; есть отд. оттискъ).

витія эта эпоха была тою порою, когда тревожные приподнятые образы, чувства и помыслы первой половины его жизни угомонились, прекратили свою вулканическую борьбу съ духомъ и тѣломъ поэта, и началось примиреніе съ дѣйствительностью, съ тихой свѣтлой поэзіей „земли"...

Работа г. Рыбинскаго [1]) представляетъ интересное по замысламъ изслѣдованіе, но не вполнѣ удачное на дѣлѣ. „Въ настоящемъ очеркѣ, говоритъ г. Рыбинскій, мы имѣемъ въ виду отмѣтить характерныя черты пережитаго Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ душевнаго кризиса, опредѣлить особенность его міросозерцанія и прослѣдить, какъ все это отразилось въ литературной дѣятельности поэта" [2]). Задавшись такою цѣлью, такъ сказать, *активнаго* толкователя души поэта, авторъ скоро сбивается на роль *пассивнаго:* онъ цитуетъ длинныя выдержки изъ писемъ поэта, изъ его стихотвореній,—отъ себя онъ говоритъ очень мало, предоставляя самому Пушкину говорить за себя, а подъ конецъ работы подробно повторяетъ анализъ „Бориса Годунова", произведенный акад. И. Н. Ждановымъ. Изъ неточностей автора отмѣтимъ такую неожиданную характеристику поэта: „Никогда Пушкинъ не искалъ жизненныхъ бурь: онѣ сами приходили, или, вѣрнѣе, были вызываемы его пылкимъ темпераментомъ. Покой и уединеніе всегда были желанны для него" [3]),—утвержденіе, легко опровергаемое фактами изъ жизни поэта и его стремленіями, и его всегдашней нелюбовью къ уединенію. Совершенно неправильно и дальнѣйшее развитіе этого положенія:—„Мы подчеркиваемъ стремленіе Пушкина къ покою и уединенію, потому что видимъ въ этомъ важную черту его внутренняго міра. Душевная жизнь Пушкина отличалась раздвоеніемъ чувства и воли. Дѣятельность не охватывала поэта цѣликомъ. Житейскія волненія, битвы не удовлетворяли его. Онъ жаждалъ вдохновеній и молитвъ вдали отъ толпы" [4]). Изъ этой цитаты мы видимъ, что частныя, минутныя настроенія поэта возведены въ общія, характерныя, существенно важныя... Заявленіе автора, что Пушкинъ „имѣлъ на П. А. Осипову большое вліяніе",

---

[1]) *В. С. Рыбинскій*, „А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ" („Сборникъ Пушкину", изд. Кіев. Педаг. Общ. 1899 г., ч. II, 118).

[2]) Тамъ же, 119.

[3]) Тамъ же, 122.

[4]) Тамъ же, 123.

должно быть, судя по письмамъ поэта, измѣнено какъ разъ, наоборотъ: пожилая женщина, симпатичная, окруженная неизмѣннымъ почтеніемъ поэта, была для него тѣмъ сдерживающимъ началомъ, нравственное значеніе котораго онъ цѣнилъ до смерти. Стихотвореніе Пушкина: „Я помню чудное мгновеніе"!—посвященное А. П. Кернъ, вызываетъ у г. Рыбинскаго слова: „мы боимся упрекнуть поэта въ неискренности чувства" [1]). Конечно, тѣ образы, что рисуются передъ читателемъ при чтеніи этого произведенія и при чтеніи писемъ поэта къ той же Кернъ,—совершенно не совпадаютъ, но даже и на минуту нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ въ своей поэзіи всегда былъ „искрененъ",—можно это качество, при неправильномъ толкованіи его души, отыскать, пожалуй, въ его письмахъ, въ фактахъ его жизни, но въ поэзіи онъ всегда правдивъ.

Попытка автора самостоятельно рѣшить одинъ изъ вопросовъ пушкинской жизни, откуда взялся его юношескій разгулъ, его развратъ, на нашъ взглядъ, дѣло совершенно праздное. Г. Рыбинскій видитъ, вопреки Стоюнину и, прибавимъ, многимъ другимъ, въ этомъ разгулѣ чисто русское явленіе, а не африканскую кровь поэта. Не можемъ мы согласиться и съ нѣкоторыми толкованіями типовъ „Бориса Годунова". Напр., „Самозванецъ принадлежитъ къ типу скитальцевъ, какъ ихъ называетъ Достоевскій, нашедшихъ себѣ выраженіе въ „Алеко" и въ „Евгеніи Онѣгинѣ" [2]).

Мило написанъ очеркъ г. Острогорскаго [3]), тоже посвященный описанію жизни поэта въ Михайловскомъ; новаго, конечно, ничего въ работѣ г. Острогорскаго нѣтъ; изложена она живо, но, вѣроятно, спѣшность ея помѣшала автору справиться съ изложеніемъ,—у него встрѣчаются обороты рѣчи, отнюдь не литературные.

Извѣстному писателю г. Авенаріусу принадлежитъ въ „Дѣтскомъ Чтеніи" небольшой очеркъ, посвященный тому же сюжету [4]).

Г. Чешихинъ сочинилъ стихами драматическій этюдъ изъ жизни Пушкина въ Михайловскомъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, 126.

[2]) Тамъ же, 144.

[3]) *В. Острогорскій* и *Максимовъ*, „Пушкинскій уголокъ".

[4]) *Авенаріусъ*, „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ" (*Сборникъ Дѣтскаго Чтенія*).

[5]) *Всеволодъ Чешихинъ*, „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ", Рига, 1899.

Тотъ же сюжетъ развитъ въ беллетристическомъ очеркѣ г-жи Соловьевой-Несмѣловой [1]).

О Святогорскомъ монастырѣ имѣемъ мы недурную статью въ „Странникѣ“ [2]).

Къ Михайловскому періоду пріурочили мы разсмотрѣніе очень цѣнной работы проф. Вс. Миллера, посвященной Пушкину, какъ этнографу [3]). Хотя содержаніе ея охватываетъ всю жизнь поэта, но, конечно, жизнь въ Михайловскомъ—центръ работы проф. Миллера. Передъ нами прежде всего широко нарисованная картина того русско-французскаго фона, на которомъ вырисовался отчетливо и ясно первый русскій поэтъ-этнографъ, сжившійся съ народомъ, его міровоззрѣніемъ, его жизнью, обычаями, его эстетикой и поэтикой. „Какъ теоретикъ, Пушкинъ не могъ вполнѣ разобраться въ вопросѣ о народности, хотя дѣлалъ попытки формулировать свои взгляды. Какъ русскій патріотъ, онъ цѣнилъ проявленія народности въ его творчествѣ; какъ художникъ съ тонко развитымъ чувствомъ красоты, онъ любовался всѣмъ, что находилъ въ этомъ творчествѣ прекраснаго, искренняго, сильнаго, въ чемъ ярко отпечатлѣлся народный характеръ. Для него увлеченіе народностью было не дѣломъ мимолетнаго каприза; подобно тому, какъ граціозный, легкій, „пушкинскій“ стихъ, при всей геніальности поэта, былъ выработанъ упорнымъ техническимъ трудомъ, такъ и глубокое пониманіе и правдивое воспроизведеніе народныхъ мотивовъ далось Пушкину при помощи серьезнаго изученія и пристальныхъ наблюденій. И особенно высоко должны мы оцѣнить его трудъ, если вспомнимъ, что сказки о „Медвѣдицѣ“ или о „Рыбакѣ и рыбкѣ“ создалъ писатель, получившій въ дѣтствѣ чисто французское образованіе, говорившій, по его признанію, по-французски лучше, чѣмъ по-русски и принужденный упорно трудиться надъ роднымъ языкомъ, вырабатывать свой стиль. Всѣмъ, чего достигъ Пушкинъ въ изученіи и пониманіи народнаго духа, онъ обязанъ лишь самому себѣ, своему труду и правдиво-реальному отношенію къ народности. Такого отношенія онъ не нашелъ, какъ мы видѣли, въ своихъ учителяхъ, въ господствовавшемъ фальшивомъ сентиментальномъ направленіи Карамзина и его школы“ [4]).

---

[1]) *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*, „Скромный уголокъ“ (*Пушкинскій Сборникъ*, М. 1899, *Библіотека Дѣтскаго Чтенія*).

[2]) „Святогорскій монастырь“ (*Странникъ*, № 8).

[3]) *Вс. Миллеръ*. „Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ“. М. 1899.

[4]) Тамъ же, 53.

Таково resumé почтеннаго автора. Развитію этихъ мыслей посвящена работа. Начинаетъ авторъ съ характеристики русскаго общества XVIII вѣка, особенно останавливаясь на его антинаціональномъ, именно французскомъ направленіи. Картина, на нашъ взглядъ, получилась черезчуръ сгущенная. Авторъ остановился почему-то исключительно на французскомъ вліяніи, оставивъ безъ вниманія нѣмецкое, съ котораго началась и которымъ кончилась исторія русской цивилизаціи XVIII вѣка, а затѣмъ,—и это главное,—авторъ, повидимому, совсѣмъ склоненъ отрицать народный элементъ въ жизни, правахъ и настроеніяхъ Россіи XVIII вѣка. Не говоря уже о дворянахъ средней руки, которые никогда не прерывали связи съ землей, и магнаты XVIII вѣка развлекались, какъ извѣстно, и потѣхами русскими, и пѣснями. Стоитъ перечитать нѣкоторые мемуары XVIII вѣка, и мы встрѣтимъ не умирающую связь съ народомъ [1]). Въ русскихъ журналахъ, рядомъ съ искусственными народными пѣснями мелькнетъ иногда старая, обрядовая, въ русскихъ собраніяхъ пѣсенъ того же вѣка, въ рукописныхъ сборникахъ мы много найдемъ произведеній народной поэзіи. Вопреки проф. Вс. Миллеру, мы готовы утверждать, что упорная борьба съ западомъ, съ которымъ столкнулъ Петръ русскую народность, ко второй половинѣ вѣка уже ясно кончалась въ пользу второй. Вторая половина вѣка, при всѣхъ ея неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, знаменуется органическимъ сліяніемъ западнаго съ русскимъ, характеризуется выработкой національнаго міросозерцанія и самосознанія въ жизни и литературѣ—это эпоха, несомнѣнно подготовившая „Исторію“ Карамзина, дѣятельность Пушкина, патріотическое настроеніе 1812 года и политическія движенія конца царствованія Александра I... Если въ литераторахъ нашелъ Пушкинъ только учителей „Руслана и Людмилы“, то въ русскихъ людяхъ, даже московскихъ „маркизахъ“ и „креолкахъ“ нашелъ онъ русскихъ людей, истыхъ москвичей, правда, во французскихъ плащахъ. И вовсе эти плащи не трудно было снять! Слишкомъ уменьшилъ авторъ и значеніе патріотическихъ стихотвореній Пушкина: отъ нихъ, по словамъ проф. Вс. Миллера, „вѣетъ холодомъ и стилемъ Державина“ [2]). Во-первыхъ, поэзія Державина не кажется намъ холодной,—ея искренность—то качество, которое дѣлаетъ ее оригинальной на русскомъ Парнассѣ ложно-классицизма,—а, во-вторыхъ, за подражательной искусственной формой у Пушкина скрывается, несомнѣнно,

---

[1]) Ср. статью А. М. Лободы („*Сб. ст. о П—нѣ*“, изд. К. Пед. О—ва, 21—30).
[2]) Тамъ же, 12.

живое чувство,—вѣдь высокія настроенія патріотизма владѣли имъ въ Царскомъ Селѣ и подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній, и подъ впечатлѣніемъ той величавой эпопеи борьбы съ Наполеономъ, что развернулась передъ его очами. „Двухлѣтнее пребываніе Пушкина въ Петербургѣ, говоритъ далѣе проф. Вс. Миллеръ, частью въ великосвѣтскихъ салонахъ, частью въ кругу лицейскихъ товарищей, пустая и разсѣянная жизнь, блестящіе успѣхи въ литературныхъ кругахъ, политическія мечтанія въ средѣ будущихъ декабристовъ—все это слишкомъ отвлекало поэта отъ серьезнаго труда, отъ вдумчивости въ вопросы чисто русскаго языка“ [1]). Конечно, выработка русскаго языка—великое дѣло, но почему же ставить крестъ на всей той эпохѣ, когда Пушкинъ старался надышаться всѣми тѣми ароматами, которыми жило современное ему русское общество. Мы отмѣчали уже эту эпоху, какъ очень важную въ жизни поэта. Далѣе проф. Миллеръ самымъ внимательнымъ образомъ слѣдитъ, какъ растетъ въ Пушкинѣ интересъ къ этнографіи и народной поэзіи; на основаніи его писемъ, замѣтокъ, стихотвореній, онъ отмѣчаетъ у великаго поэта всякую искру интереса къ народу. Надо отдать автору полную справедливость,—едва-ли имъ что-либо пропущено. Кромѣ интереса къ поэзіи авторъ отмѣчаетъ также интересы у Пушкина къ исторіи русскаго языка, къ грамматикѣ, къ этнографіи. Особенно подробно останавливается онъ на любопытной исторіи народныхъ пѣсенъ, записанныхъ Пушкинымъ и переданныхъ Кирѣевскому. Эта исторія, къ сожалѣнію, остается невыясненной, такъ какъ подлинныхъ тетрадей Пушкина до сихъ поръ не найдено, но благодаря отмѣткамъ самого Кирѣевскаго удалось пока опредѣлить 12 №№, записанныхъ Пушкинымъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ литературной дѣятельности Пушкина и отмѣчаетъ послѣдовательный переходъ отъ псевдо-народной поэзіи XVIII вѣка къ самобытному творчеству въ чисто-народномъ духѣ. Особенно останавливается авторъ на сказкѣ о медвѣдицѣ: „можно было бы, говоритъ онъ, посвятить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдицѣ съ этнографической точки зрѣнія!“ [2]). Здѣсь „мы видимъ такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ (написанномъ въ 1828 году) прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“, этомъ дивномъ калейдоскопѣ рус-

---

[1]) *Вс. Миллеръ*, op. cit., 14.

[2]) Тамъ же, 48.

скихъ сказочныхъ мотивовъ" [1]). Заключаетъ проф. Вс. Миллеръ свое изслѣдованіе указаніемъ, что въ „наукѣ" этнографіи значеніе Пушкина велико, такъ какъ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ начали интересоваться произведеніями народной поэзіи Даль, Языковъ, Гоголь.

Отношеніямъ Пушкина къ Кернъ посвящена странная замѣтка г. Тихонова [2]). Онъ перепечатываетъ воспоминанія В. Д. Р—ва о Кернъ [3]), въ которыхъ подробно разсказывается объ А. П. Кернъ, какъ она была грязна и неряшлива въ старости, какъ дурно вела свое хозяйство. Г. Тихоновъ, глядя на непривлекательный образъ старушки, недоумѣваетъ, что общаго между нею и богиней Пушкина, но затѣмъ, говоря о любви супруга къ ней и описывая, со словъ г. Р—ва, сильное впечатлѣніе, произведенное на г-жу Кернъ исполненіемъ г. Комиссаржевскаго романса: „Я васъ любилъ...", торопится увѣрить всѣхъ, что въ Кернъ подъ старость, навѣрно, была „*духовная* привлекательность".

Г. Хрущовъ обрисовалъ въ своей замѣткѣ симпатичный образъ А. Д. Баратынской [4]). Приведены и образчики ея стихотворныхъ переводовъ.

Любопытна статья г. Казанскаго, посвященная вопросу объ отношеніи Пушкина къ Москвѣ [5]). Впрочемъ, широко поставивъ тему, авторъ на дѣлѣ свелъ ее къ вопросу объ отношеніяхъ Пушкина къ московскимъ журналистамъ. Поэтому отношенія къ обществу московскому остались въ тѣни,—между тѣмъ, ихъ выяснить было бы всего легче, сопоставивъ, хотя бы, съ отношеніями поэта къ Петербургу. Авторъ, при рѣшеніи поставленной имъ темы, руководился письмами поэта и его произведеніями и пришелъ, въ результатѣ, къ двумъ различнымъ отвѣтамъ: оказывается, Москву поэтъ и хвалилъ и бранилъ попеременно. Отмѣтивъ затѣмъ грибоѣдовскія черты тогдашней Москвы, г. Казанскій останавливается на характеристикѣ того круга Веневитинова и друзей, среди которыхъ Пушкинъ всегда чув-

---

[1]) Тамъ же, 49.

[2]) *Влад. Тихоновъ*, „Анна Петровна Кернъ и романсъ: „Я помню чудное мгновеніе". (*Истор. Вѣстникъ* 1899 г., № 5).

[3]) См. *Сѣверъ*, 1892 г., № 8.

[4]) *И. П. Хрущовъ*, „Одна изъ воспѣтыхъ Пушкинымъ" („*Харьк. Унив. Сб.*", Харьковъ 1899 г.).

[5]) Проф. *Ив. Казанскій*, „Отношенія А. С. Пушкина къ Москвѣ" (*Русская Мысль*, 1899 г., № 5).

ствовалъ себя прекрасно [1]). „Пушкинъ, говоритъ авторъ, готовъ былъ убѣжать отъ „бѣдной Москвы", хотя и не въ силахъ былъ подчасъ устоять противъ ея соблазновъ, но Москва богата коренными русскими писателями, ученостью, любовью къ искусству и талантами, и все это было настолько драгоцѣнно для Пушкина, что ему немыслимо было пренебрегать Москвой. Слишкомъ тѣсно былъ связанъ онъ съ русскимъ просвѣщеніемъ, слишкомъ долго и упорно думалъ съ раннихъ лѣтъ о судьбахъ русской литературы. Въ результатѣ, московскою жизнью онъ воспользовался, какъ матеріаломъ для поэтическаго творчества, московскою же любовью къ просвѣщенію и ученостью—какъ орудіемъ для распространенія въ обществѣ серьезной, честной и содержательной литературы — распространенія, которое было органическою потребностью Пушкина" [2]). Таково основное положеніе автора, доказываетъ онъ особенно старательно послѣднюю половину своего утвержденія,—для этого полемизируетъ съ Анненковымъ, К. Полевымъ и Л. Майковымъ, которые въ разное время дали нѣсколько объясненій, почему Пушкинъ стремился вдохновить веневитиновскій кружокъ къ изданію журнала. Подробно выяснены отношенія поэта къ „Московскому Вѣстнику", къ „Европейцу", и „Московскому Наблюдателю". На Москву, по словамъ автора, Пушкинъ смотрѣлъ всегда съ надеждой найти въ ней живой, честный и серьезный органъ „для борьбы съ разными мутными теченіями въ современной ему журналистикѣ" [3]). „При широтѣ своихъ взглядовъ, Пушкинъ сумѣлъ отдѣлить дурное въ московскихъ традиціяхъ отъ хорошаго и никогда не смѣшивалъ одного съ другимъ. Дурное онъ подвергалъ осмѣянію при помощи своего высокаго дарованія, хорошее же чтилъ всю свою жизнь" [4]).

Профессору А. И. Кирпичникову принадлежитъ очень интересный этюдъ объ отношеніи Пушкина къ Московскому университету [5]). Прекрасно, одушевленно написанный очеркъ рисуетъ намъ съ неопровержимой доказательностью, какъ съ дѣтскихъ лѣтъ поэта вплоть до возмужалости окружаютъ его лучшіе сыны Московскаго универси-

---

[1]) См. *М. А. Веневитиновъ*, „О чтеніи Пушкинымъ „Бориса Годунова" у Веневитиновыхъ". (*Русскія Вѣдомости*, 1899 г., № 143).

[2]) *Ив. Казанскій*, op. cit., 94.

[3]) Тамъ же, 101.

[4]) Тамъ же, 102.

[5]) Проф. *А. И. Кирпичниковъ*, „Пушкинъ и Московскій Университетъ" (*Русск. Вѣд.* 1899 г., № 145).

тета, какъ вокругъ поэта незримо вѣетъ въ теченіе всей его жизни атмосфера московской университетской жизни. Впервые встрѣчается онъ съ питомцами университета въ салонѣ отца, затѣмъ попадаетъ подъ опеку А. И. Тургенева и В. Ѳ. Малиновскаго. Останавливается проф. Кирпичниковъ на личности Н. Ѳ. Кошанскаго, отмѣчая его несомнѣнное значеніе въ исторіи русской литературы; подробно говоритъ о кружкѣ Веневитиновыхъ, объ отношеніяхъ Пушкина къ Погодину и Шевыреву; разсказываетъ о посѣщеніи Пушкинымъ университета и, наконецъ, выясняетъ высокую роль Московскаго университета въ дѣлѣ научнаго толкованія заслугъ великаго поэта (Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Тихонравовъ). „Въ 40-хъ годахъ, говоритъ почтенный авторъ, московская, а за нею и вся русская интеллигенція дѣлится на два лагеря: славянофиловъ и западниковъ. Это была идейная борьба честныхъ, другъ друга уважающихъ противниковъ, но, тѣмъ не менѣе, борьба упорная, жестокая, тогда казавшаяся непримиримою. На *двухъ* пунктахъ однако сходились противники: на горячей любви къ памяти и дѣлу Пушкина, котораго каждая партія имѣла право (?) считать *своимъ*, и на высокомъ уваженіи къ *святымъ*, какъ тогда говорили, стѣнамъ Московскаго университета".

Г. Ельницкій бѣгло обрисовалъ отношенія Пушкина къ современнымъ ему писателямъ [1]). Новаго онъ намъ не сообщаетъ ничего, но все-таки работа его должна быть признана полезной, такъ какъ сводитъ въ одно всѣ главнѣйшіе факты изъ исторіи отношеній поэта къ Державину, Карамзину, Дельвигу, Баратынскому, Языкову, Козлову, Гнѣдичу, Кольцову, Гоголю, Мицкевичу.

Собственно этого же вопроса касается и г. Ляцкій, пересмотрѣвшій къ юбилею письма великаго поэта и давшій о нихъ отчетъ на страницахъ сборника „Русскаго Богатства" [2]). Конечно, тотъ кругъ людей и вопросовъ, что захватываютъ письма поэта, шире одной литературной сферы, но, само собой разумѣется, въ его перепискѣ литераторы и литература занимаютъ первое мѣсто. Работа г. Ляцкаго интересна потому, что разрабатываетъ матеріалъ, котораго, къ нашему удивленію, до сихъ поръ почти никто не касался, — между тѣмъ, для характеристики великаго поэта его письма даютъ массу интересныхъ литературныхъ данныхъ. Живой, впечатлительный, вѣчно

---

[1]) *К. В. Ельницкій*, „Личныя отношенія Пушкина къ современнымъ ему поэтамъ" (*Педагогическій Сборникъ*, 1899 г., № 5).

[2]) *Е. А. Ляцкій*, „А. С. Пушкинъ и его письма". (*Сб. Русск. Бог.* 1899 г.).

разнообразный, незлобивый и добродушно-остроумный поэтъ живьемъ встаетъ передъ глазами читателя. Къ сожалѣнію, г. Ляцкій не вполнѣ овладѣлъ богатымъ матеріаломъ,—онъ далъ рядъ выдержекъ изъ писемъ, безъ выдѣленія болѣе существеннаго; выдержки эти расположены безъ плана, а потому при чтеніи статьи трудно держать ея содержаніе въ памяти, и забываются тѣ вѣрныя соображенія автора и правильныя сужденія, которыя разсыпаны между этими выдержками.

Объ отношеніяхъ Пушкина и Мицкевича имѣемъ мы статью г. Славинскаго [1]). Это рядъ теплыхъ словъ, посвященныхъ „эпизоду необычайной красоты“ — дружбѣ Пушкина и Мицкевича. Къ сожалѣнію, кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ авторъ не даетъ намъ ничего. Совершенно справедливо онъ подчеркиваетъ искренность и теплоту отношеній обоихъ поэтовъ другъ къ другу: это сказалось на ихъ воспоминаніяхъ. „Воспоминанія эти, говоритъ онъ, чрезвычайно трогательны по той глубокой прочувствованности, по искреннему доброжелательству, съ которымъ относились поэты другъ къ другу во всю свою жизнь, несмотря на то, что послѣ 30-го года политически они стали непримиримыми противниками“. „Мирный, благосклонный“—поэтически рисуетъ Пушкинъ образъ польскаго поэта въ извѣстномъ всей Россіи отрывкѣ,—„онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь“. „Впечатлительный, неизмѣнно искренній, благородный, открытый“ — говоритъ о русскомъ поэтѣ Мицкевичъ [2]). Дружба обоихъ поэтовъ—явленіе высокознаменательное въ исторіи русско-польскихъ литературныхъ отношеній, но въ жизни обоихъ поэтовъ она прошла безъ особыхъ слѣдовъ: „въ сердечныхъ отношеніяхъ поэтовъ не могло быть и тѣни зависимости. Пушкинъ и Мицкевичъ были во всѣхъ смыслахъ равны другъ другу и въ высокой степени свободны одинъ отъ другого... Поэты встрѣтились и сблизились между собой въ моментъ полнаго расцвѣта творческихъ и умственныхъ богатыхъ силъ своихъ; въ художественномъ отношеніи имъ нечему было научиться другъ у друга; ихъ умы, стройные, гибкіе и могучіе, принадлежали къ той категоріи умовъ, которые могутъ быть названы *самодовлѣющими*“ [3]).

Отношеніямъ Пушкина къ мелкому современному писателю Лю-

---

[1]) *М. Славинскій*, „О дружбѣ Пушкина и Мицкевича“ („Памяти Пушкина“, сб. журн. „Жизнь“. С.-Пб. 1899).

[2]) Тамъ же, 160.

[3]) Тамъ же, 164.

ценкѣ посвящена замѣтка г. Николая Лернера [1]), впрочемъ ничего новаго не дающая. Тотъ же г. Лернеръ освѣтилъ одинъ эпизодъ изъ отношеній Пушкина къ Родзянку [2]). Изъ писемъ поэта видно, что онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, а потомъ убѣдился, что А. Г. Родзянко — авторъ одного пасквиля на него. Открытіе авторства Родзянки, оказывается, нисколько не испортило отношеній къ нему поэта, что, конечно, очень характерно.

Путешествію Пушкина на Кавказъ посвящены три работы. Одна изъ самыхъ серьезныхъ принадлежитъ г. Вейденбауму [3]). Издавъ съ обстоятельными историческими и географическими примѣчаніями „Путешествіе въ Арзрумъ", авторъ и цитуемую статью свою въ сущности посвятилъ такимъ же примѣчаніямъ. Передъ нами внимательный разборъ и провѣрка воспоминаній о Пушкинѣ на Кавказѣ, принадлежащихъ Н. Б. Потокскому („Русск. Стар.", 1880, № 7), М. В. Юзефовичу („Русск. Арх.", 1880, 431), М. И. Пущину („Русск. Вѣстн.", 1893). Можно упрекнуть автора за излишіе экскурсы въ исторію турецкой войны, но за работу его приходится только благодарить,—изъ нея будущій комментаторъ Пушкина, конечно, многимъ воспользуется.

Интересна также работа г. Бѣгичева [4]). Передъ нами хорошо изложенный разсказъ, составленный на основаніи послѣднихъ матеріаловъ. Приложены стихотворенія Пушкина, посвященныя Кавказу.

Г. Канивецкій [5]) издалъ всѣ произведенія Пушкина (и прозаическія), посвященныя Кавказу, и предпослалъ небольшой біографическій очеркъ, касающійся жизни поэта на Кавказѣ.

Нѣсколько словъ о с. Болдинѣ, забытомъ біографами поэта ради Михайловскаго, встрѣчаемъ въ бѣглой замѣткѣ, помѣщенной на страницахъ „Недѣли" [6]).

---

[1]) *Николай Лернеръ*, „Письмо А. С. Пушкина къ В. Люценку" (*Русс. Арх.*, 1900, № 9).

[2]) *Николай Лернеръ*, „Пушкинъ и Родзянко" (*Русск. Арх.*, 1900, № 9), еще: проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „*А. С. П—нъ* и А. Г. Родзянка" (Хар. Ун. Сб. въ память А. С. П—на).

[3]) *Е. Г. Вейденбаумъ*, „О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году", („Кавказская поминка о Пушкинѣ", сб. газеты *Кавказъ*. Тифлисъ, 1899).

[4]) *К. Н. Бѣгичевъ*, „Пушкинъ на Кавказѣ". Тифлисъ, 1899.

[5]) *Н. Н. Канивецкій*, „Кавказъ въ поэзіи Пушкина". Екатеринодаръ, 1899.

[6]) „Пушкинскій уголокъ въ Нижегородской губ." (*Недѣля*, 1899, стр. 104). См. еще статью *Н. Овсянникова*, „Болдино и воспоминаніе о А. С. Пушкинѣ" (*Моск. Вѣд.*, 1899, № 96), его же „Малинники и воспоминаніе о А. С. Пушкинѣ" (*Моск. Вѣд.*, 1899, № 68).

Пребыванію великаго поэта въ Казани посвящено небольшое изслѣдованіе проф. А. С. Архангельскаго [1]). Главнымъ матеріаломъ для этой работы послужили проф. Архангельскому записки А. А. Фуксъ (они переизданы въ приложеніяхъ къ этой работѣ) и письма Пушкина. Объясняя отношенія Пушкина и Фуксъ, авторъ отмѣчаетъ извѣстное противорѣчіе: въ личныхъ сношеніяхъ съ нею онъ былъ обворожительно милъ, а въ письмѣ къ женѣ высмѣялъ А. А. Фуксъ самымъ жестокимъ образомъ. Затѣмъ г. Архангельскій говоритъ очень обстоятельно о четѣ Фуксъ, въ особенности останавливается на литературной дѣятельности А. А. Фуксъ; даетъ обстоятельныя комментаріи и къ другимъ лицамъ, имена которыхъ встрѣчаются въ запискахъ Фуксъ и имѣютъ отношенія къ А. С. Пушкину. Подробно описана Казань 30-хъ годовъ.

Въ приложеніяхъ, кромѣ записокъ А. А. Фуксъ, встрѣчаемъ мы перепечатку нѣкоторыхъ ея произведеній, письмо Пушкина къ А. А. Фуксъ и женѣ и „Громвалъ", балладу Каменева. Работа проф. Архангельскаго удачно освѣщаетъ одинъ изъ культурныхъ уголковъ пушкинской Руси.

Интересную по содержательности и живости изложенія работу о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани даетъ также проф. Загоскинъ [2]). Авторъ набросалъ живую картину общественной жизни въ Казани 30-хъ годовъ, съ особымъ вниманіемъ останавливается на семьѣ Фуксъ, ихъ культурномъ вліяніи на современное общество. Затѣмъ, пользуясь извѣстными записками А. А. Фуксъ, онъ подробно разсказываетъ о пребываніи Пушкина въ Казани и обрисовываетъ обстоятельно отношенія обоихъ Фуксъ къ великому поэту. Характеризуя отношенія поэта къ А. А. Фуксъ, онъ, конечно, останавливается и на извѣстномъ письмѣ его къ женѣ, письмѣ, въ которомъ высмѣивается А. А. Фуксъ. „Чѣмъ же объяснить это рѣзко бьющее въ глаза противорѣчіе?"—задаетъ вопросъ авторъ.—„Ничѣмъ инымъ, конечно, какъ тѣмъ неровнымъ, нервнымъ, чисто желчнымъ темпераментомъ, какимъ отмѣченъ былъ характеръ поэта; мы склонны видѣть въ этомъ противорѣчіи одно изъ мимолетныхъ проявленій той случайной желчности и нерѣдко чисто психической склонности къ безотчетному сарказму" [3]). Проф. Архангельскій гораздо вѣрнѣе объяснилъ странный поступокъ поэта не „желчностью", а, просто, присущей

---

[1]) Проф. *А. С. Архангельскій*, „А. С. Пушкинъ въ Казани". Казань, 1899.

[2]) Проф. *Н. П. Загоскинъ*, А. С. Пушкинъ въ Казани (изъ исторіи казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). *Истор. Вѣстн.*, 1899, № 5, 586.

[3]) Тамъ же, 607.

его душѣ неустойчивостью. „Помимо общей, нерѣдко обнаруживавшейся у Пушкина черты вообще противорѣчія, непослѣдовательности въ отзывахъ, излишней поэтической впечатлительности, подъ вліяніемъ которой они иногда имъ дѣлались, помимо этой черты его слишкомъ подвижного, сангвиническаго характера, насмѣшливо-суровый отзывъ знаменитаго поэта о казанской поэтессѣ едва ли не объяснялся отчасти и желаніемъ Пушкина стать въ письмѣ къ женѣ на точку зрѣнія самой жены“ [1]). Хотя мы и не во всемъ согласны съ мнѣніемъ проф. Архангельскаго, однако, думаемъ, что онъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ проф. Загоскинъ.

Г. Поливановъ далъ маленькую замѣтку о пребываніи Пушкина въ Симбирскѣ [2]) въ 1833 г. Впрочемъ, относительно Пушкина сказано только, что поэтъ проѣзжалъ черезъ Симбирскъ, и его никто не замѣтилъ,—бо̀льшая же часть работы посвящена повторенію общеизвѣстныхъ фактовъ о знаменитыхъ симбирцахъ, имѣвшихъ отношенія къ Пушкину (А. И. Тургеневъ, Н. М. Карамзинъ, Н. Д. Языковъ, И. И. Дмитріевъ).

О статьяхъ, посвященныхъ разсказу о жизни Пушкина въ Оренбургѣ и въ Бердахъ, куда онъ ѣздилъ собирать матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта, мы говорили уже во 2-й главѣ [3]).

Послѣднимъ годамъ жизни поэта посвящена рѣчь проф. Смирнова [4]). Составлена она, главнымъ образомъ, по запискамъ Смирновой и проникнута идеями рѣчи Достоевскаго 1880 года. Защищая, со своей стороны, записки Смирновой, мы, однако, рѣшительно противъ широкаго пользованія этимъ документомъ,—неосторожно, на нашъ взглядъ, брать цѣлыми страницами оттуда, хотя бы, монологи Пушкина о Свящ. Писаніи,—въ запискахъ Смирновой, несомнѣнно, Dichtung больше, чѣмъ Wahrheit, а потому нельзя вѣрить каждой буквѣ. Для характеристики взглядовъ Пушкина въ послѣдній періодъ жизни болѣе вѣрный матеріалъ дадутъ его письма и произведенія. Во всякомъ случаѣ систематизація записокъ Смирновой—вещь любопытная, а потому рѣчь

---

[1]) Проф. *А. С. Архангельскій*, op. cit.

[2]) *В. Поливановъ*, „А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ“, *Историческій Вѣстникъ*, 1899, № 8.

[3]) *И. Г. Ивановъ*, „Пушкинъ въ Бердахъ“ (*Русскій Архивъ*, 1900, № 1. „Труды Оренб. Арх. Комиссіи“, вып. VI, 1899) *Юдинъ*, „Пушкинъ въ Оренбургѣ“ (*Русскій Архивъ*, 1900, № 5).

[4]) Проф. *А. И. Смирновъ*, „Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности А. С. Пушкина“ (Чтенія въ Имп. Варш. У—тѣ 26-го мая 1899 г.). „Три рѣчи объ А. С. Пушкинѣ“. Варшава.

проф. Смирнова представляетъ несомнѣнный интересъ. Съ идеями же Достоевскаго о томъ, что, кромѣ Пушкина, никто даже въ западныхъ литературахъ „перевоплощаться“ не умѣлъ, а также и о томъ, что съ дѣятельностью Пушкина можетъ быть связана мистическая вѣра въ какое-то провиденціональное значеніе Россіи, какъ христіаннѣйшаго изъ государствъ [1]), рѣшительно согласиться не можемъ и искренне жалѣемъ, что въ прекрасной рѣчи проф. Смирнова встрѣчаемъ повтореніе этихъ преувеличеній, равно какъ и тѣ странныя характеристики русской души, которыя брали себѣ все лучшее изъ человѣческихъ чувствъ, а бѣдному „гнилому западу“ оставляли одну шелуху, „хищные“ идеалы, „мутныя струи чувственности“ и прочія подобныя прелести. По мнѣнію проф. Смирнова, „вѣрность долгу и отсутствіе тщеславія, побореніе страсти и свѣтлый взглядъ на міръ“,— вотъ особенности русскаго характера, „онѣ одинаково присущи всѣмъ (?) русскимъ людямъ всѣхъ общественныхъ положеній и всякой степени образованія“ [2]).

Прекрасно написанъ очеркъ г. Андреевича, также касающійся послѣдняго періода жизни поэта и при томъ написанный на основаніи того же матеріала—записокъ Смирновой [3]). Прежде всего авторъ высказываетъ свой взглядъ на цѣнность этихъ записокъ. Онъ не закрываетъ глазъ на недостатки ихъ: „свидѣтельница А. О. Смирнова, очевидно, обладала горячимъ воображеніемъ, — говоритъ онъ,—перепутывала даты, лично присутствовала при сценахъ, которыя лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти поэта были прочитаны ею въ книгахъ, „все“ знала, „все“ видѣла, „все“ слышала и, вообще говоря, не безъ легкомыслія и излишней пылкости отнеслась къ своимъ показаніямъ“ [4]), но все это не можетъ „упразднить главнаго достоинства записокъ—ихъ жизненности“. „За тѣ частички и крупицы настоящаго, подлиннаго Пушкина, котораго мы знали и здѣсь видимъ въ „Запискахъ“—намъ, въ сущности, не остается ничего другого, какъ сказать

---

[1]) Пушкинъ „первый указалъ въ русской душѣ, принявшей въ свою суть (?) Христа и ученіе его, въ душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей, задатки вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а, въ концѣ концовъ, можетъ быть, изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по христову евангельскому закону“. (Тамъ же, 33).

[2]) Тамъ же, 31.

[3]) *Андреевичъ*, „А. О. Смирнова объ А. С. Пушкинѣ“ („Память Пушкина“, юбил. сб. журнала *Жизнь*, 194).

[4]) Тамъ же, 194—5.

Смирновой искреннее спасибо" [1]). Подобный же взглядъ на эти записки высказали и мы [2]), а потому вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію г. Андреевича. Въ самомъ дѣлѣ, странная судьба постигла эти талантливыя, живыя записки,—ихъ такъ много бранили, что защищать ихъ какъ будто даже немного совѣстно [3]). Обвиняютъ ихъ въ сочиненности, на основаніи неточностей фактическихъ и хронологическихъ—и обвиняютъ, конечно, до нѣкоторой степени основательно,—несомнѣнно, чья-то рука не всегда умѣло прошлась по старымъ страницамъ пожелтѣвшаго дневника,—но отсюда до полнаго отрицанія ихъ значенія далеко. Есть мемуары, цѣнность которыхъ—фактическая достовѣрность,—ими пользуются для провѣрки данныхъ, для установленія датъ и фактовъ,—но есть мемуары другого типа—они цѣнны тѣмъ, что сохраняютъ живые образы, воскрешаютъ прошлое, широко рисуютъ жизнь общества и ея замѣчательныхъ представителей,—отъ нихъ вѣетъ „ароматомъ" прошлаго, ими нельзя пользоваться беззаботно, дѣлая выписки и цитаты,—ими надо проникнуться, ими одухотворять тотъ мертвый матеріалъ, что даютъ намъ другіе источники. Въ запискахъ Смирновой широкой волной течетъ русская жизнь 20—30-хъ годовъ, вырисовываются нѣсколько живыхъ образовъ, дорогихъ намъ.

Пусть въ запискахъ спутана хронологія, извращены мелкіе факты—за то эти образы прошлаго живутъ передъ нами, *не противорѣча ничѣмъ существеннымъ* тѣмъ даннымъ, что мы имѣемъ уже и безъ нихъ. Какъ живой встаетъ передъ нами впечатлительный, вѣчно перемѣнчивый Пушкинъ-„Искра", съ его печалями и радостями, съ его глубокими думами, съ его заразительнымъ молодымъ смѣхомъ, съ его любящимъ сердцемъ и ясными говорящими очами. Говорятъ, что издательница воспользовалась тѣми воспоминаніями, что вынесла изъ бесѣдъ съ матерью; говорятъ, что издательницѣ нѣкоторые факты сообщены были впослѣдствіи другими лицами, знавшими Пушкина; говорятъ, что она пользовалась печатными источниками для своихъ записокъ. Все это возможно,—но цѣнности отъ всѣхъ этихъ наслоеній записки не теряютъ.

Г. Андреевичъ справедливо указываетъ, что содержательность записокъ такова, что нужно быть геніальнымъ человѣкомъ, чтобы со-

---

[1]) Тамъ же, 195.

[2]) *В. В. Сиповскій*, „А. С. Пушкинъ по его письмамъ" („Сборникъ памяти Л. Н. Майкова", нах. въ печати).

[3]) Впрочемъ, въ пользу записокъ высказались такіе авторитеты, какъ акад. А. Н. Веселовскій, акад. Л. Н. Майковъ, проф. Н. П. Дашкевичъ и мн. др.

чинить все это [1]). Далѣе авторъ нѣсколько не систематично, бѣгло характеризуетъ Пушкина по запискамъ Смирновой и кончаетъ совершенно справедливыми словами: „чтобы вообще понять и оцѣнить все значеніе Пушкина, надо перенестись хотя на минуту въ унылую и туманную обстановку общественной жизни 20-хъ и 30-хъ годовъ съ ея формализмомъ, жестокостью, дикими выходками Аракчеевыхъ и Бенкендорфовъ, ея казенщиной, стремившейся подчинить себѣ все духовное бытіе человѣка. Вамъ станетъ тогда яснымъ, чѣмъ былъ для своихъ скучныхъ и жестокихъ дней поэтъ свѣтлой жизни, будившій каждымъ стихомъ своимъ мысль, волновавшій чувство въ направленіи свѣта и радости, въ направленіи любви, высшаго добродушія и снисхожденія. Могучія свѣтлыя силы кипѣли въ Пушкинѣ, вырываясь наружу дивными стихами, но въ этой кипучей натурѣ не было гордости духа, не было властолюбія, требовавшаго униженія другихъ для возвеличенія самого себя,—была, напротивъ того, какая-то удивительная щедрость, радостно привѣтствовавшая всякій новый талантъ, всякое дарованіе и освѣщавшая свѣтомъ своимъ все, съ чѣмъ бы поэтъ ни сталкивался. Онъ не понималъ, органически не понималъ жестокости и мракобѣсія, этого аракчеевскаго желанія обратить всю жизнь въ казарму, всю Россію въ одно военное поселеніе. Все это оскорбляло его, какъ часовые передъ Распятіемъ. Жизнь манила его своимъ таинственнымъ будущимъ, своей прихотливой красотой. Онъ любилъ жизнь веселую, радостную. Онъ хотѣлъ жить самъ и давать жить другимъ, хотѣлъ видѣть вокругъ себя радость и счастье, потому что радость и счастье, обстановка, залитая солнцемъ, какъ нельзя болѣе подходила къ его натурѣ. И онъ боролся, какъ могъ и умѣлъ: боролся съ казенщиной своими эпиграммами, своей вольной, свободолюбивой мыслью. Каждый стихъ его говоритъ о красотѣ жизни, которую люди такъ упрямо и настойчиво старались обратить въ тюрьму“ [2]).

Такой портретъ Пушкина рисуетъ Смирнова, и хорошо, что она рисуетъ его „не мудрствуя лукаво“. Да она и не могла нарисовать его „мудрствуя“, такъ какъ не хватило бы на это у нея „мудрости“,—поэтъ самъ нарисовалъ себя въ своихъ рѣчахъ, которыя, несомнѣнно, лишь разбавлены литературной обработкой издательницы. Соглашаясь, въ общемъ, со всѣмъ этимъ заключеніемъ

---

[1]) Тамъ же, 197.

[2]) Тамъ же, 206—7.

статьи Андреевича, мы не можемъ не ограничить характеристику русскаго общества, въ которомъ задыхался поэтъ, только послѣдними годами его жизни (со свадьбы). Ошибочнымъ было бы растянуть эту характеристику на 20-е и на 30-е года. Душно было въ русскомъ обществѣ, но вѣдь Пушкинъ же успѣлъ все-таки высказаться весь. Гдѣ нѣтъ воздуха—тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ свѣта—тамъ нѣтъ красокъ. Если въ поэзіи Пушкина есть и жизнь, и краски,—значитъ и русская жизнь его эпохи не была такъ душна и безпросвѣтна!

Отношеніямъ Пушкина къ Гоголю посвященъ небольшой очеркъ В. Шенрока [1]). Написанъ онъ тепло, читается легко; впрочемъ, новаго мы здѣсь ничего не встрѣтили.

О дуэли Пушкина мы имѣемъ маленькую замѣтку г. Ляцкаго [2]), нѣсколько дополняющую изданіе военно-суднаго дѣла о Пушкинѣ, сдѣланное П. М. фонъ-Кауфманомъ (см. II главу),—и работу г. Снегирева: „Дуэль Пушкина".

О послѣднихъ дняхъ поэта высказались проф. С. М. Лукьяновъ [3]) и г. Родзевичъ [4]). Г. Лукьяновъ очень внимательно прослѣдилъ ходъ болѣзни, насколько это было ему доступно по тѣмъ даннымъ, что дошли до насъ, и пришелъ къ выводу, что, если бы дуэль Пушкина была не въ 1837 году, а въ 1899, то, при современномъ блестящемъ положеніи медицины, поэтъ, можетъ быть, и выздоровѣлъ бы, а, можетъ быть, и такъ же умеръ... Въ работѣ г. Родзевича интересенъ, главнымъ образомъ, подборъ фактовъ, касающихся тѣлеснаго и психическаго состоянія Пушкина въ послѣдніе дни его земныхъ страданій.

Г. Перцовъ далъ на страницахъ „Міра Искусства" очень интересный очеркъ, посвященный смерти Пушкина [5]). Передъ нами новое толкованіе причинъ смерти Пушкина. Авторъ начинаетъ совершенно справедливо съ упрека въ шаблонности большинства юбилейныхъ статей о Пушкинѣ, рикошетомъ задѣваетъ гг. Шляпкина, Полевого, Евг. Соловьева, Якушкина, Мякотина и Гриневича, обвиняя ихъ или въ без-

---

[1]) *В. Шенрокъ*, „Пушкинъ и Гоголь", *Русская Старина*, 1900, № 2, 383.

[2]) *Евг. Ляцкій*, „Замѣтка о дуэли А. С. Пушкина" (*Русская Старина*, 1900, № 1, 273).

[3]) *С. М. Лукьяновъ*, „О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина съ медицинской точки зрѣнія" (*Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н.*, т. IV, кн. 3; есть отдѣльные оттиски).

[4]) *Ген. Родзевичъ*, „Исторія послѣдней болѣзни поэта А. С. Пушкина", 1899, Н.-Новгородъ.

[5]) *П. Перцовъ*, „Смерть Пушкина" (*Міръ Искусства*, 1899, № 21—2).

цвѣтности, или въ партійности, иногда облекавшей Пушкина въ костюмъ Конрада Валленрода (г. Якушкинъ). Затѣмъ авторъ останавливается на статьѣ Вл. Соловьева: „Судьба Пушкина". Г. Перцовъ винитъ Пушкина въ томъ, что онъ женился въ угоду своей прихоти, зная о равнодушіи своей невѣсты, самъ предвидя возможную катастрофу [1]). Дантесъ былъ „ничтожный человѣкъ", виновный въ томъ, въ чемъ и тогда, и теперь виновны многіе. Жена Пушкина была „средней женщиной", къ тому же не она искала Пушкина, а онъ ея. Сватовство поэта было чисто шаблонной „сдѣлкой" его съ родными невѣсты,—она лишь „пассивно принимаетъ ухаживанья, пассивно даетъ согласіе, пассивно поддерживаетъ рѣдкую и скудную переписку съ женихомъ" [2]). Выводъ г. Перцова, что любовь поэта была лишь чувственной вспышкой, — Пушкинъ пожертвовалъ Гончаровой „для себя". Для нея, восемнадцатилѣтней барышни, „очевидно, какъ для „бѣдной Тани", всѣ были жребіи равны, но не *уже* равны, а *еще* равны" [3]). Она еще имѣла право ждать „Онѣгина". Въ семейной жизни она не была счастлива: „для насъ существуетъ только великій поэтъ Пушкинъ,— для Гончаровой былъ живой человѣкъ А. С. Пушкинъ, во всемъ ей понятномъ (карьера и фортуна), не совсѣмъ удачливый и занятый чѣмъ-то чуждымъ и страннымъ" [4]). За Ланскимъ она оказалась счастливѣе. Въ заключеніе авторъ сопоставляетъ смерть Пушкина съ смертью Лермонтова: смерть Пушкина носитъ земной характеръ—легкомысленная жена, враждебные вельможи, свѣтскія сплетни. Это оскорбленіе, идущее со стороны людей. Смерть же Лермонтова — „замаскированное самоубійство",—здѣсь оскорбленіе идетъ не отъ земли [5]). И онъ ушелъ изъ того міра, „скучныя пѣсни" котораго не были въ силахъ заглушить въ его памяти „звуковъ небесъ". Вотъ безпримѣсный, чистый трагизмъ—неразрѣшимое столкновеніе генія съ жизнью. Обернитесь теперь на Пушкина: не мелки-ли, *слишкомъ* мелки—по крайней

---

[1]) См. письмо въ январѣ 1830 г. къ тещѣ. Конецъ письма: „...не начнетъ ли она тогда сама сожалѣть о сдѣланномъ шагѣ? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на помѣху, какъ на обманщика-похитителя? Не почувствуетъ ли отвращеніе ко мнѣ? Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободною въ выборѣ завтра, эта мысль—адъ".

[2]) *Перцовъ*, op. cit., 161.

[3]) Тамъ же, 164.

[4]) Тамъ же, 164. Выводъ изъ всего этого, что Пушкинъ виноватъ былъ передъ ней, а не она передъ нимъ.

[5]) Тамъ же, 165.

мѣрѣ сейчасъ, пока живо лермонтовское впечатлѣніе—всѣ эти свѣтскія сплетни и анонимные пасквили? Чтобы заинтересоваться ими и войти въ трагедію поэта, вамъ надо принудить себя спуститься на землю, вмѣшаться въ свѣтскую толпу Петербурга. Какъ не видятъ безусловные панегиристы Пушкина, что въ этой печальной исторіи онъ вовсе не великій поэтъ, великій человѣкъ, а „ничтожное дитя міра", травимое другими, пусть еще болѣе „ничтожными"[1]).

Г. Перцовъ правъ въ отысканіи новой и едва-ли не самой существенной причины смерти Пушкина, зачѣмъ только онъ беретъ на себя роль строгаго судьи Пушкина! Точно смерть не одинаково великое событіе, независимо отъ той обстановки, въ которой она происходитъ,—умираетъ-ли человѣкъ на вершинѣ Машука при раскатахъ грома, или въ домѣ № 12 на набережной р. Мойки! Заканчиваетъ г. Перцовъ свой этюдъ словами: „Судьба Пушкина служитъ страннымъ оправданіемъ странныхъ и въ общемъ едва-ли не слишкомъ оптимистическихъ словъ Гете: всякая вина находитъ себѣ искупленіе на землѣ"[2]).

Г. Дашкевичъ-Чайковскій сочинилъ „историческую драму" изъ жизни Пушкина, въ которой исковеркалъ факты и передѣлалъ по своему образъ поэта и лицъ его окружающихъ,—жаль, что свое ретивое перо „пробуетъ" онъ надъ такимъ печальнымъ событіемъ, какъ смерть великаго поэта [3]). Этотъ же сюжетъ, къ сожалѣнію, вдохновилъ и г. Мамонтова [4]). Впрочемъ, литературное выполненіе имъ этой неподходящей темы все-таки гораздо лучше, чѣмъ въ произведеніи г. Дашкевича-Чайковскаго.

В. В. Сиповскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Geschichte der alten Rhodier von H. van Gelder preisgekrönt und herausgegeben vom Utrechter Provincial-Verein für Künste und Wissenschaften. Haag. Martinus Nijhoff, 1900. (VIII+521).

Недавно вышелъ въ свѣтъ обширный трудъ по исторіи о. Родоса въ древнія времена подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Трудъ этотъ раздѣленъ на восемь главъ.

---

[1]) Тамъ же, 166.

[2]) Тамъ же, 168.

[3]) *К. Дашкевичъ-Чайковскій*, „Пушкинъ", историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, 6-ти картинахъ. Кіевъ, 1899.

[4]) *Сергѣй Мамонтовъ*, „Смерть Пушкина", драматическія сцены. М. 1899.

Первая глава, посвященная географическому обзору острова (Geographisches), принадлежитъ къ числу самыхъ краткихъ (1—13 стр.), подобно седьмой (стр. 409 — 422: „Literatur und Gelehrsamkeit“) и восьмой (стр. 423—439: „Handel, Gewerbe, Sitten“). На 12½ страничкахъ крупной печати, само собой разумѣется, нельзя было дать *обстоятельнаго* изслѣдованія вопросовъ родосской топографіи. Дѣйствительно, Гельдеръ далъ только бѣглый обзоръ ея. О немъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ.

На стр. 2 рѣчь идетъ между прочимъ о родосскихъ мысахъ, въ числѣ которыхъ называется Θοάντειον. У Стравона Θοάντειον названъ „ἀκτή“, т. е. берегъ, какъ и обозначено на картѣ, приложенной къ нашему труду „Очерки древней топографіи острова Родоса“. Казань 1892. (Срв. стр. 16, 63). Но если мы примемъ во вниманіе, что „ἀκτή“— обычное обозначеніе „высокаго морского берега“ въ противоположность „αἰγιαλός“, т. е. „*низкому* морскому берегу“, то должны будемъ вывести заключеніе, что названный берегъ можетъ быть дѣйствительно причисленъ къ мысообразнымъ.

На стр. 5 говорится о томъ, что городъ Родосъ построенъ знаменитымъ Ипподамомъ на широкомъ пространствѣ („geräumig hatte sie—die alte Stadt—im Jahre 408/7 der berühmte Hippodamos erbaut“). Въ примѣчаніи четвертомъ къ приведенному мѣсту авторъ вступаетъ въ полемику съ Эрдманомъ, статья котораго, съ знаніемъ дѣла написанная, появилась въ „Philologus“ 1884 г. (у Гельдера по недосмотру 1883): „Hippodamos von Milet und die symmetrische städtebaukunst der Griechen“ (стр. 193—227). Эрдманъ подвергаетъ серьезному критическому анализу извѣстія о жизни Ипподама и главнымъ образомъ тѣ данныя, которыя служили исходными точками для К. Фр. Германа въ его изслѣдованіи объ этомъ архитекторѣ (De Hippodamo Milesio. Marburg. 1841). Нѣкоторые изъ этихъ основныхъ пунктовъ едва-ли могутъ защитить свое право называться такъ (напр., тожество архитектора Ипподама съ отцомъ олигарха Архептолема, друга Θирамена). Такъ и при рѣшеніи вопроса о томъ, дѣйствительно ли Ипподамъ былъ строителемъ города Родоса, дата его основанія (408—7 г.) не окажетъ намъ помощи. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно ли, когда именно умеръ Ипподамъ? Быть можетъ, онъ умеръ и ранѣе 408—7 года и, слѣдовательно, построить городъ Родосъ не могъ. Существуютъ ли *точныя и достовѣрныя указанія* на то, что Ипподамъ дѣйствительно *самъ* строилъ этотъ городъ? Есть, но всего лишь одно. Правда, мы находимъ его у такого писателя, какъ Стравонъ, „котораго низко цѣнить

непозволительно" (слова такого скептика какъ Виламовицъ, въ Hermes XXX, стр. 180), но дѣло въ томъ, что Стравонъ далеко не утверждаетъ лично, что городъ Родосъ построенъ Ипподамомъ. Вотъ его слова: „Ἡ δὲ νῦν πόλις ἐκτίσθη κατὰ τὰ Πελοποννησιακὰ ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ ἀρχιτέκτονος, ὥς φασιν, ὑφ' οὗ καὶ ὁ Πειραιεύς". Какъ видно изъ этихъ словъ, Стравонъ добросовѣстно заноситъ въ свой трудъ замѣтку о томъ, что среди родосцевъ его времени существовало преданіе, будто строителемъ ихъ столицы былъ знаменитый Ипподамъ. Это и мы признаемъ вполнѣ *достовѣрнымъ*, но дальше идти не имѣемъ права. Шла ли эта традиція съ конца V вѣка до Р. Хр., лежалъ ли въ основѣ ея дѣйствительный историческій фактъ, — мы ничего этого не знаемъ. Очень мало поможетъ рѣшенію вопроса предположеніе, что Стравонъ нашелъ извѣстіе объ Ипподамѣ у какого-либо изъ мѣстныхъ родосскихъ историковъ. Эрдманъ предлагаетъ выборъ изъ трехъ: Ергія [1]), Полизила и Зинона (стр. 202, прим. 24), Гельдеръ останавливается на Зинонѣ, какъ мнѣ кажется, просто потому, что такимъ образомъ традиція объ Ипподамѣ отодвигается къ болѣе отдаленнымъ временамъ; съ другой стороны намъ извѣстно, что въ его сочиненіи повѣствованіе начиналось съ древнѣйшаго времени и было доведено вплоть до современныхъ историку событій, т. е. до 165—163 гг. до Р. Хр. [2]). Вмѣстѣ съ Гельдеромъ допускаемъ *полную возможность* возникновенія указанной традиціи не спустя 400 лѣтъ послѣ 408/7 г., какъ предполагалъ Эрдманъ, а спустя 200 лѣтъ, но развѣ вслѣдствіе этого она пріобрѣтаетъ полную достовѣрность? Равнымъ образомъ, мало помогаетъ рѣшенію вопроса гипотеза объ одновременномъ пребываніи въ Ѳуріяхъ Ипподама и Доріея, объ ихъ знакомствѣ. Если Гельдеръ говоритъ объ Ипподамѣ: „ist er, wie E. selbst mit vollem Rechte annimt, im Jahre 412 nach Griechenland zurückgekehrt", то онъ нѣсколько смягчаетъ оттѣнокъ *простой* лишь *возможности* этого возвращенія, потому что у Эрдмана читаемъ: „Hippodamos *könnte* mit den anhängern Athens 412 (Wachsmuth, Hell. Alterthumsk. I, § 86) aus Thurii vertrieben nach dem osten zurückgekehrt sein" (стр. 202, прим. 25). Такимъ образомъ, всѣ доводы Гельдера въ

---

[1]) О спорахъ относительно того, слѣдуетъ ли читать Ἐργείας, Ἐργίας, или Ἐρξίας, см. Aug. Becker „De Rhodiorum primordiis" 1882, p. 94. Всѣ эти споры можно теперь считать сданными въ архивъ, такъ какъ въ I. G. I. v. I, 795 читается: ΕΡΓΙΑ.

[2]) О родосскихъ историкахъ Антисѳенѣ и Зинонѣ подробнѣе см. Herm. Ullrich, „De Polybii fontibus Rhodiis". 1898.

пользу *полной* достовѣрности факта построенія Ипподамомъ гор. Родоса мнѣ кажутся довольно слабыми; наоборотъ, сомнѣнія Эрдмана, которыя Гельдеръ называетъ „unberechtigt", являются вполнѣ умѣстными и его окончательный выводъ не поколебленнымъ: „sie [т. е. stadttradition] beweist nur, dass Rhodos nach *hippodamischen principien* angelegt worden ist, *nicht* aber dass Hippodamos *persönlich* den bau geleitet hat."

На стр. 7 рѣчь идетъ о протяженіи древняго города. Здѣсь приняты во вниманіе тѣ соображенія, которыя были высказаны мною въ „Оч. др. топогр. Родоса" на стр. 109—116, приведены и другія, подтверждающія ихъ. Необходимо было указать на то, что Россъ считалъ древній городъ весьма огромнымъ, но несомнѣнно черезчуръ преувеличивалъ его протяженіе,—необходимо было потому, что этотъ взглядъ нашелъ себѣ мѣсто въ такомъ, напримѣръ, прекрасномъ и распространенномъ трудѣ, какимъ является Reclus, „Nouvelle Géographie universelle", гдѣ въ т. IX (1884 г.), стр. 641 читаемъ: „La ville actuelle, occupant à peine *un seizième* de l'ancienne étendue"... Современный городъ не въ 16 разъ менѣе древняго, а раза въ три-четыре. Что древній Родосъ былъ *несомнѣнно больше* современнаго, на это указываютъ и слова такого знатока родосской топографіи, какимъ долженъ былъ быть Бондельмонте въ XV вѣкѣ, прожившій цѣлыхъ восемь лѣтъ на островѣ (1414 — 1422 гг.): „Nunc vero ad comparationem antiquae civitatis modica est" (см. объ этомъ у меня стр. 111). Это свидѣтельство кажется мнѣ весьма важнымъ, и напрасно Гельдеръ не внесъ его въ первую главу своего труда.

Гельдеру не осталась неизвѣстной новая статья, посвященная описанію камирскаго некрополя въ *Revue archéologique* XXVII (не XXVI, какъ по недосмотру указано у Гельдера, стр. 10), 1895 г., стр. 182 — 197: „Note sur la nécropole de Camiros dans l'île de Rhodes", принадлежащая одному изъ французскихъ геологовъ, L. de Launay, путешествіе котораго по острову относится къ октябрю 1894 г. Значительная часть этой статьи — характера топографическо-археологическаго, лишь въ концѣ ея встрѣчаемъ „Résumé géologique sur Rhodes" съ воспроизведеніемъ геологической карты Буковскаго, о трудѣ котораго см. у насъ „Дополненія и поправки", стр. 2. На стр. 186 французскій геологъ далъ общій планъ расположенія камирскихъ холмовъ, изъ коихъ нѣкоторые онъ называетъ нѣсколько иначе, чѣмъ Зальцманъ, Биліотти (L'île de Rhodes par Ed. Biliotti et Cottret 1881, p. 404) и я (стр. 84

слѣд.): *Kakirachi* вм. Kechraki, *Kasupernos* (у меня Κατζουβέρνο). О себѣ лично могу сказать, что я во время своего путешествія очень внимательно относился къ сообщаемымъ мнѣ поселянами мѣстнымъ названіямъ, пробылъ въ окрестностяхъ древняго Камира (въ селѣ Καλαβάρδα) не одинъ день, но ни отъ кого не слыхалъ названія Kakirachi: всѣ называли этотъ холмъ Κεχράκι.

На стр. 12 Гельдеръ, говоря о димѣ Δέλος, долженъ былъ бы указать надписи I. G. I. v. I, №№ 201, 701 и Athen. Mitth. XXI (1896), стр. 62. Сказанное въ названныхъ мѣстахъ прошу читателя сопоставить со стр. 72 моего изслѣдованія.

На той же страницѣ читаемъ: „Auf lindischem Gebiete ist uns genau die Lage von Ἄργος bekannt, dessen Name in dem δᾶμος der Ἄργειοι fortlebt. Es lag beim jetzigen Dorfe Archipoli". Это отожествленіе древняго дима съ мѣстностью теперешняго селенія Ἀρχίπολι ведетъ свое начало со времени появленія статьи Гиллера въ Ath. Mitt. XVII (1892), гдѣ на стр. 309 говорится о томъ, что „прилежный родосскій изслѣдователь, врачъ *Саридаки* у села Архиполи нашелъ одно современное названіе мѣстности — τὸ Ἄργος".

Г. Стиліана Саридаки я знаю лично и въ его добросовѣстности ничуть не сомнѣваюсь, но считаю необходимымъ подѣлиться съ читателемъ *своими* впечатлѣніями, вынесенными во время послѣдняго путешествія по о. Родосу лѣтомъ 1900 года. Селеніе Ἀρχίπολι лежитъ въ срединной горной полосѣ острова; природа здѣсь дикая: горы, лѣса, овраги, пропасти, обрывы. Дороги, ведущія къ этому селенію, отвратительны: часто приходится слѣзать съ мула, чтобы не свалиться въ пропасть. Путешественники рѣдко заглядываютъ сюда, потому что проводники, указывая на трудности пути, стараются всячески отвратить намѣреніе побывать въ Ἀρχίπολι, селѣ бѣдномъ и грязномъ. Въ 1880-хъ годахъ здѣсь было приблизительно 180 жителей, не болѣе, думаю, и теперь. Во время своего путешествія по острову я рѣшилъ во что бы то ни стало побывать въ этомъ селѣ, 1) надѣясь, что могу здѣсь найти новыя надписи [1]), 2) поставивъ себѣ цѣлью провѣрить на мѣстѣ слова Саридаки. Село, какъ я уже указалъ, малолюдное, я могъ бесѣдовать почти со всѣми поселянами и первымъ дѣломъ обратился съ просьбой къ старожиламъ назвать мнѣ всѣ мѣстности въ окрестностяхъ села, какія только имъ извѣстны.

---

[1]) Кромѣ амфорныхъ ручекъ и нѣсколькихъ монетъ, я нашелъ лишь одну надпись, которая оказалась уже изданной Гиллеромъ въ I. G. I. v. I, *№ 953*.

Я записалъ съ ихъ словъ болѣе 25 названій, но между ними „τὸ Ἄργος“ не оказалось. Тогда я долженъ былъ прямо спросить ихъ, нѣтъ ли *теперь* названія Ἄργος, τὸ Ἄργος. Поселяне мнѣ отвѣчали, что и не слыхали никогда такого названія. Даже мѣстный священникъ, семидесятилѣтній старецъ, отозвался полнымъ невѣдѣніемъ такой мѣстности. Это обстоятельство заставляетъ думать, нѣтъ ли въ сообщеніи г. Саридаки какого-либо недоразумѣнія. Придти къ такому заключенію меня побуждаютъ и нѣкоторыя другія соображенія, о которыхъ здѣсь считаю неумѣстнымъ распространяться.

На стр. 13 указана въ числѣ древнихъ мѣстностей, положеніе которыхъ опредѣляется съ бо́льшей или меньшей вѣроятностью, „Κρητίναι“ im kamireïschen Lande“, при чемъ помѣщена ссылка на стр. 31, гдѣ читаемъ: „so soll der Name eigentlich geschrieben werden, nicht Κρητινία, wie in unseren Ausgaben steht“. Въ концѣ страницы указана статья Виламовица въ Hermes XXX (1895), 185, и при томъ такъ указана, что читатель въ правѣ думать, будто Виламовицъ предлагаетъ читать въ нашихъ текстахъ вмѣсто Κρητινία—Κρητίναι. Ничего подобнаго нѣтъ. Виламовицъ, подготовляя читателя къ пониманію „листа изъ κτίσις Μαγνησίας“, найденнаго О. Керномъ на рынкѣ этого города, разбираетъ вопросъ о разныхъ версіяхъ традицій, касающихся Магнитовъ у Меандра, между прочимъ говоритъ о Мандролитѣ и его сынѣ Мандрѣ, который, предаваясь пьянству, продалъ мѣстность Κρητίναι, затѣмъ продолжаетъ: „An einem Orte Kretinai oder Kretinaion... darf man nicht zweifeln: wenn der Name mit leichter Aenderung als Κρητινία auf Rhodos wiederkehrt, so ist das nur eine Bestätigung“. Ср. стр. 184, прим. 3 въ концѣ. Ясно, что здѣсь Виламовицъ не при чемъ. Обратимся теперь къ рукописямъ авторовъ, у которыхъ встрѣчается это названіе.

У Стефана Византійскаго читаемъ только Κρητηνία, и Meineke замѣчаетъ: „Κρητινία M(einekе), Κρητήνια R(ehdigeranus), Κρητηνία A(ldinus) V(ossianus). Κρητινία item ex codd. pro Κρητηνία scribendum apud Apollodorum 3, 2, 3; fuit etiam Ephesiaci agri oppidum Κρητίναιον sive Κρητίναι dictum“...

Въ сочиненіи „Βιβλιοθήκη“, дошедшемъ до насъ подъ именемъ Аполлодора, у Вестермана въ „Μυθογράφοι“ къ Κρητινία слѣдующія указанія на рукописныя чтенія: κρατινίαν P(alatinus) D(orvilianus) R^{c} (Parisinus tertius), κερατινίαν, но нигдѣ нѣтъ Κρητίναι. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ только и встрѣчается названіе этой мѣстности. Если бы Гельдеръ доказалъ, что существованіе въ греческомъ языкѣ формы

типа Κρητινία немыслимо, то тогда допустимъ былъ бы вопросъ, чѣмъ замѣнить ее, но онъ этого не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ, потому что такая форма вполнѣ возможна и ни въ комъ не вызываетъ ни малѣйшаго недоумѣнія. Отвергать ее лишь потому, что существовала форма Κρητίναι, по меньшей мѣрѣ странно.

Закончу обозрѣніе первой главы сочиненія Гельдера двумя замѣчаніями по поводу его словъ, сказанныхъ, правда, въ четвертой главѣ, но касающихся топологіи и потому могущихъ здѣсь кстати подвергнуться оцѣнкѣ.

На стр. 219 говорится о томъ, что Σιλόριοι, какъ δημοτικόν, вѣроятно, „чистая фикція", и предполагается ошибка вмѣсто Σιβόθιος, т. е. повторяется взглядъ Шумахера (см. у меня стр. 78, 105). Я и раньше сомнѣвался въ вѣрности этого взгляда, а теперь тѣмъ болѣе, потому что есть новыя данныя въ пользу этого сомнѣнія. Въ числѣ надписей, недавно опубликованныхъ итальянскимъ ученымъ Scrinzi въ Atti del R. Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, LVII, 1899 г. („Iscrizioni greche inedite di Rodi"), на основаніи копій въ рукописномъ сочиненіи Геденборга 1854 г., есть одна надгробная (№ 41):

ΕΡΠΟΙΤΑΣ
ΑΡΙ . Τ . ΛΑΙΔΑ
Σ . Χ . ΡΙΟΣ

Скринци дополняетъ Σ[ι](λ)[ό]ριος. У Гиллера въ I. G. I. v. I, № 701 совершенно ясно читается Σιλορίου. „Il confronto con questa nostra iscrizione pare confermare l'esistenza di questo demos di Camiros", замѣчаетъ Скринци. Къ тому же мнѣнію склоняется и Гиллеръ въ Berl. Philol. Wochenschrift 1900, № 1, стр. 18.

На стр. 221 Гельдеръ говоритъ: „Nicht ganz unannehmlich hat Selivanov vermuthet (Rhodos 1892, 104 f.), dass die Ortschaft Νάσσος [нужно Νᾶσσος] I. G. I. I 701 genannt wird". Для доказательства этого можно привлекать лишь I. G. I. v. I № 290, но никакъ не № 694, гдѣ несомнѣнно рѣчь идетъ не о Νᾶσσος, а о νᾶσος въ противоположность ἁ ἄπειρος, между тѣмъ Гельдеръ ссылается и на № 694 совсѣмъ не кстати.

Вторая глава разбираемаго труда носитъ заглавіе „Mythische Vorgeschichte" и занимаетъ страницы 14—62. Вполнѣ естественно было бы соединить эту главу съ пятой „Götter und Cultus", стр. 289—367. По своему содержанію послѣдняя имѣетъ очень много точекъ соприкосновенія со второй, да иначе и быть не можетъ, потому что миѳологія относится къ области исторіи *религіозныхъ* представленій.

Самое заглавіе „Mythische Vorgeschichte“ не особенно удачно и не вполнѣ точно: цѣлый рядъ сказаній миѳологическаго характера никакъ не можетъ быть отнесенъ къ доисторическимъ временамъ, но создался въ эпоху вполнѣ историческую, представляя не плодъ *народнаго* творчества, а продуктъ фантазіи отдѣльныхъ писателей. Этого, конечно, не будетъ отрицать и самъ Гельдеръ (см., напр., стр. 30 и др.). Соединивъ указанныя главы и давъ имъ общее заглавіе „Mythologisches, Götter und Cultus“, авторъ избавилъ бы читателя отъ необходимости перечитывать въ пятой главѣ то, что было сказано во второй, или встрѣчаться съ частыми ссылками на вторую главу, какъ напр. на стр. 290, 302, 316, 352, 336 (на одной этой страницѣ три ссылки). Высказанное соображеніе позволяетъ мнѣ въ своей рецензіи соединить отзывъ о второй и пятой главахъ, такъ какъ обѣ онѣ характеризуютъ *религіозныя представленія* родосцевъ.

Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, когда онъ на стр. 16 и 17 говоритъ о томъ, что миѳологическія сказанія родосцевъ не содержатъ, повидимому, во многихъ случаяхъ даже историческаго *зерна* („viele dieser Geschichten sind offenbar *gänzlich ersonnen*“), лишь отъ сказаній объ Иліи и Тлиполемѣ вѣетъ величавой свѣжестью народной поэзіи („weht der grossartig-frische Zug der Volkspoesie; das andere ist fast durchgängig bei der Studirlampe hinzucomponirt“). Равнымъ образомъ нельзя спорить съ Гельдеромъ, когда онъ, указывая на стремленіе писателей эпохи діадоховъ пріурочить къ извѣстной хронологической системѣ различныя версіи миѳологическихъ сказаній іалисскихъ, линдійскихъ и камирскихъ, говоритъ, что этимъ писателямъ ничего иного не оставалось, какъ уложить упомянутыя сказанія на Прокрустово ложе; немало искаженій внесено въ эту область и раціоналистическимъ направленіемъ. Все это, конечно, вѣрно, но составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ *общее мѣсто* современной исторической критики.

Къ сожалѣнію, до нашего времени не дошло ни одного сочиненія какого-либо изъ родосскихъ историковъ въ полномъ видѣ. Богатое собраніе миѳологическихъ сказаній содержалъ трудъ родосца *Зинона*, писавшаго въ первой половинѣ II вѣка до Р. Хр., но часть этого труда, весьма незначительная, дошла до насъ лишь въ передачѣ Діодора (V, 55—59=F. H. G. III, pp. 175—178) и Поливія (XVI, 14—20=F. H. G. III, pp. 178—182).

Анализу миѳовъ о колонизаціи острова посвящена значительнѣйшая часть 2-й главы труда Гельдера, при чемъ они обозрѣваются

по происхожденію, какое миѳы приписываютъ колонизаторамъ: сперва идутъ миѳологическія сказанія о поселенцахъ-дорянахъ на стр. 19—32 (Тлиполемъ и Алѳеменъ), затѣмъ о поселенцахъ-еллинахъ не дорійскаго племени на стр. 32—39 (главнымъ образомъ о Форвантѣ), далѣе о миѳическихъ поселенцахъ изъ Египта и Финикіи на стр. 39—44, а въ остальной части главы разбирается вопросъ о Тельхинахъ и Иліадахъ (Ἡλιάδαι).

Наиболѣе достойнымъ вниманія изъ сказаній о поселеніяхъ на островѣ Гельдеръ считаетъ сказаніе о Тлиполемѣ, потому что о переселеніи этого Ираклида изъ Пелопонниса на Родосъ рѣчь идетъ въ *Иліадѣ*, во 2-й пѣснѣ которой цѣлыхъ 18 стиховъ (653—670) посвящено его памяти (ср. V, 627—670). „Βοιωτία", по обычному среди ученыхъ мнѣнію, принадлежитъ къ числу *позднѣйшихъ* частей Иліады, хотя въ опредѣленіи столѣтія, къ которому она относится, взгляды изслѣдователей расходятся: нѣкоторые пріурочиваютъ ее ко второй половинѣ VII вѣка до Р. Хр., другіе — приблизительно къ срединѣ VIII-го. Не мѣшало бы Гельдеру указать на стр. 19 руководящія по этому вопросу изслѣдованія, напримѣръ, Б. Низе (Der homerische Schiffskatalog, als historische Quelle. Kiel. 1873, гдѣ на стр. 15 анализируется важный для Гельдера отрывокъ), Эрв. Роде (Rhein. Mus. XXXVI, стр. 573 сл.), Гемолля (Hermes XVIII, стр. 35 сл.).

По поводу сказанія о Тлиполемѣ Гельдеръ замѣчаетъ: „Allererst belehrt sie [die Stelle aus dem Schiffskatalog] uns, dass schon im siebenten, vielleicht im achten Jahrhundert... die Rhodier fest überzeugt waren, dass ihre Insel vom eigentlichen Griechenland aus colonisirt worden war; zweitens, dass bereits damals die Bewohner in drei φυλαί eingetheilt waren; drittens, dass die Insel schon zu jener Zeit reich war. Das ist thatsächliche, hochwichtige Geschichte".

Не совсѣмъ такъ: 1) не родосцы были твердо убѣждены въ своемъ происхожденіи изъ собственной Еллады (вѣдь, никто, кажется, не приписываетъ „Βοιωτία" какому-нибудь родосскому поэту), а „эллины" вообще (въ томъ числѣ, *быть можетъ*, и родосцы); 2) въ словахъ каталога (668—670):

„ἠδὲ φίληθεν
ἐκ Διὸς ὅστε θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισι ἀνάσσει.
καί σφιν θεσπέσιον πλοῦτον κατέχευε Κρονίων"

„божественно-чудесное" богатство указываетъ не на историческую дѣйствительность, а, по моему мнѣнію, не что иное, какъ *искаженіе*

первоначальной миѳической черты. Я предполагаю, что въ какомъ-либо миѳическомъ гимнѣ говорилось о любви Зевса къ родосцамъ и о томъ, какъ онъ въ знакъ любви сыпалъ имъ свое божественное *золото*, т. е. яркіе солнечные лучи. Отъ золота до богатства при раціонализаціи и непониманіи первоначальнаго смысла миѳа — одинъ шагъ, который и былъ сдѣланъ дѣйствительно уже въ довольно древнее время. Къ счастью, что̀ бываетъ не часто въ подобныхъ случаяхъ, я могу придать силу моей догадкѣ вѣскими фактическими данными.

Въ самомъ дѣлѣ, въ седьмой олимпійской епиникіи Пиндара, посвященной Діагору родосцу, читаемъ (v. 33—34):

ἐς ἀμφιθάλασσον νομόν,
ἔνθα ποτὲ βρέχε θεῶν βασιλεὺς ὁ μέγας χρυσέαις
νιφάδεσσι πόλιν.

Рѣчь идетъ о томъ, что Аполлонъ Златовласый (ὁ χρυσοκόμας) Тлиполему далъ повелѣніе плыть въ „страну, окруженную моремъ“, т. е. Родосъ, „гдѣ нѣкогда великій царь боговъ орошалъ городъ *золотымъ* дождемъ“ (собственно снѣжинками). Послѣомировское βρέχειν, соотвѣтствующее омировскому διαίνειν, обозначаетъ „орошать“, при чемъ имѣется въ виду, что жидкость не проникаетъ глубоко внутрь предмета, и такимъ образомъ является у Пиндара синонимомъ омировскаго καταχεῖν = поливать, обсыпать. Въ Иліадѣ этотъ глаголъ соединяется съ такимъ же дополненіемъ, съ какимъ у Пиндара βρέχειν (12, 156—158): νιφάς. Получается, слѣдовательно, полное соотвѣтствіе между Ил. 2, 670 и пиндаровымъ „ἔνθα ποτὲ“ χτλ., за исключеніемъ „θεσπέσιον πλεῦτον“, которому соотвѣтствуетъ у Пиндара „χρυσέαις νιφάδεσσι“. Этотъ „золотой дождь“, т. е. отливающіе золотомъ солнечные лучи — древняя миѳическая черта, исконная и единственно умѣстная въ первоначальной редакціи миѳа. Она сохранена у Пиндара, но искажена въ нашемъ традиціонномъ текстѣ Иліады. Этотъ текстъ настолько въ *данномъ* случаѣ важенъ, что необходимо нѣсколько подробнѣе на немъ остановиться. Начнемъ со стиха *667*. Вмѣсто αὐτάρ Зинодотъ читалъ αἶψα δ'; теперешнее чтеніе принадлежитъ Аристарху. Въ схоліяхъ къ этому стиху находимъ и основаніе для поправки: не можетъ *быстро* прибыть на Родосъ человѣкъ, которому необходимо было построить корабль, затѣмъ пришлось блуждать и терпѣть неудачи во время плаванія [1]). Основаніе, какъ видитъ

[1]) Мнѣ кажется необходимымъ принять поправку Кобета „εὐπλοηκώς“ вмѣсто εὐθυπλοϊκῶς.

читатель, взято главнымъ образомъ изъ самаго текста, къ которому предъявляются строго-логическія требованія. Слѣдующій *668* стихъ не возбудилъ сомнѣнія у древнихъ критиковъ, но въ схоліяхъ къ нему помѣщено замѣчаніе по поводу *669*, который подвергся аѳетисѣ (ἀθέτησις) подъ вліяніемъ слѣдующихъ соображеній: кто-то, не понявъ смысла *668* стиха, гдѣ говорится о томъ, что родосцы, хотя и не обитали въ одномъ городѣ, но были разсѣяны въ трехъ мѣстахъ, однако *любимы* были другъ другомъ и не враждовали, добивался отвѣта, кѣмъ они были любимы, и поэтому прибавилъ *669* стихъ, который „ἀθετεῖται, ἡ δὲ αἰτία προείρηται".

Послѣдняя замѣтка принадлежитъ къ ряду такъ называемыхъ „intermarginalia", большая часть которыхъ извлечена изъ трудовъ Аристоника и Дидима. У La Roche (Homeri Ilias ad fidem librorum optimorum. Pars I. 1873, стр. 60) въ примѣчаніи къ этому стиху читаемъ: „ἀθετεῖται Aristonicus".

Аѳетируя его, нельзя оставлять въ текстѣ и стихъ 670, непосредственно и весьма тѣсно связанный съ предыдущимъ. Въ схоліяхъ къ Иліадѣ мы однако аѳетисы его не встрѣчаемъ, за то находимъ указаніе на нее въ схоліяхъ къ 62 стиху седьмой олимпійской епиникіи Пиндара: „τοῦτο ἄντικρυς ἐκ τοῦ ἀθετουμένου Ὁμηρικοῦ στίχου εἴληφεν ὁ Πίνδαρος· καί σφιν" κτλ.

Если аѳетиса разбираемыхъ стиховъ принадлежитъ Аристонику, то она довольно поздняя, такъ какъ Аристоникъ жилъ въ эпоху Августа (современникъ Стравона). Чья бы она ни была, но основаніе ея (по крайней мѣрѣ то, какое приведено въ схоліяхъ)—нелѣпо, чтобы не сказать болѣе: къ φίληθεν дополнять ὑπὸ ἀλλήλων, и такъ произвольно извращать смыслъ ясныхъ словъ могъ только человѣкъ, или очень плохо знавшій греческій языкъ, или не дающій себѣ отчета въ томъ, что онъ говоритъ.

Искаженіе въ нашемъ традиціонномъ текстѣ есть, но вовсе не тамъ, гдѣ его указываютъ схоліи; удалять цѣлыхъ два стиха изъ текста, считая ихъ позднѣйшей вставкой, нѣтъ ни малѣйшаго основанія, потому что они несомнѣнно принадлежатъ первоначальной редакціи всего отрывка; результатомъ позднѣйшей раціонализаціи является только одно слово 670 стиха: „πλοῦτον", которое очень легко, ничуть не мѣняя размѣра, могло завладѣть чужимъ гнѣздомъ, гдѣ вполнѣ по праву сидѣло другое слово: „χρῡσόν" [1]) (указываемъ оба слова въ падежѣ, котораго требуетъ 670 стихъ).

[1]) Моя гипотеза о первоначальности чтенія „χρυσόν" встрѣтила одобреніе въ

Мнѣ думается, что современники Пиндара читали въ этомъ стихѣ „золото", а не „богатство", и Пиндаръ изъ простого и незатѣйливаго омировскаго „χρυσός" выковалъ свое пышное и смѣлое „χρύσεαι νιφάδες".

Гельдеръ долженъ былъ подвергнуть внимательному анализу 669 и 670 стихи 2-й пѣсни Иліады тѣмъ болѣе, что въ изданіяхъ истекшаго столѣтія (напримѣръ, конца двадцатыхъ годовъ) эти стихи считались сомнительными. Геффтеръ защищалъ ихъ подлинность, но совсѣмъ не по той причинѣ, на которую указываемъ мы [1]).

Если наша конъектура будетъ признана научно-обоснованной, то указанные стихи, по моему мнѣнію, могутъ послужить опорнымъ пунктомъ для опредѣленія хронологической даты начала процвѣтанія культа Солнца на о. Родосѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Иліадѣ родосцы являются *любимцами Зевса*, онъ же и обливаетъ ихъ тепломъ своихъ солнечныхъ лучей. Это—роль, которую въ позднѣйшее время игралъ Илій. Въ Иліадѣ мы не находимъ ни малѣйшаго намека на культъ Солнца у родосцевъ, но во времена Пиндара этотъ культъ на островѣ былъ уже въ полномъ расцвѣтѣ своего развитія: Родосъ—его „удѣлъ" (λάχος), онъ владыка острова,

ἔχει τέ νιν ὀξειᾶν ὁ γενέθλιος ἀκτίνων πατήρ,
πῦρ πνεόντων ἀρχὸς ἵππων [2]).

Если такъ, то приходится заключать, что культъ Илія, не имѣвшій *особаго* значенія въ половинѣ восьмого столѣтія до Р. Х., достигъ высокаго развитія и преобладанія надъ другими въ промежутокъ между этимъ временемъ и первой половиной пятаго вѣка, т. е. до основанія города Родоса, которое относится къ 408/7 году до Р. Х.

Нечего удивляться тому, что Зевсу въ Иліадѣ приписываются черты, которыми въ позднѣйшее время характеризуется Илій: Зевсъ, какъ божество *небеснаго* свѣта, заключалъ въ себѣ *первоначально* и божество *солнца*. Вотъ и еще указаніе на дѣйствительную древность вышеуказанныхъ стиховъ Иліады.

Всѣ высказанныя соображенія весьма пригодились бы Гельдеру

общемъ со стороны такого талантливаго знатока миѳологіи, какимъ является у насъ *Л. Ф. Воеводскій*, который въ „χρυσός" видитъ однако указаніе не на *солнечные лучи*, какъ предлагаемъ мы, а на *звѣзды*.

[1]) Die Götterdienste auf Rhodos im Alterthume, dargestellt von M. W. Heffter. Zweites Heft. Zerbst 1829, стр. 28, прим. 101.

[2]) Pind. *Olymp.* VII, 70.

на стр. 290 и слѣдующихъ, гдѣ онъ изслѣдуетъ вопросъ о почитаніи Солнца на островѣ.

Принимая вполнѣ вѣроятную гипотезу Диттенбергера относительно того, что почитаніе воздавалось Илію въ одномъ храмѣ, общемъ для іалисцевъ, линдійцевъ и камирцевъ, еще до основанія города Родоса [1]), авторъ разбираемаго сочиненія высказываетъ предположеніе, что храмъ этотъ находился въ той мѣстности, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ городъ Родосъ, т. е. на сѣверо-восточной оконечности острова. „Um das uberaus günstig gelegene τέμενος, das schon längst ein religiöser Mittelpunkt war, wurde dann im Jahre 408/7 die neue Stadt gebaut“, говоритъ Гельдеръ на стр. 292. Это предположеніе мы считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ; равнымъ образомъ принимаемъ догадку Гельдера о довольно позднемъ установленіи если не праздника Ἁλίεια, какъ предлагаетъ онъ, то по крайней мѣрѣ состязательныхъ игръ на немъ. Если и существовалъ онъ до 408/7 года, то едва-ли пользовался большимъ значеніемъ (стр. 294).

Меня давно уже занималъ вопросъ, почему именно на о. Родосѣ констатируется процвѣтаніе культа Солнца вплоть до самыхъ позднихъ временъ, между тѣмъ какъ вообще въ Елладѣ этотъ культъ довольно рано отодвигается на второстепенное мѣсто культомъ другихъ божествъ. По этому поводу Отто Гильбертъ говоритъ слѣдующее: „Im übrigen hat überall der Apollcult den des Helios absorbiert mit Ausnahme von Rhodos Myth. Lex. Roscher (Rapp I, 2024), wo besondere Momente eingewirkt haben müssen“ [2]). Какіе же это особенные моменты были причиной указаннаго факта? Отвѣта на это у Гильберта мы не нашли, но у Гельдера онъ есть. Такую причину онъ видитъ въ томъ, что культъ Солнца въ 408/7 году до Р. Хр. былъ сдѣланъ общегосударственнымъ („seinen Cult zum officiellen Hauptculte des neuen Staates proclamirt“, стр. 290 и слѣд.).

Долженъ сознаться, такое рѣшеніе вопроса меня удовлетворяетъ только *отчасти* потому, что не объясняетъ процвѣтанія культа Илія до 408/7 года, на которое мною было указано выше. Дополню

---

[1]) „Itaque nihil relinquitur, quam ut antiquitus unum modo templum fuisse statuamus, ubi tres illi populi coniunctim deum totius insulae tutorem colerent, non aliter quam Ionum civitates duodecim Neptunum Heliconium in promunturio Mycale“. De sacris Rhodiorum commentatio I, p. IV. Halis 1886.

[2]) Griechische Götterlehre in ihren Grundzügen dargestellt von O. Gilbert. Leipzig. 1898, стр. 434, прим. 2. Кстати замѣтимъ, что слѣдовъ знакомства съ этимъ сочиненіемъ у Гельдера мы не встрѣчаемъ.

объясненіе Гельдера своимъ. Внѣ всякаго сомнѣнія стоятъ довольно раннія сношенія Родоса съ Египтомъ, въ Египтѣ же главными божествами были божества *свѣта*, во главѣ всѣхъ—богъ Солнца (Ra и Ḥar). Не подъ вліяніемъ ли сношеній съ Египтомъ утвердился такъ прочно культъ Солнца на о. Родосѣ уже въ довольно древнія времена? Болѣе детальному доказательству этого предположенія здѣсь не мѣсто. Съ этой цѣлью необходимо было бы подвергнуть сопоставленію обрядовую сторону почитанія египетскаго и родосскаго, что, конечно, выходитъ за рамки скромной рецензіи. Замѣчу здѣсь только, что при изслѣдованіи этого вопроса нельзя упускать изъ виду и слѣдующаго немаловажнаго факта: Илію, какъ могущественному богу, воздавалось поклоненіе во многихъ мѣстностяхъ Пелопонниса,—въ Коринѳѣ, Сикіонѣ, на горѣ Тайгетѣ, на мысѣ Тенарѣ, въ Илидѣ, Аркадіи, наконецъ въ *Арголидѣ*, бывшей, по мнѣнію грековъ, *первоначальной* родиной родосцевъ [1]).

На стр. 295 и слѣдующей, разсуждая объ „Ἠλύσιον πεδίον“, указаніе на которую встрѣчается въ „Ἐτυμολογικὸν μέγα“ (λέγεται δὲ Ἠλύσιον καὶ ἱερὸν πεδίον περὶ Ῥόδον...), и говоря, что „ganz leicht wäre die Aenderung „Ἰηλύσιον“, какъ мы дѣйствительно и предлагали въ своемъ изслѣдованіи на стр. 102, Гельдеръ предпочитаетъ однако чтеніе HΛIЄION („Man schreibe getrost HΛIЄION, nicht HΛYCION“) подъ вліяніемъ слѣдующихъ соображеній: 1) Іалисъ находится на разстояніи двухъ часовъ пути отъ г. Родоса, при чемъ между этими двумя городами—горы и нѣтъ никакой равнины, 2) странно, что іалисійская равнина называется „священной“.

Оба соображенія не выдерживаютъ критики: 1) отъ черты теперешняго города (а древній былъ значительно обширнѣе) до начала той равнины, которая находится у горы Филерима, гдѣ былъ акрополь древняго Іалиса, идти надо среднимъ шагомъ никакъ не болѣе часу; не только личное посѣщеніе этихъ мѣстъ, но даже карта, приложенная къ сборнику Гиллера, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что между древнимъ Родосомъ и Іалисомъ, кромѣ горъ, находилась и огромная равнина, гдѣ пріютилось теперь селеніе Τριάντα и гдѣ я восемь лѣтъ тому назадъ помѣщалъ Ἰαλύσιον πεδίον; 2) Ἰηλύσιον πεδίον потому уже было „ἱερόν“, что Ἰηλυσός, подобно Камиру и Линду, былъ, по родосскимъ вѣрованіямъ, сынъ Керкафа и, слѣдовательно, внукъ

[1]) См. W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon der griech. u. röm. Mythologie I, 2, ст. 2024 и слѣд., Preller—Robert, Griechische Mythologie, I (1894), стр. 429 и слѣд.

Илія. Такимъ образомъ, не особенно „getrost“ можно мѣнять чтеніе, предложенное нами.

На стр. 303 говорится о Ζεὺς καὶ Ἥρα ΩΡΟΛΥΤΙΟΙ, очевидно, по недосмотру вмѣсто ΩΡΟΛΥΤΟΙ, такъ какъ въ надписи I. G. I. v. I, № 786, vs. 10 sq. читаемъ: ΔΙΟϹ ΚΑΙΗΡΑϹ ΩΡΟΛΥΤΩΝ.

Ни Гиллеръ, ни Гельдеръ не даютъ объясненія этого епиѳета Зевса и Иры. Мнѣ кажется, его можно сопоставить съ епиѳетомъ Димитры ὡρηφόρος въ омировскомъ гимнѣ къ этой богинѣ (ст. 54 и 192, объясненіе у Гемолля, Die homerischen Hymnen, стр. 285), при чемъ nominativus этого слова, полагаю, не ὡρόλυτος, а ὡρολύτης, т. е. Зевсъ и Ира называются „развязывающими времена года“ (ὧραι+λύειν). Эта роль вполнѣ подходитъ къ Зевсу, такъ какъ „Διὸς ὧραι“ (достаточно указать для примѣра Одисс. XXIV, 344). Дорическая форма gen. plur. отъ ὡρολύτης—ὡρολυτᾶν; при нашей конъектурѣ приходится читать ὡρολυτῶν. Но это обстоятельство ничуть не свидѣтельствуетъ противъ нашего предположенія, потому что надпись № 786 на основаніи палеографическихъ и орѳографическихъ признаковъ должна быть отнесена къ весьма позднимъ римскимъ временамъ (не древнѣе третьяго вѣка *по* Р. Хр.), когда рядомъ съ дорическими образованіями бытовали въ родосскихъ надписяхъ формы τῆς κοινῆς (напр., въ той же надписи ἱερᾶς βουλῆς vs. 18, но Ἀγαθᾶ τύχα = dativ. безъ ι adscriptum vs. 1, Ἀθάν[ας vs. 5).

На стр. 354 удачно отмѣченъ *этіологическій* характеръ происхожденія миѳа объ Ἑλένη Δενδρῖτις. По поводу объясненія Гельдера замѣчу лишь, что оно не ново: его читатель можетъ найти у Геффтера, Die Götterdienste auf Rhodus. Heft III (Zerbst. 1833), стр. 72—76.

Третья глава сочиненія Гельдера посвящена исторіи государственной жизни острова (politische Geschichte) съ ея возникновенія вплоть до того времени, отъ котораго дошло послѣднее извѣстіе о политической исторіи *древняго* Родоса, т. е. до 380 приблизительно года по Р. Хр. Здѣсь авторъ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ: отъ его вниманія не ускользнули ни спеціальныя монографіи по исторіи о. Родоса, ни журнальныя статьи, въ которыхъ затронуты вопросы, относящіеся къ этой исторіи; весь матеріалъ изъ первоисточниковъ сведенъ умѣлою рукой, освѣщенъ изслѣдованіями ученыхъ нашего времени и очищенъ мѣстами самостоятельной критической мыслью. По поводу этой главы (страницы 63—177) я ограничусь однимъ лишь замѣчаніемъ. Въ самомъ началѣ ея Гельдеръ не могъ, конечно, совершенно не затронуть вопроса о томъ, каково было *до-греческое* насе-

леніе острова. Мелькомъ касаясь этого вопроса, онъ говоритъ: „Wahrscheinlich sind Karer die ältesten wirklich geschichtlichen Bewohner von Rhodos gewesen. Sie sassen auf der gegenüberliegenden Küste und waren einst über viele griechische Inseln verbreitet. Spuren haben sie nicht hinterlassen [1]), die Griechen haben sie vertilgt, verjagt oder mit sich selbst verschmolzen".

Благосклонно относясь къ карійцамъ и населяя ими островъ, Гельдеръ сурово вооружается противъ финикіянъ. Вполнѣ становясь на сторону такого врага ихъ, какимъ является Ю. Белохъ, онъ пишетъ: „Am liebsten schliesse ich mich jedoch dem Radicalismus Belochs an". Особенно сильное впечатлѣніе произвела на Гельдера статья Белоха, появившаяся въ *Rheinisches Museum* за 1894 годъ подъ заглавіемъ „Die Phoeniker am Aegaeischen Meer" (стр. 111 — 132). Здѣсь названный ученый, вооружившись *археологическими* данными, добытыми во время раскопокъ, указываетъ: 1) на тотъ фактъ, что некрополь Іалиса — *микенской* эпохи, некрополь Камира—*послѣ*-микенской поры, цѣлаго же финикійскаго некрополя нигдѣ на островѣ нѣтъ; 2) на то, что словъ, заимствованныхъ изъ *симитическихъ* языковъ, чрезвычайно мало, и что слова, обыкновенно выводимыя изъ симитическихъ корней, едва-ли такого происхожденія; 3) на то, что въ эпосѣ нѣтъ упоминанія о финикійскихъ поселеніяхъ въ Елладѣ; 4) на то, что въ греческой религіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ вліянія финикійскаго. Общій выводъ Белоха относительно о. Родоса слѣдующій: „*Auch sonst fehlt es für eine phoenikische Niederlassung auf Rhodos an jedem Beweise*" (стр. 130).

Конечно, Белохъ—большой авторитетъ, но, поглубже вдумавшись въ вопросъ и основательнѣе его изучивъ, Гельдеръ понялъ бы, что радикализмъ Белоха не можетъ быть названъ *научнымъ*, что въ вопросѣ о финикійскомъ вліяніи на еллиновъ равно неумѣстны упорный консерватизмъ и упорный радикализмъ, что единственно научное рѣшеніе этого вопроса — скромное „*non liquet*". Не я одинъ такъ думаю. Прошу читателя заглянуть въ превосходную статью Б. А. Тураева „Очеркъ исторіи изученія финикійской древности" [2]). Здѣсь на стр. 71 читаемъ: „Вообще авторитетный тонъ въ этомъ вопросѣ

---

[1]) „*Karisch* scheinen jedoch die auf Rhodos vorkommenden Ortsnamen Ἀτάβυρις und Μνασύριον zu sein (vgl. Hiller von Gärtringen bei Pauly-Wissowa, II, 1887). Авторъ могъ бы прибавить еще ссылку на Ath. Mitth. XXI (1896), стр. 62.

[2]) *Историч. Обозрѣніе*, т. VI (1893), стр. 1—76.

менѣе умѣстенъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, особенно если этимъ тономъ высказываются предвзятыя мысли"...

Ненаучный радикализмъ Белоха долженъ былъ вызвать реакцію и дѣйствительно уже вызвалъ ее. Противъ него направлена весьма интересная статья V. Bérard'a „Topologie et toponymie antiques" въ *Revue archéologique*, XXXVII (1900), стр. 262—299. На стр. 263 противъ Белоха и его послѣдователей направлены слѣдующія слова: „Mais aujourd'hui la mode est aux historiens qui cuirassés d'archéologie partent en guerre, au nom du patriotisme indoeuropéen, contre les textes les plus formels et les auteurs les plus critiques"...

Отрицая существованіе на островѣ финикійскихъ поселеній, Гельдеръ предполагаетъ, что „вѣроятно, карійцы были дѣйствительно древнѣйшими историческими обитателями острова". На чемъ основывается это предположеніе? Да на томъ же, на чемъ гипотеза о финикійскихъ поселеніяхъ: 1) на миѳахъ, 2) на этимологіяхъ. Основанія— мало надежныя. Гельдеръ слѣдуетъ мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ *карійскими* слова, раньше причислявшіяся къ симитическимъ. Въ сочиненіи Гельдера не замѣтно знакомства съ трудомъ Кречмера „Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache". Göttingen. 1896. Здѣсь на стр. 376 — 384 онъ узналъ бы, какъ *скудны* наши свѣдѣнія о карійскомъ языкѣ и какъ, слѣдовательно, зыбка почва заключеній и гипотезъ на основаніи этимологіи этого языка. Карійцы очень рано подверглись еллинизаціи, которая пустила здѣсь болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Лидіи, и выдѣлить элементы чисто-карійскіе отъ чисто-еллинскихъ очень трудно. На все это слѣдовало бы обратить побольше вниманія. Замѣна финикіянъ карійцами, рекомендуемая Гельдеромъ, не удачна: и здѣсь научное рѣшеніе вопроса одно—„non liquet".

Въ четвертой главѣ (Staat und Recht) рѣчь идетъ о родосскомъ государственномъ устройствѣ (стр. 178—288). По поводу сказаннаго здѣсь необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Давно уже ученые останавливали свое вниманіе на словахъ Страбона: „Δημοκηδεῖς δ' εἰσὶν οἱ Ῥόδιοι, καίπερ οὐ δημοκρατούμενοι"... (l. XIV c. 2, § 5, p. 653), т. е. родосцы заботливо относятся къ народу, хотя у нихъ и нѣтъ народнаго правленія. У другихъ писателей мы находимъ указаніе на существованіе у родосцевъ δημοκρατία (Поливій XXVII, 4, 7: ὅσῳ γὰρ πλεῖον ὀρέγονται τῆς ἰσηγορίας καὶ παρρησίας — Ῥόδιοι — καὶ διατελοῦσι προστατοῦντες οὐ μόνον τῆς αὐτῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς τῶν ἄλλων Ἑλλήνων ἐλευθερίας...; Діодоръ XX, 93, 6—7; Цицеронъ

De republ. III, 35, 48 и другіе). То же обозначеніе государственнаго устройства родосцевъ находимъ и въ надписяхъ (Collitz-Bechtel, G. D. I. № 3749, vs. 14: τὰν καθεσταχυῖαν δαμοκρατίαν). Конечно, рѣшительный филологъ предложилъ бы, пожалуй, уничтожить въ текстѣ Стравона οὐ и сталъ бы доказывать, что и безъ οὐ смыслъ получился бы удовлетворительный; но этого никто до сихъ поръ не сдѣлалъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны нѣтъ указанія на то, что рукописи разногласятъ въ данномъ мѣстѣ, съ другой стороны конъектуры—ultima refugia въ томъ случаѣ, когда текстъ древняго автора неудовлетворителенъ по формѣ или по содержанію, чего въ разбираемомъ случаѣ нѣтъ. Мирясь съ традиціоннымъ текстомъ, мы однако должны *объяснить*, почему Стравонъ даетъ иное опредѣленіе государственному устройству Родоса сравнительно съ другими писателями древности. Укажу на нѣкоторыя изъ попытокъ дать это объясненіе. Паульзенъ объясняетъ слова Стравона тѣмъ, что „infima plebs" не принимала участія въ управленіи, была лишена права подачи голоса въ народномъ собраніи, „ius suffragiorum ferendorum" принадлежало лишь тѣмъ, которые могли прокормить себя; верховная власть была раздѣлена между знатью и народомъ (съ указаннымъ исключеніемъ), между совѣтомъ и народнымъ собраніемъ [1]).

Боттермундъ, полемизируя съ Паульзеномъ и неточно передавая слова Стравона (καίπερ οὐ δημοκρατικῶς πολιτευόμενοι), объясняетъ ихъ тѣмъ, что у родосцевъ въ *народномъ собраніи* подвергалось обсужденію лишь то, что вносилось туда *пританами* („civitas autem ita temperata οὐ δημοκρατικῶς πολιτευομένη dici potuit"), послѣ чего продолжаетъ: „Praeterea pugnat contra Paulsenii sententiam, ut recte Schneiderwirthius monet, Sallustii locus, quo dicit Rhodi et divites et pauperes iudiciis interfuisse. Nihilo autem minus verisimile est ditiorum civium plura iura fuisse quam pauperibus, quamquam, qualia fuerint, non notum est: forsitan certi magistratus publici e ditioribus civibus eligebantur" [2]).

Если читатель приметъ во вниманіе, что „Sallustii locus" взятъ изъ второго письма, *приписываемаго* Саллюстію и адресованнаго Цезарю (II, 7, 12), то онъ согласится, что авторитетъ этого свидѣ-

---

[1]) P. D. Chr. Paulsen, Commentatio exhibens Rhodi descriptionem Macedonica aetate. Gottingae. 1818. Стр. 47 слѣд.

[2]) Guil. Bottermund, De republica Rhodiorum commentatio. Halis Saxonum. 1882, стр. 17—18, срв. стр. 21 и слѣд.

тельства не великъ. Кромѣ того, какъ ни вооружается Боттермундъ противъ гипотезы Паульзена, однако и онъ признаетъ, что на о. Родосѣ правъ политическихъ у богатыхъ, *вѣроятно*, было больше, чѣмъ у бѣдныхъ, и что, можетъ быть, опредѣленныя должностныя лица избирались изъ среды болѣе состоятельныхъ гражданъ.

Шумахеръ предполагаетъ, что у родосцевъ существовало учрежденіе въ родѣ того, которое называлось у аѳинянъ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου βουλή; это учрежденіе имѣло верховную власть не только въ дѣлахъ религіозныхъ, но, быть можетъ, и въ государственныхъ. „Non si talem magistratum aut contionem (онъ разумѣетъ здѣсь собраніе древнихъ филъ) sumimus, nota illa Strabonis verba δημοκηδεῖς δ'εἰσὶν οἱ Ῥόδιοι, καίπερ οὐ δημοκρατούμενοι, quae omnibus viris doctis cum explorata Rhodiorum democratia pugnare videntur, explicari possunt et intellegi?“ говоритъ названный ученый на стр. 40 своей диссертаціи „De republica Rhodiorum commentatio“. Heidelbergae. 1886.

Что новаго далъ намъ въ этомъ вопросѣ Гельдеръ и какъ нужно рѣшить его? „Строго говоря, читаемъ у Гельдера (стр. 179), Страбонъ со своимъ οὐ δημοκρατούμενοι не правъ, потому что несомнѣнно родосское государственное устройство было δημοκρατία“, послѣ чего приводятся свидѣтельства надписей и авторовъ (въ томъ числѣ сомнительнаго Саллюстія ad Caes. de rep. II 7, 12). Стравонъ, по его мнѣнію, не думалъ собственно, что родосскія учрежденія не даютъ мѣста народному правленію, онъ думалъ, очевидно, только то, что на Родосѣ не было такого народнаго правленія, какъ во многихъ мѣстахъ Греціи, гдѣ ἐκκλησία захватила себѣ всю власть и низвела должностныхъ лицъ до степени своихъ слугъ. Здѣсь этого не было, должностныя лица сдерживали простой народъ (den Pöbel). Это ему и Поливію нравилось. Это восхваляетъ Поливій постоянно въ своемъ ахейскомъ союзѣ; „verwandteres fand er nirgendwo in Griechenland als in der wohlgeordneten, von bestimmten Regierungsfamilien geschickt bezügelten und im Zaume gehaltenen rhodischen Democratie“.

Картина, слѣдовательно, получается такая: внизу простой, бѣдный народъ, вверху правящія семьи, конечно, богатыя, искусно сдерживаютъ страсти черни—и это все называется димократіей. Какъ видимъ, Гельдеръ не далеко ушелъ отъ Паульзена, трудъ котораго онъ не даромъ хвалитъ, хотя въ данномъ мѣстѣ и не ссылается на него. Рѣшеніе Гельдера, какъ и другихъ всѣхъ ученыхъ, меня не удовлетворяетъ. Плодотворнымъ и цѣлесообразнымъ методомъ изслѣдованія даннаго вопроса я считаю слѣдующій: 1) необходимо изучить детально *всѣ*

епиграфическіе памятники о. Родоса и извлечь всѣ данныя, которыя могутъ характеризовать родосскую πολιτεία, при чемъ необходимо по возможности самымъ точнымъ образомъ опредѣлять въ каждомъ случаѣ, къ какому именно *времени* относится та или другая черта государственнаго строя; 2) не сваливать въ одну кучу, какъ это обыкновенно дѣлается, всѣ извѣстія древнихъ писателей, а постараться и здѣсь опредѣлить, *къ какой именно эпохѣ* относится то или другое свидѣтельство, при чемъ нельзя, конечно, относиться ко всѣмъ свидѣтельствамъ съ одинаковымъ довѣріемъ (съ моей точки зрѣнія авторитетъ, напримѣръ, такихъ риторическихъ „suasoriae", какъ приписываемыя Саллюстію, равенъ нулю).

Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса, которое приберегаю для другого случая, я сообщу здѣсь лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ тѣ выводы, къ которымъ пришелъ я, производя изслѣдованіе указаннымъ выше методомъ: 1) въ то время, къ которому относятся надписи I. G. I. v. I №№ 49 и 50, родосскія должностныя лица были не рѣдко связаны родствомъ, происходя, повидимому, изъ одной и той же семьи. Къ сожалѣнію, время надписи № 49 не можетъ быть опредѣлено съ желательной точностью, между учеными идетъ споръ, относится ли она къ 188—167 гг. до Р. Хр., или къ первой половинѣ I в. до Р. Хр., по поводу чего достаточно указать на Ath. Mitth. XX (1895), стр. 385 слѣд. (здѣсь же на стр. 378—379 опубликована Гиллеромъ лучшая копія этой надписи). Какъ бы то ни было, фактъ родства между должностными лицами, констатируемый изъ надписей, весьма важенъ: онъ весьма пригодился бы Гельдеру, такъ какъ является серьезнымъ подтвержденіемъ его гипотезы о знатныхъ семьяхъ, стоящихъ во главѣ правленія и сдерживающихъ народъ. 2) Свидѣтельство Стравона необходимо относить не ко всѣмъ временамъ безъ различія,—строй родосскаго государства не оставался безъ измѣненій,—но лишь ко времени жизни самого Стравона. Оно полно смысла, если тогда, какъ въ эпоху надписей, должностныя лица избирались изъ опредѣленныхъ, знатныхъ семей. Въ какомъ направленіи происходили постепенныя измѣненія въ строѣ греческихъ государствъ подъ римскимъ вліяніемъ, объ этомъ читатель можетъ навести справку у Г. Свободы, „*Die griechischen Volksbeschlüsse*" (особенно стр. 178—179).

На стр. 225 и слѣд. [1]) рѣчь идетъ о родосскихъ филахъ. По по-

---

[1]) На стр. 225 слѣдуетъ исправить вм. Ztschr. f. vgl. Sprachf. XLII, 1893,

воду послѣднихъ необходимо замѣтить, что *епиграфическія* свидѣтельства о нихъ весьма не надежны. Въ самомъ дѣлѣ, Гельдеръ, по примѣру прочихъ, привлекаетъ I. G. I. v. I № 125 для доказательства того, что существовала φυλὴ Καμειρίς (стр. 226), но: 1) копія Бонаротти въ высшей степени неудовлетворительна, а соединеніе отрывковъ *a* и *e*, предложенное А. Кирхгофомъ, вовсе не обязательно; 2) если это соединеніе не обязательно, то и чтеніе: „Ῥόδῳ νεμηθεὶς Κα⟨ι⟩μειρίδι φ[υλῇ]“ равнымъ образомъ не является необходимымъ. Въ отрывкѣ *e* vs. 4 я предложилъ бы дополнить, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: ἐνί]κα Ἰμε⟨ι⟩ρίδι Φ[ιλήμονος]? Я не настаиваю на этомъ именно дополненіи, но могъ бы его защитить въ случаѣ надобности.

Гиллеръ видитъ упоминаніе о другой родосской филѣ у Скринци Iscr. gr. ined. di Rodi № 10 vs. 5, гдѣ читаемъ: ΦΥΑΝΑΛΥΣΡΑ — —, что̀, по его предположенію, въ транскрипціи дастъ „φυ[λᾶς Ἰ]αλυσ[ί]α[ς]“. Гельдеръ не знаетъ объ этомъ дополненіи Гиллера (Berl. phil. Wochenschr., 1900 г., № 1, стр. 20).

Въ I. G. I. v. I № 127 рѣчь идетъ о филахъ, но послѣднія не имѣютъ никакого отношенія къ государственнымъ подраздѣленіямъ. Въ I. G. I. v. I № 695 vs. 43 при Ἀλθαιμε[νίδος] слѣдуетъ ли разумѣть φυλᾶς, не извѣстно. Читатель видитъ, какъ скудны и ненадежны свидѣтельства надписей о родосскихъ филахъ.

На стр. 239 и слѣдующихъ рѣчь идетъ о родосскихъ притинахъ. Здѣсь читаемъ: „Dass ihrer (Prytanen) sechs waren, erhellt aus I. G. I. I 50, 4—10 (vgl. auch I. G. I. I 49, 1—7 und Ath. Mitt. XX 1895, 382, 4, Z. 1 — 7); schon *Ross* Hellenika 1846, 100 Anm. 1 zog diesen Schluss, und niemand hat ihn seitdem angefochten“.

Дѣйствительно, это общепринятое мнѣніе, а Брандисъ (не знаю, на какомъ основаніи) считаетъ даже невѣроятнымъ, чтобы притановъ было пять („5 Prytanen, eine Zahl, die an sich unwahrscheinlich ist und wofür man 6 erwartet“. Gött. gel. Anz. 1895 г. № 8, стр. 652). Это не что иное, какъ общее заблужденіе. Если бы ученые обратили побольше вниманія на надпись Collitz-Bechtel G. D. I. № 3749, vss. 90 sq. (кстати замѣтимъ, что обработка родосскихъ діалектическихъ надписей принадлежитъ автору „Исторіи древнихъ родосцевъ“), то они не настаивали бы на томъ, что притановъ родосскихъ было *шесть*, такъ какъ этотъ епиграфическій памятникъ, содержащій договоръ ро-

---

272 — Ztschr. f. vgl. Sprachf. B. XXXIII. Neue Folge, B. XIII, 1895, 272—273 (Etymologisches. I. Rhod. κτοίνα).

досцевъ съ іерапитнійцами и относящійся къ 220—200 г. до Р. Х. (мнѣнія расходятся), содержитъ весьма ясное указаніе на то, что притановъ въ это время было *пять*. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь читаемъ: „ὁρκιξάντων καὶ τοὺς πρεσβευτὰ[ς] | τοὺς παρὰ Ἱεραποτνίων τοὶ πρυτάνιες παραχρῆμα ἐν τᾶι ἐκκλησίαι"..., а оканчивается надпись такими словами: „Ὅρκωταὶ ἐν Ῥόδωι Ἱερόμβροτος Ἀγησιτίμου, Ἀριστόλοχος Πεισιστράτου καθ' ὑοθεσίαν δὲ Ἀρχύλλου, Τιμάρατος Νικοτίμου, Νικόμαχος Ἀριστάρχου, Σπαρτίων Φειδιάνακτος".

Пословъ изъ Іерапитны должны были приводить къ присягѣ *пританы* [1]). Упоминаемые далѣе „ὁρκωταί", т. е. должностныя лица, приводящія къ присягѣ, и были, конечно, пританы, а ихъ названо 5, не 6. Выводъ ясенъ: въ эпоху надписи притановъ на о. Родосѣ было пять. По всей вѣроятности, ихъ было пять и въ болѣе позднія времена: по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одной родосской надписи, которая заставляла бы предполагать непремѣнно существованіе шести, а не пяти притановъ.

На стр. 259 высказывается предположеніе, что вмѣсто „ξε" въ надписи I. G. I. v. I 49 vs. 50 слѣдуетъ читать „νε" и дополнять не ξέ[νων], а νε[ωρίων]. Эта догадка совсѣмъ не продумана: на о. Родосѣ жило такъ много иноземцевъ, что существованіе особыхъ попечителей о нихъ вполнѣ естественно, тѣмъ болѣе, что въ новой копіи этой надписи (Ath. Mitth. XX, стр. 379) весьма ясно читается: ΕΓΙΜΕΛΗΤΑΙΤΩΝΞΕ.

По поводу четвертой главы сочиненія Гельдера распространяться больше не буду, главнымъ образомъ потому, что готовлю теперь къ печати спеціальное изслѣдованіе по родосскому государственному праву, а къ тому же рецензія моя слишкомъ разрослась и вышла за рамки, первоначально предположенныя. Итакъ, „ἵνα μὴ μακρότερος τοῦ δέοντος ὁ λόγος γένηταί μοι", скажу, что шестая глава рецензируемаго труда посвящена исторіи искусства на о. Родосѣ (стр. 368—408), седьмая—литературѣ и наукѣ (стр. 409—422) и восьмая (послѣдняя)—торговлѣ, промышленности и нравамъ (стр. 423—439). Тому, кто пишетъ о родосской торговлѣ, не мѣшаетъ познакомиться съ недавно вышедшимъ въ свѣтъ трудомъ E. Speck, „Handelsgeschichte des Altertums", I B., 1900 (о родосской торговлѣ стр. 497 слѣд.).

На стр. 440—521 Гельдеръ помѣстилъ: 1) указанія на надписи,

---

[1]) Пританы на о. Родосѣ играютъ въ данномъ случаѣ такую же роль, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ пританы также приводятъ къ присягѣ (имѣю въ виду Ѳукидида V, 47—договоръ аѳинянъ съ аргивянами и ихъ союзниками, о которомъ такъ часто заходила рѣчь въ научной литературѣ, *420* г. до Р. Х.).

важныя для исторіи о. Родоса, при чемъ многія изъ нихъ приведены цѣликомъ, 2) два указателя личныхъ именъ и Register.

На основаніи всего выше сказаннаго можно слѣдующимъ образомъ охарактеризовать трудъ нидерландскаго ученаго: это сочиненіе — весьма полезное, но... пользоваться имъ должно съ нѣкоторой осторожностью, „*sehr brauchbar, nur mit einiger Vorsicht zu benutzen*“, какъ сказалъ бы нѣмецкій ученый.

С. Селивановъ.

Э. К. Симсонъ. Система международнаго права. Т. I. Основныя понятія. С.-Пб. 1900 г. VI+183 стр.

Въ виду крайней бѣдности нашей литературы по международному праву, всякій новый трудъ въ этой области представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Интересъ этотъ долженъ еще болѣе усугубиться, когда задачею изслѣдованія являются основныя понятія науки международнаго права, такъ какъ юридическая научная конструкція этихъ понятій, въ связи съ основными понятіями публичнаго права вообще, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе новѣйшихъ юристовъ западной Европы. И авторъ разсматриваемаго нами сочиненія пришелъ на основаніи 14-лѣтняго изученія международнаго права къ убѣжденію „въ необходимости искать новаго его обоснованія“, такъ какъ, по его мнѣнію, то, что „со временъ Г. Гроція называлось и называется международнымъ правомъ, не можетъ претендовать на названіе права“,—это „конгломератъ какихъ-то неясныхъ идей“, скорѣе какая-то международная мораль, состоящая изъ положеній, неизвѣстно откуда получившихъ свою силу и большею частью никакой силы не имѣющихъ. Быть можетъ авторъ не совсѣмъ неправъ, утверждая, что большинство интернаціоналистовъ плохіе юристы, приверженцы естественнаго права и часто смѣшиваютъ положительное международное право съ наукой международнаго права, и потому его цѣль — найти „новое обоснованіе международнаго права“, найти „вѣрное и научное понятіе международнаго права“ вполнѣ похвальна. Но удалось ли автору достигнуть этой цѣли?

Книга г. Симсона раздѣляется на 5 главъ, въ которыхъ онъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: возникновеніе права вообще и опредѣленіе его понятія; опредѣленіе понятія международнаго права; положительное и философское международное право; принципъ международнаго права и область его дѣйствія; наука международнаго права.

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи разсужденій автора по вопросу о возникновеніи человѣческихъ сообществъ изъ „принципа жизни", т. е. „испытываемаго каждымъ индивидуумомъ неотразимаго стремленія производить ему подобныхъ индивидуумовъ, имѣя въ себѣ возможность такого производства" (стр. 9); не представляютъ особеннаго интереса и разсужденія автора о возникновеніи права, какъ принципа порядка. Замѣтимъ только, что онъ здѣсь путаетъ право съ закономъ въ матеріальномъ и формальномъ смыслѣ, объявляя, что право состоитъ изъ нормъ, данныхъ для неопредѣленнаго числа случаевъ, и что предписанія, относящіяся къ одному лишь случаю, хотя и являются въ формѣ закона, не суть право въ юридическомъ (?) смыслѣ (напримѣръ, законъ о государственномъ бюджетѣ). А это смѣшеніе отражается далѣе и на конструкціи понятія международнаго права, которую предлагаетъ г. Симсонъ.

Этому вопросу посвящена II-я глава книги г. Симсона. Предварительно опредѣленія „вѣрнаго и научнаго понятія международнаго права" авторъ приводитъ нѣкоторыя изъ наиболѣе неудачныхъ и болѣе или менѣе устарѣвшихъ опредѣленій, данныхъ иностранными интернаціоналистами, и опредѣленія русскихъ ученыхъ Каченовскаго, Мартенса, Коркунова и гр. Камаровскаго, указываетъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ ихъ недостатки и затѣмъ даетъ свое новое опредѣленіе международнаго права. По его мнѣнію (стр. 60) „международное право даннаго государства есть совокупность тѣхъ *правовыхъ* нормъ [1]), которыя имѣютъ силу для этого государства, его органовъ, его подданныхъ и вообще для всѣхъ лицъ, находящихся подъ его властью, и которыя содержатъ въ себѣ иностранный элементъ или элементъ, относящійся къ чему-либо, находящемуся за границей". Такимъ образомъ международное право національно, т. е. существуетъ русское, французское, германское и т. д. международное право. Несомнѣнно, что исходя изъ положенія, что „*право* вообще есть совокупность дѣйствующихъ въ данномъ государствѣ *правовыхъ* нормъ" (стр. 21), т. е. внутреннее право государства, авторъ не могъ придти къ иной конструкціи права международнаго. Но авторъ вообще считаетъ безсмыслицей, юридическимъ non-sens'омъ даже самый терминъ „международное право", такъ какъ этотъ терминъ говоритъ будто бы о дѣйствіи права „въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, гдѣ-то „между" го-

---

[1]) Другими словами—право есть право, такъ какъ въ опредѣленіи г. Симсона опредѣляемое понятіе является опредѣляющимъ.

сударствами" (стр. 54 и 71), что не мѣшаетъ, однако, автору говорить объ отношеніяхъ „между" людьми, государствами, науками и т. д. Правда, отъ изобрѣтенія собственнаго „вѣрнаго и научнаго" термина для международнаго права г. Симсонъ отказывается, но такой терминъ уже давно имѣется въ наукѣ—это внѣшнее государственное право. Почему онъ не нравится г. Симсону—неизвѣстно; но его опредѣленіе международнаго права только къ внѣшнему государственному праву и примѣнимо. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли толковать о русскомъ, примѣрно, международномъ правѣ, коль скоро оно и для Россіи можетъ сдѣлаться правомъ только въ случаѣ признанія его по меньшей мѣрѣ еще какимъ-либо другимъ государствомъ? „Національное" международное право, о которомъ толкуетъ г. Симсонъ, мыслимо только при его денаціонализаціи: „русское" международное право мыслимо только какъ русско-французское, русско-англійское, русско-еще какое-нибудь и помимо соглашенія, международнаго соглашенія съ другимъ государствомъ относительно той или иной его нормы, никакое международное право немыслимо. Всякое государство вольно, конечно, устанавливать тѣ или иныя правила и нормы для своихъ отношеній къ другимъ государствамъ, но безъ соглашенія съ другимъ государствомъ относительно признанія послѣднимъ этихъ установленныхъ государствомъ нормъ, онѣ будутъ совершенно лишены того „положительнаго" характера, о которомъ авторъ постоянно такъ сильно заботится, потому что внѣшнее государственное право государства можетъ не быть признано другими государствами, какъ мы это видимъ напримѣръ въ отношеніяхъ цивилизованныхъ государствъ къ „международному праву" (въ смыслѣ, употребленномъ авторомъ) государствъ нецивилизованныхъ. Это „международное право" съ его нормами ограниченія правъ иностранцевъ, обращенія съ военноплѣнными, способовъ веденія войны и т. п. никогда не получитъ признанія цивилизованныхъ государствъ и никогда, слѣдовательно, международнымъ правомъ въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова не будетъ. Въ своемъ опредѣленіи международнаго права г. Симсонъ признаетъ достаточнымъ, чтобы нормамъ этого права подчинялись органы и подданные государства. Иначе и быть не можетъ, коль скоро источникомъ его признавать только волю отдѣльныхъ государствъ; но какой юридическій смыслъ будетъ имѣть эта воля относительно „чего-либо, находящагося заграницею", если она заграницею не будетъ признана?

Г. Симсонъ относится, конечно, отрицательно къ установленнымъ его предшественниками основнымъ принципамъ науки международнаго

права. Мы разумѣемъ въ частности принципъ международнаго общенія. Авторъ, правда, признаетъ, что „государство не существуетъ одно по себѣ, совершенно обособленно, но какъ субъектъ равноправный наряду съ другими“ ему подобными субъектами, государствами; онъ признаетъ также, что „въ каждомъ соединеніи людей возникаетъ, по необходимости, право; всѣ соединенія людей создаютъ правовыя нормы, а не одно только государство [1]); каждое соединеніе должно имѣть свою правовую организацію“ (стр. 18); но такъ какъ до настоящаго времени международный союзъ такой организаціи еще не имѣетъ, то отсюда, по мнѣнію автора, толковать о международномъ общеніи—юридическая безсмыслица. Именно, онъ утверждаетъ (стр. 13, 14 и 111 сл.), что (предлагаемое проф. Мартенсомъ) опредѣленіе международнаго общенія какъ „свободнаго“ союза государствъ для достиженія общихъ имъ интересовъ есть contradictio in adjecto, потому что безъ нормъ, организующихъ общеніе, постоянное человѣческое соединеніе немыслимо. Это разсужденіе автора объясняется его безусловнымъ преклоненіемъ передъ государствомъ, какъ источникомъ всякаго права. Дѣйствительно, общество въ принятомъ юристами смыслѣ и разсматриваемое съ внутренне-государственной точки зрѣнія, требуетъ организаціи и регламентаціи, но только потому, что предполагается возможность вступленія его въ отношенія къ стоящему внѣ его лицу или обществу или государству, а въ такомъ случаѣ является необходимость болѣе или менѣе точнаго опредѣленія его юридической физіономіи: задачъ, состава, имущественнаго состоянія, право- и дѣеспособности. Но внѣ такого состоянія сношеній или общенія, словомъ — внѣшняго проявленія дѣятельности общества, единственнымъ признакомъ понятія общества является соединеніе лицъ для совмѣстнаго осуществленія общаго имъ интереса (можетъ быть общество собирателей марокъ, монетъ). Для международнаго союза культурныхъ государствъ тѣхъ необходимыхъ условій, какія существуютъ для государства или общества внутригосударственнаго, не существуетъ. Не существуетъ подобнаго ему сообщества государствъ, съ которымъ онъ могъ бы вступать въ сношенія или отношенія, которыя требовали бы опредѣленія его юридической физіономіи. Что же касается государствъ, обществъ и отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу культурныхъ народовъ, то они сами являются лишь членами этого общества,

---

[1]) Въ своемъ опредѣленіи права вообще и международнаго права авторъ, какъ мы видѣли, держался иного мнѣнія.

а не посторонними для него юридическими лицами. Ихъ, слѣдовательно, связываетъ съ этимъ обществомъ общій интересъ, лежащій въ самомъ его основаніи. Отношеніе же общества, не имѣющаго своею задачею и подкладкою преслѣдованіе какихъ-либо своихъ особыхъ матеріальныхъ выгодъ, къ своимъ членамъ ограничивается единственно объединеніемъ этихъ членовъ въ преслѣдованіи связующаго ихъ общественнаго интереса. Международное общеніе не есть международный союзъ, международное общество, а есть принципъ, объединяющій семью культурныхъ народовъ и этотъ принципъ находитъ свое выраженіе въ международныхъ конгрессахъ и въ международныхъ уніяхъ. Г. Симсонъ говоритъ (§ 162), что „цивилизованный міръ не есть одно большое цѣлое; онъ есть и остается аггрегатомъ государствъ: постановленія конгрессовъ, положенія договоровъ, въ которыхъ участвуютъ даже всѣ цивилизованныя государства, суть выраженія не *одной* воли, а образуются изъ соединенія волей нѣсколькихъ согласныхъ между собой субъектовъ". Но если смотрѣть на дѣло съ такой математической точки зрѣнія, то вѣдь и въ республикахъ и въ государствахъ съ представительнымъ правленіемъ придется отрицать существованіе единой законодательной власти, такъ какъ палаты представляютъ собою аггрегатъ депутатовъ, а постановленія ихъ суть выраженіе не одной воли, а образуются изъ соединенія волей согласныхъ между собою членовъ парламента. „Каждый законъ,—говоритъ далѣе г. Симсонъ,—имѣетъ силу только въ государствѣ; для того, чтобы данная норма дѣйствовала въ нѣсколькихъ государствахъ, требуется всегда особое соглашеніе, что достаточно доказываетъ отсутствіе подобнаго рода соединенія" (т. е. международнаго общенія). Аргументъ нисколько не убѣдительный. Международное общеніе имѣетъ въ виду не какой-нибудь одинъ опредѣленный интересъ одного какого-либо государства, а интересы многихъ государствъ, но интересы общіе всѣмъ или многимъ изъ нихъ, и при томъ лишь въ общей, отвлеченной, а не конкретной ихъ формулировкѣ (напримѣръ, интересъ облегченія взаимныхъ сообщеній, интересъ правосудія, интересъ охраны правъ личности). Въ международномъ общеніи выработаны и извѣстные общіе принципы по вопросамъ общаго интереса (напримѣръ, принципъ исполнимости государствомъ-членомъ общенія иностранныхъ судебныхъ рѣшеній другихъ государствъ-членовъ того же общенія [1]) или напримѣръ, принципъ признанія иностранныхъ акціо-

[1]) Нашъ У. Гр. Судопр. (ст. 1274—1281) *допускаетъ* приведеніе въ испол-

нерныхъ компаній), а осуществленіе этихъ общихъ началъ предоставляется взаимному соглашенію членовъ общенія, и то только потому, что ихъ конкретное осуществленіе можетъ зависѣть отъ разнообразныхъ конкретныхъ условій.

Отрицать существованіе сообщества на томъ основаніи, что оно не даетъ въ руки каждому его члену готовую формулу для осуществленія его интереса, было бы то же, что отрицать существованіе закона, устанавливающаго общую для многихъ и многоразличныхъ случаевъ норму, а не предусматривающаго всѣ подробности каждаго отдѣльнаго возможнаго факта или явленія.

Но мало того, своими разсужденіями г. Симсонъ доказываетъ лишь, что онъ не признаетъ различія между международными сношеніями съ одной стороны и международными отношеніями и общеніемъ съ другой. Онъ разсуждаетъ такъ: „Если понять международное общеніе какъ фактъ, вытекающій изъ международныхъ сношеній, въ которыхъ находятся государства, то это значитъ — имѣть совершенно неправильное представленіе о значеніи этихъ сношеній для международнаго права. Эти сношенія не происходятъ какъ-то *между* государствами, въ какомъ-то мѣстѣ, гдѣ дѣйствуетъ особенное право, а именно—международное. Эти сношенія означаютъ только, что въ правовыхъ отношеніяхъ и сдѣлкахъ, происходящихъ въ государствѣ, можетъ существовать какой-то иностранный элементъ. Поэтому фактъ этотъ непремѣнно заставляетъ государство считаться съ нимъ и постановить нормы для подобныхъ правоотношеній. Слѣдовательно, международныя сношенія несомнѣнно оказываютъ вліяніе на международное право, но не потому, что государства находятся въ международномъ общеніи, т. е., образуютъ какой-то „свободный союзъ“. Вѣдь это только игра словами: на мѣсто выраженія: международныя сношенія, ставятъ международное общеніе. Но эта игра словами получается исключительно только благодаря невнимательности г. Симсона. Несомнѣнно, что и Китай, и Сіамъ, и Маскатъ считаются въ своемъ правѣ съ явленіями, могущими содержать „иностранный элементъ“. Но едва ли г. Симсонъ рѣшится признать нормы хотя бы китайскаго права относительно иностранцевъ или способовъ веденія войны или веденія международныхъ сношеній за нормы международнаго права.

неніе постановленій иностранныхъ судебныхъ мѣстъ (подъ условіемъ особой конвенціи на этотъ счетъ).

Такое же пониманіе не только международнаго общенія, но и эволюціи международнаго правосознанія и международнаго права у культурныхъ народовъ обнаруживаетъ г. Симсонъ и въ заключительномъ своемъ разсужденіи, что „если бы международное право было продуктомъ международнаго общенія, то оно должно бы было быть одинаковымъ для всѣхъ государствъ, принадлежащихъ къ этому общенію, и самое содержаніе международнаго права должно было бы имѣть одинаковый объемъ у всѣхъ государствъ, членовъ международнаго общенія. Между тѣмъ это вовсе не такъ. Это все зависитъ отъ историческаго развитія". Такимъ образомъ авторъ совершенно игнорируетъ новѣйшее движеніе къ установленію общихъ единообразныхъ нормъ въ международномъ публичномъ и частномъ правѣ всѣхъ культурныхъ народовъ. Дѣйствительно, въ своей книгѣ г. Симсонъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о Гаагской мирной конференціи 1900 г., ни о результатахъ Гаагскихъ конференцій для кодификаціи частнаго международнаго права, хотя это было бы вполнѣ умѣстно, напр., при его разсужденіяхъ о кодификаціи международнаго права вообще, тѣмъ болѣе, что это избавило бы его отъ невѣрнаго мнѣнія, будто всѣ попытки въ этомъ направленіи всегда оканчивались неудачею.

Въ виду всего вышесказаннаго мнѣніе г. Симсона, что „слѣдуетъ очистить науку отъ такихъ псевдопонятій", какимъ является международное общеніе и международный союзъ, оказывается по меньшей мѣрѣ преждевременнымъ.

Впрочемъ г. Симсонъ нашелъ и новый принципъ для своего національнаго международнаго права. Дѣло въ томъ, что читая въ Handbuch des Völkerrechts Гольцендорфа главу о принципахъ международнаго права, г. Симсонъ напалъ на разсужденіе его о томъ, что принципъ международнаго права состоитъ изъ взаимодѣйствія двухъ основныхъ силъ: космополитической, универсальной, основывающейся на этически-правовыхъ свойствахъ человѣческаго сообщества, и государственно-исторической. Въ основаніи первой изъ нихъ, по мнѣнію Гольцендорфа, лежитъ человѣческая личность. Не вникнувъ какъ слѣдуетъ въ разсужденіе германскаго ученаго, которое въ концѣ концовъ сводится только къ иной конструкціи, къ признанію принциповъ международнаго общенія и государственнаго суверенитета и ихъ взаимодѣйствія въ международномъ правѣ, которое въ концепціи Гольцендорфа является міровымъ правомъ, авторъ выхватилъ у него разсужденія о задачахъ международнаго права въ отношеніи отдѣльнаго лица въ международномъ оборотѣ и создалъ (стр. 14) изъ этого пе-

реведеннаго со стр. 32 Handbuch'a т. I разсужденія свой принципъ международнаго права.

Впрочемъ такого рода недоразумѣнія попадаются у автора и въ другихъ мѣстахъ его книги. Такъ, на стр. 111 авторъ утверждаетъ, что международное право существуетъ съ древнѣйшихъ временъ, а на стр. 115—что идея международнаго права, международноправовая идея явилась позже всего, послѣ того какъ образовалось право частное, уголовное и государственное. Это противорѣчіе произошло просто оттого, что свое разсужденіе о позднемъ возникновеніи международноправовой идеи авторъ нашелъ у Гольцендорфа на той же 32 страницѣ.

То же самое слѣдуетъ сказать о разсужденіи автора относительно принципа національности (стр. 106), которое переведено со стр. 39 цитированной книги Гольцендорфа, и отчасти о разсужденіи его о всемірномъ государствѣ, которое находимъ у Гольцендорфа на стр. 35.

Мы отнюдь не ставимъ такихъ заимствованій въ упрекъ автору. Чужая умная мысль всегда достойна усвоенія, но при неумѣломъ примѣненіи чужихъ мыслей можетъ получиться юридическій non-sens, говоря выраженіями г. Симсона. Таково, напримѣръ, признаніе человѣческой личности принципомъ національнаго международнаго права съ иностраннымъ элементомъ.

Размѣры нашей замѣтки не дозволяютъ намъ останавливаться на массѣ другихъ недоразумѣній въ книгѣ г. Симсона; но самымъ крупнымъ изъ нихъ является то, что, принципіально отрицая международное право (авторъ утверждаетъ на стр. 12, 14, что государство имѣетъ своей задачей способствовать осуществленію *всѣхъ* интересовъ принадлежащихъ къ нему людей, а слѣд. отсутствуетъ мотивъ къ образованію еще высшаго соединенія, чѣмъ государство) и стоя на точкѣ зрѣнія отрицателей международнаго права, такъ какъ никто изъ нихъ не отрицаетъ внѣшняго государственнаго права, авторъ считаетъ нужнымъ вступать съ ними въ полемику, правда — не содержащую никакихъ новыхъ аргументовъ, которые не были бы уже раньше высказаны интернаціоналистами.

Впрочемъ недоразумѣніемъ является, по всей вѣроятности, и вся разсмотрѣнная нами первая часть обѣщаемаго г. Симсономъ обширнаго изслѣдованія всего международнаго права, потому что отъ систематическаго изложенія въ немъ національныхъ международныхъ правъ отдѣльныхъ государствъ онъ заранѣе отказывается и обѣщаетъ лишь изложить существующее „рядомъ“ съ національнымъ „*общее*“ между-

народное право. Это общее международное право, обладающее, по словамъ автора, теоретически-положительнымъ (?) характеромъ, содержитъ обобщеніе отдѣльныхъ положительныхъ международныхъ правъ, или—говоря другими словами—это и будетъ международное право въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, въ связи съ „идеальнымъ естественнымъ правомъ, которое излагается наукой какъ чистая теорія, которое требуется разумомъ и основывается на разумности и со временемъ, быть можетъ, совпадетъ съ положительнымъ правомъ".

Въ чемъ же, въ концѣ концовъ, заключается то новое слово, которое съ такимъ полнымъ и огульнымъ уничтоженіемъ своихъ предшественниковъ, авторъ обѣщалъ въ предисловіи своей книги?

В. Улянинскій.

Litteratur und Sprache der Singhalesen von Wilhelm Geiger. Grundriss der Indo-iranischen Philologie und Altertumskunde, begründet von Georg Bühler, fortgesetzt von *F. Kielhorn.* I Band, 10 Heft. Strassburg, 1901, 8°, 93 стр.

Новый выпускъ капитальнаго изданія европейскихъ оріенталистовъ содержитъ трудъ Гейгера, озаглавленный „Литература и языкъ сингалезцевъ" (племени, живущаго на островѣ Цейлонѣ). Авторъ составилъ свой очеркъ на основаніи 1) всей существующей по данному вопросу литературы, 2) личныхъ наблюденій на Цейлонѣ и 3) сообщеній (письменныхъ и устныхъ) тамъ живущихъ своихъ пріятелей-лингвистовъ.

Въ 1-ой главѣ Гейгеръ даетъ обзоръ памятниковъ сингалезскаго языка, признавая древнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ комментарій (въ настоящее время потерянный) къ буддійскимъ каноническимъ книгамъ, законченный въ IV вѣкѣ послѣ Р. Хр. Значительнаго развитія достигла сингалезская литература въ XII—XIV вѣкахъ, расцвѣтъ же ея падаетъ на XV — XVII столѣтіе, при чемъ наивысшей степени развитія достигаетъ она въ началѣ XV вѣка. Въ концѣ XVI вѣка вслѣдствіе гоненія на буддизмъ, воздвигнутаго царемъ Раджасихой I, многіе памятники литературы были сожжены, и развитіе ея пріостановилось, а съ усиленіемъ буддизма въ XVII вѣкѣ наступилъ 2-ой расцвѣтъ. Литература XVIII и XIX вѣка, по мнѣнію Гейгера, можетъ заинтересовать филолога и историка лишь въ малой степени. Другими памятниками языка являются надписи, которыя имѣются,

начиная съ 1-го вѣка до Р. Хр. Онѣ распадаются на 2 разряда: надписи въ пещерахъ и на скалахъ. Кромѣ того сохранились санны, царскія дарственныя грамоты, писанныя на мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ пластинкахъ и на пальмовыхъ листьяхъ. Древнѣйшая изъ нихъ относится къ XIV вѣку, а послѣдняя—къ 1813 г..

Во 2-ой главѣ Гейгеръ даетъ грамматику сингалезскаго языка. Въ 1-ой части „фонетики", разсматривающей вокализмъ, онъ обращаетъ главное вниманіе на три момента: 1) сокращеніе всякой долготы, 2) вліяніе ударенія слова на измѣненіе гласныхъ, 3) законъ ассимиляціи гласныхъ. Во 2-ой части фонетики, разсматривающей консонантизмъ, онъ между прочимъ отмѣчаетъ упрощеніе удвоенныхъ согласныхъ (спеціалисты-фонетики сказали бы: сокращеніе долгихъ согласныхъ и видѣли бы въ этомъ полную аналогію съ вышеупомянутымъ сокращеніемъ долгихъ гласныхъ) и нѣкоторые случаи диссимиляціи и перестановки. Затѣмъ Гейгеръ даетъ краткую исторію звуковыхъ измѣненій. Характерной чертой морфологіи сингалезскаго языка является значительное упрощеніе склоненій существительныхъ и прилагательныхъ. Первыя распадаются на 2 большія группы: существительныя, обозначающія предметы одушевленные, и существительныя, обозначающія предметы неодушевленные. Въ видахъ практическаго удобства Гейгеръ различаетъ 3 склоненія: мужеское, женское и среднее. Муж. и жен. роды знаютъ лишь 4 формы: casus rectus (им. пад.) и casus obliquus (замѣняющій всѣ остальные) въ ед. ч. и во мн. ч., а сущ. ср. р. имѣютъ 6 формъ: одну для им. и вин. пад., другую instr., третью locat. въ ед. ч. и во множ. ч. Всѣ падежныя окончанія восходятъ къ типамъ основъ на — а, однако въ ср. р. мн. ч. древнія окончанія не сохранились. Всякое существительное само по себѣ обозначаетъ опредѣленный извѣстный предметъ, напримѣръ, nuvara=die Stadt, этотъ городъ, упомянутый городъ; если же нужно сказать eine Stadt, какой-то городъ, (просто) городъ, то сюда прибавляется eka (какъ въ иранскихъ языкахъ), претерпѣвающее различныя измѣненія. Прилагательное-сказуемое не измѣняется, степени сравненія утрачены. Склоненіе мѣстоименій тоже упрощено. Глаголу отведено больше всего мѣста (15 стр.). Глаголы распредѣлены Гейгеромъ по спряженіямъ, восходящимъ къ пракритскимъ. Отмѣтимъ, что causativum сохранилось. О частицахъ (неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи) сказано очень немного. Кромѣ предлоговъ, стоящихъ передъ управляемымъ словомъ (praepositiones), есть и предлоги, стоящіе послѣ опредѣляемаго слова (postpositiones). Этимологія (слово-

образованіе) затронута въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Бросается въ глаза отсутствіе синтаксиса. Результатомъ работы Гейгера является утвержденіе, что сингалезскій языкъ—*арійскій* (значитъ, принадлежитъ къ числу индоевропейскихъ). Въ этомъ убѣждаютъ его слѣдующіе факты: фонетика синг. языка.—пракритская, смягченіе гласныхъ (Umlaut) находитъ себѣ параллель въ современныхъ индо-арійскихъ простонародныхъ говорахъ. Полное отсутствіе аспиратъ (ph, dh и др. — хотя остается непонятнымъ правописаніе Singhalesen съ gh) никого не должно смущать: они *были* въ древнѣйшемъ синг. языкѣ, по утвержденію Гейгера, и исчезновеніе ихъ можно доказать историческимъ методомъ. Вся морфологія древнѣйшаго періода сингалезскаго языка (eḷu) основана на пракритѣ, корни мѣстоименій и числительныхъ—арійскіе. Конечно, словарь синг. языка содержитъ много чужихъ элементовъ, но какой языкъ не заимствовалъ у другихъ? Важно то, что эти слова получаютъ тѣ же (сингалезскія=пракритскія) окончанія. Отношеніе синг. къ арійскимъ такое же, какъ и англійскаго къ германскому. Англійскій языкъ остается германскимъ, несмотря на то, что въ него вошло множество романскихъ словъ. Иностранныя слова въ сингалезскомъ языкѣ Гейгеръ дѣлитъ 1) на слова съ неясной (пока) этимологіей, часть которыхъ, вѣроятно, окажется дравидскими, 2) на слова, заимствованныя изъ тамила, 3) португальскаго, 4) голландскаго, 5) англійскаго языковъ.

Окончательные выводы автора таковы: 1) синг. языкъ—арійскій, 2) первые арійскіе колонисты пришли на Цейлонъ (по даннымъ исторіи) изъ сѣверо-западной Индіи, 3) данныя языка подтверждаютъ, что синг. языкъ восходитъ къ пракритскому діалекту сѣверо-западной Индіи: въ частности оказывается, что а) синг. языкъ—близкій родственникъ пали, б) однако непосредственно развился не изъ пали, а изъ одного близкаго ему простонароднаго діалекта, в) въ еще болѣе близкомъ родствѣ, чѣмъ съ пали, сингалезскій языкъ состоитъ съ махараштри-пракритомъ, г) но основной элементъ синг. языка во многихъ случаяхъ древнѣе основного элемента махараштри, д) сравненіе съ современными индо-арійскими простонародными нарѣчіями заставляетъ дать сингалезскому мѣсто въ западной группѣ ихъ, и потому ближайшими родственными языками для него являются синдхи, гуджарати и въ особенности маратхи.

Предоставляя подробный разборъ этой книги спеціалистамъ, замѣчу только, что въ языкѣ сингалезцевъ можно найти немало явленій параллельныхъ явленіямъ языковъ европейскихъ, и съ этой точки

зрѣнія онъ заслуживаетъ нашего вниманія. Автору я долженъ поставить въ упрекъ нѣкоторую неточность въ терминологіи: онъ не различаетъ понятій Sprache и Dialect — языкъ и нарѣчіе. Такъ напримѣръ, на стр. 86 онъ говоритъ о сингалезскомъ нарѣчіи, а на стр. 93 о синг. языкѣ.

Э. Лямбекъ.

Описъ на ржкописитѣ въ библиотеката при св. Синодъ на българската църква въ София—описа и наредн Е. Спространовъ. София, държавна печатница, 1900. 234 стр. 8°.

Въ 1896 году членами св. болгарскаго Синода было рѣшено собирать рукописи, хранящіяся въ различныхъ церквахъ и монастыряхъ Болгаріи; рѣшеніе это имѣло слѣдствіемъ то, что изъ селъ и городовъ въ Софію стали доставляться всякаго рода памятники славянской письменности. Такимъ образомъ и составилась въ Софіи библіотека при св. Синодѣ. Число рукописей стало быстро увеличиваться, и въ настоящее время ихъ вмѣстѣ съ нѣсколькими старопечатными книгами уже до 150 №№. Среди нихъ особенно старыхъ и разнообразныхъ по содержанію нѣтъ, да и ожидать здѣсь найти такія—нельзя, такъ какъ по церквамъ и монастырямъ главнымъ образомъ хранились большей частью только самыя необходимыя для церковнаго обихода книги. Здѣсь мы находимъ псалтири, достаточное количество четвероевангелій и евангелій недѣльныхъ, миней (главн. образомъ служебныхъ), часослововъ, октоиховъ, служебниковъ, требниковъ, а также сборниковъ поученій и т. п.

Но, несмотря на все это, болгарская синодальная библіотека представляетъ большой интересъ, такъ какъ хранящіеся въ ней памятники (почти всѣ) имѣютъ записи, при чемъ на нѣкоторыхъ находится ихъ и нѣсколько. Записи эти дѣлались большей частью во время самое тяжелое для Болгаріи, въ годины полнаго уничиженія и порабощенія ея, т. е. въ тотъ періодъ ея существованія, о которомъ мы такъ мало имѣемъ извѣстій, свидѣтельствующихъ о внутренней жизни страны и при томъ принадлежащихъ самимъ болгарамъ,—современникамъ тогдашнихъ событій. Такого рода замѣтки, будучи собраны воедино, не мало, конечно, помогутъ тому, кто пожелаетъ дать очеркъ новѣйшей исторіи Балканскаго полуострова вообще, а въ частности Болгаріи за послѣдніе годы ея жизни предъ освобожденіемъ; онѣ обыкновенно привлекаютъ вниманіе изслѣдователей и другихъ руко-

писныхъ собраній, напримѣръ, Рыльскаго монастыря, въ библіотекѣ котораго и мнѣ не мало пришлось списать такихъ весьма цѣнныхъ и интересныхъ замѣтокъ. Привлекали онѣ вниманіе, конечно, и тѣхъ немногихъ спеціалистовъ, которые успѣли посѣтить софійскую синодальную библіотеку въ теченіе ея кратковременнаго существованія. Но детальному изученію ихъ, какъ и вообще ознакомленію съ памятниками этой библіотеки не могла содѣйствовать и служить на пользу та до крайности краткая и малосодержательная опись, которой мнѣ, напримѣръ, пришлось пользоваться во время занятій въ софійской синодальной библіотекѣ лѣтомъ 1899 года. Въ виду этого „описаніе“ г. Спространова, которое издано болгарскимъ Синодомъ согласно завѣщанію покойнаго митрополита Мелетія на проценты съ оставленнаго капитала *„за душевно негово и на родителитѣ му спасение“*,—является весьма цѣннымъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ для всѣхъ изслѣдователей славянской старины вообще, а въ частности исторіи Болгаріи и ея письменности.

Г. Спространовъ отнесся къ своей задачѣ весьма серіозно и внимательно. Онъ, правда, уклонился отъ опредѣленія времени написанія разсматриваемыхъ имъ рукописей, но за то даетъ всегда точныя и обстоятельныя указанія другого рода. Разгруппировавъ рукописи по содержанію 1) Псалтири, 2) Библіи, 3) Евангелія, 4) Типики, служебники и требники, 5) Тріоди, 6) Минеи и т. д., онъ отмѣчаетъ матеріалъ, на которомъ писанъ памятникъ [хотя въ этомъ отношеніи встрѣчаются пропуски,—см. напримѣръ стр. 177, № 128 (50)—сборникъ (Пчела); на чемъ онъ писанъ?], указываетъ число листовъ, форматъ, характеръ письма, величину буквъ, количество строкъ и размѣръ мѣста, занимаемаго текстомъ на страницѣ; послѣ такихъ свѣдѣній обыкновенно приводитъ для образца отрывокъ текста, перечисляетъ по листамъ содержаніе рукописи, если она занята различными статьями [такъ подробно описаны—прекрасный экземпляръ пчелы (№ 128), нѣсколько дамаскиновъ (№ 130 и др.), различные сборники поученій, молитвъ (напр. № 126), минеи (№ 94) и проч.], и наконецъ весьма аккуратно выписываетъ всѣ записи и замѣтки, старательно выискивая ихъ по листамъ, такъ какъ во многихъ рукописяхъ онѣ сдѣланы внутри.

Благодаря этому мы имѣемъ теперь изданнымъ цѣлый рядъ свѣдѣній лѣтописнаго характера: ркп. № 5 (131) лл. 163, 180, 219—о событіяхъ на балканскомъ полуостровѣ въ 1737 году, когда—*„придоше немци на Нишъ и възеше Нишъ и страхъ божи нападна*

на Турци...", № 10 (библія печатная) л. первый—о томъ, когда болгары имѣли — „преніе съ грѫцыте" — о религіозныхъ вопросахъ (1861 г.?), ркп. 20, 27, 60, 63 и мн. др. — на многихъ листахъ заключаютъ упоминанія о различныхъ представителяхъ церкви болгарской XVII и XVIII вѣковъ, а также даютъ матеріалъ для характеристики отношеній болгаръ къ греческому духовенству (см. напр., № 28 л. 5—„*о грѫцкой злобности*"), наконецъ, предлагаютъ массу указаній о лицахъ, писавшихъ книги или заказывавшихъ ихъ съ извѣстными цѣлями и проч. При передачѣ всѣхъ многочисленныхъ записей точно отмѣчены *годъ* и *мѣсто* ихъ написанія, что, конечно, весьма важно (напримѣръ, для изученія болгарскихъ говоровъ, такъ какъ рукописи въ библіотекѣ собраны изъ самыхъ отдаленныхъ отъ центра и глухихъ частей страны).

Изъ болѣе интересныхъ текстовъ г. Спространовъ дѣлаетъ довольно обширныя выписки; такъ, напримѣръ, приведены очень любопытныя молитвы (полностью): „ѿ нежита" (нѣсколько) (№ 126), отрывки житій, напр. св. Петки изъ ркп. № 133 (дамаскинъ) и др.

Нельзя не пожалѣть однако, что г. Спространовъ изъ ркп. № 43 (67)—(толкованіе на псалтирь) не привелъ цѣликомъ повѣсти „*некоторые православные жены зѣло спасително и пользно*", а ограничился выдержками и пересказомъ пропущенныхъ имъ мѣстъ; повѣсть эта, имѣя нѣсколько собственныхъ историческихъ именъ, очень любопытна, такъ какъ даетъ много бытоваго матеріала; имена эти находятся въ мѣстахъ, переданныхъ въ пересказѣ; желательно было бы видѣть побольше выписокъ и изъ ркп. № 131 (39), которую г. Спространовъ называетъ „дамаскинъ" и которая заключаетъ любопытный новоболгарскій евангельскій текстъ съ опредѣленной датой. Нѣкоторыя мелкія погрѣшности въ передачѣ текстовъ (быть можетъ, даже опечатки) не умаляютъ значенія важнаго и полезнаго труда г. Спространова, которому однако нужно въ укоризну поставить то обстоятельство, что къ описанію не приложены ни указатель, ни перечень соотвѣтствія нумеровъ рукописей, подъ которыми онѣ находились въ библіотекѣ до описанія,—съ тѣми №№, подъ которыми онѣ отмѣчены въ книгѣ. Этотъ перечень составить было бы не трудно, а значенія книга имѣла бы еще больше. Но все это лишь мелочи: трудъ г. Спространова долженъ занять далеко не послѣднее мѣсто въ ряду подобныхъ изданій, и нужно пожелать, чтобы поскорѣе появились для общаго пользованія подобныя описанія и другихъ болгарскихъ книгохранилищъ, напримѣръ, Рыльскаго мона-

стыря, „Народныхъ библіотекъ“ въ Софіи, въ Филиппополѣ. Мѣстные ученые, имѣющіе полную возможность, не стѣсняясь временемъ, работать въ своихъ библіотекахъ, должны поставить себѣ это одной изъ главныхъ задачъ на пользу всѣхъ изслѣдователей славянской старины.

М. Попруженко.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга пятнадцатая. С.-Пб. 1901. Стр. XIV+522. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Съ пятнадцатою книгою трудъ Н. П. Барсукова вступаетъ какъ бы въ новый фазисъ. Въ предисловіи авторъ вспоминаетъ благодарнымъ словомъ почившихъ своихъ благожелателей Л. Н. Майкова и А. Н. Мамонтова, сочувствію которыхъ многимъ былъ обязанъ успѣхъ его труда. Л. Н. Майковъ былъ для автора авторитетнымъ другомъ и „разумнымъ цензоромъ“, какъ выражается самъ Н. П. Барсуковъ. Покойному же А. Н. Мамонтову г. Барсуковъ воздаетъ благодарность за матеріальную помощь для изданія пяти книгъ (X—XIV) его монографіи. Настоящая книга печатана уже на средства автора и появляется въ свѣтъ, можно сказать, въ годовщину смерти Л. Н. Майкова. Чувствомъ грусти вѣетъ съ первыхъ страницъ предисловія къ настоящей книгѣ, а между тѣмъ самая книга имѣетъ предметомъ свѣтлое и радостное время общественнаго пробужденія и упованій, порожденныхъ первыми шагами великой крестьянской реформы. Годы 1856 и 1857-й были временемъ, когда обнаружилась, уже съ несомнѣнностью, рѣшимость Государя начать дѣло эмансипаціи и данъ былъ, наконецъ, знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 года Виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову. Книга г. Барсукова заключаетъ въ послѣдней своей части разсказъ объ этомъ рескриптѣ и его вліяніи на настроеніе разныхъ общественныхъ круговъ и кружковъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Съ особою подробностью г. Барсуковъ останавливается на московскомъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 года, устроенномъ по почину К. Д. Кавелина и М. Н. Майкова и представлявшемъ собою первый опытъ этого рода „manifestation publique“, какъ выразился графъ А. Г. Строгановъ (стр. 508). Обѣдъ имѣлъ цѣлью „примиреніе и соединеніе всѣхъ литературныхъ партій“ въ сочувствіи началамъ рескрипта 20-го ноября. Цѣль эта достигнута не была: такъ называемые „славяне“ или „славянофилы“ на обѣдъ не поѣхали, не потому, чтобы не сочувствовали дѣлу, а потому, что считали

форму выраженія этого сочувствія нетактичной. Дѣйствительно, обѣдъ 28-го декабря и другія послѣдовавшія за нимъ въ Москвѣ однородныя манифестаціи повлекли за собою нѣкоторыя послѣдствія въ сферѣ административной и цензурной, о которыхъ у г. Барсукова есть много цѣнныхъ и малоизвѣстныхъ подробностей. Погодинъ былъ въ числѣ дѣятельныхъ и горячихъ участниковъ обѣденныхъ манифестацій, говорилъ рѣчи и въ этомъ дѣлѣ явно разошелся и съ „славянами" и съ гр. А. С. Уваровымъ (474—477).

Весь эпизодъ съ московскими волненіями и торжествами по поводу первыхъ вѣстей объ эмансипаціи чрезвычайно любопытенъ. Но и другія части пятнадцатой книги отличаются выдающимся интересомъ и разнообразіемъ содержанія. Послѣдняя книга положительно превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ предшествующія. Въ краткомъ отзывѣ возможно лишь бѣгло указать на главнѣйшіе сюжеты, для которыхъ изложеніе г. Барсукова даетъ новый матеріалъ или сводъ разбросанныхъ доселѣ подробностей. Таковы, напримѣръ, сообщенія о публицистической дѣятельности Погодина, которая, выражаясь въ политическихъ запискахъ и письмахъ, не имѣла въ общемъ успѣха ни въ офиціальныхъ сферахъ, куда были направлены записки, ни въ прессѣ, гдѣ „письма" Погодина далеко не всѣмъ нравились и не всегда казались умѣстными и тактичными (главы V—X). Тактичность, какъ извѣстно, и вообще не была въ числѣ талантовъ Погодина. Отсутствіе этого цѣннаго качества особенно тяжело сказалось въ дѣлѣ о запискѣ о. І. С. Белюстина „Описаніе сельскаго духовенства". Написанная интимнымъ образомъ для одного Погодина по его просьбѣ, записка была напечатана за-границею благодаря нескромности Погодина и вопреки точно выраженной волѣ автора. Погодинъ и не отрекался отъ своей вины, почитая ее, впрочемъ, за „искреннее сердечное участіе въ судьбѣ русскаго духовенства" (129). За разсказомъ о запискѣ о. Белюстина у г. Барсукова слѣдуютъ главы (XVI—XVIII), посвященныя кончинѣ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, съ любопытною о немъ статьею Погодина. Далѣе г. Барсуковъ переводитъ читателя къ тѣмъ предметамъ, которыми интересовалась только что возникшая тогда „Русская Бесѣда": къ спорамъ объ общинѣ, породившимъ знаменитую ученую полемику И. Д. Бѣляева и Б. Н. Чичерина; къ статьямъ Т. И. Филиппова о Ж. Зандъ по поводу драмъ Островскаго; къ статьѣ В. В. Григорьева о Т. Н. Грановскомъ; наконецъ, къ обширной полемикѣ по поводу книги Б. Н. Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ" и

по поводу рецензіи на эту книгу Н. И. Крылова. Затѣмъ слѣдуетъ любопытнѣйшій эпизодъ—полемика Б. Н. Чичерина съ А. И. Герценомъ, бывшая слѣдствіемъ ихъ личнаго знакомства и бесѣдъ. Суть этого столкновенія была извѣстна давно, и письмо Б. Н. Чичерина, породившее полемику, было напечатано четыре-пять лѣтъ спустя послѣ помѣщенія его въ „Колоколѣ", въ книжкѣ г. Чичерина „Нѣсколько современныхъ вопросовъ" (М. 1862). Н. П. Барсуковъ перепечатываетъ письмо „въ полномъ его видѣ" (249—257) и съ комментаріями, „главнымъ источникомъ" для которыхъ послужило письмо къ нему Б. Н. Чичерина изъ Москвы отъ 21-го декабря 1899 года. За двумя главами, посвященными этому дѣлу, вниманіе читателя останавливается на главахъ XLI—XLII, содержащихъ разсказъ о столкновеніи С. П. Шевырева съ гр. В. А. Бобринскимъ,—столкновеніи, послужившемъ для Шевырева началомъ конца. Любопытны далѣе главы о научныхъ трудахъ и спорахъ Погодина по поводу этихъ трудовъ съ М. А. Максимовичемъ и И. Е. Забѣлинымъ, а также сообщенныя въ письмѣ къ Погодину А. Ѳ. Бычковымъ его предположенія о правилахъ изданія „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей", которое поступило подъ его редакцію послѣ Бередникова. Не всѣ изъ этихъ правилъ удержались въ практикѣ самого А. Ѳ. Бычкова и послѣдующихъ археографовъ. Наконецъ, Н. П. Барсуковъ сообщаетъ нѣсколько подробностей о студенческихъ дѣлахъ того времени, между прочимъ, объ одной исторіи, происшедшей осенью 1857 года, дошедшей до свѣдѣнія Государя и вызвавшей обстоятельное разслѣдованіе и командировку въ Москву товарища министра народнаго просвѣщенія князя П. А. Вяземскаго. Исторія оказалась грустною, но мало серьезною; для князя же Вяземскаго педагогическій міръ Москвы далъ нѣсколько интересныхъ впечатлѣній, которыя свелись къ одному общему замѣчанію: „Вообще преподаваніе у насъ какъ-то бездушно, особенно въ гимназіяхъ. Все мертвая буква, а живой мысли нѣтъ" (203). Живому дѣлу, возникшему въ средѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета, именно изданію „Сборника" г. Барсуковъ посвящаетъ цѣлую главу (434—439).

Таково содержаніе пятнадцатой книги „Жизни и трудовъ М. П. Погодина". Читатель этой хроники русской общественной жизни уже привыкъ къ тому, что самъ Погодинъ мало замѣтенъ въ сложной смѣнѣ сюжетовъ и лицъ, выводимыхъ г. Барсуковымъ. Но на это теперь никто не претендуетъ: уже принято думать, что трудъ г. Бар-

сукова есть исторія не личности, а общественности. И съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать его замѣчательнымъ явленіемъ нашей литературы.

С. Платоновъ.

Отвѣтъ рецензентамъ моихъ учебниковъ.

Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за январь и февраль 1901 года помѣщенъ рядъ рецензій на мою серію историческихъ руководствъ, — рецензій, заканчивающихся такими рѣзкими, отрицательными выводами, которые, по моему крайнему разумѣнію, отнюдь не вытекаютъ изъ представленныхъ замѣчаній. Да и сами эти замѣчанія большею частію не выдерживаютъ критики. То вниманіе и то довѣріе, которыми доселѣ пользовались мои руководства въ учебно-педагогической практикѣ, налагаютъ на меня обязанность подвергнуть означенныя рецензіи критическому обзору и направить сей обзоръ въ тотъ же *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Чтобы не отнимать у него много мѣста, постараюсь говорить сжато и ограничиться преимущественно фактическою стороною дѣла.

I.

Начну съ моихъ „Краткихъ Очерковъ Русской исторіи". Рецензія на эту книгу, никѣмъ не подписанная, помѣщена въ февральскомъ №.

Она открывается рядомъ голословныхъ порицаній. Такъ, находитъ слишкомъ короткимъ и неудовлетворительнымъ вводный параграфъ съ географическою характеристикою Средне-русской равнины, съ указаніемъ на древнюю Скиѳію и греческія колоніи и съ простымъ упоминаніемъ о готахъ, гуннахъ и аварахъ. Но я считаю его вполнѣ достаточнымъ для учебника Русской исторіи, и всякое распространеніе сего параграфа выходило бы изъ объема книги и ея задачи. Географія Россіи составляетъ особый предметъ преподаванія; скиѳы и греческія колоніи принадлежатъ собственно курсу Древней исторіи; а готы, гунны и авары должны быть знакомы ученику по курсу Средней исторіи. Точно такъ же излишнимъ считаю его упрекъ, что въ первой главѣ мало говорится о Литвѣ, и не говорится о варягахъ и славянской миѳологіи; объ этихъ предметахъ сказано ниже на своемъ мѣстѣ.

Мое примѣчаніе о народности скиѳовъ и сарматъ, вопреки рецензіи, считаю не лишнимъ въ виду разнообразія относящихся сюда мнѣній. При семъ рецензентъ позволяетъ себѣ невѣрную цитату: „скиѳы принадлежали, вѣроятно, къ германскому племени"; откуда будто бы выходитъ у меня противорѣчіе съ тѣмъ, что „Русь названа скиѳскій народъ". Въ дѣйствительности у меня сказано: „Часть скиѳовъ, вѣроятно, принадлежала къ германскому племени" (къ готамъ); а объ Руси говорится, при нападеніи ея на Византію, что она „пришла изъ Скиѳіи, т. е. отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря". Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о IX вѣкѣ, когда Русь у византійцевъ является народомъ скиѳскимъ въ географическомъ смыслѣ. И это обстоятельство имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о происхожденіи Русскаго государства, о которомъ говорится въ семъ параграфѣ. Относительно самаго вопроса не буду входить здѣсь въ пререканія съ рецензентомъ, если ему угодно игнорировать настоящее положеніе вопроса въ наукѣ и сохранять свою отсталость въ семъ отношеніи. Скажу только одно: единственный изъ моихъ антагонистовъ, послѣдовательно ведшій полемику, покойный профессоръ и членъ ученаго комитета Васильевскій въ концѣ концовъ нашелся вынужденнымъ отказаться отъ Норманской теоріи происхожденія Руси и признать ея туземство въ южной части восточной Европы.

Точно такъ же рецензія невѣрно передаетъ мои слова въ другомъ примѣчаніи: будто бы „общее названіе славянъ произошло отъ иностранныхъ писателей Іорнанда и Прокопія". Въ дѣйствительности у меня сказано, что „русскіе славяне у нихъ (Іорнанда и Прокопія) по большей части называются антами, а придунайскіе *склавинами, откуда и произошло* потомъ общее названіе славянъ". Полагаю, для всякаго ясно, что названіе славяне произошло изъ склавины. Невѣрно также замѣчаніе, будто у меня „усобицамъ сыновей и внуковъ Ярослава приданъ характеръ борьбы исключительно за обладаніе землями, а не за родовое право". Ссылаюсь на свою 23 страницу. Очевидно, рецензентъ невнимательно читалъ мою книгу, чему примѣры увидимъ и далѣе.

Возстаетъ онъ противъ терминовъ *удѣльно-вѣчевая* Русь и *удѣльно-вѣчевая* система. По его мнѣнію, удѣловъ не было, потому что слово *удѣлъ* не встрѣчается въ лѣтописи, а княжества назывались волостями. Получается такимъ образомъ „Волостно-вѣчевая Русь", „волостно-вѣчевая система"—какъ хотите, а терминъ очень неудобный. Придумайте болѣе удобный, и я охотно буду его употреблять. Слова

система, *періодъ*, *эпоха* и т. п. тоже не встрѣчаются въ лѣтописи, однако, мы ихъ въ учебникахъ употребляемъ; а „удѣлъ“ во всякомъ случаѣ и слово, и понятіе принадлежитъ древней Руси.

Вообще рецензентъ неоднократно пытается поправлять автора „Краткихъ очерковъ“, забывая, что онъ имѣетъ дѣло со спеціалистомъ по Русской исторіи, который при своемъ извѣстномъ трудѣ (*Исторія Россіи*) самъ провѣрялъ, продумывалъ и многое старался устранить или исправить въ старыхъ пріемахъ и воззрѣніяхъ на древнюю Русь. Напримѣръ, рецензентъ держится преувеличенныхъ представленій старой школы о родовомъ бытѣ Кіевскаго періода и яко бы рѣзко отъ него отличавшемся вотчинномъ бытѣ Суздальско-Владимірскаго. Въ дѣйствительности переходъ изъ одного періода въ другой тутъ не представляетъ никакой рѣзкой грани. Въ большой своей исторіи я ихъ раздѣляю, а въ краткомъ сравнительно учебникѣ соединяю въ одномъ Дружинно-княжескомъ или Удѣльно-вѣчевомъ періодѣ. Слѣдуя старой школѣ, онъ придаетъ преувеличенное значеніе изгойству; я не считалъ сей предметъ обязательнымъ для учебника; но, конечно, ничто не мѣшаетъ упомянуть его въ примѣчаніи (такъ же какъ идею московскихъ книжниковъ о Москвѣ — третьемъ Римѣ); хотя существеннаго значенія въ данномъ случаѣ это не имѣетъ. Оппонентъ мой, повидимому, стоитъ на прежнемъ, ложномъ представленіи о не высокой русской культурѣ до-татарской эпохи, и не согласенъ со мною въ томъ, что раздробленіе Руси на княжества „не мало способствовало распространенію гражданственности“, и тутъ же невѣрно приписываетъ мнѣ положеніе, будто „факторомъ культуры была исключительно дружинная среда“; тогда какъ у меня, во-первыхъ, сказано „не мало способствовала“, а во-вторыхъ, указаны факторами культуры грамотное духовенство, построеніе князьями городовъ, украшеніе храмовъ, покровительство торговлѣ и т. д. А слово о полку Игоревѣ, — развѣ это не есть отрывокъ изъ придворно-княжеской или дружинной поэзіи? Далѣе, рецензентъ увѣряетъ, будто у меня „вопросъ о всестороннемъ вліяніи христіанскаго ученія и просвѣщенія на русское общество даже и не поднятъ“. Отсылаю его къ 60 и 61 стр. Но, конечно, о какомъ-то *всестороннемъ* вліяніи странно и говорить по поводу учебника. Невѣрно онъ утверждаетъ, будто я указываю на „развитіе служилаго землевладѣнія въ XII вѣкѣ“ на стр. 51. На этой страницѣ я говорю о томъ, что боярское сословіе начало пріобрѣтать осѣдлость, получая за свою службу обширныя

помѣстья, и что младшей дружинѣ князя за службу начали раздавать участки земли. И это фактически вѣрно.

Не скупясь на невѣрную передачу моего изложенія, рецензентъ не скупится и на предъявленія къ моему учебнику разныхъ болѣе или менѣе преувеличенныхъ требованій. Напримѣръ: „образованіе на Руси нѣсколькихъ земель или самостоятельныхъ княжествъ недостаточно объяснено". По моему, совершенно достаточно. Тутъ же онъ возражаетъ противъ того, что у меня очерчены главныя земли, на которыя распадалась древняя Русь, тогда какъ изъ этого очерка именно и уясняется ученику образованіе земель, и ни одной изъ нихъ пропустить нельзя. По его же мнѣнію, о Великомъ Новгородѣ и Рязани рѣчь должна идти позднѣе Кіевскаго періода—мнѣніе, не имѣющее никакого серьезнаго основанія.

Извѣстно, какъ трудно дается учащимся именно Удѣльно-вѣчевой или Дружинно-княжескій періодъ, отъ Ярослава до Ивана III (съ половины XI до половины XV вѣка): какая тутъ можетъ происходить путаница вслѣдствіе параллельныхъ событій, княжескихъ именъ, отношеній и т. д. Авторъ руководства употребилъ особыя усилія, чтобы этотъ періодъ облегчить для пониманія и усвоенія, при чемъ старался однородныя явленія собирать въ отдѣльныя группы, избѣгать дробнаго дѣленія и мѣстами освѣщать событія и лица нѣкоторыми рельефными эпизодами. А рецензентъ, наоборотъ, совѣтуетъ держаться противоположной системы и вводить путаницу дробленія, чтобы затруднить пониманіе и усвоеніе. Такъ, внутреннее состояніе означеннаго періода я обозрѣваю въ одной главѣ, группируя однородныя явленія по параграфамъ; а рецензентъ видитъ тутъ какое-то смѣшеніе эпохъ и даже какіе-то „грубые анахронизмы". Два-три примѣра, которые онъ приводитъ, совсѣмъ его не подтверждаютъ. О началѣ служилаго землевладѣнія мы уже говорили. Совершенно мнимое неудобство находитъ онъ въ томъ, что въ одномъ и томъ же параграфѣ встрѣчаются разсказы о волхвахъ 1071 года и о стригольникѣ Карпѣ 1375 г. (оба эпизода, нужно замѣтить, помѣщены въ примѣчаніяхъ), а также указаніе на важнѣйшіе монастыри, каковы Кіево-Печерскій, Троицкая Лавра, Кирилло-Бѣлозерскій и Соловецкій. Но этотъ параграфъ озаглавленъ „Православная Церковь и монашество" и говоритъ о постепенныхъ, послѣдовательныхъ успѣхахъ христіанства и монашества въ разныхъ краяхъ Россіи. Никакихъ грубыхъ анахронизмовъ тутъ нѣтъ. Рецензія вообще изобилуетъ голословными, ничѣмъ неподтвержденными фразами, въ родѣ слѣ-

дующей: „характеристика Ольгерда представляетъ прямо неудачное сокращеніе лѣтописной характеристики“. Почему же неудачное? Прошу доказать. Я потому и привелъ лѣтописную характеристику, что она справедлива и подтверждается фактами.

Критикѣ второй и третьей части учебника рецензентъ посвящаетъ менѣе страницъ, чѣмъ первой. И тутъ его голословныя возраженія вращаются преимущественно около увѣреній, будто бы факты у меня расположены не такъ, какъ слѣдуетъ. Напримѣръ: у меня сказано, что Софьѣ Ѳоминишнѣ „приписываютъ важное вліяніе на дальнѣйшую московскую политику“; отсюда, по мнѣнію рецензіи, „разсказъ о ней долженъ былъ бы предшествовать всему прочему изложенію“, т. е. всѣмъ событіямъ при Иванѣ III. Мнѣніе совершенно несостоятельное. Покореніе Новгорода, присоединеніе Твери и другихъ областей, т. е. объединеніе Руси, составляетъ только дальнѣйшій шагъ традиціонной московской политики. Рецензентъ не обратилъ вниманія на то, что съ Софьей связаны въ особенности вопросъ о престолонаслѣдіи и отчасти Жидовская ересь, и, по его проекту, пришлось бы раздѣлить ее съ подобными событіями или уже при самомъ началѣ правленія Ивана III говорить о престолонаслѣдномъ вопросѣ, возникшемъ въ концѣ его. Иногда у меня въ оглавленіи параграфа обозначено только главное событіе; а по его мнѣнію въ такомъ случаѣ въ томъ же параграфѣ уже нельзя приводить другіе факты, хотя бы однородные или съ нимъ связанные. Такъ, въ параграфѣ, озаглавленномъ *Взятіе Казани*, заключаются отношенія къ Крыму и укрѣпленію южныхъ границъ. Рецензія выставляетъ это какъ огромный промахъ, при чемъ утверждаетъ, будто работы по укрѣпленію и обереганію южныхъ границъ начались только въ концѣ царствованія Ивана Грознаго, что совсѣмъ невѣрно. За этимъ параграфомъ у меня слѣдуетъ *Покореніе Сибири*; опять, по ея мнѣнію, это ужасный „безпорядокъ“, потому что помѣщенъ ранѣе параграфа *Борьба за Ливонію*. Но у меня очень простой и естественный порядокъ: сначала обозрѣваются событія юго-восточной Россіи при Иванѣ IV, т. е. борьба съ татарами и покореніе татарскихъ царствъ; а потомъ идетъ обзоръ сѣверо-западныхъ событій, которыя начались позднѣе борьбы съ татарами и затѣмъ параллельно съ нею шли до конца Иванова царствованія: тутъ по поводу сношеній съ западной Европой вставленъ эпизодъ о началѣ сношеній съ Англіей. Напрасно рецензія приходитъ въ недоумѣніе, какъ это „завоевали Сибирь, а не познакомились съ Ченслеромъ“. Мой оппонентъ забываетъ, что рѣчь идетъ объ учебникѣ сравнительно

краткомъ и потому обязанномъ группировать и изображать однородныя явленія въ связи. Безпорядокъ, дѣйствительно, получился бы ужасный, если бы принять его систему: пришлось бы перебѣгать отъ Казанской осады къ Ченслеру, отъ Ченслера къ Астрахани, отъ Астрахани къ началу Ливонской войны, отсюда къ кончинѣ Анастасіи, потомъ къ раздѣлу Ливоніи и Курбскому, потомъ къ митрополиту Филиппу и Новгородскому погрому, потомъ опять къ татарамъ и къ нашествію Девлетъ-Гирея, потомъ опять къ Ливонской войнѣ и къ Стефану Баторію и т. д., т. е. бросаться то туда, то сюда. Напрасно рецензентъ такъ пренебрежительно относится къ моей системѣ группировать событія и явленія: она у меня довольно тщательно обдумана, и при томъ болѣе или менѣе согласована съ существующими программами. Также несправедливо его возраженіе противъ помѣщенія главы о Западной Руси между избраніемъ Михаила Ѳеодоровича и его царствованіемъ. Избраніемъ заканчивается Смутное время; а затѣмъ начинается новая эпоха Русской исторіи—эпоха Романовыхъ, и трудно выбрать болѣе удобнѣе мѣсто для обзора параллельной Западно-Русской исторіи временъ Люблинской и Брестской уніи и первыхъ казацкихъ возстаній.

Далѣе, рецензентъ играетъ на струнѣ „недостаточныхъ объясненій". Сюда онъ относитъ: Балтійскій вопросъ въ XVI вѣкѣ, значеніе царскаго титула, переходъ войны съ Ливоніей въ борьбу за Ливонію, причины неудачныхъ войнъ съ Баторіемъ и Швеціей, перемѣну митрополіи въ патріаршество, причины и слѣдствія Смутнаго времени, законъ престолонаслѣдія 1721 года, роль дворянской гвардіи, ростъ дворянскихъ привилегій и Жалованную грамоту 1785 г. Но спрашивается: гдѣ же границы между достаточнымъ и недостаточнымъ объясненіемъ? Тутъ мнѣніе совершенно субъективное. Онъ все забываетъ что имѣетъ дѣло съ учебникомъ, а не диссертаціей. Сюда же можно отнести его требованіе группировать сотрудниковъ Петра В. по ихъ происхожденію и направленію.

Относительно его хронологической поправки объ Архангельскѣ надобно замѣтить, что 1584 относится собственно къ построенію крѣпости, а у меня говорится объ устроеніи пристани для иностранныхъ торговцевъ. Между прочимъ онъ увѣряетъ, будто у меня невѣрно сказано о сепаратизмѣ областей и обнаружившейся нелюбви ихъ къ Москвѣ съ Смутную эпоху; но никакихъ доказательствъ моему предположенію (высказанному въ примѣчаніи какъ наиболѣе вѣроятная изъ разныхъ версій) о томъ, что главные подготовители Самозванца

были Мнишки, Вишневецкіе и Сапѣги. Отсылаю его къ моему Смутному времени, гдѣ мною представлены аргументы для сей вѣроятности, пока никѣмъ неопровергнутые. Въ чемъ именно состоитъ мое, будто бы, неточное указаніе на „основанія договора съ Владиславомъ“— рецензія не объясняетъ. Несправедливо поставлено мнѣ въ упрекъ указаніе на подвигъ Ивана Сусанина, безъ его подробностей. Рецензентъ упустилъ изъ виду, что общеизвѣстное преданіе объ этомъ подвигѣ разсказано въ курсѣ 3-го класса, а въ данномъ достаточно было напоминанія о немъ, съ указаніемъ на его „историческую достовѣрность“ вообще. Что касается Сената, созданнаго Петромъ на мѣсто Боярской Думы, и преобразованія коллегій въ приказы, то по отношенію къ общей схемѣ петровскихъ реформъ едва ли возраженіе рецензента справедливо. Значеніе Полтавской побѣды указано у меня прямо и опредѣленно; а о переходѣ первенства на сѣверѣ отъ Швеціи къ Россіи говорится и въ Новой исторіи (стр. 157). Мелочность и придирчивость рецензіи доходятъ до того, что она выдвигаетъ на передній планъ, какъ образецъ моей, будто бы, неточности, простую и для всѣхъ замѣтную опечатку! На стр. 326 сказано „*Археографическаго* Общества“ вмѣсто *Археологическаго,* о чемъ свидѣтельствуютъ прежнія изданія.

Кое-какія примѣчанія рецензентъ находитъ у меня лишними, а именно: о Вельяминовѣ и Смоленскомъ князѣ Юріи въ первомъ отдѣлѣ, о заграничномъ путешествіи Петра и о Грузіи въ третьемъ. О первыхъ двухъ не буду говорить: присутствіе или отсутствіе ихъ не особенно важно. Примѣчаніе къ стр. 215 онъ называетъ „пустымъ разсказомъ о корсетныхъ пружинахъ“, тогда какъ къ этимъ пружинамъ относятся только двѣ строки; а все примѣчаніе посвящено отрывку изъ письма Ганноверской курфирстины о Петрѣ Великомъ, и отрывокъ сей далеко не лишній для характеристики молодого царя и того впечатлѣнія, которое онъ производилъ въ Германіи. По поводу столѣтія со времени присоединенія Грузіи, я въ послѣднемъ изданіи посвятилъ ей и Кавказской военной линіи большое примѣчаніе на стр. 292. Рецензентъ называетъ это „безполезными подробностями“, съ чѣмъ тоже не могу согласиться. Не совсѣмъ „излишнимъ мѣстомъ“ считаю я и разсказъ о Хабарѣ на стр. 99. Замѣчу по сему поводу, что въ русской учебной литературѣ мы пока не имѣемъ такого удовлетворительнаго пособія, которое могло бы пополнять учебный матеріалъ и служить хорошей книгой для чтенія. Когда появится такая книга,

нѣкоторые эпизоды и примѣчанія пожалуй могутъ быть найдены излишними, но едва ли ранѣе того.

Не буду останавливаться на нѣкоторыхъ несогласіяхъ рецензіи съ моей книгой относительно характеристики литературныхъ направленій и дѣятелей, — характеристики, принадлежащей послѣднему періоду, отмѣченной большей частью мелкимъ шрифтомъ, необязательной для усвоенія и прибавленной ради полноты культурно-историческихъ обзоровъ. Тутъ могутъ быть различныя мнѣнія, и всегда возможно смягченіе тѣхъ выраженій, которыя найдены слишкомъ строгими.

Въ заключеніи своемъ рецензія говоритъ слѣдующее: „Авторъ, знакомство котораго съ Русской исторіей безспорно, умѣлъ освободить свое изложеніе отъ грубыхъ фактическихъ промаховъ". „Сверхъ того онъ умѣлъ придать учебнику надлежащій объемъ, избавивъ книгу отъ ненужныхъ подробностей и мелочей". „Языкъ книги, гладкій и правильный, содѣйствуетъ легкому усвоенію текста". Изъ этихъ положеній, хотя и высказанныхъ съ нѣкоторыми оговорками, казалось бы, трудно было сдѣлать отрицательный выводъ. Однако, такимъ именно выводомъ закончена статья: „Учебникъ г. Иловайскаго требуетъ не исправленій и поверхностнаго пересмотра, а *коренной переработки*". Позвольте, да чѣмъ же рецензентъ доказалъ свой отрицательный выводъ? Наиболѣе существенныя замѣчанія его или прямо невѣрны, или основаны на преувеличенныхъ и неисполнимыхъ требованіяхъ, или совершенно голословны и произвольны; какъ это, надѣюсь, достаточно показано въ настоящемъ отвѣтѣ. По его мнѣнію, вообще „трудъ устарѣлъ" и матеріалъ требуетъ „освѣженія". Но мое руководство по преимуществу фактическое, при чемъ факты излагаются въ извѣстномъ научномъ освѣщеніи. Какимъ образомъ основные факты Русской исторіи могутъ устарѣть? Да рецензія совсѣмъ и не коснулась этихъ основныхъ фактовъ и основнаго содержанія книги; а касалась только мелочей и нѣкоторыхъ, такъ сказать, формальныхъ или редакціонныхъ сторонъ, при чемъ о характерѣ и задачахъ среднеучебнаго курса Русской исторіи не выставила никакого опредѣленнаго, вполнѣ обоснованнаго взгляда, хотя бросила загадочную фразу объ „уровнѣ современныхъ требованій"; но въ то же время научный уровень моей книги, повидимому, даже констатировала. Гдѣ же логика? Само собой разумѣется, я ни сколько не считаю свое руководство чуждымъ недостатковъ и нетребующимъ улучшенія. Напротивъ, постоянную работу надъ нимъ и нерѣдкія мои собственныя поправки

рецензентъ самъ признаетъ въ началѣ своей статьи. Но чтобы вѣрно указать недостатки и вывести правильное заключеніе, нужно отнестись къ книгѣ болѣе объективно или безпристрастно и притомъ сравнительно. Если существуютъ другія руководства по Русской исторіи, болѣе достойныя, то несомнѣнно, они сами вытѣснятъ мою книгу изъ употребленія. А между тѣмъ никакого руководства, стоящаго „на уровнѣ современныхъ требованій", пока не указано.

Вслѣдъ за „Краткими очерками Русской исторіи" въ той же февральской книгѣ помѣщена рецензія, повидимому, того же лица, на мое „Руководство къ Русской исторіи", соотвѣтственное третьему классу гимназіи. Такъ какъ рецензія относится къ сему руководству вообще одобрительно, то я не буду на ней останавливаться, и могу только поблагодарить его. Мимоходомъ сдѣлаю одно замѣчаніе. Въ объяснительной запискѣ къ дѣйствующей программѣ, событія отъ 1725 до 1762 года опущены; у меня же имъ посвящена XIII глава. Конечно, преподаватель можетъ прямо пропускать эту главу; но я не могу себѣ представить, чтобы при систематичномъ курсѣ, хотя-бы и для младшаго возраста (а гимназія не народная школа и требуетъ во всемъ систематичности), ученикамъ остались неизвѣстны имена царствовавшихъ послѣ Петра Великаго особъ дома Романовыхъ, въ томъ числѣ и Елизаветы Петровны, а также важнѣйшія событія сего періода.

II.

Перейду къ моимъ руководствамъ по Всеобщей исторіи.

Въ январской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена анонимная рецензія на „Руководство къ Древней исторіи—курсъ старшаго возраста".

Рецензентъ задался цѣлью доказать отсталость моего среднеучебнаго курса, въ виду тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые сдѣлала европейская наука о древнемъ мірѣ за послѣднее время, и трактуетъ мое руководство съ этой предвзятой точки зрѣнія. Но чѣмъ же онъ доказываетъ свое главное положеніе? Или рядомъ мелкихъ замѣчаній, невсегда справедливыхъ, или рядомъ требованій, далеко выходящихъ за предѣлы среднеучебнаго курса.

Прежде всего онъ нападаетъ на отдѣлъ древняго Востока. Во-первыхъ, называетъ неправильною мою этнографическую схему египтянъ, вавилонянъ и ассиріянъ, при чемъ невѣрно передаетъ мои

слова. По его передачѣ, у меня „въ ассиро-вавилонянахъ указывается примѣсь какихъ-то кушитовъ и арійцевъ“; тогда какъ вавилоняне—говоритъ онъ—были „дѣйствительно народомъ смѣшаннымъ, а ассиріяне чистые семиты“. Но у меня сказано почти то же самое; а именно: „въ ассирійской народности преобладалъ элементъ семитскій, а въ вавилонской кушитскій“, и это я нахожу ближе къ истинѣ. *Какіе-то* кушиты, какъ у меня указано на стр. 9, суть то же, что хамиты, и терминъ этотъ не мной придуманъ. Египтянъ я объясняю смѣшеніемъ кушитовъ съ семитами; а мой рецензентъ говоритъ, что „египтяне принадлежали къ хамитской расѣ Кавказскаго племени“—объясненіе крайне темное и мало обоснованное. Дѣло въ томъ, что этнографія древняго Востока еще далеко не установлена, и нерѣдко у разныхъ изслѣдователей его подвергается разнымъ толкованіямъ, что, повидимому, неизвѣстно моему рецензенту. Поэтому напрасно онъ приходитъ въ ужасъ отъ моей фразы о пришествіи халдеевъ съ сѣвера изъ горъ Арменіи. Если еще недавно такъ думали нѣкоторые авторитеты по исторіи древняго Востока, а теперь ихъ мнѣніе видоизмѣняется, отсюда только слѣдуетъ выводъ, какъ еще непрочно установлены этнографическія схемы въ этой области, и что вопросъ о халдеяхъ еще ждетъ окончательнаго рѣшенія. Далѣе, откуда рецензентъ взялъ столь одностороннее мнѣніе, что египетскіе обелиски ставились только „въ честь божества свѣта“, а не въ память царей и знатныхъ людей? Отсылаю его къ „Исторіи египетскаго искусства“ Масперо (стр. 98 нѣмецкаго изданія). Несправедливо его замѣчаніе о египетскихъ кастахъ; хотя я и употребляю это слово, но у меня прямо сказано, что египтяне „дѣлились на разныя касты или скорѣе на разныя сословія“. Несправедливо и необосновано фактически возраженіе противъ моихъ словъ, что „религія Сераписа, составлявшая собственно религію низшихъ классовъ народа, исполнена была грубаго идолопоклонства и суевѣрія“. Потомъ идутъ двѣ-три поправки редакціоннаго свойства: относительно именъ Тирскихъ царей вмѣсто „только“ надобно сказать „по преимуществу“, относительно упадка торговли финикіянъ вмѣсто и „тогда“—„впослѣдствіи“ и т. п.

Образцами предъявленныхъ къ моей книгѣ непомѣрныхъ требованій могутъ служить указанія рецензіи на недостатокъ разъясненій въ исторіи Вавилоніи и Ассиріи до Туглатъ-Паласcара, а въ особенности на отсутствіе у меня свѣдѣній о египетской Тель-Эль-Амарнѣ и Ванскомъ царствѣ. Но это такія подробности, которыя никакъ не могутъ быть обязательны для учебника. Памятники Тель-Эль-Амарны

должны имѣть мѣсто въ исторіи искусствъ, и при томъ довольно пространной исторіи. А что касается Ванскаго царства, во-первыхъ, рецензентъ несовсѣмъ правильно даетъ такое названіе, и конечно потому, что о немъ говорится въ Ванскихъ надписяхъ; царство и народъ, о которыхъ идетъ рѣчь, назывались въ ассирійской клинописи *Урарту* (Араратъ), а въ туземной *Біайна*. Напрасно она даетъ понять, будто мнѣ неизвѣстны работы въ этой области многоуважаемаго М. В. Никольскаго. Навѣрно онѣ извѣстны мнѣ болѣе, чѣмъ ему: ибо я слѣдилъ за ними съ великимъ интересомъ, но пока еще не рѣшился вводить въ свой курсъ царство Урарту. Рецензентъ, очевидно, не знаетъ, какъ существующими программами сужена именно исторія древняго Востока, изъ которой требуются только „краткія свѣдѣнія" о главныхъ народахъ. Сей отдѣлъ у меня даже превышаетъ эти требованія. Обращу вниманіе читателей на противорѣчіе во взглядахъ моихъ рецензентовъ: одинъ горько упрекаетъ меня за недостатокъ въ русскомъ учебникѣ Ванскаго царства, которое „на рубежѣ IX и VIII вѣковъ до Р. Х. владѣло нашимъ Закавказьемъ и играло первенствующую роль въ судьбахъ культурнаго міра"; а другой считаетъ излишнимъ мое примѣчаніе о Закавказьѣ новыхъ временъ. Что касается до первенствующей роли въ судьбахъ культурнаго міра, то мой рецензентъ, ничто же сумняся, повторяетъ слова М. В. Никольскаго, обнаруживающія естественное увлеченіе новымъ предметомъ (см. его статью въ „Трудахъ Восточ. Ком. Моск. Археолог. Общ." Т. I. Вып. 3).

За древнимъ Востокомъ идетъ рядъ мелочныхъ придирокъ къ исторіи Греціи и Рима — придирокъ, иногда невѣрныхъ, а иногда даже неудобопонятныхъ. Таковы возраженія противъ слѣдующихъ фактовъ: что Амфиктіонъ былъ (миѳическимъ) аѳинскимъ царемъ и каждая община посылала сначала одного, а потомъ двухъ депутатовъ въ судилище (противъ чего возраженіе невѣрно). Что илоты были *сельскіе* жители, а названіе ихъ произошло отъ *города* Илоса (рецензентъ умолчалъ, что послѣднее объясненіе приведено у меня въ скобкахъ со словомъ „говорятъ", т. е. съ оттѣнкомъ отнюдь не положительнымъ). Что царскіе роды въ Спартѣ назывались Проклиды и Агиды (непонятное возраженіе). Что спартанскіе мальчики отдавались въ гимназію, т. е. общественную школу (непонятное); что въ Аѳинахъ сельское населеніе и домашнюю прислугу составлялъ многочисленный классъ рабовъ (опять непонятное). Что, благодаря предложенію Аристида относительно четвертаго класса, демократическое

устройство сдѣлало шагъ впередъ (участіе Аристида тутъ, можетъ быть, и спорное, но не отвергнутое). Что Филиппъ вмѣсто продолженія войны захватилъ крѣпость Элатею (не ясно, въ чемъ состоитъ возраженіе). Что спартанское устройство называется учрежденіями Ликурга (на его полумиѳическій характеръ у меня ясно указано, а это выраженіе условное, употребительное). Что Серторій удалился въ Испанію во время диктаторства Суллы (указаніе времени приблизительное, и напрасно рецензентъ ставитъ 83 годъ: точная дата неизвѣстна). Что конецъ Югуртинской войны отнесенъ къ 106 году (дата общепринятая). Что этруски пришли изъ Реціи (тутъ разумѣется послѣдняя стадія ихъ переселенія). Что Ромулъ Августулъ былъ послѣднимъ римскимъ императоромъ (конечно, послѣднимъ въ извѣстномъ смыслѣ).

Нѣкоторыя возраженія невѣрно передаютъ мой текстъ. Напримѣръ, будто у меня говорится, что діоцезы сдѣлались административной единицей только при Константинѣ; тогда какъ я просто говорю объ его территоріальныхъ раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ. Не совсѣмъ вѣрна поправка относительно обѣднѣвшихъ спартіатовъ, которые хотя и назывались „иполіонами“ (и то только у Ксенофонта), но по своей неполноправности примыкали къ періэкамъ. Не указано, въ чемъ состоитъ моя будто-бы невѣрность относительно неполноправныхъ гражданъ въ Римѣ. Замѣчаніе объ избраніи патриціевъ въ трибуны подъ условіемъ перехода въ плебейство для учебника излишне. Количество аѳинскихъ доходовъ у меня обозначено приблизительно; а число аѳинскихъ гражданъ совсѣмъ не обозначено на стр. 105, вопреки голословному возраженію рецензента и его ссылкѣ на эту страницу. Его возраженіе противъ Діоклетіана „утомленнаго властію“ слишкомъ голословно.

Любопытно привлеченіе къ суду моей транскрипціи собственныхъ именъ. Если повѣрить рецензенту, то съ моей стороны яко бы „не научно и безусловно вредно въ педагогическомъ отношеніи“ писать Пизистратъ, Изократъ вмѣсто Писистратъ, Исократъ, Критіасъ вмѣсто Критій, Партенонъ вмѣсто Парѳенонъ, „еще хуже Элизіумъ, Туріумъ“, и уже „совсѣмъ нехорошо Діана Эфесская и Юпитеръ Аммонъ“. А между тѣмъ, если я не спѣшу видоизмѣнять установившееся произношеніе греческихъ собственныхъ именъ, то изъ опасенія внести неизбѣжную въ такомъ случаѣ путаницу, при чемъ многое въ этой перемѣнѣ окажется и спорнымъ, и неудобнымъ. Чтобы быть послѣовательными, намъ придется говорить и писать ѳеатръ, ѳезисъ, ѳе-

орія и т. п., что будетъ рѣзать наше ухо. Нѣтъ, произвести реформу въ привычномъ произношеніи греческихъ именъ и освободить ихъ отъ латинизмовъ совсѣмъ не такъ легко, какъ думаетъ рецензентъ. Въ примѣръ приведу профессора Виноградова, который въ своемъ учебникѣ Древней исторіи пишетъ Ѳесей, Анѳей, Иѳака, Киѳера, но въ то же время сохраняетъ латинское произношеніе въ словахъ Церберъ, Цирцея, Сцилла и т. д. Точно такъ же не только у насъ, но и на западѣ установились выраженія *Діана* Эфесская и *Юпитеръ* Аммонъ, и слишкомъ необычно было бы вмѣсто нихъ говорить: Артемида Эфесская и Зевесъ Аммонъ. Конечно, въ учебникѣ можно ввести нѣкоторыя, но самыя незначительныя видоизмѣненія, въ родѣ Парѳенонъ, Писистратъ, Исократъ, Критій, но не болѣе того. И говорить о такихъ мелочахъ какъ о послѣднемъ словѣ науки по меньшей мѣрѣ странно. Спрошу при семъ и самого рецензента: почему онъ, напримѣръ, пишетъ „Навкратидъ" вмѣсто „Навкратисъ"?

Иногда возраженія его основаны на произвольныхъ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Напримѣръ, онъ возражаетъ противъ моихъ словъ о вредномъ вліяніи рабства на аѳинскіе нравы. Конечно, это былъ одинъ изъ главныхъ факторовъ; были и другіе, вліявшіе на упадокъ нравственности и ослабленіе патріотизма. Но нельзя же все объяснять тѣмъ, что „въ IV вѣкѣ внутренняя борьба партій изъ политической сдѣлалась экономической"—какъ это дѣлаетъ рецензентъ, упускающій изъ виду тѣсную связь политической стороны съ экономическою. Изъ его словъ вытекаетъ, будто въ комедіяхъ Аристофана главная подкладка была экономическая, что совсѣмъ невѣрно.

По поводу экономической стороны рецензентъ довольно неудачно пытается поучать меня въ вопросѣ о Солоновой сиссахтіи. Онъ ссылается на недавно открытую „Аѳинскую политію" Аристотеля, намекая на то, что результаты открытія и возникшая о немъ литература остались мнѣ неизвѣстны; хотя изъ примѣчанія на стр. 73 онъ могъ бы ясно усмотрѣть доказательство противнаго. Но дѣло въ томъ, что чрезмѣрное увлеченіе найденнымъ трактатомъ не замедлило у многихъ изслѣдователей смѣниться скептицизмомъ и даже разочарованіемъ, о чемъ подробный отчетъ онъ найдетъ въ прекрасномъ трудѣ о сей Политіи достоуважаемаго профессора Бузескула (Харьковъ. 1895). И прежде были извѣстны источники, по которымъ сиссахтію толковали не облегченіемъ долговыхъ обязательствъ, а полною ихъ отмѣною. Послѣднее считаю исторически невѣроятнымъ, и трактатъ тутъ не имѣетъ рѣшающаго значенія: Аристотель былъ философъ, а не

историкъ, и при томъ писалъ болѣе двухъ съ половиною вѣковъ послѣ Солонова законодательства.

Оспариваетъ рецензентъ и общепринятое дѣленіе Древней исторіи на три части: Востокъ, Грецію и Римъ, и мой обзоръ древняго Востока по главнымъ его народамъ, т.-е. историко-этнографическій, а не синхронистическій, въ чемъ даже видитъ „отсутствіе всемірно-исторической точки зрѣнія". Но пусть онъ придумаетъ другой, болѣе удобный для учебника, порядокъ. Возражать можно противъ всего, и это очень легко; но замѣнить существующее лучшимъ—очень трудно.

Точно такъ же ничего не стоитъ широкою рукою предъявлять разнаго рода требованія, забывая, что рѣчь идетъ о среднеучебномъ курсѣ сравнительно небольшого размѣра и ограниченнаго дѣйствующими программами.

Мы видѣли преувеличенныя требованія въ отдѣлѣ древняго Востока. Еще болѣе ихъ предъявлено въ отдѣлѣ Греко-Римскомъ. Такъ, по словамъ рецензента, учебникъ долженъ былъ: отмѣтить новѣйшія „археологическія находки въ Дельфахъ, на Делосѣ, въ Аѳинахъ, Навкратидѣ, на нашемъ югѣ"; сказать о Микенской культурѣ, о культурномъ значеніи Навкратида и особенно Кипра съ его шрифтомъ и діалектомъ, о личности Фидона Аргивскаго, о Селевкидской и Діоклетіановой эрахъ; разсказать о походахъ Александра Македонскаго за Истръ (конечно, не въ двухъ строкахъ), о завоеваніяхъ Митридата на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, о войнѣ Суллы въ Греціи и паденіи благосостоянія Греціи и Азіи; разъяснить отношенія Рима къ Карѳагену до Пуническихъ войнъ, паденіе національности италиковъ, начало превращенія принципата въ чиновничью монархію при Тиверіи; „выяснить происхожденіе культа императоровъ и причину охлажденія у римлянъ къ общественнымъ дѣламъ, а также постепенный переходъ законодательства и суда отъ комицій къ сенату и къ императору"; представить культурно-историческій обзоръ „равноправныхъ (Риму) восточныхъ державъ" и т. д. При такихъ широкихъ требованіяхъ, далеко выходящихъ за предѣлы среднеучебной книги, рецензентъ не знаетъ того, что многое находившееся прежде въ данномъ курсѣ, вслѣдствіе давленія программъ и уменьшенія часовъ, пришлось выпустить или перенести въ примѣчанія. Къ послѣдней категоріи относятся, напримѣръ, Сиракузы, на которыя онъ указываетъ. Печалясь объ отсутствіи Фидона Аргивскаго, рецензентъ не замѣтилъ того, что дѣйствующія программы совсѣмъ пропускаютъ обзоръ второстепенныхъ греческихъ государствъ, вслѣдствіе чего я

этотъ обзоръ сократилъ и необязательность его отмѣтилъ особымъ шрифтомъ.

Авторъ руководства никоимъ образомъ не прочь былъ бы пополнить его нѣкоторыми, наиболѣе выдающимися, новыми фактами, насколько это возможно и не обременительно для учащихся. Напримѣръ: сказать нѣсколько словъ въ началѣ Греческой исторіи о недавно открытой Микенской культурѣ (эпоха которой и историческое значеніе впрочемъ еще не совсѣмъ выяснены), дать болѣе мѣста экономическому элементу и новооткрытой Аѳинской политіи Аристотеля (хотя никакого особаго переворота въ Аѳинской исторіи она не произвела), даже помѣстить если не въ текстѣ, то въ примѣчаніи результаты новооткрытыхъ Ванскихъ надписей (о народѣ Урарту съ его царями Араме, Сардури, Аргишти) и т. п. Я не считаю удобнымъ часто вносить въ книгу крупныя перемѣны и поправки; но дѣлаю это время отъ времени, вопреки увѣреніямъ рецензента, будто „успѣхи науки не отразились на содержаніи моего учебника". Исторія Греціи и Рима такъ прочно установилась, что тутъ возможны только мелкія сравнительно перемѣны; но исторія древняго Востока, дѣйствительно, сдѣлала въ послѣднюю эпоху огромные шаги, и это заставило меня въ 80-хъ годахъ переработать сей отдѣлъ согласно съ такими трудами какъ Масперо, Бругша, Ленормана, Никольскаго и др. Въ тѣхъ же годахъ мною былъ изданъ рядъ очерковъ по Древней исторіи, ради которыхъ пришлось пересмотрѣть обширную литературу по разнымъ ея отдѣламъ, каковая указана въ самой книгѣ. (Тогда же я предпринималъ путешествіе въ Египетъ и Палестину, и между прочимъ на мѣстѣ ознакомился съ развалинами Ѳивъ; а ранѣе ради древностей посѣщалъ не только Римъ, но и Аѳины). Въ той же книгѣ читатель найдетъ мои повѣствованія о походѣ Александра Македонскаго за Истръ, о завоеваніяхъ Митридата на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, о древней Скиѳіи и главныхъ греческихъ колоніяхъ въ Южной Россіи. (Книга эта предназначалась быть пособіемъ при прохожденіи учебнаго курса). Слѣдовательно, увѣренія рецензента объ отсталости моего руководства отъ современнаго состоянія науки по меньшей мѣры преувеличены. Кромѣ того: кто слѣдилъ за моими руководствами, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ мою систему вносить улучшенія и поправки постепенно и не дѣлать такихъ перемѣнъ, которыя бы рѣзко отдѣляли слѣдующее изданіе отъ предыдущаго и такимъ образомъ вынуждали бы учениковъ покупать непремѣнно новое изданіе.

Позволю себѣ обратить вниманіе вообще на различіе въ требова-

ніяхъ, предъявленныхъ ко мнѣ и къ моимъ конкуррентамъ. Возьмемъ для примѣра одобренный учебникъ Древней исторіи профессора Виноградова. Въ отдѣлѣ Востока у него нѣтъ ни Эль-Амарны, ни Ванскаго царства, не говоря уже о болѣе сокращенномъ изложеніи сравнительно съ моей книгой вообще. Въ исторіи Греціи у него есть Драконъ (присутствіе котораго мнѣ поставлено въ упрекъ), есть и утомленіе Діоклетіана, но нѣтъ ни культуры Микенъ, Навкратиса и Кипра, ни Фидона Аргивскаго, ни Селевкидской и Діоклетіановой эры — однимъ словомъ, всего того, что рецензентъ потребовалъ отъ моего учебника, и только отъ моего, ибо почти все то же можно повторить и о другихъ одобренныхъ руководствахъ. Откуда такая разница? Странно подобныя исключительныя и невозможныя требованія оправдывать тѣмъ, что мое руководство пользовалось распространеніемъ — какъ о томъ говорится въ началѣ рецензіи. И тѣмъ болѣе странно, что эти требованія совершенно игнорируютъ дѣйствующія программы.

Между прочимъ рецензія дѣлаетъ моей книгѣ упрекъ въ какой-то анекдотичности — упрекъ совершенно неосновательный. Въ примѣръ приведенъ только эпизодъ о Клеопатрѣ — эпизодъ вовсе не лишній въ развитіи событій и при томъ оттѣненный особымъ шрифтомъ, о значеніи котораго сказано въ предисловіи. Слѣдовало привести нѣсколько примѣровъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить, справедливо ли взводимое на мою книгу обвиненіе. Содержаніе моихъ руководствъ по преимуществу фактическое, и всѣ важнѣйшіе или основные факты они въ себѣ заключаютъ. Иногда приводятся (большею частію особымъ шрифтомъ) нѣкоторыя черты, нѣкоторыя подробности, чтобы смягчить сухость или сжатость изложенія, освѣтить характеръ лица или событія и самыя эти лица и событія отчетливѣе закрѣпить въ памяти учащихся. Изрѣдка берутся подобныя черты изъ преданій и легендъ, но съ критическимъ оттѣнкомъ (на каковой оттѣнокъ, впрочемъ, указалъ и рецензентъ). Есть преданія, которыя получили такое право гражданства, что едва ли можно оставить ихъ неизвѣстными учащимся. Для примѣра укажемъ приведенные изъ Геродота эпизоды о Дейокѣ, объ Астіагѣ и Кирѣ, далѣе на такіе эпизоды какъ Леонидъ при Ѳермопилахъ, Марій въ Минтурнахъ и т. п. Пожалуй, встрѣчаются попытки вычеркнуть изъ учебной книги эпизоды Ливія о первыхъ римскихъ царяхъ и вмѣсто нихъ дать ученикамъ нѣсколько сухихъ, отвлеченныхъ фразъ о началѣ Рим-

ской исторіи; но я пока на это не рѣшаюсь, хотя прямо называю ихъ легендами.

Въ своемъ заключеніи рецензія отдаетъ по крайней мѣрѣ справедливость моему литературному изложенію. И за то спасибо. И тѣмъ болѣе, что вообще лица, отъ которыхъ зависитъ ходъ учебной литературы, стали слишкомъ мало обращать вниманія на литературную сторону дѣла, отъ чего не мало страдаетъ педагогическая практика.

III.

Въ той же январской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* находится рецензія г. Андреянова на мое „Руководство ко Всеобщей исторіи — средній курсъ", т.-е. занимающій по объему и школьному значенію среднее мѣсто между курсами старшаго и младшаго возраста. Но рецензія эта представляетъ такое сплошное голословіе, столько спорныхъ, необоснованныхъ сужденій и требованій, такое невѣдѣніе и смѣшеніе характера и задачъ, которые присущи разнымъ курсамъ, что потребовалось бы много времени и мѣста для ея критическаго разбора, при чемъ пришлось бы отчасти повторять и то, что сказано мною выше, и то, что будетъ сказано ниже. Я предпочитаю сосредоточить вниманіе читателей и заняться разборомъ замѣчаній на курсы старшаго возраста. Поэтому останавливаться на помянутой статьѣ пока не намѣренъ, а перейду теперь къ рецензіямъ на мою Среднюю и Новую исторію. Эти рецензіи помѣщены въ февральской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и подписаны г. Форстеномъ, который, сколько мнѣ извѣстно, состоитъ профессоромъ Петербургскаго университета.

Въ настоящемъ своемъ отвѣтѣ ничего не скажу о крайне неспокойномъ и вызывающемъ тонѣ сихъ рецензій; предоставляю его вниманію тѣхъ, которые пожелаютъ съ нимъ ознакомиться. Г. Форстенъ задался цѣлью доказать „рѣшительную непригодность (моей) Средней и Новой исторіи для нашихъ гимназій". Посмотримъ, какими аргументами и способами онъ это доказываетъ.

Относительно Средней исторіи г. Форстенъ, во-первыхъ, утверждаетъ, будто бы у меня нѣтъ введенія, указывающаго на переходъ отъ Древняго міра къ Средневѣковью и ничего не говорится о большихъ племенныхъ группахъ (или, какъ онъ выражается, союзахъ) германцевъ до переселенія народовъ. И то, и другое у меня есть,

хотя коротко, но достаточно для учебника. Далѣе, онъ увѣряетъ, будто бы у меня нѣтъ отдѣльнаго параграфа, „въ которомъ были бы выяснены ростъ и значеніе Папской церкви". Отдѣльный параграфъ, озаглавленный „Папы и начало Церковной области" у меня есть; а затѣмъ ростъ папства достаточно указывается далѣе въ надлежащихъ мѣстахъ при обзорѣ событій. По поводу феодализма онъ дѣлаетъ упрекъ въ томъ, что „ученикамъ не объяснены ни отношенія коммендаціи, ни прекаріи, ни бенефиціи". Главное, т.-е. бенефиціи, у меня объяснено; а такія мелочныя опредѣленія, какъ коммендаціи и прекаріи, я считаю лишними для учебника, способными только затруднить усвоеніе наболѣе нужнаго и существеннаго матеріала. Вообще слишкомъ усердныя попытки сразу разъяснить въ среднеучебномъ руководствѣ весь сложный механизмъ феодальныхъ отношеній обыкновенно производятъ въ головѣ русскаго ученика большой туманъ и путаницу, такъ что въ концѣ концовъ онъ совсѣмъ не понимаетъ феодализма.

Во-вторыхъ, г. Форстенъ возстаетъ противъ моего распредѣленія матеріала, противъ моей группировки фактовъ. Напримѣръ, у меня говорится объ Остготскомъ и Лангобардскомъ королевствахъ, а потомъ о франкахъ, государство которыхъ основано нѣсколько ранѣе; въ разсказѣ о Карлѣ Мартеллѣ встрѣчается арабское нашествіе, а глава объ арабахъ помѣщена позднѣе. Въ главѣ о Византійской исторіи, доведенной до XII вѣка, тоже встрѣчаются арабы, Карлъ Великій и Германскіе императоры, о которыхъ спеціально говорится послѣ. Въ очеркѣ Крестовыхъ походовъ, съ духовно-рыцарскими орденами включительно, встрѣчаются французскіе Капетинги, о которыхъ пока еще не говорилось, и т. п. Но такая постановка вопросовъ слишкомъ произвольна и прямо-таки невозможна; какъ ни располагайте матеріалъ, подобныя возраженія явятся во всякомъ случаѣ, если имъ придавать какое-нибудь значеніе. Переставимъ порядокъ изложенія по системѣ г. Форстена. Что же выйдетъ? Помѣстимъ главу о Франкской монархіи ранѣе Остготской и Лангобардской; но тогда нельзя будетъ говорить о походѣ Пепина Короткаго на лангобардовъ и началѣ Папской области, ибо о лангобардахъ еще не было рѣчи. Помѣстимъ арабовъ прежде Франкскихъ Каролинговъ; но тогда нельзя будетъ говорить о покореніи Испаніи и тѣсно связанномъ съ нимъ вторженіи въ Галлію или о пораженіи отъ Карла Мартелла, ибо о нихъ еще не было сказано. Поставимъ Крестовые походы послѣ Капетинговъ и Плантагенетовъ, тогда въ исторіи Фи-

липпа II, Ричарда Львиное Сердце, Людовика IX и т. п. нельзя говорить объ ихъ участіи въ Крестовыхъ походахъ, такъ какъ эти походы еще не были разсказаны. Однимъ словомъ, съ теоріей г. Форстена составитель учебника непремѣнно попадетъ въ безвыходное положеніе, или онъ долженъ будетъ дѣлать скачки изъ одной страны въ другую, или излагать событія чуть ли не по годамъ въ системѣ лѣтописной, а не исторической. Я много думалъ именно надъ такимъ расположеніемъ матеріала, при которомъ ученикъ могъ бы яснѣе понять и легче усвоить его, и потому группировалъ однородный матеріалъ въ цѣлыя главы, а не дробилъ его. Какая, напримѣръ, получилась бы картина Крестовыхъ походовъ, если бы ихъ раздробить частей на пять, на шесть и вставить между другими событіями? Вообще по части моего расположенія доселѣ не встрѣчалось никакихъ замѣчаній преподавателей о какихъ-либо его практическихъ неудобствахъ; возраженіе противъ него г. Форстена вполнѣ несостоятельно и обнаруживаетъ его малое знакомство съ практикой дѣла. Кстати, по поводу Крестовыхъ походовъ: онъ упрекаетъ меня за какіе-то „старые предразсудки", въ родѣ разсказовъ о Петрѣ Пустынникѣ; но у меня прямо указанъ легендарный характеръ сихъ разсказовъ.

Переходимъ къ третьей категоріи возраженій, именно по отношенію къ выбору матеріала для среднеучебнаго курса. Въ этихъ возраженіяхъ я позволяю себѣ усматривать положительное незнакомство съ условіями и задачами сего курса. Напримѣръ, по его словамъ, у мена указаны всѣ нѣмецкія династіи (т. е. три, Саксонская, Франконская и Гогенштауфеновъ), встрѣчаются нѣкоторыя о нихъ подробности (которыя онъ почему-то называетъ „анекдотами" и которыя, прибавлю, оттѣнены у меня особымъ шрифтомъ), а „не выяснены сущность такъ наз. Оттоновой системы", „различіе Гвельфскаго и Гибелинскаго принциповъ", „значеніе утвержденія германскихъ императоровъ въ Италіи"; очень мало сказано объ Иннокентіи III и Фридрихѣ II, о „новомъ аскетическомъ вѣяніи въ Церкви", съ Арнольдомъ и Францискомъ включительно; относительно Папской Церкви у меня „едва ли выясняется идея Божьяго царства, аскетизма и теократіи"; „не выяснены съ достаточною ясностію термины инвеститура, симонія, целибатъ" и т. д. Я же полагаю, что все названное недостаточно выясненнымъ въ дѣйствительности для учебника изложено достаточно ясно. А затѣмъ — и это главное—какимъ образомъ г. Форстенъ можетъ возставать вообще противъ повѣство-

ванія о государяхъ и политическихъ событіяхъ? Очевидно, онъ не знаетъ того, что именно государственная сторона исторіи и составляетъ собственно задачу среднеучебнаго курса. Во всякомъ случаѣ эта сторона преобладающая. Не дѣло краткаго сравнительно учебника толковать о Понтіонскомъ договорѣ, разглагольствовать о различіи нѣкоторыхъ принциповъ или о такихъ дѣятеляхъ какъ Этьенъ Марсель, Оккамъ и Марсилій или о „связи политико-религіозныхъ тенденцій съ тенденціей Людовика Баварскаго" и т. п. Все это выходитъ за предѣлы даннаго курса. Точно такъ же не дѣло учебника отвѣчать на нѣкоторые праздные вопросы, задаваемые г. Форстеномъ, въ родѣ: „откуда явились готы въ Южную Россію?" На этотъ вопросъ и самъ онъ ничего положительнаго не отвѣтитъ; а если и отвѣтитъ, то какимъ-либо несостоятельнымъ домысломъ или ни съ чѣмъ несообразною легендою. Не учебнику также входить въ разсмотрѣніе вопроса: „можно ли найти въ культурѣ (древнихъ) германцевъ слѣды римскаго вліянія?"

За то съ другой стороны, г. Форстенъ совѣтуетъ выпустить изъ учебника, напримѣръ, швейцарскую легенду о Вильгельмѣ Телѣ или почти пройти молчаніемъ средневѣковую Скандинавію, послѣднихъ Гогенштауфеновъ, Сицилійскую вечерню, періодъ междуцарствія въ Германіи и т. д. Несправедливо его увѣреніе, будто у меня опущены развитіе княжеской автономіи и слабость центральной власти во время сего междуцарствія (разсказъ о которомъ, по его мнѣнію, лишній), ростъ городовъ въ Италіи и Бонифацій VIII. Невѣрно его возраженіе противъ связи Гильдебранта или Григорія VII съ Клюнійской конгрегаціей: что онъ вышелъ изъ Авентинскаго монастыря, принадлежавшаго къ сей конгрегаціи — это фактъ. Очевидно, г. Форстену остались неизвѣстны мои „Очерки" по средневѣковью, изданные въ 1886 году; тамъ онъ нашелъ бы подробности о Григоріи VII и многое другое, что окажется въ явномъ противорѣчіи съ его главнымъ выводомъ о моемъ учебникѣ Средней исторіи. Въ этихъ очеркахъ я даю видное мѣсто Славянству и Византіи, что отразилось и на моемъ учебникѣ; на каковую сторону средневѣковья г. Форстенъ не обращаетъ никакого вниманія, забывая, что онъ имѣетъ дѣло съ книгою, назначенною именно для русскихъ учениковъ.

Теперь объ его же рецензіи на мою Новую исторію.

Авторъ рецензіи обрушивается на нее съ такимъ пыломъ, что невѣрно передаетъ даже самое содержаніе книги. Напримѣръ: „глава о христіанствѣ отнесена къ древней исторіи, гуманизмъ и ренессансъ

къ средневѣковой". Совсѣмъ не понимаю этого обвиненія: возрожденіе и гуманизмъ у меня изложены во 2 и 3 главахъ Новой исторіи, начало же того и другого, конечно, относится къ Средневѣковой. „Весь ренессансъ,—говорится далѣе (и непремѣнно иностранныя слова *целибатъ, ренессансъ* и т. п.)—толкуется, какъ дѣло заѣзжихъ грековъ, паденіе Византіи вызвало возрожденіе наукъ и искусствъ". Опять совершенно невѣрная передача того, что есть въ моей книгѣ, гдѣ сказано: „этому знакомству (съ сочиненіями великихъ писателей древней Греціи) способствовали нѣкоторые образованные греки, которые переселились изъ Византійской имперіи" и т. д., что фактически совершенно вѣрно. Далѣе онъ пишетъ: „изъ странички, посвященной нѣмецкому гуманизму, ученики ничего не вынесутъ путнаго". Во-первыхъ, не одна страничка, а двѣ слишкомъ; а во-вторыхъ, вынесутъ ли что путное ученики изъ этихъ двухъ страничекъ, о томъ можно судить только на основаніи объективной провѣрки; дѣлать произвольныя предположенія, конечно, никому не возбраняется, только это уже не есть серьезная рецензія. „Итальянскія войны, неизвѣстно для какой цѣли, разсказаны на 9 страницахъ". Опять не точно и не основательно. Не 9, а 7 страницъ, такъ какъ надо вычесть эпизоды и строки о Савонаролѣ, папѣ Александрѣ VI и Солиманѣ Великолѣпномъ; а затѣмъ въ связи съ этими войнами бросается взглядъ на исторію и взаимныя отношенія Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи; слѣдовательно, на самыя войны останется очень немного. Невѣрно говорится, будто у меня „не выяснены мотивы войны, не выясненъ самый принципъ политическаго равновѣсія". О какихъ не выясненныхъ мотивахъ здѣсь идетъ рѣчь, не понятно; а что касается отношенія сихъ войнъ къ принципу равновѣсія, о томъ у меня ясно и для учебника достаточно сказано въ общемъ взглядѣ на Новую исторію. И тутъ же у рецензента опять крупная невѣрность: „о Маккіавели ни слова"—говоритъ онъ. Отсылаю его къ 32 стр. моей книги, гдѣ Маккіавели посвящено цѣлыхъ полстраницы. Странно замѣчаніе объ индульгенціяхъ и ихъ продажѣ, какъ будто у меня о томъ ничего нѣтъ. Также будто у меня „ни слова" объ антагонизмѣ рыцарей и курфюрстовъ, будто у меня „крестьянское возстаніе—продуктъ только проповѣди Лютера". Все это невѣрно и, можетъ быть, расчитано на то, что читатели не пойдутъ справляться съ книгою. Также невѣрно сказано, будто реформація поставлена у меня „внѣ всякой связи съ гуманизмомъ".

Г. Форстенъ говоритъ, будто въ біографіи Лютера у меня „столько

ошибокъ", но ихъ не указываетъ, а ставитъ вопросы о религіозныхъ взглядахъ Лютера до поступленія въ монастырь, о роли тутъ мистиковъ, о сочиненіяхъ Лютера, объ его тезисахъ и т. п. Конечно, можно и еще сочинить длинный рядъ всякихъ вопросовъ; но отвѣты на нихъ не только не обязательны для даннаго учебника, а были бы прямымъ отклоненіемъ отъ его задачъ и излишнимъ для него балластомъ. Все это можетъ быть обязательно развѣ въ нѣмецкихъ школахъ и притомъ въ отдѣлѣ ихъ Отечественной исторіи, а не Всеобщей. Также не дѣло даннаго учебника трактовать о томъ, что „Новая исторія есть періодъ развитія индивидуализма въ области интеллекта (какія все мудреныя слова для учениковъ!), вѣры и соціальныхъ отношеній". Подобныя требованія въ пору развѣ университетскому курсу и совершенно выходятъ изъ задачъ и характера среднеучебнаго курса.

Далѣе, невѣрно указано существующее, будто бы, у меня противорѣчіе полученной по Аугсбургскому миру свободы вѣроисповѣданія съ положеніемъ cujus regio, ejus religio; у меня прямо сказано, что право мѣнять религію „предоставлялось собственно князьямъ", а не подданнымъ. То не многое, что у меня сказано о Цвингли, считаю пока достаточнымъ для учебника, и этотъ реформаторъ по своему значенію нейдетъ въ сравненіе съ Кальвиномъ. Параграфъ „Нѣмецкая образованность" совершенно произвольно названъ „никакого значенія неимѣющимъ". (Помѣщенное здѣсь свѣдѣніе о Коперникѣ тоже оказывается лишнимъ!) Что католическую реакцію я начинаю съ Іезуитскаго ордена, это естественно, и для даннаго учебника нисколько не обязательно толковать предварительно о Капуцинахъ и Театинцахъ. Голословно и неосновательно возраженіе противъ соединенія въ одной главѣ послѣдняго Валуа и первыхъ Бурбоновъ. Сюда же отношу и молодые годы Людовика XIV съ Фрондой включительно, т.-е. до личнаго вступленія его въ управленіе; а вѣкъ Людовика XIV выдѣляю въ особую главу, что совершенно соотвѣтствуетъ его объему и значенію. Годъ Тридентскаго собора 1535 вмѣсто 1545, конечно, есть простая опечатка. По мнѣнію г. Форстена, будто войны католиковъ съ гугенотами во Франціи были войны не религіозныя, а Варѳоломеевскую ночь слѣдуетъ „разсматривать не какъ событіе религіознаго фанатизма, а какъ чисто политическій фактъ", съ чѣмъ согласиться невозможно. Мало ли какіе могли примѣшиваться тутъ мотивы (отчасти они у меня указаны); но безъ религіознаго фанатизма это кровавое событіе не могло получить такой характеръ.

Затѣмъ г. Форстенъ опять оспариваетъ мой порядокъ въ располо-

женіи событій, такъ какъ о реформаціи въ Англіи и Скандинавіи я говорю при обзорѣ исторіи сихъ странъ, что нахожу болѣе удобнымъ, чѣмъ носиться съ реформаціей по всѣмъ странамъ, не касаясь ихъ исторіи. О парламентской борьбѣ въ Англіи въ эпоху великой революціи говорится у меня достаточно, а выяснять „идеалы Кромвеля" для учебника не обязательно. По поводу Скандинавіи, Пруссіи и Польши рецензентъ опять возражаетъ противъ моего распредѣленія матеріала; но болѣе удобнаго и цѣлесообразнаго онъ не предлагаетъ. Правда, въ послѣднее время встрѣчаемъ попытки, отчасти указанныя ниже, располагать матеріалъ согласно съ сими возраженіями; но по моему крайнему разумѣнію, онѣ болѣе затрудняютъ, чѣмъ облегчаютъ пониманіе и усвоеніе. Далѣе, о Густавѣ-Адольфѣ сказано мало при обзорѣ шведской исторіи потому, что очень много говорится въ исторіи Тридцатилѣтней войны, говорится о немъ и въ русской исторіи, такъ что ученикъ можетъ достаточно ознакомиться съ симъ королемъ. Мои яко бы ошибки, Вестерясъ вмѣсто Вестеросъ и Оксенширна вмѣсто Оксеншерна, при всей шаткости ихъ транскрипціи, приведены, конечно, ради нагроможденія замѣчаній. (И тутъ рецензентъ невѣрно приписалъ мнѣ: Оксенштирна; хотя и такая транскрипція встрѣчается). Несправедливо указаны мои ошибки (да еще, будто бы, *грубыя*) относительно Тридцатилѣтней войны: она у меня не выставляется „чисто религіозной", получившей политическій оттѣнокъ только послѣ 1635 года; нѣтъ, у меня особенно выдвинутъ этотъ оттѣнокъ съ 1629 года, т.-е. со времени Реституціоннаго эдикта. А если не опредѣляются „политическіе замыслы Валленштейна", то сомнѣваюсь, чтобы эти замыслы были вполнѣ ясны для самого г. Форстена. Относительно ихъ спорности и гадательности отсылаю его хотя бы къ новѣйшему труду Дени о Тридцатилѣтней войнѣ (въ V томѣ Лависа и Рамбо). Точно такъ же фактически невѣрны его возраженія противъ того, что Ришелье призвалъ Густава-Адольфа на театръ войны, и его замѣчаніе, будто „Швеція вступила активно въ войну до заключенія договора съ Франціей". Нѣтъ, договоръ былъ заключенъ въ январѣ 1631 года, а въ апрѣлѣ шведскій король открылъ военныя дѣйствія походомъ и взятіемъ Франкфурта на Одерѣ. И при томъ какая научная отсталость: г. Форстенъ, подобно мнѣ, продолжаетъ писать: „Кромвель" и „Валленштейнъ" вмѣсто „Кромуэль" и „Вальдштейнъ".

Невразумительно возраженіе г. Форстена и о томъ, что изъ моего учебника „не объяснишь себѣ происхожденія привилегированныхъ" (при Людовикѣ XIV). Полагаю достаточнымъ для учебника то, что

сказано у меня о покровительственной системѣ, меркантилизмѣ и школѣ физіократовъ, и не считаю пока необходимымъ трактовать „о развитіи капитализма“ въ началѣ Новой исторіи (о Карлѣ Марксѣ и его „Капиталѣ“ есть у меня примѣчаніе на 212 стр.). Напрасно также г. Форстенъ увѣряетъ, будто у меня „просвѣщенный абсолютизмъ остается невыясненнымъ іероглифомъ“. О немъ достаточно сказано на стр. 149—150; а, главное, онъ будетъ совершенно понятенъ ученикамъ изъ обзора дѣятельности его представителей, т.-е. Фридриха II, Іосифа II, Екатерины II и т. д. Ставится мнѣ даже въ упрекъ, что мало сказано о Тиціанѣ (хотя рецензія вообще враждебно относится къ моей характеристикѣ итальянскихъ школъ живописи). Но этотъ отдѣлъ подвергся сокращеніямъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Напримѣръ, совсѣмъ были выпущены и подробности о Дюрерѣ, главномъ представителѣ германской школы живописи. Также неосновательно замѣчаніе, будто Аріосто и Тассо не были „представителями литературы возрожденія и жили уже въ эпоху его упадка“.

Отзывъ рецензента о моемъ очеркѣ Французской революціи болѣе чѣмъ рѣзкій; а въ оправданіе его онъ приводитъ только то, что Тюрго и бѣгство короля отнесены къ подстрочнымъ примѣчаніямъ; да еще выставляетъ обвиненіе, что „отдѣльные моменты не выдѣлены и причины не выяснены“. Отзывъ и обвиненіе совершенно голословны и произвольны; потому и говорить о нихъ не приходится. А что касается подстрочныхъ примѣчаній, г. Форстенъ указываетъ и нѣкоторыя другія подробности, туда же отнесенныя; но при семъ постоянно обнаруживаетъ, какъ невнимательно онъ читалъ мою книгу, руководясь предвзятымъ къ ней отношеніемъ. Между прочимъ онъ говоритъ что Паскаль помѣщенъ въ текстѣ, а Декартъ „попалъ“ въ примѣчаніе. Это невѣрно: тотъ и другой названы въ текстѣ, а въ примѣчаніи о нихъ обоихъ сообщаются нѣкоторыя подробности. Точно такъ же невѣрно передается, будто у меня „Гете попалъ въ текстъ, а Шиллеръ въ примѣчаніе“: и Гете, и Шиллеръ упомянуты въ текстѣ, и только подробности о Шиллерѣ перенесены въ примѣчаніе. Опять невѣрно сказано, будто бы третья война Людовика XIV у меня „опущена“; нѣтъ, она отнесена въ примѣчаніе (столь непріязненный къ обзору войнъ, рецензентъ тутъ неожиданно является ихъ сторонникомъ, чтобы увеличить количество возраженій). Дѣло въ томъ, что г. Форстену остались неизвѣстны перемѣны въ гимназическихъ программахъ, вызванныя въ особенности водвореніемъ классической системы, которая поглотила много учебныхъ часовъ, отнятыхъ у дру-

гихъ предметовъ. Вслѣдствіе того я въ послѣднюю эпоху принужденъ былъ не распространять свои курсы, а наоборотъ постепенно ихъ сокращать. Многое было мною отчасти выпущено, отчасти перенесено въ мелкій необязательный шрифтъ; сюда относятся и сейчасъ указанные случаи. Рецензенту осталось неизвѣстно, что программы устраняли именно факты изъ культурной исторіи и оставляли мѣсто почти однимъ политическимъ событіямъ. Мелкій шрифтъ у меня нерѣдко служилъ для того, чтобы спасти какія-либо подробности или культурные факты отъ простого ихъ вычеркиванія. Сокращенію также подверглись курсы Древней и Средней исторіи. Добросовѣстный рецензентъ не могъ бы игнорировать это обстоятельство и совсѣмъ не брать въ расчетъ дѣйствующія программы.

Наконецъ, по обвиненію рецензента у меня „не выяснены"... что бы вы думали? „Идеи легитимизма, романтизма, либерализма, соціализма, коммунизма"! Въ дѣйствительности объ этихъ явленіяхъ сказано для учебника достаточно, и изъ моей книги всякій ученикъ можетъ понять ихъ довольно хорошо.

Вообще г. Форстенъ въ данныхъ рецензіяхъ обнаруживаетъ смутное представленіе о задачахъ, объемѣ и характерѣ среднеучебнаго курса. Предъявленныя имъ требованія—выяснить „борьбу старыхъ и новыхъ идей", „идеи Божьяго царства, аскетизма и теократіи", „объ индивидуализмѣ", „о свободѣ личности, достигнутой долгой борьбой съ Церковью, съ феодальнымъ строемъ, съ имперіей", о Новой исторіи какъ „періодѣ развитія этого индивидуализма въ области интеллекта, вѣры и соціальныхъ отношеній"—всѣ эти фразы, съ ихъ малопонятными для учениковъ выраженіями, заставляютъ меня сомнѣваться въ полной компетентности г. Форстена по отношенію къ среднеучебному курсу. Очевидно, у него передъ глазами носится какой-то фантастическій курсъ со всѣми новомодными тенденціями и терминами. Всемірная исторія ему представляется не изображеніемъ судебъ такихъ болѣе или менѣе могучихъ организмовъ, какъ племена, государства и націи, а по преимуществу въ видѣ хитроумныхъ трактатовъ о теократіи, аскетизмѣ, феодализмѣ, индивидуализмѣ, интеллектѣ, целибатѣ, ренессансѣ, большихъ и малыхъ реформаціяхъ и революціяхъ, либерализмѣ, соціализмѣ и т. п. Онъ и не подозрѣваетъ того, что если ученикъ не прошелъ предварительно политико-фактическаго среднеучебнаго курса, то онъ ничего толкомъ не пойметъ въ этой борьбѣ идей, въ сихъ реформаціяхъ и революціяхъ. Рецензентъ не знаетъ того, что главное содержаніе сего курса должна составлять

почти элементарная (особенно послѣ отмѣны Всеобщей исторіи въ младшихъ гимназическихъ классахъ) исторія государствъ и націй, выражаемая, конечно, въ ихъ главныхъ представителяхъ. Наоборотъ, для подобныхъ мыслителей государственные дѣятели, важныя территоріальныя перемѣны, національные интересы и т. п. какъ бы имѣютъ второстепенное значеніе въ учебникѣ. Наша университетская наука страдаетъ именно одностороннимъ содержаніемъ, направленнымъ на указанные выше хитроумные трактаты, и явнымъ недостаткомъ историческаго выясненія, какъ сложилась и развивалась какая-либо культурная нація, какія были внѣшнія и внутреннія условія этого развитія, какіе интересы преслѣдовали ея государственные люди, каковы были отношенія ея къ другимъ народностямъ, и т. д. И вотъ такой-то недостатокъ національнаго элемента въ исторіи мои рецензенты проповѣдуютъ для среднеучебнаго курса, тогда какъ этотъ именно государственно-національный элементъ и долженъ въ немъ господствовать, а слѣдовательно вліять и на группировку фактовъ, т. е. на расположеніе матеріала.

Если г. Форстенъ написалъ свои рецензіи не справляясь съ дѣйствующими учебными планами и программами, то, конечно, нельзя ожидать отъ него знакомства съ литературою вопроса вообще и съ моими статьями о преподаваніи исторіи въ частности. Изъ этихъ статей укажу на одну: „Культурный и политическій элементы въ учебно-исторической литературѣ". (См. „Мелкія сочиненія"). Она оканчивается слѣдующими словами:

„Въ заключеніе позволю себѣ выразить желаніе, чтобы въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ возобладали простыя, здравыя и удобоисполнимыя теоріи и чтобы практика не слишкомъ съ ними расходилась. А то въ дѣйствительности нерѣдко бываетъ такъ, что рядомъ съ высокими, обширными и подчасъ противорѣчивыми требованіями уживается въ нашемъ обществѣ недостатокъ самыхъ необходимыхъ, элементарныхъ свѣдѣній".

Эти слова, написанныя пятнадцать лѣтъ тому назадъ, нисколько не утратили своего значенія для настоящаго времени и какъ нельзя лучше подтверждаются данными рецензіями, и въ особенности г. Форстеномъ. Предлагаю компетентнымъ и безпристрастнымъ читателямъ отвѣтить на естественно возникающій вопросъ: какія же серьезныя основанія представилъ г. Форстенъ въ обѣихъ его рецензіяхъ своему заключительному выводу о „рѣшительной непригодности для нашихъ гимназій" моихъ учебниковъ Средней и Новой исторіи?

Около четырехъ лѣтъ назадъ въ томъ же *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* была помѣщена офиціозная рецензія г. Форстена на учебникъ Новой исторіи профессора Виноградова, гдѣ онъ при всемъ своемъ деликатномъ отношеніи къ автору нашелъ возможнымъ привести болѣе тридцати замѣчаній и поправокъ. Въ октябрьскомъ № *Журнала* за прошлый 1900 годъ находимъ рецензію учебника Новой исторіи проф. Карѣева, относящуюся къ ней очень одобрительно. Г. Форстенъ въ разборѣ моей книги буквально повторяетъ отзывъ сей рецензіи и также называетъ оба учебника, гг. Виноградова и Карѣева, „цѣнными вкладами въ нашу школьную учебную литературу". А между тѣмъ большей части предъявленныхъ ко мнѣ требованій учебники эти не соотвѣтствуютъ. Рецензентъ даже отказывается входить въ обстоятельный разборъ книги г. Карѣева, оговариваясь, что „странно было бы примѣнять въ данномъ случаѣ мелочную критику мелкихъ промаховъ и погрѣшностей"; хотя тутъ же сознается, что эта книга по своему „слишкомъ большому объему" выходитъ изъ предѣловъ учебника. Несмотря на послѣднее обстоятельство, у г. Карѣева, какъ и у г. Виноградова, нѣтъ ни капуциновъ съ театинцами, ни развитія капитализма въ XVI вѣкѣ, ни выясненія несомнѣнныхъ идеаловъ Кромвеля или замысловъ Валленштейна, бо́льшихъ (сравнительно съ моими) объясненій принципа политическаго равновѣсія, маккіавелизма, индульгенцій и происхожденія привилегированныхъ, почему Фридрихъ Вильгельмъ названъ „великимъ курфюрстомъ", каковы были „политическія стремленія династіи Вазовъ" или „политическія тенденціи іезуитовъ", или какъ индивидуализмъ развивался въ области интеллекта и т. д. и т. д., не говоря уже объ имѣющихся тамъ неизбѣжныхъ мелкихъ недосмотрахъ, фактическихъ и корректурныхъ; тогда какъ одна найденная въ моемъ курсѣ опечатка и та вмѣнена въ ошибку. А насколько удобно у названныхъ авторовъ расположеніе матеріала, сдѣланное отчасти въ духѣ г. Форстена, позволяю себѣ думать, что безпристрастная практика дастъ отрицательный отвѣтъ.

Кстати, по сему послѣднему поводу замѣчу о литературной сторонѣ данныхъ рецензій. Вообще эта сторона у нихъ очень слаба, а возраженія изложены довольно безпорядочно, запутанно и часто невразумительно. Пальма же первенства въ семъ отношеніи принадлежитъ г. Форстену.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе по адресу всѣхъ моихъ рецензентовъ. Разбирая школьныя руководства, они совсѣмъ забываютъ о

существованіи школьнаго преподавателя и требуютъ всевозможныхъ объясненій и толкованій отъ книги. Какіе же размѣры она должна принять, если бы отвѣчала на всѣ эти требованія? И что въ такомъ случаѣ сталъ бы дѣлать преподаватель помимо задаванія и спрашиванія уроковъ?

Итакъ, если существуютъ другія руководства, болѣе удовлетворительныя, пусть они вытѣсняютъ меня своею собственною тяжестію, т. е. собственными достоинствами; пусть даже пользуются особымъ покровительствомъ. Я ничего не говорю противъ покровительственной системы, а возражаю только противъ запретительной.

Д. Иловайскій.

Нѣсколько словъ по поводу „отвѣта" проф. Ѳ. А. Брауна.

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ, стр. 218—232, проф. Браунъ помѣстилъ „отвѣтъ" на появившуюся въ февральской книжкѣ (стр. 500—527) мою рецензію его изслѣдованія о древнѣйшихъ судьбахъ готовъ. Редакція любезно предоставляетъ мнѣ право реплики на этотъ отвѣтъ, и самъ г. Браунъ нѣсколько разъ вызываетъ меня на продолженіе обмѣна мыслей по вопросамъ, которыхъ я касался въ своей рецензіи. Не отказываясь воспользоваться предоставляемымъ мнѣ отъ редакціи правомъ, позволяю себѣ откровенно высказать, что дѣлаю это неохотно. Г. Браунъ утверждаетъ, что я недостаточно ознакомился съ его книгой и заднимъ числомъ даетъ мнѣ совѣтъ, что мнѣ „не слѣдовало писать рецензію" (стр. 223). Полагаю, что г. Брауну, въ качествѣ автора того изслѣдованія, о которомъ я далъ отзывъ въ ученомъ журналѣ, не совсѣмъ удобно судить объ этомъ, а лучше предоставить это другимъ, которые не менѣе насъ съ нимъ компетентны судить по вопросамъ, трактованнымъ въ его книгѣ. Быть можетъ, сторонній читатель и не будетъ сомнѣваться въ томъ, что я внимательно изучилъ книгу г. Брауна, такъ какъ я вникалъ не только въ его выводы и положенія, но и въ самый матеріалъ, привлеченный имъ къ изслѣдованію, а также пріемы его ученой работы. Если я подвергъ сомнѣнію ученыя достоинства его труда, то это вовсе еще не значитъ, что я не умѣлъ оцѣнить ихъ, по невѣдѣнію, или невниманію. Но во всякомъ случаѣ мнѣ ясно одно, что, при такомъ отношеніи г. Брауна къ своему оппоненту, было бы

безполезно съ моей стороны продолжать разъясненіе того, о чемъ я съ полной опредѣленностью высказался въ своемъ отзывѣ, и мнѣ остается только попытаться устранить тѣ недоразумѣнія, которыя создалъ г. Браунъ своимъ отвѣтомъ. Быть можетъ, тѣмъ самымъ я посодѣйствую возстановленію истины.

Я продолжаю, конечно, думать, что разрывать связь готовъ съ Скандинавіей и искать ихъ колыбель въ сѣверныхъ предгоріяхъ нынѣшней Богеміи, какъ дѣлаетъ г. Браунъ, нельзя. Изложенные въ книгѣ г. Брауна аргументы я разобралъ въ своемъ отзывѣ; въ томъ ли это сдѣлано порядкѣ, какъ онъ то считалъ бы правильнымъ, или въ иномъ,—это въ сущности безразлично. Никакихъ новыхъ соображеній въ подтвержденіе своей гипотезы г. Браунъ въ своемъ отвѣтѣ не привелъ, кромѣ одного и то, какъ мнѣ кажется, довольно неудачнаго. Я указывалъ въ своей рецензіи, что невозможно примирить исторію готовъ, какъ ее возстановляетъ г. Браунъ, съ заселеніемъ ими острова Готланда и выражался между прочимъ такъ.—„Какимъ образомъ этотъ *континентальный* народъ могъ вдругъ проявить такую колонизаціонную дѣятельность, чтобы заселить далекій островъ, лежащій недалеко отъ совершенно чуждой ему Скандинавіи?“ (стр. 511). — На это г. Браунъ отвѣчаетъ мнѣ такъ.—„Что же касается Готланда, то позволю себѣ лишь замѣтить, что отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ готы, будучи континентальнымъ народомъ, попали на этотъ островъ, весьма простъ: такимъ же точно образомъ, какимъ они впослѣдствіи предпринимали морскіе походы по Черному морю, т.-е. на лодкахъ“ (стр. 228).—Можетъ быть, г. Браунъ считаетъ подобный способъ парировать серьезныя возраженія проявленіемъ ученаго остроумія; но такъ какъ и я не допускалъ предположенія, что готовъ привелъ на островъ Готландъ новый Моисей, то его шутка ни на что не отвѣчаетъ, а только роняетъ достоинство ученаго спора.

Отрицая доказательную силу моихъ аргументовъ, г. Браунъ счелъ нужнымъ повторить то, что у него дано на 30 стр. его книги въ объясненіи имени, подъ какимъ Плиній знаетъ рѣку Прегель, Guttalus. Хотя я не давалъ этимологіи этого имени и не утверждалъ, что оно сохранило имя народа (какъ можетъ увидѣть г. Браунъ по справкѣ на 510 стр.); но я продолжаю думать, что оно подтверждаетъ отстаиваемое мною положеніе и является аргументомъ противъ г. Брауна. Такъ какъ, по его же словамъ, имя это — „правильно образованное германское отглагольное прилагательное gutals“ (стр. 227) и его

зналъ уже Плиній; то развѣ не является этотъ фактъ самымъ очевиднымъ аргументомъ противъ предположенія г. Брауна, что „не раньше второй половины I вѣка“ по Р. Х. готы подвинулись съ юга къ морю въ низовья Вислы. Или г. Браунъ, чтобы спасти свой тезисъ, сдѣлаетъ предположеніе, что не готы были первымъ германскимъ народомъ, который проникъ такъ далеко на востокъ? Никто никогда не утверждалъ, что раньше готовъ какой-то другой германскій народъ господствовалъ въ странѣ янтаря, да не откуда и взять такой народъ. Если Прегель носилъ германское имя, то дать ему его могли только готы; значитъ, они тамъ сидѣли въ пору Плинія и, конечно, не со вчерашняго дня, а быть можетъ уже въ теченіе вѣковъ.—Итакъ, не противъ меня возражалъ г. Браунъ своимъ новымъ разъясненіемъ на счетъ имени Guttalus, а противъ себя самого.

Напрасно также г. Браунъ выставляетъ противъ меня Бремера съ его теоріей о колыбели готовъ въ Гольштейнѣ. Бремера я не разбиралъ и ничего ему не возражаю. Но позволю себѣ указать, что Бремеръ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ближайшемъ родствѣ готовъ съ гаутами [1]), а тѣмъ самымъ посредственно удерживаетъ связь ихъ съ Скандинавіей; значитъ онъ далеко не союзникъ г. Брауна, какъ и въ вопросѣ объ имени Карпатъ [2]).

Не могу не отмѣтить, далѣе, не совсѣмъ мнѣ понятной манеры г. Брауна отстранять возраженія, игнорируя ихъ существо. Я противопоставилъ весьма непослѣдовательное его отношеніе къ матеріалу легендъ и сказаній. Онъ отрицаетъ существованіе всякаго историческаго зерна въ готскомъ сказаніи о ихъ выходѣ изъ Скандинавіи, сохранившееся въ отголоскѣ эпоса у Іордана, и съ другой стороны оказываетъ полное довѣріе сообщенію Геродота объ оборотняхъ — неврахъ и даетъ ему даже аллегорическое толкованіе.

Серьезность этого возраженія г. Браунъ затемняетъ такимъ образомъ.—По первому пункту онъ коротко замѣчаетъ: „Если въ каждой легендѣ искать историческаго смысла изъ за одного ея великолѣпія, то куда это приведетъ?“ (стр. 229); а второй онъ гордо отстраняетъ, называя цѣлый рядъ моихъ возраженій—„общими словами“ (стр. 232, прим. 2).—Если то, что я сказалъ на стр. 513—518, не болѣе какъ „общія слова“, а не серьезная критика ученыхъ пріемовъ автора, то о чемъ же намъ разговаривать? Значитъ г. Браунъ продолжаетъ

---

[1]) Ethnogr. d. germ. Stämme, § 85, стр. 818.

[2]) Ib. § 20, прим.

оставаться при своихъ мысляхъ, что Дарія можно водить по Скиѳіи, если уже не до Азовскаго моря, такъ до Борисѳена, что можно раздвоять вшеѣдовъ-будиновъ въ угоду сообщенію Геродота о переселеніи невровъ въ ихъ страну, аллегорически толковать змѣй, и все это съ возстановленіемъ точной хронологіи подобныхъ событій. И въ то же время нельзя искать историческаго зерна въ эпосѣ! Очевидно, мы съ г. Брауномъ стоимъ на совершенно разныхъ точкахъ зрѣнія относительно критики этого рода историческаго матеріала, и онъ хочетъ возстановить донибуровскіе методы.

Мы стоимъ гораздо ближе между собою въ отношеніи къ Птолемею, въ особенности теперь, когда г. Браунъ сталъ нѣсколько иначе смотрѣть на его источники. Повидимому, онъ уже не считаетъ болѣе правильнымъ давать Птолемею въ руки испорченный текстъ Плинія, какъ онъ дѣлалъ раньше, такъ какъ самъ замѣчаетъ, что „источниковъ Птолемея мы въ точности не знаемъ" (стр. 230). Онъ признаетъ, что мои „возраженія, сами по себѣ, какъ разсужденія, очень вѣрны и основательны" (стр. 229); но онъ продолжаетъ думать, что я не понялъ предлагаемаго имъ способа перевода данныхъ Птолемея на современную карту, и по прежнему устрашаетъ меня логариѳмами и масштабомъ съ циркулемъ. Нѣтъ! я понялъ этотъ методъ и потому-то именно весьма сожалѣю, что г. Браунъ такъ много потрудился надъ неблагодарной задачей перевода градусныхъ разстояній Птолемея въ стадіи и затѣмъ версты. Если мои соображенія, формулированныя въ моей рецензіи, вѣрны, то изъ нихъ слѣдуетъ съ логической необходимостью, что поступать такъ съ Птолемеемъ *невозможно*. Та предварительная работа, о которой я говорилъ на 521 стр., сдѣлана. Я могу рекомендовать ее вниманію г. Брауна, а именно: *Schwarz*, Der Geograph Claudius Ptolemaeus (*Rheinisches Museum*. 1893, стр. 258 — 274). Шварцъ избралъ именно Египетъ. Свое окончательное сужденіе онъ резюмировалъ въ такихъ словахъ. — Wir können demnach viele Distanzangaben, die wir aus Ptolemaeus gewinnen, als annähernd richtig ansehen—selbstverständlich muss jede Positionsbestimmung zuerst kritisch geprüft werden—annähernd richtig sind sie nur, weil sie (meist) zu klein oder (nur selten) zu gross sind; falsch ist demnach die landläufige Ansicht, als habe P. die von ihm bei seinen Positionsbestimmungen benutzten Land-und Seemasse um einen bestimmten Bruchtheil reducirt. Weil seine Ansätze nur annähernd richtig waren, hat er dieselben auch nur annähernd mit den ihm vorliegenden Massen in Einklang zu bringen gesucht: bei

seinen Ansätzen ist der Schematismus das Dominirende; ist die Länge beziehungsweise Breite eines Ortes mechanisch bestimmt worden, so wird die Breite bezw. Länge desselben nach dem Wegemass annähernd bestimmt; ja in Delta scheint sogar das Wegemass meist unberücksichtigt geblieben, Länge wie Breite der meisten Punkte gleichmässig schematisch bestimmt worden zu sein (стр. 274).

Если такъ обстоитъ дѣло относительно Египта и возможны такія разногласія съ итинераріями, какъ 22,2 киллометра вмѣсто 44,4 (стр. 268), или 92,6 киллометра вмѣсто 74 (стр. 269), то чего же можно ждать относительно странъ варварскихъ, гдѣ и самыя свѣдѣнія о путяхъ были ненадежны и сомнительны? Вотъ почему я считалъ нужнымъ привести изъ книги г. Брауна тотъ примѣръ, гдѣ онъ съ торжествомъ констатируетъ почти полное совпаденіе разстояній (14,4—13 верстъ, 7,1—7, 21,6—21) въ нѣдрахъ Сарматіи по рѣкѣ Каркиниту. Г. Браунъ думаетъ, что я „плохо подобралъ примѣръ". Не знаю, для кого плохо? Конечно, г. Браунъ никоимъ образомъ „не виноватъ въ томъ, что Каланчакъ течетъ не съ сѣвера, или что онъ, по крайней мѣрѣ, на картахъ нашего генеральнаго штаба подходитъ къ морю именно съ востока" (стр. 222); и я повиненъ въ ошибкѣ, когда предположилъ, что интересовавшія г. Брауна селенія расположены по одной столбовой дорогѣ къ западу; но дѣла это ни мало не спасаетъ и несоотвѣтствіе въ направленіи общей линіи этихъ поселеній съ Птолемеевыми городами по Каркиниту остается на лицо.

Что же касается до астрономической основы карты Птолемея, на которой я настаивалъ и продолжаю настаивать, то причина нашихъ недоразумѣній мнѣ теперь нѣсколько яснѣе. Я упрекнулъ г. Брауна въ томъ, что онъ не заглянулъ въ VIII книгу „Географіи" Птолемея. Изъ „отвѣта" я узналъ, что онъ „долго бился какъ разъ надъ VIII книгой, но потомъ совершенно отложилъ ее въ сторону, убѣдившись, что она рѣшительно ничего дать не можетъ, кромѣ обобщенія отношенія параллели къ меридіану 11:20" (стр. 230). Очевидно, эта неудача была причиной не отмѣченнаго мною раньше неправильнаго утвержденія на стр. 348 его книги, будто „астрономическихъ данныхъ у него (т.-е. Птолемея) не было, или вѣрнѣе, онъ имѣлъ таковыя только для двухъ пунктовъ Европы, Массиліи и Византіи". Если г. Браунъ продолжаетъ интересоваться Птолемеемъ, то онъ заглянетъ въ 23 главу I книги Птолемея, сравнитъ данныя 6 главы II книги Альмагеста, разберется въ ученіи о „климатахъ",—

тогда намъ, вѣроятно, не о чемъ будетъ спорить по этому пункту, какъ не возражаетъ мнѣ теперь г. Браунъ и на то, что Мэотида непомѣрно увеличена, благодаря не иному чему, какъ невѣрному астрономическому опредѣленію положенія города Танаида.

Мнѣ остается теперь лишь отвести упрекъ г. Брауна, будто я въ своей рецензіи искажалъ его мысли. Этотъ упрекъ сдѣланъ въ такихъ словахъ.—„Но что скажетъ свѣдущій читатель, если онъ изъ критики профессора Кулаковскаго узнаетъ, что я причисляю лангобардовъ къ восточно германскимъ племенамъ, что я оперирую съ несуществующей готской „формой hrodha", „hrodh", что я „по поводу непомѣрной величины Мэотиды на картѣ Птолемея серьезнымъ тономъ говорю о быстромъ обмелѣніи этого моря". Могу увѣрить читателя, что я никогда такихъ непростительныхъ ошибокъ не дѣлалъ" (стр. 219 — 220). —Въ этой тирадѣ, за которой слѣдуетъ не менѣе внушительное поученіе, г. Браунъ правъ только въ своемъ упрекѣ относительно ошибочнаго включенія мною въ общее перечисленіе вост. германскихъ народовъ—лангобардовъ. Что касается до hrodh— и hrodha, то формами, а не темами (какъ выражался Куникъ, *Каспій*, стр. 434) называетъ ихъ самъ г. Браунъ на стр. 5; что *dh* есть транскрипція, этого никому объяснять не надо, иначе не писали ни Васильевскій, ни Куникъ; семью строками выше я употребилъ выраженіе „постулируемая форма hrōdha" и не прибавилъ поэтому общепринятой звѣздочки, никакъ не допуская мысли, что я кого нибудь этимъ ввожу въ заблужденіе. Въ виду этого я, кажется, не нуждаюсь и въ томъ извиненіи, которое мнѣ даетъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту отвѣта г. Браунъ. А что касается до обмелѣнія Мэотиды, то я долженъ привести цитату, которая меня оправдаетъ.

Стр. 236—„Вдаваться въ разборъ сѣвернаго побережья Азовскаго моря, мы не станемъ: это было бы совершенно безполезный трудъ. Примирить показанія древнихъ о Мэотидѣ съ современной картиной Азовскаго моря нѣтъ никакой возможности, по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, быстрое обмелѣніе этого моря приводитъ еще теперь, на нашихъ глазахъ, къ значительнымъ и очень замѣтнымъ измѣненіямъ береговой линіи, *особенно въ сѣверовосточной ея части* (курсивъ мой). Это явленіе было замѣчено уже древними, такъ что напримѣръ Аристотель Meteorol. 1,14,29 предвидитъ то время, когда Мэотида исчезнетъ, и Донъ будетъ впадать непосредственно въ Черное море. Но мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить размѣры измѣненій, происшедшихъ со временъ грековъ до нашихъ дней.

„Во-вторыхъ Меотида вообще мало посѣщалась греками“ и т. д. Полагаю, что я оправдался словами самого г. Брауна.

Въ заключеніе не могу не выразить сожалѣнія о томъ, что г. Браунъ далъ своему отвѣту такой неудобный для ученаго спора тонъ. Если онъ дорожитъ истиной, то ему слѣдовало принять мои возраженія, какъ поправки на поприщѣ его разысканій и изслѣдованій. Но онъ настолько обидѣлся, что даже свои собственныя слова, приведенныя мною, принялъ за обиду себѣ. Онъ сообщилъ въ предисловіи, что предполагалъ сначала дать обозрѣніе разсматриваемыхъ имъ въ этомъ I томѣ вопросовъ въ небольшой главѣ—„болѣе или менѣе компилятивнаго характера“ (стр. VI). Въ заключеніе своей рецензіи я позволилъ себѣ высказать, что было бы лучше, если бы авторъ „обозрѣлъ вопросы о началахъ готовъ въ небольшой главѣ компилятивнаго характера“, и поскорѣе выступилъ на поприще изслѣдованія „гото-славянскихъ отношеній“, гдѣ бы онъ могъ шествовать по тому пути, который онъ считаетъ единственно надежнымъ, т.-е. лингвистики.— Приведя эти мои слова, г. Браунъ дѣлаетъ непонятное для меня замѣчаніе.—„Онъ (т.-е. я, его рецензентъ), очевидно, думалъ о своихъ „Аланахъ“ (Кіевъ. 1899), книгѣ, носящей компилятивный характеръ, но весьма полезной. Но имѣю ли я право ставить кому бы то ни было въ вину, что онъ на меня не похожъ? Между тѣмъ это именно дѣлаетъ проф. Кулаковскій, хотя онъ по опыту знаетъ, что можно работать и такъ (Аланы), и иначе (Коллегіи въ древнемъ Римѣ. 1882)“ (стр. 224).

Совершенно не понимаю, зачѣмъ понадобилось здѣсь упоминать о моихъ „Аланахъ“—(а тѣмъ болѣе—о „коллегіяхъ“)—прежде всего потому, что здѣсь допущено какое-то странное недоразумѣніе относительно общепринятаго и простого термина „компиляція“. Кажется, до сихъ поръ принято было называть компиляціей изложеніе выводовъ, установленныхъ въ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ другими. Я и полагалъ, что если г. Браунъ предполагалъ дать компилятивный характеръ обзору древнѣйшихъ судебъ готовъ, то онъ хотѣлъ представить общій обзоръ добытыхъ другими результатовъ объ исторической судьбѣ готовъ отъ начала ихъ исторіи, чтобы приступить затѣмъ къ самостоятельному изслѣдованію, на основаніи данныхъ языка, вліянія, оказаннаго готами на славянъ и прежде всего русскихъ. Такъ какъ онъ былъ бы тамъ несомнѣнно сильнѣе, чѣмъ въ вопросахъ о Геродотѣ, Птолемеѣ и судьбахъ скиѳскихъ пустынь, то я и высказалъ bona fide свое сожалѣніе, что онъ поступилъ иначе. Имѣть въ виду

своихъ „Аланъ“ я не могъ уже и потому, что это вовсе не компиляція, а самостоятельное сведеніе матеріала древнихъ писателей объ этомъ народѣ въ хронологической послѣдовательности свидѣтельствъ съ ихъ посильной критикой и освѣщеніемъ. Ставить себя въ примѣръ г. Брауну я не имѣлъ въ виду и имѣть не могъ, такъ что онъ напрасно упрекаетъ меня въ этомъ, какъ совершенно напрасно отрицается, что далъ „этимологію“ имени Торгаевка, когда сблизилъ ее съ Птолемеевымъ городомъ Τόροκκα: вѣдь именно у лингвистовъ принято называть „этимологіей“ разъясненіе происхожденія слова.

Юліанъ Кулаковскій.

Книжныя новости.

И. С. Бѣляевъ. Купеческія родословныя, какъ историческій источникъ. Чухломцы посадскіе люди Юдины. М. 1900. Стр. 44.

Вышеназванная брошюра г. Бѣляева представляетъ собою распространенный докладъ, прочитанный имъ въ Археологической комиссіи при Московскомъ Археологическомъ обществѣ о результатахъ его поисковъ въ Архивѣ министерства юстиціи, которые были предприняты имъ „по просьбѣ“ Г. В. Юдина. Послѣдній могъ назвать самаго древняго изъ своихъ предковъ Михаила, жившаго въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Г-ну же Бѣляеву посчастливилось по писцовымъ книгамъ гор. Чухломы отыскать и болѣе раннихъ предковъ и старѣйшаго изъ нихъ „Ивана Июдина“, упоминаемаго подъ 1613 г. Называя потомковъ его, авторъ разсматриваемой брошюры сообщаетъ и всѣ біографическія свѣдѣнія о нихъ, которыя только ему удалось добыть. Кромѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ отъ пользовался ландратскими книгами, „ревизскими сказками“, документами изъ чухломскихъ: воеводской канцеляріи, уѣзднаго суда и городоваго магистрата. Въ общемъ и по темѣ, впервые затрагиваемой послѣ г. Найденова, и по матеріаламъ брошюра г. Бѣляева имѣетъ немалое историко-юридическое значеніе; но послѣднее было бы еще больше, если бы авторъ ея воздержался отъ своихъ нѣкоторыхъ „заключеній“ (какъ, напримѣръ, на стр. 43—44) и повелъ дѣло изученія источниковъ на болѣе научныхъ основаніяхъ, какъ ему справедливо замѣтилъ и рецензентъ „Вѣстника Права“ (1900 г., № 8, „Литературное Обозрѣніе“).

Кубанскій сборникъ. Труды Кубанскаго областнаго статистическаго комитета, издаваемые подъ редакціей *С. В. Руденко.* Томъ VI и VII. Екатеринодаръ. 1900.

Вышеназванный „Сборникъ“, издаваемый еще сравнительно недавно, успѣлъ уже обратить на себя вниманіе печати. Въ немъ постоянно при многочисленныхъ современно-статистическихъ данныхъ сообщались историческія, этнографическія и другія свѣдѣнія о краѣ. Точно также послѣдними богаты

и разсматриваемые нами томы и особенно VII. Изъ многихъ ихъ историко-этнографическихъ статей наибольшее вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія. Во-первыхъ, статья Л. М. Мельникова, „Иногородніе въ Кубанской области", къ которой довольно серьезнымъ дополненіемъ являются: „Историческая справка объ иногородныхъ въ Кубанской области по документамъ, извлеченнымъ изъ дѣлъ Кубанскаго войсковаго архива" и „Историческіе документы, относящіеся къ положенію иногородныхъ въ Черноморскомъ (нынѣ Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ", и извлеченные преимущественно изъ Кубанскаго областного архива и изъ Владикавказскаго центральнаго архива (въ VII т.). „Справка" и „Историческіе документы" составлены и собраны г. В. Шамраемъ. Затѣмъ, не безынтересна статья г. П. Короленко—„Предки кубанскихъ казаковъ на Днѣпрѣ", въ которой авторъ, считая ближайшими предками кубанскихъ казаковъ запорожцевъ, сообщаетъ о послѣднихъ, на основаніи печатныхъ источниковъ и архивныхъ матеріаловъ, не мало данныхъ за тотъ періодъ ихъ жизни, который еще „не затронутъ" историкомъ Запорожской Сѣчи, Д. И. Эварницкимъ, а именно „со времени перехода запорожскихъ казаковъ изъ подъ турецкаго владычества въ русское подданство и до раззоренія ихъ Сѣчи на Днѣпрѣ, въ 1775 году". Данныя эти касаются преимущественно правъ, какими пользовались запорожцы, ихъ службы, внутренняго распорядка и разныхъ столкновеній съ татарами, поляками и русскими поселенцами. При всемъ интересѣ и точности сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній, нельзя не упрекнуть его въ нѣкоторой необработанности изложенія, въ излишней мѣстами словоохотливости, въ не совсѣмъ полномъ и точномъ знакомствѣ съ печатными источниками и въ допущеніи множества опечатокъ. Цитируя, напримѣръ, слова проф. Д. И. Багалѣя, онъ неправильно пишетъ его имя—„Багалей", не называетъ сочиненія, откуда заимствуетъ свою цитату; говоря о соловецкихъ колодникахъ, не упоминаетъ обстоятельнаго очерка М. А. Колчина, „Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вѣкахъ" (въ „*Русской Старинѣ*", 1887 г.). Къ царствованію Анны Іоанновны относитъ существованіе какой-то „Конференсіи министровъ" и „Министерства" (стр. 37), вѣдавшаго сношенія съ запорожскими казаками, и проч.

Въ небольшой статейкѣ подъ заглавіемъ: „Двѣ странички изъ исторіи запорожцевъ", г. П. Короленко говоритъ о Лже-царевичѣ Симеонѣ и его сношеніяхъ съ запорожцами и о запорожцахъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Въ статейкѣ собраны почти всѣ данныя изъ прежнихъ и новыхъ печатныхъ источниковъ.

Наконецъ, въ „Матеріалахъ для біографіи кошеваго атамана черноморскаго войска Захарія Алексѣевича Чепѣги", собранныхъ г. Е. Д. Филицынымъ, находимъ новыя данныя объ этомъ весьма важномъ дѣятелѣ въ Кубанскомъ краѣ („матеріалы" составляютъ шесть грамотъ „за собственноручной подписью" императрицы Екатерины II, ордера Г. А. Потемкина, князя Прозоровскаго, Шувалова и М. Коховскаго, подорожныя, аттестаты и указы бывшаго правителя Черноморскаго войска).

Заключительными статьями того и другого изъ разсматриваемыхъ томовъ являются библіографическіе указатели литературы о Кубанской области, Кубанскомъ казачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи по отдѣламъ: географіи, этнографіи, статистики, естествознанія, медицины, сельскаго и

городского хозяйства, промышленности и торговли. Наиболѣе полно исчерпаны тутъ, конечно, лишь мѣстныя изданія.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1901 г. Вятка. 1900. 167+411+210 стр. Цѣна 1 р. 25 к.—Въ почтенномъ вятскомъ изданіи, вступившемъ въ 22-й годъ своего существованія, помѣщенъ, по обыкновенію, большой статистическій и справочный отдѣлъ, офиціальный отчетъ о состояніи губерніи въ 1899 г., подробный адресъ-календарь и рядъ оригинальныхъ статей, преимущественно историческаго содержанія. Изъ нихъ капитальное значеніе имѣетъ написанная А. Буевскимъ (псевдонимъ) біографія вятскаго архіепископа Алексія Титова (1719—1733 г.), тайнаго благожелателя царевича Алексѣя Петровича и перваго просвѣтителя вотяковъ, представляющая собственно вводный эпизодъ въ излѣдованіе автора о преосвященномъ вятскомъ Лаврентіи Горкѣ (см. Календари на 1899 и 1900 г.), преемникѣ архіепископа Алексія по каѳедрѣ. Какъ и все изслѣдованіе, статья блещетъ широкою начитанностью автора и щеголяетъ тщательнымъ подборомъ и тонкой оцѣнкой мельчайшихъ фактовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неотразимою аргументаціей. Въ высокой степени поучительна та бережность и вниманіе, съ какими г. Буевскій относится къ малѣйшимъ точнымъ фактамъ, ставшимъ ему извѣстными; оцѣнитъ эту бережность тотъ, кто знаетъ, какихъ трудовъ стоитъ собираніе подобныхъ фактовъ. Замѣтимъ въ интересахъ дѣла, что нѣкоторые дополнительные матеріалы для исторіи епископа Алексія имѣются въ дѣлахъ Кабинета Петра Великаго (Государственный архивъ). Значительная по объему статья г. Наумова: „Начало XVII вѣка въ Вятской области“ (стр. 172—220) представляетъ собою не болѣе какъ распространенный пересказъ извѣстныхъ актовъ, дополненный произвольными догадками тамъ, гдѣ не достаетъ матеріала, и вообще изложена въ духѣ старой мѣстной исторіи Васильева и Бехтерева, не имѣющей въ настоящее время никакого значенія. Очень полезна для справокъ „Хроника общественной жизни Вятской губерніи“ за 1900 годъ (стр. 167—195) и полна интереса статья г. Эргина (Ергина?) о значеніи Пермь-Котласской желѣзной дороги для Вятскаго края. Совершеннымъ балластомъ изданія является статья: „Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края“, подкупающая живостью изложенія, но крайне не строгая по отношенію къ матеріалу.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ XII. Москва 1900.—Какъ и предыдущій томъ, настоящій выпускъ „Древностей“, издаваемыхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ отчеты о дѣятельности Общества и протоколы его засѣданій, на этотъ разъ за 1893—1896 гг. Главнѣйшими предпріятіями Общества за это время были: устройство Виленскаго Археологическаго Съѣзда, экспедиція на Кавказъ для отысканія клинообразныхъ надписей, экспедиція Нефедова въ сѣверо-восточныя губерніи, ходатайство о передачѣ нѣкоторыхъ предметовъ изъ Архангельскаго собора въ патріаршую ризницу и въ Историческій музей и упорядоченіе библіотеки Общества. Въ 1895 г. рѣчью проф. В. Ф. Миллера почтено

было исполнившееся десятилѣтіе предсѣдательства въ Обществѣ графини П. С. Уваровой и въ томъ же году горячо привѣтствовано назначеніе ея почетнымъ членомъ Императорской Академіи Наукъ. Въ приложеніяхъ къ протоколамъ имѣютъ наибольшій интересъ представленныя графинею Уваровою обозрѣнія нѣкоторыхъ западно-европейскихъ памятниковъ древности (особенно же описаніе коллекцій Бреславльскаго музея и изданій Тріестскаго ученаго общества) и попытка г. Иванова событія половецкаго похода 1185 г. пріурочить не къ южной, а къ сѣверной части степи. Внѣ протоколовъ помѣщена лишь одна статья, именно отчетъ г. Городцова объ археологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ по порученію Общества въ долинѣ р. Оки въ 1897 г. (стр. 1—37). Важнѣйшія раскопки произведены были въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи на Ѳедяшевскомъ городищѣ и въ курганахъ той же мѣстности. Городище дало небольшое собраніе вещей, которыя указали на одновременность его культуры съ древностями извѣстнаго Дьякова городища подъ Москвою. Весьма интереснымъ оказался валъ городища. Онъ былъ сооруженъ на двухъ небольшихъ валахъ, укрѣпленныхъ настилкою изъ камней, и состоялъ изъ нѣсколькихъ слоевъ обожженной глины. Въ Россіи укрѣпленія такого типа встрѣчены еще впервые. Не можемъ согласиться съ опредѣленіемъ времени Ѳедяшевскаго городища, даннымъ г. Городцовымъ (VI вѣка), и относимъ его приблизительно къ VIII вѣку; точно также не можемъ согласиться съ мнѣніемъ изслѣдователя о непрерывномъ обитаніи городища до сравнительно поздней поры. Изслѣдованные г. Городцовымъ курганы, по всей вѣроятности, относятся къ древнѣйшей культурѣ городища. Въ нихъ оказались остатки трупосожженій, помѣщенные въ насыпяхъ необыкновеннымъ, до сихъ поръ не наблюдавшимся пріемомъ: остатки сожженія сложены въ большихъ деревянныхъ ящикахъ, устроенныхъ подъ насыпями на материкѣ и имѣвшихъ заложенное камнями отверстіе наружу, чрезъ которое можно было туда же помѣщать новыя погребенія. Въ одномъ изъ кургановъ сожженныя кости помѣщались въ сосудѣ, накрытомъ значительною пирамидою изъ камней, въ другомъ найдена какая-то огромная глиняная чаша или прямо бассейнъ, прикрытый накатомъ изъ бревенъ и слоемъ обожженной глины. Жаль, что къ отчету г. Городцова не приложено рисунковъ разрѣза вала Ѳедяшева городища и изображеній найденныхъ въ курганахъ вещей, тѣмъ болѣе важныхъ, что ихъ немного. Любопытно описанное въ статьѣ г. Городцова Муроминское городище, оригинальной формы. Это небольшой городокъ, расположенный на краю обрыва и огражденный съ другой стороны тремя спускающимися внизъ полукруглыми валами. Такихъ городищъ въ долинѣ р. Оки извѣстно уже нѣсколько. Время и назначеніе ихъ остаются неизвѣстными. Томъ заканчивается протоколами комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за тѣ же 1893—1896 гг.

•

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ 1901 г.

— *Израилевъ, Аристархъ.* Протоіерей. Ростовскій Ярославской губерніи Рождественскій третьеклассный женскій монастырь. С.-Пб. 1899. 31 стр.

— *Шпилевскій, С. М.* Великій князь смоленскій и ярославскій Ѳе-

доръ Ростиславичъ Черный. Рѣчь въ день шестисотлѣтія годовщины смерти Ѳедора, 19-го сентября 1899 г. Изданіе Ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Ярославль 1899. 33 стр. Цѣна 25 к.

— Матеріалы для каталога Пушкинской юбилейной выставки въ городѣ Ярославлѣ 26-го—28-го мая 1899 г. Изданіе Ярославской ученой архивной комиссіи. Ярославль 1899. 49 стр. Цѣна 30 коп.

— Ярославская губернская ученая архивная комиссія. Засѣданіе 14-го ноября 1899 г. въ день завершившагося десятилѣтія дѣятельности комиссіи. Ярославль 1899. 28 стр.

— Отчетъ о дѣятельности Ярославской губернской ученой архивной комиссіи за 1899 г. Ярославль 1900. 31 стр.

— Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Книга 3-я. Выпускъ первый. Подъ общей редакціей предсѣдателя комиссіи *Э. Н. Берендтса.* Ярославль 1899. III+301 стр.

— *Бокъ, К. Э.*, проф. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга и руководитель семьи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей доктора *С. Б. Орѣчкина.* Съ многими политипажами и таблицами въ краскахъ. Томъ II. Половина I. С.-Пб. 1899. Отъ 641 до 960 стр. Томъ II. Половина II. (Конецъ). С.-Пб. 1900. II+отъ 961 до 1276 стр. Цѣна по подпискѣ за 4 полутома 4 р. (Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*).

— Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей *В. К. Трутовскаго.* Томъ восемнадцатый съ 1 фототипической таблицей и 8 рисунками въ текстѣ. Москва 1901. IV+285+XXVI.

— *Gebauer, Jan.* Slovník staročesky. Vydávají česká Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění a česká grafická společnost „Unie". V Praze 1901. Nákladem české grafické společnosti „Unie", Sešit 1. Cena K. 4.

— Человѣкъ и животныя. Ежемѣсячный и иллюстрированный журналъ. Годъ 1-й, № 1. Январь 1901 г. С.-Пб. 1901.

— Отчетъ о дѣятельности комиссіи народныхъ чтеній при Русскомъ литературномъ кружкѣ въ гор. Ригѣ за 1899—1900 годъ (9-й годъ). Рига 1900. 32 стр.

— *Розановъ, В. В.* Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго. С.-Пб. 1901. 271 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Бёклей, А.* Жизнь и ея дѣти. Москва 1901. VIII+295 стр. Цѣна 2 р. Изданіе *М.* и *С. Сабашниковыхъ.*

— *Гурляндъ, И. Я.* Акты города Романово-Борисоглѣбска, 1627—1690 г. Ярославль 1901. IV+36 стр. Цѣна 30 коп.

— *Его же.* Акты Романовской Ямской слободы 1587—1707 гг. Ярославль 1901. IV+45 стр. Цѣна 50 коп.

— *Его же.* Роспись какіе города въ какомъ приказѣ вѣдомы. (Матеріалы для исторіи приказовъ XVII вѣка). Ярославль 1901. 9 стр. Цѣна 15 к.

— Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1900 г. 70-й годъ существованія. Одесса 1901.

— *Успенскій, Ѳ. И.* Исторія крестовыхъ походовъ. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ-Ефронъ". С.-Пб. 1901. 169 стр. Цѣна 75 коп. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Корелинъ, М. С.* Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской Имперіи). Изданіе 2-е. Изданіе Акціонернаго Общества „Брокгаузъ-Ефронъ". С.-Пб. 1901. VIII+169 стр. Цѣна 75 коп. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время. Изданіе подъ редакціей *Н. И. Карѣева* и *И. В. Лучицкаго*).

— *Карѣевъ, Н.* Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1901. V+169 стр.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1899 г. С.-Пб. XXXI+129 стр.

— *Васильевъ. А.* Университетъ и національное воспитаніе. Казань 1901. 13 стр.

— *Пергаментъ, О. Я.* Приданое по бессарабскому праву. Опытъ комментарія законовъ Арменопула и Донича. Одесса 1901. 145 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа на 1901 годъ. Часть I. Кіевская губернія. XII+241+71 стр. Часть II. Подольская губернія. XII+140 стр. Часть III. Волынская губернія. XII+197 стр. Часть IV. Черниговская губернія. XII+253 стр. Часть V. Полтавская губернія. XII+328 стр. Изданіе Управленія учебнаго округа. Кіевъ 1901.

— Краткій отчетъ о состояніи Уральскаго войскового реальнаго училища за 1899—1900 учебный годъ. Казань 1901. 26+63 стр.

— *Васильевъ, А. А.* Византія и арабы. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время аморійской династіи. С.-Пб. 1900. XI+210+182 стр.

— *Мсеріанцъ, Левонъ.* Этюды по армянской діалектологіи. Часть II, выпускъ I. Сравнительная морфологія мушскаго діалекта въ связи съ морфологіей грабара и средне-армянскаго. Москва 1901. XXI+186 стр.

— Арабъ филологъ о турецкомъ языкѣ. Арабскій текстъ издалъ и снабдилъ переводомъ и введеніемъ *П. М. Меліоранскій.* С.-Пб. 1900. LXXXIV+122+85 стр. Цѣна 3 р.

— Труды Пермской ученой архивной комиссіи. Издаются подъ редакціей *А. А. Дмитріева.* Выпускъ IV. Пермь 1901. 160 стр.

— *Скотакъ, А.* Гимнастическія игры. Руководство для веденія подвижныхъ игръ въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 70-ю рисунками. Тифлисъ 1901. VIII+267 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

— *Дебольскій, В. Н.* Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. С.-Пб. 1901 35 стр.

— Девятнадцатый вѣкъ. Обзоръ науки, техники и политическихъ событій. Подъ редакціей *М. М. Филиппова* съ 300 портретами выдающихся ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, композиторовъ и государственныхъ дѣятелей. С.-Пб. 1901. 425+XIX стр. Цѣна 2 р.

— Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Ноябрь—декабрь 1900 г. Съ 643—765 стр. Томъ XI, приложенія, 233 стр. С.-Пб. 1901.

— Сирія, Ливанъ и Палестина по В. Книпе. Выпускъ III. Сирійскій вилаетъ. С.-Пб. 1900. 151 стр. (Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества).

— *Мережковскій, Д. С.* Христосъ и антихристъ въ русской литературѣ. Л. Толстой и Достоевскій. Изданіе журнала „Міръ Искусства". С.-Пб. 1901. 367 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

— *Герцъ, К. К.* Собраніе сочиненій, изданное Императорскою Академіею Наукъ на средства капитала имени проф. К. К. Герца. Выпускъ 9-й: критическія и библіографическія статьи. С-.Пб.

— *Шмидъ, Г. К.* Иванъ Бохъ въ Москвѣ въ 1578 году. С.-Пб. 1901. 9 стр. Цѣна 20 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ V, № 3).

— *Westberg, Friedrich.* Die Fragmente des Thoparcha Goticus (Anonymus Tauricus) aus dem 10 Jahrhundert. Mit 10 Tafeln. С.-Пб. 1901. 126 стр. Цѣна 1 р. 50 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ V, № 2).

— *Belopolsky, A.* Bearbeitung der in Pulkovo erhaltenen Spectrogramme von dem Spectral-doppelstern L' Geminorum. Mit 3 Holzschnitte. С.-Пб. 1900. 111 стр. Цѣна 2 р. (Записки Императорской Академіей Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI, № 4).

— *Кулябко, А. А.* Къ ученію о контрактурѣ, съ 2-мя таблицами міограммъ. С.-Пб. 1901. 30 стр. Цѣна 1 р. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XI, № 5).

— *Ярмонкинъ, В.* Письма идеалиста. Девятое письмо. С.-Пб. 1901. Отъ 275—292 стр.

— Положеніе 1874 года о начальныхъ народныхъ училищахъ въ связи съ инструкціей инспекторамъ 1871 г., проектомъ наказа училищнымъ совѣтамъ и нѣкоторыми другими законоположеніями. С.-Пб. 1901. 166 стр. Цѣна 1 рубль.

— Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1900 г. Минусинскъ 1901. 33 стр.

— Каталогъ библіотеки Минусинскаго музея. Сибирскій отдѣлъ. Sibirica. Красноярскъ 1901. 82 стр.

— *Musić, d-r, August.* Rečenice s konjunkcijom „da“ u hrvatskom jeziku. (Preštampano iz 142 knijige „Rada“ Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosci). U Zagrebu. 125 стр.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1900 г., съ приложеніями. Москва 1901. 61 стр.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1900 г., представленный и. д. директора музеевъ г. министру народнаго просвѣщенія. Москва 1901. 87+4 стр.

— Общество для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ. (Основано 4-го октября 1878 г.). Отчетъ за 1899—1900 г. С.-Пб. 1900. 132 стр.

— Отчетъ Воронежской публичной библіотеки и ея филіальныхъ отдѣленій имени А. В. Кольцова и И. С. Никитина въ Воронежѣ и отдѣленіяхъ въ гор. Бобровѣ за 1900 г. 37-й годъ существованія. Воронежъ 1901. 39+22 стр.

— *Герасимовъ, А. Г.* Подарокъ неизгнаннаго неба „рожок—сам—гудок“ или новыя пѣсни, новыя рѣчи, новая грамота. Москва 1901. 73 стр. Цѣна 50 коп.

— *Локіеръ Н.* Спектроскопъ и его примѣненія. Общедоступное введеніе въ спектральный анализъ. Переводъ *С. Займовскаго.* Редактировалъ и дополнилъ очеркомъ „О новѣйшемъ развитіи спектральныхъ изслѣдованій“. *В. А. Михельсонъ.* Съ 85 рис. въ текстѣ и тремя цвѣтными спектральными таблицами. Москва 1901. XX+230 стр. Цѣна 1 р. 75 к. Изданіе Товарищества *И. Д. Сытина.* (Библіотека самообразованія. XXI).

— *Лоренцъ, Г.* Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа *В. П. Шереметевскаго.* Томъ второй. Москва 1901. XXII+595 стр. Цѣна 2 р. 50 коп. (Библіотека для самообразованія. XIV).

— *Карѣевъ, Н. И.* Учебная книга древней исторіи съ историческими картами. С.-Пб. 1901. 309 стр. Цѣна 1 р. 20 коп.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

А. Я. Гердъ. Учебникъ географіи. Части вторая и третья. Азія, Африка Америка и Австралія. Изданіе второе, исправленное. Съ 12-ю картами и 72 рисунками въ текстѣ. Спб. 1899. Стр. II+218+III. Цѣна 1 рубль.

Въ новомъ изданіи учебника А. Герда внѣевропейскимъ странамъ удѣляется *одна* книжка, а не двѣ, какъ раньше. Соединеніе обѣихъ частей произведено чисто механически: части свѣта обозрѣваются не въ томъ порядкѣ, который показанъ на заглавной страницѣ, а такъ же, какъ и въ первомъ изданіи: послѣ Азіи—Австралія; даже оглавленіе перепечатано безъ перемѣнъ, вслѣдствіе чего въ немъ опущенъ заголовокъ „Азія". Въ содержаніи, сравнительно съ первымъ изданіемъ, немного перемѣнъ; текстъ нигдѣ не подвергнутъ сокращеніямъ и остается попрежнему слишкомъ обширнымъ для прохожденія въ теченіе одного года при двухъ недѣльныхъ урокахъ: въ первомъ изданіи было 98+124 стр., въ новомъ—218 страницъ, т. е. почти ровно столько же; разница въ 4 страницы объясняется иною версткою.

Бо̀льшая часть текста перепечатана съ перваго изданія строчка въ строчку. Поэтому говорить объ этомъ изданіи, какъ о новой работѣ, совершенно невозможно. Остались всѣ тѣ достоинства и недостатки, которыми и раньше отличался учебникъ А. Я. Герда: тотъ же хорошій языкъ въ изложеніи и то же многословіе, то же чрезмѣрное количество естественно-историческаго матеріала, то же обиліе отступленій историческаго, лингвистическаго и политическаго характера, которыя замѣчались въ предыдущемъ изданіи. Остались и всѣ тѣ мелкія погрѣшности, которыя были указаны въ отзывахъ о первомъ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

изданіи. Перечисленіе и описаніе растеній и животныхъ занимаетъ очень много мѣста: въ общемъ очеркѣ Азіи (съ рисунками) 11 страницъ, при чемъ, кромѣ того, нѣкоторые очерки о флорѣ и фаунѣ повторяются и при обзорѣ отдѣльныхъ государствъ Азіи. Свѣдѣнія эти нерѣдко очень подробны, напримѣръ:

На стр. 9 и 104 разсказывается о томъ, какими рождаются дѣтеныши у сумчатыхъ животныхъ.

На стр. 106 говорится о вылупливаніи и вскармливаніи дѣтенышей у птицезвѣрей.

Во всѣхъ обзорахъ флоры и фауны даются описанія внѣшности и образа жизни животныхъ и т. д.

Наряду съ естественно-историческими свѣдѣніями очень много свѣдѣній собственно историческихъ: цѣлая страница (69) удѣлена обзору отношеній Японіи къ европейцамъ, въ обозрѣніи Америки разсказывается о ходѣ заселенія страны съ хронологическими данными (стр. 197), говорится объ ацтекахъ и Кортесѣ (стр. 207), объ инкахъ и Пизарро (стр. 215), объ индо-европейцахъ сообщается (стр. 35), что они сначала кочевали на Памирѣ и говорили по-санскритски(?!). По поводу австралійцевъ имѣется лингвистическое отступленіе объ обозначеніи ими именъ числительныхъ (стр. 113).

Сверхъ того, встрѣчаются свѣдѣнія по исторіи географіи, какъ-то: указанія на научныя экспедиціи, замѣчательныя путешествія и т. п. Такъ, напримѣръ:

На стр. 16 говорится о французской экспедиціи по р. Камбоджѣ.

На стр. 65 упоминается Марко Поло.

На стр. 193 говорится о Мэкъ-Клюрѣ и т. д.

Конечно, всѣ эти упоминанія небезполезны, но именно они увеличиваютъ объемъ учебника и отвлекаютъ вниманіе учениковъ отъ географическаго матеріала, который, прежде всего, подлежитъ изученію.

Неумѣстны также въ учебникѣ ссылки на мнѣнія того или иного ученаго, напримѣръ:

На стр. 90 въ обязательномъ текстѣ дѣлается ссылка на сочиненія Уэлеса (Уоллеса).

Геологическія свѣдѣнія въ учебникѣ А. Я. Герда приводятся иногда слишкомъ рѣшительно, а иногда въ такой формѣ, что могутъ затруднить не только ученика, но и учителя. Такъ, напримѣръ:

На стр. 12 говорится объ измѣненіи климата Африки въ теченіе „историческаго времени“. Въ данномъ случаѣ терминъ „историческое

время" для 11—12-тилѣтнихъ учениковъ непонятенъ; кромѣ того, по поводу этихъ измѣненій о высохшемъ морѣ авторъ, на стр. 12, переводитъ названіе „Ханъ-хай"—восточное море, а на стр. 54—высохшее море.

Также непонятно указаніе, хотя и въ примѣчаніи на стр. 203, на „одну изъ сравнительно недавнихъ геологическихъ эпохъ".

Сохранились въ новомъ изданіи не однѣ лишь общія несообразности, но и мелкія ошибки перваго изданія:

Стр. 4—5—мысъ Телушкинъ вмѣсто Челюскинъ.

Стр. 5—Таймурскій полуостровъ вмѣсто Таймырскій.

Стр. 79—Гайдерабадъ или Низамъ, но низамъ есть титулъ раджи Гайдерабада, а не второе названіе города и т. п.

Удержаны и малопоучительные анекдотическіе факты, какъ, напримѣръ, о зубѣ Будды (стр. 84).

Во второмъ исправленномъ изданіи встрѣчается много мѣстъ, доказывающихъ, что исправитель книги не имѣлъ никакого понятія объ учебныхъ потребностяхъ среднихъ учебныхъ заведеній; такъ, напримѣръ, всѣ измѣренія земной поверхности обозначены въ неудобныхъ для запоминанія квадратныхъ километрахъ, а всѣ обозначенія вертикальныхъ протяженій приводятся попрежнему въ футахъ, саженяхъ и верстахъ. Цифры для городовъ приводятся съ точностью до единицъ.

Далѣе, вмѣсто того, чтобы сократить излишнія историческія данныя перваго изданія, исправитель еще болѣе расширилъ ихъ и придалъ имъ характеръ разъясненія политическихъ отношеній державъ.

Особенно характерна прибавка на стр. 71, гдѣ говорится, что послѣ войны 1894—95 г. „благодаря вмѣшательству европейскихъ державъ: Россіи, Франціи и Германіи, Японія не получила ничего, кромѣ контрибуціи и острова Формозы". Къ чему такія свѣдѣнія ученикамъ II класса?

Японцамъ вообще посчастливилось въ новомъ изданіи: объ успѣхахъ ихъ въ усвоеніи европейской культуры и о конституціи у нихъ говорится въ двухъ мѣстахъ, на стр. 38 и 69—70 новаго изданія, о взятіи ими Формозы на стр. 66—71.

Въ обзорѣ Африки исправлены или вѣрнѣе подновлены нѣкоторыя свѣдѣнія изъ политической географіи, но и здѣсь есть странности. Напримѣръ:

На стр. 151 сказано: „Въ настоящее время англо-египетское войско уже осадило Хартумъ". Къ чему было упоминать въ учебникѣ о фактѣ еще не выяснившемся въ моментъ печатанія книги?

Какъ видно изъ вышеуказанныхъ фактовъ, исправленіе учебника А. Я. Герда не можетъ считаться работою законченною съ появленіемъ второго изданія. Тѣ исправленія, которыя мы находимъ въ настоящемъ изданіи, не заслуживаютъ того, чтобы ихъ можно было назвать улучшеніемъ учебника. Всѣ недостатки, которыми учебникъ отличался раньше, сохранились и теперь.

Къ этому надо прибавить, что книга напечатана недостаточно четкимъ шрифтомъ.

1) Краткая нѣмецкая грамматика. Элементарный курсъ. Составилъ *И. Бахъ.* Kurzgefasste deutsche Grammatik. Elementar—Kursus. Bearbeitet und mit Übungsaufgaben versehen von *I. Bach.* Riga. 1900. Стр. VII + 76. Цѣна въ папкѣ 30 коп.

2) Нѣмецкая книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. *И. Бахъ.* Deutsches Lesebuch für Schule und Haus. Herausgegeben und mit Übungsaufgaben versehen von *I. Bach.* Erster Teil, die Fibel. Zweite Auflage. Riga. 1900. Стр. 48. Цѣна въ папкѣ 20 коп.

3) То же. Zweiter Teil. Zweite erweiterte Auflage. Riga. Стр. IV + 170. Цѣна въ папкѣ 45 коп.

1) Изъ предисловія къ первой изъ вышепоименованныхъ книжекъ мы усматриваемъ, что она авторомъ предназначается не только для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, но также для начальныхъ школъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства и принимая во вниманіе, что многіе ученики въ начальной школѣ заканчиваютъ свое образованіе, авторъ нашелъ нужнымъ представить въ своей краткой нѣмецкой грамматикѣ „нѣчто цѣльное и законченное, дабы ученикъ выпесъ изъ школы не безсвязныя понятія, но систематическія, хотя и краткія грамматическія познанія". Для этой цѣли въ предлагаемомъ учебникѣ и сообщается, хотя въ сокращенномъ видѣ, главное изъ грамматики, т. е., ученіе о предложеніи, о частяхъ рѣчи и о словообразованіи. Болѣе подробно разсматриваются лишь глаголъ и имя существительное, такъ какъ, по мнѣнію составителя краткой грамматики, правильное знаніе нѣмецкаго языка требуетъ болѣе основательнаго знакомства съ формами именно этихъ частей рѣчи. Планъ, котораго, въ отличіе отъ большинства издаваемыхъ въ настоящее время школьныхъ грамматикъ, держался авторъ при составленіи своего учебника, состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что этимологія и синтаксисъ разсматриваются не отдѣльно, но поскольку возможно, въ связи между собою. Такому пріему авторъ приписываетъ большое значеніе съ одной стороны потому, что

слово, какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду, получаетъ свое значеніе только въ предложеніи, а съ другой стороны самое преподаваніе по этому методу будетъ болѣе оживленнымъ и успѣшнымъ и предохранитъ ученика отъ чисто механическаго заучиванія грамматическихъ правилъ. Такой взглядъ автора на методъ преподаванія грамматики въ начальной школѣ, а также и въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мы находимъ вполнѣ правильнымъ. Далѣе, грамматическія правила, которыя необходимо знать ученику, въ учебникѣ г. Баха выводятся изъ примѣровъ, всегда вполнѣ доступныхъ пониманію учениковъ. Кромѣ этихъ примѣровъ и выводимыхъ изъ нихъ грамматическихъ правилъ, въ книжкѣ даются задачи и упражненія, содержащія практическое примѣненіе выведенныхъ правилъ и служащія къ закрѣпленію этихъ послѣднихъ.

Наконецъ, чтобы преподаваніе нѣмецкой грамматики могло бы вестись по возможности параллельно съ преподаваніемъ русской, къ нѣмецкимъ названіямъ (т. е. грамматическимъ терминамъ) прибавлены соотвѣтствующія имъ русскія выраженія.

Книжка вообще составлена весьма тщательно и по хорошо продуманному плану.

Содержаніе книжки въ общемъ усматривается изъ названій главнѣйшихъ частей, на которыя раздѣляется весь заключающійся въ ней грамматическій матеріалъ. Названія эти слѣдующія:

Erster Teil. Wort — und Satzlehre. Erster Abschnitt. I. Die Bestandteile der Sprache und das Hauptwort. II. Bildung des Satzes und die wichtigsten Formen desselben. III. Die Formen des Zeitwortes. Zweiter Abschnitt. I. Die Deklinationsformen des Hauptwortes und des persönlichen Fürwortes. II. Der erweiterte einfache Satz. III. Der zusammengezogene und verkürzte Satz. IV. Wiederholende Betrachtung des einfachen Satzes. Dritter Abschnitt. Der zusammengezogene Satz. Zweiter Teil. Wortbildungslehre.

Внѣшняя сторона книжки вообще вполнѣ удовлетворительна: бумага хороша, печать чистая и отчетливая и только мѣстами слишкомъ мелкая. Этотъ недостатокъ необходимо устранить въ слѣдующихъ изданіяхъ.

2 и 3) Что же касается второй и третьей изъ вышепоименованныхъ книжекъ, изданныхъ г. Бахомъ, а именно 1-й и 2-й части составленной имъ „Нѣмецкой книги для чтенія въ школѣ и дома“, то слѣдуетъ сказать, что и онѣ отличаются тою же строгою системою,

на которую мы нашли нужнымъ указать при разборѣ „Краткой нѣмецкой грамматики“ того же автора.

Первую часть своей „нѣмецкой книги“ авторъ самъ называетъ „азбукой“ или „Lesefibel“. Цѣль ея, какъ сказано въ предисловіи къ книжкѣ, усвоеніе ученикомъ нѣмецкаго чтенія и письма „самымъ легкимъ и краткимъ путемъ“.

Въ весьма сжатой формѣ, но тѣмъ не менѣе съ строгой послѣдовательностью, „азбука“ знакомитъ ученика со строчными и прописными буквами, сперва съ нѣмецкимъ, а затѣмъ и съ латинскимъ письмомъ, избѣгаются при этомъ всякія безсмысленныя звуковыя сочетанія. Сперва ученику предлагаются слова, а затѣмъ ему даются цѣлыя, доступныя по содержанію, небольшія предложенія, какъ только пройденныя буквы дадутъ необходимый для того матеріалъ. Такимъ образомъ всѣ упражненія въ чтеніи и письмѣ ведутся всегда одновременно. При этомъ соблюдается, чтобы слова, предложенія, описанія и разсказы содержали только тѣ буквы, которыя ученику уже извѣстны или изъ читаемаго или изъ предыдущихъ параграфовъ.

Начиная со второй ступени (стр. 16), за каждымъ упражненіемъ для чтенія и письма и за всѣми статейками, заключающими въ себѣ маленькіе и вполнѣ доступные пониманію учениковъ разсказы, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, слѣдуютъ такъ называемыя „задачи, Aufgaben“, т. е. цѣлый рядъ вопросовъ, взятыхъ изъ прочитанной статьи, на которые ученики должны представить отвѣты, сперва устные, а потомъ и письменные, но всегда въ полныхъ предложеніяхъ, заключающихъ въ себѣ и вопросы.

Отъ времени до времени, подъ чертой, къ соотвѣтствующему тексту даются и нѣкоторыя грамматическія правила въ простѣйшей формѣ.

Вторая часть „нѣмецкой книги“ г. Баха составляетъ, какъ говоритъ самъ авторъ, непосредственное и постепенное продолженіе первой части, т. е. „азбуки“ или „Lesefibel“.

Предлагаемый въ этой части текстъ состоитъ исключительно изъ небольшихъ связныхъ статей, т. е. изъ довольно большого числа (213) легкихъ по содержанію и изложенію разсказовъ, стихотвореній и описаній, знакомящихъ дѣтей „съ окружающей ихъ средой и жизнью и направляющихъ ихъ взоры на Бога, природу и отечество“. И здѣсь, отъ времени до времени, повторяются вышеуказанныя задачи съ наводящими вопросами, имѣющими цѣлью облегчить ученику письменное изложеніе прочитаннаго.

Выборъ статей, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ, можно

назвать вполнѣ удачнымъ. Большая часть ихъ принадлежитъ перу извѣстныхъ въ дѣтской литературѣ нѣмецкихъ писателей, и всѣ онѣ какъ по содержанію, такъ и по формѣ вполнѣ доступны тому возрасту, для котораго онѣ предназначаются авторомъ.

Внѣшняя сторона книжекъ вполнѣ безукоризненна: бумага хороша, шрифтъ отчетливый и крупный, опечатокъ нами почти не замѣчено.

Изданіе *О. Н. Поповой.* Образовательная Библіотека, серія третья (1899), №№ 8 — 9. *М. Тихвинскій.* Методъ и система современной химіи. II+XII+340 стр. С.-Петербургъ. 1900 г. Цѣна 2 руб.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ поставилъ себѣ задачу выяснить роль и степень достовѣрности химическихъ доктринъ, и указать то, что въ этихъ доктринахъ заключается незыблемаго, отличить его отъ преходящаго и способнаго къ измѣненію. Для достиженія такой цѣли авторъ раздѣлилъ всю книгу на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ общія основы химіи, т. е. часть теоретическую этой науки, а вторая—часть описательную.

Первая часть занимаетъ 118 стр., раздѣленныхъ на 5 главъ, въ которыхъ разсмотрѣны слѣдующіе вопросы:—основныя химическія понятія, законы взаимодѣйствія тѣлъ, характеристика трехъ состояній матеріи, представленіе о строеніи матеріи, химическій процессъ и, наконецъ, классификація химическихъ соединеній. Въ этой части, какъ видно изъ этого перечня, разсмотрѣны многіе вопросы, относящіеся къ физикѣ, но въ то же время лежащіе въ основаніи тѣхъ теоретическихъ представленій, на которыхъ построена современная химія.

Вторая часть, описательная, раздѣлена на XV главъ. Она вполнѣ имѣетъ характеръ краткаго учебника химіи, въ которомъ болѣе или менѣе обычнымъ способомъ послѣдовательно разсмотрѣны различные элементы и ихъ соединенія. Эта вторая часть не вызываетъ какихъ-либо особыхъ замѣчаній. Авторъ, спеціалистъ по химіи, очевидно прекрасно знакомъ со своимъ предметомъ, и съ надлежащей послѣдовательностью и удобопонятно излагаетъ свой чисто химическій предметъ. Какихъ-либо научныхъ ошибокъ въ этой части не встрѣчается.

Къ величайшему сожалѣнію нельзя сказать того же самаго про первую часть, имѣющую скорѣе физико-химическій характеръ.

Здѣсь встрѣчается значительное число ошибокъ и промаховъ, которые мы теперь и укажемъ.

На стр. 33 авторъ говоритъ о возникновеніи нормальнаго давленія на поверхность жидкостей и пишетъ: „Величина этого давленія

носитъ названіе поверхностнаго натяженія". Это невѣрно. Нормальное давленіе состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ только одна зависитъ отъ поверхностнаго натяженія; но и она не равна ему.

На стр. 85 читаемъ: „За единицу при измѣреніи количества тепла принимаютъ теплоемкость 1 gr. воды" и. т. д.

Такое опредѣленіе не выдерживаетъ критики, такъ какъ теплоемкость не можетъ равняться опредѣленному количеству теплоты, но лишь измѣряется таковымъ.

На той же стр. читаемъ: „Для твердыхъ и жидкихъ тѣлъ отношеніе $C_p : C_v$ нечувствительно отличается отъ 1, такъ какъ наростаніе объема для нихъ при нагрѣваніи на 1^0 невелико". Въ этихъ словахъ кроются двѣ ошибки: указанное отношеніе вовсе не потому только отличается отъ 1, что тѣло при расширеніи совершаетъ внѣшнюю работу, но также еще потому, что при этомъ расширеніи совершается внутренняя работа дисгрегаціи, т. е. удаленія частицъ другъ отъ друга. Эта внутренняя работа во многихъ случаяхъ весьма велика, и потому не удивительно, что отношеніе двухъ теплоемкостей и для твердыхъ и жидкихъ тѣлъ иногда даже болѣе отличается отъ 1, чѣмъ для тѣлъ газообразныхъ. И, дѣйствительно, авторъ ошибается, полагая, что указанное отношеніе для твердыхъ и жидкихъ тѣлъ нечувствительно отличается отъ 1, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: для воды при 100^0—оно равняется 1,139; для ртути при 0^0—оно равно 1,14; для этиловаго эфира при 0^0—оно равно 1,476; для сѣроуглерода имѣемъ число—1,525, и наконецъ для хлороформа при 25^0—число 1,472. Такимъ образомъ мы въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ имѣемъ числа, которыя—больше числа, относящагося къ тѣламъ газообразнымъ (двуатомнымъ).

На стр. 95 читаемъ: „скорость свѣта уменьшается съ увеличеніемъ плотности среды", что, конечно, совершенно невѣрно, такъ какъ въ весьма многихъ случаяхъ болѣе плотное вещество обладаетъ меньшимъ показателемъ преломленія и, слѣдовательно, скорость свѣта въ немъ больше, чѣмъ въ веществѣ менѣе плотномъ.

Хуже всего все то, что авторъ говоритъ о свѣтовыхъ явленіяхъ на стр. 97, 98 и 99.

На стр. 97 мы читаемъ: „Разница въ свойствахъ между лучами плоскимъ и цилиндрическимъ весьма велика. Дѣйствительно, подобно тому какъ ножъ не при всякомъ положеніи можетъ пройти черезъ гребенку, а только когда его лезвіе параллельно зубьямъ, точно также и плоскій лучъ пройдетъ только тогда черезъ данную среду, когда

колебанія его будутъ параллельны рядамъ молекулъ, ее составляющимъ (предполагая, что частицы расположены неравномѣрно, рядами)".

Такая картина должна ввести читателя въ заблужденіе, такъ какъ онъ подумаетъ, что существуютъ вещества, черезъ которыя можетъ пройти только такой лучъ, который поляризованъ параллельно одной опредѣленной плоскости.

Въ дѣйствительности же всегда существуютъ двѣ взаимно-перпендикулярныя плоскости поляризаціи лучей, проходящихъ черезъ такое тѣло. Невѣрное представленіе еще болѣе утвердится въ головѣ читателя, если онъ прочтетъ на стр. 98 слѣдующія слова: „анизотропная среда изъ всѣхъ падающихъ на нее колебаній пропустила лишь одинъ видъ ихъ—тотъ, который совмѣстимъ съ ея молекулярнымъ строеніемъ, она сыграла роль свѣтофильтра. Такъ какъ свѣтъ ею пропущенный весь поляризованъ, то она въ этомъ случаѣ носитъ названіе поляризатора".

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не существуетъ, если, конечно, не считать турмалина, въ которомъ также образуется два луча, изъ которыхъ, однако, одинъ поглощается веществомъ кристалла. Но это уже явленіе второстепенное, такъ какъ и въ турмалинѣ несомнѣнно первоначально образуются два луча, поляризованныхъ въ плоскостяхъ взаимно-перпендикулярныхъ.

Но гораздо хуже все то, что авторъ говоритъ на стр. 98 и 99. Онъ смѣшиваетъ два совершенно разнородныхъ явленія, а именно хроматическую поляризацію, которая происходитъ въ пластинкахъ одноосныхъ и двуосныхъ кристалловъ, съ вращеніемъ плоскости поляризаціи, которая происходитъ въ нѣкоторыхъ одноосныхъ кристаллахъ, когда лучъ проходитъ черезъ нихъ по направленію оптической оси. Авторъ пишетъ: „Поставимъ поляризаторъ и анализаторъ на темноту (при этомъ ряды молекулъ въ нихъ взаимно перпендикулярны—поляризаторъ и анализаторъ перекрещены) и будемъ вносить въ пространство между ними изслѣдуемыя тѣла. Тотчасъ окажется, что одни изъ нихъ возстановляютъ свѣтъ въ полѣ зрѣнія прибора, другія не оказываютъ на поляризованный лучъ никакого вліянія. Первыя названы активными, вторыя неактивными".

То, что авторъ говоритъ о возстановленіи свѣта пластинкою, помѣщенною между перекрещенными анализаторомъ и поляризаторомъ, относится къ явленіямъ хроматической поляризаціи и наблюдается при всякой кристаллической пластинкѣ, за исключеніемъ такой, которая вырѣзана изъ одноосного кристалла перпендикулярно къ его опти-

ческой оси. Терминами же „активный“ и „неактивный“ пользуются только, когда рѣчь идетъ о вращеніи плоскости поляризаціи.

Далѣе читаемъ: „Неактивными оказываются всѣ тѣла аморфныя, а изъ кристаллическихъ—кристаллизующіяся въ правильной (кубической) системѣ, затѣмъ многія жидкости. Такъ неактивны: стекло, поваренная соль, квасцы, вода. Активны всѣ остальныя кристаллическія тѣла“.

Тутъ все невѣрно. Вращеніе плоскости поляризаціи происходитъ исключительно только въ одноосныхъ кристаллахъ, и при томъ оказывается, что между ними есть также кристаллы, принадлежащіе къ правильной системѣ; укажемъ, напримѣръ, на хлорноватокислый натрій, бромноватокислый натрій и на двойную уксуснокислую соль натрія и уранила.

Кромѣ указанныхъ ошибокъ встрѣчаются въ первой части разсматриваемой книги также и мелкія неточности.

Такъ, напр., на страницѣ 88 говорится о ртути, между тѣмъ какъ слѣдовало бы указать, что рѣчь идетъ о парахъ ртути.

Весьма существенный недостатокъ книги заключается также и въ томъ, что авторъ во многихъ мѣстахъ даетъ численныя значенія различныхъ величинъ, не указывая, какими единицами эти величины въ данномъ случаѣ измѣряются, а въ другихъ мѣстахъ авторъ выпускаетъ указанія на тѣ условія, къ которымъ относятся приведенныя числовыя значенія. Приведемъ примѣры.

На стр. 2 читаемъ: „Такъ, напр., для полученія одной единицы теплоты надо затратить 427 единицъ механической работы; здѣсь 427 единицъ механической работы равнозначны одной единицѣ теплоты, онѣ ей эквивалентны, и потому число 427 называется механическимъ эквивалентомъ единицы теплоты“. Понятно, что число механическихъ единицъ, эквивалентныхъ одной единицѣ тепла, зависитъ отъ выбора единицъ. Въ данномъ случаѣ теплота должна измѣряться большими калоріями, а механическая работа—килограммо-метрами.

На стр. 11 говорится о 96000 единицахъ электричества, что представляется совершенно неопредѣленнымъ, если не прибавить, что единицею количества электричества принять одинъ кулонъ; впрочемъ это число не вполнѣ точно и должно быть замѣнено числомъ 96540.

На стр. 48 читаемъ: „Опытъ показываетъ, что 1 gr. воды, занимавшій при 4° С. объемъ въ 1 куб. сантиметръ, при нагрѣваніи до 100° обращается въ паръ, объемъ котораго достигаетъ 1638 куб. сантим“. Послѣднее число не имѣетъ никакого значенія, если не указано то давленіе, подъ которымъ пары находятся.

На стр. 52 авторъ приводитъ числовыя величины скоростей газовыхъ молекулъ, не указывая той температуры, къ которой эта скорость относится, такъ что читатель можетъ подумать, что скорость такихъ частицъ вовсе не зависитъ отъ температуры, между тѣмъ, какъ она въ дѣйствительности пропорціональна квадратному корню изъ абсолютной температуры.

Въ разсматриваемой книгѣ встрѣчаются нѣкоторыя общія разсужденія, не всегда выдерживающія критику.

На стр. 2 читаемъ: „Тожественность законовъ, регулирующихъ существованіе и превращеніе матеріи и энергіи, заставляетъ предполагать общее начало для нихъ обѣихъ—матерія и энергія суть лишь два различныхъ проявленія одной и той же, нашему познанію непосредственно недоступной сущности, такъ сказать, двѣ стороны одной и той же медали". Весьма мало вѣроятно, чтобы указанное здѣсь предположеніе соотвѣтствовало дѣйствительности, и во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ о немъ говорить въ такой формѣ въ самомъ началѣ книги.

Намъ остается указать на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбираемой книги замѣчается отсутствіе послѣдовательности, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра: На стр. 10 авторъ говоритъ: „Электролизъ надо представлять себѣ такъ, что подъ вліяніемъ электрическаго тока каждый электролитъ разлагается прежде всего на двѣ части и. т. д.". А на стр. 58 мы находимъ правильное указаніе, что въ водномъ растворѣ разложеніе уже имѣло мѣсто еще до прохожденія тока.

Фуртье и Молтени. Научныя демонстраціи при помощи волшебнаго фонаря (Les projections scientifiques). Руководство къ употребленію волшебнаго фонаря для демонстраціи опытовъ по физикѣ и химіи. Перевелъ *М. П. Воскресенскій.* Москва. 1900. I.+136 стр. Цѣна 1 р.

Разсматриваемая книга должна служить руководствомъ при демонстрированіи различныхъ физическихъ и химическихъ явленій при помощи проекціоннаго фонаря. Она раздѣлена на 12 главъ, посвященныхъ устройству фонаря и различныхъ къ нему придаточныхъ приборовъ и описанію производства опытовъ по химіи и физикѣ. Хотя авторъ и считаетъ самыя явленія, показываемыя при помощи фонаря, уже извѣстными, онъ, однако, во многихъ мѣстахъ предпосылаетъ описанію опыта нѣкоторыя объясненія самихъ явленій. Эти объясненія совершенно безполезны, такъ какъ они, вслѣдствіе чрезмѣрной краткости, ничего не даютъ читателю, незнакомому, и при томъ довольно основательно, съ физикою. Нѣсколько строчекъ о такихъ

явленіяхъ, какъ, напримѣръ, интерференція, поляризація, хроматическая поляризація и т. д., очевидно, никакой пользы принести не могутъ.

Переводъ довольно удовлетворительный. Опечатокъ довольно много, но большинство изъ нихъ оговорено. На стр. 30 пропущенъ номеръ параграфа 33-го; на стр. 105 напечатано „статистическій" вмѣсто „статическій". На рис. 25 (стр. 50) слѣдовало бы французскія слова замѣнить русскими. На стр. 57 неудачно редактирована фраза: „ . . . . приборъ, который употребляется съ лучами спектра" (въ которомъ пользуются лучами спектра).

Весьма чувствительный недостатокъ русскаго перевода заключается въ томъ, что переводчикъ помѣстилъ только 70 рисунковъ изъ 113-ти, находящихся въ оригиналѣ. Несомнѣнно, что нѣкоторые рисунки могли быть пропущены безъ большого ущерба; но этого далеко нельзя сказать обо всѣхъ. Переводчикъ пропустилъ, напримѣръ, почти всѣ рисунки, относящіеся къ объясненіямъ самихъ явленій и, слѣдовательно, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ способу проектированія ихъ на экранѣ при помощи фонаря. При упомянутой выше краткости этихъ описаній, указанные рисунки все-таки могли бы принести нѣкоторую пользу. Переводчикъ выпустилъ, однако, кромѣ того еще многіе рисунки, несомнѣнно относящіеся къ самому проектированію явленія, напримѣръ къ тому виду, въ которомъ явленіе представляется зрителю на экранѣ. Выпущены также рисунки важныхъ частей, употребляемыхъ при проектированіи приборовъ. Укажемъ, напримѣръ, рис. 22, 24, 26, 35, 39, 42, 43, 49, 52, 61, 72, 73, 75, 80, 94, 95 и др. оригинала.

Разсматриваемая книга, несомнѣнно, можетъ принести большую пользу при преподаваніи физики и химіи, а также при публичныхъ чтеніяхъ.

Практическая русская грамматика. Краткая этимологія и начальныя свѣдѣнія изъ синтаксиса въ связи съ практическими упражненіями по лучшимъ образцамъ, выбраннымъ изъ произведеній русскихъ писателей. Учебникъ для приготовительнаго, I и II классовъ средне-учебныхъ заведеній и для низшихъ училищъ. Составилъ *Н. Бучинскій*. Изданіе 3-е, исправленное и дополненное. Цѣна 45 коп. Москва. 1900. VI+186+1. (Изданіе книжнаго магазина М. Д. Наумова).

Въ новомъ изданіи своего учебника кромѣ поправокъ, на необходимость которыхъ было указано въ отзывѣ на эту книгу, г. Бучинскій сдѣлалъ и дополненія, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы книга его полнѣе согласовалась съ примѣрными программами по русскому языку,

утвержденными для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Поправки коснулись опредѣленія *собственнаго* имени существительнаго (§ 38, стр. 48), чиселъ (§ 43, стр. 55), перенесенія вопроса объ опредѣленіи рода pluralia tantum (въ § 46 б); написанія *ого* въ родит. пад. ед. ч. м. р. именъ прилагательныхъ (§ 58, стр. 87); залоговъ (§ 70, стр. 112); повелительнаго наклоненія (§ 83, стр. 128); формъ будущаго времени (§ 86, стр. 132); правописанія глаголовъ по вопросу о звукѣ *е* передъ окончаніемъ *ть* (§ 99, стр. 149 и 150).

Въ списокъ словъ съ кореннымъ *ѣ* внесены всѣ слова, которыя отмѣчены были въ офиціальной рецензіи, какъ пропущенныя (стр. 176 слд.), и дополнена книга примѣрами и статьями для грамматическихъ упражненій, а также статьей объ именахъ существительныхъ, увеличительныхъ, уменьшительныхъ и т. д. (§ 41, стр. 51). Напрасно опущенъ предлогъ *сквозь* (стр. 161).

Достоинства книги г. Бучинскаго заключаются въ ясности ея изложенія и богатствѣ матеріала для упражненій въ работѣ грамматической и орѳографической. Матеріалъ, по большей части, подобранъ удачно; преобладаніе пословицъ и стихотворныхъ примѣровъ слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразнымъ, ибо запоминаніе ритмическихъ строкъ или законченныхъ выраженій несравненно легче, чѣмъ запоминаніе прозы. Напечатана книга довольно четко, цѣна умѣренная. Очень плоха только бумага; едва ли учебникъ можетъ продержаться болѣе года въ обиходѣ хотя бы одного ученика.

Недостатокъ книги заключается въ ея многорѣчивости. Вотъ примѣры изложенія:

„Имена существительныя, не имѣющія родовыхъ окончаній (слова на *мя* и дитя), принадлежатъ къ *разносклоняемымъ, такъ какъ склоняются по разнымъ склоненіямъ: частію по одному, частію по другому*“ (стр. 60). Здѣсь лишнихъ словъ болѣе, чѣмъ нужныхъ.

Другой недостатокъ книги есть недостатокъ точности въ опредѣленіяхъ; напримѣръ, на стр. 25:

„*То*, что мы *думаемъ*, называется мыслью“. Впрочемъ, здѣсь не только неточность, но и неясность, не говоря уже о грамматической ошибкѣ (*думать*, какъ глаголъ дѣйствительнаго залога).

На стр. 32 (§ 26). Дополненіе есть такое *слово*, которое отвѣчаетъ на вопросы...

Здѣсь выраженіе *слово*—содержитъ двойную неточность.

На стр. 41 (§ 32). Обращенія выдѣляются запятыми *или же* послѣ нихъ ставится знакъ восклицательный.

На стр. 43 (§ 34). Неточно объяснено, что такое предметъ.

Систематическій курсъ древней исторіи. Курсъ IV класса мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій. Составилъ примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ *Николай Знойко*, преподаватель Ришельевской гимназіи. Изданіе четвертое. Одесса. 1901. Цѣна 1 рубль. 208+III+VI+IX стр. и три карты.

Новое, четвертое изданіе книги г. Знойко разнится отъ второго, допущеннаго ученымъ комитетомъ къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства, небольшими поправками вкравшихся въ предыдущее изданіе неточностей, при чемъ двѣ изъ указанныхъ въ отзывѣ г. рецензента погрѣшности: о зевгитахъ и 10 мил. жителей аѳинскаго государства продолжаютъ фигурировать на страницахъ 62 и 84. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что авторъ исправляетъ только то, на что ему указываютъ, вслѣдствіе чего его книга и въ настоящемъ изданіи не свободна отъ крупныхъ недостатковъ. Особенно обильна ошибками ея первая часть, посвященная древнему Востоку. Мемфисское государство вовсе не было „древнѣйшимъ изъ египетскихъ", и совершенно невѣрно, будто къ его времени относятся „всѣ монументальные памятники египетскаго зодчества и ваянія" (стр. 5); Индіи и Кавказа древніе египтяне не знали, а потому и не могли посылать туда „полчища Рамзеса II" (стр. 6). Далѣе слѣдуетъ опять старая додекархія, наименованіе Осириса богомъ солнца, смѣшеніе его съ Ра и Амономъ, старыя недоразумѣнія о египетскихъ кастахъ, невѣрныя понятія объ іероглифической системѣ, ея трудностяхъ, которыя авторъ видитъ не тамъ, гдѣ нужно и т. д. Моисей названъ Мойсеемъ (стр. 11), филистимляне—кочевымъ народомъ (стр. 12), а финикіяне—„самымъ образованнымъ народомъ древности" (стр. 15), доѣзжавшимъ до Рижскаго залива. Объ ассиріянахъ и вавилонянахъ лучше не распространяться—тутъ все невѣрно отъ начала до конца—и этнографія, и хронологія, и исторія. Достаточно привести первую фразу (стр. 20): „о первоначальной исторіи ассиро-вавилонянъ мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, такъ какъ о ней сохранились только устныя преданія, записанныя древними историками. Эти преданія говорятъ намъ, что первымъ ассирійскимъ царемъ былъ Никъ"... И это говорится о народѣ, который оставилъ намъ неисчерпаемые архивы подлинныхъ документовъ, восходящихъ въ V тысячелѣтіе до Р. Х.! Отсюда

будетъ понятно, что на стр. 43 боги ассиро-вавилонянъ оказываются „мрачными, постоянно требовавшими человѣческихъ жертвъ“, а боги грековъ были „также добры, ласковы и привѣтливы, какъ прекрасна ....природа Греціи“. Впрочемъ тутъ же Миносъ, Эакъ и Радамантъ названы „страшными богами“. Вообще и исторія Греціи не свободна отъ погрѣшностей и отсталости. Что спартанское устройство безъ всякихъ оговорокъ излагается, какъ дѣло Ликурга, это еще не удивительно, но нельзя не признать крупнымъ промахомъ того, что прекращеніе царской власти въ Аѳинахъ и развитіе архонтства разсказано такъ, какъ это дѣлалось до открытія Аѳинской политіи Аристотеля. Далѣе идутъ опять законы Драконта, которые „были жестоки“ и которые „народъ скоро уничтожилъ“ (стр. 59). При Солонѣ „высшая верховная власть была передана народному собранію“ (стр. 62); законодательство Клисѳена изложено неясно и невѣрно. Что значитъ, что Клисѳенъ „раздѣлилъ гражданъ на 10 новыхъ мѣстныхъ филъ“ (стр. 67)? Безъ упоминанія о димахъ эта фраза теряетъ смыслъ, а утвержденіе, будто Клисѳенъ „надѣлилъ полными правами метековъ“, совершенно несостоятельно. Въ числѣ греческихъ колоній нѣтъ Кипра и Навкратида (стр. 70). Аристидъ названъ (стр. 73) „стоявшимъ во главѣ аристократической партіи“, и въ то же время приводится весьма сомнительное извѣстіе, что онъ „допустилъ гражданъ 4-го класса къ архонтству“ (стр. 81). О Ѳемистоклѣ сказано, что онъ умеръ „при дворѣ Артаксеркса“, но тутъ же въ примѣчаніи говорится о его смерти въ Магнезіи. На стр. 109 категорически утверждается, что италики пришли „съ верховьевъ Оксуса и Яксарта вмѣстѣ съ греками въ Европу“, а на стр. 115 и сл. повторяется оставленная теперь теорія о происхожденіи тиціевъ и люцеровъ отъ сабинъ и альбанцевъ. Едва ли вѣрно, что около времени Рождества Христова уже и „простой народъ не вѣрилъ въ боговъ и держался внѣшнихъ обрядовъ по привычкѣ къ блестящимъ религіознымъ церемоніямъ“ (стр. 192). „Простой народъ“ въ значительномъ количествѣ вѣрилъ въ боговъ въ самомъ Римѣ еще въ V вѣкѣ, а держались даже невѣрующіе римляне язычества не изъ привычки къ церемоніямъ, а потому что римская религія была государственной въ преимущественномъ смыслѣ этого слова; идея государственности у римлянина тѣсно переплелась съ идеей религіи; поддерживать религію считалось дѣломъ политической мудрости. Положеніе Іудеи подъ римскимъ владычествомъ (стр. 193) и поводъ къ іудейскому возстанію изложены совершенно невѣрно. Культъ Августа въ про-

винціяхъ датируетъ съ начала имперіи; не онъ, а вымогательство Флора и его расправа съ Іерусалимомъ были поводомъ къ мятежу. Фарисеи въ немъ повинны нисколько не болѣе другихъ евреевъ.

Транскрипціи греческихъ именъ непослѣдовательны и неудовлетворительны. Нельзя писать: Геркулесъ, Церберъ, Базилевсъ, δέμος, Пизистратъ, Павзаній, Тразибулъ, храмъ Діаны въ Эфесѣ (стр. 101). Птоломей, Иссусъ, Гордіумъ (на картѣ), Діоклеціанъ. Борьба съ тѣмъ хаосомъ, который господствуетъ у насъ въ этой области, только и возможна при аккуратности и внимательности къ ней учебниковъ.

Перечисленные недостатки, конечно, существенны, но отъ многихъ изъ нихъ не свободны и другіе наши учебники. Наряду съ ними книга г. Знойко обладаетъ и своими несомнѣнными достоинствами. Особеннаго признанія заслуживаетъ попытка автора представить древнюю исторію, какъ нѣчто цѣльное, а не механическое соединеніе частныхъ исторій. Изложеніе начинается съ потопа, при чемъ дается вполнѣ правильная этнографическая схема народовъ. Далѣе въ исторіи Востока связью служатъ судьбы еврейскаго народа, а потому начиная съ Египта авторъ переходитъ къ Финикіи, Ассиріи, Вавилону и Персіи. Послѣ Дарія I идетъ глава: „Скиѳія и скиѳы", далеко не лишняя въ русскомъ учебникѣ, но составленная, къ сожалѣнію, только по Геродоту, не принимая въ соображеніе данныхъ, добытыхъ археологической наукой. Далѣе авторъ упоминаетъ о возстаніи малоазіатскихъ грековъ и переходитъ къ исторіи Греціи. Время діадоховъ совершенно выпущено, равно какъ и эпоха эллинизма; нѣтъ даже Клеомена III— это конечно крупный недостатокъ, но краткое упоминаніе объ этихъ періодахъ вводитъ учащагося въ исторію Рима. Изложеніе серьезно и ясно; языкъ удовлетворительный, кромѣ нѣсколькихъ шероховатостей (напр. злоупотребленіе словомъ „ничуть" стр. 71 и др. или „во время этого гоненія *погибли* свв. Апостолы Петръ и Павелъ"). Авторъ не гнушается ходячими изреченіями и анекдотами, имѣющими свое значеніе въ школьномъ курсѣ исторіи, но отдѣляетъ ихъ отъ изложенія, помѣщая въ подстрочныя примѣчанія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЭКСКУРСІЯ VIII МЕЖДУНАРОДНАГО ГЕОЛОГИЧЕСКАГО КОНГРЕССА ВЪ ПИРИНЕЯХЪ [1]).

Въ программу VIII международнаго геологическаго конгресса въ Парижѣ въ 1900 году входилъ, кромѣ засѣданій, посвященныхъ теоретическимъ вопросамъ и научнымъ докладамъ, рядъ геологическихъ экскурсій (около 30) въ различныхъ частяхъ Франціи. Такихъ экскурсій комитетомъ конгресса, по принятому обычаю, было организовано двѣ серіи: одна серія экскурсій до начала засѣданій конгресса, а другая — по окончаніи ихъ, благодаря чему большинство членовъ конгресса могло принять участіе, сообразно располагаемому ими времени, въ тѣхъ или другихъ экскурсіяхъ, а нѣкоторые участвовали въ обѣихъ серіяхъ. Послѣ конгресса было организовано 17 экскурсій.

Руководство этими экскурсіями было поручено французскимъ геологамъ спеціалистамъ, хорошо изучившимъ и знакомымъ съ тою мѣстностью, въ которой предстояла данная экскурсія.

Одна изъ геологическихъ экскурсій была назначена въ Пиринеяхъ. Описанію этой экскурсіи, въ которой мнѣ пришлось принять участіе, и посвящаются дальнѣйшія строки. Какъ и въ большинствѣ спеціальныхъ геологическихъ экскурсій, число участниковъ въ Пиринейской было ограничено комплектомъ въ 20 человѣкъ. Въ этой экскурсіи приняли участіе слѣдующія лица: Carez и Fabre (Франція); проф. Rothpletz, Oebbeke, Futterer и D-r Broili (Германія); проф. Sacco и D-r Crema (Италія); проф. Bofil и аббатъ Almera (Испанія); проф. Stephanescku (Румынія); D-r Antoula (Сербія); проф. Böck (Венгрія);

[1]) Сообщено въ засѣданіи Отдѣленія Геологіи и Минералогіи С.П.Б. Общества Естествоиспытателей 3-го марта 1901 г.

проф. Mayer-Eymar (Швейцарія); D-r Read (Америка); г.г. Ивановъ, Каракашъ, Листовъ и Фегреусъ (Россія) [1]). Ограниченіе было вызвано тѣми затрудненіями практическаго характера, которыя неизбѣжны при экскурсіяхъ въ горахъ, вдали отъ городовъ и большихъ поселеній, когда трудно найти помѣщеніе и перевозочныя средства для большого количества людей. Цѣлью Пиринейской экскурсіи было ознакомленіе ея участниковъ съ геологическимъ строеніемъ и осадочными образованіями мѣстности, примыкающей съ сѣвера къ Пиринейскимъ горамъ и расположенной между Атлантическимъ океаномъ (Гасконскимъ заливомъ) съ запада и Средиземнымъ моремъ съ востока [2]).

Руководителемъ этой экскурсіи былъ геологъ Леонъ Карезъ (L. Carez), одинъ изъ многочисленныхъ сотрудниковъ по изданію геологической карты Франціи и хорошо знакомый съ геологіей данной мѣстности.

Согласно предварительной программѣ, встрѣча участниковъ нашей экскурсіи была назначена въ 12 ч. дня 17/30 августа въ Біаррицѣ, откуда и были предприняты дальнѣйшія экскурсіи. Расположенный на высокомъ обрывѣ (высотою около 20 саж.) на берегу Гасконскаго залива Біаррицъ, благодаря своему мѣстоположенію, великолѣпному пляжу и теплому климату, уже съ давнихъ поръ пользуется заслуженною извѣстностью въ качествѣ климатолечебной станціи зимой и купальнаго курорта лѣтомъ. Нѣкоторые изъ гг. конгрессистовъ пріѣхали въ Біаррицъ еще наканунѣ, чтобы имѣть больше времени для осмотра самого курорта, другіе, которымъ еще не очень надоѣла сутолока Парижской выставки, а также тѣ изъ участниковъ экскурсій, которые попутно остановились на нѣсколько часовъ въ Бордо для осмотра этого города, прибыли въ Біаррицъ въ день начала экскурсіи.

Послѣ совмѣстнаго завтрака всѣ участники экскурсіи подъ предводительствомъ Кареза отправились осматривать геологическія образованія въ обрывѣ, тянущемся отъ Біаррица вдоль морскаго берега въ сѣверо-западномъ направленіи. Этотъ береговой обрывъ напоминаетъ такой же обрывъ такъ называемыхъ Фонтановъ въ окрестностяхъ Одессы. Но въ то время какъ въ Одессѣ эта полоса земли

---

[1]) Кромѣ ряда спеціальныхъ экскурсій была организована какъ до конгресса, такъ и послѣ него, геологическая экскурсія менѣе спеціальнаго характера, въ которой могли принять участіе не спеціалисты и дамы.

[2]) До конгресса въ Пиринеяхъ была другая экскурсія подъ руководствомъ проф. Мишель-Леви (Michel Levi), посвященная исключительно изученію изверженныхъ породъ.

между обрывомъ и моремъ покрыта растительностью, здѣсь этотъ пляжъ лишенъ совершенно растительности и покрытъ мелкимъ пескомъ, по которому трудно идти. (Рис. 1). Въ обрывѣ обнажаются отложенія верхняго *эоцена* (ярусъ Ludien) третичной системы, въ которомъ можно различить два горизонта: *верхній* (3a), образованный песчанистыми мергелями съ Nummulites intermedia и оперкулинами (Operculina) и *нижній* (3b), также мергелистый, характеризующійся преобладающимъ содержаніемъ кромѣ N. intermedia также и морскихъ ежей (Eupatagus ornatus). Въ прежнее время здѣсь въ окрестностяхъ Біаррица находили много окаменѣлостей, но теперь, вслѣдствіе большаго количества любителей-коллекціонеровъ, окаменѣлости находятся съ трудомъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось собрать кое-что. Такъ, изъ мергелей верхняго горизонта найдены: нѣсколько экземпляровъ морскихъ ежей (Schizaster vicinalis Ag.), пластинчатожаберныхъ моллюсковъ (Ostrea Brongniarti, Pecten biarritzensis и друг. виды, Cytherea) и проч., а изъ корненожекъ—много Nummulites intermedia и Operculina ammonea. Данныя отложенія покрываются песками и пудингами (2), которые расположены въ видѣ горизонтальныхъ слоевъ вдоль всего обрыва какъ здѣсь, такъ и къ югу отъ Біаррица. Эти отложенія, именуемыя песками и пудингами Ландовъ (sables et poudingues des Landes), не заключаютъ въ себѣ никакихъ остатковъ организмовъ и (вѣроятно только на основаніи ихъ стратиграфическаго положе-

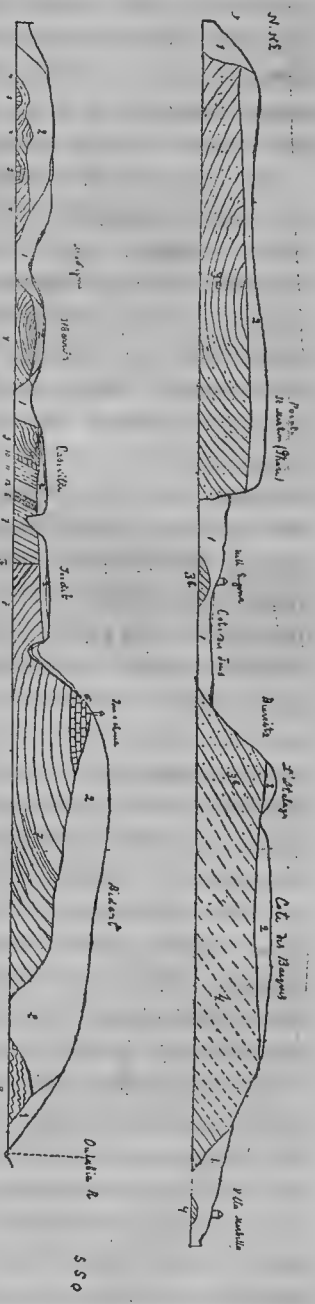

Рис. 1. Геологическій разрѣзъ берегового обрыва въ окрестностяхъ Біаррица.

нія) относятся условно г. Карезомъ къ осадкамъ пліоценоваго возраста, т. е. къ самому верхнему отдѣлу третичной системы. Эти отложенія были осмотрѣны нами при подъемѣ отъ пляжа къ верхней части обрыва въ мѣстности, называемой Chambre d'amour. Здѣсь обрывъ понижается, и на дальнѣйшемъ протяженіи до Бордо низменный берегъ покрытъ только дюнными песками (1).

По возвращеніи по верхней террасѣ въ Біаррицъ остальная часть дня была посвящена экскурсіи къ югу отъ Біаррица. Скалистый уступъ Atalaye, круто обрывающійся къ морю въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится огромное зданіе казино, образованъ наклоненными на сѣверовостокъ слоями голубовато-сѣрыхъ, а снаружи желтоватыхъ, мергелей (3b), съ банками твердаго песчаника съ *N. intermedia* и конгломерата, заключающихъ въ изобиліи *Eupatagus ornatus*. Эти мергели, покрытые сверху пліоценовыми (?) песками и пудингами (2), образуютъ собою также и берега бухты, называемой Port-Vieux и длинный узкій вдающійся въ море мысъ, на береговомъ утесѣ котораго высится статуя Мадонны, вслѣдствіе чего и утесъ этотъ носитъ названіе Rocher de la Vierge. Подъ этими мергелями залегаютъ слои (также наклоненные на сѣверо-востокъ) свѣтло-сѣраго мергеля (4) Бартонскаго яруса (третичной системы) съ руководящей формой *Serpula spirulea* и *орбитоидами* (*Orbitoides*). Кромѣ этихъ формъ мною найдены: морскіе ежи *Echinolampas biarritzensis*, иглы *Cidaris*, изъ пластинчато-жаберныхъ: *Ostrea* и нѣсколько видовъ *Pecten*, изъ корненожекъ: *Nummulites*, *Operculina*, изъ брюхоногихъ моллюсковъ *Scalaria Schalmasi*, а изъ коралловъ: *Trochocyathus*. Послѣднія отложенія образуютъ собою весь длинный береговой обрывъ (Côte des Basques) между Біаррицомъ и виллой Marbella. Наступившій уже приливъ затопилъ всю береговую низину, а потому дальнѣйшее слѣдованіе вдоль основанія обрыва стало невозможнымъ, и экскурсанты вернулись въ Біаррицъ, гдѣ одни посвятили время отдыху или разборкѣ и упаковкѣ собранныхъ коллекцій, а другіе отправились купаться въ морѣ при теплыхъ лучахъ заходящаго солнца.

На слѣдующій день, послѣ ночного отлива океана, широкая песчаная полоса отдѣляла подножье обрыва Côte des Basques отъ моря. По этому влажному, мягкому грунту экскурсанты медленно подвигались впередъ, осматривая слои бартонскихъ мергелей (4), смѣнившихся у виллы Marbella дюнными песками (1). Далѣе къ югу за этой виллой снова показались въ обнаженіи знакомые уже намъ мергели, а также залегающіе подъ ними дислоцированные слои известняка (5)

съ крупными нуммулитами: *N. perforata*, *N. Lucasana* [яруса Lutetien-третичной системы]; за известняками слѣдовали снова бартонскіе мергели. Какъ тѣ, такъ и другіе слои, едва возвышающіеся надъ уровнемъ моря, покрыты вышеописанными пліоценовыми образованіями (2), спускающимися въ данномъ мѣстѣ почти до уровня моря. Еще южнѣе, за мѣстностью называемою Mouligna, обрывъ (называемый Illbaritz) снова повышается и образованъ слоями тѣхъ же бартонскихъ мергелей (4), образующихъ здѣсь синклиналь. Известковыя и песчаныя банки среди этихъ мергелей богаты мелкими окаменѣлостями, изъ которыхъ чаще встрѣчаются мшанки, орбитолиты, а также *Serpula spirulea*, *Nummulites biarritzensis* и проч. Далѣе за Illbaritz'омъ снова пониженный обрывъ является болѣе интереснымъ, такъ какъ здѣсь на небольшомъ протяженіи въ сложеніи его принимаютъ участіе нѣсколько различныхъ образованій. Сначала мы встрѣчаемъ обнажающіеся на протяженіи 180 метровъ изъ подъ дюнныхъ песковъ (1) и пліоценовыхъ отложеній (2), слои сѣроватыхъ иногда красноватыхъ мѣловыхъ мергелей, чередующихся съ конгломератами и сѣровато-желтыми известняками съ отпечатками растеній и прослойками кремня. Эти слои (9), сначала наклоненные на сѣверо-сѣверо-востокъ, а затѣмъ синклинально изогнутые, относятся къ сеноманскому ярусу мѣловой системы. Къ тому же ярусу относится обнажающійся сейчасъ же рядомъ толщею въ 6 м. песчаный известнякъ (10) съ прослоями кремня и съ фукоидами, а также слѣдующая за нимъ толща въ 28 м. слоистыхъ мергелей (11) (съ прослойками пестраго конгломерата и сѣраго известняка), содержащихъ орбитолины и наклоненныхъ на сѣверъ. За этими сеноманскими породами слѣдуетъ толща въ 6 метровъ красной глины (12), обильно содержащей гипсъ и кристаллы двухпирамидальнаго кварца. Въ виду несогласнаго пластованія этой глины съ предъидущими осадками, констатируемаго брекчіей тренія, г. Карезъ относитъ эту глину къ образованіямъ тріасовой системы. Но съ такимъ взглядомъ почтеннаго ученаго согласиться трудно, и вопросъ о возрастѣ этой глины, въ виду проблематичности приводимыхъ имъ основаній и отсутствія въ ней окаменѣлостей, остался открытымъ. По другую сторону этой глины находится известнякъ (6), называемый казевильскимъ, содержащій *Nautilus danicus* Schl. и цѣлый рядъ морскихъ ежей, какъ, напримѣръ, *Echinocorys semiglobus* Lamck., *E. vulgaris* d'Orb. и проч., т. е. такія ископаемыя формы, которыя характерны для самыхъ верхнихъ отложеній мѣловой системы, именно для датскаго яруса. За этимъ известнякомъ

слѣдуютъ слои раковистыхъ мергелей (marnes de Bidart) (17), падающихъ какъ и слои известняка на сѣверъ—сѣверо-востокъ подъ угл. въ 50° и содержащихъ характерные для верхняго сенонскаго яруса (мѣловой системы) окаменѣлости (*Pachydiscus Jacquoti* Seun., *Stegaster Bouillei* Cott., *Inoceramus cfr. Cuvieri* и др.). Этими мергелями, прикрытыми плiоценовыми песками, образована вся нижняя часть берегового обрыва (Toidit и Bidart) на всемъ дальнѣйшемъ протяженiи почти до рѣки Ouchabia. Только немного не доходя до этой рѣки сенонскiе мергели смѣняются сильно размытыми и складчатыми известняками, такъ называемыми известняками Бидаша (8), почти не содержащими никакихъ окаменѣлостей, кромѣ отпечатковъ фукоидовъ, и относимыми къ сеноманскому ярусу. Кромѣ этихъ обнаженiй въ береговомъ уступѣ между Mouligna и Marbella имѣются на самомъ пляжѣ выходы другихъ породъ, какъ, напримѣръ: желтаго доломитоваго известняка, бѣлаго или сѣраго мраморовиднаго известняка и чернаго доломита; эти известняки относятся къ нижнему отдѣлу юрской системы, къ такъ называемому лейасу; затѣмъ имѣются два небольшихъ выхода офита. Но послѣднiя были скрыты подъ водою, являясь доступными для наблюденiя только вечеромъ, послѣ отлива. Такимъ образомъ, окрестности Бiаррица представили большой интересъ, благодаря столь обильному разнообразiю горныхъ породъ, образующихъ собою утесы, живописно окаймляющiе красивый бiаррицкiй пляжъ. Вечеромъ того же дня экскурсанты выѣхали изъ Бiаррица на Байонну, а оттуда къ вечеру прiѣхали въ Лурдъ, гдѣ имѣли возможность видѣть величественную картину молитвы огромной толпы паломниковъ передъ знаменитымъ гротомъ, столь мастерски описанную Э. Зола въ его романѣ „Lourdes". На слѣдующiй день 19-го августа (1-го сентября) въ 7 ч. утра участники экскурсiи проѣхали по желѣзной дорогѣ до станцiи Adé, въ окрестностяхъ которой развиты мощныя ледниковыя отложенiя, а также имѣются выходы изверженныхъ породъ.

Здѣсь, между Лурдомъ и Аде, имѣется цѣлая серiя ледниковыхъ моренъ, образованныхъ изъ валунныхъ отложенiй. Этими отложенiями заполнена долина Аде, по которой когда-то протекала рѣка Gave de Pau, измѣнившая нынѣ свое теченiе. Моренными же образованiями покрыты окрестные холмы, достигающiе болѣе 600 метровъ высоты; эрратическiе же валуны, въ изобилiи встрѣчающiеся въ долинѣ и по склонамъ холмовъ, попадаются даже на высотѣ 800 метровъ. Кромѣ ледниковыхъ отложенiй въ окрестностяхъ Аде и Лурда встрѣчаются выходы изверженныхъ породъ. Близъ Аде имѣются два выхода бо-

гатаго роговой обманкой габбро среди черныхъ и сѣрыхъ мѣловыхъ сланцевъ нижне-мѣловой эпохи (вѣроятно Альбскаго яруса). У дер. Legranges (Julos) среди такихъ же черныхъ альбскихъ сланцевъ имѣется выходъ порфировиднаго гранита, ничѣмъ не отличающагося отъ древняго первобытнаго гранита. Хотя при изслѣдованіи контакта гранита со сланцами и оказывается, что въ ближайшихъ къ выходу гранита частяхъ имѣется не толстый слой слюдистыхъ сланцевъ, нѣсколько отличающихся отъ окружающихъ ихъ мѣловыхъ сланцевъ и могущихъ быть принятыми за древніе сланцы, трансгрессивно прикрытые мѣловыми; однако, на основаніи наблюденій въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ, г. Карезъ полагаетъ, что изверженія гранита здѣсь происходили въ концѣ нижне-мѣловой эпохи. Въ это же утро до обѣда экскурсанты успѣли подняться по канатной желѣзной дорогѣ на гору Mont de Ger, откуда открывается великолѣпный видъ на мѣстечко Лурдъ, на долину Gave de Pau, на Лурдское озеро и на гору Montégut-Alian, представляющую большой интересъ въ тектоническомъ отношеніи.

Послѣ обѣда геологи отправились на сѣверъ къ деревнѣ Ossen, близъ которой осматривали два выхода офитоваго габбро, среди приподнятыхъ почти вертикально аспидныхъ сланцевъ аптскаго яруса. Въ данномъ мѣстѣ уже не было сомнѣнія о времени изверженія габбро въ средне-мѣловую эпоху. Здѣсь имѣются значительныя ломки этихъ сланцевъ, употребляющихся для изготовленія аспидныхъ досокъ и кровельныхъ плитъ.

Еще болѣе значительныя ломки аспидныхъ сланцевъ имѣются близъ деревни Lugagnan, гдѣ намъ удалось найти плохо сохраненные отпечатки аммонитовъ, относящихся къ группѣ *Hoplites Desheyesi* аптскаго яруса (мѣлов. сист.). Къ югу отъ этихъ сланцевъ существуетъ полоса нижняго лейасоваго известняка (юрск. сист.), не заключающаго впрочемъ окаменѣлостей. Всѣ же промежуточныя образованія между нижнимъ лейасомъ и аптскимъ ярусомъ отсутствуютъ здѣсь, вслѣдствіе трансгрессіи въ нижне-мѣловую эпоху. Лейасовые известняки сопровождаются выходами офита, который можно видѣть близъ деревни Germs за водораздѣломъ бассейна Gave de Pau и Adour, при подъемѣ на гору. Отсюда экскурсанты поѣхали въ Bagnères de Bigorre, оставаясь все время до деревни Pouzac въ области развитія вышеназванныхъ мѣловыхъ сланцевъ, не заключающихъ въ себѣ окаменѣлостей.

Bagnères de Bigorre, главный городъ департамента Верхнихъ

Пиринеевъ (H-tes Pyrénées), расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Адуръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка выходитъ изъ живописной Кампанской долины. Обильные и разнообразные теплые минеральные источники были извѣстны еще римлянамъ, которые дали этимъ водамъ названіе Aquae Bigerrionum Balnearіae, Vicus Aquensis и соорудили здѣсь бани, купальни и большіе бассейны, а также храмъ Діаны. Въ настоящее время здѣсь эксплоатируются 30 источниковъ, изъ которыхъ 23 источника содержатъ сѣрнокислую соль кальція вмѣстѣ съ сѣрнокислыми солями магнія и натра и имѣютъ температуру отъ 32° до 51°; слѣдующіе три сѣрнистыхъ источника также теплые; наконецъ остальные четыре источника принадлежатъ къ холоднымъ, желѣзистымъ. Благодаря такому разнообразію водъ, теплому климату и живописному мѣстоположенію Bagnère de Bigorre является одною изъ важнѣйшихъ бальнеологическихъ станцій на югѣ Франціи и привлекаетъ ежегодно болѣе 20 тысячъ посѣтителей не только изъ Франціи, но и изъ Испаніи.

Окрестности села Pouzac, находящагося въ 20 верстахъ отъ Баньеръ де Бигорръ, были предметомъ изученія экскурсантовъ на слѣдующій четвертый день экскурсіи. Здѣсь, близъ желѣзнодорожнаго полотна имѣется выходъ элеолитоваго сіенита, очень разрушеннаго и эксплоатируемаго въ качествѣ песка для примѣси въ известковый растворъ. Сіенитъ окруженъ офитомъ, а за офитомъ слѣдуютъ желтые трещиноватые известняки, не содержащіе окаменѣлостей. Хотя известняки покрыты непосредственно міоценовыми отложеніями, но вслѣдствіе ихъ полнаго петрографическаго сходства съ известняками сосѣдняго департамента Ariège, г. Карезъ считаетъ ихъ тріасовыми. Въ известнякахъ, вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ изверженныхъ породъ, встрѣчается въ видѣ примѣси много случайныхъ минераловъ, какъ-то: кварцъ, актинотъ, талькъ, альбитъ, хлоритъ, дипиръ и проч. Что касается возраста изверженныхъ породъ, то положеніе сіенита среди офита, заставляетъ предполагать, что сіенитъ—моложе офита. Во всякомъ же случаѣ обѣ породы являются моложе верхне-мѣловыхъ осадковъ, обнажающихся близъ замка Longle и не несущихъ на себѣ никакого слѣда метаморфизма.

Затѣмъ, по дорогѣ въ деревню Orignac, между этой деревней и деревней Montgallard, мы имѣли возможность увидѣть опрокинутые слои известняковъ, эквивалентныхъ миліолитовымъ известнякамъ Гаронны и Аріежа (нижн. эоценъ) и покрытыхъ мѣловыми (сенонскими) мергелями съ Inoceramus и Ananchytes. Въ этихъ лишенныхъ окаме-

нѣлостей известнякахъ имѣются большіе карьеры близъ деревни Noudrest. По дорогѣ отъ Noudrest къ Orignac эти известняки, покоящіеся на верхне-мѣловыхъ мергеляхъ и составляющіе основаніе эоцена, прикрываются другими мергелями, содержащими нуммулиты. Экскурсія въ сторону отъ дороги, для наблюденія этихъ нуммулитовыхъ слоевъ, не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ небольшое обнаженіе ихъ на поросшемъ кустарникомъ склонѣ не было найдено руководителемъ экскурсіи.

Вышеупомянутые мергели между Orignac и Cieutat являются довольно мощными и содержатъ *Serpula spirulea* вмѣстѣ съ остальной фауной, встрѣчающейся въ соотвѣтственныхъ отложеніяхъ бартонскаго яруса въ Côte des Basques у Біаррица. Выше мергелей залегаютъ отложенія, соотвѣтствующія слоямъ съ *N. intermedia* Біаррица, т. е. Лудіенскаго яруса (третичн. сист.) и носящія здѣсь названіе „пудинговъ Палассу".

Эти пудинги съ известковыми гальками несогласно покрываются здѣсь желтыми глинами и многочисленными валунами преимущественно кварцитовыми. Въ основаніи этихъ глинъ въ Ориньякѣ имѣется слой лигнита, прежде разрабатываемый, въ которомъ были найдены остатки млекопитающихъ сходныхъ съ фауною млекопитающихъ горизонта Пикерми (у Пентеликона въ Греціи), т. е. понтическаго яруса нижняго плiоцена: Tapirus priscus (тапиръ), Hipparion gracile (предокъ лошади), Rhinoceros Goldfussi (носорогъ), Dinotherium (динотерій), олень, медвѣдь и проч. Но г. Карезъ относитъ къ верхнему міоцену [1]) не только этотъ горизонтъ, но и вышележащій кварцитовый галечникъ, образующій собою далѣе къ востоку Ланнемезанское плато. Хотя въ этомъ галечникѣ не имѣется окаменѣлостей, но его образованіе, по мнѣнію г. Кареза, несомнѣнно предшествовало образованію современныхъ долинъ, и поэтому нельзя считать этотъ галечникъ плiоценовымъ. Мѣловые осадки здѣсь выражены сланцами и мергелями. Между сенонскими отложеніями съ Inoceramus и аптскими (черными

---

[1]) Проф. А. Годри, открывшій и описавшій фауну млекопитающихъ изъ красныхъ глинъ Пикерми, отнесъ эти глины къ понтическому ярусу. То же подтвердилъ проф. Фуксъ (Fuchs. Verhandl. k. geol. Reichsanst., 1881, стр. 177), указавшій на присутствіе среди этихъ прѣсноводныхъ иловатыхъ глинъ, прослоевъ съ морскими формами Ostrea barriensis и Cerithium vulgatum, характерныхъ для понтическаго яруса. Согласно же принятой классификаціи понтическій ярусъ относится къ плiоценовымъ отложеніямъ.

аспидными сланцами) существуетъ непрерывная серія сланцевъ и мергелей, которые вслѣдствіе отсутствія въ нихъ ископаемыхъ, только предположительно могутъ быть отнесены къ образованіямъ, промежуточнымъ между аптскими и сенонскими ярусами мѣловой системы.

За деревней Cieutat, расположенной на міоценовомъ конгломератѣ, дорога проходитъ на небольшомъ протяженіи среди этого же конгломерата, а далѣе въ долинѣ Gourgue встрѣчаются снова верхне-мѣловыя отложенія, прикрытыя близъ деревни Gourgue эоценовыми известняками и мергелями и тянущіяся далѣе до мѣстечка—курорта Capvern (Mont-Caoute), славящагося своими минеральными источниками. Здѣсь имѣются небольшіе выходы гранита, окруженные известняками, мергелями и конгломератами, которые, по мнѣнію г. Кареза, относятся къ тріасу, а частью даже къ лейасу. Присутствіе этихъ образованій въ столь отдаленномъ отъ хребта пунктѣ онъ объясняетъ отчасти существованіемъ сброса N. E.—S. O., который и образовалъ проходъ для двухъ сѣрнисто-углекислыхъ минеральныхъ источниковъ Капверна: Mont-Caoute и Bouridé.

На ночлегъ экскурсанты отправились въ маленькій гасконскій городокъ Montrejeau, расположенный на возвышенномъ берегу рѣки Гаронны. Отъ станціи Montrejeau отходитъ на югъ желѣзно-дорожная вѣтвь къ городку Bagnerès de Luchon, находящемуся въ горной части близъ испанской границы и знаменитому еще въ древности своими цѣлебными источниками, называвшимися у римлянъ „Balnearіae Lixoniensis“.

Слѣдующій пятый день экскурсіи (3-го сентября) былъ посвященъ изученію главнымъ образомъ тѣхъ верхне-мѣловыхъ отложеній Верхней Гаронны, для которыхъ французскій ученый Леймери (Leymerie) установилъ ярусъ *garumnien*, считая его присущимъ всей южной Франціи. Хотя предложенное Леймери подраздѣленіе верхне-мѣловыхъ осадковъ и не принято въ геологіи, тѣмъ не менѣе здѣшнія верхне-мѣловыя отложенія представляютъ такія фаціальныя особенности, что дѣйствительно не поддаются синхронизаціи съ соотвѣтствующими отложеніями другихъ странъ. Изъ Montrejeau экскурсанты отправились по желѣзной дорогѣ, идущей на Тулузу, до станціи St. Godens, главнаго города округа Верхней Гаронны, а оттуда далѣе—въ экипажахъ, попутно останавливаясь для осмотра различныхъ геологическихъ образованій.

Въ образованіи мѣловыхъ отложеній данной мѣстности принимаютъ участіе слѣдующіе слои: 1) самыми нижними здѣсь являются

голубоватые мергели верхняго отдѣла сенонскаго яруса съ *Ananchytes vulgaris*, *Ostrea vesicularis*, *Janira quadricostata*, *Inoceramus Cripsi*, *Hippurites radiosus*, а также съ многочисленными кораллами и проч.; 2) выше залегаютъ отложенія датскаго яруса, которыя можно расчленить на четыре горизонта; изъ нихъ самыми нижними являются a) известняки и мергели, называемые „нанкинскимъ известнякомъ" („calcaire nankin"), соотвѣтствующіе, какъ увидимъ позже, алетскимъ песчаникамъ (grès d'Alet) сосѣднихъ департаментовъ Ariège и Aude и характеризующіеся присутствіемъ орбитоидъ (*O. secans*, Leym., *O. socialis* Leym., *O. gensacica* Leym.), а также *Hemipneustes pyrenaicus*, *Rhynchonella vespertilio* d'Orb., различными Ostrea и нѣкоторыми формами общими съ сенонскимъ ярусомъ; b) выше находится горизонтъ Озаса (niveau d'Auzas), образованный мергелями и песчаниками съ фауною солоноватыхъ водъ и характеризующійся *Cyrena garumnica* Leym.; кромѣ того въ нихъ встрѣчаются: *Natica bulbiformis* Sow., *Cerithium merigonense*, *Melanopsis avellana* Sandb., *Cyrena pyrenaica*, различныя Ostrea и *Cyclolites Reussi*, *C. tenuiradiata*; 3) эти отложенія покрываются плотнымъ бѣлымъ известнякомъ, называемымъ „литографскимъ"; 4) наконецъ, самымъ верхнимъ горизонтомъ датскаго яруса являются вмѣсто красныхъ мергелей бѣлые известняки и мергели съ *Micraster tercensis*, а въ верхней части—зона съ *Operculina Heberti* Mun. Ch.; известняки, составляющіе верхнюю часть гарумніенскаго яруса Леймери, богаты ископаемой фауною, составляющею такъ называемую „колонію" Леймери. (Леймери, удивленный присутствіемъ вновь мѣловыхъ морскихъ ежей въ слояхъ, лежащихъ выше тѣхъ, которые, казалось, уже заканчивали собою серію мѣловыхъ осадковъ, назвалъ данное мѣсторожденіе колоніей, куда эмигрировали запоздавшіе представители мѣловой фауны). Мѣловыя отложенія покрываются нижне-эоценовыми (третичными) известняками и мергелями, на которыхъ залегаютъ песчаники и пудинги съ *Nummulites Leymeriei* и *Operculina granulosa*. На мѣловыхъ и эоценовыхъ осадкахъ залегаютъ, несогласно пластуясь, міоценовые мергели и пудинги, въ которыхъ близъ St. Gaudens были найдены раньше *Dinotherium*, *Dryopithecus Fontani* и проч. Всѣ упомянутыя образованія мы и имѣли возможность видѣть во время нашей экскурсіи въ этотъ день въ различныхъ пунктахъ. Такъ, у деревни Latoue нами было осмотрѣно обнаженіе самаго верхняго горизонта датскаго яруса, именно известняка съ *Micraster tercensis* и *Operculina Heberti*. Далѣе, у деревни Tuco мы видѣли твердый сѣрый литографскій известнякъ,

покрывающійся верхнимъ датскимъ известнякомъ съ Micraster, а на вершинѣ холма у фермы Tuco—самую верхнюю зону этого яруса съ *Operculina Heberti*. По дорогѣ мы могли наблюдать, что эти отложенія покрываются міоценовыми. Между Latoue, Alaoun и Tuco въ выемкахъ дороги встрѣчались обнаженія красныхъ известняковъ нижней части датскаго яруса. Далѣе же, по дорогѣ между Tuco и St. Martory, мы снова встрѣтили горизонтъ литографскаго известняка, а близъ St. Martory видѣли мергели и песчаники горизонта d'Auzas, а также опрокинутые слои эоцена и верхняго мѣла въ мѣстности, названной Леймери „Front de St. Martory". Затѣмъ экскурсанты отправились вверхъ по долинѣ р. Salat (притока Гаронны), покрытой древними и новыми аллювіальными осадками, до дер. Salies-du-Salat [1]), въ окрестностяхъ которой наблюдали выходъ офита среди пестраго тріасоваго мергеля. Этотъ мергель заключаетъ въ себѣ гипсъ, который и добывается здѣсь; одинъ изъ карьеровъ для добыванія гипса мы имѣли возможность видѣть по пути между Montsaunès и Salies-du-Salat. Кромѣ гипса, въ мергеляхъ содержится и соль, о присутствіи которой свидѣтельствуютъ источники, эксплоатируемые здѣсь съ бальнеологической цѣлью; кромѣ того соль была обнаружена при буреніи скважинъ на глубинѣ отъ 206 до 255 метровъ. Эти пестрые мергели являются весьма интересными по своему стратиграфическому положенію: они заключены между сеноманскими и сенонскими отложеніями (мѣлов. системы). Контактъ съ первыми не представляетъ значенія для рѣшенія вопроса о возрастѣ мергелей, такъ какъ здѣсь проходитъ линія сброса; контактъ же съ сенонскими указываетъ только на то, что эти мергели древнѣе сенонскихъ. Но г. Карезъ,—на основаніи своихъ наблюденій въ сосѣднемъ пунктѣ (къ сѣверу отъ Betchat), гдѣ пестрые мергели находятся въ контактѣ со всѣми отдѣлами верхне-мѣловыхъ и эоценовыхъ отложеній,—полагаетъ, что эти мергели являются самостоятельными, не подчинены прочимъ образованіямъ и не могутъ считаться метаморфизованными офитомъ; въ виду же ихъ полнаго сходства съ несомнѣнными тріасовыми мергелями сосѣдняго департамента Аріежа онъ не считаетъ возможнымъ отнести ихъ къ мѣловымъ. Однако снова приходится замѣтить, что такое объясненіе г. Кареза является недоказательнымъ, и вопросъ этотъ, въ виду отсутствія окаменѣлостей, надо считать нерѣшеннымъ.

---

[1]) Здѣсь имѣются соленые и сѣрнисто-углекислые источники.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи отъ Salies-du-Salat по направленію къ сѣверо-востоку въ Moursoulas и далѣе въ Belbèze мы имѣли возможность увидѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ всю серію вышеописанныхъ мѣловыхъ и третичныхъ осадковъ вмѣстѣ съ широкою полосою „пудинговъ Палассу". Экскурсанты поздно вечеромъ пріѣхали въ Тулузу, бывшую столицу Лангедока, а нынѣ главный городъ департамента Верхней Гаронны. Не смотря на усталость послѣ экскурсіи и предстоящій на слѣдующій день ранній отъѣздъ изъ Тулузы, геологи не соблазнились приготовленными для нихъ комнатами, а вышли всѣ на улицу и, размѣстившись за столиками, стоящими на тротуарахъ у ближайшаго ресторана, бесѣдовали за кружками пива до поздняго часа этой дивной звѣздной и теплой ночи. На слѣдующій день (4-го сентября) рано утромъ въ назначенный часъ всѣ были въ сборѣ на вокзалѣ, откуда поѣздъ помчалъ насъ прямо къ югу, въ горы, по долинѣ р. Ariège до города Foix. Этотъ главный городъ департамента Аріежа расположенъ въ 83 километрахъ къ югу отъ Тулузы и въ 40 верстахъ отъ маленькаго стариннаго городка Аксъ (Ax), конечнаго пункта этой желѣзной дороги. Въ 17 километрахъ къ югу отъ Акса, въ верховьяхъ рѣки Аріежъ, находится извѣстное маленькое независимое государство — имѣющее всего 30 килом. въ длину и ширину—Андоррская республика, расположенная въ гористой части Пиринеевъ между Франціей и Испаніей. Въ г. Foix, раскинутомъ у сліянія рѣкъ Ariège и Arget, достоенъ вниманія видимый еще издали, возвышающійся на утесѣ въ 58 метр. высоты, полуразрушенный, но весьма красивый замокъ XII—XIV столѣтія.

Экскурсія этого дня была посвящена изученію горы Pech de Foix, возвышающейся къ сѣверу отъ города; она составляетъ часть высотъ, которыя здѣсь, у Foix, направляются съ сѣверо-запада на юго-востокъ между Baulou и Lavelanet. Рѣка Аріежъ прорѣзала эту гору, образовавъ себѣ глубокое ложе въ долинѣ, окаймленной крутыми склонами. Геологическое строеніе данной мѣстности, а въ особенности части горы Pech de Foix, расположенной по лѣвому берегу рѣки, представилось намъ съ чрезвычайной отчетливостью, когда мы, послѣ утомительнаго восхожденія въ жаркую пору дня, поднялись на склонъ горы на противоположномъ правомъ берегу рѣки. Было нетрудно набросать отсюда геологическій эскизъ прекраснаго разрѣза, который при семъ и представляю для уясненія послѣдовательности напластованій и тектоники. (См. рис. 2).

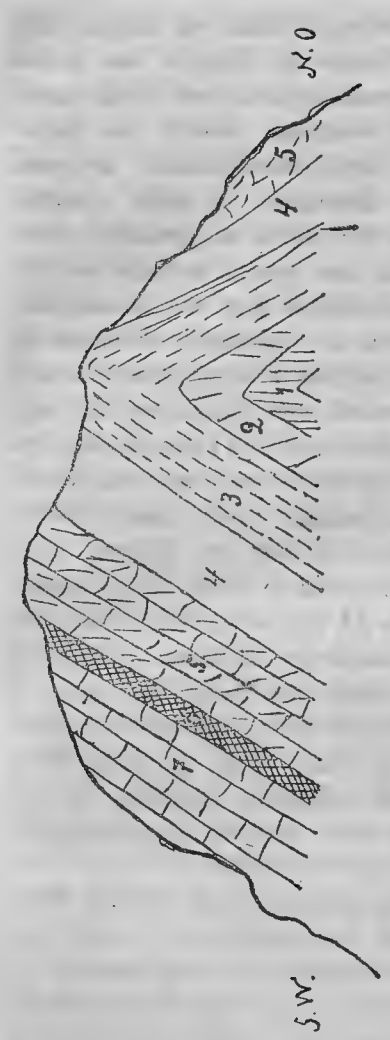

Рис. 2. Схематическій разрѣзъ горы Pech de Foix.

Какъ и видно на рисункѣ, гора Pech образована круто изогнутой антиклиналью, центръ или ось которой занята тріасовыми пестроцвѣтными мергелями съ гипсомъ и кварцемъ. Треугольникъ тріасовыхъ отложеній (1) обрамленъ слѣдующими за нимъ тонкослоистыми известняками (2) съ *Avicula contorta*, составляющими основаніе лейаса [1]), и брекчіевиднымъ известнякомъ (3), относящимся къ нижнему лейасу. Далѣе слѣдуютъ по обѣ стороны, какъ въ сѣверномъ, такъ и въ южномъ направленіи, нетолстые слои темно-сѣраго мергеля (4), изобилующаго ископаемыми средняго (и отчасти верхняго) лейаса съ *Belemnites clavatus*, *B. niger*, *Ammonites venarensis*, *Am. planicosta* и проч. Слѣдующій затѣмъ черный доломитъ (5) безъ окаменѣлостей представляетъ собою средній и, быть можетъ, верхній отдѣлъ юры. Далѣе, на границѣ между юрскими и мѣловыми отложеніями замѣчается узкая полоса (6) кирпично-краснаго цвѣта, представляющая собою бокситъ [2]).

---

[1]) Французскіе геологи выдѣляютъ слои съ Avicula contorta въ особый горизонтъ подъ названіемъ „infralias". Въ другихъ странахъ эти слои причисляютъ къ самымъ верхнимъ отложеніямъ тріасовой системы, къ ретскому ярусу.

[2]) Бокситъ (Beauxite) получилъ свое названіе отъ мѣстечка Beaux близъ Арль во Франціи, гдѣ встрѣчается въ большомъ количествѣ въ видѣ красныхъ, оолитовыхъ зеренъ, включенныхъ въ известковый шпатъ. Бокситъ представляетъ глинистый продуктъ разложенія горныхъ породъ, какъ напр. базальтовъ (въ Гиссенѣ). Въ Вохейнѣ (въ Крайнѣ), гдѣ онъ называется вохейнитомъ, онъ встрѣчается въ видѣ глинистыхъ массъ бураго или бѣлаго цвѣта. Въ Пиринеяхъ бокситы

Слѣдующими самыми нижними мѣловыми отложеніями являются здѣсь слои (7) плотнаго коралловаго известняка свѣтло-сѣраго цвѣта съ *Requienia Lonsdalei*, *Horiopleura Lamberti* и цѣлымъ рядомъ другихъ формъ. За этими урго-аптскими известняками слѣдуютъ (уже за предѣлами этой горы) зеленоватые и желтоватые мергели съ характерными для альбскаго яруса формами: *Hoplites Beudanti*, *Acanthoceras mamillare*, *Puzosia Mayori*, *Belemnites semicanaliculatus*, *Plicatula radiola* и проч. Слѣдующія за ними сеномонскія отложенія выражены свитою мергелей, конгломератовъ и ноздреватыхъ известняковъ съ *Orbitolina*, *Acanthoceras Mantelli*, *Puzosia Mayori*, *Epiaster distinctus*, *Hemiaster bufo*, *H. minimus* и друг. По направленію къ сѣверу эти сеноманскія отложенія покоятся непосредственно то на юрскихъ, то на урго-аптскихъ отложеніяхъ, или залегаютъ подъ сенонскими и датскими, или же непосредственно подъ эоценовыми известняками съ миліолитами, вслѣдствіе существованія здѣсь большого сброса, начинающаго съ востока близъ Belesta и протягивающагося къ сѣверо-западу до Salies-du-Salat, гдѣ, какъ было выше упомянуто, онъ былъ наблюдаемъ и нами.

Всю серію этихъ образованій мы имѣли возможность изучить во время нашей экскурсіи въ продолженіе всего дня по горѣ Pech. Къ вечеру мы спустились по другой сторонѣ горы и пошли въ Foix съ южной стороны по Тарасконской дорогѣ [1]). Здѣсь, не доходя до Foix, въ его окрестностяхъ вниманіе наше было обращено г. Карезомъ на гору Mont Gallard, образованную почти вертикальными слоями сеноманскихъ известняковъ, налегающихъ на каменно-угольныя отложенія. Рано утромъ на слѣдующій день (5-го сентября) мы отправились въ экипажахъ къ востоку отъ Foix по направленію къ г. Quillan. Foix былъ для насъ послѣднимъ пунктомъ, до котораго мы доѣхали по желѣзной дорогѣ; дальнѣйшія экскурсіи совершались частью въ экипажахъ, а частью пѣшкомъ. У дер. Roquefort вдоль дороги наблюдались на большомъ протяженіи обнаженія датскаго яруса и эоцена, при чемъ среди послѣднихъ можно было подмѣтить чередованіе мор-

---

подчинены известнякамъ урго-аптскаго яруса. Состоитъ бокситъ приблизительно изъ 50% глинозема, 13%—20% окиси желѣза, 25% воды, 4%—10% кремнекислоты. Изъ бокситовъ добываютъ квасцы и аллюминій; онъ употребляется также для изготовленія огнеупорныхъ кирпичей.

[1]) Tarascon, небольшой старинный городокъ, расположенъ въ 17 верстахъ къ югу отъ Foix. Другой одноименный городъ находится, какъ извѣстно, на берегу Роны близъ Авиньона.

скихъ и прѣсноводныхъ отложеній. Датскій ярусъ образованъ тремя горизонтами: нижними и верхними красными мергелями и среднимъ, состоящимъ изъ литографскаго известняка съ прѣсноводными ископаемыми. Отложенія датскаго яруса прикрываются эоценовымъ миліолитовымъ известнякомъ, выше котораго залегаютъ морскіе мергели, заключающіе въ себѣ многочисленную фауну: *Nummulites atacica*, *Operculina granulosa*, *O. canalifera*, *Crassatella plumbea*, *Turritella trempina* и проч. Надъ мергелями залегаетъ значительная толща конгломератовъ, называемыхъ пуддингами Палассу. Въ разрѣзѣ горы противъ дер. Carla de Roquefort можно было наблюдать слѣдующую послѣдовательность въ напластованіи третичныхъ отложеній: сверху, подъ пудингами Палассу, залегаетъ горизонтъ съ *Crassatella* и *Num. atacica*, ниже идутъ мергели съ *Turritella trempina;* подъ ними—горизонтъ мергелей съ *Alveolina*, еще ниже—слой известняка съ *Turritella* и *Cerithium*, подъ которыми находятся прѣсноводные сланцы съ *Valvata Carezi* и известняки съ миліолитами.

Вышеупомянутая серія эоценовыхъ и датскихъ отложеній у дер. Lavelanet образуетъ собою въ послѣдовательномъ порядкѣ крылья антиклинальной складки, центръ которой занятъ самымъ нижнимъ горизонтомъ датскаго яруса, именно песчаникомъ, называемымъ Grès d'Alet.

Изъ Lavelanet часть экскурсантовъ отправилась чрезъ Leguillon въ дер. Belesta, близъ которой снова можно было видѣть миліолитовые известняки, покоящіеся на красныхъ мергеляхъ, а остальные совершили экскурсію въ сторону, къ *Benaïx*, гдѣ имѣли возможность собрать большую коллекцію гиппуритовъ и циклолитовъ. Затѣмъ, соединившись въ дер. Belesta, обѣ партіи поѣхали дальше. Склоны горъ близъ Belesta весьма живописны и были покрыты зеленою травою, которую здѣсь косили въ это время года. На дальнѣйшемъ протяженіи дорога проходила также по чрезвычайно живописной мѣстности, а спускъ съ перевала въ г. Quillan очень напомнилъ нашъ знаменитый млетскій спускъ на Военно-Грузинской дорогѣ. Укажемъ на измѣненіе характера природы къ востоку отъ Foix или отъ долины Аріежъ: тогда какъ въ западной части Пиринеевъ климатъ и растительность имѣли характеръ пиринейскій, океаническій, здѣсь природа является съ средиземноморскимъ характеромъ. По мѣрѣ движенія къ востоку все чаще и чаще встрѣчаются оливковыя деревья, платаны, кипарисы, тополи, виноградъ. Не менѣе рѣзко бросается въ глаза и то обстоятельство, что въ западной части Пи-

ринеевъ, гдѣ развиты аспидные сланцы, крыши домовъ покрыты этими сланцами, а здѣсь всюду дома покрыты черепицею. Маленькій городокъ Quillan, расположенный по р. Aude въ 55 километрахъ къ югу отъ Каркассона, главнаго города департамента Aude, представляетъ собою центръ значительнаго лѣсного округа и имѣетъ, какъ почти всѣ другіе городки, развалины замка и минеральные ключи. Изъ этого городка мы отправились на слѣдующій день къ сѣверу, внизъ по долинѣ р. Aude, чрезъ дер. Esperaza въ дер. Cuiza-Montazels. Между Quillan и дер. Campagne по склонамъ обнажаются черные тонкослоистые сланцы, а затѣмъ красный песчаникъ; этотъ красный грунтъ покрытъ многочисленными виноградниками. Далѣе за Campagne долина еще живописнѣе и покрыта средиземноморскою растительностью. Проѣхавъ 12 километровъ, мы остановились въ дер. Cuiza, представляющей сѣверный пунктъ той области, изученію которой были посвящены послѣдніе три дня экскурсіи. Эта возвышенная область, занятая Корбьерскими горами съ ихъ отрогами, представляла большой геологическій интересъ не только по разнообразію отложеній, участвующихъ въ строеніи ея, но и въ тектоническомъ отношеніи. Для изученія строенія Корбьеръ былъ избранъ, согласно программѣ, маршрутъ отъ Cuiza къ югу чрезъ Rennes и высшую точку горъ — пикъ Бюгарашъ на St.-Paul de Fenouillet, расположенный уже на южномъ склонѣ Корбьерскихъ горъ. На этомъ протяженіи съ сѣвера на югъ встрѣчаются третичныя и мезозойскія отложенія, образовавшія шесть антиклинальныхъ и столько же синклинальныхъ складокъ, при чемъ третичныя отложенія вмѣстѣ съ мезозойскими имѣются только въ сѣверной части области, именно въ первой синклинали: въ остальныхъ же—встрѣчаются только мезозойскія образованія. Третичныя образованія занимаютъ ближайшую къ рѣкѣ Aude часть этой первой (сѣверной) синклинали и въ дер. Cuiza выражены слѣдующими эоценовыми образованіями, начиная снизу: 1) миліолитовый известнякъ, толщею около 25 метровъ, богатый фораминиферами и ядрами трудно опредѣлимыхъ формъ, среди которыхъ достовѣрна только *Lucina corbarica* Leym., 2) разноцвѣтные мергели, толщею до 100 метровъ, безъ окаменѣлостей, но съ гипсомъ, который и эксплоатируется близъ дер. Cuiza, 3) песчанистый известнякъ, образующій первый уступъ съ единственнымъ прѣсноводнымъ видомъ *Cerithium cf. subacutum* „песковъ Cuise“ парижскаго бассейна и съ крупными обломками дерева, проточеннаго моллюскомъ Teredo, 4) выше—серія голубоватыхъ морскихъ мергелей съ песчано-

известковыми прослоями и съ массою туррителль и другихъ формъ: *Turritella trempina* Carez, *T. figolina*, *T. Rodensis* Carez. *Trochocyathus sinuosus* Brong., *Operculina ammonea* Leym., *Nummulites globulus* Leym., *N. Leymeriei* d'Arch.; 5) наконецъ самымъ верхнимъ горизонтомъ является известнякъ, образующій второй уступъ и заключающій въ себѣ *Ostrea uncifera* Leym., *Velates Schmiedelliana* Chemn., и др.

Осмотрѣвъ карьеръ противъ дер. Cuiza, гдѣ добывается гипсъ, экскурсанты поѣхали дальше по дорогѣ въ Rennes des Bains. Близъ дер. Cassaignes у развѣтвленія дороги представился интересный геологическій разрѣзъ: на вершинѣ горы обнажались палеозойскія отложенія, къ которымъ прислонены отложенія мѣловыя (яруса garumnien), а за ними слѣдовалъ миліолитовый известнякъ, слои котораго изогнуты въ видѣ буквы S.

Экскурсія изъ Rennes les Bains имѣла цѣлью изслѣдованіе горы Montagne des Cornes, получившей свое названіе благодаря неимовѣрному изобилію встрѣчающихся тамъ гиппуритовъ и представляющей прекрасный разрѣзъ развитыхъ здѣсь мѣловыхъ осадковъ.

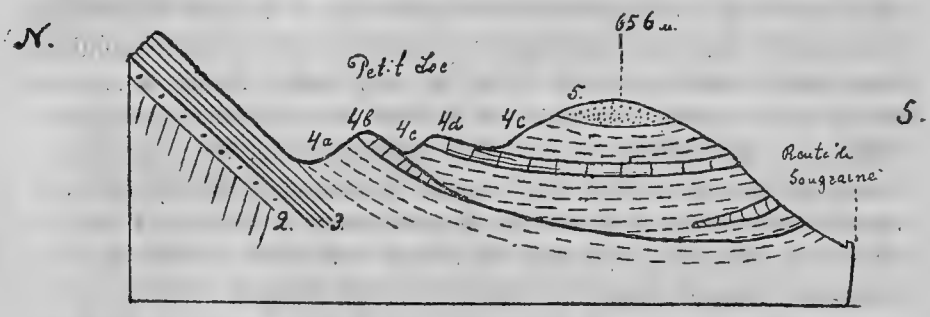

Рис. 3. Montagne des Cornes.

На прилагаемомъ рисункѣ, изображающемъ профиль горы Montagne des Cornes съ сѣвера на югъ, видна вся серія слоевъ, участвующихъ въ строеніи этой горы и встрѣченныхъ нами во время экскурсіи. Вершина горы (выс. 656 метр.) вѣнчается такъ называемымъ алетскимъ песчаникомъ (5) (grès d'Alet), представляющимъ собою самый нижній горизонтъ датскаго яруса. Лежащіе выше этого песчаника и уже описанные мною слои: — нижній красный мергель, литографскій известнякъ и верхній красный мергель,—здѣсь отсутствуютъ, но встрѣчаются нѣсколько западнѣе, слагая собою большую часть плато между Rennes и долиною Aude. Этотъ алетскій песчаникъ, толщею до 20 метровъ, является то тонко-зернистымъ, то грубо-зернистымъ,

не заключаетъ въ себѣ окаменѣлостей, но содержитъ только углистыя частицы и гагатъ. Подъ ними залегаетъ свита сенонскихъ образованій, верхнимъ членомъ которыхъ является голубоватый мергель (4 b) (называемый marne du Moulin Tiffou), налегающій на верхній гиппуритовый известнякъ (4 d); подъ нимъ залегаютъ снова голубоватые мергели (4 c), ниже которыхъ находится нижній гиппуритовый известнякъ (4 b) менѣе богатый гиппуритами, но характеризующійся присутствіемъ *Ammonites texanus*; и, наконецъ, самымъ нижнимъ горизонтомъ сенонскаго яруса являются опять-таки голубоватые мергели (4 a) съ *Micraster brevis* Des., *Ammonites Pailleteanus* и многими другими формами. Сенонскіе осадки, занимающіе среднюю часть синклинали, покрываютъ собою въ согласномъ напластованіи туронскіе (3), которые состоятъ изъ двухъ горизонтовъ известняковъ, отдѣленныхъ прослоемъ тонко-зернистаго песчаника съ остатками неопредѣленныхъ растеній; въ туронскихъ отложеніяхъ встрѣчается, за исключеніемъ полиповъ и особенно гиппуритовъ, мало другихъ окаменѣлостей.

Въ верхнемъ горизонтѣ преобладаютъ *Hippurites gosaviensis* Douv., *H. Moulinsi* d'Hom. и *Ostrea vesicluaris* Lk., а въ нижнемъ встрѣчаются *H. giganteus* d'Hombr., *H. resectus* Defr. и H. *petrocoriensis* Douv. Кромѣ того въ обоихъ горизонтахъ имѣется Janira *quadricostata* Lk.

Подъ туронскими осадками согласно залегаютъ сеноманскіе известковистые песчаники (2) съ каприпами и каприпулями; къ востоку среди сеноманскихъ осадковъ преобладаютъ мергели съ прослоями известняка, заключающіе *Ostrea carinata*, *каприны* и проч. Въ основаніи замѣчается мѣстами мелкогалечный конгломератъ, съ гальками чернаго кварца. Сеноманскія отложенія залегаютъ трансгрессивно на болѣе древнихъ осадкахъ и часто покрываютъ собою непосредственно тріасовыя отложенія или различные ярусы палеозойской группы. Въ послѣднемъ мы могли убѣдиться, совершивъ небольшую экскурсію къ сѣверу отъ горы Montagne des Cornes и встрѣтивъ въ трехъ верстахъ отъ нея обнаженіе песчанисто-мергельной породы каменноугольной системы (на рис. обозн. 1), покрытой въ несогласномъ напластованіи сеноманскими слоями, въ которыхъ здѣсь удалось найти *Caprina Roissyi*, *Terebratula*, *Rhynchonella*, *Ostrea* и проч.

Тутъ же обнажался и песчаникъ Туронскаго яруса, обозначенный на прилагаемомъ рисункѣ цифрой 2. Такимъ образомъ въ образованіи Montagne des Cornes принимаютъ участіе исключительно верхнемѣловые осадки. Изобиліе гиппуритовъ, разбросанныхъ по всему склону горы, увлекло экскурсантовъ, и чрезъ очень короткое время

были наполнены не только сумки геологовъ, но также корзины, навьюченныя на спины двухъ осликовъ, предусмотрительно взятыхъ г. Карезомъ изъ деревни.

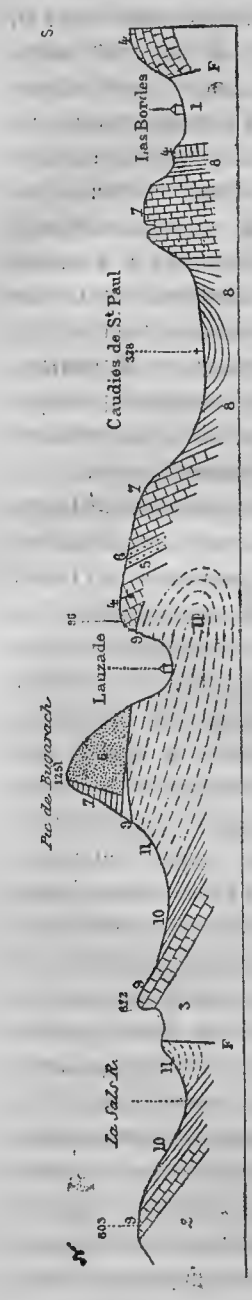

Рис. 4. Геологическій разрѣзъ съ С. на Ю. чрезъ пикъ Бюгарашъ.

Что касается нижне-мѣловыхъ осадковъ, то они образуютъ узкую полосу отъ 5 до 12 километровъ шириною, тянущуюся съ востока на западъ отъ дер. Estagel до дер. Belesta и состоятъ изъ черныхъ мергелей гольта и известняковъ урго-аптскаго яруса. Неокомскаго же яруса здѣсь не имѣется. Нижне-мѣловыя образованія были встрѣчены нами на слѣдующій день по пути изъ Rennes les Bains въ дер. Бюгарашъ. Въ этотъ день мы могли снова увидѣть послѣдовательно всю серію мѣловыхъ отложеній (см. рис. 4). Такъ, сейчасъ же за Rennes les Bains были встрѣчены сенонскіе мергели и аптскій песчаникъ, принимающіе участіе во второй синклинали, называемой „Synclinal de Sougraine". Далѣе близъ дер. Clamans у дороги встрѣтили обнаженіе сенонскихъ мергелей (11), въ которыхъ было найдено нами много экземпляровъ *Micraster brevis*, *Ammonites Pailleteanus*, *Ostrea*, *Pecten* и проч. Далѣе у моста, предъ входомъ въ долину Source-salé, мы видѣли обнаженіе верхняго туронскаго известняка и песчаника, нижняго туронскаго известняка съ гиппуритами (10), за которымъ слѣдовали сеноманскія отложенія (9), покоющіяся на каменноугольныхъ (2). Еще далѣе, при восхожденіи отъ Source de la Salz (у Fontaine salé), гдѣ можно было видѣть аптскіе известняки (7), на Col de Linas, встрѣтили сеноманскій известнякъ (9) съ *Orbitolina concava*, а также слои съ *Caprina* и *Nerinea*. Кромѣ того здѣсь же намъ были указаны пестроцвѣтные тріасовые мергели (3) съ гипсомъ, солью и съ кристаллами бипирамидальнаго кварца.

Чтобы окончить описаніе встрѣченныхъ нами геологическихъ образованій, надо упомянуть еще объ юрскихъ осадкахъ, состоящихъ здѣсь изъ трехъ горизонтовъ. Въ основаніи залегаетъ тонкослоистый известнякъ, иногда мергелистый съ *Avicula contorta*, покрывающійся сѣрымъ плотнымъ известнякомъ безъ окаменѣлостей, который считается нижнимъ лейасовымъ (4). Надъ нимъ идетъ свита желтоватыхъ известняковъ и мергелей (5), заключающихъ въ изобиліи белемнитовъ, аммонитовъ (*Am. margaritatus*),—теребратуль (*Ter. punctata*) и проч. и относящихся къ среднему, а отчасти къ верхнему лейасу. Наконецъ, самымъ верхнимъ членомъ является черный или темносѣрый доломитъ (6), не заключающій въ себѣ окаменѣлостей, относимый г. Карезомъ къ осадкамъ средней юры. Этотъ доломитъ образуетъ собою вершину Бюгарашскаго пика (6). Осадковъ верхне-юрскихъ здѣсь нѣтъ.

Изъ дер. Бюгарашъ началось восхожденіе на самый высшій пунктъ Корбьерскихъ горъ „пикъ Бюгарашъ", возвышающійся на 1251 метр. Нѣкоторые болѣе слабые и пожилые экскурсанты наняли здѣсь муловъ, большинство же отправилось пѣшкомъ. День былъ жаркій и восхожденіе было утомительно. Основаніе горы Бюгарашъ образовано сеноманскими, туронскими и сенонскими отложеніями, которыя и были нами попутно осмотрѣны. Вершина же горы образована ургонскими известняками и юрскими доломитами. Не всѣмъ геологамъ, однако, удалось добраться до вершины, которой достигли кромѣ Кареза, проф. Ротплетцъ и я; остальные, завидѣвъ приближавшіяся дождевыя тучи, поторопились спуститься внизъ. Съ вершины Бюгарашъ открывался обширный видъ на горы и долины, и отсюда было удобнѣе получить болѣе ясное представленіе о сложной тектоникѣ корбьерскихъ горъ. Но долгое пребываніе на вершинѣ оказалось невозможнымъ изъ-за миріадъ крылатыхъ муравьевъ, окружившихъ насъ черной тучей и облѣплявшихъ лицо, ротъ, уши, глаза; а кромѣ того пошелъ дождь и надо было торопиться спускаться внизъ. Это былъ первый дождь, первая ненастная погода за все время нашего путешествія въ Пиринеяхъ. Мы спускались на другую сторону Бюгараша къ большой дорогѣ, ведущей въ St. Paul de Fenouillet, гдѣ насъ должны были ждать экипажи. И дѣйствительно, еще сверху, съ горы мы видѣли ихъ, но возницы, не замѣтивъ насъ, предположили, что мы уже спустились и отправились дальше. Дождь усиливался и разразился сильнымъ ливнемъ, а затѣмъ крупнымъ градомъ. Мы ускорили шаги, но не всѣ могли идти одинаково быстро, а потому вере-

ница геологовъ растянулась по склону и по дорогѣ. Нѣкоторые, ушедшіе впередъ, скрылись отъ дождя въ попавшемся по дорогѣ полуразрушенномъ сараѣ, другіе пошли далѣе, такъ что въ концѣ концовъ потеряли другъ друга. Уже наступали сумерки, когда мы встрѣтили нашихъ возницъ, искавшихъ насъ по дорогѣ. Но не всѣ были въ сборѣ; еще долго раздавался свистокъ руководителя, пока не услышали его отставшіе экскурсанты. Промокшіе до костей, дрожа отъ холода, всѣ усѣлись кое-какъ въ экипажи и поѣхали дальше. Въ ближайшей деревнѣ было куплено нѣсколько пледовъ и попонъ, которыми и покрылись при дальнѣйшемъ слѣдованіи въ St. Paul, куда пріѣхали поздно вечеромъ. Не для всѣхъ, однако, благополучно сошло долговременное пребываніе подъ дождемъ. Двое изъ геологовъ (Д. Л. Ивановъ и D-r Broili) почувствовали ознобъ, головную боль и пролежали въ лихорадкѣ всю ночь, остальные же отдѣлались утомленіемъ. Въ экскурсіи на слѣдующій день въ окрестностяхъ St. Paul приняли участіе только трое геологовъ, другіе же чувствовали сильное утомленіе послѣ Бюгарашской экскурсіи и предпочли остаться дома, приводя въ порядокъ и упаковывая собранныя коллекціи. Вечеромъ большинство экскурсантовъ выѣхало въ почтовой каретѣ въ г. Perpignan, отстоящій въ 40 верстахъ отъ St. Paul, къ поѣзду, отходящему оттуда ночью. Дорога проходитъ по красивой холмистой мѣстности чрезъ городъ Эстагель, родину знаменитаго физика Ф. Араго, гдѣ поставленъ памятникъ этому ученому. За Эстагелемъ мѣстность постепенно понижается къ морю, и мы быстро проѣхали по дорогѣ, обрамленной съ обѣихъ сторонъ большими кустами кактусовъ, до Перпиньяна, гдѣ геологи распростились другъ съ другомъ и почти на одновременно отходящихъ поѣздахъ отправились одни на сѣверъ во Францію, а другіе на югъ въ Испанію.

Такимъ образомъ эта кратковременная экскурсія дала участникамъ ея весьма много поучительнаго и интереснаго. Благодаря удачно избранному маршруту была дана возможность видѣть и ознакомиться съ цѣлой серіей разнообразныхъ отложеній и мѣстами собрать окаменѣлости. Если оставить въ сторонѣ наиболѣе древнія, палеозойскія отложенія, а изъ мезозойскихъ—тріасовыя, которыя, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ окаменѣлостей, недостаточно пока изучены и проблематичны, то остальныя мезозойскія отложенія, начиная съ лейаса юрской системы и кончая датскимъ ярусомъ мѣловой системы, а также эоценовые осадки третичной системы, выражены здѣсь почти въ полной послѣдовательности и были доступны нашему наблюденію.

Нижнія и среднія (а отчасти, быть можетъ, и верхнія) юрскія отложенія были встрѣчены нами въ центральной части Пиринеевъ. Мѣловыя отложенія, начинающіяся съ урго-аптскихъ слоевъ, были прослѣжены почти вдоль всего склона: въ западной части верхне-мѣлов. осадки фигурировали уже въ разрѣзахъ окрестностей Біаррица, а въ восточной части, какъ мы видѣли, эти отложенія являются господствующими. Что касается третичныхъ отложеній, то они развиты на всемъ протяженіи къ западу отъ долины Аріежа до Біаррица. Кромѣ осадочныхъ образованій, намъ пришлось встрѣтить мѣстами и выходы изверженныхъ породъ.

Конечно, десятидневной экскурсіи, даже при самомъ цѣлесообразномъ распредѣленіи времени, недостаточно для болѣе или менѣе основательнаго ознакомленія съ геологіей столь сильно изрѣзанной, гористой мѣстности какъ Пиринеи, но если геологическое строеніе мѣстности достаточно хорошо изучено, то, при умѣло выбранномъ маршрутѣ и при опытномъ и знакомомъ съ геологіей данной мѣстности руководителѣ, можно и въ столь короткій срокъ получить гораздо болѣе ясное представленіе о геологическомъ строеніи ея, чѣмъ при долговременномъ и тщательномъ изученіи по литературнымъ даннымъ. Этотъ наглядный способъ изученія особенно плодотворенъ при совмѣстныхъ экскурсіяхъ нѣсколькихъ лицъ, когда является возможнымъ обмѣнъ мнѣній на мѣстѣ. Французское геологическое общество (Société géologique de France) уже давно сознало пользу такихъ экскурсій, и потому оно ежегодно лѣтомъ организуетъ геологическіе съѣзды и экскурсіи членовъ общества въ различныхъ частяхъ французской республики не только въ предѣлахъ Европейскихъ владѣній, но и въ своихъ колоніяхъ (напр., въ Алжирѣ), при чемъ выхлопатываетъ обыкновенно для экскурсантовъ льготные проѣзды по жел. дорогамъ и на пароходахъ.

Къ сожалѣнію, у насъ не практикуются такія экскурсіи. Организуемые у насъ періодически (чрезъ каждые три года) съѣзды русскихъ естествоиспытателей и врачей имѣютъ мѣсто обыкновенно не лѣтомъ, а зимою, во время Рождественскихъ каникулъ. Конечно, въ это время года невозможны ни геологическія, ни ботаническія экскурсіи; а между тѣмъ при такихъ экскурсіяхъ большинство членовъ съѣзда постепенно могло бы ознакомиться съ природою различныхъ частей нашего обширнаго отечества.

Такія экскурсіи имѣли бы благотворные результаты, заинтересовывая и привлекая къ наблюденіямъ многихъ лицъ, не спеціалистовъ, которые, не имѣя спеціальной подготовки, не могутъ, при всемъ

своемъ желаніи, приступить къ наблюденіямъ и собиранію коллекцій, не зная, на что обращать вниманіе. Неоднократно, при моихъ геологическихъ экскурсіяхъ въ чьихъ либо частныхъ владѣніяхъ, мнѣ приходилось приводить въ искреннее удивленіе находками окаменѣлостей г.г. владѣльцевъ, которые не подозрѣвали, что таковыя имѣются на ихъ земляхъ и не обращали на нихъ вниманіе. Но достаточно было самыхъ краткихъ элементарныхъ объясненій и указаній, чтобы такія лица впослѣдствіи являлись хорошими коллекторами. Во Франціи, не говоря уже о городахъ, гдѣ имѣются даже небольшіе музеи, почти въ каждой деревнѣ можно было встрѣтить такихъ коллекторовъ даже среди крестьянъ, любезно предоставлявшихъ для осмотра свои коллекціи минераловъ и окаменѣлостей.

Какъ уже было упомянуто, послѣ засѣданій конгресса было организовано 17 геологическихъ экскурсій въ различныхъ частяхъ Франціи. Я принялъ участіе въ Пиринейской экскурсіи. Занимаясь геологіей южныхъ горныхъ областей, Крыма и Кавказа, и имѣвъ возможность, благодаря многолѣтнимъ экскурсіямъ, познакомиться съ геологическимъ строеніемъ этихъ мѣстностей, а также отчасти съ Баварскими, Швейцарскими и Французскими Альпами, я считалъ для себя интересными и заманчивыми новыя, еще невиданныя мною горы, входящія въ ту же южную область—Пиринеи, а потому я и избралъ Пиринейскую экскурсію, чтобы имѣть возможность ознакомиться на мѣстѣ съ геологіей столь интересной мѣстности и сравнить ее съ геологіей Крыма и Кавказа. Параллелизація затрудняется, однако, съ одной стороны недостаточнымъ моимъ знакомствомъ съ Пиринеями, а съ другой—недостаточною пока изученностью Крыма и Кавказа; тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшихъ строкахъ я попытаюсь сдѣлать это въ предѣлахъ возможнаго.

Во время нашей экскурсіи намъ пришлось имѣть дѣло преимущественно съ юрскими, мѣловыми и третичными отложеніями, а потому я буду параллелизировать только эти отложенія.

Нижне-юрскіе осадки, такъ называемые лейасовые, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ вдоль всего сѣвернаго склона Пиринеевъ. Въ Нижнихъ Пиринеяхъ эти осадки выражены мергелистыми известняками и сланцеватыми мергелями среднихъ ярусовъ лейаса. Въ департаментѣ В. Гаронны встрѣчаются болѣе древніе ярусы лейаса, образованные известняками и аспидными сланцами; еще восточнѣе, подобныя же образованія имѣются и далѣе, въ Аріежѣ. Далѣе, за Аріежемъ, лейасовыя отложенія исчезаютъ и появляются затѣмъ на окраинахъ Корбьерскихъ

горъ. На Кавказѣ къ лейасовымъ отложеніямъ относятъ темно-сѣрые, почти черные, рухляки и песчаники, покоющіеся на палеозойскихъ слюдистыхъ сланцахъ и слагающіе собою нижнія части обоихъ склоновъ главнаго хребта. Какъ на сѣверномъ склонѣ (въ верховьяхъ Кубани), такъ и на южномъ (въ Тквибули, по р. Ріону) въ этихъ лейасовыхъ отложеніяхъ содержится уголь.

Въ Крыму лейасовыми осадками обыкновенно считались тѣ черные глинистые сланцы, песчаники и конгломераты, которые слагаютъ собою оба склона Яйлы, вершина которой занята известняками верхней юры. Мѣстами и здѣсь въ Крыму встрѣчаются въ этихъ сланцахъ слои съ углемъ, напр., лигнитъ у Балаклавы, гагатъ — въ верховьяхъ р. Качи.

Вслѣдствіе отсутствія окаменѣлостей всю толщу этихъ образованій въ Крыму считали до сихъ поръ за лейасъ [1]).

Отложенія доггера или средняго отдѣла юрской системы выражены на Кавказѣ песчаниками, рухляками, известняками и оолитами съ аммонитами, характерными для баіоскаго, батскаго и келовейскаго ярусовъ соотвѣтственныхъ отложеній Западной Европы. Въ Крыму къ этимъ отложеніямъ доггера относятся песчаники и конгломераты, не заключающіе окаменѣлостей, а также—часть вышеуказанныхъ черныхъ сланцевъ.

Что касается средне-юрскихъ осадковъ Пиринеевъ, то какъ мы выше видѣли, они образованы темными и черными доломитами, не заключающими окаменѣлостей и относимыми къ среднему и верхнему отдѣламъ юрской системы только на основаніи ихъ стратиграфическаго положенія.

Между тѣмъ въ Крыму верхне-юрскія отложенія вѣнчаютъ собою въ видѣ твердыхъ доломитизированныхъ известняковъ вершины Таврическихъ горъ, называемыхъ Яйлою, часть которой составляетъ и Чатыръ-дагъ. На Кавказѣ верхне-юрскіе известняки, отсутствующіе на южномъ склонѣ, слагаютъ собою на сѣвер. склонѣ вершины горъ, образующихъ второй кряжъ, тянущійся параллельно главному хребту, при чемъ известняки эти подраздѣляются на нѣсколько горизонтовъ, изъ которыхъ самый верхній (съ Nerinea pseudobruntrutana) можетъ быть параллелизированъ съ ярусомъ титонскимъ, составляющимъ пе-

---

[1]) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ и находкамъ ископаемыхъ въ Крыму геологомъ К. К. Фохтомъ оказалось, что не вся толща этихъ образованій относится къ лейасу, но что часть ихъ можетъ быть отнесена частью къ осадкамъ средней юры (доггеру), частью же къ тріасовымъ отложеніямъ.

реходъ отъ юрской къ мѣловой системѣ. Точно также титонскій ярусъ констатированъ и въ Крыму, въ окрестностяхъ Симферополя и Ѳеодосіи. Отложенія титонскаго яруса извѣстны также во многихъ мѣстахъ Альпъ и Карпатовъ. Слѣдовательно, не только въ эпоху отложенія титонскаго яруса, но и еще раньше, а именно съ самаго начала верхне-юрской эпохи, Пиринеи представляли собою сушу. Тѣ же условія продолжались и далѣе до эпохи образованія барремскаго яруса мѣловой системы, о чемъ свидѣтельствуетъ полное отсутствіе въ Пиринеяхъ неокомскихъ отложеній.

Такимъ образомъ наиболѣе древними осадками мѣловой системы являются въ Пиринеяхъ барремскіе (ургонскіе) коралловые известняки съ орбитолинами Нижнихъ Пиринеевъ и Ландовъ. Эти ургонскіе или урго-аптскіе известняки соотвѣтствуютъ подобнымъ же известнякамъ Дофинскихъ, Швейцарскихъ и Баварскихъ Альпъ. Въ Баваріи эти известняки носятъ названіе „Schrattenkalk". Въ верхней части известняки въ Н. Пиринеяхъ переходятъ въ мергели, которые и относятся собственно къ аптскому ярусу, а выше залегаютъ отложенія гольта или альбскаго яруса, выраженныя тремя фаціями: коралловой, илистой и песчаной. Въ центральной части Пиринеевъ коралловые известняки альбскаго яруса подстилаются слоями съ радіолитами и реквеніями, а кромѣ того, какъ выше было указано, этимъ известнякамъ (у Foix) подчинена полоса боксита.

Восточнѣе, въ Аріежѣ, аптскій ярусъ образованъ известняками, а альбскій — мергелями и известняками, достигающими особеннаго развитія по мѣрѣ приближенія къ Quillan. Въ Корбьерскихъ горахъ въ образованіи альбскаго яруса принимаютъ участіе кромѣ известняковъ также сланцы и песчаники. Сравнивая нижне-мѣловыя отложенія Пиринеевъ съ Альпійскими, Крымскими и Кавказскими, замѣчаемъ, что самый нижній ярусъ (неокомскій), отсутствующій въ Пиринеяхъ, въ только что названныхъ областяхъ сильно развитъ. Аптскія отложенія, выраженныя отчетливо въ Альпахъ и на Кавказѣ, въ Крыму не выдѣляются въ особый ярусъ. То же самое можно сказать и о альбскомъ ярусѣ.

Переходя къ разсмотрѣнію верхняго отдѣла мѣловой системы, мы сразу замѣчаемъ, что пиринейская область вмѣстѣ съ другими частями южной Франціи составляла часть той обширной средиземноморской зоны, въ которой господствовали рудисты, между тѣмъ какъ крымскія и кавказскія верхне-мѣловыя отложенія представляютъ совер-

шенно другой, такъ называемый сѣверный типъ развитія. Выше мы видѣли, что изъ рудистовъ родъ гиппуритовъ встрѣчается въ Пиринеяхъ повсюду какъ въ сеноманскомъ, такъ въ туронскомъ и сенонскомъ ярусахъ. Эти ископаемые пластинчато-жаберные моллюски являются столь распространенными и въ такомъ разнообразіи видовъ, что служатъ руководящими формами для подраздѣленія верхне-мѣловыхъ отложеній на горизонты. Такъ, въ Корбьерахъ туронскій ярусъ раздѣленъ на шесть горизонтовъ, изъ которыхъ каждый характеризуется особенными видами гиппуритовъ. Въ сенонскомъ же ярусѣ удалось подмѣтить даже 7 такихъ горизонтовъ. Ничего подобнаго мы не имѣемъ ни въ Крыму, ни на Кавказѣ. На Кавказѣ верхне-мѣловыя отложенія подраздѣляются на сеноманскій, сенонскій и самый верхній, датскій ярусъ; туронскій же ярусъ не можетъ быть точно установленъ за отсутствіемъ въ немъ окаменѣлостей. Въ Крыму, гдѣ верхне-мѣловыя отложенія выражены толщею бѣлыхъ мергелей и известняковъ, пока трудно провести точную границу между сеноманскими, туронскими и сенонскими осадками; можно только выдѣлить въ датскій ярусъ только самую верхнюю часть мѣловыхъ отложеній, а именно такъ называемый мшанковый известнякъ.

Отложенія датскаго яруса Пиринеевъ, какъ объ этомъ было уже подробно сказано, представляются настолько своеобразными, что отличаются не только отъ соотвѣтственныхъ отложеній Кавказа и Крыма, но и ближайшихъ мѣстностей.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что верхне-мѣловыя отложенія являются неодинаковыми и въ предѣлахъ Пиринеевъ. Такъ, напримѣръ, эти отложенія въ центральной части Пиринеевъ отличаются какъ отъ корбьерскихъ такъ и отъ западныхъ; очевидно, что въ эту эпоху въ центральной области были особыя условія для отложенія осадковъ. Здѣсь, въ нижнихъ частяхъ мѣловыхъ образованій залегаютъ обломочныя породы. Въ Аріежѣ подъ песчаниками и мергелями сеноманскаго яруса залегаютъ брекчіи и пуддинги. Такой составъ породъ, вмѣстѣ съ несогласнымъ пластованіемъ сеноманскихъ осадковъ съ ниже-лежащими отложеніями свидѣтельствуетъ о значительной трансгрессіи моря въ эту эпоху. Кромѣ того,—въ то время какъ въ восточной части Пиринеевъ мы встрѣчаемъ среди морскихъ отложеній, отложенія прѣсноводныя и солоноватыхъ водъ,—въ центральной части морскія отложенія становятся преобладающими; по мѣрѣ же удаленія къ западу морская фація выражена еще рѣзче, и въ Нижнихъ Пи-

ринеяхъ и Ландахъ морскіе представители фауны встрѣчаются уже въ сенонскихъ отложеніяхъ (напримѣръ, въ окрестностяхъ Біаррица найденъ аммонитъ — Pachydiscus).

Изъ третичныхъ отложеній въ Пиринеяхъ выраженъ только самый нижній отдѣлъ—эоценъ, если не считать слабо развитыхъ отложеній, соотвѣтствующихъ отложеніямъ Пикерми, т. е. понтическому ярусу. Эти эоценовыя отложенія, соотвѣтствующія по своему возрасту альпійскому флишу и вѣнскому песчанику, представляютъ полную и послѣдовательную серію осадковъ, подраздѣляемыхъ на нѣсколько ярусовъ. Но не всюду, однако, имѣются нижніе ярусы эоцена. Въ центральной части Пиринеевъ самые древніе эоценовые морскіе осадки слѣдуютъ непосредственно за самыми верхними датскими слоями; на это указываетъ существованіе въ эоценовыхъ слояхъ упомянутой нами формы Operculina Heberti, встрѣчающейся въ самомъ верхнемъ горизонтѣ датскаго яруса. Этимъ отложеніямъ, относящимся къ суасонскому ярусу, въ восточныхъ Пиринеяхъ и въ Корбьерахъ соотвѣтствуютъ слои съ фораминиферами (альвеолинами) и съ морскими ежами (рода Oriolampas). Между тѣмъ въ западной части Пиринеевъ, какъ мы видѣли, самыми древними эоценовыми осадками, лежащими на датскихъ, являются слои съ нуммулитами (Num. striata и N. perforata), относящіеся къ болѣе молодымъ образованіямъ, именно къ ярусу парижскому (или иначе называемому—Lutetien). Ни суасонскаго, ни лондонскаго ярусовъ (или яруса Ypresien) здѣсь нѣтъ.

Въ Крыму и на Кавказѣ также отсутствуетъ нижній отдѣлъ эоцена. Въ Крыму не имѣется осадковъ, эквивалентныхъ суасонскому и лондонскому ярусамъ. Серія третичныхъ отложеній здѣсь начинается слоями глауконитовыхъ рухляковъ и нуммулитовыхъ известняковъ, соотвѣтствующихъ по возрасту парижскому (Lutetien) ярусу; на нуммулитовыхъ известнякахъ покоится толща бѣлыхъ рухляковъ, содержащихъ моллюски и корненожки слѣдующаго, бартонскаго яруса; еще выше залегаетъ темно-сѣрая глина съ морскими моллюсками, относящаяся уже къ отложеніямъ олигоцена. Присутствіе въ эоценѣ Крыма, также какъ въ эоценѣ Пиринеевъ, ископаемыхъ корненожекъ-нуммулитовъ указываетъ, что эти эоценовыя отложенія выражены по южному типу, т. е. являются образованіями, аналогичными отложеніямъ Альпійской цѣпи и отличающимися отъ образованій сѣвернаго типа, въ которыхъ нуммулиты отсутствуютъ. Къ послѣднему типу относятся эоценовые осадки сѣвернаго склона Кавказа, образованные толщею бѣлыхъ и синеватыхъ рухляковъ съ отпечатками фукусовъ и съ не-

многочисленными моллюсками, характерными для бартонскаго яруса. Отсутствіе окаменѣлостей въ нижнихъ частяхъ этихъ отложеній не позволяетъ подраздѣлить ихъ на отдѣльные горизонты. На южномъ склонѣ Кавказа, напротивъ, вся толща эоценовыхъ образованій,—заключающихъ нуммулиты и относящихся, слѣдовательно, къ южному типу,—можетъ быть расчленена на нѣсколько ярусовъ: самый нижній ярусъ образованъ здѣсь песчаниками, рухляками, глинистыми сланцами и туфами; выше находятся песчаники съ морской фауной, соотвѣтствующіе парижскому ярусу; къ бартонскому же ярусу относятся здѣсь сланцеватые глины и рухляки съ остатками рыбъ (обиліе этихъ остатковъ дало поводъ называть этотъ ярусъ—рыбнымъ).

Въ Пиринеяхъ верхній отдѣлъ эоцена также неодинаково образованъ: въ восточной и центральной части нельзя провести рѣзкой границы между осадками лондонскаго, парижскаго и бартонскаго ярусовъ; здѣсь имѣются известняки съ миліолидами и альвеолинами и рухляки съ оперкулинами, соотвѣтствующіе двумъ нижнимъ ярусамъ, тогда какъ образованій, аналогичныхъ бартонскому ярусу западной части Пиринеевъ, не имѣется. Между тѣмъ этотъ ярусъ въ окрестностяхъ Біаррица, образованный слоями съ Serpula spirulea, рѣзко выдѣляется, залегая между нуммулитовымъ известнякомъ (внизу) и слоями рухляковъ съ Eupatagus (вверху).

Эти послѣдніе слои съ Eupatagus относятся къ слѣдующимъ, болѣе молодымъ образованіямъ лудіенскаго (или лигурійскаго) яруса, которыя считаются одними геологами за самыя верхнія эоценовыя, а другими—за самыя нижнія олигоценовыя. Этимъ образованіямъ, если припомнимъ, въ восточной части Пиринеевъ соотвѣтствуютъ конгломераты, называемые „пуддингами Палассу". Ни въ Крыму, ни на Кавказѣ лудіенскій ярусъ не обнаруженъ; верхнія эоценовыя отложенія покрываются тамъ образованіями, аналогичными тонгрійскому ярусу олигоценовыхъ отложеній.

Ограничиваясь вышеприведенной параллелизаціей геологическаго строенія Пиринеевъ, Крыма и Кавказа, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ общемъ рельефѣ или орографіи этихъ областей, несомнѣнно зависящей отъ геологическаго строенія и являющейся результатомъ его. Неодинаковая твердость и плотность горныхъ породъ, слагающихъ собою данную мѣстность, а слѣдовательно и неодинаковая устойчивость ихъ противъ разрушающаго дѣйствія такихъ неумолимыхъ и сильныхъ агентовъ, какъ атмосфера, атмосферные осадки и проточная вода, должны были обусловить неодинаковый рельефъ въ

различныхъ мѣстахъ. Но кромѣ этихъ агентовъ въ горообразовательныхъ процессахъ играли болѣе солидную роль другія могущественныя явленія: вулканическія и явленія сжатія земной коры.

Рамки настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ коснуться подробнѣе этихъ вопросовъ. Не входя поэтому въ разсмотрѣніе причинъ, обусловившихъ ту или другую орографію мѣстности, я укажу, что въ этомъ отношеніи Пиринеи отличаются отъ Кавказа и Крыма.

На сѣверномъ склонѣ Пиринеевъ не выражены отчетливо тѣ цѣпи горъ, которыя на сѣверномъ склонѣ Кавказа проходятъ параллельно главному хребту: первая такая цѣпь, образованная юрскими осадками и ближайшая къ главному хребту, протягивается непрерывно отъ запада къ востоку до Дагестана; вторая, болѣе низкая, мѣловая цѣпь отдѣляетъ юрскую цѣпь отъ расположенныхъ къ сѣверу еще болѣе низкихъ высотъ, образованныхъ третичными осадками и сливающихся, постепенно понижаясь, съ обширною степью Предкавказья. Въ Крыму, этой миніатюрѣ Кавказа, также чрезвычайно отчетливо выражены всѣ три цѣпи горъ: юрская, мѣловая и третичная, протягивающіяся параллельно другъ другу съ запада на востокъ.

Приведенныхъ данныхъ, полагаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о геологическомъ строеніи сѣвернаго склона Пиринеевъ.

Н. Каравашъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Апрѣль 1901 года.

Въ настоящее время научный міръ заинтересованъ новостью, которая должна, повидимому, привести къ весьма счастливымъ результатамъ. Я говорю объ интернаціональномъ союзѣ академій. Первая мысль о подобномъ союзѣ возникла въ Германіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вѣнская, Геттингенская и Мюнхенская академіи наукъ и Лейпцигское общество наукъ рѣшили устраивать ежегодные съѣзды своихъ представителей съ цѣлью внести въ научные труды своихъ членовъ общность и связь, а также для того, чтобы предпринимать соединенными силами изслѣдованія общаго научнаго интереса. Съѣзды этихъ четырехъ академій состоялись въ Вѣнѣ въ 1896, въ Лейпцигѣ въ 1897, въ Геттингенѣ въ 1898 и въ Мюнхенѣ въ 1899. Ими были предприняты на общихъ издержкахъ нѣсколько работъ, назначены научныя коммандировки; они вошли въ сношенія съ берлинской академіей и съ лондонскимъ королевскимъ обществомъ. Въ 1898 лордъ Листеръ, президентъ королевской академіи, предложилъ парижской академіи наукъ принять участіе въ этихъ интернаціональныхъ съѣздахъ и высказалъ мысль, что главнымъ европейскимъ академіямъ слѣдовало бы организовать болѣе или менѣе правильные съѣзды черезъ заранѣе опредѣленные промежутки времени.

Съ другой стороны Лондонское королевское общество вошло въ сношенія съ Римской королевской академіей dei Lincei и съ С.-Петербургской Императорской академіей наукъ. Немного позднѣе Берлинская академія наукъ пригласила Парижскую академію наукъ на международную конференцію, которая и состоялась въ Висбаденѣ 9-го и 10-го октября 1899 и на которой собрались представители

отъ академій: Берлинской, Геттингенской, Лейпцигской, Лондонской, Мюнхенской, Парижской, С.-Петербургской, Вѣнской и Вашингтонской, всего 24 человѣка. Они выработали проектъ устава международнаго союза академій. Амстердамская, Брюссельская, Будапештская, Христіанійская, Копенгагенская, Мадридская и Стокгольмская академіи наукъ и Парижскія академія надписей и искусствъ и académie des sciences morales, совершенно независимая отъ академіи наукъ (физическихъ и математическихъ), были приглашены принять участіе въ этомъ международномъ союзѣ; только Мадридская академія историческихъ наукъ отказалась примкнуть къ проекту. Мимоходомъ укажу на странный фактъ, что не были приглашены ни Краковская, ни Пражская академіи наукъ — славяне по обыкновенію забыты или къ нимъ отнеслись какъ къ minus habentes.

Согласно параграфу 2-му выработаннаго въ Висбаденѣ устава, новая академія можетъ быть принята въ союзъ только большинствомъ двухъ третей вошедшихъ въ союзъ академій. Этотъ параграфъ намъ кажется удивительно строгимъ. Въ трехъ участвующихъ въ союзѣ академіяхъ члены выбираются большинствомъ одного голоса.

Цѣль ассоціаціи—подготовка сообща научныхъ трудовъ и облегченіе научныхъ сношеній между различными странами. Посредниками ея являются: общее собраніе, имѣющее мѣсто каждые три года, и комитетъ. Предсѣдатель комитета предлагаетъ общія собранія, въ промежутки же между сессіями комитетъ является представителемъ союза академій. Необходимо согласіе двухъ третей академій, вошедшихъ въ составъ союза, для измѣненія устава.

Международный союзъ академій былъ учрежденъ въ началѣ февраля 1900 г. Онъ принималъ офиціальное участіе въ празднованіи двухсотлѣтняго юбилея Берлинской академіи наукъ. По этому случаю вспомнили, что Лейбницъ неоднократно выражалъ желаніе, чтобъ образовался союзъ всѣхъ научныхъ обществъ цивилизованнаго міра. На съѣздѣ, состоявшемся въ Парижѣ въ іюлѣ прошлаго года, делегаты различныхъ академій впервые познакомились другъ съ другомъ и обмѣнялись мыслями. Были выработаны проекты общихъ изданій; такъ мюнхенская академія предложила изданіе свода греческихъ актовъ и дипломовъ среднихъ и слѣдующихъ за ними вѣковъ; Лейпцигъ, Мюнхенъ и Берлинъ предложили изданіе энциклопедіи ислама.

Первое общее собраніе состоится въ Парижѣ 15-го апрѣля 1901. На немъ будутъ обсуждаться различные проекты. Одинъ изъ инте-

реснѣйшихъ былъ предложенъ Евгеніемъ Мюнтцемъ, а именно полное изданіе мозаикъ, съ древнѣйшей поры до десятаго вѣка христіанской эры.

По случаю всемірной выставки общество распространенія французскаго языка предприняло обширное изслѣдованіе о распространеніи французскаго языка по всему свѣту. Въ каждой странѣ работалъ по этому вопросу спеціальный сотрудникъ. Результаты этихъ изслѣдованій составили прекрасную книгу La langue française dans le monde, изданную г. Фонсэномъ, основателемъ и преданнымъ предсѣдателемъ общества, который снабдилъ ее предисловіемъ и примѣчаніями. (Книга продается въ бюро общества 45, Rue de Grenelle, Paris). Труды общества, кромѣ grand prix, полученнаго имъ на всемірной выставкѣ, получили еще иное вознагражденіе: Французскій институтъ на засѣданіи пяти академій 6-го сего марта присудилъ обществу, по докладу французской академіи, экстраординарную субсидію въ 25.000 фр., поставивъ только условіемъ, чтобы всякое ассигнованіе, дѣлаемое обществомъ изъ этой суммы, сопровождалось словами: субсидія Института. Эти слова укажутъ всѣмъ, посвящающимъ себя преподаванію французскаго языка, интересъ, который принимаетъ институтъ въ распространеніи родного языка.

Общественное мнѣніе продолжаетъ заниматься вопросомъ о преподаваніи въ лицеяхъ. Я уже сообщилъ вамъ о трудахъ по вопросу о народномъ преподаваніи г. Фулье, члена académie des sciences morales et politiques и одного изъ нашихъ выдающихся философовъ. Онъ снова вернулся къ этому важному вопросу на страницахъ Revue politique et parlementaire (мартъ 1901). Онъ подводитъ итогъ XIX вѣку и приходитъ къ заключенію, что этотъ вѣкъ, столь богатый открытіями въ области физическихъ и естественно-историческихъ наукъ, удивительно бѣденъ въ области моральныхъ и соціальныхъ наукъ. Такъ, онъ не могъ разрѣшить задачи о преподаваніи. Столь часто передѣлываемыя французскія программы не оправдали ожиданій ихъ авторовъ.

Г. Фулье озаглавилъ свою статью Echec pédagogique des lettrés et des savants. Г. Фулье, какъ философъ, находитъ, что недостатокъ минувшаго вѣка заключался въ томъ, что полагали, что достаточно быть образованнымъ и ученымъ, чтобы удовлетворительно заниматься дѣломъ образованія, тогда какъ въ дѣйствительности только философы способны придумать и примѣнить систему преподаванія, подходящую для такого общества, какъ французское, въ которомъ старыя вѣрованія поколеблены, не будучи замѣнены новыми принципами. Девятнадцатый вѣкъ, по

мнѣнію г. Фулье, хорошо началъ, но худо кончилъ. Лучшіе умы отстали въ знаніи исторіи, въ эрудиціи, въ критикѣ текста. Г. Фулье находитъ, что молодежь тратитъ слишкомъ много времени на изученіе исторіи. Онъ съ презрѣніемъ относится къ изученію грамматики, метрики, орѳографіи. Онъ требуетъ, чтобы вернулись къ наивнымъ и простымъ грамматикамъ стараго времени; онъ желалъ бы, чтобы преподаватели грамматики въ нашихъ лицеяхъ обладали меньшимъ знаніемъ, но большимъ философскимъ духомъ. Г. Фулье не доволенъ современными гуманистами; онъ упрекаетъ ихъ въ слишкомъ большомъ педантизмѣ; тотъ же упрекъ онъ дѣлаетъ профессорамъ наукъ; въ нихъ тоже нѣтъ философскаго духа. По мнѣнію г. Фулье, философія должна быть душою всего преподаванія. Увы! едва ли философія измѣнитъ профессоровъ и особенно учениковъ. Какой бы методъ ни ввести въ преподаванія, ученики всегда будутъ стараться учиться какъ можно меньше. Я привожу статью г. Фулье какъ симптомъ, но не присоединяюсь къ его заключеніямъ.

Я указывалъ уже вамъ на совмѣстныя попытки высшаго совѣта по народному образованію и французской академіи упростить въ интересахъ учениковъ орѳографію нашего языка. Иностранцамъ, для которыхъ изученіе нашей грамматики представляетъ серьезныя и иногда ненужныя трудности, пріятно будетъ услышать, что совѣтомъ академіи съ общаго согласія произведены важныя измѣненія, утвержденныя министромъ. Эти измѣненія были указаны персоналу преподавателей циркуляромъ г. Лейга отъ 29-го февраля 1901, текстъ котораго напечатанъ во всѣхъ педагогическихъ журналахъ. Онъ вноситъ большую свободу тамъ, гдѣ царила прежде капризная тиранія; а именно: въ употребленіи существительнаго во множественномъ или единственномъ числѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, относительно существительныхъ двухъ родовъ, множественнаго числа именъ собственныхъ, сложныхъ существительныхъ, членовъ, прилагательныхъ, мѣстоименій, глаголовъ, причастій и даже нарѣчій. Я не имѣю возможности привести здѣсь примѣры; циркуляръ составляетъ около 6-ти страницъ формата журнала. Онъ строго запрещаетъ дѣлать въ школахъ диктовки, составленныя грамматиками на пытку дѣтскаго ума, и въ заключеніе заявляетъ, что на экзаменахъ не слѣдуетъ считать важными ошибки, указывающія только на незнаніе грамматическихъ тонкостей, а не на отсутствіе въ экзаменующемся сообразительности и дѣйствительнаго знанія.

Всеобщая исторія гг. Лависса и Рамбо, начатая лѣтъ пятнад-

цать тому назадъ, наконецъ закончена на 12-мъ томѣ, обнимающемъ всемірную исторію отъ 1870 по 1900 г. И этотъ томъ, подобно предъидущимъ, составленъ спеціалистами. Наиболѣе замѣчательныя главы суть: Скандинавскія государства, Христіана Шефера; Россія, г. Гомана, Балканскія государства, г. Мале, жившаго въ Бѣлградѣ въ званіи учителя короля Александра; Современная наука, г. Ронери; Искусство, г. Андре Мишель, Словесность, г. Фаге; Французскія колоніальныя владѣнія, г. Рамбо; Крайній востокъ, г. Анри Кордье. Этотъ томъ, являющійся достойнымъ концомъ этого монументальнаго труда, снабженъ общимъ указателемъ къ двѣнадцати томамъ.

Достаточно взглянуть на оглавленіе, чтобы видѣть, что въ этомъ трудѣ принимали участіе самые знаменитые современные историки. Назову наудачу нѣсколько именъ: гг. Оларъ, Бэйе, Бемонъ, Кордье, Фаге, Жебаръ, Жири, Лависсъ, Леже, Левассеръ, Люшеръ, Мюнтцъ, Новаковичъ, Пинго, Рамбо, Сэйу, Сорель, Ксенополь и др. Фирма Арманъ Коленъ оказала истинную услугу историческимъ наукамъ изданіемъ этой прекрасной книги.

Та же самая фирма, давшая намъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ большой всеобщій атласъ Видаль Лаблаша, издаетъ въ настоящее время резюме этого прекраснаго труда — краткій классическій историческій и географическій атласъ. Этотъ атласъ очень остроумно составленъ: названія, на которыя особенно должно быть обращено вниманіе ученика, написаны крупными буквами: каждая карта (которыхъ въ атласѣ до 342) снабжена краткимъ пояснительнымъ текстомъ. Благодаря этому атласу французская картографія можетъ теперь соперничать съ германской (Атласъ стоитъ 15 фр.).

Я уже писалъ вамъ о книгѣ отца Пирлинга Sur les rapports de la Russie avec le Saint-Siège; вышли уже два тома, обнимающіе періодъ съ Флорентійскаго собора до царствованія Бориса Годунова. Теперь вышелъ третій томъ (фирма Плонъ), обнимающій исторію двухъ Лжедимитріевъ и все смутное время. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ отецъ Пирлингъ занимался этимъ вопросомъ въ книгѣ, озаглавленной Rome et Démétrie. Въ то время онъ нѣсколько ошибался относительно личности Лжедимитрія. Въ настоящее время, послѣ новыхъ изслѣдованій, онъ вмѣстѣ съ большинствомъ русскихъ историковъ, признаетъ въ немъ растригу Григорія Отрепьева, но онъ вноситъ въ свой разсказъ массу новыхъ документовъ. Ему былъ широко открытъ доступъ къ архивамъ Ватикана. Кромѣ того онъ работалъ въ архивахъ Венеціи, Флоренціи, Вѣны, Кракова, Стокгольма,

С.-Петербурга и Москвы. Въ нихъ онъ нашелъ много неизданныхъ документовъ; онъ напечаталъ нѣкоторые изъ нихъ (на итальянскомъ языкѣ) въ концѣ тома. Онъ весьма талантливо воспользовался ими; это первая исторія смутнаго времени на французскомъ языкѣ столь подробная и опирающаяся на столько новыхъ документовъ.

Я указывалъ уже вамъ на интересную книгу г. Пьера Готье объ Аретинѣ. Г. Готье поклонникъ Италіи и ренесанса. Послѣ исторіи одного изъ ея знаменитѣйшихъ писателей, онъ рѣшилъ дать біографію одного изъ ея извѣстнѣйшихъ кондотьери. Yean des Bandes noires (1 v. in 8° Парижъ, фирма Оллендорфъ). Этотъ человѣкъ жилъ съ 1498 по 1526; онъ былъ сыномъ Іоанна Медичи и Катерины Сфорца. По рожденію онъ принадлежалъ къ двумъ наиболѣе знаменитымъ династіямъ въ Италіи; его имя осталось популярнымъ на Аппенинскомъ полуостровѣ; онъ велъ жизнь солдата-авантюриста, его можно назвать послѣднимъ кондотьери; вся его жизнь протекла на войнѣ или на охотѣ. Его біографія впервые дана г. Готье, который написалъ ее по даннымъ, собраннымъ въ архивахъ Милана и Флоренціи; онъ тамъ нашелъ интересный матеріалъ, которымъ талантливо воспользовался; но онъ больше литераторъ, чѣмъ историкъ. Онъ начинаетъ и кончаетъ книгу сонетомъ; критическое введеніе было бы желательнѣе.

Только что появилась въ Bibliothèque de la Faculté des lettres de l'Université de Paris (librairie Alcan) прекрасная статья г. Поля Гиро о ремесленной задѣльной платѣ въ древней Греціи. Греческіе историки мало занимались этимъ вопросомъ; они не интересовались экономическими дѣлами. Къ счастью, нѣсколько лѣтъ тому назадъ были открыты многочисленныя надписи, дающія возможность заполнить пробѣлы, оставленные Геродотами и Ѳукидидами. Г. Гиро уже далъ два прекрасныхъ изслѣдованія: Les Assemblées provinciales dans l'empire Romain (1887), La propriété foncière en Grèce (1893). Онъ давно и старательно трудится и искусно оріентируется среди множества документовъ, имѣющихся у него подъ руками; оставляя въ сторонѣ все, что касается техническихъ пріемовъ, ограничиваясь въ этомъ отношеніи ссылками на книгу Блюмера, онъ послѣдовательно изучаетъ: ремесленный трудъ въ доисторической Греціи, въ Греціи временъ Гомера, развитіе ремеслъ въ Греціи, мнѣніе грековъ о трудѣ, раздѣленіе ремесленнаго труда, организацію ремеслъ, рабство, различныя формы невольничьяго труда, вольноотпущенниковъ, свободный трудъ, плату, жизнь ремесленниковъ. Онъ изучаетъ факты по доку-

ментамъ безъ всякой предвзятой теоріи; книга написана сжатымъ и точнымъ языкомъ. Эта книга исправитъ многія заблужденія и будетъ весьма полезна для будущихъ историковъ Греціи; она прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ.

Г. Альфредъ Франклинъ, ученый консерваторъ Bibliothèque mazarine, выпустилъ въ свѣтъ новый томъ своего интереснаго труда Vie privée d'autrefois (фирма Plon). Этотъ томъ озаглавленъ: Variétés parisiennes; въ немъ, какъ и въ предъидущихъ, проявляются рѣдкій умъ и неисчерпаемая начитанность автора. Въ немъ находятся хорошо обоснованныя объясненія происхожденія названій улицъ, нумераціи домовъ, которая была съ трудомъ установлена и окончательно принята только въ началѣ XIX вѣка, данныя о старинныхъ вывѣскахъ, о площади Парижа въ различныя эпохи его исторіи, а также о его народонаселеніи, объ употребленіи словъ Madame и Mademoiselle въ нашей древней исторіи, объ освященномъ хлѣбѣ, который прихожане подносили по очереди своему приходу, о способѣ, какимъ дары для умирающихъ проносили по улицамъ столицы, о гербахъ корпорацій, столь многочисленныхъ въ старой Франціи. Книга снабжена рисунками старинныхъ эстамповъ. Это 23-й томъ серіи, начатой авторомъ лѣтъ двадцать тому назадъ и встрѣченной весьма сочувственно въ обществѣ. Авторъ предполагаетъ закончить на этомъ. Общество, въ широкомъ смыслѣ, а также любители рѣдкостей, ученые будутъ ему признательны за доставленныя имъ удовольствіе и пользу.

Въ книгѣ L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siècle (libr. Plon) молодой талантливый публицистъ Андре Шераданъ касается одной изъ интереснѣйшихъ задачъ исторіи и политики. Опираясь на грозную совокупность данныхъ, онъ даетъ исторію германскихъ вожделѣній, грозящихъ существованію Австро-Венгріи, и стремится доказать, что въ интересахъ Франціи и Россіи поддержать существованіе этого государства. Его книга снабжена многими картами и статистическими таблицами. Она представляетъ не только важный современно-политическій интересъ, но является очень интересной главой въ исторіи этнографіи XIX вѣка. Авторъ обладаетъ широкой эрудиціей, и книга даетъ много новаго даже знатокамъ этихъ вопросовъ.

Г. Артуръ Шюке, новый членъ Académie des sciences morales, не только прекрасный военный историкъ, но и большой знатокъ нѣмецкой литературы, исторію которой онъ преподаетъ въ Collège de France. Недавно появилась его книга Etudes de la Littérature allemande (фирма

Plon), заключающая въ себѣ три этюда о произведеніяхъ Гете:—Гёцъ ф.-Берлихингенъ, Германъ и Доротея и Лагерь Валленштейна. Эти этюды составляли предисловія къ классическимъ изданіямъ этихъ произведеній фирмою Cerf. Авторъ воспроизвелъ ихъ безъ всякихъ измѣненій; они превосходны, и было бы желательно, чтобы г. Шюке издалъ свои лекціи по нѣмецкой литературѣ, читанныя имъ въ Collège de France.

Французская публика чрезвычайно любитъ все, что касается драматическаго искусства. Изслѣдованій по исторіи нашего театра очень много и каждый день появляются все новыя. Вотъ два изъ нихъ, на которыя стоитъ обратить вниманіе: Le théâtre français avant la période classique, E. Rigal (libr. Hachette), профессора французской литературы въ университетѣ Монпелье, лауреата французской академіи. Эта книга заключаетъ въ себѣ исторію нашего театра во второй половинѣ XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII (до Корнеля); авторъ даетъ намъ интересную исторію такъ называемыхъ сельскихъ комедіантовъ, странствовавшихъ по провинціи со своимъ скарбомъ, изображенныхъ такъ забавно Скарономъ въ его Roman comique (въ наше время Теофиль Готье изобразилъ ихъ въ своемъ знаменитомъ романѣ le Capitaine Fracassa); исторію парижскихъ театровъ съ 1548 по 1635; исторію авторовъ драматическихъ произведеній, предписывающихъ, въ настоящее время, свои законы актерамъ, а въ то время бывшихъ на жалованьи у нихъ; сообщаетъ о расходахъ и доходахъ театровъ, объ относительномъ положеніи актеровъ и публики и объ организаціи и постановкѣ спектаклей. Эта книга, написанная по источникамъ и снабженная подробной библіографіей, очень поучительна. Рядомъ съ ней упомяну о небольшой книгѣ изъ болѣе скромной сферы, подъ заглавіемъ la Comédie, Evolution du genre (libr. Paul Delaplane). Ея авторъ, Léon Levrault, состоитъ профессоромъ въ одномъ изъ нашихъ лицеевъ; ему принадлежитъ книга въ томъ же родѣ объ эпосѣ и романѣ. Эта книга представляетъ на сотнѣ страницъ резюме всего, что надлежитъ знать объ исторіи комедіи во Франціи; она снабжена библіографіей.

Парижское лингвистическое общество, основанное съ 1865 г., занимаетъ въ настоящее время значительное мѣсто среди европейскихъ обществъ того же рода. Оно издало около десяти томовъ мемуаровъ, при сотрудничествѣ главныхъ французскихъ лингвистовъ (Бреаля, Анри, Соссюра, Гаве, Дельво и др.); но этому прекрасному изданію не доставало алфавитнаго указателя; теперь этотъ недостатокъ пополненъ трудами г. Ерно, профессора университета Пуатье и отлич-

наго лингвиста. Указатель напечатанъ весьма тщательно въ національной типографіи и состоитъ: 1) изъ подробнаго оглавленія; 2) изъ index verborum, занимающаго около 200 страницъ и, наконецъ, изъ алфавитнаго указателя именъ авторовъ.

Гг. Альфредъ и Морицъ Круазе являются у насъ какъ бы Діоскурами греческой филологіи; они шли параллельными дорогами; въ настоящее время одинъ изъ нихъ профессоръ греческой литературы на словесномъ факультетѣ въ Парижѣ и деканъ этого факультета; другой—профессоръ греческой литературы въ Collège de France. Альфредъ Круазе—членъ академіи des Inscriptions et belles lettres; Морицъ заслуживаетъ такого же отличія, но академіи рѣдко выбираютъ двухъ членовъ одной семьи. Оба брата трудились много лѣтъ надъ обширной исторіей греческой литературы, первый томъ которой появился въ 1887, а пятый и послѣдній въ 1897. Я уже указывалъ вамъ на этотъ значительный трудъ, самый полный изъ имѣющихся на французскомъ языкѣ по греческой литературѣ. Но этотъ большой трудъ по своей цѣнѣ (44 фр.) доступенъ не для всѣхъ библіотекъ. Гг. Круазе сократили его въ книгу въ 800 стр. in 12, подъ заглавіемъ Manuel d'histoire de Littérature grecque à l'usage des lycées et collèges (Paris, libr. Fontemoing). Это руководство отличается тѣми же достоинствами композиціи, эрудиціи и стиля, какъ и обширный трудъ, изъ котораго оно извлечено. Г. Альфредъ Круазе занялся главнымъ образомъ прозаиками, его братъ—поэтами. Каждая глава сопровождается краткой, но достаточно полной біографіей; этотъ трудъ обнимаетъ главныя произведенія христіанской литературы и доходитъ до VI вѣка нашей эры.

Въ числѣ изданій по классической филологіи упомяну еще книгу Emile Chatelain'a Introduction à la lecture des notes tironiennes. Г. Шателэнъ давно уже пріобрѣлъ извѣстность своими трудами по латинской палеографіи и лексикографіи, за которые получили награды отъ академіи надписей. Его послѣдній трудъ литографированъ имъ самимъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и можетъ быть пріобрѣтенъ у автора (Парижъ, 71, Avenue d'Orlean).

Начатая около пятнадцати лѣтъ тому назадъ большая энциклопедія близится къ концу. Вышедшій надняхъ 28-й томъ доходитъ до начала буквы S. Между наиболѣе значительными статьями находятся: Races humaines (Deniker, ученый библіотекарь музея), Raphael, Religion (Marillier), Renaissance (André Berthelot), République (Monin), Révolution (Monin), Richelieu (Hauser), langues Romaines (Salmon и

Brandin), Rome (T. Routain), Rouen (Vollet), Roumanie (Teodoru), Jean Jeacques Rousseau (Lanson), Russie (André Berthelot, Zaborowski, Legras, Haumant) и т. д. Этотъ томъ, какъ и предыдущіе, снабженъ картами и иллюстраціями.

Académie des sciences morales et politiques понесла недавно потерю въ лицѣ извѣстнаго историка, г. Перрана (Perrens), автора прекрасныхъ трудовъ о Савонаролѣ и исторіи Флоренціи. Академія надписей тоже лишилась двухъ историковъ: г. де-ла-Бордери, автора прекрасной исторіи Бретани до присоединенія ея къ Франціи, и г. Целестина Поръ (Port), завѣдывавшаго архивомъ въ департаментѣ Мэнъ и Луары, занимавшагося особенно исторіей Анжу. Оба эти историка были учениками Ecole des Chartes, которой они дѣлали честь.

Л. Л—ръ.

ства Народнаго Просвѣщенія, 1900, октябрь, 12). Упоминаемые въ дельфійскомъ декретѣ ѳеоры могли пригласить его въ Дельфы, или же они могли явиться въ Халкиду на брачный пиръ царя съ поздравленіями. Тогда понятнѣе было-бы и необычное отправленіе изъ Дельфъ одного изъ жрецовъ, такъ какъ поѣздка была-бы очень непродолжительной [1]).

Итакъ новѣйшая датировка Помтова—189/8 г.,—такъ соблазнившая Баунака, почти невѣроятна, а та, отъ которой Помтовъ открещивался въ виду „рѣшающаго" аргумента въ Beiträge (h)—192/1 г.—могла-бы быть допущена съ весьма большой вѣроятностью. Но отсюда не слѣдуетъ, что она вѣрна. Она была-бы вѣрна, если-бы подъ Антіохомъ декрета *нельзя* было разумѣть Антіоха IV Эпифана и если-бы нельзя было въ ΕΛΕΩΝ видѣть Κλέων, т. е. архонта 168/7 года. А на дѣлѣ это не такъ. Я уже выше отмѣтилъ, что исключеніе Клеона 168/7 года основано у Помтова на предвзятой и невѣрной датѣ составленія географическаго списка между 176—171 годами.

Въ подробности объ этомъ спискѣ входить здѣсь невозможно: онѣ требуютъ особаго детальнаго изслѣдованія, которое мною уже давно приготовлено къ печати. Я сообщу изъ него лишь необходимые здѣсь для насъ выводы, которые позволяю себѣ считать доказанными. О тѣхъ обломкахъ географическаго списка проксеновъ, которые намъ пока извѣстны, нельзя говорить огуломъ, что они составлены въ 176—171 гг. Списокъ былъ составленъ въ географическомъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ на столбцы, обнимающіе города въ извѣстномъ направленіи отъ Дельфъ, съ подраздѣленіемъ столбцовъ на отдѣлы, съ заголовками въ началѣ каждаго отдѣла (въ родѣ ἐν Βοιωτίαι, ἐν Κεφαλλανίαι и т. п.) и съ оставленными послѣ каждаго отдѣла пробѣлами для послѣдующихъ дополненій списка позднѣе

[1]) По датамъ дельфійскихъ манумиссій жрецъ Аѳамвъ присутствовалъ въ Дельфахъ въ 6, 7 и 10 мѣсяцахъ 192/1 г., въ 5 и 6 191/0, въ 3, 7, 8 и 10 190/89, въ 2, 6, 9 и 12 189/8 г. (см. въ tabulae моихъ Д. э. э. стр. 216). Эти данныя не исключаютъ, конечно, возможности и довольно продолжительнаго отсутствія жреца Аѳамва, но нужно помнить, что они случайны: зависятъ отъ числа извѣстныхъ намъ манумиссій, которыя имѣются далеко не отъ всѣхъ мѣсяцевъ этихъ лѣтъ. Общее же впечатлѣніе этихъ данныхъ таково, что не наводитъ на мысль объ отсутствіи Аѳамва изъ Дельфъ въ эти годы. Обыкновенно онъ всегда появляется въ манумиссіяхъ подлѣ своего коллеги Ксенона; четыре раза выступаетъ одинъ Ксенонъ, но за то пять разъ мы видимъ одного Аѳамва. Въ случаѣ довольно продолжительной отлучки Аѳамва *одинъ* Ксенонъ вѣроятно встрѣчался-бы намъ въ документахъ *чаще*, чѣмъ одинъ Аѳамвъ.

назначенными проксенами. Списокъ былъ *составленъ еще въ III вѣкѣ*, вѣроятно въ послѣднія десятилѣтія. Отъ него въ нашихъ обломкахъ дошло слишкомъ мало, по всей вѣроятности только четыре строки: А, II, 3—6 (= Baunack 2580, стр. 10—13), именно:

['Εν Κεφαλλα]νίαι (заголовокъ отдѣла).
'Ε[ν Σ]άμαι ὁ δεῖνα,
'Εν Παλλέοις ὁ δεῖνα,
'Εν Κρανίοις ὁ δεῖνα.

Все остальное въ нашихъ обломкахъ состоитъ изъ позднѣйшихъ дополненій списка. Эти дополненія вносились чрезъ тѣ или другіе промежутки лѣтъ сначала въ соотвѣтствующіе географически пробѣлы, оставленные между отдѣлами столбцовъ, а по заполненіи пробѣловъ — въ пустыя пространства, имѣвшіяся внизу всего соотвѣтствующаго столбца. Мы въ обломкахъ встрѣчаемся *большею частію съ наиболѣе поздними* дополненіями, относящимися ко времени несомнѣнно раньше 161/0 г., а по всей вѣроятности раньше даже 165/4 года. При дополненіяхъ внизу всего столбца по возможности соблюдался также географическій порядокъ, но, какъ и естественно при всякихъ дополненіяхъ, уже не съ полной послѣдовательностью. Когда уже ни въ пробѣлѣ отдѣла, ни внизу столбца не хватало мѣста для внесенія относящагося къ отдѣлу и столбцу дополненія, оно, вѣроятно, помѣщалось по сосѣдству, въ столбцѣ справа или слѣва, смотря по тому, гдѣ было свободное мѣсто. Отсюда иное дополненіе оказывается географически не на своемъ мѣстѣ, не среди записей проксеновъ той же самой области или направленія. Въ частности, что касается В III, т.-е. того столбца, въ которомъ записаны проксенами „въ Лаодикеѣ приморской Филонидъ сынъ Филонида и братъ его Дикеархъ сынъ Филонида“ (строки 15 — 17 = Baunack 2580 стр. 105 — 107), то тамъ въ самомъ верху имѣются дополненія внесенныя не раньше 196/5 г. и не позднѣе 179/8 г. (стр. 1 — 4 = Baun. 91—94,—проксены въ Массаліи). Слѣдующее дополненіе внесено не раньше 179/8 г., скорѣе на нѣсколько лѣтъ позднѣе (стр. 5 = 95, — проксенъ въ Елеѣ). Еще позднѣе слѣдующія ниже дополненія (стр. 6—13 и 18 и сл. = 95 — 103 и 108 сл., — проксены въ городахъ Западной Локриды и Этоліи и дальше на островахъ между Греціей и Италіей и въ Великой Греціи и Сициліи). Запись нашихъ сирійцевъ оказывается въ промежуткѣ между елейской записью съ одной стороны и западнолокридскими и прочими съ другой,

т.-е. очевидно не на своемъ мѣстѣ, въ совсѣмъ неподходящемъ сосѣдствѣ. Естественнѣе всего это объясняется тѣмъ, что сирійскій отдѣлъ и вообще соотвѣтствующій столбецъ предназначенный для Азіи (или ея части, — говорю примѣрно) уже былъ заполненъ, такъ что нашихъ лаодикейскихъ проксеновъ пришлось помѣстить въ чужой столбецъ. Отсюда слѣдуетъ лаодикейскую запись считать одной изъ позднѣйшихъ среди всѣхъ дополненій. И по внѣшнимъ эпиграфическимъ признакамъ, которыя выясняются только на facsimile, можно признать, что эта запись позднѣе какъ верхнихъ (стр. 6—13), такъ и нижнихъ (18 сл.) записей, которыя, въ свою очередь, какъ мы видѣли, позднѣе 179/8 + X года. Итакъ проксены Дикеархъ и Филонидъ были внесены въ списокъ несомнѣнно позднѣе 179/8 г., по всей вѣроятности въ послѣдніе періоды дополненій, а такъ какъ дополнительно вносились, конечно, позднѣе назначенные проксены, то и проксенію Дикеарха нельзя, по моему мнѣнію, ставить раньше 179/8 г., а скорѣе на десятокъ лѣтъ позднѣе. Декретъ о ней слѣдовательно состоялся уже не при Антіохѣ Ш, а говоритъ объ Антіохѣ IV, т.-е. не можетъ быть раньше 175 года. Не можетъ онъ относиться и къ Антіоху V, потому что тогда онъ падалъ бы на 164-й годъ или слѣдующіе, а дополненія списка прекратились уже до 165/4 года. А разъ въ промежуткѣ 175—164 извѣстенъ архонтъ Κλέων 168/7 года, то, кажется, нужно вернуться къ исправленію Бергка (b): ΕΛΕΩΝ = Κλέων. Если я и теперь прибавляю „кажется", то лишь потому, что въ ΕΛΕΩΝ, отъ котораго всѣ исходили, можетъ быть, кроется вовсе не имя архонта, а слово Δελφῶν, какъ это будетъ видно изъ послѣдующей реконструкціи всего текста декрета о Дикеархѣ.

Разумѣется нельзя принять толкованіе Бергка цѣликомъ. Онъ исходилъ отъ времени Дафнейскихъ игръ, съ коими связывалъ дельфійское священное посольство, и тѣмъ опредѣлялъ дату Клеона. Мы же теперь иначе знаемъ дату Клеона, 168/7 г., и должны отъ нея исходить. Дельфійскіе ѳеоры могли быть отправлены не на праздникъ къ Антіоху, а для приглашенія самого Антіоха, т. е. ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν какого-либо дельфійскаго праздника. Дельфійцы въ декретѣ даютъ Дикеарху θεωροδοκίαν τῶν τε Πυθίων καὶ Σωτηρίων; это, казалось-бы, говоритъ, что ѳеоры, докладывавшіе о немъ, были именно οἱ ἀποσταλέντες ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν τε Πυθίων καὶ Σωτηρίων. Однако едва-ли здѣсь можно разумѣть по крайней мѣрѣ большой пиѳійскій праздникъ: онъ былъ въ 3-мъ олимпійскомъ году,

а 168/7 г. = ол. 153, 1 (см. Ѳ. Ѳ. Соколовъ „Ежегодные праздники пиѳійскій и немейскій“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899, іюль, 1 сл.). Дельфійцы любили посылать пословъ къ царямъ по разнымъ поводамъ, особенно при вступленіи царя на престолъ. Помтовъ называетъ такія посольства дельфійскими Bettelreisen. Для возможности опредѣлить ближайшій поводъ въ данномъ случаѣ пришлось-бы разобраться въ хронологіи египетскихъ походовъ Антіоха (ср. Metzung, Beiträge, 13), но теперь я не намѣренъ вдаваться въ этотъ разборъ. Во всякомъ случаѣ Антіохъ даже и послѣ неожиданнаго для него исхода послѣдняго похода не потерялъ духа: объ этомъ говорятъ его блестящіе праздники (Holm, IV, 504 сл. 566 сл.). Итакъ отъ даты Помтова, 189/8, нужно отказаться. Дата 168/7 г. вполнѣ возможна и въ виду извѣстій папируса почти несомнѣнна. Ниже будетъ показано (къ 1 стр.), что декретъ состоялся скорѣе всего въ первомъ семестрѣ архонта Клеона, т. е. въ іюлѣ — декабрѣ 168 г.

Вскорѣ состоялось и внесеніе его въ географическій списокъ. Мы видѣли тамъ обоихъ братьевъ: [Φιλωνί]δας Φιλωνίδα καί ὁ ἀ[δελφὸς αὐτοῦ] | Δικαίαρχος Φιλωνί[δα] (см. выше е; я прибавляю αὐτοῦ для заполненія строки). Декретъ нашъ говоритъ объ одномъ младшемъ. Очевидно относительно старшаго былъ особый декретъ, состоявшійся или нѣсколько раньше или тогда же и по докладу тѣхъ же ѳеоровъ. Мы теперь знаемъ изъ папируса объ особенномъ значеніи Филонида при дворѣ Антіоха. Заслуги его могли быть крупнѣе, чѣмъ Дикеарха, и могли требовать не простого ἐπαινέσαι съ обычнымъ комплексомъ почетныхъ титуловъ и привилегій, а еще напр. вѣнка, статуи, особенно видной публикаціи постановленія. На существованіе особыхъ декретовъ, можетъ быть, указываетъ и формулировка записи въ спискѣ: вмѣсто наиболѣе естественнаго и краткаго: Φιλωνίδας καὶ Δικαίαρχος οἱ Φιλωνίδα сказано: Φιλωνίδας Φιλωνίδα καὶ ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Δικαίαρχος Φιλωνίδα. Прибавка словъ: ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ, конечно, была не излишня, потому что иначе Дикеарха можно было принять не за брата, а за сына предшествующаго лица. Что иногда и въ другихъ случаяхъ о братьяхъ бывали отдѣльныя, хотя и одновременныя, постановленія, видно напр. изъ Baunack 2599: Δελφοὶ ἔδωκαν Ἀμφιλόχωι Πολυίδου Θεσσαλῶι ἐκ Γορτῶνος αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις προξενίαν κτέ., слѣдуетъ дата, а за нею: κατὰ ταὐτὰ δὲ καὶ τῶι ἀδελφῶι Ἀμυθάονι.

Выводъ Кёлера (е), что во время записи Филонида и Дикеарха въ списокъ d ихъ отца уже не было въ живыхъ, я считаю наиболѣе

естественнымъ и распространяю его также и на время декрета о проксеніи и ѳеодорокіи Дикеарха. Я не называю его безусловно необходимымъ, ибо допускаю возможность назначенія проксенами сыновей и при жизни ихъ отца, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда роль сына или сыновей была гораздо виднѣе роли отца. Къ данному случаю я не примѣняю этого исключенія потому, что мы изъ аттической надписи с знаемъ, что и Филонидъ-отецъ былъ видною личностью. Кромѣ того и болѣе вѣроятное мое дополненіе въ декретѣ (къ 10—11 стр.); „ἀνανεώσασθαι" Дикеарху τὰν θεωροδοκίαν скорѣе говоритъ о времени *послѣ* смерти его отца. Такимъ образомъ аттическая надпись, говорящая еще объ отцѣ, конечно, древнѣе декрета 168/7 года. Однако едва-ли она древнѣе на много лѣтъ. Я тутъ не основываюсь на выводѣ Крёнерта изъ фрагмента 45 папируса, что родители Филонида-философа были долго живы: текстъ тамъ не вполнѣ ясенъ и проченъ: μετὰ τὸν εἰς Συρίαν Φιλω[νί]δου πλοῦν εἰς Καρία[ν διενο]εῖτο περιστας (?) οἴκοδε ἀπελθεῖν, ὅπως ἂν μὴ ἀ[πωτέρ]ω (?) τῶν γονέων ἀπέχ[ηι ἐὰν] ἐν Καύτῳ (? папир. ΚΛΔΝϹ) τὴ[ν] σχολ[ὴν καταστήσηται?],—дополненія главнымъ образомъ Дильса. Важнѣе то, что уже въ аттической надписи сыновья Филонида-отца выступаютъ, конечно, не какъ дѣти, а какъ взрослые. Слѣдовательно если ἀκμή Филонида-сына ставить на 175—150 годы, то трудно аттическую надпись поставить раньше 200 года. Это согласно и съ палеографической датой Кёлера (c). Кто же въ такомъ случаѣ „цари" аттической надписи? Я думаю, что въ нихъ можно видѣть Антіоха III и его сына Селевка, бывшихъ вмѣстѣ въ 190-хъ годахъ въ Іоніи и на Еллиспонтѣ,—„τοὺς βασιλεῖς Ἀντίοχον καὶ Σέλευκον", какъ о нихъ говорится въ иліонской надписи CIG 3596= Dittenberger Sylloge[1] 157, которую Ѳ. Ѳ. Соколовъ „съ увѣренностью относитъ къ 196 году" (въ статьѣ: „Антіохъ иліонскихъ надписей". *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, іюль, 26), или же это, можетъ быть, тотъ же Антіохъ III и его старшій сынъ Антіохъ, который въ 197 году „уже носилъ царскій титулъ" (см. O. Kern Inschriften von Magnesia am Mäander, 18 и 61; Niese, II, 639), или всѣ трое. Во всякомъ случаѣ аттическая надпись въ числѣ „царей" имѣетъ въ виду Антіоха III, слѣдовательно она не моложе 187 года. Скорѣе всего ее нужно помѣстить раньше окончательнаго разрыва Антіоха съ Римомъ, раньше 192 года, или даже раньше 194-го, потому что со времени того разрыва аѳиняне, чуткіе къ римскимъ вѣяніямъ, едва-ли вступали въ близкія сношенія съ Антіохомъ. Всѣ разсужденія о времени аттической надписи, ко-

нечно, очень условны и гадательны. Если мы ее поставимъ на 200—195 годы и допустимъ, что Филониду-сыну тогда было не менѣе 20—25 лѣтъ, то окажется, что къ началу царствованія Антіоха IV ему было лѣтъ 45; во время дельфійскаго декрета—около 52.

Надъ папирусомъ, вѣроятно, потрудятся другіе, я же попытаюсь съ подробной мотивировкой возстановить текстъ дельфійскаго декрета о Дикеархѣ. Послѣдній издатель его (Baunack 2677) называетъ копію Киріака „жалкой", мнѣ же думается, что при внимательномъ отношеніи къ этой копіи жалкой покажется скорѣе реконструкція самого издателя. Кромѣ того мой опытъ возстановленія можетъ имѣть значеніе и для обработки другихъ эпиграфическихъ текстовъ, извѣстныхъ намъ только по изданіямъ киріаковскаго матеріала.

Относительно Киріака мнѣ приходится основываться только на показаніяхъ Бёка, такъ какъ изданія Киріака (Morone, стр. XXVII, № 196) у меня нѣтъ подъ рукой (а равно и старой литературы, цитуемой Бёкомъ: Leich, Rose, Dobree). Бёкъ положилъ въ основу текстъ Киріака (Moroniani) и сообщаетъ варіанты Муратори (vol. II, p. DLXXXIX), какъ издавшаго текстъ ex suis schedis. У Киріака (Moroniani) versus indiscreti sunt, и Бёкъ даетъ дѣленіе строкъ по Муратори, оговариваясь однако, что оно nullius fidei est. Баунакъ повторяетъ это и все-таки сохраняетъ дѣленіе Муратори и отчасти отъ него зависитъ. По моему, на Муратори не стоитъ обращать вниманія. Его изданіе (или его schedae) отличается отъ Киріака только произвольными и обыкновенно неудачными поправками, которыя сами себя уличаютъ, съ прибавкой простыхъ недосмотровъ или опечатокъ. Такіе „варіанты" безполезно и указывать, и въ *моей реконструкціи на прилагаемомъ листѣ* заглавными буквами надъ текстомъ я отмѣчаю лишь тѣ мѣста, въ которыхъ текстъ Киріака (по Бёку) у меня измѣненъ.

У Киріака, несомнѣнно, много мелкихъ и крупныхъ лакунъ. Когда въ копіи versus indiscreti, то лакуны иногда помогаютъ возстановить дѣленіе на строки. Именно, даже при малой точности копіи естественно ожидать, что болѣе крупныя лакуны зависѣли не отъ копировавшаго, а отъ состоянія камня, и прежде всего думается, что уже во время копированія съ трудомъ читались или были совсѣмъ стерты или обломаны или *начала* или *концы* строкъ. Если лакуны отстоятъ одна отъ другой приблизительно на равныхъ разстояніяхъ, то указанная догадка становится уже довольно вѣроятной. Если, дѣля строки на этомъ основаніи и дополняя ихъ наиболѣе естествен-

CIG. 1693 = COLLITZ II 2677.

1. ἀγαθᾶ[ι] τύχα[ι]. ἄρχοντος Ε Κλέων[ος βουλευόντων τὰν πρώταν ἐξάμηνον Καλλία, Ἥρυος, Πασίωνος· ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν· = 95

2. ἐπειδὴ Δαμοκράτης καὶ Τιμ Α Σ Ν Ι κ[αὶ] Ἄθαμβος οἱ Π ΗΣ συνεξαποσταλέντες θεωροὶ ποτὶ τὸν βασ[ιλῆ Ἀντίοχον ἐπελθόν- Τ

3. τες ἐπὶ τὰν ἐκκλησίαν ἀνάγγειλαν περὶ Δικαιάρχου τοῦ Χ Φιλωνίδα Δαοδικέος, ὅτι ἀνὴρ ἀγαθὸς [ὢν τυγχάνει ποτί = 89 Ι

4. τε τὸ ἱερὸν καὶ τὰν πόλιν τῶν Δελφῶν, καὶ περὶ πλείστου ποιείμενος τὰν ποτὶ τοὺς θεοὺς εὐσέβειαν εὖ[χρηστον αὐτὸς = 93 ΠΟΝ Π

5. αὐτὸν παρασκευάζει ἐν παντὶ καιρῶι καὶ κοινᾶι τᾶι πόλει καὶ ἰδίαι τοῖς ἐντυγχανόντοις [τῶν πολιτᾶν, εἰς ἅ = 87 ΑΣΣΟΝ Υ

6. κά τις αὐτὸν παρακαλῆ, καὶ τοῖς ἀφικνουμένοις Δελφῶν ποτὶ τὸν βασιλῆ Ἀντίοχον συνεργεῖ μετὰ πάσας προθυμίας [ἐν οἷς = 96 Ζ ΗΑ Η

7. κα τυγχάνων[τι] χρείαν ἔχοντες, καὶ λέγει καὶ πράσσει διὰ παντὸς παρὰ τῶι βασιλεῖ Ἀντιόχω[ι τὰ δίκαια καὶ συμφέροντα = 95 ΚΑΙ Η

8. περὶ τοῦ ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος τῶν Δελφῶν * ἀγαθᾶι τύχαι * δεδόχθαι τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν [ἐν] ἀγορᾶι [τελείωι σύμ = 87 Κ Γ

9. [ψ]άφοις ταῖς ἐννόμοις· ἐπαινέσαι Δικαίαρχον Φιλωνίδα Δαοδικέα τῶν ποτὶ θαλάσσαι ἐ[π]ὶ τᾶι εὐσεβείαι [καὶ εὐνοίαι = 93 Ο ΣΩΣΙΑΙ

10. καὶ ἐπ[ὶ] τᾶι λοιπᾶι προαιρέσει, ἂν ἔχων τυγχάνει ποτί τε τὸ ἱερὸν καὶ τὰν πόλιν τῶν [Δελφῶν, καὶ ἀνανεώσασθαι = 87 Γ Δ ΑΝΙ Π
или δεδόσθαι παρὰ τᾶς πόλιος = 96

11. αὐτῶι τ[ὰν] θεωροδοκίαν τῶν τε Πυθίων καὶ Σωτηρίων, εἶμεν δὲ αὐτὸν καὶ πρόξενον καὶ εὐεργέταν [καὶ θεωροδό- = 86 ΑΥΓΟΙ Σ ΔΕ
или αὐ[τῶι καὶ ἐκ]γό[νο]ις θεωρ. и пр. = 94

12. κον τοῦ ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος τῶν Δελφῶν καὶ ὑπά[ρχε]ιν αὐτῶι προμαντείαν, προδικίαν, ἀσυλίαν, ἀτέλειαν πάν[των, προεδ- = 94 Ι Γ

13. [ρ]ίαν ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγώνοις οἷς ἀπόλις τί[θητι] καὶ τὰ ⟨τοῖς⟩ ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις [ὑπάρ- =90⟨86⟩ ΠΡΑΣΕΙΣ ΠΡΟΛΙΣ ΥΝ Ω ΕΤΕΡΟΙΣΚΑΙΣ

14. [χ]ει παρὰ τᾶς πόλιος.

нымъ способомъ, мы получимъ почти одинаковую длину строкъ, то вѣроятность превращается почти въ несомнѣнность.

Начало надписи, т. е. *начало* первой строки, какъ увидимъ (къ 1), было при Киріакѣ по всей вѣроятности цѣло. Слѣдовательно лакуны скорѣе всего были въ концѣ строкъ. Дѣйствительно, если распредѣлить текстъ по строкамъ такъ, какъ у меня на прилагаемомъ листѣ, оказывается, что почти всѣ безъ исключенія лакуны большихъ размѣровъ помѣщаются въ концѣ строкъ. Надпись, по моему, состояла изъ 14 строкъ. Изъ тринадцати строкъ, доходившихъ въ свое время до праваго края, въ одиннадцати крупныя дополненія стоятъ, несомнѣнно, въ концѣ; строки 9 и 11 кажутся не нуждающимися въ большихъ дополненіяхъ, но, можетъ быть, только кажутся. При этомъ значительная часть мелкихъ пропусковъ или смѣшеній падаетъ на начало строкъ, и это опять вполнѣ естественно при перерывѣ контекста и вѣроятной неполной сохранности также и лѣваго края камня. Наибольшее дополненіе требуется для первой строки, т. е. для самой верхней, и это опять въ порядкѣ вещей какъ потому, что верхняя строка камня могла наиболѣе пострадать, такъ и потому, что тамъ копировавшій имѣлъ дѣло съ рядомъ собственныхъ именъ, которыя вообще труднѣе копировать при недостаточной сохранности камня. Число буквъ въ строкахъ колеблется отъ 86 до 96. Такое колебаніе при длинныхъ строкахъ и вообще не велико (=8:9), а при дельфійскомъ способѣ вырѣзки надписей, при которомъ неудобныя для рѣзьбы мѣста камня иногда пропускались и правый край надписи очень часто не представлялъ отвѣсной линіи, и вовсе не бросается въ глаза. Не бросается въ глаза и длина строкъ: въ Дельфахъ есть проксеническія надписи съ строками въ 100—110 буквъ (напримѣръ, Pomtow, N. Jahrb., 1896, 625, № 15, Baunack 2635). Итакъ я полагаю, что дѣленіе нашего декрета по строкамъ еще возстановимо, что оно было въ сущности тожественно съ моей реконструкціей.

Перехожу къ частностямъ.

1. ΑΓΑΘΑΤΥΧΑΑΡΧΟΝΤΟΣ. У Баунака: ἀγαθὰ τύχα. Однако изъ приблизительно 130 примѣровъ разныхъ формъ boni eventus apprecatio въ началѣ дельфійскихъ декретовъ (чаще всего одно θεοί—до 80 разъ или θεός—до 10, кромѣ случаевъ соединенія θεός съ тѣми или другими словами) форма, избранная Баунакомъ, т. е. въ nominativus и съ прилагательнымъ впереди, встрѣчается только разъ, въ надписи гораздо болѣе древней, чѣмъ наша, да и тамъ еще до точнаго изданія сомнительна: „[ἀγα]θ[ὰ] τύχ[α]“ въ 2829=BCH XXI, 315

IV или начала III вѣка. Наоборотъ ἀγαθᾶι τύχαι, иногда съ предшествующимъ θεός, является по крайней мѣрѣ 11 разъ и при томъ большею частью во II вѣкѣ (2820, 2724, 2725, 2737, 2819, 2821). Она же, вѣроятно, была и у насъ, и iota adscriptum пропало скорѣе лишь въ копіи или при изданіи копіи Киріака, такъ какъ и въ нашей надписи при α оно всегда налицо (9 разъ) и вообще стало исчезать при ω и α гораздо позднѣе, чѣмъ при η (стр. 6 παραχαλῆ). Boni eventus apprecatio обычно занимаетъ особую строку (болѣе 100 изъ 130 случаевъ), распредѣляясь симметрично почти по всей длинѣ ея. Въ лѣвомъ концѣ особой строки и со сплошнымъ расположеніемъ буквъ apprecatio бываетъ крайне рѣдко, такъ что помѣщать наше ἀγαθᾶι τύχαι на самое *начало* особой строки значитъ допускать исключеніе. А если бы наше ἀγαθᾶι τύχαι занимало симметрично *всю* особую строку, то оно не могло бы быть прочитано Киріакомъ, такъ какъ онъ даже изъ слѣдующей строки, начинавшейся въ этомъ случаѣ съ ἄρχοντος, прочиталъ только начало (см. ниже). Отсюда несравненно вѣроятнѣе, что ἀγαθᾶι τύχαι стояло въ *одной* строкѣ съ ἄρχοντος. Было-ли тамъ предъ нимъ еще слово θεός? У насъ нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы „θεός — ἀγαθᾶι τύχαι" стояло въ одной строкѣ съ текстомъ самой публикаціи. Формула въ этомъ видѣ или занимаетъ особую строку (2824, 2838 и, можетъ быть, 2724, 2725) или распредѣляется такъ, что только θεός стоитъ въ особой строкѣ, а ἀγαθᾶι τύχαι уже въ связи съ текстомъ: ἔδοξε κτέ. (2821, около 147/6 г.). Послѣдній случай интересенъ въ томъ смыслѣ, что изъ него какъ бы слѣдуетъ, что nominativus θεός или θεοί находится въ менѣе тѣсномъ отношеніи къ декрету, чѣмъ dativus ἀγαθᾶι τύχαι. Отсюда ближе всего думать, что и у насъ предъ ἀγαθᾶι τύχαι *не было* θεός въ той же строкѣ, если же оно было вообще, то стояло въ особой строкѣ, отъ которой Киріакъ не замѣтилъ слѣдовъ. Мелочной разборъ этого пункта нуженъ намъ для того, чтобы опредѣлить, могъ ли Киріакъ списать самое начало нашей первой строки. Отвѣтъ утвердительный наиболѣе вѣроятенъ. Изъ наличности ἀγαθᾶι τύχαι, какъ мы видѣли, онъ еще не слѣдуетъ непосредственно.

1. ἄρχοντος ΕΛΕΩΝ ἐπειδή. У Помтова и Баунака [(Ξέν)]ων[ος]. Послѣдній отмѣчаетъ, что отсутствіе перечня совѣтниковъ послѣ даты kaum glaublich, но не видитъ, что кромѣ βουλευόντων κτέ. не хватаетъ и формулы: ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν. Уже Свобода (Griech. Volksbeschlüsse, 29, 269) указалъ обычную форму дельфійскаго полнаго декрета: ἔδοξε τ. π. τ. Δ., затѣмъ мотивировка съ ἐπειδή, далѣе

δεδόχθαι и пр. Эта форма встрѣчается какъ въ III, такъ и во всемъ II вѣкѣ и въ началѣ I-го. До конца IV жреческаго періода, т.-е. по 158/7 годъ она господствуетъ почти исключительно; только изрѣдка подлѣ нея попадаются рѣдкія формы: ἔ. τ. π. τ. Δ.—ἐπαινέσαι κτλ. (2799; 2723, 2725), или ἔ. τ. π. τ. Δ.—εἶμεν αὐτὸν πρόξενον κτλ. (2611; 2610). или ἐ. τ. π. τ. Δ.—δεδόσθαι αὐτῶι προξενίαν κτλ. (? 2663),—всѣ три безъ δεδόχθαι. Форма же, содержащая δεδόχθαι (въ нашемъ декретѣ стр. 8) и не имѣющая предшествующаго ἔ. τ. π. τ. Δ., появляется впервые лишь въ 140-хъ (2818), и къ тому же при отсутствіи ἔ. τ. π. τ. Δ. датировка: ἄρχοντος—βουλευόντων—обыкновенно стоитъ не въ началѣ декрета, какъ у насъ, а въ концѣ. Итакъ въ нашемъ декретѣ должно было стоять: ἄρχοντος τοῦ δεῖνος, βουλευόντων τὰν πρώταν (или δευτέραν) ἐξάμηνον N, N, N, ἔδοξε τᾶι πολει τῶν Δελφῶν. ἐπειδή κτλ. Слѣдовательно *возможно*, что слово Δελφῶν мы еще имѣемъ у Киріака въ видѣ того ΕΛΕΩΝ, изъ котораго дѣлали и елейцевъ и Ἐλέωνος и Κλεοδάμου и Κλέωνος и Ξένωνος! Если это такъ, то ΕΛΕΩΝ оказывается *послѣ* большой лакуны, слѣдовательно стояло въ началѣ 2-й строки. Совершенно естественно, что первой буквы Δ уже нельзя было прочитать, а палеографически ΕΛΦΩΝ, конечно, гораздо ближе къ ΕΛΕΩΝ, чѣмъ ΞΕΝΩΝ или ΚΛΕΟΔ, и почти не дальше, чѣмъ ΚΛΕΩΝ. Возможность смѣшенія Φ и Ε можно было бы еще объяснить тѣмъ, что здѣсь въ формѣ буквы Φ былъ вмѣсто круга полукругъ (ср. Pomtow, N. Jahrb. 1894, 502, — такая форма однако обычна только въ III вѣкѣ). Наконецъ, если бы ΕΛΕΩΝ стояло сряду за ἄρχοντος, то, казалось бы, и Киріакъ могъ прочитать или отъ себя дополнить окончаніе родительнаго падежа ΟΣ, и наоборотъ при перерывѣ контекста естественно было стать втупикъ при неточно прочитанномъ ΕΛΕΩΝ. Въ такомъ случаѣ у насъ нѣтъ никакого слѣда имени архонта, и намъ предоставляется полный выборъ между всѣми извѣстными и неизвѣстными архонтами. Однако можно и возражать противъ этого рѣшенія, т.-е. въ пользу ἄρχοντος (Κ)λέων[ος]. Именно, на строку 2 считая съ ἐπειδή по ἐπελθόν падаетъ уже достаточное количество буквъ=87; въ несомнѣнно испорченномъ, слѣдовательно трудно читавшемся перечнѣ θεοροβ Киріакъ навѣрно пропустилъ нѣсколько буквъ = x; если въ эту строку помѣстить еще Δελφῶν = 6, то длина строки (87 + 6 + x = 93 + x) грозитъ уже перейти максимальную величину. Если x здѣсь значительный,—а его можно опредѣлить только при надежномъ возстановленіи именъ θεοροβ, — то, разумѣется, придется читать: ἄρχοντος (Κ)λέων[ος]. Это соображеніе

я считаю настолько существеннымъ, что скорѣе склонился бы въ пользу послѣдняго чтенія (конечно, не изъ одного только нежеланія потерять хронологическую точку опоры съ обращеніемъ ΕΛΕΩΝ въ Δελφῶν). Введенное мною въ текстъ дополненіе всей первой строки взято изъ *перваго* семестра архонта Клеона = 168/7 года, — оно тожественно съ текстомъ декрета 2610 (прочія данныя см. въ tabulae Д. э. э.). Въ строкѣ получается 93 буквы или съ двумя iota adscriptum 95,—среднее между 86—96. Дополненіе по второму семестру, т.-е. τὰν δευτέραν ἑξάμηνον Ἀσάνδρου, Ξένωνος, Δεξώνδα. ἔδοξε τᾶι πόλει τῶν Δελφῶν, дало бы уже 98 или 100 буквъ. Дополнить только ἔδοξε τᾶι πόλει, пропуская τῶν Δελφῶν, я не нахожу возможнымъ, такъ какъ почти удивляешься, какъ часто и съ какимъ постоянствомъ дельфійцы прибѣгали къ ближайшему опредѣленію своего города посредствомъ „τῶν Δελφῶν" въ своихъ собственныхъ документахъ, выставляемыхъ въ ихъ же городѣ: я знаю только одинъ случай ἔδοξε τᾶι πόλει безъ τῶν Δελφῶν, это 2615 III вѣка [1]). Поэтому естественнѣе относить нашъ декретъ къ второй половинѣ 168, а не къ первой 167 года [2]). Прибавка обозначенія семестра, которая необходима при моей реконструкціи (τὰν πρώταν ἑξάμηνον), по наблюденіямъ Помтова появляется въ *декретахъ только* съ 171/0 года, раньше же въ декретахъ ограничивались простымъ βουλευόντων N, N, N (Pomtow, Philologus, 1898, 551 сл.). Это могло бы служить косвеннымъ подтвержденіемъ моей датировки (168/7), если бы наблюденія Помтова имѣли для себя достаточное основаніе. Въ дѣйствительности у насъ почти нѣтъ полныхъ и сжатыхъ декретовъ 200—172 года для необходимаго сравненія, и точка зрѣнія Помтова на формулы прескрипта вообще весьма сомнительна (ср. Д. э. э. 276 и 286).

2. Баунакъ по слѣдамъ Помтова читаетъ: ἐπειδὴ Δαμοκράτης καὶ ΤΙΜΑΣΝΙ κα(ὶ Ἄ)θαμβο[(ς)] ὁ ἱε(ρε)ὺς ἐξαποσταλέντες ποτὶ τὸν [(β)]ασ(ιλῆ Ἀν)τ[(ίο)]χ(ον) ἐπὶ τὰν ἐκκλησίαν ἀνάγγειλαν, возстановляя подчеркнутое изъ ΚΑΘΑΜΒΟΠΟΙΕΥΣ. Жрецъ Аѳамвъ служитъ для нихъ краеугольнымъ камнемъ, такъ что имъ остается только возстановить имя второго ѳеора и отожествить его и перваго ѳеора съ извѣстными

---

[1]) Прибавка τῶν Δελφῶν считалась необходимой вѣроятно потому, что въ Дельфахъ публиковалось много декретовъ другихъ греческихъ общинъ и кромѣ того много амфиктіоновскихъ.

[2]) Такъ какъ теперь Антіохъ III Помтова и его же архонты Κλεόδαμος или Ξένων 192/1 и 189/8 совсѣмъ въ разсчетъ не идутъ, то я опускаю дополненія 1-й строки примѣнительно къ тѣмъ годамъ. Ихъ легко сдѣлать по tabulae Д. э. э.

намъ дельфійцами. Это и дѣлаетъ Баунакъ. Онъ отмѣчаетъ, что Δαμοκράτης Καλλιγένεος упоминается какъ поручитель въ 179 г. (2064), какъ свидѣтель въ 181 (2247) и какъ совѣтникъ въ 172 г. (1802). Все это неполно и неточно. Уже въ Д. э. э. стр. 255 пр. 87 я указалъ о совѣтникѣ 173/2 г., что это можетъ быть или Δαμοκράτης Ἀθανίωνος, или ὁ Δάμωνος, или ὁ Καλλιγένεος, слѣдовательно отожествленіе при отсутствіи отчества ненадежно. На второмъ мѣстѣ, по Баунаку, стояло, можетъ быть, только Τίμων и разумѣется отецъ поручителя (Καλλικλῆς Τίμωνος) изъ манумиссіи 1796-й 175/4 года. Здѣсь опять неполнота. Я не намѣренъ дополнять и вдаваться въ гадательныя отожествленія. Для этого пришлось бы привести весь генеалогическій матеріалъ о дельфійскихъ Дамократахъ и Тимонахъ и остановиться на томъ или другомъ мнѣніи о возрастѣ, обычномъ для ѳеоровъ, а моя попытка относительно послѣдняго не привела пока къ опредѣленному результату, такъ какъ лишь очень немногіе ѳеоры извѣстны намъ по именамъ, допускающимъ точное отожествленіе лицъ и опредѣленіе ихъ возраста. Прочнаго заключенія, такимъ образомъ, не удалось бы сдѣлать. Важнѣе всего этого то, что и краеугольный-то камень Помтова и Баунака разсыпается. Одно неудобство обращенія ΟΙΕΥΣ въ ὁ ἱερεύς сознавалъ, какъ мы видѣли (k), самъ Помтовъ: отъѣздъ изъ Дельфъ жреца Аполлона. Можно указать и другія. Жрецы Аполлона почти постоянно выступаютъ свидѣтелями въ манумиссіяхъ. Тамъ въ началѣ II вѣка они чаще называются просто οἱ ἱερεῖς, но позднѣе все чаще и чаще прибавляется τοῦ Ἀπόλλωνος. Напримѣръ въ 195/4 ни разу нѣтъ этой прибавки, въ 189/8 она является одинъ разъ на шесть безъ нея, въ 168/7 девять разъ на четыре безъ нея, около 140/39 (Ξενόκριτος VIII) она есть во всѣхъ манумиссіяхъ. Но отсюда нельзя заключать, что и въ нашемъ декретѣ при имени ѳеора Аѳамва должно или могло стоять простое „ὁ ἱερεύς". Въ манумиссіяхъ отсутствіе опредѣленія τοῦ Ἀπόλλωνος было несущественно, потому что рабы продавались Аполлону и при храмѣ Аполлона, слѣдовательно само собою разумѣлось, о чьихъ жрецахъ идетъ рѣчь. Для насъ важнѣе упоминанія о жрецахъ въ другихъ контекстахъ, къ сожалѣнію, пока не многочисленныя. Въ посвященіи Алкесиппа въ 182/1 году (2101): πομπεύειν δὲ ἐκ τᾶς ἅλως τοὺς ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τὸν ἄρχοντα καὶ τοὺς πρυτάνεις κτλ. Въ учрежденіи Атталій въ 159/8 г. (2642): πομπευόντω οἵ τε ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καὶ τῶν ἄλλων θεῶν καὶ πρυτάνεις καὶ ἄρχοντες κτλ.... ἐπεὶ δέ κα πομπεύσωντι, οἱ ἱερεῖς τοῦ Ἀπόλλωνος καταρχέστων κτλ. Какъ здѣсь есть на

лицо и вполнѣ естественно ближайшее опредѣленіе жрецовъ, такъ, кажется, оно ожидалось бы и въ нашемъ полномъ и притомъ „weitschweifigen“ (g) декретѣ. Далѣе, жрецы Аполлона всегда выступаютъ *впереди* всѣхъ прочихъ лицъ, и должностныхъ и частныхъ. Отсюда представляется неестественнымъ упоминаніе жреца Аѳамва на *послѣднемъ* мѣстѣ, послѣ прочихъ ѳеоровъ, кто бы они ни были и сколько бы ихъ ни было. Поэтому, хотя послѣдніе годы жречества Аѳамва (175/4—171/0) еще захватываютъ царствованіе Антіоха IV и „Аѳамвъ жрецъ“ еще не исключаетъ рѣчи объ Антіохѣ IV (при ΕΛΕΩΝ= Δελφῶν можно вѣдь подставить, какъ имя архонта, и Ἀρχελάου 175/4, и Σωσινίκου 174/3, и Αἰακίδα 173/2, и Κλεοφάνεος 172/1, и Μένητος 171/0), я всетаки отказываюсь отъ обращенія ΟΙΕΥΣ въ ὁ ἱερεύς. Бёкъ и Бергкъ видѣли тутъ οἱ δὶς ἐξαποσταλέντες, и мнѣ кажется, что они *отчасти* правы, именно что членъ при этомъ причастіи необходимъ. Это ἐξαποσταλέντες, безъ сомнѣнія, служитъ опредѣлительнымъ, а не обстоятельственнымъ причастіемъ, т. е. не „будучи посланы“, а „которые были посланы“. Иначе получился бы невозможный контекстъ, особенно тогда, когда есть еще ἐπελθόντες предъ ἐπὶ τὰν ἐκκλησίαν (см. къ 2—3). Приведу слѣдующія неполныя параллели. Въ декретѣ 192/1 г. (2652): ἐπειδὴ ἐπανελθόντες θεωροὶ οἱ ἀποσταλέντες ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν Πυθίων Ἀμύντας καὶ Χαρίξενος ψάφισμά τε ἀνήνεγκαν κτλ. Въ декретѣ около 157/6 (2737), очень напоминающемъ нашъ: ἐπειδὴ παραγενόμ[ενοι]|[οἱ ἐξα]ποσταλέντες θεωροὶ ποτὶ τὸν βασιλῆ Πτολεμαῖον Ἀστύοχος, Εὐαγόρα[ς]|[ἐπάγ]γελλον (?) τᾶι πόλει (здѣсь и Кувъ и Баунакъ читаютъ ἀποσταλέντες, но ἐξ необходимо для заполненія пробѣла; послѣ Εὐαγόρα[ς] могло быть имя еще третьяго ѳеора, какъ я указалъ уже въ Д. э. э. 355). Мы не имѣемъ права, обращая ΟΙΕΥΣ въ ὁ ἱε(ρε)ύς, устранять необходимый для текста членъ, а должны сохранить его или въ формѣ οἱ или съ привлеченіемъ предшествующаго въ копіи Π въ формѣ τοὶ. Лично я предпочитаю первую форму: въ надписяхъ даннаго времени τοὶ сохраняется еще, да и то очень непослѣдовательно, въ τοὶ ἱερεῖς, τοὶ ἄρχοντες въ рубрикѣ свидѣтелей манумиссій, но рядомъ уже господствуетъ οἱ παρατυγχάνοντες и т. п. Что же тогда дѣлать съ ΕΥΣ? Я читаю: οἱ συνεξαποσταλέντες, полагая, что къ ΕΥΣ ближе ΣΥΝ, чѣмъ ΔΙΣ Бёка и Бергка. Дельфійской параллели, правда, нѣтъ для этого глагола (употребляемаго Полибіемъ и Діодоромъ), но вотъ одна малоазійская также II вѣка: τοῖς ἐξαποσταλεῖσιν δικασταῖς N, N, N καὶ τῶι συνεξαπεσταλμένωι αὐτοῖς γραμματεῖ N, ὃς καὶ ἐπελθὼν ἐπὶ τὸν δῆμον κτλ. (O. Kern, Inschr. v. Magnesia, 101

ст. 69). Тутъ σύν понятно само собой, а у насъ оно, вѣроятно, точнѣе, указываетъ, что *всѣ* названныя лица, а не послѣдніе только двое, участвовали въ *одномъ и томъ же* посольствѣ. Въ духѣ Баунака можно было бы изъ ΕΥΣ сдѣлать (π)έ(ρ)υσ(ι).

Такимъ образомъ намъ не нужно прибѣгать къ натяжкѣ, т. е. къ допущенію отъѣзда жреца въ далекую Сирію. Баунакъ, принимая этотъ отъѣздъ жреца за фактъ, нашелъ даже параллель сюда, именно говоря о θеорахъ около 157/6 г. въ декретѣ 2737 (мѣсто приведено у меня выше) и вѣрно отмѣчая тожество θеора Астіоха съ однимъ изъ совѣтниковъ того же семестра, въ которомъ состоялся декретъ, онъ поясняетъ, что здѣсь θеоромъ является состоящій въ должности совѣтникъ, какъ въ декретѣ о Дикеархѣ жрецъ. Идя этимъ путемъ можно, пожалуй, дойти и до обобщенія, что θеоры назначались изъ должностныхъ лицъ. Для меня отъѣздъ одного изъ трехъ дежурныхъ совѣтниковъ семестра еще менѣе вѣроятенъ, чѣмъ отъѣздъ одного изъ двухъ пожизненныхъ жрецовъ. Дѣло обстоитъ проще. Декретъ 157/6 состоялся въ первомъ семестрѣ, можетъ быть, въ самомъ началѣ его, Астіохъ же могъ вернуться отъ Птолемея еще до начала 157/6 года. Нѣчто подобное мы видимъ и въ декретѣ 192/1 г. 2652 (мѣсто приведено выше): тамъ названы θеоры Аминта и Хариксенъ и тамъ же Аминта является совѣтникомъ, а Хариксенъ—казначеемъ, и я полагаю, что если тѣ и другіе тожественны, то они вернулись въ Дельфы раньше (можетъ быть, даже гораздо раньше) вступленія одного въ совѣтъ, другого въ казначеи. Кстати сказать, при убѣжденіи Помтова и Баунака въ жречествѣ θеора Аθамва имъ естественно было сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи и допустить участіе въ посольствѣ еще особы женскаго пола, напримѣръ, какой-либо дельфійской жрицы или просто самой пиθіи, для этого стоило только изъ оставшагося безъ транскрипціи ΤΙΜΑΣΝΙ сдѣлать, напримѣръ, Τιμὰς Νί[χωνος] или нѣчто подобное (Τιμὰς Διονυσίου въ Дельфахъ въ 1883, около 164/3 года).

Установить имена и личности θеоровъ мнѣ не удается. Имена или были соединены посредствомъ καί или нѣтъ; было названо или два лица съ отчествами (т. е. Δαμοκράτης τοῦ δεῖνος-καὶ- ὁ δεῖνα Ἀθάμβου), или три или даже четыре лица безъ отчествъ. Не исключены и другія возможности кромѣ этихъ шести (напримѣръ два лица безъ отчествъ, одно съ отчествомъ). А отсюда зависитъ и возстановленіе именъ. Я полагаю, что неудовлетворительность копіи Киріака здѣсь зависѣла отъ состоянія камня: порча послѣдняго, уничтожившая $^3/_4$ текста

1-й строки, очевидно распространялась уже и на данное мѣсто 2-й строки, такъ что Киріакъ могъ списать только отдѣльныя буквы или группы буквъ, и главная вина его въ томъ, что онъ не указалъ мѣста и величины лакунъ. Далѣе, если въ 1-й строкѣ (при чтеніи ΕΛΕΩΝ = Κλέωνος) Киріакъ могъ прочитать 22 буквы съ начала строки съ ошибкой только въ одной Е вмѣсто К, то естественно допустить, что и во 2-й строкѣ текстъ на пространствѣ первыхъ 22 буквъ былъ еще удобочитаемъ: ἐπειδὴ Δαμοκράτης ΚΑΙΤΙΜ = 22, слѣд. ΚΑΙΤΙΜ = καί Τιμ, а не отчество Дамократа и не новый nominativus. Имена θеоровъ слѣдовательно скорѣе всего были *безъ* отчествъ и *съ* καί. За отсутствіе отчествъ, пожалуй, говоритъ и ΑΘΑΜΒΟΠ, въ которомъ кроется скорѣе Ἄθαμβος, чѣмъ Ἀθάμβου, такъ какъ предшествующія буквы ΑΣΝΙΚ не соотвѣтствуютъ именамъ извѣстныхъ Аθамвовичей (Ἀβρόμαχος I вѣка, 2266, Ἀγάθων 188/7—187/6 г., 2014, 2239, Πολυτιμίδας половины I вѣка, 2167)... Пропуски или смѣшенія буквъ у Киріака падаютъ скорѣе всего на ΑΣΝΙΚ. Связать эти буквы съ Τιμ нельзя: въ Дельфахъ есть слѣдующія имена съ Τιμ-: Τιμάγορος, Τίμαιος (IV вѣка), Τίμαρχος, Τιμογένης, Τιμόδαμος, Τιμόθεος, Τιμοκλῆς, Τιμοκράτης, Τιμόκριτος, Τιμολέων, Τιμόμαχος, Τιμόξενος, Τίμόστρατος, Τιμοχαρίδας, Τίμων, и нѣтъ возможнаго подходящаго сюда, напримѣръ, Τιμασ[ί]νικ[ος]. Если не допускать ряда смѣшеній буквъ, то нужно признать пропуски и притомъ значительные. Не вводя во 2-ю строку ΕΛΕΩΝ = Δελφῶν (см. выше), мы можемъ, не переходя максимальной величины строки, допустить пропускъ около 10 буквъ, т. е. напримѣръ чтеніе: καὶ Τίμ[ων κ]α[ὶ] Σ[ώ]νικ[ος καὶ] Ἄθαμβος, или καὶ Τίμα[ρχο]ς [καὶ] Νίκ[ων καὶ] Ἄθαμβος и т. п. Я привожу только примѣры. Для меня изъ сказаннаго слѣдуетъ лишь, что скорѣе всего въ нашей строкѣ было названо *четыре* θеора, а не *три*, но надежны имена только перваго и послѣдняго. Въ послѣднемъ я вижу не жреца Ἄθαμβος Ἀγάθωνος 198/7—171/0 г., а или его одноименнаго внука (извѣстенъ съ 166/5 до около 152/1), или скорѣе Ἄθαμβος Ἀθανίωνος (177/6—141/0, совѣтникъ уже въ 165/4 г.) или Ἄθαμβος Ἀβρομάχου (съ 173/2 г., совѣтникъ также въ 165/4), ставшаго жрецомъ около 139/8 г. Если θеоровъ здѣсь четыре, то тѣмъ умѣстнѣе было οἱ συνεξαποσταλέντες.

2—3. Изъ ΠΟΤΙΤΟΝΤΑΣΤΕΧ Баунакъ (уже по слѣдамъ Dobree) дѣлаетъ „ποτὶ τὸν [(β)]ασ(ιλῆ Ἀν)τ[(ίο)]χ(ον)“. Жалка здѣсь, конечно, не копія. Далѣе, уже Rose вставлялъ παρελθόντες предъ ἐπὶ τὰν ἐκκλη-

σίαν ἀνάγγειλαν, но Бёкъ полагалъ, что можно обойтись и безъ этой вставки, и Баунакъ ему слѣдуетъ. Однако несомнѣнно правъ былъ Rose, только дельфійскій стиль требуетъ здѣсь не παρελθόντες, а ἐπελθόντες, см. 2818, 2682, 2683, BCH. XXII, 15, и также, конечно, въ 2643, гдѣ Оссулье дополнялъ ἐπελθόν[τες ποτὶ τὰν ἐκκλη]σίαν (а Баунакъ такъ увлекся этимъ ошибочнымъ ποτί, что ввелъ его еще въ 2726); параллельнымъ выраженіемъ служитъ ποτιπορευθεὶς ποτὶ τὰν ἐκκλησίαν (2627, ср. Д. э. э. 283). При моемъ чтеніи и распредѣленіи текста получается только одна естественная лакуна.

3—4. У Баунака: ἀγαθὸς (δια)τελεῖ ὢν ποτί τε] τὸ изъ АГАѲОСТЕТО. У меня опять *одна* естественная лакуна. Вмѣсто διατελεῖ я ставлю τυγχάνει въ виду того же глагола въ строкѣ 10 (ср. 2687, 2688, 2726, 2800; наоборотъ διατελεῖ въ обоихъ случаяхъ въ 2737). Въ ΠΟΝ узнали ἱερόν уже давно.

4—5. Изъ ΕΥΠΑΣΣΟΝ у Баунака: „εὔ(χρ)η(στον) ἀ[(ὐ)]σω(τό)ν“!!... Я не знаю только, нужно-ли оставить Π въ концѣ строки 4-й, или перенести въ начало 5-й: тамъ Π было бы ошибкой Киріака вмѣсто Χ, здѣсь вмѣсто Ε, однако и смѣшеніе Χ = Π не изъ легкихъ, и форма ἑαυτόν здѣсь необычна. Я ставлю въ текстъ αὐτὸς | αὐτόν, наиболѣе обычное и почти исключительное въ *декретахъ* города Дельфъ (2663, 2672, 2682, 2685, 2687, 2693, 2737, 2738, 2800, BCH. XXII, № 7 и 26). Только одинъ разъ въ нихъ есть αὐσωτῶν, 2726, около 130 года, и Баунакъ напрасно прибѣгъ къ этому исключенію. Я опускаю здѣсь дальнѣйшій экскурсъ о формахъ возвратнаго мѣстоименія въ дельфійскихъ надписяхъ, полагая, что матеріалъ исчерпанъ въ появившейся недавно книгѣ, которой пока не видѣлъ: Valaori Der delph. Dialekt, Göttingen (ср. еще Fournier, BCH. XXI, 591 сл.), и надѣясь, что въ ней найдется подтвержденіе моего выбора.

5. τῶν πολιτᾶν у Баунака нѣтъ, однако ср. параллели 2682, 2683, 2687, 2818, 2819, BCH. XXII, № 7.

6. Считать-ли въ ΒΑΣΙΛΗΑΑΝΤΙΟΧΟΝ А диттографіей (такъ Баунакъ) или видѣть ошибку въ Η вмѣсто Ε (βασιλέα), трудно рѣшить. Баунакъ ссылается на βασιλῆ въ 2737, но у насъ въ строкѣ 9 есть Λαοδικέα.

6. Къ συνεργεῖ Баунакъ: „2737, Zeile 9 steht das Medium συνεργείμενος“. Это одинъ изъ множества случаевъ рабства Баунака. Кувъ дополнилъ въ 2737: συνεργείμε[νος μετὰ προ]θυμίας. Ошибка явная, читать нужно, какъ въ нашемъ декретѣ: συνεργεῖ με[τὰ πάσας προ]θυμίας,

и ниже въ 2737, конечно, не παρα[σκευάζ|ων], какъ у Кува = Баунака, а παρα[σκευάζ|ει], какъ у насъ [1]).

7. Баунакъ ставитъ τὰ συμφέροντα послѣ πράσσει, какъ въ 2737. Моя реконструкція требуетъ постановки послѣ 'Αντιόχω[ι], надѣюсь, также вполнѣ естественной. Я прибавляю еще δίκαια, не считая его обязательно необходимымъ. Въ 2819 вмѣсто συμφέροντα стоитъ τὰ ἄριστα, въ 2682 вовсе нѣтъ соотвѣтствующаго дополненія.

9. Уже давно узнали ἐπὶ τᾶι εὐσεβείαι въ ΕΙΤΑΕΥΣΩΣΙΑΙ Киріака. Можно было бы на этомъ и остановиться: эта строка оказалась бы прочитанною Киріакомъ до конца, т. е. безъ лакуны; ошибки копіи объяснялись бы тѣмъ, что конецъ строки читался съ большимъ трудомъ. Однако строка тогда была бы короче прочихъ—всего 83 буквы, такъ что я допускаю и здѣсь лакуну, помѣщая въ нее слова καὶ εὐνοίαι. Въ дельфійскихъ почетныхъ декретахъ проводится довольно послѣдовательное различіе между услугами святилищу или богу и заслугами по отношенію къ городу. Благодѣтелей хвалятъ τᾶς τε ἐν τὰν πόλιν εὐεργεσίας καὶ εὐνοίας ἕνεκεν καὶ τᾶς ποτὶ τὸ ἱερὸν εὐσεβείας καὶ ὁσιότατος χάριν (2819), εὐσεβείας ἕνεκεν καὶ εὐεργεσίας τᾶς ἐν τὸ ἱερὸν καὶ τὰμ πόλιν (2672), εὐσεβείας ἕνεκεν τᾶς ποτὶ τὸν θεὸν καὶ εὐνοίας τᾶς ποτὶ τὰν πόλιν (2848), ἐπί τε τᾶι ποτὶ τὸν θεὸν εὐσεβείαι καὶ τᾶι ποτὶ τὰν πόλιν ἁμῶν εὐνοίαι (2728), ἐπί τε τᾶι ποτὶ τὸν θεὸν εὐσεβείαι καὶ ὅτι εὔνους ἐστὶ τᾶι πόλει (2722); ср. εὐσεβῶς ποτὶ τὸν θεόν—εὐνοϊκῶς ποτὶ τὰν πόλιν διακεῖσθαι (2680, 2679); кромѣ εὔνοια или εὐεργεσία по отношенію къ городу (и въ болѣе широкомъ смыслѣ) указывается еще ἐκτένεια, σπουδά, φιλοτιμία (2687, 2818, 2683). Такъ какъ въ разбираемомъ контекстѣ рѣчь касается и святилища и города (стр. 10), то, разъ упомянуто εὐσέβεια, нужно ожидать и упоминанія объ εὔνοια или σπουδά и т. п. Иначе вѣроятно обошлись бы и безъ „ἐπὶ τᾶι εὐσεβείαι“ и ограничились бы однимъ общимъ „ἐπὶ τᾶι προαιρέσει“, какъ послѣ одинаковой формулировки въ 2737.

10. Баунакъ: „προαιρέσει ἁ[(ι)]“ вмѣсто ΑΝΙ копіи, очевидно по образцу 2682; однако и въ 2737 и въ 2756 стоитъ ἂν безъ аттракціи. Копія даетъ здѣсь и ἂν⟨ι⟩ и ἁ⟨ν⟩ι.

10—11. Баунакъ: „(Δελφῶν, καὶ ὑπάρχειν) αὐτῶι [(κ)αὶ ἐκγόνοις παρὰ τᾶς πόλιος] θεωροδοκίαν.“ Но ὑπάρχειν есть въ 12 стр., такъ что во избѣжаніе повторенія лучше было бы сказать: καὶ δεδόσθαι αὐτῶι,

---

[1]) Другихъ недосмотровъ Кува въ 2737 Баунакъ также не доглядѣлъ. Я отчасти указалъ ихъ уже въ Д. э. э. 355.

см. напримѣръ 2844: δεδόχθαι — ἐπαινέσαι — καὶ δεδόσθαι, ср. 2729, 2685 [1]). Въ дельфійскихъ полныхъ декретахъ замѣтно нѣкоторое стремленіе разнообразить выраженія, напримѣръ 2819: δεδόχθαι — ἐπαινέσαι—καὶ στεφανῶσαι — ὑπάρχειν δὲ αὐτῶι — εἶμεν δὲ αὐτὸν πρόξενον — ὑπαρχέτω δὲ αὐτῶι — εἶμεν δὲ αὐτῶι. До сихъ поръ противъ ὑπάρχειν. Далѣе, если Баунакъ къ своему αὐτῶι [(κ)] указываетъ въ копіи ΑΥΤΩΙΣ, то, очевидно, онъ не доглядѣлъ, что это лишь поправка Муратори, тогда какъ у Киріака по Бёку стоитъ ΑΥΓΟΙΣ. Допуская, что начало строки читалось съ трудомъ, можно дополнить, не мѣняя ни одной буквы копіи: αὐ[τῶι καὶ ἐκ]γό[νο]ις. Наконецъ, слова παρὰ τᾶς πόλιος, разумѣется, не необходимы. Согласно съ моей реконструкціей ихъ нужно было бы поставить въ концѣ строки, т. е. сряду послѣ ὑπάρχειν или δεδόσθαι, а не послѣ αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις. Чаще, конечно, встрѣчается послѣдняя разстановка (около 15 разъ), но изрѣдка παρὰ τᾶς πόλιος стоитъ и непосредственно за δεδόσθαι = ὑπάρχειν (2845, 2621). Строка 10-я безъ этихъ словъ была бы короче всѣхъ, — всего 83 буквы, — а съ ними она равняется 96. Если же этихъ словъ вовсе не было въ текстѣ, то я предложилъ бы вмѣсто ὑπάρχειν = δεδόσθαι поставить ἀνανεώσασθαι, при которомъ въ строкѣ оказалось бы 87 буквъ. Возражать противъ этого дополненія можно было бы лишь потому, что тогда необходимъ еще членъ предъ θεωροδοχίαν, слѣдовательно пришлось бы или допустить цѣлыхъ три лакуны въ началѣ 11-й строки: αὐ[τῶι καὶ ἐκ]γό[νο]ις [τὰν] θεωροδοχίαν, или изъ ΑΥΓΟΙΣ сдѣлать αὐτῶι τ[ὰν], исключивъ упоминаніе о „потомкахъ". По поводу послѣдняго отмѣчу, что такое отсутствіе упоминанія о потомкахъ вообще очень рѣдко встрѣчается, кажется, всего 4 раза: 2611, 2616, 2692 и 2761, причемъ изъ этихъ четырехъ декретовъ три послѣдніе говорятъ не о проксеніи только, но вмѣстѣ *и о θεοροδοκίι*. Если бы подвести сюда и нашъ декретъ и читать αὐτῶι τ[ὰν], то это, правда, не близко подходило бы къ *буквамъ* копіи, но избавляло бы насъ отъ двухъ или даже трехъ лакунъ въ началѣ строки.

11. τῶν τε Πυθίων καὶ Σωτηρίων. У Киріака вмѣсто τε стоитъ ΔΕ; по Баунаку „bleibt auch τε anstössig", однако самъ же онъ дополняетъ τε въ этомъ сочетаніи въ 2819, и это несомнѣнно правильно: такое τε стоитъ и въ параллельномъ мѣстѣ 2646. Я думаю, что и

[1]) Конечно, и въ 2727 было: δεδόχθαι — ἐπαινέσαι — στεφανῶσαι — ἀποστεῖλαι δέ — [δεδόσθ]αι δὲ αὐτᾶι, гдѣ Баунакъ сохраняетъ дополненіе Кува [ὑπάρξ]αι.

въ четвертомъ мѣстѣ, упоминающемъ о „Пиѳіяхъ и Сотиріяхъ", также нужно вставить τε, именно въ 2612 = W.—F. 13. Баунакъ, не провѣрявшій здѣсь чтенія Вешера и Фукара, пишетъ вмѣстѣ съ ними: εἶμεν δὲ αὐτὸν καὶ θεαροδόχον τῶ[ν] Πυθίων καὶ Σωτηρίων. На камнѣ нѣтъ лакуны, не пропало ни одной буквы, а стоитъ тѣсно: ΤΩΠΥΘΙΩΝ, и я думаю, что рѣзчикъ пропустилъ здѣсь не одно N, а NTE [1]).

11—12. У Киріака: εὐεργάταν ION τοῦ ἱεροῦ. Измѣнить это ION въ τόν мы едва ли вправѣ: для этого нѣтъ ни одной параллели. По Баунаку, на камнѣ была вѣроятно диттографія ΤΟΥΤΟΥ. По моему, это ION въ началѣ 12 стр. было ошибочно скопировано вмѣсто KON; эта догадка позволяетъ намъ констатировать лакуну и для единственной строки, конецъ которой, повидимому, не нуждался въ дополненіи: [καὶ θεωροδό]κον. Такое же приблизительно сочетаніе мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ сокращенныхъ декретахъ: 2762: Δελφοὶ ἔδ[ωκαν] — — — π[ροξενί]αν, θεαροδο[κίαν, εὐε]ργεσίαν, π[ρομαντ]είαν и т. д., также, вѣроятно, 2835; ср. въ формулѣ заключенія перечня привилегій, въ 2769 (при архонтѣ Δαμαῖος III вѣка) послѣ предшествующаго Δελφοὶ ἔ]δωκαν] — — — προξενί[αν, θεαροδοκίαν, προμα]ντείαν κτέ. говорится: καὶ τἆλλα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις καὶ θεαροδόκ[οις]; также несомнѣнно нужно возстановить и въ надписи того же года 2773, съ которой Баунакъ не могъ ничего сдѣлать:

1. Δελφοὶ ἔ[δωκαν ..... αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις]=58 буквъ
2. προξενί[αν, θεαροδοκίαν, προμαντείαν, προεδρίαν, προδικίαν, ἀσυλίαν]=56
3. ἀτέλει[αν πάντων καὶ τἆλλα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις]=60
4. καὶ θεαροδόκ[οις ἄρχοντος Δαμαίου, βουλευόντων Ἀγίωνος, Ἀριστοκλεῦς,]=58
5. Ἀμυνάνδρου, Ἀθανί[ωνος, Διοσκουρίδα] [2]).

---

[1]) Извѣстно, что въ этой же надписи рѣзчикъ сдѣлалъ пропускъ и въ именахъ совѣтниковъ: ΑΡΧΙΑΔΑΦΑΝΕΟΣ вмѣсто Ἀρχία, Δαμοφάνεος. Онъ же, закончивъ строку 2-ю словомъ Νικοστράτωι, началъ писать въ 3-й AI, т. е. очевидно AN или AΓκωνίται, но тутъ же замѣтилъ, что пропустилъ отчество Никострата, и, выскобливши A, вырѣзалъ предъ I буквы ΣΩΤ, которыя оказываются выступающими изъ строки влѣво, и послѣ I вырѣзалъ ΟΥΑΝΚΩΝΙΤΑΙ, т. е. Σωτίου Ἀνκωνίται (имя Σώτιος, напримѣръ, CIA. II 2496, CIG. 2194 b). W.—F. приняли выскобленный знакъ за I, а слѣдующее I за K и читали Σωτίκου (Баунакъ Σωτικοῦ). Такимъ образомъ предположенный мною пропускъ NTE тѣмъ болѣе вѣроятенъ.

[2]) Баунакъ смогъ дополнить въ 1 только ἔ[δωκαν], въ 2 только προξενί[αν],

Противъ установляемаго мною текста: εἶμεν δὲ αὐτὸν καὶ πρόξενον καὶ εὐεργέταν [καὶ θεωροδό]κον могутъ возразить, что мое καὶ θεωροδοκον является повтореніемъ или тавтологіей послѣ предшествующаго δεδόσθαι — θεωροδοκίαν или ἀνανεώσασθαι — τὰν θεωροδοκίαν. Это возраженіе, однако, имѣло бы силу лишь въ томъ случаѣ, если бы не встрѣчалось параллельныхъ способовъ выраженія въ дельфійскихъ же декретахъ. Въ полномъ декретѣ 2746: ἀνανεώσασθαι δὲ καὶ τὰν ὑπάρχουσαν αὐτῶι προξενίαν καὶ εἶμεν αὐτὸν πρόξενον καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγόνους. Въ сокращенномъ декретѣ 2600: Δελφοὶ ἀνενεώσαντο τὰν πάτριον προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν Τελεσία Στράτωνος Οἰσομαίωι καὶ ἔδωκαν αὐτῶι καὶ ἐκγόνοις προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν εὐεργέται ἐόντι, προμαντείαν κτέ. По этому декрету возстановленъ и 2635. Въ полной редакціи стояло бы приблизительно такъ: ἀνανεώσασθαι δὲ αὐτῶι τὰν πάτριον προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν καὶ εἶμεν αὐτὸν καὶ ἐκγόνους πρόξενον καὶ θεαροδόκον καὶ εὐεργέταν и пр. Желая, вѣроятно, избѣжать подобныхъ повтореній, дельфійская канцелярія писала иногда въ сокращенныхъ декретахъ слѣдующимъ образомъ: Δελφοὶ ἔδωκαν καὶ ἀνενεώσαντο τῶι δεινί τὰν προξενίαν καὶ θεαροδοκίαν καὶ προμαντείαν καὶ κτλ., — съ τάν и съ καί. Такъ стоитъ въ 2770 (= BCH. XXI, 278) и также нужно возстановить въ 2670:

1. [Δελφοὶ ἔδωκαν καὶ] ἀνε[νεώσαντο .....]
2. [αὐτῶι καὶ ἐκγό]νοις τὰν προξενίαν καὶ θεα[ροδοκίαν καὶ προμαν]-
3. [τείαν καὶ ἀ]τέλειαν καὶ προδικίαν καὶ προεδ[ρίαν καὶ ἀσυλίαν]
4. [καὶ τᾶ]λλα πάντα ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξέν[οις καὶ εὐεργέταις]
5. [ἄρχ]οντος Εὐκλέος, βουλευόντων Ξενοδόκ]ου, Ἀρισταγόρα, Ἀγήτορος?,]
6. [Θρ]ασυμάχου, Μένητος[1]).

Остается лишь прибавить, что приведенныя въ оправданіе моего καὶ θεαροδόκον параллели всѣ связаны съ ἀνανέωσις проксеніи или θεα-

---

въ 3 только ἀτέλει[αν], въ 4 καὶ θεαροδοκ[ίαν]. Послѣднимъ дополненіемъ онъ показалъ, что совсѣмъ не уразумѣлъ строя надписи.

[1]) Помтовъ, впервые обратившій вниманіе на необычное τάν предъ προξενίαν и на polysyndeton въ 2670 [*Ath. Mitth.* XIV (1889), 35], писалъ въ 1 строкѣ только: [Δελφοὶ ἔδωκαν]... ANE ..... Баунакъ, какъ-бы точнѣе Помтова (risum teneatis) измѣривъ лакуну предъ ANE, поставилъ тамъ *одну* только точку, очевидно ошибочно. А при печатаніи 2670 ему, несомнѣнно, былъ извѣстенъ тотъ выпускъ BCH., въ которомъ стоитъ параллельный по формулѣ декретъ 2770. Мои уклоненія отъ реконструкціи Помтова въ слѣдующихъ строкахъ, именно въ порядкѣ перечня привилегій, оправдываются какъ декретомъ 2770, такъ и рядомъ другихъ наблюденій, изложеніе которыхъ завело бы здѣсь слишкомъ далеко.

родокіи. Не говоритъ-ли и это за то, что въ концѣ 10-й стр. *нужно* дополнить ἀνανεώσασθαι?

13. Баунакъ: „ἐμ π[(άντοι)]ς“ изъ ЕМПРАΣЕІΣ. Но со II вѣка господствуетъ уже форма πᾶσι: на 20 случаевъ ея форма πάντοις появляется по одному разу въ II и I вѣкѣ. Лишнее въ копіи Киріака Р можетъ быть одного происхожденія съ Р въ АПРОΛІΣ = ἁ πόλις: не былъ ли это вопросительный или другой условный знакъ Киріака? Или не было ли тутъ пробѣловъ вслѣдствіе ямокъ камня?

13. Баунакъ: „τ[(ίμ)]ι[(α)]“ изъ ТОІΣ. Едвали. Скорѣе это ошибка рѣзчика или Киріака, вызванная слѣдующимъ καὶ τοῖς ἄλλοις. Кромѣ τἆλλα или τἆλλα τίμια въ этомъ пунктѣ декретовъ бываютъ формулы: τἆλλα τίμια πάντα, τἆλλα τίμια καὶ φιλάνθρωπα, τὰ λοιπὰ πάντα, τὰ λοιπὰ τίμια πάντα, τἆλλα πάντα.

13—14. Стояло ли послѣ εὐεργέταις (=ЕТЕРОІΣКАІΣ) еще [καὶ θεωροδόκοις], трудно рѣшить: пространство этому не мѣшаетъ (= 96 буквъ, при допущеніи, что ТОІΣ диттографія только Киріака, и при перенесеніи цѣлаго слова [ὑπάρχ]ει въ 14 стр.). Внося въ текстъ слова καὶ θεαροδόκοις, мы могли бы производить КАІΣ Киріака не изъ—ταις, а изъ слѣдующаго καὶ. Однако скорѣе Киріакъ ЕΥЕРГЕ прочиталъ какъ ЕТЕРІΣ и записалъ подъ вліяніемъ новогреческаго произношенія въ видѣ ἑτέροις=eteris, а дальше уже легко было ТАІ смѣшать съ КАІ (какъ и въ стр. 8).

13—14. [ὑπάρ][χ]ει παρὰ τᾶς πόλιος. Эти слова лишь рѣдко присоединяются къ заключительной формулѣ перечня привилегій. Въ огромномъ большинствѣ сокращенныхъ декретовъ и въ 5—6 полныхъ стоитъ просто „ὅσα καὶ τοῖς ἄλλοις προξένοις καὶ εὐεργέταις“. Очень рѣдки прибавки сюда: τᾶς πόλιος (9 случаевъ) или τᾶς πόλιος τῶν Δελφῶν (три случая), или τοῦ (τε) ἱεροῦ καὶ τᾶς πόλιος (два: 2672 и 2621), или τοῖς Δελφῶν (одинъ: 2828), или κατὰ τὸν νόμον (одинъ: 2789), или ὑπάρχει (три), или δίδοται (два: 2844 и 2845), или τᾶς πόλιος δέδοται (одинъ: 2736). Сравнительно часто прибавляется τᾶς πόλιος ὑπάρχει, именно приблизительно въ 20 случаяхъ: всѣ они II-го вѣка и не раньше 158/7 года (древнѣйшій—2820). Тожественная же съ нашей прибавка ὑπάρχει παρὰ τᾶς πόλιος встрѣчается еще только четыре раза, между 171/0—157/6 г., именно: 2611—171/0 г., 2799—около 165/4 г., 2723 и 2725—около 157/6 г. Еще разъ мы видимъ ее въ другой разстановкѣ: παρὰ τᾶς πόλιος ὑπάρχει, именно въ 2724 [1]).

---

[1]) Въ этой надписи, правда, Кувъ вопреки собственной копіи вставляетъ τε

Первую строку нашей надписи я возстановилъ буквально (кромѣ ἀγαθᾶι τύχαι) по началу сжатаго декрета архонтства Клеона 2610. Перечень привилегій также буквально совпадаетъ съ 2610: καὶ ὑπάρχειν αὐτῶι προμαντείαν, προδικίαν, ἀσυλίαν, ἀτέλειαν πάντων, προεδρίαν ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγώνοις οἷς ἁ πόλις τίθητι, случайно нѣтъ только конца: τἆλλα etc. Ср. также сжатый декретъ 2611 171/0 года, гдѣ тотъ же самый порядокъ перечня почестей и та же формулировка (только [παν]τός вмѣсто πάντων) и тотъ же самый конецъ, какъ и у насъ. Не будь у насъ почти полнаго отсутствія декретовъ отъ первыхъ трехъ десятилѣтій II вѣка, т. е. не будь мы лишены возможности сравненія, я рѣшился бы и это совпаденіе порядка и формулировки привести за 168/7 годъ и противъ помтовскаго 189/8. Извѣстно, что до конца III вѣка господствующимъ, чуть не сто разъ повторяющимся порядкомъ обыкновеннаго перечня почестей былъ такой: 1 προξενία, 2 προμαντεία, 3 προεδρία, 4 προδικία, 5 ἀσυλία, 6 ἀτέλεια, 7 τἆλλα.

А. Никитскій.

и произвольно дополняетъ κα τοῦ θεοῦ, читая παρά τε τᾶς πό[λιος καὶ τοῦ θεοῦ ὑπάρχει]. Баунакъ уничтожаетъ τε, но сохраняетъ καὶ τοῦ θεοῦ, хотя оно рѣшительно безпримѣрно и, пожалуй, даже неумѣстно. Я отношу этотъ полный декретъ 2724 не къ IX жречеству вмѣстѣ съ стоящимъ выше на камнѣ сокращеннымъ декретомъ (это мнѣніе Баунака), а къ одному году съ декретомъ, стоящимъ ниже, 2725, т. е. приблизительно 157/6 (архонтъ Πατρέας V жречества).

МЕЛЕАГРЪ ЕВРИПИДА.

Не такъ давно вопросъ о фабулѣ еврипидова Мелеагра былъ замѣтно двинутъ впередъ извѣстнымъ археологомъ Р. Энгельманомъ въ его „Archäologische Studien zu den Tragikern“ (Berlin, 1900). Главный интересъ этого изслѣдованія заключается для нашей темы въ томъ, что авторомъ впервые было издано изображеніе на вазѣ изъ Руво (нынѣ въ Бари), которое, вмѣстѣ съ родственнымъ изображеніемъ вазы изъ Арменто (нынѣ въ Неаполѣ), наиболѣе можетъ помочь намъ возстановить содержаніе утраченной трагедіи аѳинскаго трагика, а вмѣстѣ съ нимъ, полагаю я, и одинъ изъ интереснѣйшихъ варіантовъ поэтическаго миѳа о Калидонской охотѣ; но спеціально Энгельману это возстановленіе, на мой взглядъ, не удалось.

Главные элементы миѳа о Мелеагрѣ у Еврипида слѣдующіе: роковая головня—гнѣвъ Артемиды на Энея—Калидонскій вепрь—Аталанта среди охотниковъ — любовь Мелеагра къ Аталантѣ — противодѣйствіе Алѳеи — смерть Мелеагра. Спорнымъ считался вопросъ, зналъ ли Еврипидъ Мелеагра супругомъ Клеопатры; многіе это допускали, ссылаясь на слова Аполлодора Μελέαγρος ἔχων γυναῖκα Κλεοπάτραν... βουλόμενος δὲ καί ἐξ Ἀταλάντης τεκνοποιήσασθαι. Энгельманъ оспариваетъ убѣдительность этого свидѣтельства, справедливо замѣчая, что мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, будто Еврипидъ былъ источникомъ Аполлодора; но его попытка доказать, что Клеопатра у Еврипида невозможна, неудачна. Правда, въ сохранившихся отрывкахъ еврипидовой трагедіи не имѣется никакого намека на Клеопатру и вообще жену Мелеагра, но при скудости этихъ отрывковъ это и неудивительно. По Энгельману Мелеагръ требуетъ Аталанту себѣ въ *жены*: „явное его сватовство и упорное сопротивленіе матери

было бы необъяснимо, если бы юноша не добивался продолжительнаго, важнаго для всего царскаго дома союза" (стр. 78). Въ психологію Алѳеи лучше преждевременно не вдаваться, это почва скользкая; насколько сватовство Мелеагра было у Еврипида явнымъ, мы не знаемъ, пусть будетъ оно даже самымъ явнымъ—вѣдь и Гераклъ явно сваталъ Іолу по Софоклу, и это не мѣшало ему быть мужемъ Деяниры. Зато одно мѣсто изъ трагедіи говоритъ противъ мысли о предстоящемъ супружествѣ Мелеагра и Аталанты: слова послѣдней (fr. 525) εἰ δ'εἰς γάμους ἔλθοιμ', ὃ μὴ τύχοι ποτέ.

Дѣйствительно, изъ отрывковъ Мелеагра двѣ сцены вырисовываются довольно отчетливо; это, во-первыхъ, „агонъ" Алѳеи съ Мелеагромъ, во-вторыхъ — агонъ Алѳеи съ Аталантой. Смыслъ этихъ агоновъ одинъ: Алѳея старается разлучить Мелеагра съ Аталантой; больше мы ничего сказать не можемъ.

Обратимся теперь къ вазамъ.

На арментской вазѣ изображена смерть Мелеагра. Подъ колоннадой мы видимъ его самого, поддерживаемаго братомъ Тидеемъ и сестрою Деянирой, на кровати. Съ лѣвой стороны вбѣгаетъ, съ признаками крайняго волненія, женщина съ покрываломъ на головѣ. Справа къ колоннадѣ подходитъ скорбящій Эней; передъ колоннадой сидятъ въ позѣ скорбящихъ два товарища-охотника, Пелей и Ѳесей. Всѣ фигуры, кромѣ самого Мелеагра и вбѣгающей женщины, съ надписями, такъ что приведенныя имена несомнѣнны. Но самое интересное—это группа направо, надъ колоннадой. Сидитъ женщина съ лукомъ въ рукѣ, повидимому грустная, рядомъ съ ней—крылатый отрокъ. Мы сказали бы—Афродита и Эротъ; и дѣйствительно, подъ женщиной имѣется подпись АФРОΔΙΤΗ. Но надъ отрокомъ, вмѣсто ожидаемой надписи, читается другая — ΦΘΟΝΟΣ; что бы это могло значить? Надпись озадачила толкователей; двое изъ нихъ, Майеръ и Кунертъ, прибѣгли даже къ насильственной гипотезѣ, что она вовсе не относится къ Эроту, а въ другой фигурѣ, существовавшей нѣкогда въ первоначальной композиціи, но въ нашей копіи не вышедшей; Энгельманъ, соглашаясь съ возможностью этого объясненія, признаетъ съ своей стороны допустимымъ и другое—что живописецъ, называя своего Эрота именемъ Φθόνος, хотѣлъ его охарактеризовать какъ приносителя гибели,— и замѣчаетъ въ заключеніе, что смыслъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, а именно, что любовь Мелеагра къ Аталантѣ оказалась несчастной.

Съ этимъ я согласиться не могу. Если живописецъ своего Эрота

назвалъ именемъ „Зависти“ (а это непосредственный смыслъ нашей картины, котораго мы, впредь до опроверженія, должны держаться), то это значитъ, что онъ хотѣлъ изобразить не простую любовь, а *ревность*. Правда, до послѣдняго времени мы не имѣли яснаго свидѣтельства объ этомъ значеніи слова φθόνος; но новонайденный Вакхилидъ восполнилъ этотъ пробѣлъ — φθόνος εὐρυβίας νιν ἀπώλεσεν, говоритъ онъ про Деяниру, отправившую Гераклу роковой даръ (XVI 31). Очевидно, такую же мысль хотѣлъ выразить и нашъ живописецъ, помѣщая своего генія ревности надъ картиной смерти Мелеагра; но кто будетъ носителемъ или, правильнѣе, носительницей этой ревности? Нашъ взоръ обращается, слѣдуя взору самого Эрота, къ лѣвой части картины, къ той женщинѣ въ покрывалѣ, которая со всѣми признаками отчаянія вбѣгаетъ въ комнату умирающаго — къ сожалѣнію, художникъ не приписалъ ея имени. До сихъ поръ всѣ принимали ее за Алѳею, непосредственную виновницу смерти Мелеагра; правильно-ли это толкованіе? Или, быть можетъ, въ ней слѣдуетъ признать Клеопатру? Увидимъ потомъ; пока же изслѣдуемъ другую вазу, впервые изданную Энгельманомъ — рувскую.

По мнѣнію издателя она происходитъ изъ той же фабрики, какъ и арментская; тамъ была изображена смерть Мелеагра, здѣсь—любовь Мелеагра и Аталанты. Центральная группа представляетъ по срединѣ—сидящую Аталанту, справа—стоящаго передъ ней Мелеагра: онъ передаетъ ей шкуру вепря, она протягиваетъ руку, чтобы принять подарокъ. Имена не надписаны, но толкованіе несомнѣнно. Надъ влюбленной четой изображенъ Эротъ съ гирляндой цвѣтовъ, но онъ смотритъ не на нее, а на стоящую поодаль, за Аталантой, женщину: она держитъ въ лѣвой рукѣ, на шерстяной нити, извѣстный магическій волчокъ и въ свою очередь смотритъ на Мелеагра и Аталанту. Значеніе волчка несомнѣнно: мы можемъ себѣ представить его только въ рукахъ ревнивой покинутой женщины. Мысль Энгельмана, видящаго въ нашей женщинѣ богиню Πειθώ, никакого сочувствія не заслуживаетъ: въ чьихъ интересахъ могла-бы она дѣйствовать? Въ интересахъ мужчины волчокъ непримѣнимъ: это — женское орудіе; въ интересахъ же Аталанты онъ не нуженъ, такъ какъ Мелеагръ и безъ того ее любилъ, сопротивленіе же было скорѣе на ея сторонѣ. Помня о Φθόνος'ѣ на арментской вазѣ, мы легко признаемъ его носительницу въ женщинѣ съ волчкомъ, а его самого—въ томъ Эротѣ, который паритъ надъ влюбленными, но смотритъ на ревнивицу.

Но кто же она, наконецъ, эта ревнивица?

Допустимъ, Клеопатра: это, во всякомъ случаѣ, самое естественное. Спрашивается, какимъ образомъ ея любовь и ревность могла погубить Мелеагра? Головня находилась у Алѳеи; ее же единодушная традиція древности называетъ убійцей своего сына, да и отрывки Еврипида свидѣтельствуютъ о ея выдающейся роли въ трагедіи. Получается странная разбросанность дѣйствія: съ одной стороны, ревность—пока безпомощная—Клеопатры, вызванная любовью Мелеагра къ Аталантѣ; съ другой, гнѣвъ и месть Алѳеи, вызванныя убійствомъ ея братьевъ. Правда, о послѣднемъ въ отрывкахъ трагедіи не говорится; возможно, что у Еврипида этотъ мотивъ отходилъ на задній планъ. Но что было тогда главнымъ мотивомъ? Неужели месть за Клеопатру? Мать, убивающая сына, чтобы отомстить за оскорбленіе невѣстки — всякій согласится, что это очень неправдоподобная психологическая мотивировка.

Но что, если Алѳея мстила не за Клеопатру, а за—себя?... Эта мысль, на первыхъ порахъ, кажется такой чудовищной, что даже не хочется вдумываться въ нее; все же попробуемъ пристально къ ней присмотрѣться. Допустимъ, Еврипидъ изобразилъ Алѳею охваченной несчастной любовью къ сыну. Пусть она сознаетъ все нечестье этого πάθος, борется съ нимъ, исполнена рѣшимости никогда ему не подчиниться—все же она не въ силахъ побороть свою ревность, видя, что ея сынъ полюбилъ другую. Она старается, не выдавая своего истиннаго мотива, отговорить сына (первый „агонъ“), отговорить навязываемую ей невѣстку-соперницу (второй „агонъ“), прибѣгаетъ къ ворожбѣ (сцена съ волчкомъ)—все напрасно. Наконецъ, она настраиваетъ противъ Аталанты своихъ братьевъ; но и это послѣднее средство не помогаетъ, Мелеагръ убиваетъ дядей, Аталанта торжествуетъ. Тогда Алѳея, отчаявшись во всемъ, бросаетъ въ огонь роковую головню; Мелеагръ умираетъ; вслѣдъ за нимъ умираетъ и Алѳея. Мнѣ кажется, этотъ сюжетъ былъ бы вполнѣ въ духѣ Еврипида. Правда, по своей концепціи онъ еще рискованнѣе Ипполита и Эола, но вѣдь отъ поэта зависѣло смягчить его непріятность внутренней борьбой въ сердцѣ Алфеи, какъ онъ это сдѣлалъ въ своемъ портретѣ Федры.

При всемъ томъ, „Мелеагра“ пришлось бы причислить къ тѣмъ драмамъ Еврипида, въ которыхъ изображены γάμοι ἀνόσιοι—ср. опредѣленіе этого понятія въ „Андромахѣ“ ст. 174

πατήρ τε θυγατρὶ παῖς τε μητρὶ μίγνυται
κόρη τ' ἀδελφῷ —

и не всякій, пожалуй, согласится увеличить ихъ списокъ нашей трагедіей путемъ догадки; но въ томъ-то и дѣло, что къ этому списку его причислилъ самъ Еврипидъ въ очень извѣстномъ, но никѣмъ еще необъясненномъ мѣстѣ. Я имѣю въ виду ст. 840 сл. „Лягушекъ" Аристофана. Эсхилъ, выведенный изъ себя вызывающими словами Еврипида, бросаетъ ему въ лицо слѣдующіе гнѣвные упреки:

841 ὦ στωμυλιοσυλλεκτάδη (1)
καὶ πτωχοποιὲ (2) καὶ ῥακιοσυρραπτάδη (3)...
846 τὸν χωλοποιόν (4)...
849 ὦ Κρητικὰς μὲν συλλέγων μονῳδίας (5),
γάμους δ'ἀνοσίους εἰςφέρων εἰς τὴν τέχνην (6).

Изъ этихъ упрековъ иные относятся къ техникѣ—какъ эпической (1), такъ и лирической (5)—другіе къ содержанію; послѣдніе сводятся къ двумъ: Еврипидъ охотно представляетъ своихъ героевъ въ жалкомъ видѣ (2—4), онъ же позволяетъ себѣ изображать γάμοι ἀνόσιοι (6). Слѣдуетъ замѣтить, что другихъ, относящихся къ содержанію упрековъ онъ ему здѣсь не дѣлаетъ. Теперь посмотримъ, какъ ему отвѣчаетъ Еврипидъ ст. 860 сл.:

ἕτοιμός εἰμ' ἔγωγε, κοὐκ ἀναδύομαι,
δάκνειν, δάκνεσθαι πρότερος, εἰ τούτῳ δοκεῖ,
τἄπη, τὰ μέλη, τὰ νεῦρα τῆς τραγῳδίας,
καὶ νὴ Δία τὸν Πηλέα γε καὶ τὸν Αἴολον
καὶ τὸν Μελέαγρον, κἄτι μάλα τὸν Τήλεφον.

Какъ видно, онъ отвѣчаетъ по пунктамъ: и по вопросу объ эпической (τἄπη), и по вопросу о лирической техникѣ (τὰ μέλη), разумѣя ту и другую подъ слогомъ τὰ νεῦρα τῆς τραγῳδίας. Отдѣльныхъ заглавій онъ по этимъ двумъ пунктамъ не называетъ, такъ какъ они относились не къ отдѣльнымъ трагедіямъ, а ко всему его поэтическому творчеству. Зато упреки по содержанію относились, несомнѣнно, лишь къ нѣкоторымъ трагедіямъ, имена которыхъ мы и вправѣ будемъ усмотрѣть въ четырехъ приведенныхъ нѣсколько ниже заглавіяхъ. И дѣйствительно, упрекамъ 2—4 соотвѣтствуютъ заглавія τὸν Πηλέα καὶ τὸν Τήλεφον — эта знаменитая чета, которая еще Гораціемъ (a. p. 96) приводится именно въ требуемомъ здѣсь смыслѣ: Telephus et Peleus, cum pauper et exsul uterque... Итакъ, другую пару именъ—τὸν Αἴολον καὶ τὸν Μελέαγρον—мы должны пріурочить къ упреку относительно γάμοι ἀνόσιοι; объ Эолѣ это уже давно было извѣстно (братъ:

сестра), о Мелеагрѣ (мать: сынъ) это доказало настоящее разсужденіе.

Спрашивается, однако, былъ ли этотъ мотивъ всецѣло нововведеніемъ Еврипида? Или, быть можетъ, онъ и здѣсь имѣлъ право отвѣтить своимъ критикамъ вопросомъ: πότερον δ'οὐχ ὄντα λόγον τοῦτον περὶ Ἀλθαίας ξυνέθηκα? Послѣднее a priori представляется болѣе правдоподобнымъ; окончательно убѣждаетъ насъ въ этомъ слѣдующее, тоже еще незамѣченное обстоятельство.

Въ центральной хорической пѣсни эсхиловыхъ „Хоэфоръ" (585 сл.) проводится мысль, что страшнѣе всѣхъ чудесъ земли, моря, огня и воздуха — преступная любовь женщины (γυναικῶν παντόλμους ἔρωτας ἄταισι συννόμους βροτῶν, θηλυκρατὴς ἀπέρωτος ἔρως). Въ качествѣ иллюстрацій приводятся—Алѳея, умертвившая сына, Скилла, умертвившая отца, и лемносскія женщины, умертвившія мущинъ. Эти иллюстраціи насъ озадачиваютъ; все это, конечно, преступленія, но гдѣ же любовь? Послѣдній издатель, Виламовицъ, согласенъ съ тѣмъ, что θέσις не покрывается ὑπόθεσις'омъ; онъ говоритъ, что Эсхилъ другими достоинствами искупилъ эту логическую несообразность. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ другихъ примѣрахъ любовь миѳами признается, и Эсхилъ только вслѣдствіе своей неохоты говорить о женской любви (Аристоф. Ляг. 1044) о ней не распространяется. Лемносскія женщины изъ ревности (φθόνος = ἔρως) убили своихъ мужей; то же самое сдѣлала и Клитемнестра, которую хоръ имѣетъ въ виду во всей этой пѣсни; равнымъ образомъ и Скилла изъ любви къ Миносу предала ему жизнь своего отца. Алѳея одна до сихъ поръ составляла исключеніе, заставляя насъ обвинять великаго поэта въ логической несообразности. Теперь и это исключеніе благополучно устранено.

А если такъ, то миѳу о любви Алѳеи къ своему сыну Мелеагру будетъ возвращена та глубокая древность, которая одна можетъ насъ примирить съ чудовищностью его концепціи. Мелеагръ, подобно Гераклу, Ахиллу, Ясону, принадлежитъ къ богатырямъ сверхчеловѣкамъ, не признающимъ другихъ законовъ, кромѣ своего ἐκνόμιον λῆμα, какъ выражается Пиндаръ, и гибнущихъ отъ него. Самымъ же рѣзкимъ проявленіемъ „беззаконія" считалось именно — τῇ μητρὶ ξυγγίγνεσθαι, этотъ символъ „тираннической", т. е. сверхзаконной власти до императора Нерона включительно. Время тутъ многое смягчило, а подъ вліяніемъ времени—и поэты, согласно своему девизу: ἀποκρύπτειν χρὴ τὸ πονηρὸν τόν γε ποιητήν.

Ѳ. Зѣлинскій.

НЕИЗДАННАЯ НАДПИСЬ НА АМФОРНОЙ РУЧКѢ ИЗЪ ТАМАНИ.

Во время поѣздки на югъ Россіи, въ апрѣлѣ 1894 года, мнѣ удалось, между прочимъ, пріобрѣсти въ г. Тамани обломокъ ручки амфоры изъ красновато-желтой глины съ слѣдующей надписью:

Надпись слѣдуетъ читать такъ: Ἱστιαίου ἀστυ(νόμου) Ποσειδω(νίου). Первое имя принадлежитъ астиному, т. е. облеченному гражданскою властью чиновнику, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ, очевидно, эпонимомъ года; это особенно ясно видно изъ того, что передъ именемъ астинома нерѣдко стоитъ предлогъ ἐπί [1]), а также изъ прибавляемаго иногда къ имени эпитета ἱερέως [2]). Названіе самой должности астинома обозначается различно: ἀστυ-, ἀστυν-, ἀστυνο-, ἀστυνομ-, ἀστυνομο, ἀστυνόμου, ἀστυνομοῦντος.—Второе имя принадлежитъ, очевидно, фабриканту, что́ видно изъ прибавленія къ соотвѣтствующему имени въ двухъ надписяхъ изъ Ольвіи слова κεραμέως [3]) и изъ приписки ἐπόησε въ третьемъ случаѣ [4]). Однако, подъ этимъ κεραμεύς слѣ-

---

[1]) См. напр. *P. Becker*, *Jahrbücher für Philologie*, Supplementband, 1869, 478—9. Впрочемъ, имя астинома встрѣчается и въ именительномъ падежѣ (*P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, IV Suppl.-Bd. 1862, 465).

[2]) Ср. *Schuchhardt*, Inschriften von Pergamon, 424.

[3]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 474 и Suppl.-Bd. V, 487.

[4]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 466.

дуетъ разумѣть не простого рабочаго, а фабриканта, имѣвшаго надзоръ надъ чернорабочими [1]). Стефани [2]) видѣлъ во второмъ имени названіе мѣсяца, которымъ будто бы обозначался чиновникъ, имѣвшій надзоръ надъ группой рабочихъ. Е. М. Придикъ, любезности котораго я обязанъ знакомствомъ съ литературой вопроса и многими цѣнными для меня указаніями, высказываетъ предположеніе, что здѣсь слѣдуетъ видѣть чиновника, которому на извѣстный срокъ поручали наблюденіе за работой.

Справа отъ надписи находится эмблема птицы (орла?) на дельфинѣ. В. Н. Юргевичъ [3]), на основаніи изображеній на монетахъ, показалъ, что эта эмблема—гербъ Синопы, перенесенный въ нѣкоторые города, лежавшіе по сѣверному берегу Чернаго моря. Такъ какъ эмблемы, несмотря на свое разнообразіе, повторяются, и притомъ обыкновенно вмѣстѣ съ именами астиномовъ [4]), то ихъ слѣдуетъ приводить въ связь съ этими именами, въ нашей надписи—съ именемъ Ἰστιαίου. Дѣйствительно, во *всѣхъ* случаяхъ, гдѣ астиномомъ является Ἰστιαῖος, эмблемой служитъ птица на дельфинѣ. А такихъ надписей (или, вѣрнѣе, штемпелей) насчитывается, кромѣ нашей, 34: въ коллекціи Романченко 1, въ Эрмитажѣ 12, въ Херсонесѣ 1, въ Одессѣ 7, въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ близь Керчи (теперь, вѣроятно, въ Одессѣ) 6, въ Керчи 7. Какъ второе имя, на нихъ встрѣчается Ἀρχεπτο 5, Ἀσπασιο 1, Γολαντος 1, Διονυσιο 3, Δωρο 1, Ἐπικρατε 3, Κινωλιος 1, Μανεω 3, Νευμηνι 4, Νιμακτος 2, Ὀρθου 4, Ποσειδω 5 и только одна ручка съ простой надписью ΙΣΤΙ. Изданы ручки съ этимъ клеймомъ,
ΑΙο
однако, не всѣ [5]).

Schuchhardt [6]) старался доказать, что подобные штемпеля носятъ

---

[1]) Ср. *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. V, 487; *E. Pridik*, *Ath. Mitth.* XXII (1897), 157—8.

[2]) Mélanges Gréco-Romains tirés du bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, 1859, II, 11.

[3]) Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Ѳеодосіи въ 1894 году въ XVIII томѣ *„Записокъ Импер. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.“*.

[4]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 496.

[5]) См. напр. *Отчетъ Арх. Комм.* 1862, 28; 1869, 208; Mélanges Gréco-Romains, I, 493; *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.- Bd. V, 502; *Записки Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.* XVIII, 141; XXI (1898), въ протоколахъ засѣд.; *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, X.

[6]) Inschriften von Pergamon, 430. Ср. *В. Н. Юргевичъ*, *Записки Импер. Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, XVIII, глава V.

частный характеръ, и мнѣніе свое онъ основываетъ на томъ, что почти на каждомъ штемпелѣ помѣщалось имя фабриканта: со стороны государства это была бы непонятная роскошь. Однако, Br. Keil въ своей рецензіи на книгу Schuchhardt'a [1]) высказалъ противоположное мнѣніе, сославшись, между прочимъ, на родосскіе гербы—голову Геліоса и розу, исключительно принадлежавшіе государству. Такого же мнѣнія придерживается и Е. М. Придикъ [2]), который указываетъ притомъ на аналогію штемпелей на монетахъ. Объясняются такіе офиціальные штемпеля монополіей государства.

Что касается времени нашей надписи, то судя по значенію послѣдняго знака въ имени Ἰστιαίου, она едва ли моложе IV вѣка до Р. Хр. [3]). Такъ какъ, однако, штемпеля, относимые къ V вѣку до Р. Хр. [4]), въ палеографическомъ отношеніи носятъ гораздо болѣе древній характеръ, чѣмъ наша надпись (направленіе письма—справа налѣво), то вѣрнѣе всего отнести эту надпись, равно какъ и самую амфору, къ IV вѣку до Р. Хр.

Ф. Видеманъ.

---

[1]) *B. ph. W.* 1896, 1610 сл.

[2]) *Ath. Mitth.* XXII (1897), 156—7.

[3]) Ср. *Blass*, Aussprache des Griechischen³, 31: Auch nach der Reform der attischen Orthographie hält sich die einfache Schreibung (o = ου), und zwar allmählich unterschiedslos für ου und ō, mit grosser Zähigkeit, so dass noch zu Ende des IV Jahrh. und noch später *einzelne* Beispiele vorkommen".

[4]) *P. Becker*, *Jahrb. f. Phil.*, Suppl.-Bd. IV, 473, № 5 и 475, № 1, ср. 493—4 и Suppl.-Bd. V, 514.

ПО ПОВОДУ DONATIO ANTE NUPTIAS ВЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ПАПИРУСАХЪ.

За время моего пребыванія въ Вѣнѣ мнѣ удалось, между прочимъ, довольно хорошо ознакомиться съ богатой коллекціей греческихъ папирусовъ, пріобрѣтенныхъ въ 1884 г. эрцгерцогомъ Райнеромъ [1]). Небольшая часть этихъ папирусовъ издана извѣстнымъ папирологомъ Вессели подъ заглавіемъ: Corpus papyrorum Raineri, vol. I: Griechische Urkunden. Это полезное изданіе, безъ котораго нельзя обойтись при занятіяхъ папирологіей, по странной игрѣ судьбы прошло какъ-то незамѣтно въ ученомъ мірѣ и вызвало лишь одну серьезную, содержательную и чуждую всякихъ личныхъ счетовъ рецензію Гента въ Göttingische Gelehrte Anzeigen № 6 (1897). Отдавая должное работѣ Вессели, „этого ветерана на поприщѣ папирологіи", Гентъ отмѣтилъ цѣлый рядъ ошибокъ, неточностей и промаховъ, а также далъ не мало цѣнныхъ замѣчаній и поправокъ. Къ числу затронутыхъ Гентомъ папирусовъ относится, между прочимъ, одинъ, къ сожалѣнію плохо сохранившійся, но тѣмъ не менѣе важный документъ, входящій въ разрядъ „брачныхъ договоровъ". Этотъ любопытный памятникъ, помѣщенный въ Corpus'ѣ подъ № 23, послужилъ для Вессели [2]) почти что исходнымъ пунктомъ для построенія его теоріи о fictive Mitgift (=donatio ante nuptias in dotem redacta), теоріи принятой и развитой Миттейсомъ въ его книгѣ: Reichsrecht und Volksrecht in den Provinzen des römischen Kaiserreichs, 256—312.

---

[1]) См. Führer durch die Ausstellung, Wien, 1894.

[2]) *Wessely*, Studien über das Verhältniss des griechischen zum aegyptischen Recht im Lagidenreiche. *Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien*, 124 (1896), 55.

Не входя пока въ детальный разборъ теоріи Вессели-Миттейса, мы укажемъ только на тотъ фактъ что, вслѣдствіе невѣрнаго чтенія, папирусъ, во-первыхъ, былъ отнесенъ Вессели къ разряду брачныхъ контрактовъ, тогда какъ онъ — документъ, касающійся развода, а во-вторыхъ, въ силу той же ошибки, совершенно напрасно положенъ въ основаніе всей теоріи. Гентъ отмѣтилъ главный промахъ издателя и далъ нѣсколько важныхъ поправокъ, но, къ сожалѣнію, не попытался возстановить текстъ въ его приблизительной цѣльности. Эту задачу въ виду сравнительной важности папируса я рѣшился взять на себя и постарался дополнить документъ, который здѣсь и прилагаю съ указаніемъ чтеній Вессели и Гента. Папирусъ въ настоящемъ видѣ состоитъ изъ двухъ приблизительно равныхъ обрывковъ и покрытъ четкой скорописью II вѣка, которую можно относить къ круглому типу. Письмо идетъ по recto и въ общемъ сохранилось довольно хорошо, за исключеніемъ правой стороны второго обрывка, гдѣ многія буквы почти совсѣмъ выцвѣли. Съ трудомъ поддается разбору и середина папируса: здѣсь, какъ разъ по слому листа, однѣ буквы совсѣмъ исчезли, отъ другихъ остались едва замѣтные контуры. На оборотѣ папируса—остатки двухъ красныхъ печатей. Этотъ фактъ доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ документомъ, засвидѣтельствованнымъ при ἀγορανομεῖον, а не съ ἀντίγραφον, не съ копіей. Другимъ доказательствомъ служитъ то, что обѣ стороны, совершившія разводный актъ, скрѣпили его своими подписями, а также приписка чиновника при ἀγορανομεῖον, которая, впрочемъ, разбору не поддается.

CPR. 23 (стр. 130) [1]).

[.....].. τὴν [..]...[..... ἀπέ]χειν παρ' αὐτοῦ κ[ατὰ τὸ δίκαιον] [2])
[ταύτης τ]ῆς ὁμολογία[ς] φ[ερνὴ]ν χρ[υσίο]υ δοκειμείου μνα[ιεῖα δώ-
δεκα ἐν] [3])
[τοῖς διὰ τῆ]ς συνγραφῆ[ς κοσμ]αρίοις καὶ τὰ δι' αὐτῆς ἱμά[τια .....]
[.....]ς αὐτῶν ..[.....] συντείμησιν τῶν δραχμ[ῶν ὀκακοσίων] [4])
5. [καὶ τὰ αὐ]τῆς παράφε[ρνα] πάντα καὶ ἀνακεκοσμίσ[θαι πάντα τὰ] [5])

---

[1]) Начала контракта не достаетъ. Сверхъ того мной опущены первыя двѣ строки, такъ какъ отъ нихъ остались лишь отдѣльныя буквы.

[2]) Вѣроятно было: [.... Σύρ]αν τὴν [κα]ὶ Ἰσ[άριον?].

[3]) Вессели: [δίκαιον τ]ῆς—μν[αιεῖα ὀκτὼ ἐν τοῖς δεδηλωμένοις].

[4]) Вессели: [ἑπακοσίων]. Ср. строку 17.

[5]) Вессели: [τὰ ὑπ' αὐτ]ῆς παραφε[ρόμενα]; Гентъ: παράφε[ρνα]. Ibid. Вессели: ανακεκομισ[μ.

[προσενεχ]θέντα αὐτῇ [ὑπὸ] τῆς αὐτῆς μ[ητρὸ]ς ὑπ[ά]ρ[χοντα] ..... [1])
[.....] τῆς νι.[.].ει[.. καὶ τ]ὸν Σῦρον ἀπεσχηκέν[αι τὸ αἰρ]οῦν τῶν [2])
[προσόδων] αὐτῶν, ὧν [μεμένη]κεν π[αρ' α]ὐτῷ ἡ Σύρα ἡ καὶ Ἰσ[ά-
ριον] μη[ν]ῶν, [3])
[καὶ μὴ ἐ]πελεύσασθ[αι ἐπ' ἀλλήλους μηδὲ ἑκ[ά]τερ[ον αὐ]τῶν μηδὲ [4])
10. [τοὺς παρ'] αὐτῶν μηδὲ περὶ [τ]ῶν [τ]ῇ συμβιώσει ἀνηκό[ντων] μηδὲ
περὶ ὧν [5])
[ἐπεγράφ]η αὐτῆς ὁ Σῦρος κύριος ἐν τοῖς τῆς συμβιώσεως [χρόνοις]
καθ' ὁντιναοῦν [6])
[τρόπον διὰ τ]ὸ πάντα αὐτὴν [ἀπ]εσχηκέναι μηδὲ περὶ τῶν προκει-
μέν[ων εἰδ[ῶν μ[η]δὲ περὶ [7])
[ἄλλου μηδ]ενὸς ἁπλῶς τῷ καθ[ό]λου ἐνγράφου μηδ' ἀγράφου μέχρι
[τῆς ἐ]νε[στ]ώ[σ]ης [8])
[ἡμέρας πα]ρευρέσι μηδε[μ]ιᾷ, τὰ διομολογημένα κυρία ἔστω κα[θὼς
συνεχώρησα]ν (?) [9])
15. [Σύρα ἡ κ]αὶ Ἰσάριον [Ἀφρ]οδεισίου συνῆρμαι τὴν πρ[ὸς τὸν Σῦρον]
[ἀποζυγή]ν καὶ ἀπέχ[ω τὴν] φρεννὴν (sic) τὰ τοῦ χρυσίου μν[αιεῖα
δ[ώδε]κα [10])
[κ]α[ὶ] τὰ [ἱμ]άτια ἐν σο[ιντειμή]σι δραμῶν ὀ[κτ]ακοσίων κα[ὶ παρ]ά-
φιρνα [11])
[πάντα κα]ὶ ἀνακεκόμισμαι τὰ προ[σ]ενε[χθ]έντ[α] μοι οἰπὸ τῆς [12])
[μ]ητ[ρ]ός μοι οἰπάρ[χον]τα καὶ οἱ πελεύσομαι ἐπ' αὐτὸν περὶ οἰδε
20. ενὸς μέλος οἰδὲ π[ερὶ ὧ]ν ἐπεγράφη μου κοίριος [ἐ]ν [το]ῖς τῆς [13])

---

[1]) Вессели: ... αντα αὐτῆς ..... αὐτης μ..... πο.....; Гентъ: αὐτῇ [ἀπὸ?] τῆς αὐτῆς πασι υποσ[...]ν....

[2]) Вессели: [υπ]εσχημεν ..... την .....; Гентъ вм. τὴν даетъ πάντων.

[3]) Вессели: ... αυτων ..... μεν—αμ..... По поводу моего дополненія ср. CPR. 27, 22.

[4]) Вессели: ... ἐ]πελεύσασθαι—μηδὲ ὑπὲρ [αὐ]τῶν μηδ[ένα.

[5]) Вессели: ..... τ[ούτων.—ibid.: περὶ ὧν ..... [καὶ ἐπεγράφη].

[6]) Вессели: [ὁ σῦρος τῆ]ς αὐτῆς σύρας — καθὼς ...; Гентъ: [ἐπεγράφ]η αὐτῆς ὁ Σῦρος—καθων.

[7]) Вессели: ...ς πάντα—τῶν οὐσιῶν ...ων; Гентъ: τῶν προκειμέν[ων οὐ]σιῶν.

[8]) Вессели: ...νος ἁπλῶς τὸ καθόλον—μεχρι ....; Гентъ: τῷ καθόλου.

[9]) Вессели: ... παρευρέσι—κ[αὶ ἐπερωτηθέντες ὡμολόγησαν].

[10]) Вессели: τὴν πρ[ὸς σῦρον] | [συμβίωσιν]. *Grenfell-Hunt*, Oxyrh. Pap. II, 239: [ἀποζυγή]ν.—ibid.: [φερνήν.—16: Вессели μναι[εῖα ὀκτ]ὼ [ἐν] κο.

[11]) Вессели: κο|[σμαρίοις καὶ ἱμά]τια—ἑπτακοσίων καὶ .....ηρα.

[12]) Вессели: ..... καὶ.—19. Вессели: οἱ ἐπελεύσομαι ἐπ' αὐτὸν οἱ [π]ερὶ οἰδε.

[13]) Вессели: οἰδ[ὲν] καὶ ἐπιεγράφη; Гентъ: οιδεν [....] καὶ.

συνβιοσεος χρον[ο]ι[ς καθ' ὁ]ντιν[ο]ον τροπον καθω[ς προκι]τ[αι]. Σῦρος [1])
Δίο[υ] σ[υν]ῆρμαι τὴν [ἀποζυγὴ]ν [κ]αὶ [ἀπέσχον τὸ αἱροῦν τῷ[ν προ-
σό]δων ὧν [2])
[με]μέν[ηκε] παρ' ἐμοὶ [μ]ην[ῶν κ]αὶ οὐκ [ἐπελεύσ]ομαι π[ερὶ ἄλλου
οὐδεν[ὸς [3])
κ[αθὼς πρόκειται [4])
αν.[..]..... [5])

Какъ видно изъ контекста, мы имѣемъ дѣло съ разводнымъ контрактомъ, а не съ брачнымъ договоромъ и притомъ такимъ, который доказывалъ бы теорію Вессели, по которой, хотя въ греческихъ брачныхъ контрактахъ женихъ и расписывается въ полученіи приданаго изъ рукъ невѣсты или ея матери, это полученіе есть ни что иное, какъ простая фикція и что на самомъ дѣлѣ приданое дается невѣстѣ женихомъ (за исключеніемъ παράφερνα и недвижимой собственности, которыя невѣста приноситъ за собой) [6]). Я уже говорилъ выше, что косвенное подтвержденіе своей теоріи Вессели усматривалъ въ нашемъ папирусѣ, такъ какъ въ строкѣ 22 онъ неправильно читалъ δέδωκα αὐτῇ вм. ἀπέσχον τὸ αἱροῦν. Другія основанія, на которыя опирается теорія, сводятся къ слѣдующему: 1) чисто дѣловой характеръ договоровъ, какъ бы требующій со стороны жениха обезпеченія тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя приносятся невѣстой; 2) упоминаніе въ числѣ приданаго предметовъ, которые могутъ имѣть отношеніе только къ женщинѣ (напримѣръ, платья, серьги и т. д.); 3) полное соотвѣтствіе греческихъ брачныхъ контрактовъ съ египетскими. Первые два довода уже были опровергнуты Гренфеллемъ и Гентомъ въ Oxyrh. Pap. II, 240, такъ что распространяться о нихъ незачѣмъ. Скажу только, что противъ перваго quasi-доказательства говоритъ, между прочимъ, папирусъ Британскаго музея № 283, a. 81. Этотъ документъ лишь отмѣченъ Кеніономъ въ спискѣ папирусовъ, приложенномъ ко 2-му тому Catalogue of greek Papyri in the British Museum, но не изданъ въ виду своей фрагментарности, да сверхъ того неправильно

---

[1]) Вессели: [κατὰ πά]ντ[α] τρόπον; Гентъ: [κατα ο]ντιναοὺν τρόπον.

[2]) Вессели: [σύρου] συνῆρμαι τὴν [πρὸς σύραν τὴν καὶ ἰσάριον συμβίωσιν καὶ δέ]δωκα αὐ[τῇ]; Гентъ: την [.....] σα....κοι .. αιρουντο [.....] δωνων.

[3]) Вессели: ... υ]περ γαμου ..... καὶ [ε]π[εγράφην αὐτῆς] κ[υρι]ος.

[4]) Вессели: .. ως π[ροκειτὰι.

[5]) αγορ]αν[ομος] κεχρημ.

[6]) *Вессели*, Studien etc., 54, а также 59. Тоже, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, *Mitteis*, l. c., 281. Ср. *Grenfell-Hunt*, Oxyrh. Pap. II, 241.

отнесенъ къ разряду lease of loan. Привожу его цѣликомъ по своей копіи за исключеніемъ послѣднихъ 6 строкъ которыя сохранились очень плохо и представляютъ собой подписи лицъ, заключившихъ брачный договоръ, причемъ за ихъ неграмотностью эту роль исполнялъ какой-то ὑπογραφεύς.

Ἔτους πρώτου Αὐτοκράτορος Καίσαρος Δομιτιανοῦ
Σεβαστοῦ μην[ὸ]ς Χ[οιὰ]κ δεκάτηι ἐν τῇ Σοκνοπαίου Νήσου
τῆς Ἡρακλείδ[ου μερίδ]ος τοῦ Ἀρσ[ι]νοίτο[υ] νομοῦ. Ὁμο-
λογεῖ Στοτο[ῆ]τις Παοῦτος Πέρσης τῆς ἐπιγονῆς ὧ[ς]
5. ἐτῶν τεσσαράκοντα οὐλὴ μετόπῳ (sic!) ἐγ δεξιῶν τῇ ἐα[υτ(οῦ)]
γυναικὶ Ταπια[μ]οῦ[τι .....]ος ὡς ἐτῶν τριάκοντα οὐ-
λὴ γόνατι δεξ[ι]ᾷ [με]τὰ κυρίου τ[ο]ῦ αὐτ[ῆς] συνγεν[οῦς]
Τεσσενούφιος τοῦ Στοτοήτιος ὡς ἐτῶν [τρ]ιάκον[τα]
ἐννέα οὐλὴ [μετό]πῳ ἐγ δεξιῶν ἔχιν π[α]ρ' α[ὐτῆ]ς τὸν
10. ὁμολογοῦντα π[αραχρῆμα] δ[ιὰ χειρὸς] ἐξ οἴκου ἐφ' ἐα[υ]-
τῇ φ[ερνὴν] ἀρ[γ]υρ[ίου δρ]αχμὰς ἑξήκον[τ]α, συμβι[ού]-
τωσαν οὖν ἀ[λ]λ[ήλοις] ὅ τε ὁ Στοτοήτ[ι]ος καὶ [ἡ] Ταπιαμο[ῦς]
ἀμεμψιμοιρήτως καθὼς καὶ πρ[ο]εγάμουσαν ἐπιχω-
ρηγῷ[ν] α[ὐ]τῇ τὰ δέοντα πάντα κ[αὶ τὸν ἱματι]σμὸν καὶ
15. τὰ ἄλλα ὅσα καθ[ήκ]ει γυναικὶ γαμετῇ κ[α]τὰ [δ]ύνα-
μιν τοῦ β[ί]ου ἐνδημῶν καὶ ἀποδημῶν ἐ[ν τοῖς] κατὰ τὴν
συμβί[ωσ]ιν ⟨χρόνοις⟩, ἐ[ὰ]ν δὲ δ[ι]αφορᾶς αὐτοῖς γεναμένης χω-
ρίζωνται ἀπ' ἀ[λλήλ]ων, ἀ[ποδότ]ω [ὁ Στο]τοήτιος Ταπιαμ[οῦ]
τι τὰς τῆς φε[ρνῆς ἀ[ργ]υρίου δραχ[μὰς ἑξ]ήκοντα ἐ[ν ἡ]-
20. μέραις τριά[κ]οντ⟨α⟩, ἀφ' [ἧς] ἐ[ὰ]ν ἀπαιτηθῇ, ἐὰν δὲ μὴ
ἀ[πο]δ[ῷ κ]αθὰ [γέγραπται ἀποτι]σά[τω] μεθ' ἡμιο[λ]ίας
[κ]αὶ τόκ[ων, τῆς πράξεως] οὔσης Τα[πιαμο]ῦ[τι ἔκ] τε τοῦ
[ὁμ]ολο[γοῦ]ντ[ος καὶ ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτῷ καθ]άπ[ερ] ἐκ [δι^κ]

Если къ этому папирусу приложить доводъ Вессели, то окажется, что мужъ обезпечилъ жену вдвойнѣ, во-первыхъ, посредствомъ donatio ante nuptias, во-вторыхъ, посредствомъ обязательства исполнять πάντα τὰ καθήκοντα по отношенію къ женѣ, которая между тѣмъ не приноситъ ничего. Подобный фактъ противорѣчитъ понятію брака, какъ дѣлового договора, и приводитъ насъ ad absurdum, ибо, если брачный договоръ носитъ дѣловой характеръ, то тѣмъ самымъ требуетъ взаимнаго обезпеченія со стороны брачущихся. Гораздо серьез-

нѣе третій доводъ, который также въ достаточной степени подорванъ Гренфеллемъ и Гентомъ (l. c., 241). Основатели теоріи о fictive Mitgift (=donatio ante nuptias) указываютъ въ подтвержденіе послѣдней на полное соотвѣтствіе димотическихъ брачныхъ контрактовъ, которые изданы Ревильу въ цѣломъ рядѣ статей въ Revue égyptologique. Ревильу дѣлитъ эти документы на мемфитскіе и ѳивскіе. Разница между тѣми и другими состоитъ въ слѣдующемъ: 1) мемфитскіе вводятся словами: je t'ai prise pour femme, tu m'as donné X argenteus, ѳивскіе—словами: je t'ai prise pour femme, je te donne etc.; 2) приданое въ мемфитскихъ весьма значительно, но въ случаѣ развода мужъ долженъ вернуть только приданое безъ пени, въ ѳивскихъ, наоборотъ, приданое обыкновенно ничтожно, зато въ случаѣ развода мужъ возвращаетъ не только его, но и большую пеню. Что касается до греческихъ контрактовъ, то всѣ они безъ исключенія вводятся формулой: ὁμολογεῖ ὁ δεῖνα ἔχειν παρὰ τῆς δεῖνα, т. е., соотвѣтствуютъ мемфитскимъ. Существенная разница между мемфитскими и греческими контрактами заключается въ томъ пунктѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ обязательствѣ, лежащемъ на мужѣ по отношенію къ женѣ въ случаѣ развода. Въ мемфитскихъ контрактахъ этотъ пунктъ, если вѣрить Ревильу [1]), выраженъ такъ: je te donnerai les 750 argenteus dans un délai de 30 jours soit au moment où je t'établirai comme femme, soit au moment où tu t'en iras de toi même. Въ греческихъ — соотвѣтствующее мѣсто выражается двояко, причемъ наиболѣе обычная и, по всей вѣроятности, наиболѣе древняя формула, такова: ἐὰν δὲ διαφορᾶς αὐτοῖς γεναμένης χωρίζωνται ἀπ' ἀλλήλων, ἀποδότω ὁ δεῖνα τῇ δεῖνα τὰς τῆς φερνῆς δραχμὰς τοσαύτας—ἐν ἡμέραις τριάκοντα [2]).

Изъ сравненія видно, что какое-то отдаленное сходство между контрактами египетскимъ и греческимъ въ данномъ пунктѣ есть. Но, если слова египетскаго документа позволяютъ придти къ мысли о donatio ante nuptias, ибо, что это за приданое, которое дается женѣ мужемъ спустя 30 дней послѣ заключенія брака, то въ греческихъ ничего подобнаго нѣтъ. Оказывается впрочемъ, что и въ египетскомъ контрактѣ такой выводъ возможенъ только при чтеніи Ревильу. Такъ

---

[1]) *Revue Égyptologique*, I, 92.

[2]) Впрочемъ въ древнѣйшемъ изъ греческихъ брачныхъ контрактовъ, а именно въ Женевскомъ папирусѣ II вѣка до Р. Хр. (*Nicole*, Les papyrus de Genève, vol. I, fasc. 2, № 21) соотвѣтствующее мѣсто выражено такъ: ἐὰν δὲ Ἀρσινόη ἑκοῦσα βούληται ἀπαλλάττεσθαι, ἀποδότω Μενεκράτης αὐτῇ etc.

Максъ Мюллеръ въ своей книгѣ: Liebespoesie bei den alten Aegyptern (Leipzig, 1899), стр. 4, пр. 6 вм. soit au moment où je t'établirai comme femme, soit au moment où tu t'en iras de toi même читаетъ: wenn ich dich verstosse und du davongehst. Но, если относительно перевода Макса Мюллера можно думать, что на него повліяли до нѣкоторой степени греческіе брачные договоры, то отъ подобнаго подозрѣнія свободенъ Бругшъ, которому ни одинъ греческій Heiratsvertrag извѣстенъ не былъ. Между тѣмъ и онъ въ одномъ димотическомъ папирусѣ переводитъ соотвѣтствующее мѣсто такъ: indem ich dich verlasse [1]). Съ устраненіемъ глагола établir мемфитскіе папирусы во всей своей цѣльности (частности я оставляю въ сторонѣ) примыкаютъ къ греческимъ и никакого упоминанія о donatio ante nuptias найти въ нихъ нельзя. Остаются ѳивскіе. Однако, если Ревильу допускаетъ въ дешифровкѣ димотическихъ папирусовъ ошибки въ родѣ указанной, то нельзя ли предположить, что и въ ѳивскихъ вмѣсто je te donne нужно читать tu m'a donné. Во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока сами египтологи не пришли къ полному согласію, врядъ ли можно опираться на димотическіе брачные контракты.

Съ потерей своего главнаго довода теорія о donatio ante nuptias, что называется schwebt in der Luft. Тѣмъ не менѣе Миттейсомъ [2]) была сдѣлана недавно послѣдняя попытка защитить теорію и доказать, что она по прежнему приложима и къ Египту. Исходнымъ пунктомъ его доказательствъ послужилъ на этотъ разъ одинъ изъ Оксиринхскихъ папирусовъ, помѣщенный въ Oxyrh. Pap. II подъ № 267. Папирусъ представляетъ собой брачный договоръ между Трифономъ и Сараейсъ, заключенный въ 36 г. по Р. Хр. По этому договору Трифонъ удостовѣряетъ въ полученіи отъ Сараейсъ черезъ банкирскую контору Сарапіона 40 драхмъ серебромъ, далѣе 20 драхмъ за пару золотыхъ сережекъ, и 12 за цвѣтной хитонъ, т. е., въ общей сложности 72 драхмъ. Эти деньги Трифонъ обязуется возвратить Сараейсъ черезъ 5 мѣсяцевъ, а если онъ не отдастъ, то долженъ уплатить ей τὸ προκείμενον κεφάλαιον μεθ' ἡμιολίας.

'Εὰν δὲ ἀπαλλαγῶμεν—говорится дальше—ἀπ' ἀλλήλων, ἐξέσται σοι ἔχειν τὸ τῶν ἐνωτίων ζεῦγος ἐν τῇ ἴσῃ διατιμήσει. 'Επεὶ δὲ σύνεσμεν

---

[1]) *Brugsch*, Thesaurus inscript. aegyptiacarum etc., p. 1044. Здѣсь изданъ брачный контрактъ времени эѳіопскаго царя Harmâshis (II вѣка до Р. Хр.).

[2]) *Mitteis*, Neue Rechtsurkunden aus Oxyrhynchos. *Archiv für Papyrusforschung*, I, 348—349.

ἀγράφως προσομολογῶι ἐὰν ὡσαύτως ἐκ διαφορᾶς ἀπαλλαγῶμεν ἀπ' ἀλλήλων ἐνκόου σου οὔσης .... (конца нѣтъ).

Основываясь на этомъ папирусѣ, Миттейсъ говоритъ приблизительно слѣдующее: какъ видно изъ контракта, Трифонъ долженъ вернуть Сараейсъ полученныя имъ деньги по истеченіи 5 мѣсяцевъ, а въ случаѣ развода Сараейсъ имѣетъ право только на пару сережекъ. 72 драхмы, по мнѣнію Миттейса, не могутъ быть приданымъ, такъ какъ приданое при разводѣ должно возвращаться женѣ полностью. А слѣдовательно, что иное какъ не donatio ante nuptias можно усматривать здѣсь, когда часть яко бы полученныхъ мужемъ денегъ удерживается при разводѣ. Что же касается до пары сережекъ, то они представляютъ собой подарокъ prima pro nocte, который, во всякомъ случаѣ, оставался у жены.

На первый взглядъ это разсужденіе кажется вполнѣ убѣдительнымъ, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что Миттейсъ противорѣчитъ своему собственному теоретическому опредѣленію donatio. По словамъ Миттейса цѣль donatio ante nuptias на Востокѣ была, во-первыхъ, обезпечивать вдову, во-вторыхъ—жену въ случаѣ развода [1]). Итакъ, судя по этому опредѣленію, 72 драхмы, разъ онѣ дѣйствительно donatio ante nuptias, должны быть при разводѣ возвращены Сараейсъ. Но этого мы не видимъ. Правда, можетъ быть, существовали какіе-нибудь законы, ограничивающіе право полученія женой donatio ante nuptias въ случаѣ развода. Но самымъ древнимъ является для насъ законъ Θеодосія II [2]), по которому donatio не возвращается женѣ, разъ вина развода падаетъ на нее. Этотъ законъ былъ бы приложимъ къ нашему папирусу, если бы въ послѣднемъ была оговорка въ родѣ слѣдующей: „если ты покинешь меня сама, то ты получишь только пару сережекъ". Итакъ, въ нашемъ папирусѣ 72 драхмы, разъ онѣ donatio ante nuptias, должны быть отданы Сараейсъ при разводѣ. Между тѣмъ Миттейсъ видитъ доказательство того, что мы имѣемъ дѣло съ donatio именно въ фактѣ неполученія Сараейсъ всей суммы полностью. Надо сознаться, что контрактъ заключаетъ въ себѣ не мало трудностей. И дѣйствительно, если считать, какъ это дѣлаютъ Гренфелль и Гентъ (l. c., 240), 72 драхмы за приданое, кажется страннымъ, почему при разводѣ выдается не все приданое, а только пара сережекъ. Этотъ фактъ

---

[1]) *Mitteis*, Reichsrecht und Volksrecht, 301, а также 304.

[2]) *Mitteis*, l. c., 308.

выдѣленія сережекъ даетъ какъ будто нѣкоторое правдоподобіе объясненію Миттейса, но послѣднее противорѣчитъ теоретическому понятію о donatio, и вовсе не есть die schönste Bestätigung теоріи о donatio ante nuptias in dotem redacta для Египта. Такимъ образомъ, разобранный нами папирусъ является *пока* загадкой и не даетъ никакихъ преимуществъ ни послѣдователямъ теоріи о fictive Mitgift, ни ея противникамъ.

Сверхъ того въ папирусѣ есть еще кое-какія отличія, выдѣляющія его изъ группы другихъ брачныхъ договоровъ. Главное заключается въ фразѣ ἐπεὶ δὲ σύνεσμεν ἀλλήλοις ἀγράφως. Эта фраза указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ контрактомъ, касающимся такъ называемаго ἄγραφος γάμος [1]). Не въ этомъ ли фактѣ и заключается вся разгадка тѣхъ не поддающихся объясненію трудностей, которыя были указаны выше? Вполнѣ возможно, что ἄγραφος γάμος былъ предметомъ особыхъ законоположеній, намъ неизвѣстныхъ. А что наше предположеніе о существованіи такихъ законовъ заключаетъ въ себѣ долю истины, ясно изъ папируса Британскаго музея № 183 [2]), который представлялъ собой собраніе разныхъ касающихся брака узаконеній.

Къ сожалѣнію возстановить папирусъ нельзя, такъ какъ недостаетъ слишкомъ многаго. Сохранились только заглавія отдѣльныхъ законовъ: περὶ ἀδότου προικός, περὶ ἐγγυήτου, περὶ ἀγράφων (не γραφῶν, какъ Кеніонъ) γάμων, да нѣсколько отдѣльныхъ фразъ безъ начала и конца. Всего больше пострадалъ законъ περὶ ἀγράφων γάμων, отъ котораго осталось только заглавіе и слова: Ἔτους] ϑ Τραιανοῦ Καίσαρος.

Всѣ остальные дошедшіе до насъ брачные договоры касаются такъ называемаго ἔγγραφος γάμος. Ср. Oxyrh. Pap. II, 237, col. 7, lin. 12: εἰ δὲ καὶ ἔστιν τις (sc. νόμος), ἀλλ' οὐ πρὸς τὰς ἐξ ἐγγράφων γάμων γεγενημένας καὶ ἐγγράφως γεγ⟨αμ⟩ημένας, а также CPR. 18, 28: τοῦ μὲν Ἀμμωνίου εἰπόντος ἐξ ἐν[γ]ράφων γά|μων γεγο[νέ]ναι τὸν Ὠριγένην. Если мы сравнимъ эти договоры съ Oxyrh. Pap. 267, то увидимъ, что разница между первыми и послѣднимъ заключается въ слѣдующемъ: conditio sine qua non каждаго брачнаго контракта есть, во-первыхъ, слово φερνή, во-вторыхъ, своего рода стереотипная фраза, наиболѣе

---

[1]) О существованіи такого брака независимо отъ Oxyrh. Pap. 267 говоритъ CPR. 18, 30: τοῦ δὲ Ἀφροδισίου διαβεβαιωσαμένου ἐξ ἀγράφων γάμων αὐτὸν γεγενῆσθαι.

[2]) *Kenyon*, Catalogue of greek papyri in the British Museum, II, pl. 44. Папирусъ не изданъ въ транскрипціи.

полная форма которой такова: συμβιούτωσαν οὖν ἀλλήλοις οἱ γαμοῦντες ὅ τε δεῖνα καὶ ἡ δεῖνα ἀμέμπτως, τοῦ δεῖνα ἐπιχορηγοῦντος αὐτῇ τὰ δέοντα πάντα καὶ τὸν ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα ὅσα καθήκει γυναικὶ γαμετῇ κατὰ δύναμιν τοῦ βίου καὶ αὐτῆς δὲ δεῖνα ἄμεμπτον καὶ ἀκατηγόρητον ἑαυτὴν παρεχομένης ἐν τῇ συμβιώσει (CPR. I, 27). Ср. также CPR. 24; CPR. 25; CPR. 28. Въ болѣе сокращенномъ видѣ ту же формулу даютъ: CPR. 22; BGU. 183, 251 и 717, а также папирусъ Британскаго музея № 283 (см. выше) [1]. Въ Oxyrh. Pap. 267 нѣтъ ни φερνή, ни глагола ἐπιχορηγεῖν, по поводу котораго мы еще будемъ говорить ниже, ни выраженія γυνὴ γαμετή. Есть только удостовѣреніе въ полученіи 72 драхмъ, обязательство вернуть ихъ черезъ 5 мѣсяцевъ и прибавка σύνεσμεν ἀγράφως. Кромѣ Оксиринхскаго папируса есть еще одинъ документъ, который имѣетъ отношеніе къ ἄγραφος γάμος, а именно Луврскій папирусъ 13. Въ немъ также говорится о брачномъ сожительствѣ, ограниченномъ извѣстнымъ срокомъ, и сверхъ того упоминается объ обѣщаніи мужа женѣ составить въ теченіе года иной договоръ, до совершенія котораго обѣ стороны будутъ жить, какъ мужъ и жена (ὡς ἀνὴρ καὶ γυνή) [2].

Итакъ, ἄγραφος γάμος является договоромъ, заключаемымъ на извѣстный срокъ и состоящимъ во многихъ отношеніяхъ ниже ἔγγραφος, или согласно опредѣленію Миттейса [3]: ἔγγραφος γάμος ist die in solennem Ehekontrakt mit Zusage des ehelichen Zusammenlebens und Stipulationen über die Mitgift (und anderweitige Vermögensverhältnisse) bestätigte Verbindung, ἄγραφος γάμος eine vorläufige wenngleich urkundlich versicherte Verabredung, in welcher die beiden Teile keine dauernden Verpflichtungen auf sich nehmen.

Спрашивается теперь, для какой цѣли заключался ἄγραφος γάμος, когда была болѣе совершенная форма брачнаго сожительства въ видѣ ἔγγραφος? Обычное объясненіе таково: ἄγραφος γάμος имѣлъ чисто провизорный характеръ и, заключаясь на извѣстный срокъ, могъ затѣмъ по удостовѣреніи обѣихъ сторонъ во взаимномъ согласіи переходить въ ἔγγραφος. Этотъ срокъ, какъ мы видимъ изъ Oxyrh. Pap. 267,

---

[1]) Въ нѣсколько иномъ видѣ даетъ эту формулу Женевскій папирусъ № 21 (*Nicole*, Les papyrus de Genève, vol. I, fasc. 2) и Oxyrh. Pap. II, 256, строка 14 (стр. 237).

[2]) Papyrus du Louvre, 210 — 211. Подробно разбираютъ этотъ документъ: *Grenfell-Hunt*, The Oxyrh. Pap. II, 245, и *Mitteis*, Neue Rechtsurkunden aus Oxyrhynchos, 345—346. Ср. также *Wessely*, Studien etc., 66—67.

[3]) *Mitteis*, l. c., 346.

могъ продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, но съ другой стороны подобное сожительство тянулось иногда цѣлые годы. Такъ изъ приписки къ нашему папирусу мы узнаемъ, что Трифонъ вернулъ деньги Сараейсъ лишь по истеченіи 7 лѣтъ, фактъ, который легко объяснить предположеніемъ, что вмѣсто 5 мѣсяцевъ они жили въ ἄγραφος γάμος 7 лѣтъ, а затѣмъ перешли въ ἔγγραφος, ибо еще въ 59 г. по Р. Хр. находимъ ихъ живущими вмѣстѣ [1]). Съ другой стороны во многихъ контрактахъ послѣ фразы συμβιούτωσαν οὖν ἀλλήλοις οἱ γαμοῦντες мы находимъ выраженіе καθὼς προεγάμουσαν. Это выраженіе указываетъ на существовавшій раньше между брачущимися γάμος, который могъ быть только ἄγραφος. Разъ это такъ, мы въ нашихъ контрактахъ находимъ подтвержденіе того, что ἄγραφος γάμος часто переходилъ въ ἔγγραφος; съ другой же стороны папирусы показываютъ намъ, что ἄγραφος γάμος продолжался иногда десятки лѣтъ, прежде чѣмъ перейти въ ἔγγραφος. Такъ въ CPR. 28 брачущіеся имѣютъ уже 4 дѣтей; въ BGU. 183 сыну уже 23 года и онъ при заключеніи брачнаго договора между его матерью и отцомъ исполняетъ роль κύριος'а матери.

Другая обычная прибавка въ такихъ брачныхъ договорахъ заключается въ словахъ ὁμολογεῖ ὁ δεῖνα—τῇ προούσῃ καὶ συνούσῃ αὐτῷ γυναικί, въ противоположность тѣмъ контрактамъ, гдѣ заключенію ἔγγραφος γάμος не предшествовало иное брачное сожительство. Ср. CPR. 27: ὁμολογεῖ—ἔχειν—ἐπὶ τῇ ἐπιτροπευομένῃ αὐτοῦ Θαισαρίῳ Ἡρακλείδου παρθένῳ οὔσῃ или CPR. 24: ὁμολογεῖ — ἔχειν παρὰ τῆς Ἀφροδείτης ἐπὶ τῇ θυγατρὶ αὐτῆς etc.

Для какой цѣли обѣ стороны послѣ долголѣтняго ἄγραφος γάμος вступали въ законное сожительство? Врядъ ли всегда можно объяснять этотъ фактъ личными выгодами брачущихся. И дѣйствительно, если въ папирусѣ Британскаго музея № 283 нѣтъ упоминанія о дѣтяхъ, то изъ CPR. 28 [2]) мы видимъ, что лица, заключающія ἔγγραφος γάμος, имѣютъ уже 4 дѣтей, прижитыхъ раньше. Далѣе изъ того же папируса мы видимъ, что брачный договоръ занимаетъ въ немъ сравнительно незначительное мѣсто, тогда какъ бо̀льшая часть документа посвящена завѣщанію, въ которомъ родители, какъ мать, такъ и отецъ, дѣлятъ между дѣтьми принадлежа-

---

[1]) *Grenfell-Hunt*, l. c., 240 и 244. Иначе *Mitteis*, l. c., 349.

[2]) Здѣсь въ строкѣ 4 нужно послѣ συμβιούτωσαν οἱ γεγαμηκότες καθως дополнять προεγάμουσαν.

щее имъ имущество. Этотъ, правда, пока единичный фактъ (ср. впрочемъ BGU. 183) позволяетъ придти къ слѣдующему предположенію: переходъ ἄγραφος γάμος въ ἔγγραφος дѣлался отчасти для того, чтобы дать дѣтямъ право наслѣдовать отцовское имущество. Объ имуществѣ матери не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ оно, во всякомъ случаѣ, переходило къ дѣтямъ. См. Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, 238, а также 239: онъ приводитъ здѣсь примѣръ изъ жизни Ирода Аттика, о которомъ Филостратъ въ Vit. Soph. II, 1, 23 говоритъ слѣдующее: τελευτῶν δὲ τὰ μὲν μητρῶα αὐτῷ (т. е., сыну) ἀπέδωκεν, ἐς ἑτέρους δὲ κληρονόμους τὸν ἑαυτοῦ οἶκον μετέστησεν. Ср. также Луврскій папирусъ 13, гдѣ сынъ требуетъ возвращенія материнскаго имущества, на которое имѣетъ законное право и которымъ завладѣли наслѣдники его вотчима.

Обратимся теперь къ отмѣченной нами выше формулѣ ἐπιχορηγεῖν τὰ δέοντα πάντα καὶ τὸν ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα, ὅσα καθήκει γυναικὶ γαμετῇ, которая, являясь одной изъ отличительныхъ чертъ ἔγγραφος γάμος, даетъ поводъ еще разъ выступить противъ теоріи donatio ante nuptias. Для подкрѣпленія своей мысли о donatio ante nuptias, Миттейсъ—правда въ примѣчаніи—приводитъ еще одинъ, ничего не доказывающій фактъ, взятый изъ Oxyrh. Pap. II, 282 [1]). Папирусъ этотъ представляетъ собой жалобу, поданную стратигу Трифономъ на свою первую жену Димитрусъ за ея противозаконныя дѣйствія. Ἐπεχορήγησα αὐτῇ—говоритъ Трифонъ—τὰ ἑξῆς καὶ ὑπὲρ δύναμιν. Ἡ δὲ ἀλλότρια φρονήσασα ἐξῆλθε καὶ ἀπηνέγκατο τὰ ἡμέτερα—διὸ ἀξιῶ ἀχθῆναι ταύτην ἐπί σε ὅπως τύχῃ ὧν προσήκει καὶ ἀποδῶ τὰ ἡμέτερα; и далѣе: ἔστι δὲ τῶν ὀφειρημένων [.....] φαιον ἄξιον ς λα (конца нѣтъ). Приведя эти слова Миттейсъ говоритъ: „Der Schluss enthält das in lin. 7 angekündigte (ἐπεχορήγησα τὰ ἑξῆς) Verzeichniss seiner Brautgeschenke. Also hat er schon seiner ersten Frau solche gemacht“. Отсюда явствуетъ, что Миттейсъ въ словѣ ἐπιχορηγεῖν видитъ намекъ на Brautschenkung, на donatio ante nuptias. Но такое пониманіе невѣрно. Словомъ ἐπιχορηγεῖν Трифонъ намекаетъ только на тотъ фактъ, что онъ, живя со своей первой женой въ ἔγγραφος γάμος, выполнялъ по отношенію къ ней πάντα τὰ δέοντα ἐν τοῖς κατὰ τὴν συμβίωσιν χρόνοις, доставляя ей ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα, она же покинула его и унесла съ собой все то, на что имѣла право, *только* какъ жена. Слѣдовательно, никакого Brautschenkung здѣсь нѣтъ,—наоборотъ глаголъ

---

[1]) Neue Rechtsurkunden aus Oxyrhynchos, 350, прим. 1.

ἐπιχορηγεῖν позволяетъ придти къ слѣдующему вполнѣ вѣроятному предположенію.

Нужно ли, по примѣру Миттейса и Вессели, отыскивать въ греческихъ брачныхъ контрактахъ Египта donatio ante nuptias in dotem redacta, когда мы въ обѣщаніи мужа доставлять женѣ во время совмѣстной жизни πάντα τὰ δέοντα καὶ τὸν ἱματισμὸν καὶ τὰ ἄλλα ὅσα καθήκει γυναικὶ γαμετῇ имѣемъ уже своего рода форму обезпеченія, отчасти соотвѣтствующую donatio ante nuptias. И дѣйствительно, эта ἐπιχορηγία съ одной стороны есть какъ бы отвѣтъ на матеріальныя выгоды, приносимыя женой (ср. напримѣръ, папирусъ Британскаго музея № 283), а съ другой (какъ и donatio) не является настолько собственностью жены, чтобы оставаться въ ея рукахъ въ случаѣ добровольнаго ухода изъ дома мужа (ср. Oxyrh. Pap. II, 282).

Возможно, что съ теченіемъ времени, при постепенной потери Египтомъ своихъ культурныхъ особенностей, обычай donatio, по скольку онъ практиковался въ другихъ частяхъ Имперіи, вошелъ въ употребленіе и въ Египтѣ, но, во всякомъ случаѣ, первый ясный намекъ на это находимъ мы въ брачномъ договорѣ VI—VII вѣка (CPR. 30, строка 10), гдѣ выраженію donatio ante nuptias соотвѣтствуетъ греческое слово ἰσόπροικον. Въ брачныхъ же контрактахъ IV вѣка, о чемъ можно судить по одному папирусу изъ коллекціи В. С. Голенищева [1]), ничего подобнаго нѣтъ, хотя въ общемъ формулировка договора уже сильно разнится отъ той, которую видимъ мы въ брачныхъ документахъ болѣе ранняго періода.

Г. Церетели.

---

[1]) Къ сожалѣнію я не могу въ настоящее время издать этотъ папирусъ, такъ какъ располагаю слишкомъ наскоро сдѣланной копіей.

„НАЧАЛЬНИКИ ГРЕКОВЪ“.

Саисская эпоха египетской исторіи, это время водворенія грековъ въ долинѣ Нила, при обиліи памятниковъ искусства, дала намъ сравнительно немного туземныхъ источниковъ политической исторіи. Поэтому и наши свѣдѣнія о первыхъ греческихъ поселеніяхъ не отличаются надлежащей полнотой, почерпаясь почти исключительно изъ греческихъ источниковъ. При такихъ условіяхъ всякое указаніе современныхъ египетскихъ текстовъ, которое съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ можетъ быть отнесено къ данному вопросу, возбуждаетъ особенный интересъ изслѣдователя. Съ этой точки зрѣнія уже обратила на себя вниманіе надпись на ватиканскомъ базальтовомъ саркофагѣ саисскаго верховнаго жреца Іуфа по прозванію („rn nfr“) Ноферабра-Меринейтъ[1]). Ноферабра—первое имя Псаметика II; значитъ покойный родился при этомъ царѣ, и его дѣятельность относится уже ко времени Априса, къ VI в. На стѣнкѣ нижней части саркофага, вокругъ него, начертаны молитвенныя воззванія къ богинѣ Нутъ, въ которыхъ призывается эта мать Осириса къ своему новому сыну—покойному; послѣдній упоминается со всѣми своими титулами, какъ то: „князь“ (rpʿ—ḫʿ), „царскій казначей“, „единственный smr“, „настоятель саисскаго храма“ и наконецъ „mr smwt ḪA, wï—nbw“ т. е. „начальникъ странъ Хауи-Небу“. Какъ всѣмъ извѣстно, именемъ „Хауи-Небу“ (если только это условное чтеніе вѣрно) въ птолемеев-

[1]) Изд. и переведено у *Wiedemann*, Die Saitischen Monumente d. Vatikans. *Recueil de travaux relatifs à la phil. et l'archéol. Egypt.* VI, (1885), 117; *Marucchi*, Il Museo Egizio Vaticano, Roma, 1899, 16 сл. (см. критику *Pellegrini* въ XIII т. *Giornale della Societa Asiatica Italiana*); ср. *Mallet*, Les premiers établissements des Grecs en Egypte. *Mémoires de la Mission archéol. fr. au Caire*, XII, 115.

скую эпоху назывались греки въ іероглифическихъ текстахъ [1]). Въ классическомъ Египтѣ это загадочное имя имѣетъ болѣе общее значеніе, употребляясь для сѣверныхъ береговъ и острововъ Средиземнаго моря [2]). Что въ саисскую эпоху интересующій насъ терминъ уже получилъ спеціальное значеніе, на это у насъ есть указаніе въ единственномъ историческомъ текстѣ этой эпохи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова [3]), содержащемъ въ себѣ упоминаніе Хауи-Небу. Это— извѣстная въ достаточной степени надпись современника Априса Неси-Гора, которому пришлось имѣть дѣло съ бунтомъ наемниковъ, состоявшихъ изъ корпусовъ „Аму, Сати и Хауи-Небу“ [4]). Если первые два термина имѣютъ въ виду азіатовъ, то послѣдній, конечно, соотвѣтствуетъ іонянамъ и карійцамъ, составлявшимъ въ это время видную часть египетской арміи. Для этого новаго элемента долженъ былъ появиться опредѣленный терминъ, и египтяне, столь консервативные въ своей выработанной за нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ географической номенклатурѣ, остановились на томъ, который дѣйствительно

---

[1]) Мѣста собраны наиболѣе полно у *W. Max Müller*, Asien und Europa nach altägypt. Denkm., 25 сл.

[2]) ibid. 27 сл.

[3]) Т. е. до персидскаго завоеванія. Отъ саисской эпохи въ широкомъ смыслѣ у насъ есть еще два важныхъ текста, которые еще болѣе опредѣленно говорятъ о Хауи-Небу, какъ о грекахъ. Это, во-первыхъ, такъ называемая Неаполитанская плита, принадлежащая жрецу Самтауи-Тефнахту, одному изъ приверженцевъ персидскаго владычества, которыхъ Ѳукидидъ (I, 104) называетъ „οἱ μὴ ξυναποστάντες“ во время бунта Инара (?). Обращаясь къ богу Хнуму авторъ надписи говоритъ: „ты защитилъ меня въ войнѣ Хауи-Небу... Никто не поднялъ руки противъ меня. Когда водворилось спокойствіе, твое величество сказалъ мнѣ: „ступай въ Хененсу (Ираклеополь): я буду твоимъ проводникомъ по странамъ. Я былъ одинъ; я плылъ по Средиземному морю безъ страха, ибо думалъ о тебѣ. Такъ какъ я не преступилъ твоего завѣта, то прибылъ въ Хененсу, не потерявъ ни одного волоса съ головы“. Во время „войны грековъ“, т. е. возстанія противъ персовъ при помощи аѳинянъ(?), Тефнахтъ изъ своего города Ираклеополя бѣжитъ къ персидскому двору и потомъ, по умиротвореніи страны, возвращается. См. *Brugsch*, Geogr. Inschr. I, 58 Taf.; p. 40, Ср. *Krall*, *Aeg. Zeitschr.* 1878, 6 — 9. Другая надпись находится въ Вѣнѣ на статуѣ изъ чернаго камня хорошей работы саисскаго періода; въ концѣ ея читаемъ; „во время Хауи-Небу воззвалъ меня голосъ царя Тамери (=Египта), который меня любилъ“... Ороографія поздняя и памятникъ, вѣроятно, современенъ предыдущему и имѣетъ въ виду то же событіе. (*Bergmann*, Varia въ *Aeg. Zeitschr.* 1880, 51).

[4]) *Brugsch*, *Aeg. Zeitschr.* 1884, 94; *Maspero*, ibid.; *Widemaann*, ibid., 1878, 2; *Mallet*, o. c. 126 сл. и pass.

былъ наиболѣе подходящимъ, хотя при этомъ и забыли его настоящій этимологическій смыслъ.

Такимъ образомъ при Априсѣ мы находимъ египетскаго вельможу съ титуломъ „начальника странъ грековъ“. Что касается слова „странъ“, то въ египетскомъ языкѣ оно имѣетъ болѣе широкое значеніе и, примѣняясь исключительно къ иностранному, обозначаетъ не только области, но и народы. Впрочемъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ архаизмомъ; сочетаніе „земли Хауи-Небу“ было классическимъ въ египетской письменности. Но Мери-Нейти былъ не единственнымъ египтяниномъ, имѣвшимъ этотъ титулъ. Еще въ 1898 году Daressy издалъ [1]), среди многихъ другихъ списанныхъ имъ въ Египтѣ текстовъ, надписи на саркофагѣ нѣкоего Педисамтауи-Са-ра (т. е. „дарованный соединителемъ обѣихъ египетскихъ областей, сыномъ Ра“ [2]). Надписи эти состоятъ изъ повторяющихся на множествѣ саркофаговъ заупокойныхъ формулъ мало интересныхъ и написанныхъ, а можетъ быть изданныхъ безграмотно, а потому не возбудили вниманія ученыхъ. Между тѣмъ въ числѣ ихъ находятся двѣ параллельныя формулы, начертанныя на верхней части ящика; въ нихъ заключается ритуальное обращеніе къ покойному, названному единственный разъ полнымъ именемъ съ присоединеніемъ титула „mr Ḫwi-Nbu“ = „*начальникъ Хауи-Небу*“, т. е. уже безъ архаистическаго „странъ“.

Такимъ образомъ титулъ этотъ не стоитъ одиноко. Къ какому времени относится владѣлецъ второго? Отвѣтъ на это даютъ форма саркофага и имя покойнаго. Саркофагъ, по замѣчанію Daressy, „изъ сѣраго схиста антропоидной формы, очень широкій, съ очень плоской крышкой, напоминаетъ типъ саркофага Эшмуназара“; это отсылаетъ насъ ко второй половинѣ XXVI дин., къ періоду около времени персидскаго завоеванія [3]) т. е. другими словами, данный памятникъ близокъ по времени къ ватиканскому, также имѣющему антропоидную форму. Что касается имени покойнаго Педи-самтауи-(Са-Ра), то оно также указываетъ на эту эпоху, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ возможность сдѣлать одно не лишенное вѣроятія сопоставленіе. Саркофагъ найденъ у Хорбейта, т. е. древняго Pharbaetus. Въ 1882 г.

---

[1]) *Recueil de travaux* etc. XX, 78 сл.

[2]) Соединитель обѣихъ земель и „Сынъ-Ра“—обычные эпитеты фараона; такимъ образомъ здѣсь у насъ теофорное имя, производное отъ царскаго.

[3]) *Maspero*, *Rev. Arch.* 1887, 9—10.

E. Revillout издалъ [1]) интересную надпись, датированную 51 г. Псаметика I (513 г.) и повѣствующую объ основаніи богослужебнаго зданія нѣкимъ Падерпа, сыномъ Педи-Самтауи въ честь бога Горъ-Мерити, покровителя Фарбета. Принимая во вниманіе обычную въ египетскихъ семьяхъ наслѣдственность традиціонныхъ именъ и существованіе въ Дельтѣ въ позднія времена египетской культуры владѣтельныхъ фамилій, не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что владѣлецъ саркофага и основатель часовни принадлежали къ одному роду фарбетскихъ номарховъ [2]); возможно даже, что первый былъ сыномъ второго, такъ какъ у египтянъ называть сына по имени дѣда было весьма распространеннымъ обычаемъ. Сооруженіе богослужебныхъ зданій отъ своего имени было въ Египтѣ привилегіей только царей и знатныхъ владѣтельныхъ фамилій.

Какое значеніе имѣлъ титулъ „начальника грековъ“? Отвѣчать на этотъ вопросъ можно будетъ только по полученіи новаго матеріала, въ томъ счастливомъ случаѣ, если намъ удастся найти еще какихъ-либо носителей этого интереснаго титула. Пока приходится довольствоваться предположеніемъ, что онъ едва ли имѣлъ реальное значеніе [3]) и скорѣе служилъ лишней декораціей египетскихъ князей и вельможъ, стоявшихъ въ какихъ-либо отношеніяхъ [4]) къ греческимъ наемникамъ или колонистамъ.

Б. Тураевъ.

---

[1]) *Revue Égyptologique*, II, 32 сл.

[2]) Не указываетъ ли на это и второй титулъ Педисамтауи „начальникъ двухъ палатъ(?)“, параллельный „начальнику грековъ“ на верхней части саркофага?

[3]) *Mallet*, l. c. 116 держится другого мнѣнія, полагая, что „въ саисскую эпоху египетскіе чиновники изъ знатныхъ родовъ, занимавшіе весьма видные посты, могли имѣть надъ наемниками всѣхъ расъ высшую власть или какъ наблюдатели и просители, или какъ генералы и военачальники“. Это конечно такъ, но были ли спеціальные начальники греческихъ наемниковъ въ этомъ смыслѣ? Ссылка на Неси-Гора ничего не доказываетъ: онъ въ качествѣ губернатора Элефантины только старался объ усмиреніи бунта и не можетъ считаться „начальникомъ грековъ“ и вообще наемниковъ.

[4]) Хотя бы, напримѣръ, территоріальныхъ. Саисскій жрецъ и князь могъ вполнѣ естественно считаться титулярнымъ губернаторомъ Навкратида, а фарбейтскій номархъ-Стропедовъ и вообще Пелусійскаго рукава съ допущенными въ него греками.

СВИНЦОВЫЯ ТЕССЕРЫ.

I.

Къ исторіи домиціановскихъ легіоновъ.

Наибольшее число свинцовыхъ тессеръ римскаго времени, найденныхъ въ Римѣ и имѣющихъ офиціальный, а не частный характеръ, относится, какъ я доказалъ въ своей Etude sur les plombs antiques [1]), къ раздачамъ—*liberalitates* и *congiaria*—императоровъ по поводу самыхъ разнообразныхъ счастливыхъ событій въ жизни Рима или частной жизни императоровъ.

Значительное число раздачъ связано было, конечно, и съ побѣдами императоровъ надъ внѣшними врагами.

По своимъ типамъ тессеры, служившія для раздачъ, распадаются, и притомъ очень опредѣленно, на двѣ серіи: до Веспасіана и Тита; кончая ими, тессеры конгіаріевъ очень схожи съ монетами не столько въ типахъ и легендахъ, сколько въ болѣе важномъ признакѣ офиціальности памятниковъ—появленіи на нихъ головы императора, императрицы или члена императорской семьи. Серія этихъ портретовъ на тессерахъ, начинаясь съ Тиберія, тянется, какъ сказано, до Флавіевъ, и на Домиціанѣ прерывается. Только, въ видѣ исключенія, попадаются на отдѣльныхъ тессерахъ головы Адріана, Антонина и Карина. Начиная съ Домиціана, тессеры для конгіаріевъ либо ограничиваются надписями, либо изображеніями, имѣющими отношеніе къ поводу раздачи.

---

[1]) *M. Rostovtsew* et *M. Prou*, Catalogue des plombs... de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1900, 33 сл.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЕ

ЗНАКИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО и **НѢЖИНСКАГО** историко-филологическ. инст.; **ДЕМИДОВСКАГО** юридическ. Лицея; **ЛАЗАРЕВСКАГО** Института восточн. языковъ и **ВОСТОЧНАГО** института,

опубликованные въ

СОБРАНІИ УЗАКОНЕНІЙ

отъ 20-го февраля с. г. № 20,

высылаются наложеннымъ платежомъ.

Подробный *иллюстрированный* прейсъ-курантъ вышеупомянутымъ знакамъ высылается *безплатно*.

Кромѣ того имѣются: *университетскіе*, *докторскіе* и **всякіе другіе знаки всѣхъ вѣдомствъ, ордена, медали,** жетоны и т. п.

Адресъ—для заказ. *изъ провинціи*: **С.-Петербургъ, ЮРГЕНСЪ,** сел. Император. фарфоров. завода 27; для покупающихъ **лично** въ С.-Петербургѣ — **Дегтярный** переулокъ, № 1—8, кв. 12 (уголъ Бол. Болотной улицы, входъ съ Дегтярнаго).

Симъ честь имѣю довести до свѣдѣнія, что знаки Историко-Филологическаго Института, Демидовскаго Лицея, Лазаревскаго Института и Института восточныхъ языковъ имѣются въ большомъ запасѣ и высылаются по первому требованію немедленно, какъ нагрудные такъ и петличные цѣны коимъ:

Нагрудный	золотой наборн.	—	отъ	45 р.
„	сереб. „	—	„	15 „
„	„ штамп.	—	„	7 „
„	бронзовый	—	„	6 „
Петличный	золотой наборн.	—	„	16 „
„	сереб. „	—	„	8 „
„	„ штамп.	—	„	5 „
„	бронзовый	—	„	4 „

Высылаю наложеннымъ платежемъ.

Также изготовляю всевозможные знаки и жетоны скоро и дешево.

Мастерская брилліантовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, Спб., Невскій, пр., д. 10, кв. 9.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою ***Эдуардъ.***

3—2

НОВЫЙ УСТАВЪ

О

ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

съ законодательными мотивами, очеркомъ существенныхъ отличій отъ прежняго устава, разъясненіями Сената, инструкціями Министра Финансовъ, правилами объ обмѣнѣ бумаги и марокъ и подробнымъ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ.

ИЗДАНІЕ X.

Составилъ С.-Петербургскій нотаріусъ **А. Анисимовъ.**

Цѣна **1** р. **50** к., въ переплетѣ **1** р. **80** к.

Складъ въ юридическомъ книжномъ магазинѣ Мартынова, Невскій, 50.

2—1

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ СЕДЬМОЕ ИЗДАНІЕ

„ПИСЕМЪ КЪ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ О САМООБРАЗОВАНІИ“

Н. И. Карѣева.

Чистый доходъ отъ изданія поступитъ въ пользу Общества для вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета.

Цѣна книги **50** коп.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

СОЧИНЕНІЯ

Князя М. М. ЩЕРБАТОВА.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томы первый и второй.

Подъ редакціей *И. П. Хрущова* и *А. Г. Воронова*.

Изданіе *Б. С. Щербатова*. С.-Пб. 1901.

Цѣна 6 рублей.

Столб. 500 + 752 + 36 неп. + генеалогическія таблицы на особыхъ листахъ. Печатано въ количествѣ 300 экземпляровъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(12-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА".

„РУССКАЯ ШКОЛА" выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе **пятнадцати** печатныхъ листовъ каждая.

Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ руб.; съ доставкою—7 р. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою—ВОСЕМЬ руб.; заграницу—ДЕВЯТЬ руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за ШЕСТЬ рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1).

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

Типографія «В. С. Балашевъ и К°», Наб. Фонтанки, № 95.

2